

**ЛИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ.
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

КАЗИЕВ САТТАР ШАРНИЯЗОВИЧ

**СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ
ДОВЕРИЯ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КАЗАХСТАНЕ
(1917-1991 ГОДЫ)**

Специальность: 07.00.07. – этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор,
заведующий Центром изучения межэтнических отношений
М.Н. Губогло

Москва, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1 Основные проблемы межэтнических отношений в Казахстане в начале XX века.....	56
1.1 Повседневность межэтнических отношений: казахские кочевники, русские крестьяне и казаки в конце XIX - начале XX вв.	56
1.2 Обострение национального вопроса на рубеже XIX-XX вв.	81
1.3 Просветительское движение и этнонациональные проекты в дореволюционном Казахстане.....	125
2 Переломные годы: казахское национальное движение и большевики (1917-1920 гг.)	160
2.1 Поворот к этнонациональным основам и борьба интеллигенции за интересы казахского народа	160
2.2 Русская революция 1917 г. и альянсы недоверия	183
3 Нациестроительство и решение национального вопроса в Казахстане (1920-1928 гг.)	205
3.1 Начальные «вехи» решения национального вопроса (1920-1922 гг.) ...	205
3.2 Поиски доверия: основные направления национальной политики большевиков (1923-1928 гг.)	234
4 Советский проект модернизации наций: казахстанский вариант (1929-1940 гг.)	273
4.1 Национальная политика в контексте стратегии форсированной модернизации.....	273
4.2 В тени сталинской модернизации: национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане (1933-1940 гг.)	310

5 Победивший патриотический интернационализм: национально-политические процессы в Казахстане (1941-1953 гг.)	349
5.1 Народы Казахстана в Великой Отечественной войне советского народа и в послевоенный период	349
5.2 Парии, партнеры или конкуренты: особенности социальных адаптаций «наказанных» народов в Казахстане	378
6 Расцвет и упадок общности советских народов в Казахстане (1953-1991 гг.)	408
6.1 «Золотой период» интернационализма в Казахстане (1953-1978 гг.)	408
6.2 Кризис межэтнического доверия в казахстанском обществе (1978-1985 гг.)	433
6.3 Ослабление общности советских народов и проблемы межэтнического доверия в Казахстане (1985-1991 гг.)	460
Заключение.....	486
Библиография.....	495

ВВЕДЕНИЕ

В 1913 году казахский просветитель и один из основателей казахского национального движения А. Байтурсинов с тревогой наблюдал за обнищанием казахского населения, терявшего наиболее плодородные земли, передававшиеся переселенцам из европейской части страны. Он опасался повторения казахами судьбы американских индейцев и других колониальных народов, оказавшихся беспомощными перед лицом военной и культурной экспансии современной западной цивилизации. Он писал: «Судя по историческому ходу вещей нетрудно предугадать, что если, пришлый элемент окажется сильнее коренного населения, то последнее должно быть поглощено первым... Для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре... Никогда не нужно забывать, что на самостоятельную жизнь вправе претендовать только тот народ, который говорит на своем языке и имеет свою литературу» [Цит. по: Букейханов и др., 1985, с. 66].

Спустя 78 лет, 26 декабря 1991 года, Верховный Совет СССР принял декларацию о роспуске СССР. Во временном промежутке между 1913 и 1991 годами протекали процессы, связанные с революционным переустройством общества, сопровождавшиеся коренным изменением национальной политики по отношению к «иностранцам» народам. Советский проект решения национальных проблем был разработан с учетом наличия глубоких противоречий в социальном и экономическом развитии народов бывшей Российской империи. Советский проект вобрал в себя не только идеи большевистских вождей, в первую очередь Ленина и Сталина, но и установки этнонациональной интеллигенции, отражавшей чаяния национальных меньшинств на установление гражданского равноправия и справедливого решения их проблем.

В ходе реализации советской национальной политики впервые в мировой практике колониальные народы, именовавшиеся «иностранцами», «туземцами» и т.п., получили равноправный гражданский статус с жителями бывшей

метрополии. Национальным меньшинствам, обретшим статус «государствообразующих», были предоставлены широкие возможности реализации своих социальных и культурных запросов за счет перераспределения общесоюзных ресурсов. Не имела прецедентов политика коренизации, направленная на преодоление отчуждения нерусских народов через привлечение в государственное управление и внедрение местных языков в официальное делопроизводство. Культурная революция и социально-экономические преобразования способствовали модернизации советских народов. Трудно сказать о перспективности иных альтернатив реализованному советскому интегративному проекту. По крайней мере, ни наиболее дальновидным представителям русской интеллигенции и дореволюционной имперской власти, ни «буржуазным националистам» окраин не удалось решить национальный вопрос и объединить общество.

Сформированное советское общество уже не было разноязычным и поликонфессиональным конгломератом народом, скорее это было основой будущей гражданской нации, конструируемой советской национальной политикой, ориентированной на поддержку развития примордиальных этнических наций. В этом крылось трагическое неразрешенное противоречие, приведшее к кризису национальных отношений в период перестройки. Логика развития советского общества показывает, что, несмотря на периодические чистки и террор 1930-40-х годов, политика наращивания могущества политической этничности (нормативного этнонационализма по С.В. Чешко) титульных наций способствовала росту их претензий на контроль над местными ресурсами в 1970-80-е годы под предлогом продолжения аутентичной «ленинской политики» в национальном вопросе.

Исчезновение с геополитической карты великой державы, впервые продемонстрировавшей миру возможность решения национального вопроса на основе справедливости, помощи отсталым народам, значительно отбросило социально-экономическое и культурное развитие на территории бывшего СССР. В 1991 году один из основоположников миросистемного анализа И. Валлерстайн

удивлялся навязчивому стремлению поздней советской элиты войти в «клуб» избранных рыночных держав за счет сдачи Советского Союза, предупреждая о грядущем скатывании государств-«наследниц» на уровень сырьевой периферии [Дерлугьян, 2006, с. 14]. С этого времени прошло более двух десятков лет. Экономика постсоветских государств действительно приобрели необратимо сырьевой характер, серьезно деградировало сельское хозяйство, народное образование. Большинство граждан независимых государств оказались лишены доступа к социальным «лифтам», ранее возносившим детей крестьян и рабочих к высотам управления. Желанное для национальной интеллигенции «золотое время» этнократии оказалось временем утраты межэтнического доверия и обострения конфликтов, зачастую внутри самих титульных наций (ярким примером может служить Таджикистан).

В Казахстане после распада СССР население столкнулось с острейшим социально-экономическим и демографическим кризисом, обострением межэтнических отношений и ростом социального и политического недоверия и отчуждения. Уже в 1995 году Казахстан оказался на 93 месте по индексу человеческого развития (для сравнения в 1991 г. был на 54 месте) [В России обсуждают феномен Казахстана, 1998, с. 4]. Практически были ликвидированы высокотехнологичные сектора в индустриальном производстве, острый кризис, вполне сопоставимый по своим последствиям с коллективизацией, поразил сельское хозяйство. Миллионы людей за последние двадцать лет в поисках стабильности и защищенности покинули Казахстан.

В поисках моделей новой межэтнической интеграции и формирования казахстанской нации политическое руководство учитывало положительный опыт советской национальной политики. Так, созданием Ассамблеи народов Казахстана были поддержаны изначальные чувства этнических меньшинств республики для успешного конструирования казахстанской гражданской нации. Провозглашенная в декабре 2012 года стратегическая цель «Одна Страна, один Народ», требует внимательного изучения складывания исторических предпосылок новой межэтнической интеграции еще в советский период.

Исследованность многих вопросов советской национальной политики в Казахстане остается недостаточной. К тому же, многие публикации по данной проблеме носят конъюнктурный характер, выдержаны в жанре «страданий и общенародного сопротивления», что является серьезным искажением исторического прошлого, в котором преобладало партнерство и сотрудничество, доверие к советской власти.

В Казахстане проблема изучения истории национальной политики и межэтнических отношений весьма актуальна. После распада Советского Союза из нового независимого государства выехали миллионы граждан европейских национальностей, по разным причинам социально-экономического или психологического характера отказавшихся от интеграции в новое сообщество, предпочитая сохранить связь с условной «исторической Родиной». Хотя миграция миллионов выезжавших славян и немцев была в значительной мере вызвана коллапсом индустриального сектора казахстанской экономики, немаловажную роль сыграла утрата межэтнического доверия в обществе.

Актуальность изучения советской национальной политики усиливается в связи с ведущимися в казахстанском обществе дискуссиями по поводу казахстанской нации. За двадцать лет существования независимого Казахстана в этнополитическую стратегию руководством страны были внесены существенные изменения и провозглашен курс на формирование гражданской казахстанской нации, однако «очарование» примордиального редукционизма весьма сильно укоренено в сознании людей. У сторонников «нации почвы и крови» есть достаточно широкая социальная поддержка, но следует отметить, что не менее сильной является осознание населением чувства общегражданского единства. По материалам этносоциологических исследований 2010 г. чуть больше половины опрошенных казахов (53,2 %) полагали, что граждане всех национальностей должны составлять единую казахстанскую нацию. Треть опрошенных казахов была убеждена, что все граждане РК должны составлять казахскую нацию на основе казахского языка и казахской культуры, еще 13 % респондентов затруднились ответить на вопрос [Мухамеджанов, Жусупова, 2010, с. 50]. По

мнению казахстанских социологов: «у программы построения единой гражданской нации сохраняются определенные ограничения, обусловленные отсутствием в обществе разделяемого большинством полиэтничного населения консенсуса по вопросу базы объединения» [Мухамеджанов, Жусупова, 2010, с. 78]. Отсутствие в обществе межэтнического доверия создает серьезные препятствия для гражданской консолидации казахстанского общества.

Исследование межэтнических отношений в Казахстане должно привлечь внимание к проблеме взаимосвязи национальной политики с практикой межэтнического партнерства и доверительности. Следует изучить положительные и негативные последствия тех или иных мероприятий советской власти при решении национального вопроса для выработки мер, направленных на преодоление социально-политического отчуждения неказахского населения. В частности, мог бы быть использован опыт позитивной дискриминации, проведенной в ходе коренизации 1920-30-х годов. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью объективного переосмысления исторического опыта советской национальной политики в контексте формирования доверия в межэтнических отношениях, что являлось залогом успеха интеграции советского общества. Результаты исследования могут быть использованы в анализе проблем формирования казахстанской политической нации.

Изучение истории национальной политики Советского государства и межэтнических отношений в Казахстане имеет давние традиции. Историкографические дискурсы отражают сущностные черты этнополитического и этносоциального развития социума во времени, они дают возможность понять существовавшие социальные и политические установки власти и общества. С допуском условности можно выделить пять периодов историкографического изучения этнополитических процессов в Казахстане в XX веке: первый этап – 1920 - первая половина 1930-х гг.; второй этап – конец 1930-х-начало 1950-х гг.; третий этап – конец 1950-начало 1980-х гг.; четвертый этап – вторая половина 1980-х - 1991 гг.; пятый этап – 1991 г. и до наших дней. Каждый из этапов имеет

отличительные особенности в подходах, что связано с изменениями в национальной политике и степенью изученности проблемы межэтнических отношений.

На первом этапе (1920 - первая половина 1930-х годов) изучение национальной политики и межэтнических отношений носило прикладной характер. В публикациях тех лет уделялось внимание главным образом положению коренного населения Центральной Азии в дореволюционный период, разоблачались с определенного времени (с 1925 г.) деятели алашевского движения, разрабатывались рекомендации к таким аспектам национальной политики, как земельно-водная реформа начала 1920-х годов, коренизация и советизация казахского аула. Национальная проблематика систематически освещалась в журналах «Большевик Казахстана», «Советский аул», в газете «Советская степь». Не обходили вниманием республику и центральные издания, такие как «Революция и национальность», «Большевик», «Жизнь национальностей».

После революции и гражданской войны практически отсутствовал слой дореволюционной интеллигенции, ранее активно изучавшей проблемы развития национальных меньшинств Российской империи. Основную часть исследователей составляли партийные и государственные функционеры, непосредственно принимавшие участие в установлении Советской власти в Центральной Азии. В 1920-30-е годы они занялись социальным преобразованием региона, включая решение национального вопроса. Среди них особо следует выделить Т. Рыскулова, С.Д. Асфендиарова, Н. Нурмакова и С. Садвокасова. Их взгляды отражали установки «национал-коммунистов» на национальную проблему. Видный большевистский деятель Т. Рыскулов представлял ту часть мусульманских коммунистов, которая считала возможным создание общетюркской национальной государственности, объединяющей «угнетенные коренные народы» Центральной Азии. Т. Рыскулов считал коренное население Туркестана единым народом и предлагал создать Туркестанскую национальную республику [См.: Устинов, 1996, с. 162]. Другие лидеры «национальных

коммунистов», С. Садвокасов и Н. Нурмаков, ориентировались на поддержку казахской национальной государственности и постепенную модернизацию казахского этноса.

Официальную партийную линию развивали в своих трудах Ф.И. Голощекин, И. Курамысов, У.Д. Исаев, Т. Жургенев, Г.С. Тогжанов, И. Кабулов, М. Ряднин. Наиболее отчетливо изменения в национальной политике прослеживаются в публикациях руководителя краевой партийной организации второй половины 1920-х по 1932 годы Ф.И. Голощекина. Видный большевистский деятель рьяно отстаивал сталинское видение национальных проблем и всецело поддерживал курс на форсированную модернизацию в Казахстане. Это привело к конфликтам с казахскими «национал-уклонистами», не согласными с его утверждениями о том, что «казахский аул не затронут Октябрем», что «до 1925 года аульные массы не получили того, что ставилось задачами Октябрьской революции» [Голощекин, 1932, с 191]. Среди казахских высокопоставленных коммунистов этой же генеральной линии придерживался И. Курамысов, который писал: «Октябрь пронесся мимо казахского аула» [Курамысов, 1933, с. 15]. Другой голощекинский сподвижник Г.С. Тогжанов считал традиционный казахский аул анахронизмом, сдерживающим советизацию и социальный прогресс казахского аула. Тогжанов обвинял казахских коммунистов в увлечении идеями алашевской интеллигенции, представителей которой они считали «честными националистами» [Тогжанов, 1927; Тогжанов, 1932; Тогжанов, 1934].

Ряд работ, написанных в 1920-30-е годы, был посвящен политике коренизации в Казахстане. Б.Н. Родневич, М. Ряднин и В.И. Беляков в своих публикациях приводят интересный фактический материал по проведению в жизнь мероприятий советской власти. Они писали о трудностях создания в отсталой республике современного управленческого аппарата, максимально приближенного к местному населению, не обходят вниманием вопросы регулирования межэтнических конфликтов [Беляков, 1927; Ряднин, 1928; Родневич, 1931]. Данный круг публицистических источников отражает позицию

тогдашнего краевого руководства, ориентированного на борьбу с этнонационализмом, ликвидацию кочевого хозяйства и слом традиционных социальных институтов казахского общества. Ценность этих работ, носящих в основном пропагандистский характер, в том, что их авторы были реальными проводниками официальной линии в национальной политике. В целом, покровительственная политика по отношению к «националам» в 1920-е годы способствовала открытости дискуссий того времени.

Во второй половине 1930-х годов исследования национальной политики носили несистемный характер. После седентеризации и коллективизации казахского аула и разгрома «национал-уклонистов» национальный вопрос считался решенным. В годы «Великого террора» видные деятели из числа алашевцев и лидеры казахских «национал-коммунистов» (Н. Нурмаков, Т. Рыскулов, С. Садвокасов) и их оппоненты (Ф.И. Голощекин, У.Д. Исаев, И. Курамысов, М. Ряднин, Г.С. Тогжанов) были репрессированы, а их публикации замалчивались. Труды по национальному вопросу представителей дореволюционной интеллигенции, оппозиционно настроенной по отношению к Советскому государству (А. Букейханов, А. Байтурсынов, А.З. Валидов, М. Чокаев и др.), стали доступны лишь в начале 1990-х годов.

Основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении социально-экономических преобразований в казахском ауле и русской деревне. Центральное место занимало изучение оседания и коллективизации казахского аула. Исследовательский подход был строго выверен с генеральной партийной линией, сводившейся к доказательству правильности курса на коренные социалистические преобразования и слом прежнего кочевого образа жизни. С. Брайнин в 1940 г. в своем обзоре по национальным процессам в Казахстане, писал об отсутствии подлинных Советов в казахском ауле [Брайнин, 1940].

В 1940-е первой половине 1950-х годов происходит формирование в Казахстане профессиональных кадров историков. Большую помощь в становлении казахстанской исторической науки и поддержке молодых казахских историков сыграли эвакуированные в Казахстан видные ученые:

А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, А.П. Кучкин, М.П. Вяткин и Я.Я. Зутис. В 1943 году авторским коллективом, возглавляемым А.М. Панкратовой, была подготовлена первая обобщающая работа «История Казахской ССР». Авторский коллектив, включавший видных союзных ученых и молодых местных историков, подвергся остракизму со стороны «национал-большевистски» настроенных историков (А.И. Яковлев, С.К. Бушуев, Х.Г. Аджемян, М.А. Морозов) за недостаточный показ классового расслоения казахского общества накануне преобразований 1920-30-х годов и приукрашивание патриархально-феодалных отношений в казахском ауле [О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР», 1945, с. 49-51; Бранденберг, 2011, с. 344-351].

Наряду с историческими исследованиями, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. появляются работы юристов – государствоведов, посвященные вопросам национально-государственного строительства в Казахстане. В 1945 году в Секторе права Казахского филиала АН СССР была защищена кандидатская диссертация М.С. Сапаргалиева «Создание Советской автономии Казахстана (1918–1920 гг.)», рекомендованная к изданию. В начале 1950-х годов отдельными вопросами нациестроительства занимались М.С. Сапаргалиев, М.А. Биндер, К.Ф. Котов, С.Н. Савицкий [Сапаргалиев М.С., 1950, с. 10–29; Сапаргалиев М.С., 1947, с. 18–24; Биндер, 1951, с. 3–12; Котов, 1955, с. 37–42].

В 1951 г. была защищена кандидатская диссертация К.Ф. Котова «Коренизация советского государственного аппарата в Казахстане (1920-1936 годы)». К.Ф. Котов отождествлял коренизацию с этнизацией управленческого аппарата. Политика коренизации, по мнению ученого, представляла собой «систему мероприятий: введение местного языка в делопроизводство советского государственного аппарата, подготовку национальных кадров и обучение языку коренной национальности русских, вовлечение трудящихся масс в социалистическое строительство и государственное управление» [Котов, 1951, с. 5-6]. Исследование К.Ф. Котова заложило основу изучения политики коренизации в последующем. В целом, историко-правовые труды этого периода определили дальнейшее развитие казахстанского государствоведения.

Среди исторических исследований следует выделить научные изыскания А.Н. Нусупбекова, С.Н. Покровского и В.К. Савосько [Нусупбеков, 1953; Покровский, 1951; Савосько, 1951].

Интерес представляет исследование В.К. Савосько, посвященное вопросам преобразования Казахстана из автономии в союзную республику. По мнению Савосько, повышение статуса казахской государственности было связано с социально-экономическим прогрессом казахского народа, благодаря которому республика стала отвечать основным сталинским критериям статуса союзной республики:

1. республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР;
2. коренная нация составляла большинство;
3. республика была значительной по территории и численности населения [Савосько, 1951, с. 36].

Межэтнические конфликты в период национально-государственного строительства 1920-х годов и проблемы социальных преобразований 1930-х годов, в том числе «перегибов» землеустроительной кампании первой половины 1920-х годов, были затронуты в работе С.Н. Покровского «Образование Казахской ССР», увидевшей свет в 1951 году. В целом, работа носила общий характер, С.Н. Покровский переоценивал классовые антагонизмы в казахском ауле, национальная политика была сведена к ликвидации отсталости казахского народа. В 1950 и в 1954 годах вышли статьи известного советского ученого А.П. Кучкина, затрагивавшие ликвидацию байских хозяйств и решение Советским государством земельного вопроса в Казахстане в 1925-27 годах [Кучкин, 1950, с. 67-79; Кучкин, 1954, с. 25-34].

Несмотря на существенные ограничения в рассмотрении национальных процессов, конец 1930-х - середина 50-х годов можно назвать периодом профессионализации исторической науки, базировавшейся на деятельности двух ведущих и координирующих научных центров - Института истории партии при

ЦК Компартии Казахстана и Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова.

Третий историографический этап начался с хрущевской «оттепелью» (середина 1950-х — середина 1960-х годов) и продолжился вплоть до начала 1980-х годов. В период относительной либерализации рубежа 1950-60-х годов советскими государствоведами был выдвинут тезис, согласно которому развитие СССР как союзного государства и дальнейшее решение национальных проблем должно было идти по пути дальнейшего повышения статуса национальных республик и наделение их новыми прерогативами [Лепешкин, 1961, с. 122-123, 161]. В казахстанском государствоведении вопросы образования и развития Советского Казахстана как автономного и союзного образования освещались в трудах М.С. Сапаргалиева, С.С. Сартаева и С.З. Зиманова, вопросами коренизации занимался К.Ф. Котов.

Внесенные коррективы в национальную политику значительно расширили спектр изучаемых вопросов и внесли относительную свободу дискуссий. В эти годы появляются исследования, посвященные сугубо национальной политике Советского государства и национальной проблематике в Казахстане. В научных изысканиях А.Ф. Абояна, С. Баишева, Г.Ф. Дахшлейгера, С.З. Зиманова, Н.К. Кийкбаева, А. Кульбаева, Г.К. Тайманова и др. раскрывались сложности, возникшие в результате обострения межэтнических отношений из-за преференций в очередности землеустройства, коренизации аппарата. Ученые уделили внимание негативным последствиям принудительной седентеризации и коллективизации казахского аула [См. подробнее: Абоян, 1966; Баишев, 1960; Баишев, 1961; Дахшлейгер, 1965; Дахшлейгер, 1969, с. 131-150; Дахшлейгер, 1978; Ержанов, 1969; Зиманов, 1970; Зиманов, 1971; Кийкбаев, 1971].

Н.К. Кийкбаевым был специально изучен процесс трансформации казахского этноса в казахскую социалистическую нацию. Н.К. Кийкбаев выделил три фазы перехода: 1) 1920-1927 гг. — период создания предпосылок для консолидации казахов в социалистическую нацию в рамках единой национальной государственности; 2) 1927-1936 годы — период окончательного формирования

казахской социалистической нации; 3) завершающий период, характеризующийся расцветом казахской нации и сближением с другими братскими социалистическими нациями [Кийкбаев, 1957, с. 6-10]

В историографии 1960 - начала 80-х годов центральное место заняла тематика ленинской национальной политики. Подавляющее большинство публикаций было посвящено личному вкладу Ленина в строительство и развитие казахской национальной государственности, без упоминаний имени Сталина - главного теоретика и «архитектора» политики нациестроительства в СССР [Баишев, 1960; Баишев, 1969; Бейсембаев, 1968; Бейсембаев С.Б., 1970; Зиманов, 1970; Покровский, 1970]. В историографии того времени считалось, что ленинская национальная политика была в полной мере реализована в Казахстане.

А.П. Кучкин в фундаментальной работе «Советизация казахского аула. 1926-1929 годы» сделал вывод о правильности сталинского поворота в национальной политике второй половины 1920-х годов и безальтернативности сталинской модели форсированной модернизации советского общества. А.П. Кучкин положительно оценил работу краевого руководства по борьбе с национальным «уклоном» и «пережитками патриархально-родовых отношений», препятствовавших советизации казахского аула [См.: Кучкин, 1962].

Позиция А.П. Кучкина вызвала критику со стороны казахстанских историков. Г.Ф. Дахшлейгер указывал на ошибочность воззрений как «национал-коммунистов», так и голощекинского окружения на природу социальных преобразований Советского государства. Г.Ф. Дахшлейгер отмечал радикализм и волюнтаризм подхода Голощекина, считавшего, что казахский аул не был затронут революционными преобразованиями. В то же время Г.Ф. Дахшлейгер полагал, что взгляды «национал-коммунистов», пытавшихся не допустить разжигания классовой войны в казахском ауле и призывавших к «классовому миру», объективно были на руку байству [Дахшлейгер, 1969, с. 42-44]. Исключительное значение, по мнению казахстанского историка, имело оседание казахского аула, способствовавшего цивилизационному переустройству казахского общества, разрыву с пережитками прошлого и прямому переходу к

новому обществу: «Оседание - важная специфическая черта процесса некапиталистического пути развития казахского народа. Это, пользуясь ленинской формулой, - одно из переходных, посредствующих звеньев в разрешении исторической задачи перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. Оседание проходило при прямой помощи русского рабочего класса, Советского государства. Оно направлялось, руководилось Коммунистической партией, настойчиво изыскивавшей наиболее эффективные средства, меры для его ускорения. Но при всем этом казахский народ свободно решал вопрос - за оседлость, против кочевничества, на собственном опыте осознав преимущества оседлости» [Дахшлейгер, 1966, с. 23].

Большой вклад в изучение национальных процессов внесли этнодемографы. Из исследований, посвященных проблеме взаимосвязи национальной политики и динамики народонаселения, следует выделить работы А.Б. Галиева и Н.И. Платунова. Заслуживают внимания выводы Платунова об усилении тенденций кочевания казахского населения после проведения аграрной реформы 1921-22 годов, ставшей одной из причин возникновения голода начала 1930-х годов [Платунов, 1976, с. 249-250].

В 1970-80-е годы проблемами межэтнических отношений занимались также социальные философы, определявшие основные направления изучения функционирования «универсальной лаборатории дружбы народов». Казахстанские философы – нациологи (Н.Д. Джандильдин, М.М. Сужиков, Г.В. Малинин) исследовали «диалектику национального и интернационального в социалистическом обществе», процессы сближения народов Казахстана и становление местной региональной общности. В отношении подобного рода социально-философских исследований А.П. Ненароков отмечал непомерно большое внимание к «абстрактным рассуждениям о диалектике и основных тенденциях в развитии наций и народностей», вытеснившим конкретную историю [Ненароков, 1991, с. 42].

Из этнографических исследований следует отметить работы секретаря по идеологии ЦК Компартии Казахстана М.М. Сужикова, изучавшего

этнодемографические процессы, социальный прогресс казахского народа, социальную стратификацию общества и динамику межэтнических отношений с философской точки зрения, с применением «конкретных социально-прикладных» методов [Сужиков, 1959; Сужиков, Демаков, 1974; Сужиков, 1981]. М.М. Сужиков и Г.А. Демаков в работе «Влияние подвижности населения на сближение наций» (1974 г.) подвели философское обоснование «миграции населения, предполагающее как раскрытие общеметодологических проблем, так и изучение влияния миграции на различные стороны социальной жизни» [Сужиков, Демаков, 1974, с. 6]. М.М. Сужиков и Г.А. Демаков доказывали на казахстанском примере, что рост многонациональности населения означает углубление процесса сближения советских наций, проигнорировав рост межэтнической конкуренции за наиболее престижные социальные «ниши». Интерес представляют выкладки авторов по этническому представительству в составе студенчества, учащихся средних специальных учебных заведения и рабочего класса в 1960-70-е годы. Ученые отмечали усиленный приток казахской молодежи в вузы и падение удельного веса казахов среди рабочих с 1937 по 1959 годы с 52 до 19 %, объясняемый практикой союзных ведомств по завозу рабочей силы из РСФСР [Сужиков, Демаков, 1974, с. 98]. Ученые широко использовали в своем исследовании материалы социологических исследований, проведенных среди рабочих Балхашского металлургического комбината. Было выявлено, что 83 % балхашских рабочих предпочтения отдают «советским» явлениям быта, традиции и обычаев [Сужиков, Демаков, 1974, с. 182]. На основе эмпирических исследований М.М. Сужиков и Г.А. Демаков сделали вывод: «Все советские нации становятся все более однородными в социальном отношении..., едиными духовно и материально. Если раньше у представителей каждой нации на первый план выступали национальные особенности, то с победой социализма все больше и больше стали проявляться интернациональные черты их духовного облика» [Сужиков, Демаков, 1974, с. 198].

В 1970-80-е годы начинается этносоциологическое исследование казахстанского социума, нашедшее отражение в трудах М.С. Аженова,

Х. Абжанова, Б.Н. Абишева, М.Х. Асылбекова, С.Б. Нурмухамедова, Н.Р. Пана, В.П. Гноевых, Г.У. Джандосова, В.И. Зорина, Н.Ю. Тастанова и других авторов [См.: Абжанов, 1988; Аженов, 1973; Асылбеков, 1970; Гноевых, 1977; Зорин, 1972; Тастанов, 1975].

В 1973 году М.С. Аженов опубликовал работу «Изменения социально-классовой структуры Казахстана в процессе коммунистического строительства», написанной на основе материалов Всесоюзных переписей и данных социологических опросов, проведенных на промышленных предприятиях Гурьевской области. Большое внимание М.С. Аженов уделил динамике развития групп рабочего класса в этническом «разрезе». По наблюдениям Аженова, значительную долю среди занятого населения составляли малоквалифицированные рабочие с низким уровнем образования, в основном из числа казахов.

Особый интерес представляют исследования, посвященные становлению казахской советской интеллигенции. Ш.Ю. Тастанов показал уникальность советского опыта модернизации ранее отсталых народов и создания кадров национальной интеллигенции. По расчетам Тастанова, численность докторов наук в Казахстане за 1960-80-е годы увеличилась в 4,5 раза, со 157 до 713 человек; число кандидатов наук в 6,3 раза, с 2132 до 11214 человек [Тастанов, 1982, с. 175-176].

Х.М. Абжанов выделил два этапа истории формирования сельской интеллигенции в послевоенное время. На протяжении первого этапа (1946-1970 гг.) завершился процесс создания интеллигенции в Казахстане как особой социально-классовой группы, на втором (1971-1985 гг.) - происходит развитие интеллигенции. Х.М. Абжанов, исследовав процесс становления казахской сельской интеллигенции, отметил значительное падение в 1960-80-е годы удельного веса массовой и рост производственно-технической сельскохозяйственной казахской интеллигенции. С 1961 по 1985 годы доля агрономов, ветеринаров, товароведов из числа казахов выросла с 46,8 % до 59,9 % [Абжанов, 1988, с. 78]. По мнению Р.М. Жумашева, исследователь, предлагая

такую периодизацию, сознательно подогнал ее под хронологические рамки собственного исследования: «... не совсем правомерно было бы вовсе не упоминать довоенный период. Известно, что именно в довоенные годы были заложены основы колхозно-совхозного строя по всей стране. В эти же годы сформировался управленческий, ветеринарный, агрономический и зоотехнический корпуса аграрной интеллигенции Казахстана. И материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. зафиксировали процесс становления сельской интеллигенции Казахстана уже в довоенные годы» [Жумашев, 2006, с. 46-56].

Заметный след в историко-правовой науке Казахстана оставил академик С.З. Зиманов, труды которого задали высокий научный уровень исследованиям в области национально-государственного строительства в СССР, номадоведения, политической и интеллектуальной истории казахов. В своих исследованиях С.З. Зиманову удалось воссоздать картину сложных историко-политических процессов, показать социальную реальность в Казахстане и в других республиках Центральной Азии до и после революции 1917 года в России, особенности процесса формирования национальных республик. Зиманов показал полемику между большевистскими вождями и лидерами национальных движений по вопросам административно-территориального устройства будущих республик (См.: «Ленин и национальная государственность в Казахстане»; «Некоторые вопросы теории советской национальной государственности», «От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве», «Россия и Букеевское ханство», «Теория и практика автономизации в СССР», в соавторстве - «Казахский революционный комитет», «Политические взгляды Ч. Валиханова», «Советская национальная государственность и сближение наций», «Теоретические вопросы Советского национально-государственного строительства», «Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина»).

С.З. Зиманов высоко оценивал достижения советской национальной политики, позволившей урегулировать на определенных условиях национальные отношения и укрепить единство страны. «Смысл и назначение национально-

автономного строительства, - пишет Зиманов, - в масштабе страны в целом и в рамках союзных и автономных республик заключались в оптимизации осуществления программных целей Советской власти в сфере национальных отношений. Эти цели состояли в укреплении федеративного союза, увеличении вклада каждой автономии в ускоренное развитие страны, обеспечении рамочного экономического и культурного прогресса наций и в нивелировании и интернационализации их жизни» [Зиманов, 1998, с. 44]. Тем самым, интенсивное развитие автономий в 1920-е годы в дальнейшем высвобождало ресурсы союзного Центра, использованные для развития военно-промышленного комплекса и тяжелого машиностроения, размещенных на территории основных ресурсных «доноров» - РСФСР и Украины. Интересна идея С.З. Зиманова об особой советской модели решения национального вопроса: «Разная по формам система национальных автономий олицетворяла решение национального вопроса по советской модели, до поры до времени обеспечивала «гармонию» в национальных отношениях и устойчивость многонационального государства» [Зиманов, 1998, с. 44]. Научным трудам С.З. Зиманова, Г.Ф. Дахшлейгера, К. Нурпеисова свойственен объективизм и научная фундированность, что выгодно отличает их от ряда конъюнктурных работ казахстанских историков более позднего периода.

Рубеж 1980-90-х годов характеризуется всплеском интереса к изучению национальных отношений. Наиболее изучаемой становится тематика насильственных социально-экономических преобразований в казахском ауле, повлекших тотальный голод и бегство казахов за пределы республики, и история народонаселения Казахстана. По подсчетам казахстанских историков и демографов «ценой» за сталинскую модернизацию стала гибель от 1,5 до 2,2 млн. казахов [Козыбаев и др., 1992, с. 20-26]. Расчеты потерь казахского народа в начале 1930-х годов, анализ тенденций этнодемографического развития Казахстана присутствуют в исследованиях М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева и М.Б. Татимова [См.: Татимов, 1989; Асылбеков, Галиев, 1991]. Значительный интерес представляет исследование Ф.Н. Базановой по истории формирования

многонационального населения Казахстана. Карагандинский исследователь видела принципиальное отличие миграционных переселений советского периода от предшествующих переселений в их преимущественно индустриальном характере [Базанова, 1987, с. 150].

В период перестройки оказались востребованными исследования социально-философского направления с применением социологических методов. В работах М.М. Сужикова «Некоторые философско-правовые проблемы совершенствования межнациональных отношений» (1989) и «Гармонизация и конфликт» (1991), выдержанных в традиционно интернационалистском духе, особый упор делался на подлинный интернационализм рабочего класса. Наличие националистических пережитков Сужиков связывал с аграрным характером занятости казахского населения. Анализ структуры казахской интеллигенции, проведенный исследователями, показал чрезмерно расширенное воспроизводство в республике кадров массовой и административной интеллигенции в ущерб инженерной и научной, занятой в индустриальном секторе народного хозяйства [Сужиков М.М., Сапаргалиев Г.С., 1989, с. 23-24].

С критических позиций, поощряемых партийными структурами после декабрьских событий в Алма-Ате, была написана работа Г.У. Джандосова «Формирование национального образования в республике» (1989). Историко-социологический анализ динамики развития индустриальных групп населения показал падение удельного веса казахских рабочих на промышленных предприятиях с 46,5 % в предвоенные годы до 18 % в 1970-е годы, причем в угольной промышленности и на предприятиях черной металлургии и машиностроения с 63,9 до 12 %, при одновременном росте казахских кадров в управлении и системе высшего образования. Джандосовым был показан механизм воспроизводства этнической элиты через систему клановых и земляческих предпочтений в казахском обществе. По данным ученого, в 1986 году доля студентов, выходцев из южных областей, в алма-атинских вузах достигала 90 % [Джандосов, 1989, с. 187].

После распада СССР резко меняется акцент в исторических исследованиях, становятся популярными работы, написанные в жанре описания «колониального угнетения и непрерывного национального сопротивления». Н.Э. Масанов с горечью писал об одном из ученых, ранее известном своими изысканиями по истории КПСС, который в 1986 г. писал письмо – донос в отдел науки ЦК Компартии Казахстана, называя Масанова «идеологом казахского национализма» за его утверждения об уникальности казахской истории. Спустя 7 лет этот же исследователь стал модератором научных проектов, посвященных «русской ономастической и духовной экспансии», и обвинял выдающегося казахского этнолога в предательстве национальных интересов за его статью, посвященную трайбалистским отношениям в современном казахском обществе [Масанов, 2007, с. 33-34].

В своем исследовании современной казахстанской историографии Б.К. Айтенова выделяет два направления, ассоциируемые с именами академика М.К. Козыбаева и выдающегося этнолога и номадоведа Н.Э.Масанова. Сторонники первого направления, по ее мнению, ориентировались на этнополитические тренды во внутривластном курсе правящей элиты: «процесс создания национальной истории в Казахстане в значительной степени определяется политической и идеологической конъюнктурой. Эти факторы воздействовали на историков, в первую очередь тех, кто рассматривает историографию как средство национального воспитания и формирует весьма определенный идеологический и интеллектуальный запрос... Необходимо отметить, что развитие исторической науки Казахстана в этот переломный момент очень тесно связано с именем известного ученого, организатора науки, широко известного общественного и государственного деятеля, академика Манаша Кабашевича Козыбаева. М.К. Козыбаев, являясь одной из центральных фигур современной казахстанской историографии, представлял государственную политику президента Н.А. Назарбаева в этой сфере. Работы этого ученого в силу их политической ангажированности являются резюмирующими» [Айтенова, 2007].

Антиимперский мейнстрим в казахстанском историописании задавался академиком М.К. Козыбаевым, сведшим основные положения советской национальной политики к ограничению права наций на самоопределение, «созданию «кукольных» национальных образований» и централизацию власти над народами страны [Козыбаев, 2006, с. 158]. В то же время, М.К. Козыбаев признавал серьезные проблемы с объективным исследованием прошлого, так как «на смену крайней политизации в прошлом сегодня пришло много любительства и коммерциализации. История стала писаться в угоду тугого кошелька... возродились к жизни средневековые реликты родового и жузового самовосхваления... И все это происходит под знаком научно-исторической обусловленности» [Козыбаев, 2000, с. 17].

В Казахстане неоднократно переиздавались труды М.К. Козыбаева и близких ему по духу исследователей (А.К. Кузембаев, Е. Абиль, Ж. Артыкбаев), сознательно драматизировавших российское и советское прошлое, не замечая постколониальных реалий. В учебнике по истории Казахстана один из авторов Ж.О. Артыкбаев, известный своими околонучными публикациями, в которых удревяется история казахского народа до шестого тысячелетия до н.э. - эпохи авестийских ариев и туров, пишет: «В начале XX века территория Казахстана была одной из колоний России. Естественное течение этнического развития было прервано. Политическое устройство казахов было уничтожено, нарушено территориальное единство, затруднено формирование нации и единство культуры. Стало невозможным создание в то время общей экономики, ее инфраструктура складывалась в угоду интересам метрополии. Колониальное господство приостановило самобытное развитие этноса» [Артыкбаев, Раздыков, 2007, с. 213]. Автору стоило бы задуматься над тем, что он имел в виду под «самобытным развитием этноса», логически предполагающее сохранение пасторализма и отсталости казахского народа.

Интерес к работам Ж. Артыкбаева объясняется тем, что в них наиболее ярко и в наукообразной форме прослеживается стержневая идея крайнего автохтонного примордиалистского дискурса, построенного на отстаивании этногенетической и

этнокультурной преемственности населения с древнейших времен и до наших дней, от ведических ариев и авестийских туров до современных казахов, из чего следуют древние истоки собственно казахской нации и ее тождественность всем этнополитическим объединениям кочевников от скифов до кипчаков. Для историков Е. Абиля и А. Кузембайулы не подлежит сомнению наличие прямой этногенетической преемственности казахов с саками и гуннами: «культура народов, населявших Казахстан в V - XII веках, была естественным продолжением культуры сако-хуннского периода, и, в свою очередь, послужила фундаментом для культуры казахского народа, развиваясь в контексте мировой цивилизации» [Кузембайулы, Абиля, 1998, с. 96].

Сторонники объективистской историографии (Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева, Б.М. Сужиков), считает Б.К.Айтенова, стремятся к глубокому научному осмыслению исторического прошлого: «Н. Масанов представляет наиболее перспективные научные подходы, отойдя от традиционных, окрашенных в тона патриотической историографии, интерпретаций. Примечательно то, что интеллектуальные корни обоих историков сформировались в рамках единой «советской науки», однако в условиях освобождения исторической науки от идеологизации и политизированности они представляют два разных альтернативных пути воссоздания национальной истории» [Айтенова, 2007]. По мнению Ж.Б. Абылхожина, право на патриотизм приватизировано радателями «народной истории», в результате: «Историческая наука превратилась в проходной двор, через который браво маршируют дилетанты. Она зачислена в разряд хобби или сферу досуга различного рода специалистов» [Абылхожин, 2007, с. 43-44].

А. Ремнев дал следующую характеристику постколониальных дискурсов в исторической науке Казахстана: «Постколониальные критики нередко впадают в крайность, объединив в один гомогенный субъект Российскую империю, Советский Союз и даже весь Запад и обрушиваясь на них с радикальными обвинениями в колониальном угнетении и даже с призывами отказаться от навязанной Европой модерности. Постколониализм в противовес ориентализму

создает свой миф «Запада» – «оксидентализм», не исключая «культурный реваншизм» Азии» [Ремнев, 2011, с. 172-173]. А. Ремнев выделяет ряд характерных черт современной исторической науки, занятой политическим «конструированием примордиализма»: «Современная историография Казахской степи и казахского народа имперского периода перегружена методологическими противоречиями, новыми и старыми идеологемами, используемыми с нескрываемым политическим прагматизмом. Во-первых, для этой историографии характерна искусственно заданная телеологичность, не оставляющая места исторической альтернативности, когда современные государственные границы опрокидываются в далекое прошлое... Во-вторых, очевидна некоторая неясность в определении самого предмета национальной истории. Что мы изучаем и преподаем: историю государственной («исторической», «этнической») территории или историю народа (народов)?... В-третьих, приходится констатировать живучесть советских концепций «нации» и столкновение примордиалистских и конструктивистских теорий... В-четвертых, неизбежно основной акцент делается на истории государствообразующей нации, в то время как истории других народов маргинализируются. История Казахстана оказалась, по сути дела, историей казахов... В-пятых, доминирование колониального нарратива в истории народов, входивших в состав Российской империи, а затем и Советского Союза, искусственно изолирует два мира – современный и традиционный, акцентируя внимание на конфликте и упуская возможности взаимодействия и взаимопроникновения, совместной адаптации» [Ремнев, 2011, с. 182-184].

Центральное место в современной казахстанской историографии заняла тема казахского национального движения начала XX века. Большой вклад в изучение истории алашевского движения внесли М.К. Койгельдиев, К.Н. Нурпеисов, Р.К. Нурмагомбетова, С. Аккулыулы и др. Следует сказать и о публикациях Д.А. Аманжоловой по истории движения Алаш. Если ее первое крупное монографическое исследование «Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш» (1994) вызвало интерес исследовательской новизной и

научной фундированностью, то одна из ее последних публикаций «На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана» (2009) в значительной степени повторяет прежние сюжеты. Вызывает вопросы отсутствие в публикациях Д.А. Аманжоловой упоминаний трудов ведущих казахстанских историков, изучавших данную проблему, в первую очередь исследований С.З. Зиманова и В.К. Григорьева.

Широко в научной литературе освещена история становления казахского «образованного класса» и жизнь наиболее выдающихся деятелей казахского просветительского движения, заложивших основу «казахского проекта». Следует выделить труды как историков более раннего периода (Бейсембиев, 1961; Бейсембиев, 1978; Зиманов, Атишева, 1965; Зиманов, Идрисов, 1989), так и современных авторов (Галиев В.З., 1994; Галиев В.З., 2011; Косач, 2004 и др.). Можно согласиться с авторами, полагающими, что именно деятельность казахских «просветителей» заложила основы проевропейского и пророссийского культурного поворота казахского общества.

Из работ историко-социального направления следует отметить монографию Р.Б. Абсаттарова «Национальные процессы: особенности и проблемы» (1995), посвященной широкому кругу вопросов этносоциального и этнополитического развития Казахстана. Значительное внимание Р.Б. Абсаттаров уделил изучению этносоциальной стратификации в отраслях народного хозяйства, актуальным вопросам языковой политики и проблеме формирования казахстанской нации, понимаемой как «этносоциальная и этнополитическая общность народов, ... развивающихся на основе достижений научной национальной политики и национальных отношений» [Абсаттаров, 1995, с. 115]. Автор уделил большое внимание разнообразным проблемам: от занятости казахского населения в индустриальном секторе до необходимости корректировки языковой политики среди неказахской части населения. По данным Абсаттарова, в Кустанайской области и в других северных областях в первой половине 1990-х годов только 1,5 % госслужащих хорошо владели казахским языком [Абсаттаров, 1995, с. 138].

Советская национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане на основе открывшихся архивных материалов освещены в трудах современных ведущих казахстанских исследователей Ж. Абсеметовой, М.К. Койгельдиева, Ж. Кыдыралиной, Е.Б. Сыдыкова.

В 1990-е годы в СССР, в Российской Федерации и в Казахстане, широко освещалась история депортаций и адаптации в новых условиях «наказанных» народов. Из публикаций по истории депортации «наказанных» народов и их дальнейшей адаптации следует выделить исследования Н.Ф. Бугая, А.А. Германа, А.Э. Гурьянова, Ж.А. Ермекбаева, П.М. Поляна, В.А. Тишкова, историков республик Северного Кавказа и др. Организаторы многочисленных научных конференций по данной тематике исходили из понимания сущности депортаций как «абсолютного зла», направленного на этноцид народов. В значительной степени такие трактовки диктовались из популярности и политической востребованности антисоветского тренда в историко-социальной науке в постсоветских государствах. Весьма популярными стали цитирования из трудов А. Авторханова, И. Хоффмана, Э. Нольте, А. Некрича, доказывавших преступный характер сталинского режима и его родство с национал-социалистским режимом в Германии, а то и прямые заимствования их положений [См.: Авторханов, 1991; Гоффман, 2005; Хоффман, 2006].

Автору неоднократно приходилось указывать на неприменимость таких эмоциональных оценок для характеристики социальной природы сталинских депортаций и собственно советского политического режима, никогда не преследовавшего цель уничтожения какого-либо народа. Негативистские тренды в анализе советской национальной политики уводят в сторону от других вопросов, а именно: по каким причинам проводилось «наказание» народов, степень участия в них соседних этнических групп, конкурирующих за ограниченные земельные ресурсы. Не ясно насколько безболезненной и бескровной была бы иная альтернатива, предположим, проведение длительной по времени контрповстанческой кампании на Северном Кавказе, по примеру акций проведенных на Западной Украине и в прибалтийских республиках против

националистического подполья в конце 1940-х годов. Примером может служить депортация польского населения в Казахстан с территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Высланные в Казахстан поляки успешно адаптировались в новых условиях, часть из них после войны сумела вернуться в Польшу, в то время как десятки тысяч оставшихся в Западной Украине поляков были уничтожены в 1943-44 гг. украинскими националистами.

История возникновения национального вопроса в дореволюционной России, анализ советской национальной политики и создания «государства наций» достаточно полно даны в трудах советских и российских исследователей Д.Ю.Арапова, А.С.Барсенкова, Н.Ф.Бугай, Т.Ю.Бурмистровой, А.И.Вдовина, В.Я.Гросула, М.Н.Губогло, В.С.Дякина, Ю.Н.Жукова, Н.А.Кирсанова, Г.Г.Косача, А.П.Ненарокова, В.А.Тишкова, В.Г.Чеботаревой и др¹.

На наш взгляд, в глубоких и всесторонних исследованиях в отечественной историко-социальной традиции не учитывается существование «коридора» возможностей в выработке и реализации большевистскими вождями и их преемниками национальной политики. Очевидно, что Сталин имел большие возможности для определения основных направлений национальной политики. Он мог фактически ревизовать ленинский курс, и, используя мощь репрессивного аппарата и террор, прибегать к коллективным наказаниям народов и жестко

¹ См.: Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). - М., 2004; Арапов Д.Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4; Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партии в 1905-1917 гг. - М., 1976; Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». - М., 2006; Бугай Н.Ф. Они сражались за Родину: Участие представителей репрессированных народов в Великой отечественной войне. - М., 2005; Бугай Н.Ф. Народы стран Балтии в условиях сталинизма (1940-е – 1950-е годы) Документированная история. - Ганновер-Штуттгарт, 2005; Бугай Н.Ф. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». - М., 2012; Вдовин А.И. Новая национальная политика в СССР // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 1990. № 4. С. 3–26; Вдовин А.И. Русский народ: Историческая судьба в XX веке. - М., 1993; Вдовин А.И. «Российская нация»: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995; Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924 гг.). - М., 2007; Губогло М.Н. Принудительный лингвизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930-е гг. - М., 2000; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX - начало XX вв.). - СПб, 1998; Косач Г.Г. Казахский «образованный класс» в Российской империи // Казахстан и Россия: общества и государства. М., 2004; Ненароков А.П. К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917-1924. - М., 1991; Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. - М., 2003; Тишков В.А. Этничность и власть в СССР: (этнополитический анализ республиканских органов власти) // Советская этнография. - № 3. - 1991. - С.3-18; Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: Исторический аспект // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 9-34; Чеботарева В.Г. И. В. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. - 2008. - № 7. - С. 3-25.

подавлять местный этнонационализм. Тем не менее, он был существенно ограничен интернационалистской парадигмой. Его преемник Н.С. Хрущев, даже прибегая к чисткам, не сумел справиться с ростом политических претензий этнонациональных элит в республиках. Еще меньшие возможности имели Л.И. Брежнев и М.С. Горбачев, так и не сумевшие добиться внесения корректив в национальную политику, чтобы учесть требования нетитульных групп населения в союзных республиках, советских немцев, месхетинских турков и крымских татар.

В последние годы активно публикуются «империологические» исследования П. Верта, И. Герасимова, Д. Ливена, С.В. Лурье, А. Каппелера, А.И. Миллера, А. Ремнева, М. фон Хагена, Д. Хоскинга, Ю.Л. Слезкина, Дж. Смита, Р. Суни и др. Империологическим исследованиям посвящен международный журнал «Ab Imperio. Теория и история национальности и национализма в постсоветском пространстве», на страницах которого публикуются научные работы по изучению колониализма, национализма и новой имперской истории на постсоветском пространстве. На наш взгляд, сторонники нового подхода развивают идеи Т. фон Лауэ, пытавшегося раскрыть причины, по которым российское и советское руководство осуществляли насильственную модернизацию путем форсированной перекачки средств в индустриальный сектор и проводили культурную революцию, направленную на слом традиционных социальных структур доиндустриального общества². Заметно также влияние приверженцев теории модернизации и вестернизации, развивающих научное наследие М. Вебера. Общим для сторонников данного направления в исторической науке является отказ от «нациецентричного» видения истории Российской империи и СССР, попытка объективного освещения роли «имперских» структур в модернизации и прогрессе проживающих народов.

Западная историографическая традиция в освещении национальной политики Советского государства и в оценках межэтнических отношений исходит

² См.: Laue Th., von. The Fate of Capitalism in Russia: The Narodnik Version // The American Slavic and East European Review. - Vol.13. - N1. - 1954; Laue Th. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution. 1900 - 1930. - N.Y., 1964.

из парадигмы «непрерывного угнетения и сопротивления». Большая часть западных советологов продолжила преимущественно негативистские традиции в освещении национальной политики Советского государства, заложенные А. Авторхановым, А.З. Валиди, И. Майстренко, М. Чокаевым, Б. Хаитом и другими критиками СССР. В трудах Э. Карра, Т. Мартина, Р. Суни, Д. Хоскинга дается более объективное видение опыта решения национального вопроса и урегулирования межэтнических отношений в многонациональной стране.

Следует также сказать, что специально казахстанской проблематикой занимаются американский исследователь М.Б. Олкотт и британский ученый Бавна Дэви, в то время как основная часть ученых изучает в основном политическую и этнокультурную историю Центральной Азии. Бавна Дэви в своей книге, посвященной Казахстану, обращает внимание на слабую изученность ряда проблем. К ним были отнесены противоречия между сосуществованием в советской национальной политике 1940-х годов установок на помощь народам окраин при сохранении стратегической цели на денационализацию этничности. По мнению британской исследовательницы, существование и конфликт между этническим своеобразием и государственнической идеологией были результатом влияния национальностей периферии и имперского Центра на процесс принятия политических решений в сфере межэтнических отношений. В Казахстане, считает Бавна Дэви, различия между поддержкой этнических особенностей и советским этатизмом кристаллизовались лишь в постсталинский период [Bhavna Dave, 2007, p. 10]. Высоко оценивает британский ученый стратегические цели советского руководства, стремившегося воссоздать прежнюю империю как «антиколониальное, рациональное (атеистическое), централизованное, развитое, мультинациональное государство, основанное на равноправии. Они стремились сформировать принципиально иной порядок, основанный на научно-телеологическом понимании истории, разработанной Марксом и Энгельсом» [Bhavna Dave, 2007, p. 14].

На наш взгляд, подход британской исследовательницы весьма актуален при изучении советской национальной политики и межэтнических отношений.

Очевидно, что национальности периферии не были простыми статистами исторического процесса в Российской империи и в Советском Союзе. Реакция местных элит на действия Центра вносила серьезные коррективы в национальную политику, заставляя в ряде случаев отказываться от уже принятых решений.

Ф. Хирш в своем исследовании, посвященном влиянию дореволюционных этнографов на выработку национальной политики большевиков, указывает на преемственность большевистской программы с национальной политикой царизма и кадетов [См.: Hirsch, 2005]. По ее мнению, использование дореволюционных академиков из числа востоковедов и этнографов нашло отражение в альянсе большевиков и либеральных экспертов в лице Ленина и академика С.Ф. Ольденбурга, знакомых еще с 1891 года [Hirsch, 2005, p. 22]. Этот революционный альянс просуществовал до 1928 года, позволив большевистским лидерам прагматично использовать этнографические знания и наработки либеральных академиков для решения национального вопроса.

Т. Мартин и Р. Суни считают национальную политику большевиков инновационной, направленной на разрыв с прежней колониальной практикой. Мартин и Суни полагают, что национальное строительство в Советском государстве сопровождалось глубокой советской модернизацией как самого общества, так и характера связей между народами страны, периферией и Центром. Национальная политика в СССР, будучи модернистским проектом, создавала реальную альтернативу капиталистической модернизации и колониализму.

Западная историография по истории Казахстана в XX веке достаточно полно освещена в историографических исследованиях разных лет Г.Б. Бырбаевой, Б.М. Сужикова, Н.Э. Масанова [См.: Бырбаева, 2005; Масанов, Сужиков Б.М., 1983].

Особо следует остановиться на основных подходах к пониманию концепта «нация» в современной казахстанской науке и политической практике. В мировой науке основные дискуссии ведутся между сторонниками эссенциалистских или субстанционалистских концепций (примордиализм и перенниализм) и их

принципальными критиками из числа приверженцев модернистских концептов (конструктивизм и инструментализм). Социально-биологический примордиализм в духе Пьера Ван ден Берге и Л.Н. Гумилева в настоящее время пропагандируется лишь радикальными националистами и расистами. Куда более популярны культурные концепции примордиализма, нашедшие отражение в трудах К. Гирца, Э. Шилза, Ч. Кейеса, советских этнографов. Ядром изначальной этничности, по мнению сторонников культурного примордиализма, является культура, основанная на религии и традиционном социальном порядке. Ч. Кейес в своих исследованиях по «национализированным» религиям в Юго-Восточной Азии показал роль примордиальной этничности в выживании и адаптации людей к меняющимся социальным и политическим условиям, укрепление национальных чувств религиозных и этнических меньшинств под «прессом» этнонационального буддийского государства. По мнению американского антрополога, националистическая модернизация в Юго-Восточной Азии, проведенная «сильными» государствами доминирующих этнических сообществ, сплотила племенные сообщества и вызвала «этнические восстания» [Keyes, 1995, pp. 23-26]. Ч. Кейес понимает зыбкость жесткой привязки определения этничности и нации к жесткому набору признаков. По его мнению, «этничность – это форма учета родства, в которой связь с предками или с теми, кто считается предками, не совпадает в точности с генеалогической линией» [Keyes, 1981, p. 6]. Смена людьми своей национальной принадлежности, считает выдающийся антрополог и буддолог, происходит в результате миграции, изменения государственных границ, смены политического курса и радикального обновления общественной структуры [Keyes, 1981, pp. 27-28].

К. Гирц отмечает существование границ конструирования гражданских наций. В результате, «интеграционная революция», созидаящая нацию, вступает в конфликт с примордиальными началами: «Напряженность между изначальными чувствами и гражданской политикой, хотя и может быть смягчена, но совершенно исчезнуть, вероятно, не может. Способность объективно «данного» - места жительства, языка, кровного родства, взглядов и образа жизни - формировать

представления каждого человека о том, кем он, по сути, является и с кем он нерасторжимо связан, коренится в бессознательных глубинах личности. И, однажды возникнув, определенная степень вовлеченности этого неосознанного ощущения коллективного «Я» в постоянно расширяющуюся политическую деятельность национального государства уже не исчезает, именно потому, по-видимому, что эта деятельность затрагивает чрезвычайно широкий круг проблем» [Гирц, 2004, с. 315-316]. Изначальные чувства не являются врожденными, считает К. Гирц, они возникают у людей в рамках процесса социализации и в дальнейшем существуют как фундаментальные, иногда – как неизменяемые детерминанты поведения. Напряженность в постколониальных странах Гирц связывал с конфликтом государства доминирующей этнической общности с изначальными различиями в «крови», расе, языке, религии, традиции, регионах происхождения [Geertz, 1963, p. 106-107]. Гирц советует модераторам нациестроительства не подавлять изначальные чувства, а цивилизовывать их.

Конкурирующие с примордиализмом модернистские конструктивистские концепции наиболее широко представлены в трудах Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, П. Бурдьё, Р. Брубейкера и других исследователей. Возникновение конструктивистской теории нации связывают с появлением работ Б. Андерсона, Э. Геллнера, опиравшихся на исследования этнических границ норвежского антрополога Ф. Барта (1969 г.). Эти границы очерчиваются членами этнического коллектива для индентификации себя и различения от членов других коллективов. Ф. Барт не отрицал культурной обусловленности этнической идентичности, но считал культурные маркеры и границы изменчивыми, зависимыми от форм социальной организации, порождающей постоянные «самоприписывания» и дихотомии «свои - чужие» через тщательно поддерживаемые практики исключения и включения [Барт, 2006, с. 10, 15-16].

История казахов и других тюркских народов бывшего СССР в XX веке показывает значимость изменчивости и устойчивости культурного контента в формировании и стабильности воспроизводства этничности. Формы социальной организации, хозяйственной деятельности и повседневных практик у казахов

совершенно изменились после коллективизации и культурной революции 1930-х годов, однако этнонациональное сознание под влиянием советской национальной политики укрепилось, вытеснив на периферию донациональные формы сознания. Ядро казахского этнонационального сознания составили подвергавшиеся изменениям культурные элементы (определенные правила сотрудничества с окружающими народами, семейно-брачные отношения, обычаи гостеприимства, практики взаимопомощи и т.д.). Собственно различия между культурным содержанием этничности породили сформировавшиеся в 1970-е годы дифференциации казахского общества на «север» и «юг», трактуемое зачастую как возрождение жузовых начал, при этом Советское государство пыталось повлиять на изживание донациональных форм сознания. Здесь мы видим определенные культурные пределы социального конструирования и инструментального воздействия.

Сторонники конструктивизма считают нации явлениями историческими, «продуктом» капиталистической индустриальной эпохи, создавшей глобальную сеть коммуникаций и взаимозависимостей, этнической основой национального государства, основанного на народном суверенитете и всеобщем гражданстве [Андерсон Б., 2001; Геллнер, 1993]. А. Виммер углубляет данное модернистское положение, полагая, что национальные государства и демократические сообщества изначально базировались на этнонационалистических принципах, предполагающих неравенство статусов этнических коллективов [Wimmer, 2002, p. 3]. В процессе созидания современных национальных государств на время или постоянно «исключенными» из националистического проекта оказывались инорасовые, иноконфессиональные и инокультурные группы. Правила «исключений» варьировались в зависимости от существовавшей конкуренции за экономические ресурсы, когда конструирование этнонационалистической или расовой солидарности давало значительные преимущества. «Начальная» американская нация «исключала» америндов, африканских рабов и другие этнические группы неевропейского происхождения; хутту и тутси в Бурунди

дистанцировались по фенотипическим различиям; православные греки и сербы считали врагами своих сородичей мусульманского вероисповедания.

Последовательно конструктивизм развивается в трудах Б. Андерсона, полагающего, что «нации», как и другие крупные человеческие общности, являются «воображенными сообществами», сформировавшимися в результате успешной экспансии «печатного капитализма». Б. Андерсон указывает на то, что именно коммуникативные связи внутри национальных сообществ обеспечивают единство нации, крепость ее границ по отношению к другим нациям: «Оно (нация – С.К.) воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинство своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности...» [Андерсон, 2001, с. 31].

Р. Брубейкер считает более важным не констатирование факта конструирования наций, а раскрытие роли социальных практик и формирование представлений о себе и других в этом процессе: «Этничность, раса и национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они - не вещи-в-мире, а точки зрения на мир. Они включают этнически окрашенные способы видения (и игнорирования), объяснения (и неверного объяснения), вывода (и ошибочного вывода), воспоминания (и забвения)... Когнитивные подходы в широком смысле могут способствовать прогрессу конструктивистских исследований этничности, расы и национальности, которые в последние годы задержались в развитии из-за удовлетворенности достигнутым успехом. Вместо того чтобы просто утверждать, что этничность, раса и национальность конструируются, они могут помочь точно определить, как они конструируются» [Брубейкер, 2012, с. 42-43].

В российской науке конструктивистская теория наиболее последовательно развивается В.А. Тишковым, В.М. Воронковым, А.Г. Здравомысловым, С.В. Соколовским, А. Осиповым. В Казахстане сторонниками модернистских концепций нации и национализма является довольно узкая группа ученых,

занимающихся этносоциологическими исследованиями (А.Т. Забирова, З.К. Шаукенова).

Казахстанские исследователи указывают на наличие двух конкурирующих проектов интеграции казахстанского общества:

1. Этнический проект, предполагающий доминирование титульной этнической нации, ассимиляцию отдельных групп населения и «общинизацию» общества

2. Гражданский проект формирования политической нации казахстанцев.

Каждый из проектов связан с определенными теоретическими представлениями о нации и национализме в социальных установках казахстанцев. В Казахстане, считают некоторые казахстанские ученые, имеет место смешение гражданского и этнического типов национальной интеграции. По мнению Р. Кадыржанова и ряда других исследователей, в казахстанской этнополитической практике происходит и конструирование казахстанской нации, и углубление этнических различий: «Основное содержание современного процесса взаимодействия этносов в Казахстане – это развитие двух противоречивых и взаимосвязанных процессов – национально-государственной интеграции и в то же время этнической дифференциации, при которой происходит как консолидация людей на культурно-этнической основе, так и разделение в отстаивании своих специфических социально-статусных интересов» [Проблемы национальной интеграции казахстанского общества, 2008, с. 20]. На наш взгляд, имеет место некорректная трактовка понятий «нация» и «национальное» через призму изначального подхода, популярного у казахстанских социальных философов.

В первые годы независимости Казахстана понятие «нация» трактовалось в примордиалистском духе, что нашло отражение в тексте Конституции Республики Казахстан 1993 года, где провозглашалось, что Казахстан является государственностью «самоопределившейся казахской нации». По оценке социального философа Р. Кадыржанова: «примордиалистское понимание национальной идентичности и нации широко распространено в современном

Казахстане, являясь по существу доминирующим и практически безальтернативным в общественном мнении. Хотя сегодня в нашей и других постсоветских странах многие критикуют и даже высмеивают сталинское определение нации, однако в своих работах и суждениях они, сами того не подозревая, исходят из тех же объективистских, примордиалистских позиций в понимании нации и идентичности, что и высмеиваемое ими определение» [Кадыржанов, 2012, с. 89].

Примером упрощенного социобиологического примордиализма в науке являются взгляды социального философа академика Д. Кшибекова, сведшего все многообразие советской национальной политики к политике ассимиляции через межнациональные браки и созданию в короткие исторические сроки новой исторической общности - советского народа. По его мнению, не может быть единой для всех казахстанских этносов национальной идеи: «У каждого этноса она своя» [Кшибеков, 2007, с. 32-35]. Д. Кшибеков игнорирует наличие конкурирующего с примордиализмом конструктивистской концепции нации, считая, что в «многонациональном» государстве существуют множество национальных идей, но главной должна быть идея «государствообразующей нации» [Кшибеков, 2007, с. 125-126].

Известный демограф А. Гали рассматривает нацию как культурно-биологический феномен. Для него миграционный исход европейского населения из Казахстана – благо. Он предлагал усилить ассимиляционное давление с целью создать «казахскую ноосферу» за счет интеграции с близкими по этническому происхождению народами (уйгурами, узбеками, турками) и возрождения традиционализма, вплоть до трайбалистских начал [Гали, 2004, с. 23]. А. Гали исключает европейские группы населения, прежде всего русских, из общенационального проекта. А. Гали проигнорировал исследования этносоциологов, в частности З.К. Шаукеновой, отмечающих, что конфликтный потенциал присутствует во взаимоотношениях указанных «родственных» народов с казахами [Шаукенова, 2002, с. 107-108]. Опыт Средней Азии и Южного Кавказа показывает, что «самоисключение» русских из местных сообществ является

серьезной проблемой для дальнейшего развития. В Казахстане по ряду причин немцы уже «самоисключились» из казахстанского общества, выехав в Германию.

Этносимволистскую концепцию Э. Смита поддерживает казахстанский философ-нациолог Р. Кадыржанов, связывающий существование этнической нации с проблемой сохранения им родного языка и культуры. Кадыржанов пишет: «Национальная идентичность имеет политическое и культурное измерения. Последнее представляет собой тот аспект национальной идентичности, который появляется в результате освоения членами нации символов и ценностей национальной культуры... Отождествляя себя с нацией, человек отождествляет себя с ее культурой, а, следовательно, отождествляет себя с ее ценностями и символами. Если члены определенной этнической или национальной группы разделяют общее отношение к определенным символам, рассматривая их как свои, то они ощущают себя членами единого целого, т. е. имеют общую этническую или национальную идентичность» [Кадыржанов, 2013, с. 54]. Формирование казахстанской нации, считает Р. Кадыржанов, будет происходить за счет экспансии казахских культурных символов, важнейшим из которых является казахский язык, во все сферы общественной жизни. Алма-атинский философ ставит знак равенства между формированием политической нации в Казахстане и казахизацией: «Казахизация, рассмотренная сквозь призму методологического подхода «центр-периферия», означает стремление казахского этнокультурного символизма (точнее, казахских элит, разрабатывающих и продвигающих этот символизм), занять центральное положение в этнокультурном символизме всего казахстанского общества. Это означает, что казахские символы, включая, в первую очередь, казахский язык – как главный символ этнокультурного символизма, должны стать центральными, т. е. обязательными для всего населения Казахстана. Вследствие этого, символы, в частности, языки других этносов станут периферийными. Это относится, прежде всего, к русским символам, включая русский язык» [Кадыржанов, 2013, с. 55].

Академик А.Н. Нысанбаев предлагает осторожно подходить к имплементации западного толкования нации как политического сообщества –

согражданства. Термин «казахстанский народ» также не устраивает Нысанбаева, проводящего параллели с существованием советского народа. В поисках моделей будущей интеграции «полиэтнического казахстанского народа» академик предлагает заняться изучением роли казахской культуры и ментальности, стержнем которой является трайбализм: «Очень важным представляется также исследование духовно-нравственного опыта казахского народа, выяснение консолидирующего потенциала традиционной культуры казахов. Основа этой культуры – единство, межличностное общение: принадлежность к роду является первой и безусловной жизненной ценностью. В роде человек присутствует не только той или иной своей ипостасью, но пребывает в нем всем своим существом, всей полнотой своих жизненных и человеческих проявлений. Два свойства бытия – ориентация на природу и приверженность памяти предков – говорят о гуманности и гибкости данного социального института. Именно поэтому род так или иначе вписывается в социально-политические структуры иного уровня» [Нысанбаев, 2003, с. 7-8]. Взгляды казахстанского академика, бывшего математика, воспевавшего трайбалистские начала в общественной жизни, выглядят анахронизмом для современных этнологов. Нысанбаев и его последователи из числа казахстанских социальных философов проигнорировали принципиальную разницу между национальными и донациональными формами сознания и идентификации. Вероятно, ортодоксальное понимание марксистской диалектики позволило А.Н. Нысанбаеву объединить антиподы – трайбалистские и национальные начала, в духе «единства и борьбы противоположностей».

Через десять лет руководитель казахстанской социально-философской науки заметно скорректировал свою позицию. В качестве компромисса он предлагает диалектически использовать проекты гражданской и этнокультурной нации, так как «необходимо использовать обе концепции нации – гражданскую и этнокультурную, а не опираться только на одну из них, отбрасывая в то же время вторую, что имело бы пагубные последствия не только для общей ситуации в национальной сфере, но и для судьбы самого государства» [Нысанбаев, 2013, с. 7-11].

Казахстанские исследователи, в отличие от российских коллег, избегали острых научных дискуссий по проблемам этнополитического и этносоциального развития современного общества. В результате общественное мнение республики оказалось не готовым к плюралистическому пониманию сущности наций и национализма и было взбудоражено полемикой в конце 2009-2010 гг. вокруг проекта официальной «Доктрины национального единства Казахстана», в которой выдвигались вполне современные конструктивистские идеи достижения национального единства и формирования гражданской казахстанской нации. Против формулировки «казахстанская нация» выступили известные деятели культуры, литературы, составляющие «цвет» казахской элиты, главные редакторы газет и журналов, руководители общественных организаций, выразившие свою тревогу за судьбу казахской нации, которой грозит угроза растворения в казахстанской нации.

В этнонационалистической критике «Доктрины национального единства» объединились либеральная и национально-ориентированная оппозиция. Либералы из демократической партии «Ак жол» предложили альтернативный проект под названием «Концепция новой национальной политики в Казахстане на 2011-2020 годы», открыто провозгласив курс на строительство этнократического государства. Доктринальные положения казахстанских европейски ориентированных либералов, написанные в духе идей раннего романтического национализма «почвы и крови» и постулатов догматического марксизма-ленинизма, мало отличаются от риторики националистических движений. В «Концепции» прямо утверждается приоритет этнонациональных начал: «Важным фактором консолидации казахстанского общества является государствообразующая казахская нация. Меняется мир, меняются и формы проявления этнического. Ни одно государство не формировалось без нации. Но при этом всегда был государствообразующий этнос, который либо подавлял, либо ассимилировал или объединял остальных. Все это зависит от методов обеспечения единства. Соответственно и возрождение казахского народа как государствообразующей нации - ключевая проблема для устойчивого развития

Казахстана. В этом сегодня должны быть заинтересованы все этнические общности» [Концепция новой национальной политики Республики Казахстан на 2011-2020 годы, 2011].

В середине 1990-х годов в процессе сбора научного материала автор беседовал с одним из лидеров казахских национальных движений, призывавших Н.Назарбаева определиться с приоритетами и строить либо национальное государство, либо гражданское общество. Активный азовец и искренний патриот Казахстана был весьма удивлен, узнав, что основой современного национального государства как раз и является гражданское общество.

Неразбериха в концептуальных подходах, отсутствие цельных и современных научных концепций развития казахстанского общества диктуют необходимость объективного анализа истории национальной политики современного Казахстана. Заметно доминирование в казахстанской националистологии социальных философов и демографов. Казахские этнологи, за исключением Н.Э. Масанова, являвшегося решительным сторонником проекта казахстанской гражданской нации, игнорируют данную проблему. Н.Э. Масанов был убежден в успехе проекта гражданской нации в Казахстане, вследствие того, что «спонтанно формируется единая казахстанская нация, потому что мы живем на одной территории. У нас общие экономические и политические интересы. У нас формируется слой, который является носителем идеи казахстанской нации. Этническая группа не может быть нацией. Это во времена Союза извратили понятие нация и стали его применять по отношению к этническим группам. Этническая группа - это когда вы свою групповую принадлежность определяете по своему происхождению. Скажем, я - казах, потому что в свидетельстве о моем рождении написано, что мои родители казахи, то есть автоматически меня проштамповали, поставили «тавро» - казах. И так по отношению ко всем гражданам нашей страны» [Масанов, 2007, с. 310].

На наш взгляд, в освещении этнополитических процессов следует учитывать влияние советской национальной политики и сформировавшегося в те годы межэтнического солидаризма на современную внутривнутриполитическую

ситуацию и национальную политику в Казахстане. В настоящей работе понятия «нация», «национализм» и «национальный» дается в этническом аспекте, как это трактовалось в советской науке и политической практике. В то же время, в работе учитывалось, что в ходе советского нациестроительства произошло создание этнических наций через «изобретение традиций», сопровождавшееся модернизацией или созданием письменности, унификацией элементов культуры, написанием этнонациональных историй. В конечном счете, эти меры способствовали этнонациональной консолидации разнородных этнических элементов в советские нации и народности (например, узбеки и уйгуры в Центральной Азии), и создавали новые этнические границы и маркеры идентификации.

Важное место в исследовании занимает изучение проблем межэтнического доверия в обществе в контексте реализации советской национальной политики в Казахстане. В настоящей работе межэтническое доверие понимается как часть социального доверия, представляющего не только определенные психологические установки населения, но и основной социальный капитал общества. Различные трактовки сущности феномена доверия предложены Г. Гарфинкелем, Н. Луманом, Э. Гидденсом, Ф. Фукуямой, Д. Гамбеттой, П. Штомпкой и др. Исследователи солидарны в оценках доверия как социальной основы общества. Э. Гидденс указывает на стабилизирующую функцию доверия в качестве «связующего звена между прошлым, настоящим и будущим, обеспечивающего непрерывность течения социального времени» [Алексеева Ю.А., 2004, с. 141]. П. Штомпка считает доверие социально-психологическими ожиданиями должного поведения одних индивидов или групп от других индивидов, групп и общественных систем [Штомпка П., 2012, с. 163-164]. П. Штомпка отмечает консолидирующую функцию доверия, обеспечивающую моральную сплоченность общества, преодоление «плюралистического невежества», толерантность к культурным и политическим различиям, укрепление связей между отдельным индивидом и сообществом. Доверие, по мнению польского социолога, сдерживает проявления межгрупповой вражды, или ксенофобии, делая

споры цивилизованными [Штомпка П., 2012, с. 333-334]. Доверие в межэтнических отношениях, по нашему мнению, представляет ожидания должной, устоявшейся и одобряемой нормы поведения в отношениях между этническими коллективами и индивидами. Долженствование, стабильность и одобрение являются результатом культурных компромиссов и интерференций, формировавшихся в ходе длительных межэтнических адаптаций совместно проживающих народов. Большую роль в формировании социального доверия и уверенности играет совместная история народов. Д. Хоскинг отмечает: «...совместная история может выступать в качестве общественного стабилизатора. Она показывает, как коллективная память уменьшает сложность и снижает неопределенность социальной среды, упрощает взаимопонимание и облегчает взаимодействие с окружающими» [Хоскинг, 2013]. В процессе написания работы нами исследовался процесс перехода к современным формам доверия в советский период истории Казахстана и роль национальной политики в изживании прежних узкогрупповых форм доверительных отношений.

Целью диссертационного исследования является комплексный анализ национальной политики Советского государства в Казахстане, выявление проблем в межэтнических отношениях, раскрытие роли социального доверия в успехе интеграции общества. Соответственно, были поставлены исследовательские задачи:

- 1) раскрыть сущность национального вопроса в Российской империи в начале XX века;
- 2) показать роль казахской интеллигенции в защите интересов казахского населения и консолидации этнического сознания;
- 3) проанализировать причины краха алашевского и пантюркистского проектов;
- 4) выявить фундаментальные основы советской национальной политики на различных этапах ее реализации;
- 5) осветить влияние советской национальной политики на развитие доверия в межэтнических отношениях;

6) изучить формирование практик «включения» и исключения» по этническому признаку и их роль в развитии межэтнических отношений;

7) исследовать влияние советской национальной политики на складывание региональной общности «казахстанцев», ставшей основой для формирования современной казахстанской нации;

8) проанализировать истоки кризисных явлений в национальной сфере в поздний советский период (1977-1991 гг.);

9) проследить влияние повседневных практик и ментальных установок контактирующих этнических коллективов на динамику межэтнических отношений и интеграцию общества.

В настоящей работе использован широкий круг источников, на основе которых можно раскрыть особенности основных вех национальной политики Советского государства и истории межэтнических отношений в Казахстане. Значительная часть документов была извлечена из фондов РГАСПИ, ГАРФ, а также РГАНИ.

Основная часть документального материала была изучена в фонде ЦК КПСС (Ф.17) Российского государственного архива социально-политической истории (далее РГАСПИ), хранящего ценные документы по социально-политической истории советского общества с 1924 по 1991 годы. В процессе исследования были изучены документы республиканских и областных партийных организаций. Интересующий нас материал по регулированию переселения на территорию республики и проведению принудительной седентеризации и коллективизации кочевого хозяйства в Казахстане содержится в документах «Особой папки ЦК КПСС». Раскрыть особенности призыва солдат из национальных республик позволили документы фонда 644, содержащего материалы постановлений и распоряжений Государственного Комитета Обороны СССР (ГКО).

Значительную ценность представляют архивные документы фонда ВЦИК (Ф.1235), фонда Наркомнаца (Ф. 1318), фонда Комиссии по оседанию кочевого населения (Ф. 6985) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Отдельные документы по этнополитическим процессам в 1960-80-е годы, в частности по национальному движению советских немцев, были изучены в фонде Секретариата ЦК КПСС (Ф.89) и в фонде Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС (Ф.5) Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Серьезным недостатком фондов РГАНИ является отрывочность содержащегося материала, часть которого не рассекречена.

По отдельным страницам региональной истории интерес представляют документы областных архивов Северо-Казахстанской области (СКГА) и Актюбинской области (ГААО).

Важнейшим источником являются опубликованные в специальных сборниках документы партийных, государственных и советских органов. Как правило, они представляют стенографические материалы партийных съездов, конференций, пленумов и бюро партийных и государственной инстанций, ответственных за разработку и реализацию мер в сфере национально-государственного строительства и межэтнических отношений. Периодически выпускались тематические сборники, посвященные национальной политике Советского государства.

После распада СССР ученым стали доступны ранее закрытые документы по истории советских депортаций и основным направлениям национальной политики. Большой вклад в изучение истории депортаций был внесен в результате издания Н.Ф. Бугаев документов по организации «наказания» советских народов, высланных до войны и в военное время в восточную часть СССР.

Многие страницы истории национальной политики Советского государства раскрываются в двухтомном сборнике документов «ЦК РКП (б) - ВКП (б) и национальный вопрос». Первый том данного издания охватывает период 1918-1933 гг., второй том – период 1933-1945 гг. Изданные документы из фондов РГАСПИ проливают свет на механизмы формирования и функционирования советской национальной политики, показывают «пределы» ее трансформационной и интегрирующей деятельности.

В исследовании привлечен статистический материал, представленными данными Всероссийской переписи населения 1897 года, Всесоюзных переписей 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 годов, которые дают наиболее полную информацию о динамике изменения национального и социально-профессионального состава населения Казахстана. Дополнительная информация была получена из выпускавшихся народно-хозяйственных и демографических сборников.

Существует комплекс статистических источников второй половины XIX-начала XX вв., посвященных изучению народонаселения и хозяйственного развития территории Казахстана. Наиболее ценные и полные сведения по социально-экономическому развитию края в целом, состоянию казахского кочевого аула и русской переселенческой деревни, содержатся в тринадцатитомном издании «Материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей». В основу издания легли материалы, подготовленные с 1896 по 1903 годы научной экспедицией Министерства земледелия и государственного имущества, направленной в Степной край по указанию императора Николая II под руководством известного земского статиста Ф.А. Щербины. Статистическому описанию подверглись как казахские (77,6 % от общего числа), так и русские переселенческие селения [Волкова Т.П., 1983, с. 226-227].

Важными для понимания ситуации в крае являются также сведения другого обследования казахского хозяйства, проведенного в 1908 году и опубликованного в многотомном издании «Киргизское хозяйство в Акмолинской области». Сравнительный анализ этих источников показывает развитие кочевого аула в начале XX века, рост социальной депривации среди казахского населения как следствие переселенческой политики царизма.

Важными для изучения национальных отношений в дореволюционном Казахстане являются сведения о крае, содержащиеся в работах российских и зарубежных ученых того времени (Н.Д. Зеланда, Г.Е. Катанаева, В.В. Кирьякова, А.А. Кауфмана, Н.Я. Коншина, Г.Н. Потанина, В.В. Радлова, П.П. Румянцева,

Ф. Шварца, Ф. Усова, А.Н. Харузина, Н.М. Ядринцева). Интересны также описания путешественников (В. Владимирского, В. Воцинина, А.К. Гейнса, Д. Кэстль, Е.Л. Маркова, М. Путинцева, Л.А. Словохотова). С.З. Зиманов отмечал, что отличительной чертой «почти всех дореволюционных источников является идеализм и субъективизм» [Зиманов С.З., 1958, с. 7]. Иными словами, дореволюционные авторы исходили из прогрессистских убеждений, считая кочевой образ жизни казахского общества анахронизмом, будучи убеждены во благе, которое несет русская военная и крестьянская колонизация.

В целях изучения национальной политики и проблем доверия в межэтнических отношениях привлечены материалы этносоциологических исследований, проведенных в разное время отечественными и зарубежными учеными. Особую ценность имеют материалы комплексного этносоциологического исследования осенью-зимой 1994 г., в ходе которого было изучено мнение русских и казахов в четырех крупных (Алматы, Шымкент, Атырау и Петропавловск) и четырех малых городах Казахстана в рамках проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз».

Широкий круг источников и научной литературы позволяет представить уникальность в мировой практике такого явления как советская национальная политика, основанная не на эксплуатации национальных регионов, а на всесторонней помощи отсталым народам окраин бывшей царской империи и поддержке межэтнического доверия. По мнению Ф. Фукуямы для постсоветских государств крах социального доверия представляет серьезную проблему. Истоки кризиса доверия он видит в Советском государстве, которое «потратило десятилетия (с 1921 г.), пытаясь демонтировать существующее общество, разрушить его естественные структуры самоорганизации и подменить искусственно созданными сверху» [Фукуяма, 2006, с. 9]. Ф. Фукуяма игнорирует тот факт, что Советское государство формировало новые виды доверия, в первую очередь в сфере межэтнических отношений. В этой связи, в настоящей работе предпринята попытка показать роль национальной политики в поддержании и укреплении толерантности и солидарности в межэтнических отношениях.

Объектом диссертационного исследования является казахстанское общество в различные периоды его становления и развития. На наш взгляд, межэтнический консенсус, сложившийся в результате реализации советской национальной политики, дал возможность для формирования казахстанской нации.

Предметом диссертационного исследования являются основные направления национальной политики Советского государства и межэтнические отношения в Казахстане. В процессе изучения проблематики исследования в фокусе внимания были народы, населяющие Казахстан, их групповые установки в межэтнических отношениях. В основном исследовались взаимоотношения между казахами и русскими, а также отдельными этническими меньшинствами.

Хронологические рамки исследования ограничены промежутком времени, начиная с 1917 г., т.е. времени создания казахской национальной государственности до 1991 г. – времени распада Советского Союза. С целью более глубокого понимания достижений советской национальной политики в исследовании предварительно изучается история национального вопроса в дореволюционной российской части Центральной Азии. Первый рассматриваемый период – это создание в августе 1920 года казахской национальной государственности и проведение мероприятий, направленных на решение национального вопроса в Казахстане. В последующем рассматриваются основные вехи национальной политики Советского государства в Казахстане вплоть до декабря 1991 года, когда распался Советский Союз.

Территориальные рамки диссертационного исследования охватывают регионы современной Республики Казахстан. При этом следует отметить, что в состав казахской автономии до 1925 г. входила Оренбургская область, а Оренбург был первой столицей национальной государственности. В состав Казахстана с 1925 г. входила Кара-Калпакская автономная область, переведенная с 1930 г. в непосредственное подчинение РСФСР. Кроме того, с 1956 г. по 1962 г. в состав соседней Узбекской ССР были переданы часть Голодной степи, Бостандыкский район, взятый в аренду до 1991 г., а также три хлопководческих района Южно-Казахстанской области, частично возвращенные в состав Казахстана.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что на основе обширной документальной базы проведено комплексное исследование основных этапов советской национальной политики в Казахстане, изучены вопросы развития межэтнических отношений и рассмотрены предпосылки формирования казахстанской нации в советский период. В исследовании впервые проведен поэтапный анализ советской национальной политики в комплексе с проводимыми мероприятиями в социальной, культурной и политической сферах. Также впервые изучены выдвигавшиеся имперской администрацией, лидерами этнонациональных движений, Советским государством и «национал-уклонистами» проекты решения национального вопроса, определены причины провала большинства из них.

В работе раскрываются противоречия между союзным Центром и этнонациональными элитами, показано, что в послевоенное время актуализация «национального вопроса» и проблем развития национальных языков выдвигались этническими элитами не столько для блокирования этнической ассимиляции, сколько для установления контроля над экономическими ресурсами в республиках.

Новизна диссертационного исследования определяется многоаспектностью изучения межэтнических отношений, что требует всестороннего анализа социальных практик, формирующих доверие или недоверие в обществе. В основе диссертации лежит понимание того, что современная казахстанская нация возникла в результате этнической консолидации казахов и социально-политического консенсуса казахов с русскими.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в анализе практики социального конструирования этничности в ходе осуществления советской национальной политики. В работе на примере советского опыта национальной политики показаны границы социальной инженерии в многосоставных обществах. В диссертации признается, что современный Казахстан сложился как многосоставное общество, основными сегментами которого являются казахи и казахстанские русские. Социальная и

политическая стабильность в Казахстане зависит от консенсусных отношений между двумя крупнейшими этносами и от восстановления доверия в обществе.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования связана с необходимостью всестороннего изучения исторического опыта и допустимости практического применения отдельных элементов советской национальной политики в регулировании межэтнических отношений и профилактике ксенофобии. Особую значимость исследованию придает то обстоятельство, что Казахстан в конце XX - начале XXI века продолжает решать вопросы интеграции этнических коллективов в казахстанскую политическую нацию. Изучение советской национальной политики позволит преодолеть негативные последствия «взращивания» этнического национализма, приведшие к крушению СССР. По нашему мнению, опыт позитивной дискриминации в кадровой политике может быть ограниченно использован для преодоления отчуждения казахстанских русских и русскоязычных жителей, их дальнейшей интеграции в казахстанское сообщество. Материалы докторской диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Казахстана, специальных исследований по истории национальной политики в СССР, в процессе преподавания как общих, так и специальных курсов по отечественной истории, этносоциологии, этнополитологии.

При разработке подходов к изучению истории советской национальной политики и межэтнических отношений в Казахстане автор исходил из основополагающего принципа историзма, предполагающий рассмотрение изучаемых явлений и отношений в конкретно-исторической ситуации, с учетом их развития под влиянием внешних и внутренних факторов.

Следующим основополагающим принципом исследования является принцип объективизма, предполагающий непредвзятое отношение к предмету исследования.

На наш взгляд, историю национальных отношений в СССР невозможно рассматривать без применения методов интеллектуальной истории, позволяющих раскрыть культурно-психологические аспекты межэтнических отношений. С

учетом культурного многообразия населения бывшего СССР ограниченно применялся цивилизационный подход. Броделевское понимание истории структур повседневности позволило осветить особенности межэтнических отношений в Казахстане в различные периоды, их взаимосвязь с изменениями в способах хозяйствования, в образе жизни, в социальном порядке, показать роль межкультурных обменов между представителями различных народов.

Изучение межэтнических отношений в данной работе предполагает также применение историко-сравнительного анализа национальной политики и их результатов в различных странах и национальных республиках бывшего СССР.

В диссертации выдвинут ряд положений, выносимых на защиту.

1. Обострение межэтнических отношений в центрально-азиатской части дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. было связано с активной переселенческой политикой, приведшей к усилению протестных настроений среди коренного населения и дестабилизации ситуации. Массовый приток переселенцев способствовал отчуждению коренных жителей к имперским политическим институтам и пришлому населению. Суть «национального вопроса» в дореволюционном Казахстане заключается в правовом и политическом неравенстве «инородческого» населения, отчетливо проявлявшееся в практике массовых изъятий родовых земель у кочевых общин. Национальный вопрос в Казахстане заключался в стремлении казахов сохранить в пользовании необходимые для выживания земли и ресурсы. Массовое восстание коренного населения 1916 г. в Центральной Азии было ответом на столыпинскую аграрную реформу и игнорирование их интересов со стороны имперской администрации.

2. Несмотря на усиление протестных настроений в среде казахского населения в конце XIX-начале XX вв. более важным является налаживание партнерских отношений между казахами и русскими. Межэтническое партнерство стало основой для формирования групповых и индивидуальных установок на толерантность и доверие, что предполагало соблюдение определенных правил в повседневной жизни. Следует признать, что фундаментальной основой казахстанского общества является накопленный

социальный капитал в виде отношений доверия и солидаризма, истоки которых уходят в дореволюционный период. Складывавшиеся с начала XX в. традиции партнерских отношений в прошлом и в настоящее время блокируют вероятность межэтнических конфликтов между казахами и русскими. Отсутствие такого опыта доверительного партнерства казахов с мусульманскими этническими меньшинствами привело на юге современного Казахстана к общинизации и нарастанию конфликтного потенциала.

3. Казахское национальное движение было «продуктом» начавшейся европеизации и модернизации части казахского общества, находившейся в тесной связи с русским населением края. Казахская интеллигенция поставила своей целью пробуждение этнического сознания казахов и отстаивание интересов кочевых общин. В качестве устойчивых маркеров этнонациональной идентичности казахов были выбраны кочевой образ жизни, казахский литературный язык и ислам. Поражение казахского национального движения было обусловлено слабыми коммуникативными связями внутри кочевого общества, раздираемого социальными и родовыми конфликтами.

4. Советская политика нациестроительства была вынужденным компромиссом со стороны победивших большевиков, вынужденных адаптировать марксистскую антинациональную ортодоксию к реалиям восстанавливаемого полиэтнического государства. Ленинская версия интернационализма, предполагавшая помощь «отсталым» этническим меньшинствам бывшей империи в достижении уровня развития европейской части страны, политическое и правовое равенство граждан страны «поверх» этнических границ, впервые в мировой практике позволила на принципах доверия и солидаризма выстроить вертикальные и горизонтальные связи, и интегрировать советское общество. Такая версия интернационализма оказалась наиболее приемлемой казахских деятелей национального движения «Алаш».

5. Союз большевиков и «националистов» был временным и носил с обеих сторон тактический характер. Большевики благодаря союзу с алашевцами смогли чутко реагировать на требования казахского населения и добиться

нейтрализации антисоветского движения, перехватив программные положения алашевских деятелей. Алашевцы в свою очередь пытались направить новую власть на путь решения наиболее злободневного земельного вопроса в интересах казахского населения и добиться прекращения крестьянского переселения, размышавшего численное преобладание казахов. Алашевские лидеры старались содействовать «этнизации» формируемого управленческого аппарата и привлечь казахских большевиков к служению национальной идее.

6. Национальная политика Советского государства предполагала проведение ограниченной практики позитивной дискриминации в ходе проведения коренизации, которая создала новую иерархию этничностей. Наиболее болезненно политика нациестроительства ударила по русским, чувствовавшим себя ущемленными в создаваемых национальных республиках. Национально-государственное строительство проводилось одновременно с ликвидацией негативных последствий колониальной политики царизма в земельном вопросе.

7. Усиление централизаторских тенденций и переход к этнической нейтральности в национальной политике союзного Центра было обусловлено обострением межэтнических противоречий и конфликтом общесоюзных и республиканских интересов. В Казахстане это проявилось в закрытии республики для переселения и отстаивании частью казахских коммунистов интересов казахского народа. Разгром национал-коммунистов в конце 1920-х гг. открыл дорогу на пути безудержных социальных экспериментов, направленных на модернизацию местного сообщества через оседание кочевого хозяйства, коллективизацию и развитие индустриального сектора экономики.

8. Разгром этнических элит в конце 1930-х гг. не означал ревизии основных положений политики интернационализма в СССР. Советская национальная политика 1920-30-х годов успешно решила национальный вопрос, каким он виделся в начале XX века, и обеспечила подлинное равноправие советских народов, сняв их социально-политическое и культурное отчуждение. Мнимая или действительная нелояльность к стране и «дружбе народов» были

главными причинами «наказаний» отдельных народов в годы войны, сопровождавшиеся исключениями их из числа наиболее привилегированных государствообразующих этносов.

9. Вторая половина 1950-х - первая половина 1980-х годов были временем становления могущества политической формы этничности в национальных республиках, неразрывно связанной с созданным историко-культурным нарративом. На эпоху «застоя» приходится расцвет политического этнонационализма в республиках, выразившийся в протекционистской системе подбора кадров и обеспечения доступа к высшему образованию.

10. За время проведения советской национальной политики выявились два базовых условия сохранения межэтнической толерантности и доверия в казахстанском обществе. Для казахов главным было сохранение территориальных границ республики и государствообразующего статуса своей этнической нации. В этом случае казахи охотно принимали широкое распространение русского языка и культуры. Для русских казахстанцев основой их гражданской лояльности было сохранение и развитие русского языка и культуры. В процессе формирования современной казахстанской нации требуется учесть существование такого консенсуса.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена на совместном заседании Центра по изучению межэтнических отношений (ЦИМО) и Сектора этнической экологии Института этнологии и антропологии РАН и рекомендована к защите. Результаты диссертационного исследования апробированы в авторских публикациях 2000-2015 гг., включая 15 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ и 30 публикаций в других научных изданиях: ближнего зарубежья (Казахстан), российских центральных (Москва) и региональных (Ишим, Омск, Сургут, Уфа). На основе материалов докторской диссертации подготовлена монография, рекомендованная к печати в Центре по изучению межэтнических отношений (ЦИМО) Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Результаты исследования были изложены на конференциях различного уровня: международных (Кокшетау,

Петропавловск), всероссийских и региональных (Омск, Уфа), и использовались автором для разработки лекционных курсов «Национальная политика Советского государства (1917-1991 гг.)» и «Этнополитические процессы в СНГ», читаемых для студентов факультета истории, экономики и права СКГУ им. М. Козыбаева (г. Петропавловск).

Структурно исследование построено в соответствии с хронологическим принципом. Периодизация истории советской национальной политики в Казахстане проведена в соответствии с основными подходами и этнополитическими тенденциями, превалировавшими в тот или иной период. Это позволяет раскрыть качественные отличия, имевшие место в советской национальной политике на различных этапах, понять причины появления кризисных моментов в межэтнических отношениях.

Диссертационное исследование состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и научной литературы. Работа содержит постраничные примечания.

1 ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.1 Повседневность межэтнических отношений: казахские кочевники, русские крестьяне и казаки в конце XIX - начале XX вв.

Основоположники школы «Анналы» указывали на непосредственную связь интеллектуальной истории общества и истории ментальностей с социальной историей и историей хозяйства. Задача историков, писал Л. Февр, состоит в «детальной инвентаризации» с целью «воссоздать духовный багаж, которым располагали люди изучаемой эпохи; с помощью эрудиции, а также воображения восстановить во всей целостности физический, интеллектуальный и моральный облик эпохи, в которой зрели предшествующие ей поколения» [Февр, 1991, с. 107]. Изучение истории национальной политики и решения национального вопроса в Казахстане также требует рассмотрения изменений в экономике, в способах ведения хозяйства, ценностных установок людей в результате длительных по времени межэтнических отношений на огромных просторах восточнее Урала. На наш взгляд, политический курс государства и происходившие социальные изменения создавали фундамент либо для налаживания межэтнического сотрудничества, либо для обострения конкурентных отношений. Можно согласиться с Д. Гамбеттой, выдвинувшего положение о существовании в определенных сообществах между конкретными контактирующими группами форм вынужденного сотрудничества без доверия и форм конкуренции на основе определенного доверия с последующими санкциями за нарушение правил [Gambetta, 1988, p. 213-237]. Для понимания особенностей развития межэтнического доверия в дореволюционном и советском Казахстане следует обратить внимание на следующие обстоятельства: а) роль государства в

определении статусов этнических групп и защите их коренных интересов; б) установках на сотрудничество и конкуренцию внутри этнических коллективов.

Этнополитические процессы и межэтнические отношения на территории современного Казахстана в досоветский период в значительной степени определялись конкуренцией за контроль и доступ к экономическим ресурсам края. Ведущую роль в обеспечении контроля определенных этнических и социальных групп играло государство. Последовательно во времени функции редистрибуции в этническом «разрезе» выполняли Российская империя до 1917 года, Советский Союз с 1917 по 1991 годы и Республика Казахстан с 1991 года.

Во второй половине XIX века территория современного Казахстана была окончательно включена в состав Российской империи и началась планомерная работа по обустройству новоприобретенных территорий. Вплоть до конца XIX века царская администрация, памятуя печальный опыт башкирских восстаний XVIII века и восстаний казахского народа первой половины XIX века, не вмешивалась во внутреннюю жизнь казахского общества, вводя постепенно административно-территориальное деление и регулярное налогообложение.

Формы налогообложения различались в региональном «разрезе». В Сибирском ведомстве в отношении «иностранческого» населения основным видом государственного налогообложения являлась ясачная подать, в Оренбургском - покибиточная подать, во Внутренней орде - зякет и согум. Размер и формы налогового обременения также варьировались: при обложении ясачной податью и зякетом имела место прогрессивная форма налогообложения, при покибиточной подати и согуме - фиксированная форма. Объектом ясачной подати номинально был скот, покибиточной подати и зякета - кибитка. Ясачная подать на первых порах являлась натуральной продуктовой рентой, в то время как кибиточная подать и зякет – денежной. В дальнейшем, по мнению Н.Э. Масанова, произошла нивелировка региональных различий в налогообложении и ведущей формой становится денежная форма выплаты налогов [Масанов, 1980, с. 11-12].

Ежегодная кибиточная подать - денежный фиксированный налог с жилища - в 60-е годы XIX века составляла 3 рубля серебром, в начале XX века увеличилась

до 4,5 рублей, что составляло чуть выше стоимости годовалого барана (сек), являвшегося основной мерой стоимости для казахских скотоводов [Масанов, 1995, с. 228]. Одновременно казахское население платило «билетный сбор», сбор за перепуск скота на внутренние и казачьи земли: «ремонтную пошлину» в Сибирском ведомстве, акциз - в Оренбургском ведомстве и Внутренней орде, почтовую и подводную повинности и другие нерегулярные сборы.

Тяжесть официального фискального сбора Российского государства была относительно щадящей, так как минимальное количество скота на одно среднее казахское хозяйство, насчитывавшее 4-6 членов, составляло, по различным подсчетам ученых, от 100 до 150 овец и коз, до 25 голов крупного рогатого скота и 4-5 лошадей. В западных засушливых районах казахских кочевков необходимое для выживания количество скота на хозяйство составляло 2-3 головы крупного рогатого скота, 70-80 голов мелкого рогатого скота и от 8 до 20 верблюдов и лошадей. Ниже этого минимума не могло осуществляться даже простое воспроизводство скота и кочевников ждало неминуемое разорение [Толыбеков, 1971, с. 158; Зиманов, 1958, с. 116; Хазанов, 2002, с. 103].

Для рядового кочевника налоги представляли серьезную дилемму из-за слабого понимания механизмов вторгавшейся в повседневную жизнь рыночной экономики. Н.Д. Зеланд определял размер кибиточной подати в 8 рублей, примерно по 2 рубля подушевого налога. Исследователь казахского хозяйства связывал разорительность налогообложения с особенностями ментальности кочевников, бывших, по его мнению, беспечными и в то же время верными своим обязательствам перед «мироедами» - ростовщиками из числа крестьян, казаков, татар, среднеазиатских торговцев, своих богатых сородичей и чиновников. Расплачивались кочевники скотом, стоимость которого вдвое превышала кредит [Зеланд, 1885, с. 25]. А. Букейханов приводит пример с бедной семьей казаха Мусафира Бейшарина, под давлением заинтересованного богатого сородича взявшего в долг три рубля у татарского ростовщика для выплаты подати и обязанного вернуть через полтора года 12 рублей, через три года 24 рубля [Букейханов, 2009, с.241-242].

Немецкий исследователь Ф. фон Шварц в 1900 г. писал: «Налогов киргизы платят мало, причем русское правительство взимает сборы только в размере около семи марок, что соответствует стоимости одного барана на каждую юрту или семью в год, что, в особенности для людей, чьи стада исчисляются многими тысячами голов, конечно же, не слишком обременительно. От воинской обязанности киргизы освобождены полностью, как и все туркестанские народности» [Шварц, 2006, с. 181]. Другой немецкий ученый Г. Благовещенский указывал на незначительный объем фискального сбора, составляющего «процентную долю расходов средней киргизской семьи» [Благовещенский, 2006, с. 267]. Страдают же кочевники, по его словам, «потому что в степи нет ни денег, ни кредита... Размеры налога устанавливаются волостными избранниками, и аульные жители сами распределяют налоги по отдельным юртам. Так, по крайней мере, предписывает закон. В действительности же, аульным собраниям мешают более богатые люди... распределение налогов зависит больше от писаря, суждения которого чаще опираются на поголовье скота у отдельных людей, но которое почти никогда не указывается в полном объеме в ущерб бедным» [Благовещенский, 2006, с. 267].

Куда более тяжким было налогообложение кокандских и хивинских властей на юге Казахстана. По свидетельству одного аксакала, записанному известным исследователем Приаралья А. Бутаковым, «хивинец берет налог-зекет, когда ему вздумается» [Зиманов, 1958, с. 155]. В начале XIX века ежегодное налогообложение кокандских властей в Приаралье составляло 6 баранов с кибитки. Кроме того, для сборщиков налогов взимались с населения подарки. С хлеба взималась треть урожая. Также к обязательным налогам относились сборы угля, дров и сена. С каждой кибитки ежегодно брали 24 мешка угля, 4 вьюка саксаула и 1000 снопов камыша и сена. Если некоторые хозяйства не могли справиться с этими повинностями, то взамен кокандцы брали с них скот [Шалекенов, 2003, с. 110].

Серьезный ущерб казахское население несло от обычного мздоимства и произвола местных властей. Согласно докладу председателя Оренбургской

пограничной комиссии В. Григорьева в Сыр-Дарьинской области кибиточную повинность царские чиновники собирали по три-четыре раза в год [Зиманов, 1958, с. 154-155]. Ч. Валиханов писал о том, что разорительным был не столько официальный налоговый режим, сколько поборы местных чиновников и откровенный грабеж со стороны казачьей старшины, поощрявшей кражи скота. В 1858 г. во время поездки оренбургского генерал-губернатора Катенина чиновники, несмотря на запрет, собрали 60 тыс. рублей серебром, используя эти деньги для своих собственных нужд. В Семиречье подполковник Абакумов так ограбил Копальский округ, что почтенные старейшины ездили на клячах, имея скота по 8-10 баранов [Валиханов, 1968, с. 30-31]. Откровенный произвол в исчислении налогов и вымогательства чиновников в Северо-Восточном Казахстане, пользовавшихся покровительством генерал-губернаторов Горчакова, Гасфорта, Дюгамеля и Хрущева были пресечены только Г.А. Колпаковским.

В современной казахстанской историографии меры царской администрации по созданию основ государственного строя в кочевой среде вызывают резкую критику. Н.Э. Масанов полагает, что «в составе Российского государства произошло значительное возрастание внеэкономических форм эксплуатации казахского кочевого населения, как посредством налоговой системы, так и посредством многочисленных злоупотреблений со стороны должностных лиц и государственных чиновников» [Масанов, 1995, с. 229]. И.В. Ерофеева более осторожна в оценке негативных последствий введения налогообложения казахских кочевников, указывая на символический характер введения налогообложения для имперских властей: «...отсутствовавшее прежде в Казахском ханстве изъятие у кочевников прибавочного продукта внеэкономическими методами и средствами стало в Российской империи всеобщим и приобрело постоянный характер. Отныне обеспечивалась непрерывная связь всех низовых ячеек казахского социума с верховной властью государства. Не случайно сам факт налогообложения казахского населения интерпретировался царскими чиновниками как главное свидетельство распространения юрисдикции российской короны на всю территорию

Казахстана» [История Казахстана: народы и культуры, 2000, с. 186-187]. В своей последней работе, посвященной развенчанию мифотворчества в казахстанской историографии, Н.Э. Масанов все же признал отсутствие прямого влияния фискальной политики российского государства на разорение казахских хозяйств, абсолютное большинство которых находилось вне правового поля российского государства [Масанов, 2007, с. 118].

Более критически оценивает социально-экономические последствия российского завоевания академик М.К. Козыбаев, обвиняя царизм в насильственной русификации, преднамеренном разрушении территориальной целостности казахского народа, установлении новых административных делений, политике этноцида и геноцида. Казахстан в начале XX века, по его мнению, являлся одним из колониальных владений империи, где 1/6 всех земель была изъята у казахов, «оказавшихся в резервации» [Козыбаев, 2000, с. 198].

Л. Февр, критикуя схематизм и определенную политическую конъюнктуру в изображении дореволюционного прошлого России, писал: «когда я открываю «Историю России», передо мной мельтешат придурковатые цари,... взяточники министры, попугай-чиновники, бесконечные указы и приказы... Где же сильная самобытная история этой страны; жизнь леса и степи; приливы и отливы непоседливого населения; великий людской поток, с перебоями хлещущий через Уральскую гряду и растекающийся по Сибири вплоть до Дальнего Востока; могучая жизнь рек, рыбаков, лодочников, речные перевозки; трудовые навыки крестьян, их орудия и техника, севообороты, пастбища...» [Февр, 1991, с. 65].

Данную характеристику политизированного исторического нарратива вполне можно приложить к публикациям значительной части современных казахстанских историков и демографов, сознательно преувеличивающих негативные моменты исторического прошлого. В связи с определенным подходом игнорируется факт демографического роста казахского населения в дореволюционный период, глубинные социальные и культурные сдвиги, происходившие в «структурах повседневности» кочевого аула, взаимная адаптация и аккультурация местного и пришлого населения. Здесь можно

говорить о некритическом продолжении негативистской традиции в изображении дореволюционного прошлого, характерного для советской исторической науки.

Кризисная природа кочевого образа жизни и существующие жесткие экологические ограничения на прирост кочевого населения давно изучены номадооведами, и обращение к этим вопросам ставит под сомнение скоропалительные и конъюнктурные выводы о целенаправленном этноциде и колониальном угнетении кочевников. По расчетам Н.Э. Масанова, у абсолютного большинства казахских кочевников отсутствовал необходимый минимум скота, и на этой основе возникали разнообразные формы эксплуатации рядовых скотоводов [Масанов, 1995, с. 199].

Ситуация усугублялась стихийными бедствиями и эпизоотиями. Самым страшным для степняков был джут – бескормица в результате засухи или глубокого снега, не позволявшего скоту доставать траву. В казахской степи крупные джуты, когда гибло от половины до трех четвертей всего поголовья скота, повторялись каждые 6 - 11 лет, мелкие локальные джуты происходили ежегодно. Казахская пословица очень метко характеризует неустойчивость кочевого хозяйствования и гласит: «скот принадлежит бурану и сильному врагу» [Толыбеков, 1971, с. 542; Хазанов, 2002, с. 159-160]. По казахским представлениям, наиболее неблагоприятный и опасный период приходился по 12-летнему животному летоисчислению на год зайца (куян), раз в 36 лет [Народы Средней Азии, 1963, с. 359; Хазанов, 2002, с. 158-159]. Российский чиновник и краевед В. фон Герн приводит слова стариков-казахов: «большие падежи скота бывают раз в 20-25 лет. Местные же падежи от бескормицы, буранов и гололедицы чаще» [Герн фон, 2007, с.34]. В результате джута 1891-92 годов в некоторых районах кочевники теряли до 90 % лошадей, 80 % баранов и 60 % верблюдов, во время джута 1912-13 г. потери скота оценивались в 42 % [Толыбеков, 1971, с. 543]. Имперская администрация во время джута 1880 года в Тургайской области выделила 100 тыс. рублей на выдачу хлеба для голодающих кочевников [Балкашин, 1887, с. 26].

Экологическая «ниша», занятая номадами ограничивала демографические возможности прироста населения. На территории Северной Евразии даже в конце XIX – в начале XX века демографическое воспроизводство характеризовалось максимально высокой рождаемостью, высокой детской смертностью и незначительным приростом населения. На территории Монголии с древнейших времен численность населения не превышала 1,5 млн. человек, прирост же второй половины XX века был принят городами [Хазанов, 2002, с. 156]. Избыточное население выбрасывалось на периферию кочевого ареала, либо же погибало в результате стихийных бедствий и межплеменных войн.

До начала широкомасштабного аграрного переселения начала XX века российское господство объективно способствовало подъему казахского хозяйства, избавленного от тягот постоянной милитаризации, неотъемлемого спутника кочевого образа жизни [Першиц, Семенов, Шнирельман, 1994, с. 161-166]. В 1884 г. семиреченский генерал - губернатор Колпаковский считал, что казахи «утратили прежний воинский дух и... превратились в мирных и безопасных номадов» [Цит. по: Томохико, 2004, с. 206]. Предложения ряда наиболее дальновидных царских администраторов Степного края о привлечении казахов и киргизов на военную службу, создании смешанных русско-казахских кавалерийских соединений были отвергнуты из-за опасений гражданской «неблагонадежности» в случае войны с мусульманскими единоверцами, несмотря на преданную службу многих степняков-добровольцев в царской армии. Японский исследователь Уяма Томохико полагает, что отказ от введения регулярной воинской повинности среди степняков «лишний раз показывает глубокое недоверие и даже боязнь, с которыми царские чиновники относились к своим подданным в Центральной Азии, несмотря на самодовольные высказывания о своем могуществе» [Цит. по: Томохико, 2004, с. 207]. Демилитаризация всех сфер жизни имела место практически у всех замиранных российских номадов и несла свои преимущества, вскоре сказавшиеся на демографическом подъеме.

Об устойчивом демографическом приросте казахского населения в конце XIX – начале XX века свидетельствуют статистические материалы. Несмотря на тяготы гражданской войны, массовые откочевки в ходе подавления восстаний в степи в годы первой мировой войны численность казахского этноса возросла между переписями 1897 г. и 1926 г.: в 1897 г. - 3392751 чел., по данным первой Всесоюзной переписи 1926 г. – 3627612 чел. (+7 %). Если учесть откочевки около 300 тыс. казахов в 1916 г. в Китай во время подавления восстаний в Центральной Азии и последствия голода 1921-1922 годов, то можно говорить о повышении демографической устойчивости казахского населения. Выделяется целая группа факторов, влиявших на умеренный, в рамках простого демографического воспроизводства, но стабильный прирост казахского населения при одновременном сокращении вследствие постоянного притока русского населения экологической «ниши» для номадов.

Русские деревни и казачьи станицы активно поглощали избыточное трудовое население из числа разорившихся кочевников - джатаков. Г.Е. Катанаев писал: «Нет по Иртышской линии сколько либо зажиточного казачьего хозяйства, в котором не было бы одного-двух-трех работников или работниц из джатаков. Порвав всякие связи с одноаульцами, эти работники – джатаки строят все свое благополучие исключительно на работах в русских поселениях: редкие из них оправившись, от несчастья, заставившего их покинуть свои аулы, возвращаются в те же аулы... Есть джатаки, которые могут указать не только отцов и дедов, но прадедов, не знавших иного быта кроме джатачества; они отлично говорят по-русски, не обходятся без хлеба и чая, не знают другого жилища кроме русской избы и не могут себе представить, как бы они устроились, если бы судьба вновь выкинула их в степь, где нет привычной для них оседлой обстановки и заработков» [Катанаев, 2007, с. 143]. Казачьим историком был подмечен путь аккультурации и социальной адаптации казахских кочевников в русской среде в XX веке.

По сведениям Катанаева, наиболее благожелательно настроенными и заинтересованными в труде казахских джатаков были казаки. В свою очередь,

казахская беднота также стремилась попасть в станицы, так как «...почти каждый казак хорошо знает киргизский язык и с ним легко объясняться подневольному работнику. Во многих особенностях своего хозяйственного быта казак сам полукиргиз и потому в своих требованиях к батраку – киргизу более выносим, чем крестьянин и мещанин, еще, так сказать, не спевшиеся с киргизами и не понимающие друг друга» [Катанаев, 2007, с. 144]. Только в поселениях и юртовых землях Сибирского войска проживало 19 тыс. джатаков [Катанаев, 2007, с. 148]. Из числа успешно адаптировавшихся в русско-казачьих поселениях джатаков формируется городская социальная прослойка «шала-казахов», занимавшихся мелкой торговлей и промыслами.

Казачьи войска, расположенные на территории Казахстана, активно пополнялись выходцами из казахской среды. В первой половине XIX века из-за недостатка женщин на пограничных линиях был разрешен выкуп и обращение в православие казахских девочек, с последующей выдачей замуж за казаков и отставных солдат. Многие выходцы из аула также принимали православие и включались в состав казачьего войска. Русский исследователь Сибири Г.Н. Потанин зафиксировал, что многие линейные сибирские казаки ведут свое происхождение от кочевых «инородцев» и в станицах «много между казаками крещенных киргизов и даже киргизок, так что здесь можно встретить хоровод из смуглых и плоских лиц, и можно услышать песню, представляющую смесь киргизского языка с русским» [Потанин, 2006, с. 307]. Вместе с тем взаимодействие культур было двухсторонним и те же сибирские казаки, по мнению Потанина, по своему образу жизни мало отличаются от кочевых соседей: «В наездничестве они не уступают киргизам. Киргизский язык не только не пренебрегается, но считается разговорным; киргизские обычаи также многими усвоены: так например казаки охотно пьют кумыс и едят конину... подчиняются сильному влиянию киргизов, следуют в одежде их модам и в домашней жизни предпочитают киргизский язык своему. Это влияние видно также на женщинах» [Потанин, 2006, с. 306-307].

Близость ментальных установок русских казаков и казахских кочевников воспринималась местными жителями как данность. В.В. Радловым записана казахская пословица «Волк, казах и русский казак – три брата» [Радлов, 1989, с. 248]. Выдающийся тюрколог характеризовал отношения казахов и русских казаков как отношения взаимного недоверия и в то же время толерантности к культурным нормам «чужих» по вере и происхождению соседей.

Во второй половине XIX века происходит существенная трансформация социально-экономических структур казахского аула, в первую очередь, в районах массового расселения крестьян-переселенцев. Под влиянием хозяйственно-культурного уклада русского населения и динамики бурно развивавшихся капиталистических отношений все более заметны изменения в образе жизни казахов. Немецкий путешественник Г. Благовещенский делился своими впечатлениями о воздействии российских железных дорог на хозяйство казахов: «Проведение Сибирской и Ташкентской железных дорог оказало большое влияние на экономику кочевников, поскольку они дали возможность с легкостью поставлять на европейские рынки нужные продукты, такие как, например, мясо, масло и шерсть. Кочевники должны теперь приспособиться к этим претензиям» [Благовещенский, 2006, с. 271].

Казахское население все больше стало применять новые приемы и навыки трудовой деятельности в рамках прежней формы кочевого хозяйствования. Интенсивно развивается сенокосение и применяются новые орудия труда. В 1911 году только в Усть-Каменогорском уезде насчитывалось 95 сенокосилок и 92 конных граблей. Применение новых орудий труда позволяло успешно справляться с сенозаготовками за короткие сроки. Природно-климатические условия Казахстана ограничивают время сенокосения периодом июль-начало августа, поэтому ручная заготовка сена не давала необходимого количества сена для прокорма скота в зимнее время. Благодаря новой сельскохозяйственной технике только по Семипалатинскому, Усть-Каменогорскому и Зайсанскому уездам с 1904 по 1908 годы доля хозяйств, занятых сенокосением возросла с 75 % до 87 % [Аргынбаев, 2007, с. 61]. Интенсификация трудовой деятельности вела

к сокращению ареала кочевания и более успешному освоению имеющихся земель.

В конце XIX века становится очевидным широкое проникновение в казахскую среду европейских начал, проводником которых являлось русское население края. Потанин с удовлетворением писал о происходящих переменах в жизни казахского общества: «Киргизская жизнь сильно изменилась сравнительно с прошлым и особенно сильно изменяется в последнее время. Она становится гораздо культурнее, земледелие увеличивается; появляется травосеяние, только огородничество терпит фиаско в борьбе с недисциплинированной толпой скотоводов. Степь усеяна зимовками, то есть не переносными жилищами из сырцового кирпича. В юртах множество фабрикатов: железные кровати и матрацы, керосиновые лампы, гнутые стулья, швейные машинки» [Потанин, 2006, с. 99]. Наряду с широким распространением европейского фасона одежды и пищи, выдающийся русский исследователь отмечает широкое распространение русского языка и стремление к получению образования на русском языке среди казахской молодежи, зачастую вопреки воле родителей. «В последнее время – пишет он, - замечается необычное стремление киргизских детей учиться. Дети рвутся в казенные школы, где обучение поставлено по европейски; рвутся наперекор желаниям и вкусам родителей, рвутся не только мальчики, но и девочки. И на этой почве часто бывают препирательства родителей с детьми. Школьная сеть становится с каждым годом гуще. Степь усеяна аульными школами, в которых и мальчики и девочки учатся русскому языку» [Потанин, 2007, с. 100].

Фундаментальные сдвиги, происходившие в «структурах повседневности» казахского общества, носили необратимый и скоротечный характер, что было очевидным как для современников, так и для последующего поколения советских этнографов. Более быстрая социальная трансформация и адаптация казахского общества к новым европейским веяниям, по сравнению с народами Средней Азии, были обусловлены тремя группами факторов.

Во-первых, русские исследователи указывали на такие черты специфики ментальности казахского населения, как стремление к усвоению новых знаний и навыков, высокая степень социальной адаптации. Без этой способности адаптироваться к изменяющимся природным и социальным условиям невозможно было само выживание номадов. Адаптивные возможности и стратегии выживания на примере турецких казахов, беженцев из Китая, описаны шведским исследователем И. Сванбергом. Изученная им казахская община, насчитывающая около пяти тысяч человек, бежавшая в Турцию из Китая через Индию и Пакистан, вынуждена была расстаться с кочевым способом хозяйствования и выжила благодаря налаживанию малого бизнеса по обработке и продаже изделий из кожи и пластика [Сванберг, 2005, с. 356-364]. Успешная экономическая адаптация позволила мигрантам длительное время селективно вбирать элементы хозяйственно-культурного уклада жизни окружающих народов, устойчиво сохранять культурную стабильность и избегать ассимиляции в иноэтничной среде. Анализ групповой солидарности, родственных отношений, обрядовости жизненного цикла, религиозных традиций, культуры питания позволил шведскому исследователю сделать заключение: «Будучи в статусе беженцев в Турции, казахи претерпели значительные очень быстрые изменения. Они начали новую жизнь в совершенно ином окружении, существенно отличающемся от их первоначальной среды проживания. Все компоненты, составлявшие познавательную реальность их родной страны, то есть экология, социальный и культурный ландшафт, условия и ритм работы, а также язык, трансформировались в новые навыки, необходимые для адаптации. Кочевая культура сменилась приспособлением к оседлой жизни» [Сванберг, 2005, с. 413]. Аналогичный процесс этносоциальной трансформации и адаптационного приспособления к ведению новых форм хозяйства, только в больших масштабах, разворачивался на территории Казахстана на рубеже веков.

Во-вторых, территория Казахстана приняла самый большой поток русской миграции за Урал в течение конца XIX – первой половины XX веков. Европейское население выступало в качестве своеобразного проводника новой

жизни и нового хозяйственно-культурного уклада жизни. В значительной мере это предопределяло благожелательное отношение казахов к миграции славянского населения и немцев в советский период, когда были сняты основные противоречия по земельному вопросу. Первоцелинники отмечали искреннее радушие казахов, стремившихся помочь молодежи, прибывающей из европейской части страны, освоиться на новом месте.

В-третьих, представители казахской элиты приветствовали глубокую европеизацию казахского населения и критиковали царскую администрацию за недостаточную поддержку ее. В отличие от среднеазиатского региона в казахской степи было слабо влияние социальных групп в лице исламского духовенства, суфийских орденов, традиционно настроенного местного населения, выступающего за этнокультурное статус-кво и отвергающего европейские инновации, подрывающие стабильность прежнего жизненного уклада общества.

Потенциал модернизации и адаптации в современный мир в казахском обществе рубежа XIX – начала XX веков превалировал над консервативными тенденциями. Идеологом этого обновления казахской жизни был Абай, который призывал к широкому усвоению русского языка и культуры, так как это повышает возможности национального выживания. Он писал: «Нужно овладеть русским языком. У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять лучшие качества этого народа, ... и избежать его пороков» [Абай, 1983, с. 66]. Абаевская идея рецепции европейских начал через русскую культуру и язык носила утилитарный характер для самих казахов, получающих «ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно намного облегчить жизнь нашего народа ...мы бы познали разные, но в то же время честные способы добывания средств к жизни и наставляли бы на этот путь детей: смогли бы защитить аулы от несправедливых царских законов; успешнее бы боролись за равноправное положение нашего народа среди великих народов земли» [Абай, 1983, с. 67].

Изменения коснулись прежде всего таких фундаментальных основ жизнедеятельности общества как способ хозяйствования, заключавшийся в переходе от кочевого скотоводства к земледелию, и соответствующее изменение социо-культурного облика населения. На важность учета этих факторов обращал внимание Ф. Бродель, полагавший, что распространение «растений цивилизаций» (пшеницы, риса, кукурузы), имеет определяющее значение для истории народов, так как эти культуры: «глубоко организовывали материальную, а порой и психическую жизнь людей, так что создавались почти необратимые структуры» [Бродель, 2007, с. 83]. На рубеже XIX – XX веков социальная трансформация казахского общества была весьма ощутима и проявлялась в стремлении разорившихся скотоводов освоить земледелие и иные формы хозяйственной деятельности, такие как торговля, ремесла и даже индустриальный труд.

Усиление трансформационных тенденций было связано с кризисом классического кочевого хозяйства, во многом вызванного началом широкомасштабного крестьянского переселения. Казахские скотоводы уже не могли рассчитывать на незыблемость своих прав на владение необходимыми для поддержания кочевого хозяйства земельными участками, ранее находившимися в пользовании всего рода. В этих условиях значительная часть казахского общества коренным образом меняла кочевой хозяйственно-культурный уклад жизни и переходила к земледелию и отгонному скотоводству с использованием заготовки сена.

Собственно земледелие всегда присутствовало в качестве подспорья основному занятию - скотоводству. Земледелием на территории Казахстана занимались в долинах рек Сыр-Дарьи, Чу, Таласа, Или и др. Здесь существовала древняя традиция поливного земледелия, но до конца XX века оно не было основным занятием казахов. С.З. Зиманов следующим образом характеризовал ситуацию: «земледелие в первой половине XIX века продолжало оставаться, как прежде, второстепенной отраслью производства и не имело еще серьезного веса в экономике казахского хозяйства. Обширные заливные участки, прибрежные угодья, а также огромные черноземные пространства в районах с достаточными

атмосферными осадками, удобные для посева, казахами использовались исключительно слабо, в мизерном количестве. Даже в бассейне Сыр-Дарьи, в районе относительно развитого земледелия, много было неосвоенных удобных к земледелию участков» [Зиманов, 1958, с. 45]. Причины слабого развития земледелия ученый видит в наличии огромного пастбищного пространства и сухих степных районов, при недостаточности атмосферных осадков, а также рутинном состоянии техники, делающих кочевое скотоводство производительнее примитивного земледелия. Однако сужение естественных границ кочевого скотоводства уже к середине XIX века и в связи с этим падением производительности труда, полагает С.З. Зиманов, толкало кочевника – скотовода к поискам других источников существования, и он находил их в земледелии [Зиманов, 1958, с. 45].

Стимулом к распространению земледелия стало крестьянское переселение и изъятие у казахского населения огромных массивов земли в переселенческий фонд и в пользование казачьими войсками. Как правило, отчуждались самые плодородные и обеспеченные водой территории. Н.Э. Масанов указывает на изъятия наиболее ценной земли, на которой казахи вели подсобное земледельческое хозяйство, и как следствие «ликвидировались необходимые предпосылки для развития земледельческого хозяйства собственно казахского населения. Тем более, что происходило вытеснение казахского земледелия не только посредством изъятия земли, но и аренды, и, самое главное, экономически более рационально организованным и эффективным земледелием русского крестьянства, сартского, уйгурского и дунганского населения» [Масанов, 1995, с. 231].

На наш взгляд, переход к земледелию как подсобному виду хозяйства был обусловлен как раз опытом общения с традиционно земледельческими народами, когда казахи увидели дополнительную выгоду и подспорье основному виду занятий – скотоводству. Земледелием могли заняться лишь экономически крепкие хозяйства, имеющие необходимое количество рабочих рук, возглавляемые мобильными и склонными к восприятию инноваций хозяевами. Об этом говорят

материалы обследований казахских хозяйств Петропавловского уезда в 1897 г., на основе которых был сделан вывод, что «вопреки распространенному мнению земледельческий промысел в своем массовом явлении не служит показателем киргизского (казахского - С.К.) оскудения. Наоборот, чем самостоятельнее хозяйство, чем лучше оно обеспечено скотом, тем больший процент хлебопашцев оно выделяет» [Материалы по киргизскому землепользованию..., 1908, с.186]. В Петропавловском уезде доля сеющих хозяйств среди безлошадных казахов составляла 5,6 %; среди однолошадных – 17,4 %; среди владельцев 2-3 лошадей – 21, 9 %; среди владельцев 11-15 лошадей – 26,7 % среди владельцев 16-25 лошадей – 33,3 %; среди владельцев 25-50 лошадей – 39,8 %; среди владельцев табунов в более 50 лошадей – 33,7 %. В среднем хозяйстве Петропавловского уезда содержалось 8 лошадей, 11 коров и 150 овец [Киргизское хозяйство в Акмолинской области, 1910, с. 121]. Малоимущие слои населения сеяли в среднем 1-1,5 десятины земли на хозяйство, в то время как наиболее богатые скотоводы засеивали 10-11 десятин земли [Киргизское хозяйство в Акмолинской области, 1910, с. 121]. Отсюда вытекает особая роль байских хозяйств, являвшихся не только своеобразным «стабилизационным фондом» для малоимущих сородичей, но и наиболее передовыми, товарными, имеющими породный и ухоженный скот. Обедневшие, выброшенные из аульной среды и перешедшие к земледелию кочевники, как уже доказали нomaдoведы, считали свое состояние временным и, как только, предоставлялась возможность, возвращались к прежнему образу жизни [Крадин, 2007, с. 325; Марков, 1976, с. 139-140, 163; Толыбеков, 1971, с. 335-338].

Удельный вес занятия земледелием у казахского населения к началу XX века по ряду районов был очень высоким. По данным на 1908 год в Актюбинском уезде земледелием в различной степени занималось 94,4 % казахских хозяйств; в Акмолинском – 30,7 %; Атбасарском – 30,6 %; в Аулие-Атинском – 92,1 %; в Верненском – 79,2%; Джаркентском – 68,5 %; Зайсанском – 72,4 %; Иргизском – 22,9 %; Казалинском – 49,9 %; Каркаралинском -17,1%; Капальском – 81,5 %; Кокчетавском – 22,2 %; Кустанайском - 77,2 %; Лепсинском – 77,7 %; Омском -

3,1 %; Павлодарском – 24,2 %; Петропавловском - 24,8 %; Перовском – 74, 8 %; Семипалатинском -49,5 %; Темирском – 77,9 %; Тургайском – 21,8 %; Уральском -85,1 %; Чимкентском – 80,6 % [Материалы по киргизскому землепользованию..., 1908. с.173; Масанов Н.Э., 1995, с. 234]. Средний размер посевных площадей варьировался от 1,3 в Кокчетавском и 2,2 десятины в Петропавловском уездах до 6,1 десятины в Актюбинском уезде. С учетом того, что необходимый минимум посевной площади для засушливых районов Казахстана составляет, по расчетам Н.Э. Масанова, 6-7 дес., то очевидно, что земледелие было вспомогательной отраслью скотоводческого хозяйства казахов, позволявшей получать столь необходимый минимум хлеба и фуража для прокорма скота.

Казахское кочевое хозяйство было сильно дифференцировано по роду деятельности не только между регионами, но и внутри областей. Исследователями начала XX века в Акмолинской области выделялись три типа казахского хозяйства: казахов Атбасарского уезда, ведших традиционное кочевое хозяйство, кочевавших на расстояния свыше 1 тыс. верст, не имевших постоянных зимовок и четко очерченных границ кочевания; баян-аульских казахов, кочевавших на расстояние не свыше 200 верст и зиму проводящих в постоянных зимовниках; прииртышских казахов, ведших хозяйство, близкое к оседлому, проживавших в постоянных жилищах и занимавшихся хлебопашеством. В Маралдинской волости 75 % казахских хозяйств имели посевы зерновых и 37 % хозяйств занимались неземледельческими промыслами [Владимирский В., 1902, с. 22-23]. Оседлые казахи могли более успешно стеснять своих кочевых конкурентов, используя связи с имперской бюрократией и русскими поселенцами. Т. Седельников приводит пример с адаевскими родами, вытесненными оседлыми гурьевскими родами с мест постоянной кочевки [Седельников, 1991, с. 88-89].

Освоение земледельческого труда в северных регионах казахами облегчалось широкими контактами с традиционно земледельческими народами – русскими, украинцами, немцами. Формы передачи необходимых трудовых

навыков были разными, это и наем русских работников, и передача в аренду части земли крестьянам, и дружеская помощь. В Петропавловском уезде семь аульных обществ первые годы сеяли при помощи нанятых русских работников; в Кушмурунской волости этого же уезда один из аулов, оставшийся без скота после эпизоотии, пригласил старца из Кустаная, который обучил казахов пахать землю и устроил вольный монастырь [Материалы по киргизскому землепользованию..., 1908. с.173]. Казахское население Восточного Казахстана в начале XX века активно заимствовало у русских крестьян орудия труда, способы обработки земли, хранения зерна, более урожайные и устойчивые сорта зерновых, новые культуры, такие как картофель, лук, лен, конопля, горох [Аргынбаев, 2007, с. 73-78]. Обширный материал о влиянии русских переселенцев на хозяйство казахов собран экспедицией по исследованию степных областей, работавшей в конце XIX века под руководством Ф. Щербины. Опрошенные казахи указывали на то, что они начали заниматься земледелием под влиянием поселившихся рядом русских крестьян, которые учили их навыкам и тонкостям нелегкого земледельческого труда. Ф. Щербина, основываясь на своих наблюдениях, сделал вывод: «Живым примером собственного хозяйства, непосредственным участием в выполнении для кочевника земледельческих работ, советами, практическими указаниями, которыми делится русский переселенец, последний втянул уже киргиза в круг интересов и понятий земледельца и видоизменил самые взгляды кочевника на значение земли для хозяйства» [Щербина, 1905, с. 44-45].

Под влиянием русских и украинских переселенцев казахи постепенно переходили к трехпольному земледелию, забрасывая применявшуюся ранее залежную обработку. Для поддержания плодородия казахи стали вносить органические удобрения [Сулейменов, Елеуов, 1963, с. 197-198]. Дореволюционные исследователи и советские этнографы выявили прямую зависимость между распространением у казахов новых сельскохозяйственных орудий и долей русского и украинского населения, живущего по соседству [Сулейменов, Елеуов, 1963, с. 204-205].

Современники пишут о происходящих изменениях в самом облике казахского аула, выразившихся в распространении постоянных жилищ, наподобие русских изб, предметов быта, одежды и орудий труда русского населения, существенных изменениях в культуре питания. К началу XX века в северных, западных и восточных районах Казахстана резко возрастает количество постоянных домов, рассчитанных на зимнее проживание (кыстау). В богатых лесных районах Восточного Казахстана строятся рубленые дома, опыт возведения которых заимствовался у русских переселенцев. В безлесных степных районах дома возводились из сырцового кирпича. Зажиточные казахи строили пятистенные дома, а наиболее богатые даже многокамерные. По примеру русских и украинцев казахи в домах ставили печи, настилали деревянные полы и выставляли застекленные оконные рамы. Число постоянных жилищ быстрее росло в зонах интенсивных контактов казахов и крестьян-переселенцев, на юге этот процесс шел медленнее, несмотря на многовековое соседство и контакты с оседло-земледельческими народами Средней Азии. В отдельных районах доля казахов, живущих в постоянных зимних домах, достигала 90 %, в других - не превышала 10 %. В Казалинском уезде в 1910 г. более 40 % казахов зимовало в юртах, на Мангышлаке казахское население практически не имело постоянных зимних домов [Востров, Кауанова, 1972, с. 44-45].

В повседневную жизнь казахского населения широко входят европейский фасон одежды, фабричная металлическая и керамическая посуда, сделанные из железа кровати, ведра и т.д. Состоятельные казахи имели, как правило, самовар, наборы чайной посуды. Особенно сильно перемены затронули один из наиболее консервативных аспектов человеческой жизнедеятельности – культуру питания. В XVIII веке пищевой рацион казахов состоял из мясомолочных продуктов, приготовленных различными способами. Основными напитками были кумыс и айран. Практически не употреблялись мучные изделия, сахар и соль. Российский естествоиспытатель шведского происхождения И.П. Фальк пишет: «В связи с тем, что они (казахи) из рыболовства и охоты почти ничего не извлекают, не возделывают огородных и зерновых культур, а скудная степь не способна

снабжать съедобными плодами и кореньями, то главным блюдом остается баранина. Она всегда готовится на воде, без соли и может быть приравнена к нашему повседневному хлебу» [Фальк, 1996, с.131]. Путешественник Д. Кэстль, описывая прием в ставке казахского хана Абулхаира, упоминал только мясные и молочные блюда, также приготовленные без соли. «Русским блюдом», специально приготовленным для гостя казахи называли конину, приготовленную с солью [Кэстль, 1998, с. 41].

К началу XX века казахи вводят в рацион питания мучную продукцию, в том числе печеный хлеб, готовить который их научили русские переселенцы, картофель, употреблявшийся вместе с мясом, лук, чеснок и перец, служившие приправами к разным блюдам. Статистические данные позволяют говорить о постепенном вытеснении из рациона мяса мучной продукцией, получаемой как на своих полях, так и покупаемой у русских крестьян. В начале XX века в среднестатистической казахской семье кочевого Каркаралинского уезда на одну душу потреблялось 112 кг. мяса, 81,6 кг. муки, 43-48,5 ведер молочных изделий. В Усть-Каменогорском уезде, где казахи проживали по соседству с русскими селениями, наблюдалось сокращение потребления мяса. На одного индивида здесь приходилось 57,6 кг. мяса, 137,6 кг. муки и 55 ведер молока и кумыса. Для сравнения, в сохранявшей основные черты кочевого хозяйства монгольской семье середины XX века на одного человека приходилось потребление 143 кг. мяса, 550 литров молока и только 18 кг. муки [Хазанов, 2002, с. 131]. Потребление мяса носит в кочевом обществе более престижный характер и монгольская пословица гласит: «Мясо и молоко едят люди, траву – животные».

Большая часть казахских кочевников не имела возможности и такого потребления. По расчетам Н.Д. Зеланда, средняя казахская семья еще до начала широкомасштабного крестьянского переселения потребляла 81 кг. мяса в год, в среднем не более 220 гр. мяса в день, что является недостаточной нормой даже для маленьких детей. Богатые семьи употребляли мясо ежедневно, большинство казахов – лишь изредка [Зеланд, 1885, с.17-18]. Один из виднейших представителей казахской дореволюционной интеллигенции М. Чорманов писал:

«Не имея возможности покормиться любимую киргизами (казахами - С.К.) мясной пищею, бедняки сделали себе большое подспорье из ржаной муки, из которой, впрочем, не пекут хлеба, а варят род супа с мясом, кладя на ведро воды фунта 3 мяса, с фунт сала и фунтов 5 муки» [Чорманов, 1883, с. 40-44; Галиев В.З., 1994, с. 114]. Появляется и такое блюдо бедноты как «ложный бешбармак», готовившийся из бараньего жира, лука и хлебных лепешек. Казахи в начале XX века, по свидетельству Букейханова, сравнивая старые времена и современность, приходили к выводу: «в сравнении со стариною пища стала хуже, а жизнь (в общем) лучше» [Букейханов, 2007б, с. 69].

С развитием торгового обмена большое распространение получает употребление сахара, конфет, меда и сухофруктов. Особенно прочно в повседневную жизнь вошло употребление кирпичного чая, постепенно ставшего необходимым напитком и существенно потеснившего традиционные молочные напитки - кумыс и айран [Аргынбаев, 2007, с. 140-141]. По свидетельству фон Шварца кирпичный чай был низкого качества. Он описывал употребляемый чай так: «Готовиться из отходов чайных стеблей, которые смешивают с бычьей кровью и придают им форму кирпича, киргизы (казахи – С.К.) варят в котле вместе с молоком, мукой, солью и бараньим жиром и потом пьют его так, как он есть, вместе с чайными стеблями» [Шварц, 2006, с. 212.]. Наряду с кирпичным чаем, из Китая в быт части казахов входили китайские чайные наборы и самовары из России [Васон, 1966, р. 96]. Казахская чайная церемония впоследствии прочно вошла в народную культуру, являясь неотъемлемым элементом обычая гостеприимства.

Очевидным является и обратное влияние хозяйственно-культурного уклада жизни казахского населения на прибывающих переселенцев и казаков. Русские заимствовали у казахов навыки ведения скотоводческого хозяйства, отдельные элементы одежды, способы заготовки мясомолочной продукции. Казахстанские этнографы Х. Аргынбаев, В. Востров, Х. Кауанова, исследовав процессы казахско-русской культурной интерференции, пришли к выводу об огромном влиянии русской народной культуры на трансформацию хозяйства и культуры

казахского народа. В результате межкультурных и торговых обменов в кочевой среде казахи широко стали использовать среднеазиатские ткани, велюр и вельвет из России для пошива женской верхней одежды - шелк и сукно для пошива мужских чапанов [Васон, 1966, р. 96]. В свою очередь приспособление к местным условиям и активное заимствование элементов казахского хозяйственно-культурного уклада способствовало успешной экономической и социальной адаптации русского населения [Аргынбаев, 2007, с. 151]. В суровых условиях казахстанской зимы русские казаки и крестьяне заимствовали у казахов меховые головные уборы, кожаные сапоги, войлочные чулки, бешметы, халаты, полушубки и т.д. [Аргынбаев, 2007, с. 148-149]. Исследователи Степного края начала XX века фиксируют появление специфических особенностей в быту и культуре местных казаков и русских. В повседневной жизни многие русские казаки, крестьяне-старожилы, стараясь отличить себя от прибывающих переселенцев, использовали в общении казахский язык, «форсили» по принятой у казахов моде, пили кумыс, употребляли конину и т.д.

Н.М. Ядринцев отмечал культурную «пластичность» русских сибиряков, их мощную культурную и антропологическую взаимосвязь с окружающими «инородческими» народами и племенами. «Русская колония, - писал выдающийся сибирский ученый, - не только усваивала физический тип и психические особенности инородца, но даже воспринимала его культуру. Изменения эти не составляли отдельных и случайных фактов, но отразились на всей массе русского на Востоке» [Ядринцев, 1892, с. 94]. Ядринцев указывает на изменение культуры питания русских крестьян - старожилов, потребляющих большое количество пшеничного хлеба, мяса, рыбы и чая [Ядринцев, 1892, с. 97].

Активное восприятие элементов местной хозяйственной и культурной традиции позволяет говорить о высоком адаптационном потенциале русского населения Казахстана. Свою роль играл многовековой опыт проживания русского народа с другими этносами, зачастую коренным образом отличающимися не только по антропологическим, но и по цивилизационным признакам.

В результате налаживания сотрудничества в повседневной жизни и трудовой деятельности появлялись прочные дружеские отношения между пришлым и коренным населением, происходило сближение народов, отличающихся по антропологическим характеристикам, принадлежности к другой языковой семье и вероисповеданию, хозяйственно-культурному укладу жизни. Тем самым, закладывался очень важный для будущих поколений первоначальный капитал межэтнического доверия, формировалась историческая общность судеб казахского и русского народов. Казахи называли своих русских друзей «тамырами». В ходе постоянных контактов преодолевались комплексы этнокультурного отчуждения, формировались стереотипы и автостереотипы восприятия окружающих представителей других народов.

Если исходить из постулатов экономического детерминизма, то следует согласиться с Н.Э. Масановым, считавшим, что существенных изменений в жизни казахского народа до 1930-х годов не было, так как «кочевой способ производства не претерпел каких-либо трансформаций и полностью сохранил основные механизмы своего воспроизводства» [Масанов, 1995, с. 273]. Изучение повседневности показывает, что процессы социальной трансформации дореволюционного казахского социума были значительно глубже и шли по большей мере эволюционным путем. Мощный инновационный поток, включавший территорию Казахстана в мировую капиталистическую систему, разрушал хозяйственную автаркию и автономность кочевых сообществ, углублял имущественную дифференциацию и привнес в мировоззрение казахов вполне европейские ценности. Мы уже говорили о сложившемся еще в дореволюционной России высоком престиже русского образования в казахской среде, сохраняющемся и в современном суверенном Казахстане. Цивилизационный поворот в сторону европейской модернизации приветствовался представителями казахской интеллектуальной элиты, видевшей в этом путь к спасению и возрождению своего народа.

В региональном «разрезе» трансформационные процессы проявились у казахов, проживавших в смешанных этнических средах северных и южных

районов. Здесь казахи активно усваивали элементы хозяйства, быта и культуры земледельческих народов. Впоследствии эти районы менее пострадали от голода и массовой гибели людей начала 1930-х годов, нежели центральные и западные районы Казахстана, где устойчиво сохранялось доминирование кочевого хозяйства и традиционного образа жизни. Начавшиеся в начале XX века изменения социальной реальности и психологии в казахском обществе носили долговременный и необратимый характер, их последствия проявятся значительно позже. Казахское общество, «облучаемое» новыми социальными, культурными, политическими структурами капиталистической системы и европейской цивилизации, постепенно входило в современный мир. Сотрудничество с русским населением облегчало адаптацию казахов к новым условиям. В то же время требовалось длительное время для налаживания стабильных отношений доверия. Для этого необходимым условием было сохранение существующего порядка в землепользовании. Массовая миграция крестьян из европейской части страны обострила конкурентные отношения в целом по Центральной Азии.

1.2 Обострение национального вопроса на рубеже XIX-XX вв.

Обострение национального вопроса на рубеже XIX - XX веков на территории современного Казахстана было непосредственно связано с социально-экономическими и культурными сдвигами, происходившими внутри казахского общества в связи с широкомасштабным переселением крестьян из европейской части страны, стимулировавшим кризис кочевого хозяйства, разложение родовых связей и усиление социальной дифференциации. Миграции крестьян и социальные перемены, болезненные для большинства кочевников, породили множество конфликтов между кочевыми и переселенческими общинами. Страдавшие от земельных изъятий кочевники в начале XX в. стали враждебно относиться к имперской администрации.

Расширение масштабов крестьянского переселения в начале XX века было подготовлено предшествующими миграциями XIX века. Поток переселенцев на Восток стирал «перегородки» в контактах различных народов. В истории России не было границы - фронта между враждебными мирами варварства и цивилизации, как это имело место на Диком Западе США. Как и в Европе, на российских просторах за Уралом шел процесс налаживания межэтнических связей и взаимной этнокультурной интерференции между народами. Ж. Ле Гофф отмечает, что у истоков особого европейского мира с самого начала утверждается диалектика этнического единства и разнообразия, остающаяся фундаментальной основой современной Европы [Ле Гофф, 2008, с. 38]. В рамках Российской империи шло складывание особого цивилизационного пространства русских крестьян, казаков, горцев, кочевников, таежных охотников, торговцев, ремесленников и дехкан Средней Азии. Этот мир, со своими социальными и культурными ценностями, кардинально отличающимися от ментальных установок соседних цивилизаций, будет вызывать удивление и в какой-то мере страх большую часть XX века. основополагающими ценностями, разделяемыми

на огромных просторах, был коллективистский солидаризм, этническая и расовая толерантность.

Истоки российско-евразийской социокультурной традиции уходят в золотоордынский период и тянутся в современность. Главную роль в цивилизационном преобразовании евразийских пространств играла миграция русских и их этнических «спутников» (украинцев, татар, народов Поволжья) в XVIII – XX веках. На территории Казахстана распаивалась целина, появлялись села, строились города. Исследователи начала XX века с удовлетворением констатируют, что повсеместно устанавливается русский тип населенных пунктов и хозяйствования. В. Вошинин описывает русские села в Туркестане: «будто на родину возвращаюсь. Сразу вижу массу народа, лиц, названий, костюмов... Кого только нет в здешних селениях: великороссы и мордва с Поволжья, малороссы из Воронежской, Харьковской и Полтавской губерний и Новороссии, сибиряки и всякий люд, сошедшийся с разных концов России и только здесь рядом случайно осевшие» [Вошинин, 1914, с. 43]. Масштабное цивилизационное переустройство прежде кочевой степи набрало силу к началу XX века и продолжилось уже в советский период.

Великий неудержимый крестьянский «разлив» конца XIX - начала XX веков вынуждал государство регулировать и поддерживать переселенческую политику. Т. фон Лауэ, ссылаясь на дореволюционные труды ученых - аграриев П. Лохтина и И. Озерова, указывает на перенаселенность европейской части России и малую товарность крестьянского хозяйства. На одинаковой площади земли хозяйство немецкого крестьянина-бауэра давало вдвое больше продуктов, а хозяйство бельгийского фермера в четыре раза больше, чем домохозяйство российских крестьян [Laue von, 1964, p. 33]. Лохтин относил 4/5 крестьянских хозяйств из 12 млн. к категории «лишних» для сельской местности. С учетом продолжающегося демографического «давления» в европейской части страны перенаправление крестьянской миграции на восток от Урала было вынужденной мерой.

Аграрная реформа П.А. Столыпина подстегнула переселение русских и украинских крестьян в Казахстан. К 1904 году стало очевидно, что прежние

«Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли» 1881 года и переселенческий закон 1889 года, упорядочивавшие процесс переселения преимущественно малоземельных и малоимущих крестьян и ставившие заслоны на пути самовольного вселения, не выполнили своей роли. Доля «самовольщиков» за Урал в начале 1890-х годов составляла от 60 до 85 % в общей доле переселенцев. С 1893 года всем переселенцам стала оказываться материальная помощь на переезд и обустройство на новом месте. Разрушение крестьянской общины в ходе столыпинской аграрной реформы усилило социальную активность крестьянства. В 1904 году был издан новый переселенческий закон, поощрявший крестьянское переселение в азиатскую часть Российской империи. Переселение в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию должно было ослабить остроту земельного кризиса в европейской части страны. Сейчас очевидно, что переселенческая политика царизма была паллиативной мерой. Аграрные общества характеризуются перенаселенностью и постоянно усиливающимся демографическим давлением на ресурсную базу. Углубляющаяся социальная дифференциация и хроническое малоземелье ведут к перманентным скрытым или открытым конфликтам с властью. В районах-реципиентах крестьянской миграции в конфликт с поддерживающим колонизацию государством и переселенцами втягивалось местное население.

Переселенческой политике царизма и изменению этнического состава населения посвящен широкий круг исследований, включая дореволюционные. Они позволяют в полной мере представить размах изменений, происходивших на территории Казахстана на рубеже XIX-XX веков. В течение 15 предвоенных лет, по данным М.Н. Турсунбаева, на территорию Казахстана прибыло 1234 тыс. переселенцев. По данным видного казахстанского демографа Н.В. Алексеенко численность переселенцев, осевших на территории Казахстана между 1870-1906 годами, достигала 521 тыс. человек, за 9 предвоенных лет проведения столыпинской аграрной реформы – 714,4 тыс. человек. Начало Первой мировой войны привело к резкому сокращению крестьянского переселения [Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н., 1999, с.27].

Крестьянская миграция привела к кардинальному изменению этнического состава населения. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года фиксирует абсолютное преобладание казахского населения, то к 1914 году ситуация меняется, при том, что численность казахов в составе России постоянно росла: 2596 тыс. человек в 1870 г., 3311 тыс. человек в 1897 г. до 3845 тыс. казахов в 1914 году. Из них 89,3 % проживало в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Тургайской и Уральской областях.

Ядро русского старожильского населения составляли казаки. По расчетам Н.В. Алексеенко, с 1870 по 1914 гг. численность уральских казаков выросла с 84,2 тыс. до 161,6 тыс. человек, численность сибирских казаков с 86 тыс. до 169,9 тыс., семиреченских казаков со 187,3 тыс. до 385,8 тыс. человек [Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н., 1999, с. 17-27]. По численности семиреченских казаков некоторые исследователи называют другую цифру - в 57 тыс. человек в 1912 г. [Центральная Азия в составе Российской империи, 2008, с. 216]. В более ранней работе Н.В. Алексеенко указывал численность семиреченских казаков в 17111 человек в 1870 г., 33757 человек в 1897 г. и 54350 человек в 1914 г. [Алексеенко Н.В., 1981, с. 64]. Общая численность казачьего населения стабильно росла и достигла более 385 тыс. человек в 1914 году.

Общая численность крестьян – переселенцев, прибывших в Казахстан с 1870 по 1914 годы, составила 1434,4 тыс. человек [Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н., 1999, с. 17-27]. Н.Е. Бекмаханова полагает, что с 1871 по 1916 годы на территорию Казахстана въехало 1629,2 тыс. человек [Бекмаханова, 1986, с. 103]. Значительную часть переселенцев составили украинцы. В 1917 году на территории Казахстана проживало 800 тыс. украинцев, численно доминировавших в Кокчетавском (35,2 %), Кустанайском (33,5 %), Петропавловском (28,84 %) уездах Акмолинской области. В Павлодарском уезде в это время проживало 29,9 тыс. русских и 40,8 тыс. украинских крестьян [Бекмаханова, 1986, с. 172]. Наряду с русскими и украинцами в степные районы прибывали татары, немцы, мордва, армяне и представители других народов, внося

свою лепту в усиление этнического многообразия в Казахстане. Татары и немцы предпочитали компактное расселение в сельской и городской местности, стараясь не смешиваться с русскими и казахами. К 1917 году русские и украинцы численно стали преобладать в Кокчетавском и Петропавловском уездах Акмолинской области, Кустанайском уезде Тургайской области и Павлодарском уезде Семипалатинской области. Сокращение удельного веса казахского населения происходило неравномерно, в зависимости от интенсивности вселения переселенцев. С 1897 по 1914 годы удельный вес казахов в Акмолинской области снизился с 61,1 до 36,6 %, в Семипалатинской с 87,9 до 73 %, в Семиреченской 80,4 % до 60,5 %, в Сыр-Дарьинской с 64,4 до 62,3 %, в Тургайской с 90,6 до 58,7 %, Уральской с 71,3 до 56,9 %, по Казахстану в целом с 74 до 58,5 % [Алексеевко Н.В., 1981, с. 85].

Изменения социально-экономического и культурного порядка в дореволюционный период вызывали многочисленные острые конфликты между переселенцами и казахским населением, в первую очередь, по земельному вопросу, ставшему камнем преткновения между народами и способствовавшему складыванию «инородческого вопроса» в Сибири. «Притирание» народов носило в значительной мере конфликтный характер, «снимаемый» благодаря определенным культурным установкам казахского и русского населения и деятельности элитных групп.

Лучшие представители русской интеллигенции и имперской администрации осознавали необходимость неотложного решения «инородческого вопроса». Их позицию выразил Ядринцев, указывавший на то, что «инородческий вопрос» в Сибири требует решения следующих задач: 1) предупреждение «вымирания» инородцев; 2) обеспечение их экономического выживания и культурного развития; введения гражданского «полноправия» и законодательное его обеспечение; 4) обеспечение духовного развития и просвещения» [Ядринцев, 1892, с. 150]. Несмотря на понимание и сочувствие русской интеллигенции, национальный вопрос не мог быть разрешен в рамках охранительной политики имперских властей на окраинах.

Ситуация была усугублена размахом крестьянского переселения, в том числе и неорганизованного, набравшего силу к концу XIX века и ставшего необратимым явлением. Русских крестьян, страдавших от малоземелья, манили рассказы о краях, где урожай пшеницы доходил до сам-30, урожай неизвестного доселе риса достигал сам-100, где было много свободной земли. Прибывавшие с территории современной Украины крестьяне считали, что местные казахи имеют слишком много земли, «как паны» у себя на родине. Переселенцы в поисках лучшей жизни были готовы преодолеть первоначальные тяготы и лишения суровой зимы и засушливого лета в Сибири и Туркестане.

В 1901 г. переселенческий врач К.П. Орлов, направленный изучить проблему с цингой в девяти переселенческих селах, докладывал Омскому медицинскому Обществу, что 2200 прибывших малороссийских новоселов относились к зажиточным и среднесостоятельным крестьянам. Редконаселенная сухая лесостепь и степь Акмолинской области стали суровым испытанием для рачительных и трудолюбивых украинских поселенцев. Несмотря на помощь властей, новоселы пострадали от сильнейшей засухи 1900-1901 годов и практически лишились необходимых припасов. Удаленность от областного центра, Омска, сказалась на дороговизне продовольствия. Пищу новоселов составляли галушки и борщ, сваренный из сала, муки и кваса. Малороссийские переселенцы имели в качестве припасов долговременного хранения лишь заготовленное на родине сало. Во многих семьях не было молочного скота. В результате в восьми из девяти сел до 40 % поселенцев оказались поражены тяжелой формой цинги, чему способствовала скудость питания, отвратительное водоснабжение из вырытых наспех колодцев и убогое жилье в виде сырых и холодных землянок, обложенных дерном, совершенно непригодное в условиях суровой местной зимы. Особенно от цинги страдали дети и женщины [Кирияков, 1902, с. 230-231]. В еще более тяжелом положении, по сообщению омского врача, находились «самовольные» переселенцы, не получавшие помощи государства и бедствовавшие в поселках, построенных вдоль железных дорог.

В соседнем Петропавловском уезде в результате строительства Транссиба переселенческая колонизация шла так же интенсивно, как и в Омском, соответственно проблем было не меньше. Акмолинский областной комитет по нуждам сельскохозяйственной промышленности в 1903 г. констатировал: «Результаты поспешного, усиленного и форсированного заселения уже начинают сказываться; болезни... вследствие отсутствия доброкачественной воды, плохого домообзаводства и скудного однообразного питания, за недостатком собственных средств у новоселов и незначительной помощи со стороны казны не прекращаются; в некоторых селениях жители подавлены физически и морально, у многих новоселов, что называется руки опустились. До того обескуражила их неудача на новых местах, где они предполагали найти «млечную воду с кисельными берегами», а нашли в действительности соленую, тухлую, совершенно негодную воду для употребления ни человеку, ни скоту» [Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, 1903, с. 26]. Основная часть переселенческих деревень уезда располагалась вблизи болот и зачастую соленых или пересыхающих летом озер. В качестве примера акмолинские чиновники приводят села Владимировка и Семиполка, население которых пьет плохую воду из колодцев, из-за чего болеют и крестьяне и их скот.

Основная часть степной части Казахстана обеспечена питьевой водой лишь вблизи рек Ишим, Иртыш и Тобол. Казахское население приспособилось к суровым условиям жизни в аридных степях и практически не употребляло сырую воду. Традиционные кисломолочные продукты и чай, заваренный на молоке, позволяли избегать болезней, косивших переселенцев. Лишь целенаправленная сельскохозяйственная политика в СССР позволила создать высокоэффективное комплексное земледельческое и животноводческое производство и обеспечить водой засушливые районы Казахстана. В 1990-е годы в результате пресловутых экономических реформ и т.н. «оптимизации» была разрушена система централизованного обеспечения населения питьевой водой в сельской местности. В результате население буквально бежало из наиболее удаленных и засушливых районов Северного Казахстана, бросая ранее процветавшие совхозы и колхозы. В

Московском районе Северо-Казахстанской области целые села, находившиеся вблизи соленого озера Тарангул, выехали на Дальний Восток из-за отсутствия питьевой воды.

Не лучшим образом чувствовали себя переселенцы южных районов Казахстана. В Южном Казахстане для ведения земледелия пригодны долины речных систем Семиречья (Жетысу) и Сыр-Дарьи. Основная часть региона представляет засушливые степи, горные районы Алатау и Каратау, полупустыни и пустыни Кызыл-Кум, Бетпак-Дала и Голодная степь. Как и на территории Мавереннахра, оседло-земледельческие районы чередовались с кочевой и полукочевой степью. По сообщению И.И. Гейера самарские немцы, бежавшие в Чимкентский уезд от голода в Поволжье, потеряли большую часть имущества во время путешествия по пустынным степям. Добравшись до «мест обетованных», ослабленные переселенцы стали жертвой эпидемии холеры, весьма частой в этих местах [Гейер, 1893, с. 14-15]. Выжить немцы смогли благодаря государственным ссудам и развитой коллективной взаимопомощи.

Выживание в столь суровых условиях зависело от кооперации трудовой деятельности внутри переселенческой общины и налаживания сотрудничества с представителями других народов, и прежде всего с казахами. Требовалось время и взаимная толерантность и со стороны переселенцев и со стороны местного населения. В. Воцинин в 1914 г. уловил основную тенденцию развития межэтнических отношений в крае: «Эта этнографическая пестрота, бросающаяся в глаза даже теперь после десятка лет совместного жительствова, на первых порах, как пришлось тут выяснить – вызывает известные трения; но, основанные на разных привычках хозяйствования, эти трения даже не бесполезны; под влиянием одинаковых для всех новых условий, разность навыков мало-помалу спланивается и благодаря именно разностороннему коллективному опыту скорее достигается усовершенствование местной культуры и вместе благосостояние засельщиков» [Воцинин, 1914, с. 44].

В суровых испытаниях колонизации Центральной Азии формировался особый тип русского крестьянина, многое вобравшего в себя от окружающих

народов. Исследования по русскому крестьянству начала XX века описывают крестьян как смелых, трудолюбивых и рачительных хозяев, умелых торговцев и скотоводов. Большую роль в изменении психологии русских и украинских крестьян, повышения их мнения о собственной значимости играл сам факт переезда на новые земли, поддержка колонистов со стороны государственных органов и партнерско-конкурентные отношения с местным населением. Ярким примером является образ родоначальника одного из сел Чимкентского уезда Корнилова, не испугавшегося безлюдной степи и соседства казахов: «Он прекрасно уживался с Ордой, подчас воюя с ней, подчас тамырничая (поддерживая отношения побратимства – С.К.), оставаясь со своей семьей единственным представителем русских в округе» [Гейер, 1893, с. 113]. Вощинин вдохновенно описывал трудовой подвиг переселенца на новых землях: «Настоящий переселенец, помолясь жарко Богу, с огромным напряжением физических сил, воли и мысли принимается за плуг и лопату. Труда не жаль этим людям. Они буквально ворочают горы, они готовы от всего отказаться, лишь бы скорее стать на ноги. Добрые соседи туземцам, такие колонизаторы в первый год перенимают от них все, что можно, а глядишь через год или два – прежний кочевник киргиз засекает уже поле, а сарт - представитель тысячелетней первобытной хлопковой культуры – вдруг приобретает машины» [Вощинин, 1914, с. 79].

Русские переселенцы передавали местным жителям навыки стойлового содержания породного скота, постоянного сенокосения, огородничества, пашенного земледелия и строительства срубных многокамерных домов. В свою очередь в южных районах ими усваивалась технология выращивания хлопка, заготовки топлива, в степных районах - умение использовать местные пастбища. В некоторых селах южных уездов русские крестьяне переходили к товарным видам земледелия, выращивая хлопок, занимавший до трети всех посевных площадей [Вощинин, 1914, с. 22].

Упорный труд крестьян и земельный простор позволял в короткие сроки создавать крепкие хозяйства, избежать раскрестьянивания и полуголодного

существования, грозившего на родине. Дореволюционные исследователи, изучив хозяйственное положение новоселов, пришли к выводу, что 1/3 сибирских переселенцев на родине либо не имели земли, либо имели менее одной десятины на семью, до трех десятин владели 34,2 % прибывших. Лишь 2,7 % прибывших крестьян имели на родине 10 и более десятин на семью. В 1896-97 годах 36 % прибывших переселенцев вообще не имели рабочего скота, 45 % только одну лошадь и лишь 19 % были обеспечены лошадьми [Кирияков, 1902, с. 150]. В докладе полтавского губернатора князя Урусова Особому совещанию при МВД в марте 1903 года рисуется вопиющая картина крестьянского обезземеливания в благоприятной для ведения сельского хозяйства Полтавской губернии: при средней земельной обеспеченности в 6,1 десятины на двор, 17 % крестьянских дворов были безземельными, 35 % (129320 домохозяев и 674055 душ обоего пола) владели менее трех десятин на двор. Средняя земельная обеспеченность среди этой категории малоимущих крестьян составляла в среднем 1,5 десятины на двор. Крестьяне Полтавщины были лишены необходимых условий для поддержания эффективной жизнедеятельности хозяйства, так как основную часть используемой земли - 79,5 %, они отводили пашне, сенокосы составляли 5,8 %. За право выпаса скота крестьяне платили от 6 до 10 рублей за голову крупного рогатого скота [Симонова, 1987, с. 83]. Вынужденное сокращение поголовья рабочего скота вело к кризису экстенсивного крестьянского хозяйства.

На новых землях переселенцы получали большие пахотные наделы и государственную поддержку. В 1881 г. правительство ввело в действие «Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей». На основании этого закона крестьяне-переселенцы должны были получать на новых местах по 30 десятин земли на хозяйство, материальную помощь для обустройства и различные льготы. По материалам обследования хозяйств Акмолинской области в 1910 году переселенцы получили в пользование 8,4 десятины на 1 душу в Петропавловском уезде; в Омском – 7,7 десятины; в Акмолинском – 10,6 десятина. Переселенцы получили меньше земли, чем казахи и казаки, имевшие соответственно - 52,9 и 24,7 десятин на душу в

Петропавловском уезде; в Омском – 71,2 и 48,5 десятин; в Акмолинском – 65 и 24,7 десятин [Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т.3. Петропавловский уезд, 1910, с. 3; Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т.2. Омский уезд, 1910, с. 4; Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т.5. Акмолинский уезд, 1910, с. 3]. В 1912 г. в пользовании 709 тыс. переселенцев находилось более 5 млн. десятин земли. Сибирские казаки владели более 2555 тыс. десятин на 113,5 тыс. чел. Казахи пользовались 30 млн. десятин на 554 тыс. человек, но 1\6 этих земель составляли земли неудобные, еще 5,5 млн. десятин находилось в Голодной степи [Обзор Акмолинской области за 1912 г., 1913, с. 6-7]. В полеводстве крестьяне применяли экстенсивную залежную систему. После 3 - 15-летнего периода использования земля забрасывалась на 6 - 15 лет, а затем вновь включалась в обработку.

В Западной Сибири на лучших черноземах истощение земли происходило максимум в течение 15 лет, минимум - в течение 3 лет. В некоторых районах залежные земли отдыхали от 20 до 40 лет. Земельный простор позволял поддерживать такую экстенсивную форму земледелия. Немаловажной причиной частых переселений было и то, что в отличие от европейской колонизации Северной Америки в России вся земля, доставшаяся крестьянам, находилась в государственной собственности. И.М. Супоницкая, сравнив положение американских фермеров-пионеров и русских переселенцев в Сибири, пришла к выводу: «И все-таки между сибиряком и американским фермером существовали серьезные различия. Крестьянин-сибиряк никогда не имел земли в частной собственности - почти вся земля Азиатской России принадлежала государству. Крестьяне не отличали владение землей от частной собственности на землю и были сторонниками трудового права: кто работает на земле, тот ею и владеет. Крестьянское обычное право в этом расходилось с государственным законодательством, поддерживавшим право частной собственности. Захватное землепользование Сибири - следствие неразвитости самого института частной собственности. Крестьяне считали земельные участки - заимки - своими,

поскольку пользовались правом наследственного владения ими» [Супоницкая, 1989, с. 229].

Первоначально крестьяне испытывали серьезные трудности, селились в землянках и мазанках, страдали от болезней, основная часть хронически недоедала. После пяти-шести лет проживания менялся облик новых поселков и обеспеченность крестьян. Переселенческие села отличали: «усадыбы просторные, с очень большими дворами, с хорошими почти везде хозпостройками, с нередко крытыми железом домами» [Супоницкая, 1989, с. 230]. Распашка целины первое время давала хорошие урожаи, до 100 пудов пшеницы с десятины, и позволяла крестьянам разбивать сады и огорода, строить пасеки и разводить до 8-9 голов крупного рогатого скота на хозяйство. Появившиеся средства крестьяне пускали на аренду у казахов до 20-30 десятин сенокосов на двор, разводили породный скот и птицу. Часть крестьян селилась в аулах. Они вели совместное хозяйство с казахами, пользуясь рабочим скотом и зерном своих компаньонов [Вошинин, 1914, с. 44]. Большим подспорьем было рыболовство, охота и маслоделие в северных и северо-восточных уездах, пчеловодство и бахчеводство в южных районах. Гейер описывает образцовые немецкие и украинские хозяйства южных уездов вблизи Ташкента, специализировавшиеся на товарном пчеловодстве и садоводстве. В зимнее время переселенцы активно занимались извозом и посреднической торговлей. Русско-украинское крестьянство и казачество, находившееся в привилегированном положении, являлись опорой имперской власти в российской Центральной Азии и были заинтересованы в сохранении системы жесткого контроля над местным населением.

Возможности обогащения переселенцев зависели от возможности экстенсивного освоения нетронутой целины, которую можно было задешево арендовать у казахов или же осуществить самозахват земли. Переселенцы, даже потеряв часть своего имущества в результате переселения в Центральную Азию, могли вдвое увеличить размеры своего благосостояния. Об этом свидетельствуют статистические материалы по результатам обследования девяти типичных поселков девяти волостей Кокчетавского и Петропавловского уездов,

проведенного сотрудниками Акмолинского переселенческого отдела в 1910 году. В среднем размер имущества семьи переселенцев, без учета земли (учитывалась стоимость построек, сельхозинвентаря, доходов от посторонних работ), по шести группам по длительности проживания на новой местности до переселения оценивалась в 204 рубля, в районах переселения уже в 459 рублей. Средний размер посевной площади вырос с 1,4 десятин на семью до 7,5 десятин; среднее количество скота увеличилось с 5,3 до 12,1 голов; сельхозинвентаря с 1,5 до 3,7 единиц. С учетом длительности проживания статисты пришли к выводу о наличии прямой зависимости между длительностью проживания и благосостоянием крестьян: «... переселенцы, даже более молодые, в среднем почти в два раза лучше обеспечены здесь, чем на родине, и что их благосостояние растет в зависимости от количества лет, прожитых на участке» [Статистические материалы Акмолинской области, 1911, с. 14-15]. Возможность создания крепкого процветающего хозяйства подталкивала дальнейшую крестьянскую миграцию за Урал и сомнительно, что административные меры по ее ограничению были бы эффективными.

Неурожаи и оскудение целинных распашек могли повысить переселенческую активность в северном регионе. А.А. Кауфман пишет, что во время неурожая переселенцы Кустанайского уезда вновь начинают переезды, преимущественно в Сыр-Дарьинскую область, а на смену им идут новые волны переселенцев, привлекаемые рассказами «ходовиков» и «святых людей» о богатствах новых земель, и сдержать их не могут запреты царской администрации [Кауфман, 1905, с. 31]. В Акмолинской области в 1912 г., сообщают местные статисты, выезд крестьян объясняется комплексом причин: «Уходят переселенцы из области, главным образом, вследствие отсутствия заработков и недостатка средств, малого количества на занятых участках питьевой воды, недостатка удобной земли. Нередки случаи и слишком легкого отношения некоторых переселенцев вообще к оценке занятых участков. Не довольствуясь средним по качеству участком и стремясь скорее улучшить свое благосостояние без особой затраты труда и средств, переселенцы идут дальше, в поисках «особенной» земли

на Дальнем Востоке, слыша как разбогатели там старожилы» [Обзор Акмолинской области за 1912 г., 1913, с. 9]. Достаток местных казаков и крестьян-старожилов был предметом зависти новоприбывших.

Исследователи обращают внимание на хищнический характер землепользования части крестьян-переселенцев. А.В. Ремнев пишет: «Достаточно быстро крестьянин признавал свой надел выпаханым, «свое существование мало обеспеченным», арендуемые земли не спасали от недородов и голодовок. Этот тип степного колонизатора получил в литературе наименование «кустанаец». «Кустаанаец» – в высшей степени хищник, для «извлечения из почвы последних соков» он использует улучшенные орудия и машины, для него характерны постоянное стремление идти дальше за целинными землями, нежелание затрачивать более интенсивный труд на обработку земли. Сказочные поверья о существовании в Сибири «небывало богатых краев» и появление народных брошюр, привлекающих крестьян переселяться за Урал, провоцировали желание искать лучшей земли. В результате очередной колонизационный рывок завершался не созданием «сплошного густого русского населения», но, напротив, появлением в Сибири народной массы, «блуждающей по уездам бесцельно и безрезультатно» [Ремнев, 2013, с. 175]»

Стремительно меняющийся мир обострил внутренние конфликты в кочевом социуме. В отношении господствующих в национальных историографиях дискурсов «экспансии» и «сопротивления» П.В. Вертом высказано критическое мнение по поводу существования конфликтов внутри этнических коллективов, подвергавшихся давлению со стороны имперских властей и русских переселенцев: «В целом при использовании концепции сопротивления возникает тенденция преуменьшать размеры конфликтов среди самих нерусских народов, вызванных возрастными и гендерными различиями, а также различиями в уровне достатка, в характере верований и т.д. Если обратиться к примеру Азербайджана, то различие между шиитами и суннитами среди мусульманского населения поможет объяснить различное отношение азербайджанцев к русскому господству. Подобным образом и в среде немецких колонистов в низовьях Волги зачастую

возникали расхождения во мнениях и разногласия из-за того, что они принадлежали различным религиозным конфессиям (среди них были лютеране, реформаты и католики). Кочевники часто переживали острые конфликты между родовыми кланами и племенными группами из-за пастбищных земель и других природных богатств, хотя всех их объединяли общие чувства по отношению к вторгшимся на их земли казакам, русским крестьянам и правительственной бюрократии» [Верт, 2005, с. 64-65]. На наш взгляд, прежде чем рассматривать конфликты между этническими коллективами, следует рассмотреть процесс распада кочевых общин и конфликтные отношения, порождавшиеся в результате разрушения прежнего родового солидаризма.

Современники наблюдают изменения социального поведения значительной части баев, втянутых в товарные отношения и не желавших выполнять традиционные функции патронажа и помощи бедным сородичам. Социальным капиталом становится не доверие и взаимопомощь сородичей, а вполне материальные блага, предназначенные для конкретного хозяина. Известный дореволюционный этнограф и краевед Н.Я. Коншин, описывая распространение в казахской среде ростовщичества, запрещенного занятия для мусульман, образование «сословия торгующих казахов», засилье в ауле не старейшин-аксакалов или уважаемых людей (аул-адамы), а богатых баев, пришел к выводу: «Затрещали по швам родовые начала казахского быта... Бай былых времен был не только богатым человеком, - в нем ценились и его происхождение и родовые связи. Имея значительное количество скота, он содержал его при содействии своих более бедных сородичей, за что поддерживал их существование. Родовая честь требовала от бая известного рода щедрости при устройстве разного рода праздников, и общественный «почет» был для него иногда дороже богатства. Но времена изменились, и бай ...стал руководствоваться, прежде всего, материальными интересами... Правда сородичи еще не забыты, - но помощь им потеряла патриархальный характер, выливалась иногда в форму очень тяжелой эксплуатации бедняков» [Коншин, 2007, с. 111]. А.Н. Седельников в 1903 г. наблюдал резкое имущественное расслоение аула, в котором заправляют

несколько зажиточных семей, поставивших в зависимое положение остальных сородичей [Седельников, 1903, с. 209]. Букейханов также пишет о разложении родовых связей на примере резкого сокращения разного рода асов (угощения гостей на поминках). Асы и тои (массовые празднования того или иного события) выполняют в кочевом обществе реципрокную функцию, позволяя гасить недовольство малоимущих сородичей, и казахский мыслитель в этой связи замечал, что ас – один из самых древних обычаев кочевого населения. Массовые угощения сородичей поддерживали авторитет богатых соплеменников, которые обязаны были быть щедрыми. Теперь же на смену родовому альтруизму шел трезвый расчет. По его мнению, в казахском обществе шли взаимосвязанные процессы: «По многим причинам, главную из которых составляет водворение в степи зачатков русской гражданственности, способствовавшей успокоению степи, цементирующее влияние рода исчезает – одна из функций рода приходит в упадок: крупные асы делаются все реже» [Букейханов, 2007а, с. 253]. На основе анализа частоты даваемых асов, Букейханов показал, что разложение родовых начал на севере Степного края (Петропавловский и Омский уезды) зашло дальше, нежели на юге [Букейханов, 2007а, с. 255].

Кочевые социумы даже в стадии подъема не могли избежать острых социальных конфликтов между сородичами и углубления имущественного неравенства. Сплоченность и эгалитаризм внутри кочевой общины существовали только в отношениях близких родственников, позволяя держать в страхе соседей и в повиновении зависимых клиентов и подчиненные кланы. Впечатляющую картину внутренних социальных противоречий дают тюрко-монгольские эпосы, в частности наиболее реалистичное «Сокровенное сказание», повествующее о становлении правящего монгольского рода Борджигинов и объединения степи под властью Чингиз-хана, сопровождавшееся физическим уничтожением не только враждебных племен (татар, меркитов), но и ближайших сородичей основателя империи. Наибольшей остроты конфликт достигал при распаде кочевой общины и соответственно упадке былого коллективизма и альтруизма, распространяемого обычно на сородичей. Аскриптивные отношения не

распространялись за пределы рода и клана. В периоды расцвета кочевых обществ внутренние конфликты «снимались» путем направления агрессии вовне, на соседние народы или иноплеменников. «Замирение степи» и установление центральной власти в лице колониальной администрации перекрывало эти каналы выхода социальной энергии. Имущие социальные группы, втянутые в новые социальные отношения, уже не могли или не желали в прежнем объеме поддерживать беднеющих сородичей. Поддержка и взаимовыручка в ограниченном кругу ближайших родственников у казахов сохранилась и в настоящее время, но всеобъемлюще регулятивная роль редистрибуции патриархально-родового общества уходит в прошлое в начале XX века. Включение в рыночные отношения приводит к тому, что в повседневной жизни теряют силу социальные ценности, культурные коды и нормы, упорядочивавшие ранее отношения внутри казахского общества.

Начавшаяся на рубеже веков широкомасштабная крестьянская колонизация породила новые источники конфликта. Кочевники с трудом мирились с потерей своих земель, отчуждаемых в переселенческий фонд и в пользу казачьих войск. За период нахождения в составе Российской империи кочевые роды окончательно распределили земли. Практически прекратился сгон более сильными патронимиями слабых родоплеменных групп, отмечавшийся еще в первой половине XIX века. На территории родовых кочевий возникли стационарные зимние и летние стоянки. Перераспределение земли и наплыв переселенцев ускорял процесс разрушения прежних социальных связей и углублял социальную дифференциацию внутри сородичей, что воспринималось как нарушение справедливости со стороны колониальной администрации.

На первый взгляд, кочевники в силу своего подвижного образа жизни особо не ценили свою землю. В номадоведческой литературе длительное время дискутировалась проблема наличия частной собственности на землю и скот в кочевых обществах. С.Е. Толыбеков в соответствии с канонами марксистского подхода сравнивал права на землю в кочевых и земледельческих обществах через «призму» трудовых отношений: «Чем больше человек вкладывает в землю, тем

больше стремится закрепить ее за собой. Например, человек, сажающий виноградник, знает, что лишь через 4-5 лет возместится его тяжелый труд. Приступая к работе, он должен быть уверен в том, что виноградник останется за ним, иначе нет смысла на его возделывание... Ничего подобного не было при кочевом образе жизни. Казахи XV–XVIII веков являлись номадами, кочующими с севера на юг на расстояние более тысячи верст в один конец. Они находились в постоянном движении и не имели никакой привязанности к земле, к той или другой местности» [Толыбеков, 1971, с. 149-150]. На наш взгляд, здесь видно влияние европоцентристских установок по отношению к кочевым обществам, рассматривавшимся в марксизме как «кочующие и разбойничающие», либо как у Тойнби - «застывшим».

Социально-экономический детерминизм в научных взглядах С.Е. Толыбекова и В.Ф. Шахматова подвергся критике со стороны ряда ученых в ходе научных дискуссий второй половины 1950-х годов. Л.П. Потапов пришел к выводу об ограниченности в период развитого кочевого хозяйства Северной Евразии свободных и не занятых никем земельных фондов [Потапов, 1954, с. 80]. Аналогичные взгляды были выражены И.Я. Златкиным, рассматривавшим кочевое скотоводство и оседлое земледелие как главные отрасли сельского хозяйства. И.Я. Златкин выделяет определенную специализацию земледельческого и пастушеского труда, «каждая из которых имеет в своей основе определенное, целенаправленное использование земли, в одном случае для разведения домашних животных, в другом – для выращивания полезных растений» [Златкин, 1955, с. 74]. С.З. Зиманов рассматривает скотоводческое хозяйство в неразрывной связи с географическими условиями, и, по его мнению, при благоприятных природных условиях оно может быть оседлым, и процессы оседания и кочевания неразрывно связаны друг с другом. Зиманов подчеркивает особую ценность земли в кочевом обществе, т.к. кочевое скотоводство зависит от размеров и качества пастбищных угодий. Казахская пословица гласит: «Отцом богатства является труд, а матерью – земля» [Зиманов, 1958, с.129-132]. По мнению А.Е. Еренова, в основе казахского землепользования лежала глубоко

укоренившаяся правовая традиция: «В корне неправильно полагать, что кочевники скотоводы передвигались по степям по собственному произволу, «куда глаза глядят», не встречая никаких ограничений в поисках естественных кормов для своего скота» [Еренов, 1960, с. 121]. Предметом собственности отдельных семей кочевников в первую очередь становились пастбища и леса вокруг зимовников, отчуждение их в пользу переселенцев воспринималось как самая горькая обида [Еренов, 1960, с. 123]. И.Я. Златкин на примере монгольских племен указывает на ошибочность широко распространенных представлений о вольном, свободном, никем и ничем не ограничиваемом перемещении кочевников: «В монгольском обществе начала XX века происходит закрепление зимних пастбищ за отдельными семьями, независимо от их социального и общественного положения, причем на этих землях сооружались каменные укрытия для скота и складировались запасы топлива. Закрепление летников за отдельными семьями, как правило, не производилось, хотя каждая семья двигалась из года в год по одному и тому же маршруту, в одном и том же месте» [Златкин, 1983, с. 260].

Г.Е. Марков на примере туркмен увязывает развитие частнособственнических тенденций у кочевников по отношению к земле с распадом кочевой общины и усилением седентаризационного процесса [Марков Г.Е., 1976, с. 224]. А.М. Хазанов ограничивает развитие частнособственнических отношений на землю отдельными кочевыми обществами нового и новейшего времени, «интегрированными с оседлыми обществами в одну систему, в которой кочевники политически оказываются в подчиненном положении... Но даже в них частная собственность на пастбища нередко связана с целым рядом ограничений и обычно является значительно менее полной и развитой, чем в соседних оседлых обществах» [Хазанов, 2002, с. 223].

Сходность процессов внедрения частнособственнических отношений в среде кочевых народов Евразии объясняет жесткую реакцию номадов на изъятия земель для переселенцев, прибывавших или направлявшихся государственными органами из районов аграрного перенаселения. Отчуждения у кочевых общин

земельных «излишков» проводились не только в рамках Российской империи на рубеже XIX - XX веков. Седентеризаторская и конфискационная политика практиковалась повсеместно государствами со смешанным земледельческим и кочевым населением, такими как Китай, Иран, Пакистан, Кения, Турция, государства Северной Африки в течение всего XX века и неизменно влекла кровавые столкновения и применение военной силы и террора против кочевых общин. Кажущиеся для чиновников и переселенцев «излишки» земли на самом деле были необходимым ресурсом для полноценного функционирования кочевого или полуседлого скотоводческого хозяйства. Обезземеливание вело к разорению кочевого хозяйства, разрушало социальный мир как внутри номадного сообщества, так и во взаимоотношениях кочевников с государством. Основная часть жизни простого кочевника проходила в суровых условиях физического выживания и тотальной скудости ресурсов. О. Лэттимор дал точную характеристику кочевника как вечного бедняка и странника, заложника собственного хозяйственно-культурного уклада жизни – своего рода «раба скота». Им была выявлена зависимость общей бедности кочевого социума от кочевого образа жизни - «чистый кочевник - бедный кочевник» [Цит. по: Барфилд, 2009, с. 104]. А. Букейханов, прекрасно знавший трудности ведения пастушеского образа жизни в засушливых степях и полупустынях, писал о повседневности адайского хозяйства: «Адай занимается скотом и скотом поработен до такой степени, что не скот нужен адаю, а сам адай живет для того, чтобы пасти, поить, караулить от конокрадов и волков... свой скот» [Цит. по: Масанов, 2011, с. 303].

Кочевая община всегда балансировала на грани бедности и стремилась оградить своих сородичей от потери главного богатства – скота и земли путем давления на богатых сородичей, организации отпора конкурентам и государственной власти. По расчетам П.П. Румянцева по десяти уездам Степного края доля бедных хозяйств, имеющих до десяти лошадей, составляла в среднем 78,2 %; хозяйств среднего достатка, имеющих до 25 лошадей, насчитывалось 14,6 %; зажиточных и богатых хозяйств, имеющих более 25 лошадей, было 7,2 %. Из этого слоя богатых хозяйств только 1 % имел более 100 лошадей, а настоящими

баями, имевшими более 300 лошадей, было только от 0,2 до 0,3 хозяйств в Кокчетавском и Кустанайском уездах [Румянцев, 1910, с. 43]. Стабильность кочевой общины зависела от наличия такого байского хозяйства, предоставлявшего работу и помощь своим сородичам.

Хроническая бедность кочевников толкало их на скотокрадство у других кочевников и неповиновение властям. Земельная политика царизма в начале XX века рассматривалась казахами как вопиющая несправедливость, и вела к конфронтации значительной части казахского населения, как с государством, так и с переселенцами.

Кочевники Северной Евразии входили в состав Российской империи на условиях незыблемости их традиционного образа жизни и нерушимости границ землепользования кочевых общин. Донатором и гарантом этих прав с одной стороны была persona русского царя или «ак-патши» («белого царя»), воплощавшего народные представления и мечтания о верховной власти как справедливом арбитре и заступнике [Трепавлов, 2007, с. 5], с другой - сама кочевая община. Вмешательство во внутреннюю жизнь общины расценивалось как нарушение изначальных договоров о российском подданстве, служило поводом для многочисленных восстаний кочевников против российских властей и откочевок. Между башкирскими восстаниями XVIII века, массовой откочевкой калмыков за пределы Российской империи в бывшую Джунгарию в 1771 г., восстаниями в казахской степи в XIX веке и в 1916 г. существует причинная связь. В Башкирии в XVIII веке население было недовольно массовыми отводами земли под крепости и заводы, усилением налоговых повинностей и полагало, что царское правительство нарушает древние договоры времен Ивана Грозного, сохранившиеся только в шеджере - народных преданиях [Трепавлов, 2007, с. 149]. Отказ от прежних обязательств со стороны российских властей и притеснения башкир, добровольно вошедших в состав Российского государства, вызывали протест и стремление к реставрации архаических социальных и политических порядков кочевого общества.

Башкирские восстания XVIII века и восстания казахов в XIX веке были вызваны ущемлением экономических и социальных прав кочевников со стороны царской администрации или переселенцев. Причины адайского восстания на Мангышлаке 1869-1870 годов кроются в увеличении кибиточной подати, нарушении порядка использования пастбищных угодий, ограничении перекочевков, отстранении от управления казахской аристократии и насаждение русских чиновников, что расценивалось казахским населением как попрание справедливости. Решающую роль в формировании мятежных настроений сыграла земельная политика царизма, заключавшаяся в огосударствлении земель, вмешательстве в распределение пастбищных угодий и изъятии части земельного фонда под военные укрепления и переселенческие фонды [Галузо, 1929, с. 94-97; Турсунова, 1977, с. 64]. Развертывание переселенческой политики и запланированные изъятия земли у местных кочевых и земледельческих общин должны были неизбежно разрушить недавно устоявшийся социальный порядок, столкнуть царские власти и русских переселенцев с казахским, узбекским и киргизским населением в Семиречье и Ферганской долине. В этом крае остро стоял земельный вопрос после расселения семиреченских казаков, получивших лучшие земли, используемые в поливном земледелии.

В южных районах происходит упрочение хозяйств мусульманских оседло-земледельческих народов – узбеков (сартов), таджиков, уйгуров и дунган. Последние два народа прибыли с территории китайского Западного края или Восточного Туркестана после ухода русских войск с Илийского края и подавления в 1881 году антицинских восстаний местного мусульманского населения. Петербургский договор от 24 февраля 1881 года России с Китаем предоставлял право илийским мусульманам либо остаться в подданстве Циньской империи, либо выселиться в пределы Российской империи. Переселяя восточно-туркестанских мусульман, российские власти стремились создать военную опору из их числа и поднять производительные силы российского Семиречья, так как уйгуры и дунгане были известны высокой культуры земледелия, ремесла и торговли. Ч.Ч. Валиханов писал: «... в оседлых эмигрантах мы находим для

Семиреченского края колонистов, никем не заменимых по совершенству земледелия и садоводства, которыми обратили они в богатую страну местность в верховьях Или... Усовершенствованное многолетним опытом земледелие и садоводство китайских эмигрантов из городов западного Китая могли бы быть перенесены на нашу почву и обратили хотя бы некоторые занятые кочевниками долины края в житницы и поля, покрытые клевером, табаком, хлопком, фруктовыми деревьями, какие представляли до восстания города между Кульджой и нашей границей» [Валиханов, 1961, с. 324].

В 1884 году в Семиречье насчитывалось 9 572 уйгурские семьи с населением 45373 человека, в Илийском крае осталось 2 665 семей. В последующем часть уйгуров вернулась из-за экономических трудностей обустройства на новых землях. Перепись населения 1897 г. показывает, что на территории Семиреченской области проживали таранчи (позднее известные как уйгуры) - 55999 человек, сарты (узбеки) - 14895 человек, дунгане – 14130 человек. Наряду с китайскими мусульманами в край в 1871 г. прибыли 4 тыс. семей сибо, солонов и чахар-калмыков, включенных в состав Семиреченского войска и получивших всевозможные льготы сроком на 15 лет. Переселенцы приняли в благодарность за поддержку Россией православие и российское подданство, но «после отмены льгот быстро вернулись к прежним верованиям и мигрировали в Китай» [Остафьев, 1895, с. 20].

Русское завоевание Туркестана открыло новые возможности для экономического и демографического подъема оседло-земледельческого узбекского населения (сартов). Здесь формировались новые очаги конфликтов между оседлыми земледельцами и кочевниками. Ранее оседло-земледельческое население Средней Азии страдало от набегов и опасалось селиться по соседству с кочевниками, но замирение воинственных номадов позволило оседлому мусульманскому населению Центральной Азии значительно расширить территорию своего проживания и хозяйствования, применяя древнюю тактику освоения чужой территории. Гейер с некоторым сочувствием к простодушным степнякам пишет: «Когда русское оружие усмирило степь и киргиз (казах – С.К.)

уже не мог безнаказанно грабить сарта, последний, преодолев страх, вышел из городов и стал самостоятельно колонизовать степь, занимая в ней лучшие земли» [Гейер, 1893, с. 93]. Гейером тонко описана стратегия присвоения чужих земель искушенными жителями городов и кишлаков, селившихся рядом с аулами: «Расселение сартов носит тактический характер. Первоначально строится караван-сарай. В порядке вещей сарт пользуется водным источником, принадлежащим местному аулу... На следующий год сарт обсаживает участок деревьями, а позади сарая воздвигал дувал, сеял клевер и ячмень... На следующий год сарт засеивал пшеницу и бахчевые, а через несколько лет вырастал кишлак и вскоре аул лишался воды, так как сарты заявляли, что земля принадлежит по давности владения, а вместе с ней и вода... После этого киргизам остается откочевать вглубь степи... Так выросла целая масса кишлаков в той самой киргизской степи, которой сарт не так давно боялся пуще огня» [Гейер, 1893, с. 93-94]. Трудовые навыки, опыт ведения поливного земледелия и торговая сметка сартов-узбеков позволяли им вести более производительное и товарное хозяйство, чем кочевники казахи и киргизы.

Е. Марков, путешествовавший по Средней Азии в начале XX века, с тревогой писал о растущей экономической мощи сартов (оседлых узбеков), воспользовавшихся замирением края и установлением строгих порядков. Конкурентные преимущества сартов перед представителями других народов очевидны и в будущем, полагает Марков, именно они могут бросить вызов российскому могуществу: «...малоизвестный Европе сарт деятелен и предприимчив. Состязаться с ним чрезвычайно трудно, встает он рано, ест очень мало, воздержан во всем, сух, легок, всегда на ногах, всегда притом трезв; всюду бегаёт сам, всюду все разнюхивает и знает. Где дело касается его корысти, он не упустит ничего и не пренебрежет ни одной копейкой. Вместе с тем он живёт чрезвычайно просто... С его терпением, скромностью и настойчивостью он везде и всегда добьётся того, что ему нужно» [Марков, 1901, с. 525-526.].

В отличие от русских крестьян, активно обменивавшихся новыми технологиями ведения сельского хозяйства с местным населением,

среднеазиатское дехканство бережно хранило секреты эффективного земледелия. Это становится понятно в связи с давней традицией конкуренции оседло-земледельческого населения за плодородную землю и источники воды и укоренившимся страхом перед кочевниками. Туркмены Теджена, в основной массе перешедшие на ведение поливного земледелия, рассказывали автору настоящей работы, что узбеки, живущие в Теджене и Мары, могут выращивать десятилетиями роскошные сады на почвах с сильным засолением грунтовых вод. У их соседей – земледельцев из числа туркмен, сады засыхали на третий год, когда корни плодовых деревьев и виноград достигали трехметровой глубины. Туркмены забрасывали сады, расцветавшие в руках новых владельцев - узбеков. Секрет успеха был прост - узбекские садоводы сажали деревья в ямы, на дно которых укладывали цельные листы стекла, препятствовавшие проникновению растущих корней на глубину засоления. Не случайно в бытовом сознании дехкан и жителей среднеазиатских городов кочевники считались неумехами и лентяями. Закрытость узбекских общин позволяла поддерживать внутреннюю сплоченность и аскриптивные связи, но была серьезным препятствием для модернизации по европейскому пути и налаживания межэтнического диалога, основой которого может стать культурная интерференция и размывание групповых «перегородок».

Чувство превосходства над кочевниками характерно для оседло-земледельческого населения Средней Азии. Узбеки, обладавшие более развитой культурной традицией мусульманского мира, успешно ассимилировали полуоседлые и оседавшие группы номадов (курама в долине Ангрена, кипчаков в Ташкентском уезде и т.д.). Перепись 1897 г. фиксирует более 74 тыс. носителей узбекского языка в Южном Казахстане [Алексеев Н.В., 1981, с. 83]. Формирование больших групп оседлого мусульманского населения из числа узбеков и уйгуров в будущем будет серьезно влиять на межэтнические отношения. Конфликтный потенциал между ними и родственными по языку и происхождению, но ментально различающимися казахами, каракалпаками и киргизами, окажется гораздо выше, чем с европейскими группами населения.

Динамика изменений этнодемографической структуры населения, кризис традиционных устоев и ценностей общества, социально-экономические сдвиги непосредственно отражаются на психологических установках населения в межэтнических отношениях. Сейчас стало модно говорить о влиянии этнического менталитета на уровень толерантности и конфликтности в обществе. При этом забывается, что собственно ментальность как система ценностных ориентиров и установок, формируется в результате накопления опыта определенных социальных практик, складывания адаптивных норм восприятия «чужого» и чужих культурных традиций у представителей различных народов, упрочения межгрупповых и межличностных связей.

Социальная история рассматривает межэтнические отношения в основном как вертикаль взаимодействия власти и общества, объекта и субъекта исторического процесса. На наш взгляд, устойчивые позитивные межэтнические связи и солидаристские традиции, проходящие мимо внимания исследователей, могут играть более важную и определяющую роль, нежели политические «игры» вокруг межнациональных отношений. Расизм и агрессивный этноцентризм, выражающийся в насаждении культурного превосходства и агрессивной реакции на иной антропологический облик, культурную традицию и социальные коды поведения, сужают или вообще перекрывают «каналы» межэтнических и межличностных «диалогов», столь необходимых в этнически смешанных средах.

Современная история знает несколько моделей взаимоотношений народов в колонируемых регионах. Латиноамериканская модель предполагает полную христианизацию, латинизацию и последующую метисацию завоевателей и завоеванных, с полным стиранием индигенной исторической памяти и культурной традиции. Англосаксонская модель была основана на расистских началах и апартеидном существовании народов. Коренное население загонялось в резервации или истреблялось, как в Америке, Австралии и Новой Зеландии, либо же было объектом коллективной эксплуатации европейского меньшинства как в Индии и Африке. По мнению одного из классиков миросистемного анализа Дж. Арриги «американский «остров» размером с континент создавался за счет

массового истребления людей и разрушения окружающей среды» [Арриги, 2009, с. 277].

Российская модель существенно отличалась от европейских моделей колонизации. Связано это было с давними традициями славянского расселения и характером исторических связей с соседями. Российское военное завоевание так или иначе сменялось сотрудничеством и интеграцией покоренных народов в новое сообщество. Русские переселенцы были далеки от приписываемого исследователями Т. Соловей и В. Соловей «изначального» расизма и активно впитывали хозяйственный опыт и культурные традиции других народов, что многократно было описано в отечественной этнологической науке³.

Рассматривая историю взаимоотношений народов на территории Сибири и современного Казахстана в XX веке, можно наблюдать постепенный переход от первоначальных конфликтов к сотрудничеству, а затем к смешиванию населения и мощной этнокультурной интерференции. В культурные паттерны пришлого и местного населения «встраивалась» система норм и стандартов поведения в межэтнических отношениях, влиявшая на повседневную практику общения. Использование своеобразного смешанного «арго», заимствования элементов быта и хозяйственного уклада жизни, комплиментарность в оценках ментальности соседних народов отличали русских старожилов от новоселов.

В отечественной этнологии есть блестящее описание А.Л. Биркенгофом типичных межэтнических отношений между русскими старожилами бассейна Индигирки и якутами, эвенками и юкагирами. Отмечая некоторое высокомерие по отношению к бедным таежникам, ученый считает, что оно было напускным и показным «для начальства» и приезжих. Встретившая исследователя русская хозяйка печалилась лишь из-за того, что ее внуки, хотя и гордятся знанием русского языка, между собой изъясняются по-якутски – сахаларят. Сами же русские отзывались о своих соседях и друзьях – оленеводах уважительно: «О

³ Известный статистик и исследователь населения Степного края и Алтая С.П. Швецов в начале XX в. писал по поводу инкорпорации алтайских казахов в русские крестьянские общины: «Сжившись с русским населением, часть их крестилась, ... крестьяне выдавали за них своих дочерей и киргизы (казахи рода копеек – С.К.) понемногу «русели» и сделались оседлым населением» [Цит. по: Октябрьская, 2005, с. 77].

ламутах и юкагирах говорили: «Народ старательный», «Если у нас голодно, привезет без зову мяса оленьего и всего, что у него есть». Уверяют, что и сами относятся к оленеводам «как к отцу родному»: «Рыбку им припасаем, цаек (чаек), табацек (табачок); «Сами не покурим – ламуту оставим» [Биркенгоф, 1972, с. 22-23].

Схожая ситуация складывалась в Степном крае, где у русских крестьян, казаков и казахов складывались определенные нормы и стандарты поведения. Исследователи рубежа XIX-XX веков уважительно отзывались о таких чертах этнического характера казахов, как готовность прийти на помощь, простодушие и гостеприимство. Украинские крестьяне Чимкентского уезда в ответ на упрек Гейера, указавшего на то, что в то время как казахи не взимают плату с переселенцев за выпас скота, крестьяне же ее требуют, если кочевники загоняют скот на убранные поля, признали: «у киргиза душа добрая, за выпасы денег не берет, за это мы ему завсегда благодарны» [Гейер, 1893, с. 124]. Европейские и русские исследователи дружно отмечали необычайное радушие и гостеприимство казахов. И. Сиверс, подводя итоги своим странствованиям в казахской степи, особо отмечает заботу хозяев о безопасности и благополучии приехавшего гостя: «Если я, чужой, вхожу в киргизскую (казахскую) юрту, то могу их рассматривать, как своих. Я без всяких оглядок занимаю место, которое мне нравится. Затем достаю табак и предлагаю хозяину. Даже если у меня табак дешевле пфеннинга, покурив вместе, я уже лучше всех в мире. Он не допустит, чтобы меня коснулись малейшие невзгоды» [Сиверс, 1999, с. 84]. Прием хозяевами гостя начинается сразу же, как он подъехал к юрте: «В обычае киргиза встречать прибывших всей семьей на улице и непременно зарезать барана или козу, даже в полночь» [Сиверс, 1999, с. 45]. Контраст между европейским рационализмом и казахским радушием и добросердечием был настолько силен, что исследователь даже подумывал остаться жить в казахской степи.

Г.Н. Потанин следующим образом описал ритуал казахского гостеприимства. Как только становилось известно о приближении гостей, хозяева откидывали клапан входного отверстия в юрту и расстилали ковры. У богатых

скотоводов для гостей предназначалась отдельная юрта. Гостей встречал хозяин и приглашал в юрту, где гости рассаживались на правой почетной (торе) стороне юрты и начиналась неспешная беседа. Во время беседы подавали чай, вечером гостя угощали мясом [Потанин, 2007, с. 52-54]. Предварительно животное, подготовленное к убою, показывалось гостю, чтобы тот видел, что оно достаточно сыто и годно для угощения. Затем гость произносил благословение (бата). Казахская пословица гласит: «Не бери золото гостя, а прими его благословение в виде молитвы» [фон Герн, 2007, с. 6]. Наиболее уважаемому гостю предлагалась голова забитой овцы, он в свою очередь должен был нарезать мелкие кусочки для других присутствующих на угощении. Жирная еда запивалась крепким бульоном, завершало трапезу распитие кумыса или чая. К чаю подавали лепешки, масло, изюм, куски комкового сахара. С гостями садились лишь мужчины, женщины довольствовались остатками трапезы [Красовский, 2007, с. 64-65]. Если гость собирался в дорогу, то хозяева обязаны были угостить его перед дорогой и дать по просьбе гостя необходимые запасы еды и подарок. Обе стороны старались быть максимально вежливыми и щедрыми. В другой казахской пословице говорится: «гость совестится перед тем, что воспользуется гостеприимством для ночлега, а хозяин юрты совестится после того, как гость ночевал у него» [фон Герн, 2007, с. 5]. Смущение гостя объясняется тем, что хозяин несет материальные расходы, а стыд хозяина возможностью не угодить гостю, который может ослабить его за скупость перед другими сородичами.

Отказ в гостеприимстве влек за собой моральное осуждение и санкции по нормам обычного права казахов. В.К. фон Герн писал, что казахи «отличаются приветливостью, добродушием и гостеприимством, которое возведено у них в культ. Оставшийся без угощения путник и в настоящее время – ослабления патриархальных нравов, по обычаю, имеет право заявить об этом бию (народному судье), как о несоблюдении и даже оскорблении священного обычая гостеприимства» [фон Герн, 2007, с. 9-10]. Один из исследователей казахского обычного права Л.Ф. Баллюзек отмечал обязательность для всех казахов соблюдать обычай «кунак-ас», заключающийся в предоставлении дарового,

бесплатного угощения и ночлега не только званому гостю, но и всякому путнику или проезжающему. Отказ от «кунак-аса» наказывался штрафом «ат-тун айпом» и становился поводом для общественного осуждения [Баллюзек, 2007, с. 120]. Жесткость наказаний за неочевидное правонарушение один из исследователей обычного права казахов объяснял тем, что: «В условиях кочевого и полукочевого образа жизни, при отдаленности одного аула от другого, отказ в ночлеге или другой необходимой помощи человеку, находящемуся в пути, считался для потерпевшего оскорблением и опасным для жизни действием» [Культелеев, 2004, с. 237].

Классик казахстанской этнографии С.Е. Толыбеков истоки казахского гостеприимства видел в повседневной трудовой деятельности, тесно связанной с ведением скотоводческого хозяйства. В кочевой жизни неизбежны постоянные разъезды человека с целью поиска отбившегося скота, блуждание пастухов по степи из-за дождя, метели или из-за незнания местности. В этих условиях нельзя было обойтись без взаимного гостеприимства как особой формы взаимопомощи людей [Толыбеков, 1971, с. 127].

Для почетных гостей могли зарезать взрослую лошадь или жеребенка. Жеребятина считалась деликатесом, многие старожилы вспоминали спустя полвека наиболее щедрых баев. Летом для гостей готовили мясо ягненка, угощение мясом иного происхождения считалось признаком скупости хозяина и формой обиды гостей. По данным Букейханова, богатые казахи, соблюдавшие прежние нормы гостеприимства, за лето закалывали 200-300 ягнят, что составляло до 25-30 % приплода [Букейханов, 2007а, с. 172]. В дорогу почетным гостям обязательно клали припасы (саркыт) и кормили перед отъездом. Этот обычай сохранялся у казахов, длительное время проживавших в иноэтнической среде. Случайные гости должны были сами просить об этом одолжении.

Повседневное гостеприимство было обременительным для хозяев, но предполагалось, что ответное гостеприимство гостей компенсирует в будущем материальные траты хозяев. Это правило соблюдалось даже в случае вражды родов хозяина и гостя. Отказ в ответном гостеприимстве вел к «потере лица» и

преследовался по нормам обычного права. Принятие пищи случайным гостем означало, что он не может причинить зла хозяевам.

В повседневном гостеприимстве мы наблюдаем форму реципрокных отношений, закрепленных жесткими рамками социальных практик и нормативных предписаний, определявшихся ценностными ориентациями кочевников. При всей суровости кочевой жизни и социальных отношений внутри номадного общества повседневное гостеприимство и альтруизм позволяли смягчать конфликты, устанавливать принципы доверия и мира между людьми и, в конечном счете, выжить в экстремальных условиях аридных степей Северной Евразии. Чтобы выжить, кочевник должен был прослыть гостеприимным и щедрым, эта репутация была его своеобразной страховкой на будущее. С.З. Зиманов справедливо относит обычай повседневного гостеприимства «конагасы» к одной из форм взаимопомощи кочевников, таких как «жылу», «агайншылык» и «журтшылык», предполагавших добровольную или обязательную помощь сородичам, пострадавшим от стихийного бедствия или угона скота [Зиманов, 1958, с. 122-124]. Особенности казахских традиций гостеприимства и примирения помогали налаживать отношения с другими народами, выжить народам, пострадавшим в XX веке от сталинских депортаций. Немецкие старожилы в Казахстане постоянно вспоминают, как в трудные годы депортации «наказанных народов» казахи делились последним хлебом с переселенцами.

В.В. Радлов обращал внимание на культурные установки казахов, способствующие налаживанию партнерских отношений с другими народами. Радлов критиковал пренебрежительное отношение оседлых жителей к кочевым казахам как к ворам и бандитам, заслуживающим уничтожения, и писал о честности казахских кочевников: «Я сам долго жил среди киргизов (казахов – С.К.) и имел возможность убедиться в том, что у них господствует не анархия, а лишь своеобразные, отличающиеся от наших, но по-своему урегулированные культурные отношения» [Радлов, 1989, с. 249]. Радлов был глубоко убежден в жизнестойкости казахского народа: «...киргизы, несмотря на всю свою

ненавистную окружающим анархию, живут состоятельно и у них отмечается весьма значительный прирост населения» [Радлов, 1989, с. 249].

Дурное влияние на простодушных степняков, по мнению фон Герна, оказывают татары и казаки-станичники, обогащающиеся на ростовщичестве и нечестной торговле. Потанин отмечал взаимное влияние хозяйственно-культурного уклада жизни сибирских казаков и казахов: «Здесь казак – ловкий торговец, кулак и плохой работник. При домах содержатся наемные работники, почти все из киргизов; сами же казаки предпочитают разъезжать по аулам для сбора своих долгов... Вообще у иртышских казаков во вкусе и взгляде на жизнь много усвоено из кочевого быта» [Потанин, 2006, с. 305-306]. Историко-культурные связи русского и казахского населения широко освещены в трудах видного советского казахстанского этнографа. Аргынбаева, и в этой связи следует отметить, что прочные узы межэтнического доверия в данный период только закладывались и зачастую проходили проверку на «разрыв» в результате конфликтов и недопонимания. Необходимо было время для «притирки» народов, появления общих ценностных установок и целей.

У представителей имперских властей были различные мнения по поводу желательности оседания кочевников и крестьянского переселения. Уральский военный губернатор Ставровский полагал, что казахи являются прекрасными скотоводами, использующими эффективно засушливые степи. Продукция, производимая в их хозяйствах, была востребована как рынком, так и армией. Переход к земледелию, считал он, влечет обеднение казахов и появление класса джатаков, отсутствующий в районах ведения традиционного кочевого хозяйства [Кауфман, 1903, с. 12]. Военный губернатор и областная администрация Уральской области отрицательно относились к широкомасштабной крестьянской колонизации края, уступая лишь соображениям государственной необходимости [Кауфман, 1903, с. 15].

Собственно крестьянская колонизация не вела к непосредственному разорению кочевого аула. По мнению Кауфмана, казахское хозяйство в районах давних межэтнических связей становилось товарным, более разносторонним и

прочным. Рыночную стоимость получает и земля и скот. Кауфман, изучив экономическую ситуацию в крае, писал: «благодаря появлению запашек жить стало лучше...там, где развилось земледелие, не так страшны бескормицы джута и вызванные им падежи скота» [Кауфман, 1897, с. 18]. По-прежнему благосостояние кочевников оставалось в зависимости от природных условий. В Уральской области количество лошадей за благополучный период с 1892 по 1902 годы увеличилось со 184 тыс. голов до 309 тыс.; крупного рогатого скота от 257 тыс. голов до 509 тыс.; овец от 1268 тыс. голов до 2136 тыс.; верблюдов от 136 до 216 тыс. голов. Особо следует отметить рост поголовья крупнорогатого скота, обычно не разводимого в кочевом хозяйстве из-за неспособности к тебеневке. Ранее, во время страшного джута зимы 1879-1880 гг., поголовье лошадей упало с 411 тыс. голов до 156 тыс.; овец и коз с 1499 до 410 тыс. голов; КРС с 206 тыс. до 102 тыс. голов; верблюдов со 175 до 102 тыс. голов [Кауфман, 1903, с. 19-20].

В Акмолинской области джут 1879-1880 гг. унес 820 тыс. голов скота, джут 1891-92 гг. - 365 тыс. голов скота. Тем не менее, по данным Статистического комитета Акмолинской области, где стремительно росла доля русского и украинского населения, за период с 1908 по 1912 годы поголовье лошадей в казахских хозяйствах росло следующим образом: в 1908 г. - 639896 голов; в 1909 г. - 681402 голов; в 1910 г. - 790146 голов; в 1911 г. - 759659 голов; в 1912 г. - 755226 голов. Поголовье КРС выросло почти вдвое за этот же период: в 1908 г. - 393993 голов; в 1909 г. - 462789 голов; в 1910 г. - 516034 голов; в 1911 г. - 567654 голов; в 1912 г. - 654546 голов. Поголовье овец росло с 1154735 голов в 1908 г., 1373355 голов в 1910 г. до 1559359 в 1912 г. Общее поголовье скота в казахских хозяйствах выросло с 2227 тыс голов до 3057908 голов в 1912 году [Обзор Акмолинской области за 1912 г., 1913, с. 14]. Интенсивное развитие сенокосения и расширение посевных площадей позволяло казахам стабилизировать свое экономическое положение. По данным на 1910 г., в Петропавловском уезде доля сеющих скотоводческих хозяйств составляла 61,6 %. [Киргизское хозяйство в Акмолинской области, 1910, с.104]. В этом же уезде с 1896 по 1906 гг. благодаря применению сенокосилок в четыре раза возрастает объем заготовки кормов. Если

в 1897 г. в уезде не было ни одной сенокосилки и конных граблей, то в 1915 г. в пользовании казахского населения находились 2183 сеноуборочные машины [Черников, 1992, с.72]. В зимовниках строились прочные деревянные дома по типу русских, амбары и лари для засыпки хлеба, разводилась домашняя птица, получаемая от крестьян.

Значительное ухудшение социально-экономического положения казахского аула имело место в Семиречье и Сыр-Дарьинской области, где в первое время после завоевания края были произведены отчуждения наиболее плодородных поливных земель в пользу семиреченского казачества и крестьян. Селения крестьян должны были с казачьими станицами и городами составлять непрерывную сеть оседлых поселений. Ирригационное земледелие требовало огромных трудовых затрат и передаваемых из поколения в поколение навыков. Семиреченское войско формировалось из сибирских казаков, значительная часть которых, по сообщениям современников, занималась торговлей и ростовщичеством. Ф. Усов прямо писал о праздном образе жизни и лени сибирцев, предпочитавших взваливать тяжелый труд на джатаков [Усов, 1879, с. 264]. Семиреченские казаки пользовались своим привилегированным положением и старались обогатиться за счет разорения оседлых хозяйств казахов и сгона казахских скотоводов с их лучших пастбищ.

На паразитический способ хозяйствования семиреченских казаков обращали внимание русские исследователи края и представители имперской администрации в лице Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и Семиреченского военного губернатора Г.А. Колпаковского. Сибирский ученый В.К. Никольский, ссылаясь на их мнение, критически оценивал деловые качества казаков-семиреченцев, получивших лучшие земли казахов: «С киргизами (казахами – С.К.) не стеснялись, заставляя их уходить с насиженных мест, и на их пепелище разбивали русские, в большинстве – казачьи селения. В довершение всего в Семиречье казаки захватили земли таким образом, что оставшиеся за одними и теми же киргизами уголья были отделены друг от друга казачьими землями, а также казаки захватили в свои руки речки и стали распоряжаться орошением края

в такой степени, что, пуская или запирая воду в киргизских арыках, идущие на земли, расположенные ниже казачьих, они могли допустить или совсем уничтожить урожай на киргизских посевах» [Никольский, 1903, с.78-79].

В пользование казаков было передано 610 тыс. десятин наиболее плодородных земель Семиречья, прибывавшие крестьяне получили еще около полумиллиона десятин. По сведениям графа К. Палена в 1910 г. планировалось разрушить 5100 зимовок местного населения и согнать 30000 человек, передав в фонд переселения еще 250 тыс. десятин пахотных угодий для размещения 6500 крестьянских ферм. По расчетам князя Масальского, в пяти туркестанских областях 5 млн. туземного населения располагали 2,8 млн. десятин орошаемой земли и 1,5 млн. десятин богарных земель, в то время как 300 тыс. русских казаков и крестьян имели в своем хозяйствовании 1,5 млн. десятин наиболее удобных и плодородных земель. Дореволюционный исследователь П.П. Румянцев констатировал, что уровень благосостояния русского населения Семиречья растет, но «основывается оно не на прогрессе, не на интенсификации производства, а на легкости, с какой можно извлекать доход из нетронутой, девственной почвы среди полудикарей... Единственное новшество, которое они здесь ввели, это арычная система полива пашен. Но и его русские позаимствовали у туземцев. Мало того, от последних они получили, в большинстве случаев, уже готовые арыки» [Румянцев, 1909, с. 217]. Значительная часть изъятых земель не использовалась переселенцами и казаками из-за неумения вести поливное земледелие, но поток крестьян и различных маргинальных групп, надеющихся на улучшение своей жизни, продолжался. Военный губернатор Семиреченской области докладывал в 1907 году, что «свыше двадцати тысяч самовольных переселенцев ... преимущественно бродяг ждут наделения землей. Переселенческая партия собирается наделить их орошенной, лучшей киргизской землей с усадьбами и пашнями. Результатом таких действий будет переход киргизов из нынешнего панического состояния к бунту» [Пален, 1910, с. 131-132].

Недовольство казахского населения вызывалось психологическим дискомфортом из-за непрекращающейся практики земельных отчуждений со

стороны царской администрации, наплывом масс переселенцев, зачастую стремившихся к легкому обогащению, и коренной ломкой хозяйственно-культурного уклада жизни. Стратегии крестьян-переселенцев по выдавливанию кочевников с их земель в Степном крае подробно описаны российскими исследователями крестьянской колонизации. Первоначально переселенцы арендовали землю у аульной общины и помогали обустроиться своим сородичам, впоследствии отношение к прежним хозяевам резко менялось: «Когда на этих (арендуемых у казахов - С.К.) землях выростала русская деревня, крестьяне меняли тактику. Они переставали платить за аренду, заводили споры с казахами и засыпали уездное начальство просьбами и жалобами об испытываемых ими притеснениях и своей бедности. После долгих мытарств, подкупа чиновников и казахских волостных управителей крестьяне достигали своей цели. Администрация, как правило, отговаривалась тем, что казахи сами виноваты, разрешив арендаторам не только обработку земли, но и постройку домов, и что теперь выселение переселенцев будет равносильно их разорению. Это порождало у крестьян чувство безнаказанности и уверенности, что власть обязана быть на их стороне. Нередкими становились случаи захвата не только земли, но и скота, что приводило к вытеснению казахов на новые места или даже за пределы Российской империи. «Обмануть киргиза, подстрелить его – самоеобыкновенное для переселенца дело», – писал будущий известный историк Е. Шмурло» [Ремнев, 2013, с. 183-184].

Земельные изъятия подрывали возможность ведения прежнего кочевого образа жизни, порождали враждебность крестьян и казахов по отношению друг к другу, служили источником постоянных конфликтов и судебных споров. Районы размещения крестьян и земли казачьих войск повсеместно перекрывали традиционные пути кочевков и доступ к водоемам. За прогон скота через убранные поля крестьяне взимали плату, в случае потрав посевных добиваясь наказания скотоводов. П. Хворостанский, обследовавший Кустанайский уезд в начале XX века, сообщал о резком сокращении летних пастбищных угодий, значительная часть джайляу была занята пашнями и покосами, как самих казахов, так и русских

переселенцев [Курылев, 1998, с.125]. На оставшихся в распоряжении скотоводов пастбищах наблюдался перевыпас. В Павлодарском уезде казахское население потеряло зимовки в 10-верстной полосе вдоль Иртыша, переданной в пользование Сибирского войска, и вынуждено было арендовать у казаков свои же в прошлом пастбища и сенокосы [Курылев, 1998, с.197]. Сибирские казаки либо не пропускали часть казахских хозяйств к Иртышу, либо взимали высокую плату. В Баянаульском уезде самые ценные зимние пастбища были переданы казачьей станции и местные казахи остались совершенно без зимовки [Курылев, 1998, с.198]. Разорившиеся прииртышские скотоводы нанимались в ямщики или в батраки к казакам или богатым крестьянам. Обычно нанимался глава, а работали все члены семьи. Хорошие работники зарабатывали за сезон (3 месяца) до 20-30 рублей серебром [Апполова, 1976. с. 57].

Перемещаемые кочевые роды Петропавловского уезда часто разорялись из-за падежа скота и скудости новых пастбищ. Из-за строительства сел Святодуховка и Исаевка были выселены казахи рода Андарбай Керей, которые вскоре вернулись на старое поселение уже в качестве арендаторов и батраков [Материалы по киргизскому землепользованию..., 1908, с. 75]. Чиновники сообщали, что, несмотря на продолжающееся вытеснение казахов, они неохотно покидали родные места и предпочитали селиться рядом с отцовскими аулами. В ментальности тюркских кочевников «малая Родина» - Ель (Эль), воспевалась в песнях и преданиях. Казахская поговорка гласит «Лучше быть подошвой сапога на Родине, чем султаном на чужбине». Покидать родные места заставляла лишь угроза гибели или голод. До наших дней дошли прощальные песни ногайцев и казахов, уходивших на чужбину и мечтавших вернуться в родные места.

По поводу последствий землеустроительной политики в Западной Сибири российские ученые отмечают, что прямым следствием землеустройства было не только усиление борьбы старожилов и переселенцев, но и вражда между русским и «туземным» населением, выливавшаяся в бесконечные столкновения, взаимные жалобы и судебные тяжбы [Томилов и др., 1992, с.194]. В том же Петропавловском уезде в начале XX века отмечалась следующая неприглядная

картина: «Русские переселенцы являлись в новый край с понятиями и привычками своей родины. Переселенцу кажется возмутительным, что эти люди (казахи – С.К.) не дают царю солдат, живут в норах «як звери», пользуются таким земельным пространством - «земли больше, чем у наших панов». Поэтому переселенцы не считают зазорным вытравить казахские покосы, растащить лес с зимовок, вырубить рощи. С другой стороны киргизы не успевают осваиваться с понятиями границ и поэтому имеют частые столкновения с поселенцами из-за потрав. В свою очередь, поселенцы также травят киргизские пастбища и даже пашни» [Материалы по киргизскому землепользованию, 1908, с. 75).

На новых землях переселенцы стремились воссоздать быт и хозяйство своей Родины, остро ощущая свою русскую идентичность в инокультурной среде. Малороссийские, белорусские и поволжские крестьяне отождествляли себя с русскими, и на центрально-азиатских просторах поднимались новые села с названиями: Полтавка, Черниговка, Новокиевка и т.д. Историк М.К. Козыбаев позже назовет этот процесс «ономастической агрессией Российской империи», для простых же казахских скотоводов того времени это было болезненным разрывом с прежним образом жизни.

Групповые конфликты порождало различное отношение казахов и русских крестьян к кражам скота. Казаки и казахи терпимо относились к скотокрадам, в народном сознании даже приветствовалась удаля барымтачей. Очень часто угоном лошадей занимались состоятельные скотоводы или их дети [Культелеев, 1955, с. 262-263]. В казахском обычном праве за угон скота на воров накладывались штрафные санкции и компенсировался причиненный ущерб. Удачные скотокрады воспевались народными сказителями, как прежние героибатыры.

У представителей имперской администрации и русских поселенцев существовал диаметрально противоположный подход к кражам скота, как к тяжкому преступлению. Драматический конфликт людей из-за различий представлений о барымте исследован В. Мартин. Она считает этот обычай отражением борьбы кочевников с русскими поселенцами за скудные ресурсы

края: «Возведя барымту в ранг преступления, русская администрация надеялась добиться ее окончательного исчезновения. Но для кочевников барымта не была преступлением; это был скорее легитимный правовой обычай, коренившийся в свойственном казахской культуре понимании несправедливости, чести и возмездия.... Для русских культурное значение барымты не имело правового значения; для казахов же юридическое определение барымты как преступления не имело смысла. Для русского правительства успешная колонизация степи не могла успешно продолжаться, пока коренные жители ведут себя как преступники. В то же самое время казахи продолжали практиковать барымту как обычай. В течение XIX века эта явная дистанция между казахскими и русскими правовыми и культурными представлениями заставила пересмотреть определение барымты: в то время как барымта по-прежнему продолжала означать одновременно угрозу преступления для русских и героический акт реституции для казахов...» [Мартин, 2005, с. 361]. На наш взгляд, В. Мартин, отнеся барымту к формам активного сопротивления русской колонизации, не уделила должного внимания влиянию обычая скотокрадства на поддержание атмосферы межродовой борьбы, препятствовавшей этнической консолидации.

Русские крестьяне-переселенцы относились к вопросам кражи скота как к тяжкому преступлению, ставящему под угрозу выживание семьи пострадавших. Исследователь социальной психологии сибирских крестьян пишет: «Они (крестьяне – С.К.) сурово карали виновников за воровство и бродяжничество, не разбирая степени вины, происхождения и причин, подтолкнувших человека к преступлению. Крестьянская община Сибири жестоко расправлялась с ворами. За вором гнались десятки верст, били дрючками-дубинами в руку толщиной, а иногда в сажень длиной; иногда били по пяткам, по-китайски, «подковывали» до полусмерти. Расправа происходила на виду всей деревни, нередко выносился смертный приговор. Если хозяин догонял вора, то убивал. Деревня убийцу не выдавала. Крестьяне разработали также свои законы для бродяг: не ходить толпами, не разорять построек, не иметь при себе оружия, нож - не более двух вершков» [Супоницкая, 1989, с. 231].

В Тургайской области, по данным А.А. Кауфмана, убийства казахов, просто заподозренных в конокрадстве или проезжавших на хороших лошадях, стали обычным явлением. Толпа переселенцев хотела убить уездного судью, посчитав, что тот покрывает воров и лишь вмешательство казачьего наряда предотвратило расправу. В свою очередь, пострадавшие казахские общины «раздраженные захватами и самовольством переселенцев, вели себя беспокойно, и до администрации доходили слухи о намерениях напасть и сжечь Кустанай» [Кауфман, 1897, с. 9]. Частые угоны скота у переселенцев вынудили царскую администрацию ввести в 1893 году круговую поруку, взыскивая стоимость украденных животных с казахов той волости, где произошла кража [Турсунбаев, 1967, с. 61]. В ответ возрастает готовность казахского населения вооруженным путем отстаивать свои интересы. 3 июля 1903 г. управляющий Спасским заводом докладывал, что прикочевавшие прежние владельцы земель, отведенных для горных разработок, отказывались уходить, угрожая вооруженным сопротивлением [Турсунбаев, 1967, с. 60].

С 1906 года интенсивность конфликтов между казахским и крестьянским населением в районах приема переселенцев резко возрастает. А.Н. Букейханов в своих статьях неоднократно обличал крестьян за погромы казахских аулов. Поводом для них становились действительные или мнимые угоны скота у крестьян. Букейханов писал о вражде крестьян и казахских пастухов из-за загонов скота первыми и требований выкупа за мнимые или действительные потравы, показывал в своих статьях практику выживания кочевников чиновниками переселенческого управления, перекрывавшими пути кочевок и доступ к водоемам. В результате бесконечных конфликтов и произвола властей, писал основатель казахского национального движения: «... борьба за землю между киргизом и переселенцем и грубые формы, в которых эта борьба протекает, немало усугубляют и обостряют установившийся на почве беззакония национальный антагонизм» [Букейханов, 2009, с. 295]. Типичным является конфликт в Петропавловском уезде в июле 1906 года. В случае, произошедшем в Пресновской волости Петропавловского уезда, казахи аулов № 1 и № 2 отбили

лошадей у конокрадов и были все равно обвинены приехавшими крестьянами и местной администрацией в угоне лошадей. Около двухсот крестьян, вооруженных ружьями, топорами и косами во главе с отставными прапорщиками Кошкаровым и Коленовым пытались разграбить аул, убив выстрелом в упор одного из защищавшихся жителей. Разъяренные казахи разогнали нападавших, оглушив 12 крестьян. Однако местная администрация, несмотря на человеческие жертвы, потребовала удовлетворить претензии крестьян, ссылаясь на введенное колониальными властями правило, согласно которому за угон скота в крестьянских селениях отвечают жители соседнего аула [Букейханов, 2010, с. 116-119].

Рост отчуждения и враждебности к официальной власти, попирающей прежний социальный порядок, и русским переселенцам, отнимающих родовые земли, имел место во многих районах российской Центральной Азии. Среди местного населения распространялись поговорки «Если увидел русского друга – держи камень за пазухой» или «Если у тебя есть русский друг – держи всегда топор наготове». Казахские матери пугали своих детей словами: «Приехал русский – пришел волк» [Букейханов, 2009, с. 294-295; Остафьев, 1895, с. 54].

Кардинальные изменения трансформационного порядка вызывают, как правило, рост депривации (обездоленности) и социального протеста у наиболее пострадавших от инноваций групп населения. Один из адаевских аксакалов с горечью резюмировал: «Оседлые выгнали нас из речек в овраги, потом из оврагов - в лощины, а оттуда – прямо на вершины гор!» [Седельников, 1991, с. 47]. Протест был направлен против политических институтов, в нашем случае - против колониальной администрации и европейских ценностей, привносимых в местное общество-реципиент, значительная часть которого мечтала о возвращении к утраченному социальному порядку. Тотальный характер происходящих изменений и земельных изъятий способствовал активизации народов Туркестана и Степного края, росту различных форм протеста. Удовлетворение части требований казахского населения или простой поиск компромиссов со стороны колониальной администрации мог значительно снизить

конфликтный потенциал на восточных окраинах империи, но упование только на силовые методы разрешения межэтнических противоречий создало предпосылки восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Отказ от трудовой мобилизации стал только поводом к великому центрально-азиатскому мятежу, истоки которого уходят в глубокий межэтнический раскол в регионе.

Изучение истории межэтнических отношений в Казахстане позволяет говорить о сложности и болезненности процессов складывания нового сообщества, наличии факторов «отталкивания» и одновременного «притяжения», выразившиеся в искренних дружеских, зачастую братских отношениях между представителями разных народов, и в то же время имевшие место перманентные конфликты по вопросам землеустройства. Очевидно, что сущность национального вопроса в Казахстане в начале XX века была несколько иной, чем представляется сейчас. Для его решения требовалось проведение более взвешенной переселенческой политики, с учетом требований не только крестьян, но и местного населения. Имперская власть не смогла бы остановить крестьянский «разлив» за Уральский хребет, но она и не закрепила за «инородцами» прав на бессрочное владение используемого земельного фонда, чтобы не допустить чиновничьего произвола и самозахватов новоселов. Необходимо было введение юридического и фактического равенства государствообразующего русского населения и «инородцев» через создание политических институтов, специально занимающихся проблемами населения национальных окраин. Собственно, само причисление того или иного этноса к «инородцам» означало статус неполноправных подданных империи, «малокультурных» народов и служило источником этнического отчуждения от «ядра», становилось предметом деятельности активистских групп, перераставших затем в национальные движения. Е.И. Кэмпбелл (Воробьева) приводит пример отторжения татарами «инородческого» статуса: «Это вызывало возмущение со стороны тех, кого, таким образом, относили к инородцам. Так, в 1905 году уполномоченные мусульманского общества Казани в записке, адресованной председателю Комитета Министров, обращали внимание властей на

неправомерное причисление татар к инородцам. В представлении уполномоченных, это означало перевод татар в разряд неполноправных граждан и, следовательно, их уравнивание с «малокультурными племенами». Если авторы записки относили к инородцам только народы, находившиеся на низкой ступени культурного развития, то власти, распространявшие эту категорию на все население империи, не принадлежавшее ее «ядру», выделяли «культурных» и «некультурных / невежественных» инородцев. Вера в прогресс давала властям надежду на постепенное приобщение «некультурных» народов к «цивилизации» [Кэмпбелл, 2001, с. 208-209].

Таким образом, можно сказать, что центральная имперская власть предопределила формирование «национального вопроса» в Степном крае и в Туркестане, несмотря на то, что ее стратегической целью являлось «сближение» народов. Но достижение этой цели требовало коренного «переформатирования» национальной и социальной политики царизма, что было нереально в рамках господствующей охранительной идеологии и практики. Коллективное недоверие к переселенцам и имперской администрации порождало более тесные групповые связи внутри казахского этноса. Л.Я. Штернберг обращал внимание на то, что начало русской колонизации консолидировало племена казахов Степного края, имевших долгое время общий язык, единый способ жизнедеятельности и мусульманское верование, но не считавших ранее себя «единым народом». Ответной реакцией казахов на потерю земли и права водопользования, на постоянное угнетение было создание национальных движений [Hirsch, 2005, p. 32]. Колониальная политика, проводимая Российской империей и практически всеми европейскими державами, расчищала «поле» деятельности для оппонентов из религиозных и этнонациональных движений, актуализировавших проблему угнетения своих народов и не всегда заинтересованных в нормализации межэтнических отношений и складывании основ солидаризма и толерантности в обществе. Множественные конфликты между казахами и крестьянами-переселенцами, между кочевыми и оседлыми казахскими родами, между имперской властью и мусульманским населением Центральной Азии являлись

источником для более серьезных столкновений на межэтнической основе, что и произошло в 1916 году.

Обострение межэтнической конкуренции и вспышки взаимного насилия накануне Русской революции 1917 г. свидетельствуют о существовании межэтнического недоверия на групповом уровне, что было связано с перманентными конфликтами казахского населения с переселенцами из-за вопросов землепользования. В то же время нельзя не заметить сотрудничества казахов с казачьим и старожильческим населением края. Однако отношения сотрудничества могли быть разрушены из-за неуверенности казахов в своем будущем и отчуждении от государства.

1.3 Просветительское движение и этнонациональные проекты в дореволюционном Казахстане

Кризис доверия в обществе, как правило, ведет к групповым консолидациям, в этническом «разрезе» выраженных в общинизации и распространении этнонациональных чувств. Обращение к групповым формам консолидации актуально на фоне кризиса политических институтов или игнорирования существующей властью социальных запросов «снизу», что приводит к росту социального отчуждения. М. Хрох, исследовав историю национализма и национальных движений, критически отозвался о возможности конструирования «воображенного сообщества» - нации усилиями только образованных интеллектуалов и пришел к выводу о существовании комплекса реальных факторов, способствующих успеху нациестроительства: «распространение национальных идей могло бы происходить только в особых социальных условиях... Интеллектуалы способны «изобретать» национальные сообщества только в том случае, если уже существуют определенные объективные предпосылки для образования нации. Карл Дойч еще очень давно заметил, что, дабы возникло национальное самосознание, должно сначала возникнуть нечто такое, что оно будет осознавать» [Хрох, 2002, с. 121]. Исследователь подчеркнул, что нация могла возникнуть только в определенной социальной и культурной среде, а успех созидания этнической нации в значительной степени зависел от конкретной исторической ситуации и активности сил, будировавших «национальный вопрос».

Выше уже говорилось, что обострение «национального вопроса» на южных и восточных окраинах Российской империи на рубеже XIX-XX веков было связано с отходом царизма от прежней практики негласного консенсуса с традиционными элитами, незыблемости социально-экономического порядка и уклада жизни покоренных народов. Бедствия и людские потери, сопровождавшие русское завоевание Центральной Азии со второй половины XIX века, постепенно

забывались покоренным населением, вскоре начинавшим извлекать дивиденды от замирения края, не имевшего стабильного длительного времени мирного существования со времени распада Золотой Орды. В.В. Радлов описывал благотворное влияние российского господства на стабильность казахского кочевого хозяйства, не испытывавшего чрезмерного тяглого давления, освобожденного от необходимости военной службы и тягот милитаризации образа жизни: «...империя долгое время не получала экономических выгод от присоединения казахов, добываясь главным образом стабильности на границах» [Радлов, 1989, с. 344]. После завоевания Средней Азии местное население вскоре втянулось в общеимперское экономическое и политическое пространство. Современник делился своими наблюдениями: «В первое время после завоевания края туземцы ходили испуганные и унылые, страшась новых пришельцев... Они боялись за свою веру и обычаи, и не было конца нелепым слухам, которые распускали темные и злонамеренные люди. Но приглядевшись к своим новым завоевателям, сарты успокоились и оценили выгоды, которые сулила им жизнь бок – о - бок рядом с более образованным и сильным народом...с приходом русских все изменилось: взаимная вражда кончилась и всякий может предаваться свои заботам и трудам» [Вульфсон, 1908, с. 116].

Втягивание восточных окраин империи в российское культурное пространство порождало вестернизацию местных сообществ, открывало возможности внедрения новых буржуазных этнонациональных идентичностей в противовес прежним формам самоотождествления - религиозным и трайбалистским. Носителем этнонациональных начал была формирующаяся новая европеизированная элита, представлявшая наиболее образованную часть общества. Немалую роль в ее формировании сыграла колониальная администрация, с подозрением относившаяся к традиционной светской и религиозной элите из-за предположений о ее недостаточной лояльности Российской империи и тяготении к мусульманскому миру. В казахских степях к традиционной элите относились представители аристократии ак-суйек (дословно «белая кость»), включавшая чингизидов-торе и кожа - потомков первых

мусульман, относимых к роду пророка Мухаммеда и праведных халифов. Казахские чингизиды потеряли политическое господство в степи в результате борьбы с родовой знатью (биями, баями) и целенаправленного давления царской администрации. Казахская аристократия была слабо включена в российский нобилитет. По расчетам А. Моррисона казахи степных областей, включенных в состав России с XVIII века, составляя 77 % населения края в 1897 г., имели лишь 0,01 % потомственных дворян от общей численности населения, уступая в этом отношении остзейским немцам, финнам и полякам. Еще больший контраст наблюдался в Туркестане, где русские, составлявшие три процента населения, составляли абсолютное большинство в составе местного дворянства (79 %) [Morrison, 2012, p. 343].

В ментальных установках кочевников только чингизиды-торе имели право на легитимную военную и политическую власть. В общественном сознании казахских кочевников прямые потомки «золотого рода» Чингиз-хана могли быть избраны ханами, они обособлялись от остальной части народа своим высоким юридическим статусом и не относились к жузовым и племенным подразделениям, представляя замкнутую эндогамную группу [Султанов, 2006, с. 24-25]. Социальные и политические последствия падения роли чингизидов-торе были значимыми. Казахская аристократия в народных представлениях формально не относилась к казахам, стояла над жузовыми и родоплеменными сегментами, но фактически уже была полностью интегрирована в казахский этнос. Торе - чингизиды являлись модераторами и арбитрами в межплеменных отношениях, организовывали оборону от внешних врагов. Подозрения царских властей относительно нелояльности чингизидов имели основания. Восстания первой половины XIX века против российского колониального господства возглавляли чингизиды - торе и батыры из числа родовой знати. Восстание 1916 года в тургайских степях формально возглавляли выборные ханы из числа чингизидов-торе и родовой знати [Сулейменов Б.С., Басин, 1977, с.11].

Имперская администрация старалась втянуть родовую знать в управление. Формирование местного административного аппарата способствовало созданию

новой буржуазной европеизированной элиты, в силу активной втянутости в рыночные отношения чуждой прежним традициям. А. Хабутдинов критически оценивает моральный облик новой управленческой элиты: «Введение местного самоуправления и суда подорвало позиции феодальной элиты, обосновывающей свою легитимность происхождением от Чингисхана. К власти пришли нувориши из «черной кости», бесконтрольно использовавшие административный ресурс. В итоге адвокат Е. Самойлов, 8 лет проработавший членом Семипалатинского окружного суда, отмечал: «Власть получила характер азиатской деспотии... Наш суд был жестокой игрушкой в руках киргизских главарей»» [Хабутдинов, 2011]. Ответ на вопрос «Кто входил в новый правящий класс казахов?», дает указ генерал-губернатора Куропаткина от 23 августа 1916 г., освобождавший от призыва на тыловые работы следующие категории казахского населения – работников низового звена общественных управлений (как правило, волостных правителей, переводчиков и статистов); нижние полицейские чины из числа «туземцев»; имамов и служителей культа более низкого ранга; счетоводов и бухгалтеров в учреждениях мелкого кредита; студентов; «туземцев», занимающих классные должности в правительственных учреждениях; «туземцев», пользующихся правом дворян и потомственных почетных граждан [Центральная Азия в составе Российской империи, 2008, с. 289].

Духовное сословие кожа в Казахстане играло незначительную роль. В оседлых районах Средней Азии общности ходжей, ишанов и тура, суфийские братства - тарикаты были оплотом антирусского сопротивления. Эти группы блокировали возможность широкого проникновения европейской культуры [См.: Bennigsen, Wimbush, 1985; Абашин, 2007]. Изучение русскими исследователями кочевого населения подталкивало их к мнению о слабой религиозности казахов, воспринимавших учения мусульманских миссионеров из Средней Азии через призму народных суеверий. Еще в начале XIX века глубокий знаток казахских обычаев и нравов Я.П. Гавердовский указывал на трансформацию исламских религиозных канонов и установок в кочевой среде: «Они (казахи – С.К.) набрали из него (ислама – С.К.) только те места, которые соответствовали их закоснелым

мнениям и нравились по своей приятности, и соединили оные со старыми господствующими обрядами, не заботясь более таким или другим порядком должно брать прямое значение веры. Словом, вера магометанская не производит в них ни споров разномыслия, ни общего энтузиазма, как в других народах, исповедующих сию веру» [Гавердовский, 2007, с. 440]. По мнению русского исследователя, ислам мог вообще потерять свое значение, если бы не подвижническая деятельность среднеазиатских мулл, которые «под видом снискания святости, ... не приходили в степь из Бухарии, Хивы, Ташкении и не старались ее поддерживать своими увещеваниями, учением молитв, распеванием стихов и приноравливанием оной к склонностям народа» [Гавердовский, 2007, с. 440].

Продвижение служителей исламской религии в степь было вызвано «перепроизводством кадров» этого социального слоя в Средней Азии. В Бухарском государстве насчитывалось до 40 тыс. служителей культа, т.е. на семь или восемь семей (40-50 человек) приходился один официальный мулла. Основные оседлые районы были еще более насыщены представителями духовенства. В Зеравшанской области на 10 человек приходился один служитель культа [Зиманов, 1976, с. 26-27]. Подготовка религиозных кадров велась при 700 медресе и мечетях Бухарии и в 100 духовных учебных заведениях Хивинского ханства [Зиманов, 1976, с. 26-27; Алиев, 1958, с. 7]. Избыток представителей духовного сословия после замирения кочевой степи хлынул в аулы, где муллы могли вести безбедную жизнь, наставляя пастухов и их детей основам религиозного знания, занимаясь изгнанием «злых духов» у больных и т.д. Доходы мулл в ауле были весьма значительны: «Источники доходов мулл были самые различные. В традиционной деятельности мулл можно выделить несколько направлений. Во-первых, чтение проповедей при благословении вступающих в брак, при рождении, болезни и смерти и т.п. По одному из примеров, приведенному Ф. Щербины, можно судить о размерах доходов мулл от чтения молитв во время похорон. Он писал о семье одного казаха: «Весной умерла его жена, и её похороны стоили: мулле отдан один восьмилетний верблюд ценою в 20

р., девять баранов ценой 18 рублей и 10 аршин материи, в виде так называемой «жыртыс», то есть подарка на помин души умершей» [Рыздыкова, 2010, с. 48-49].

М.Б. Олкотт также исходит из обусловленности кочевым образом жизни относительно слабой религиозности казахов, считая, что у пастушеских народов ислам входит как компонент, наряду с шаманистскими элементами, в народные представления о мусульманской религиозности: «Традиционная культура казахов была непосредственно связана с практикой пастушеского номадизма. Большинство обычаев связано с празднованием убоя скота как части картины миграций. Религиозная практика была важным компонентом культуры. Хотя ислам был введен в султанское окружение уже в XVIII веке, он не получил широкого распространения в массах до XIX века, и даже тогда шаманизм доминировал в народной религии. Многие традиционные практики имели квазизаконный характер и были инкорпорированы в адат (обычное право)» [Olcott, 1980, p. 199].

Существовавшая ситуация не устраивала ни имперскую власть, ни аристократические группы, чьи интересы объективно сошлись в стремлении привить более высокую культуру ислама городских центров кочевникам, мало интересующихся вопросами веры. Императорские чиновники и казахские ханы и султаны могли опереться в этом вопросе на татар, длительное время представлявших Россию в казахских степях. Религиозная индифферентность казахских кочевников и распространение в их среде доисламских культов подталкивало российскую колониальную администрацию в период присоединения края в начале XIX века к привлечению татарского духовенства для распространения мусульманской веры. Для имперской администрации привычный верующий мусульманин был предпочтителен, нежели кочующий в степях полушаманист-полумусульманин, являющийся приверженцем джигитизма и набеговой субкультуры (аламана, барымты). Реализация «Устава о сибирских киргизах», подготовленного в 1820-е годы М.М. Сперанским, заметно укрепила позиции мусульманского духовенства, способствовало распространению среди

кочевников исламской культурной традиции, восходящей к религиозно-культурным центрам Средней Азии и Поволжья.

Некоторые казахстанские исследователи истории ислама в казахских степях подозревают татарских представителей мусульманского духовенства в выполнении определенного политического «заказа» со стороны имперских властей, направленного на подрыв влияния традиционной группы кожа и установления идейного контроля над кочевниками. А.М. Нургалиева полагает, что «на татарское духовенство была возложена задача, посредством развития религиозного чувства и распространения грамотности, помочь сделать казахов лояльными гражданами и удержать от сопротивления российскому правлению... Татарское духовенство Оренбургской пограничной комиссии выполняло в казахской степи функции российской политической агентуры» [Нургалиева, 2009, с. 21-22]. Высказанная точка зрения исследователя сформировалась скорее под влиянием современных этнополитических реалий и культурных установок казахов по отношению к татарам, так как А.М. Нургалиева признает большую роль татарской буржуазии в финансировании поддержки ислама в северных и западных районах Казахстана [Нургалиева, 2009, с. 26].

На новых окраинах восточной части страны имперские власти первоначально полагались на «цивилизующее» влияние и социальное посредничество «старых» российских подданных – мусульман из числа татар. Чиновники рассчитывали на умиротворение кочевников под влиянием послушных татарских священнослужителей, не учитывая изощренной и скрытой джихадистской казуистики, характерной для последователей суфийских учений, названных метко А. Беннингсеном «параллельным исламом», распространенным в среде татар, народов Кавказа и Средней Азии. Некоторые представители имперской власти в конце XIX века смотрели на мусульманский вопрос только как на религиозную проблему и не были склонны придавать ей политическое значение. Они считали опасными не религиозные убеждения, а «идеи о самобытной национальности и достижении независимости», которыми российские мусульмане, по мнению Министерства внутренних дел, вследствие

«культурной отсталости» от армян, прибалтов, поляков, немцев, финнов, евреев еще «не были заражены» [Кэмпбелл (Воробьева), 2001а, с. 214].

Наиболее лояльным считалось татарское духовенство, допущенное к пропаганде исламского образа жизни в кочевой степи. Видный российский администратор и исследователь А.К. Гейнс отводил главную роль в распространении ислама среди казахов деятельности мусульманских миссионеров из Средней Азии и из числа российских мусульман. Миссионеры, писал Гейнс: «усердно поддерживали между киргизами (казахами – С.К.) мусульманство увещеваниями, учением молитв, растолкованием стихов, разными обманами и даже приноравливанием своего учения к природным склонностям и обычаям киргиза» [Гейнс, 1897, с. 75-76]. Гейнс отдавал должное энергии касимовских и казанских татар, обучивших за свой счет в Петропавловске до 150 казахских детей в мусульманских школах [Гейнс А.К., 1897, с. 75-76]. Казахские старейшины сами приглашали в аулы татарских учителей. В своих дневниках А.К. Гейнс пишет: «...во многих аулах родоначальники нанимают учителей – мулл из татар... Такой учитель живет в юрте у родоначальника, учит детей всего аула и получает... от 40 до 60 рублей в год. Деньги уплачиваются целым аулом. Ташкентцев учителями не нанимают, потому что их язык не имеет столько сходств с кайсацким), сколько татарский» [Гейнс, 1897, с. 257].

Исламские миссионеры внедряли в сознание кочевников религиозное отчуждение от европейской и русской культуры, учили принципам сокрытия вероубеждения (такия) в условиях давления инорелигиозной власти и окружения. В 1864 г. тяжело больной Ч.Ч. Валиханов в «Записке о судебной реформе» с тревогой писал генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю об опасности, исходящей от неказахского духовенства, привносящего в среду казахов мусульманскую форму просвещенности и идеи борьбы за веру. Ч.Ч. Валиханов считал вредным навязывание татарского просвещения» и религиозного мракобесия, препятствующего распространению европейской культуры [Валиханов, 1985, с. 80]. По его убеждению, «духовенство, которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до сих

пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ... Чтобы понять, в каком духе татарское духовенство воспитывает киргизское юношество, мы приведем один только пример: больше не нужно. В мусульманском населении города Петропавловска возник вопрос: грешно ли играть в карты и если грешно, то в какой степени? Обратились к одному мулле, известному по своей глубокой учености. Этот казуист, справившись со своими «темными книгами», объявил, что играть в карты мусульманам между собою – великий грех, но играть с русскими и с намерением обыграть их – дело похвальное, как род джихада, подвизания за веру, которое завещал пророк своим последователям в непременную обязанность» [Валиханов, 1985, с. 100-101]. Следует отметить, что Чокан Валиханов и его последователи были настроены не против татар и среднеазиатских народов, они были противниками мусульманского духовенства, создававшего препятствия для глубокой европейской аккультурации казахского населения.

Г.Н. Потанин позже также пишет о росте исламской просвещенности среди казахов в результате активной работы в аулах татарских мулл и стремления казахской молодежи получить образование в среднеазиатских городах: «Несколько десятков лет назад положение дел, может быть, было благоприятнее для проникания европейских идей в киргизскую среду. Мулл из киргизов было мало; большею частью это были казанские татары, свои киргизские муллы если и были, то это были ученики казанских мулл. Теперь это изменилось: с завоеванием Туркестана молодые люди из киргизов стали уезжать в «святую» Бухару; они изучают там персидский и арабский языки и мусульманский закон и, возвратившись на родину, становятся муллами. Бухарские богословы известны своим фанатизмом; их ученики распространяют в киргизском народе ханжество, отвращение к европейской науке и щеголяние персидскими и арабскими фразами...» [Потанин, 2007, с. 72-73].

Известный исследователь истории казахского народа А.Н. Харузин предупреждал об опасности мусульманского прозелетизма, дав следующий совет

чиновникам: «не следует потакать враждебному нашим государственным началам направлению магометанско-татарскому» [Харузин, 1889, с. 101–102; Арапов, Котюкова, 2004, с. 59]. По предложению востоковеда и православного миссионера Н.И. Ильминского, считавшего казахов шаманистами, которых можно в перспективе обратить в православие, были реализованы превентивные меры по ограничению деятельности татарского и среднеазиатского духовенства в казахских степях. Опубликованное 25 марта 1891 г. «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей» сохраняло преемственность с ограничительными нормами Степного положения 1868 г., вводившими практику утверждения кандидатур мулл из числа только местного населения военными губернаторами по принципу «одна волость – один мулла», запрещение вакуфов и принудительных сборов с населения на содержание мечетей и религиозных школ, открытие мечетей с разрешения военного губернатора [Материалы по политической истории Казахстана, 1960, с. 394; Центральная Азия в составе Российской империи, 2008, с. 240-241]. Имперские нормативно-правовые акты 1868 и 1891 годов были направлены на ограничение интегралистской деятельности в среде кочевого населения более образованной и религиозно настроенной части татар и среднеазиатских мусульман.

А.Е. Алекторов в начале XX века признал резкий подъем мусульманской религиозности казахских кочевников под влиянием деятельности татарских мулл, о чем ранее предупреждал Ч. Валиханов. Алекторов в 1906 г. горечью писал: «Давно ли были язычниками наши киргизы: лет 40-50 тому назад, сознавая скудость своих понятий о религии, они говорили, что с них достаточно ограничивать молитву возможно частым повторением слова «Алла», которое одной святостью своей имеет великую искупительную силу. Но этот религиозный компромисс существовал в душе номада до того лишь момента, пока в степи не появились татары проповедники; тогда киргизы толпами шли к ним для очищения от грехов... И вот теперь у киргизов мало осталось уже прадедовских правил и обычаев [Алекторов, 1906, с.87]. М.С. Бабаджанов критически относился к

проникновению татарского духовенства в кочевой аул, обвиняя татар в моральном разложении казахского населения: «Вообще же влияние татар на киргизов – вредное, ибо они вместе с правилами ислама передают киргизам свои народные суеверия и приучают казахов к клязам и мошенничеству. Я потому еще полагаю влияние и пример татар вредным, что они при ужасном фанатизме, в продолжение столь давнего с русскими проживания нисколько (говоря о большинстве) не ушли от своего грубого, закостенелого невежества» [Цит. по: Раздыкова, 2010, с. 55].

Объективные причины значимости татар в мусульманском движении в Российской империи связаны с их более высоким уровнем образования на русском языке, длительным нахождением в российском подданстве и урбанизированностью, обеспечивавшей им более значимые статусные позиции. Поволжские татары имели в наличии серьезный социальный капитал в виде финансов, знания русского и тюркских языков, деловой сметки и взаимовыручки. Это позволило им создавать обширные торговые сети и вести успешную посредническую деятельность между колониальной администрацией и кочевниками Урала и Центральной Азии [Seton-Watson, 1977, p. 249]. Татары были «своими» для русской администрации и русских жителей края, благодаря знанию казахского языка и мусульманскому вероисповеданию легко проникая и в казахскую среду. В начале XX века 41% горожан - татар Тургайской области занималось посреднической торговлей продуктами сельского хозяйства, тканями, кожами, т.е. продукцией, произведенной другими народами. Русские купцы занимались в основном торговлей зерновыми продуктами - 62,9 %. Доля башкир в составе купечества была низка - только 0,5% от общего числа башкир Оренбургской губернии [Толепбергени, 2010, с. 15]. В то же время татарские предприниматели и купцы проигрывали конкуренцию в индустриальном секторе экономики русской буржуазии, пользовавшейся покровительством правительства [Амирханов, 2005, с. 51-52]. Аналогичная ситуация сложилась на территории Азербайджана, где предприниматели из числа мусульман-тюрков, первоначально владевшие 80 % нефтепромыслов были недовольны давлением властей и

конкуренцией со стороны русских и армян, пользовавшихся преференциями со стороны имперских органов. Они активно финансировали реформаторское движение и издание либеральных печатных изданий с целью защиты своих экономических интересов [Karpat Kemal, 2001, p. 288].

Имперские власти к началу XX века стали считать татар и башкир проводниками идей панисламизма и пантюркизма, а казахских кочевников и сибирских татар, недавних «полуязычников», более безобидными и неискушенными в религиозных вопросах [Арапов, Котюкова, 2004, с. 62]. В официальных документах сквозят опасения перед ростом «татаризма» и влияния татарского просвещенного класса, составлявшего ядро мусульманского движения в Российской империи, особенно в восточных регионах страны, населенных близкими по происхождению и культуре тюркскими народами. Имперскими чиновниками отмечалась враждебность простых казахов к имеющим торговую сметку татарам, однако из-за обострения земельного вопроса происходил рост оппозиционности казахского населения к существующей власти и наблюдались проявления симпатий к «пантатаризму» [Материалы по политической истории Казахстана, 1960, с. 140-141]. Чиновники отмечали прямую связь между ростом агитации панисламизма и разорением казахского кочевого аула, но считали все-таки незначительными перспективы развития мусульманского интегрализма в среде номадов: «Интенсивное заселение киргизских степей крестьянами – переселенцами, сокращение площади их кочевков, неумение и неприспособленность киргизов перейти к оседлому образу жизни – ставят их в положение тяжелое, неопределенное... Но особого распространения панисламизм не получит «даже с попутной пропагандой на почве земельных обид и неурядиц». Слишком далеко мирозерцание степняка – киргиза от идеи объединения всех мусульман» [Материалы по политической истории Казахстана, 1960, с. 160].

Наибольшего влияния исламское духовенство достигло в южном регионе, издавна втянутом в контакты с древними культурными центрами Средней Азии. В начале XX века только в городе Туркестан и Туркестанском уезде насчитывалось около 5 тыс. мул и ходжей, в 4632 мусульманских мектебах

Туркестанского края обучалось 44,8 тыс. шакирдов [Абжанов]. По мнению Х. Абжанова проведения полного учета численности традиционной интеллигенции в составе казахского населения было невозможно, так как в представлениях кочевников учет и перепись населения воспринимались как начало беды. К категории традиционной интеллигенции казахский историк отнес акынов, кюиши, жыршы, баксы-балгеров, зергеров, емши, народных ветеринаров, агрономов, архитекторов, количество которых соответствовало необходимости «обеспечения естественно-исторического развития системы, сложившейся на протяжении многих веков» [Абжанов]. На наш взгляд, ведущий казахстанский историк искусственно включил эти категории народных умельцев в состав интеллигенции, проигнорировав европейское происхождение этого социального слоя, возникающего в период индустриального «модерного» развития обществ, как носитель научного знания и западной «вестернистской» культурной традиции. Выделение слоя т.н. «традиционной интеллигенции» представляет попытку осовременивания кочевого социума, с чем трудно согласиться.

Процессы вестернизации и распространение печатной литературы привели к идейному расколу казахской элиты на «западников», названных М.Б. Олкотт «русофилами и «русскими демократами», и традиционалистов-ретроградов. Представители первого направления обучались в русской светской школе, свободно говорили и писали на русском языке. Они выступали за адаптацию кочевников к изменившимся условиям, усвоение достижений западной цивилизации, за перестройку казахской культуры в соответствии с основными экономическими и культурными ценностями русской империи. Их оппоненты «писали на татарском или смеси татарского и казахского языков, и являлись выпускниками коранических школ. Они рассматривали русское завоевание и развитие Степи как угрозу моральному порядку казахского общества. Эта позиция лучше всего выражена в произведениях поэтов течения «Зар Заман», в которых высказывается призыв к казахам искать утешения и спасения в исламе» [Olcott, 1980, p. 200].

Традиционалистски настроенные группы духовенства и поэтов-«книжников» эсхатологического литературно-философского направления «Зар-Заман» (дословно «Время скорби» по одноименному названию поэмы Ш. Канай-улы) сеяли недовольство колониальной политикой самодержавия, критикуя моральный упадок современного им казахского общества, противопоставляя ему идеальный культурный порядок прошлого. По мнению Н. Нуртазиной, поэты «Зар-Заман» получили фундаментальное мусульманское образование и, вероятно, обучали детей в аулах, где их называли «молла» или «дамолла», что означало «учитель» и «просвещенный человек» [Нуртазина, 2008, с. 60]. Как правило, они не имели определенного социального статуса, сознательно отказываясь от участия в работе колониальной администрации и последовательно отвергая европейскую культуру и образование.

Для народной культуры народов Центральной Азии было характерно доминирование поэтической литературы. Поэты и сказители выражали народные чаяния о справедливом обществе. Для Шортанбая Канай-улы эпоха скорби настала после присоединения казахских степей к России, в результате чего установилась нежеланная для поэта связь между казахами и русскими. Это способствовало проникновению новых рыночных отношений в казахское общество, приведшее к кризису кочевую общину. «Появилось богатство, называемое деньгами» - писал разочарованный современной ему социальной реальностью поэт [Цит. по: Бейсембиев, 1961, с. 87]. Шортанбая Канай-улы критиковал царизм за нарушение договоров о подданстве и заявлял, что «от русского царя ушла справедливость», так как он вторгся в казахские степи, устранил казахских ханов, которых он называл «защитниками казахов». Поэт предрекал грядущее поражение мусульман и торжество «неверных» [Цит. по: Бейсембиев, 1961, с. 90].

В произведениях поэтов-«книжников» Шортанбая Канай-улы (1818-1881), Дулата Бабатай-улы (1802-1874), Мурата Монке-улы (1843-1906), Абубакира Кердери (1861-1903) рисовалась трагическая картина будущего казахов, которым суждено «*Kalaga karay shubirip, malaylikka jurasin. Pana bolmay dalannan ...*

Shoshkasin bagip sabylyp» («переехав в города стать слугами и пасти свиней»), («balandi alar soldatka» – «детей твоих заберут в солдаты»), «kynama beshpet kyersin, arbaga mashtek jagersin» (наденешь русскую одежду, в телегу будешь запрягать клячу) [Нуртазина, 2012]. Дулат Бабатай-улы предсказывает мрачное будущее своему народу, предрекая: «Казахи перестанут быть народом. Их дни сочтены» [Цит. по: Бейсембиев, 1961, с. 95]. В стихотворении «О родной земле» Дулат оплакивает родовые кочевья предков в долине Сандыктас: «в один день куланы и люди покинут Сандыктас, и по тебе будут гулять стада свиней («kalarsin bir kun Sandiktas Kulan jortpas bel bolip Janinnan tas batirip Tamirindi koparip Shoshka turtip kydyrip») [Бейсембиев, 1961, с. 90-95; Нуртазина, 2012]. Дулат Бабатай-улы призывал казахов не дружить с русскими, которых называл «кафырами», так как: «Иноверцы никогда не могут быть друзьями мусульман, ибо они рано или поздно обнаружат свою враждебность» [Цит. по: Бейсембиев, 1961, с. 95]. Казахи одиноки перед лицом враждебного окружения, считали поэты «Зар-Заман». Шортанбай печалился: «Казахи окружены со всех сторон». Вместе с Муратом Монке-улы он воспевал последнего казахского хана Кенесары Касымова и других борцов с российским колониализмом, вдохновляясь подвигами времен Аблай-хана и войн Кенесары Касымова [Olcott, 1995, p. 108]. Поэты Зар-Замана» отражали взгляды определенных групп казахского общества, недовольных вторжением в жизнь новых социальных ценностей и установок, ассоциируемых с господством «неверных», массовыми изъятиями земель и введением налогов.

Вместе с тем традиционалисты проповедовали пассивные формы протеста против перемен. Н.Д. Нуртазина, проанализировав социальные и политические установки поэтов «Зар Заман», пришла к выводу о неспособности традиционалистов понять в полной мере сущность происходящих перемен и их последствия для казахского народа. Для поэтов-традиционалистов «источник зла» заключался в господстве имперской России: «...внешне эти люди, как и большинство казахов второй половины XIX - нач. XX вв., были вполне лояльны к российской власти и не были заподозрены в какой-либо антиправительственной деятельности... в отличие от идеологов восстаний казахские поэты «Зар Заман»

не призывали к открытой борьбе, считая ее бесполезной и обреченной на поражение, а пропагандировали плач, молитву и эсхатологическое мировоззрение с ожиданием Судного Дня. В то же время для авторов не может быть компромисса и диалога с враждебной цивилизацией. В своих произведениях казахские поэты создали крайне отрицательный, мифологизированный образ России как источника зла и демонических сил» [Нуртазина, 2012]. Несомненно, в своих произведениях поэты «Зар-Замана» отражали определенные враждебные настроения в казахском обществе по отношению к завоевавшей степь Российской империи и к русским, как этническим носителям имперской власти. В то же время их взгляды свидетельствовали об осознании обществом бесперспективности вооруженного сопротивления. Олкотт отмечает признание казахами навязываемых Россией правил, так как они воспринимали Россию превосходящей военной силой, но оставались враждебными имперской власти [Olcott, 1995, p. 109].

Э. Каррер д. Анкосс на примере индийского исламизма выявила две формы исламистской реакции на кризис традиционных ценностей и образа жизни в XIX веке: первая в виде духовной борьбы за возрождение ислама и мусульманской уммы; вторая как крайний политический либерализм [Carrere d'Encausse, 1988, p. 56]. Возвращение к истокам ислама олицетворяли ваххабиты и другие идейные течения салафизма, в то время как реформатор и основоположник панисламизма Саид Джамал ад-Дин аль-Афгани призывал к модернизации и интеграции мусульманского общества, просвещению населения, введению конституционализма и компромиссу с победившим Западом. Поэты «Зар-Замана» представляли вместе с кадимистами интеллектуальное направление, стремившееся к реисламизации и ретрадиционализации образа жизни и социальной практики казахского общества, хотя их трудно назвать реформаторами – салафитами, каковыми были индийские ваххабиты.

Для ориентированных на ценности традиционного образа жизни и исламский миропорядок интеллектуальных кругов казахского общества приоритетным было бы подчинение мусульманским правителям, таким как эмир

Бухарский. Они призывали к религиозному единению и братству на основе веры – «имана» и нравственных ценностей ислама [Нуртазина, 2008, с. 61]. Поэты – «книжники» были ближе татарскому кадимизму, сторонники которого выступали за сохранение мусульманской уммы, идеализировали политический строй Бухарского эмирата. В то же время поэты «Зар Заман» в отличие от адептов кадимизма не были примиренчески настроены по отношению к самодержавию. В своих стихах и плачах «толгау» они передавали обиды казахских кочевников на колониальные власти, систематически отбиравшие лучшие земли для переселенцев. Русские рисовались поэтами как враги мусульман, неверные кафиры, а все культурные заимствования, даже включая употребление чая, однозначно осуждалось. Для Шортанбая самое страшное заключалось в том, что казахи поддерживают дружеские отношения с русскими, охотно перенимают новшества и даже подражают русским [Цит. по: Бейсембиев, 1961, с. 90].

Стремление традиционалистов к сохранению старых порядков было связано с определенными социальными настроениями казахского населения, недовольного проводимой земельной и административной политикой колониальных властей, лишивших значительные группы кочевников родовых угодий. Однако проект ретрадиционализации и реисламизации в казахских степях потерпел поражение в связи с глубокими изменениями в структурах повседневности и в социальных практиках, предопределившими начало вестернизации казахского этноса через приобщение к русской цивилизации. Куда большее значение получил реформаторский проект татарских джадидов, из которого зародилось казахское национально-религиозное движение.

Джадидизм является сложным социально-политическим явлением, не сводимым только к движению за просвещение и обновление школьной системы. В перспективе джадидизм представлял попытку вестернизации тюрко-мусульманского общества и создания тюркской нации, наподобие современных европейских наций. У тюрко-мусульманских народов России этническая идентичность была тесно связана с религиозными формами самоидентификации, поэтому этнонациональная идея не могла сразу утвердиться. Переходным от

конфессионального сознания к сознанию национальному был пантюркизм. Пантюркизм рассматривается некоторыми исследователями как ответная реакция на политику царизма и позицию значительной части русской элиты, поддерживавшей панславизм [Мухамметдинов, 1996, с. 42; Нуртазина, 2008, с. 112]. Можно согласиться с точкой зрения Г.Г. Косача, полагающего, что конечной целью Гаспринского было формирование протонациональной региональной общности мусульман на основе общего языка тюрки и обновленного ислама [Косач, 2004, с. 30].

Р. Джераси изучив русификаторскую политику царизма, основанную на триаде С.С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», пришел к выводу о существовании альтернативного проекта, основанного на тюрко-мусульманском интегрализме и солидаризме. Этот проект был направлен на ассимиляцию наиболее продвинутыми в развитии поволжскими татарами других этнических групп тюрков, проживавших в западной и центральной части Российской империи и в казахских степях. Борьба с христианизацией привела к сплочению вокруг казанских татар других поволжских народов, ранее бывших язычниками. Ислам казанских татар, считает Р. Джераси, был таким же экспансионистским, как и официальное православие, так как проповедники поволжского ислама стремились не только к определению исторической судьбы политеистов чувашей и марийцев, но и религиозной идентичности Поволжья в целом [Geraci, 2001, p. 29-30]. Ядром новой общности тюрко-мусульманских народов должны были стать крымские и поволжские татары, а также тюркоязычные группы Средней Азии, позже консолидированные в узбекскую нацию.

Б. Андерсон писал о формировании нации, как соединении капитализма и техники книгопечатания [Андерсон, 2001, с. 69]. Конструктивистская парадигма придает большое значение распространению печатной продукции и образования на родном языке распространению печатной продукции и образования на родном языке для формирования этнонации и этнонационального сознания. Б. Андерсон указывает на то, что печатные языки закладывали основы национального

сознания через создание унифицированных полей обмена и коммуникации, придание народному языку устойчивости, позволяющей выстроить концепцию историчности нации с глубокой древности, формирование языка-власти, ассимилирующего местные разговорные языки [Андресон, 2001, с.67-68].

Огромную роль в распространении либеральных и реформаторских идей тюркского интегрализма играли российские татары через печатные органы на татарском языке, издававшиеся в Санкт-Петербурге, Казани и Баку. Читателями татарских газет были представители интеллектуальной элиты из числа татар и узбеков [Carrere d'Encausse, 1988, p. 79]. Исследователи указывают на значительную роль татарских просветителей, учителей и общественных деятелей в распространении просветительских идей и просвещения в Туркестане, Бухарском эмирате, Хивинском ханстве и в Казахстане. Легкость распространения татарами своей программы объединения тюркских народов объясняется тем, что: «татары, будучи одной из самых многочисленных и образованных народностей среди мусульман России и в силу того, что они в значительном числе проживали в городах, кишлаках и аулах Туркестана и Казахстана, нередко были наставниками молодежи в этих регионах» [Зиманов, Идрисов, 1989, с. 51].

П. Хенци придает огромное значение этнонационалистическому проекту татарских реформаторов, полагая, что «Крымские и волжские татары были первыми мусульманско-тюркскими народами Российской империи, которых заразил современный национализм. Через них националистические идеи распространились и на других: азербайджанцев и жителей Средней Азии» [Хенци, 1986, с.45]. Вероятно, объединение немцев в единую нацию, успешность этнонационалистических проектов балканских греков и славян, отринувших имперский османизм (оттоманизм) и создавших национальные государства, вдохновляли И. Гаспринского. Он лелеял надежду на консолидацию российских мусульман-тюрков через унификацию языка и сближение культур на основе обновленного ислама.

«Национальное пробуждение» И. Гаспринского ряд исследователей связывают с его контактами и дружбой с панславистами, в частности с Катковым, одобрявшими массовые убийства греков – мусульман и боснийцев их собратьями греками и сербами, исповедовавшими православие, что вызвало протест будущего основоположника тюрко-мусульманского обновления [Karpat Kemal, 2001, p. 296-297; Хостлер, 2006, с. 162]. Основной упор в своей деятельности Гаспринский сделал на возрождении интереса к национальной истории татар и других тюркских народов, создававших в прошлом великие империи.

Последователи И. Гаспринского были «обновленцами», но не панисламистами, так как модернизация ислама была нужна им для поддержания религиозных культурно-дифференцирующих начал, выступавших «маркерами» тюркской идентичности. В этом их взгляды расходились с воззрениями «обновленцев» - сторонников панисламизма. С.З. Зиманов подметил: «Новометодные школы не были самоцелью для их сторонников. Они считали, что основная причина зла в обществе – это неграмотность самих мулл и населения, вследствие чего происходят расточительство богачей, ограбление населения и жестокость местных наместников, распространение «дурных обычаев» в массах, которые в свою очередь, ведут к разорению и обнищанию» [Зиманов, 1976, с. 48].

Отказ от старой мусульманской школы преследовал целью приближение мусульман к русской и европейской печатной культуре и формирование достаточно однородной европеизированной национальной культуры. По мнению Н.Д. Нуртазиной, обновленчество было цивилизационной альтернативой ассимиляции и культурной маргинализации мусульманских народов, и в то же время оно не сводилось только к пантюркизму. Она считает, что: «джадидизм включил в свое содержание панисламизм и пантюркизм с единственной целью - для координации усилий в борьбе за модернизацию, за новую национально-мусульманскую школу, т. е. за прогрессивные идеалы джадидизма. Кроме того, пантюркизм новых мусульман Туркестана носил оборонительный характер, в нем не было агрессивности и наступательности, ксенофобии и фанатизма. Что касается реакционного панисламизма и пантюркизма (по сути турецкого

шовинизма), то они имели место среди старого духовенства или феодально-монархических кругов. Как правило, эти доктрины носят наступательный характер, отличаются нетерпимостью, экстремизмом и т.д.» [Нуртазина, 2008, с. 113].

Для тюрко-мусульманских народов Российской империи народов был характерен низкий уровень этнических мобилизаций. Однако в отличие от локальных этнонациональных проектов европейских и закавказских христиан, джадидский проект создавал тюркскую общность на огромной территории империи, вполне могущую конкурировать с имперской русской общностью, включавшей восточнославянские народы, тем более, что тюркские интегралы пытались найти общие основы для идентичности. А.З. Валиди в своей работе «Нация и национализм» проанализировал основные трудности интеграции российских тюрков, заключающиеся в наличии многообразия этнической идентичности. Он предложил компромиссный этноним «тюрко-татары», удовлетворивший бы как татар, так и представителей народов, не носивших это название, прежде всего казахов, башкир и тюрков Средней Азии [Zenkowsky, 1960, p. 117]. Следует учесть и наличие в исторической памяти российских тюрков воспоминаний, связанных с собственным господством на просторах Евразии. Не случайно дальновидный Сталин первый удар нанес в 1923 г. не по националистам, а по мусульманским большевикам – интегралам во главе с М. Султан-Галиевым, А. Икрамовым и Т. Рыскуловым, пытавшимся реализовать джадидский проект формирования единой тюрко-мусульманской нации. Сталин подозревал национал-коммунистов в симпатиях к пантюркистским и панисламистским силам, возглавившим в годы гражданской войны басмаческое движение и до конца враждебным к советскому проекту национальной политики [Bennigsen, 1985, p. 215].

Позиция правительственных структур кардинально меняется к 1910 г., когда встревоженная переориентацией мусульманских школ на новые методы образования имперская власть официально постановила ограничить учебную программу преподаванием предметов, относящихся только к изучению

мусульманского вероучения. Заодно были усилены цензурные запреты. Религиозная литература заграничного происхождения попадала в Санкт-Петербургский цензурный комитет (СПЦК). По решению цензурной комиссии религиозная литература «провокационного содержания» подлежала конфискации [Нургалиева А.М., 2009, с. 29]. Официальная власть подозревала татарских джадидов в распространении панисламизма и ориентации на единоверную и «единокровную» Турцию. В 1912–1913 гг. правительство приходит к выводу о необходимости усилении контроля над национальными школами и ограничения преподавания родного языка в них, так как это способствовало «пробуждению национального самосознания» [Нам, 2000, с. 84]. Министр народного просвещения Л.А. Кассо считал, что «допущение инородческого языка при преподавании не способствовало ни интересам государства, ни достоинству русского языка, как языка государственного» [Нам, 2000, с. 82]. Алекторов подозревал исламских просветителей в привитии татарам и казахам изощренных приемов духовного сопротивления. По его данным, они учили мусульман следованию принципу такия (сокрытия веры), солидаризму на религиозной основе: «муллы учат, что в суде под присягой можно оправдывать правоверных, хотя бы и неправых, если в противной стороне является христианин, еврей или язычник, что оправдать магометанина, судящегося с русскими дело богоугодное... Нам неоднократно приходилось встречать в Букеевской орде киргизов, утверждающих, что покушение на собственность неправоверного - дело законное и что об этом они слышали в медресе и мектебе от мулл. Эти просветители народные учат только невежеству и в политическом отношении далеко не безопасны, так как всем и каждому напевают одно и то же, что русскую землю возьмет скоро турецкий султан, и тогда все люди сделаются мусульманами» [Алекторов, 1906, с. 80].

Исследователь «мусульманского вопроса» в Российской империи Е.И. Воробьева считает, что не следует преувеличивать антиисламский настрой во внутренней политике имперской власти, так как «несмотря на то, что миссионеры продолжали настаивать на ограничительной политике по отношению к

мусульманскому духовенству, видя в этом решение мусульманского вопроса, в правящих кругах вообще отказались от каких-либо кардинальных мер и проводили политику поддержания статус-кво и скорее наблюдения, чем контроля, за религиозными делами мусульман... Светские власти, унаследовав с XVIII века традиции веротерпимости и прагматичной политики, не считали религиозный вопрос государственной проблемой и потому не были склонны участвовать в религиозной борьбе с исламом. Их имперский проект включал в себя «сближение» мусульман с русскими через светское просвещение и русский язык. В отношении религиозных дел мусульман, власти практиковали два варианта политики - от сотрудничества с духовными лицами и контроля за религиозной жизнью мусульман до полного невмешательства в их религиозные дела, и, по сути, игнорирование религиозного фактора» [Воробьева, 1999, с. 26-27].

В борьбе с татарским культурным влиянием имперская власть использовала не только репрессивные методы и поддержку ретроградов-кадимистов, но старалась столкнуть различные группы тюрок-мусульман. Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман предлагал использовать против татар их торговых конкурентов из числа оседлых сартов, считавшихся более безопасными (более отсталыми и покорными) в сравнении с татарами и более культурными в сравнении с казахами и киргизами. Социальное и экономическое доминирование сартов, считал Кауфман, будет благом для казахов, страдающих от татарских предпринимателей, которые «почти исключительно обогащаются за счет нужды и народного невежества» [Цит. по: Мацузато, 2004, с. 453].

В казахских степях идейное противостояние между религиозными традиционалистами и реформаторами не было столь напряженным, как это имело место в районах с оседло-земледельческим населением в Туркестане и Поволжье. Одна из причин кроется в глубокой оторванности традиционалистского исламизма от насущных потребностей кочевого общества. Как видим из свидетельств современников и официальных документов собственно социальная группа кожа - сейидов, в отличие от татарских и среднеазиатских священнослужителей и мугаллимов, не оказывала сколь-нибудь значимого

влияния на религиозность казахов. Внешнее почитание за происхождение, оказываемое казахскими родами представителям торе - чингизидов и кожа - сеидов, не давало каких-либо значимых социальных дивидендов. Главную роль в борьбе за умы степняков играли представители двух направлений в области народного просвещения, ассоциируемых, по мнению Б.А. Кенжетаева, с именами Гаспринского и Ильминского [Кенжетаев, 1998, с.18]. По предположению Г.Г. Косача идеи общетюркского и общемусульманского единства находили отклик в общественном сознании лишь казахов южного региона, в пределах расселения родов Старшего жуза, контактировавших со среднеазиатскими мусульманами-тюрками [Косач, 2004, с. 44].

Под значительным влиянием татарских реформаторов-обновленцев складывалась новая казахская духовная элита, ориентированная на европейские ценности и обновленный ислам. По сути, идеологи джадидистского движения стояли у истоков такого явления как евроислам. Финансовая поддержка реформаторам оказывалась татарскими предпринимателями, заинтересованными в подготовке образованных кадров. В Оренбурге в 1891 г. купец Ахмет Хусаинов при построенной им мечети основал мектеп и медресе «Хусаиния», шакирдом которой стал К. Жубанов, впоследствии казахский ученый-лингвист. Представители казахского купечества также вовлекались в спонсирование строительства новометодных учебных заведений. В Семиречье, в Капальском уезде, на деньги бия Мамана Есенкулова, была открыта вначале двухлетняя, затем четырехклассная, впоследствии восьмиклассная новометодная школа «Мамания». Образцовой моделью для школы «Мамании» служило уфимское медресе «Галия». Учителя в школу набирались из Оренбурга и Уфы. По данным казанского джадида Абдулазиза Муссы, посетившего Семиречье в 1910 году, казахи Капальского уезда содержали учителей за свой счет и строили новые школы, не обращаясь за помощью к властям. На нужды просвещения капальские казахи потратили 11 тыс. рублей. Исходя из увиденного, автор был уверен в успешности приспособления казахов к изменениям социальной и культурной жизни [Демироглу, 2012, с. 126].

Основные центры новометодного образования открывались в Западном Казахстане, географически близком Уралу и Поволжью. В 1903 г. в медресе Сеитовского посада обучалось 2085 шакирдов, из них 1346 татар, 687 башкир, 52 казах [Толепбергени, 2010, с. 16]. На следующий год прибыло в медресе при мечети № 7 Сеитовского посада 25 казахских мальчиков из Уральской и Тургайской областей [Толепбергени, 2010, с. 16]. В медресе «Галия» (Уфа) получили образование классики казахской литературы Магжан Жумабаев, Жиенгали Тлепбергенов, Беимбет Майлин [Захаренко, 2004, с. 146].

Становление образования на родном языке происходило одновременно с распространением печатной продукции и изданием научных трудов, посвященных историческому прошлому казахского и других тюркских народов. В 1911 г. в Оренбурге издана работа Шакарима Кудайбердиева «Родословная правителей тюрков, киргиз-кайсаков», ставшая ценным источником по казахской этнографии.

Крупнейшим центром по изданию книг на восточных языках, после столицы, являлась Казань [Жиренчин, 1987, с. 82-83]. Наибольшее количество книг на казахском языке было отпечатано в типографии Ш. Хусаинова и братьев Каримовых. В типографии «Каримов, Хусаинов и К^о» с 1890 по 1915 гг. было издано 117 книг на казахском языке, в том числе работы Ш. Кудайбердиева, А. Байтурсынова, М. Дулатова. Значительную часть изданных книг составляли эпические сказания и поэмы, учебные пособия и сборники стихов казахских поэтов. В 1913 г. был издан роман С. Кубеева «Калым», являющийся одним из первых романов на казахском языке. Крупные частные типографии печатали литературу на казахском языке в Уфе, Верном, Уральске, Ташкенте и других городах.

В Семипалатинске в 1912 г. братья Нигматуллины основали типографию «Ярдам сериктиги», при которой существовала библиотека. Типография братьев Нигматуллиных была позже выкуплена казахскими купцами по просьбе студентов для нужд просвещения. До 1917 г. было издано около 700 названий книг на доступных для понимания казахом языках, в промежутке 1900 - 1917 гг.

появилось около 400 наименований таких книг. Не менее половины выпущенной продукции составляли религиозные поэмы и книги, посвященные вопросам исламского вероисповедания [Бейсембаев К., 1962, с. 63]. Среди наиболее активных авторов были Кашафутдин Махмудов (за 1859 - 1899 гг. 22 книги), Жусупбек Шейкулисламов (15 работ за 1879 - 1915 гг.), Акылбек Сабалулы (с 1909 по 1915 гг. 15 книг), Ибрай Алтынсарин (1879-1899 гг.), Макыш Калтаев (7 книг за 1904-1913 гг.), Шадитора Жангиров (9 книг за 1910-1915 гг.), Спандияр Кубеев – 3 книги, Машхур Копеев – 3 книги за период с 1909-1910 гг., Мухамеджан Сералин – 2 книги (1903-1910 гг.) [Жиренчин, 1987, с. 105].

Татарские предприниматели и представители духовенства старались солидаризовать мусульман Степного края. На территории Оренбургской губернии работу по консолидации местных мусульман проводил купец Ахмет Хусаинов. Он стал инициатором создания Мусульманского просветительно-благотворительного общества в Актюбинске, которое было зарегистрировано 29 января 1908 г. в Тургайском областном правлении. В Кустанае учредителями Мусульманского общества в 1909 году были известные татарские купцы М. Яушев и Ш. Баязитов, мулла соборной мечети Г. Якупов; в Ханской ставке Внутренней Орды (1909 г.) - торговые крестьяне Казанской губернии М. Загидуллин и А. Насыров, являвшиеся постоянными жителями этого селения. В мае 1909 г. было учреждено в Гурьеве татаро-казахское общество взаимопомощи, преследующее цель народного просвещения через открытие мектебов, медресе и библиотеки. Благодаря деятельности татаро-казахских сообществ были созданы джадидские школы в Актюбинске, Иргизе, Кустанае [Толепбергени, 2010, с. 17; Захаренко, 2004, с. 146]. Молодые татары - джадиды во время летних каникул выезжали в степные районы Туркестанского края и открывали без разрешения администрации летучие юрты-школы, где за высокую плату обучали детей. В свою очередь казахи ехали в уфимское медресе Галия с целью получения качественного религиозного образования [Галиев В.З., 2011, с. 420; Садвокасова, 2005, с. 29].

Реформаторская деятельность поддерживалась казахскими «обновленцами», консолидировавшимися вокруг журнала «Айкап», издаваемого М. Сералиным в Троицке с января 1911 по август 1915 годов. Казахские «обновленцы» с пиететом относились к личности И. Гаспринского. М. Сералин называл Гаспринского «учителем 20-миллионного российского мусульманства, благодаря которому начали понимать себя, увидели, какие есть на свете науки и искусства, начали понимать какие науки и искусства имели наши предки. Мы раньше представляли живой труп. Гаспринский дал нам душу» [Цит. по: Бейсембиев, 1978, с. 332]. С.З. Зиманов относит М. Сералина и его последователей к казахским общественным деятелям в наибольшей степени связанным с татарской культурой и ее прогрессивными традициями в лице джадидизма [Зиманов, 1989, с. 51-52, 54]. В значительной мере это объясняется и личными связями М. Сералина с представителями татарской буржуазии и интеллигенции джадидизма [Зиманов, 1989, с. 51-52]. Одним из лидеров мусульманско-тюркского интегралистского движения был потомок казахских ханов С.С. Джантюрин.

Из числа казахов в Туркестане и Степном крае последователями реформаторских идей И. Гаспринского были М. Чокаев, Ж. Сейдалин и М. Сералин, стремившиеся к объединению коренного населения края в туркестанскую нацию. Всего на территории Казахстана к 1917 г., по данным С.Д. Асфендиарова и С.З. Зиманова, функционировало около 100 новометодных школ. Приверженцы новометодных школ консолидировались вокруг журнала «Айкап» [Зиманов, 1976, с. 55]. Часть школ нового типа была закрыта за период 1910-1911 годы, когда встревоженный ростом оппозиционности мусульманского населения туркестанский губернатор распорядился закрыть более 100 новометодных школ [Зиманов, 1976, с. 55]. Идеология тюрко-мусульманского обновления и солидаризма получила поддержку в южных районах Казахстана. На северо-востоке и в центре такого роста новометодного образования не наблюдалась. Главная причина поражения пропаганды тюркских интегралистов в Казахстане заключается в том, что на казахское население северных и западных районов Казахстана оказывало влияние культура и образ жизни русского населения края.

Воздействие татарских и среднеазиатских интеграллистов в значительной мере блокировалось казахами, получившими образование в русско-казахских учебных заведениях. Этому способствовал также перенос негативных стереотипов восприятия основной частью казахского населения представителей татарского и среднеазиатского предпринимательского класса, занимавшегося ростовщичеством и посреднической торговлей, на весь татарский и среднеазиатский образованный класс. Дореволюционный исследователь казахского хозяйства И. Аничков наблюдал, что казахи с их «стадами и табунами давно сделались объектом деятельности татар, особенно в северной части степей, как посредников между производителями сырья и представителей обрабатывающей промышленности» [Аничков, 1902, с. 58]. Посредническая торговля и ростовщичество позволяли скопить значительные состояния на неэквивалентной торговле и на махинациях с долгами кочевников, не имевших опыта в подобных операциях. Примером является успешная торговля астраханского купца Д. Измайлова, сумевшего в 1817 г. за год увеличить торговый оборот с 64 тыс. рублей до 1195 тыс., из них 250 тыс. принадлежали ему лично [Зиманов, 1982, с. 81]. Изучение формирования и торговой практики буржуазии в казахских степях позволило Г.К. Кожакметовой прийти к выводу: «Анализ деятельности торговой буржуазии показал, что лидирующее положение в развитии рыночных связей народов региона, в формировании регионального рынка заняли татарские коммерсанты, захватившие значительную часть торговли в Казахстане, Башкирии, Средней Азии в свои руки» [Кожакметова, 2008, с. 21].

Эту ситуацию пытались использовать российские ориенталисты, находившиеся на официальной службе, и православные миссионеры, стремившиеся к расширению сферы русского образования в крае. В 1865 г. казачий офицер М. Путинцев в своих путевых записках лелеял надежду на приобщение казахов к православию и русской культуре: «...недалеко то время, когда киргизский народ будет братом нашим по вере и в Искуплении рода человеческого...» [Путинцев, 1865, с. 378]. Выдающийся востоковед В.В. Григорьев выступал за формирование и продвижение казахского литературного

языка на кириллической основе, как барьера против татарского «культурного империализма» [Dowler, 2001, p. 38]. Ильминский указывал на большую опасность со стороны татарского ассимиляционного проекта. Н.И. Ильминский поддерживал идею борьбы с «татаризацией» через расщепление тюркского языка на национальные языки, основанные на кириллице, либо, как в случае с казахским языком, на адаптированном арабском алфавите. Развитие национальных литературных языков должно было блокировать распространение панисламизма и пантюркизма, позволить более успешно интегрировать «инородцев» в российское общество, не прибегая к форсированной языковой и культурной русификации [Миллер, 2008, с. 87-88]. Ильминскому приписывают требования оградить мусульман от влияния европейского образования: «...фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по - русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже – человек университетского образования» [Гаспринский, 1993, с. 105].

Православные миссионеры и ученые призывали имперские власти к более активному продвижению русского образования, с целью оторвать казахов от влияния более продвинутых мусульманских народов. Г.Н. Потанин, отмечая рост мусульманского клерикального направления в казахской среде, предлагал усилить светское культурное влияние через приобщение казахов к русской науке, русской истории, русской литературе и культуре. Изучение истории казахского народа, его обычаев и культуры, просвещение широких народных масс должно было стать уделом казахской интеллигенции [Потанин, 2007, с. 73-75]. Н.И. Ильминский, много путешествовавший по казахским степям и знакомый с языком и образом жизни казахских кочевников, отмечал природную любознательность казахов, их стремлении к образованию, что неизбежно должно было привести их к изучению русского языка, открывающего дверь в европейскую цивилизацию. Для «инородцев» Н.И. Ильминский предлагал преподавание на родном языке, чтобы они приобщались к жизни русского народа и полюбили «русский язык, русскую народность, русскую образованность» [Ильминский, 1863, с. 136]. Ильминский полагал желательным и возможным приобщение казахов к русской и

мировой культуре посредством изучения русского языка, алфавита и письменности. Н.И. Ильминский оказал «огромное влияние на образованных казахов, в частности, на Ибрая Алтынсарина - учителя, организатора школ среди казахов, который на практике осуществил планы Ильминского в области образования и просвещения казахского населения» [Алимбаева, 2008, с. 196]. Ибрай Алтынсарин делал ставку на обучение детей с использованием учебной литературы на казахском языке, основанном на кириллице.

Другие православные миссионеры также свидетельствуют о тяге казахов к русской жизни. В своих записках Сергей Петров пишет: «Я полюбил киргизов... за гостеприимство... живость характера, за любознательность: иногда надоедят бесконечными расспросами о чудесах русской культуры, о больших городах, о железных дорогах, броненосцах... да непременно расскажи им подробно: как это все устроено, как действует сила пара, еще попросят начертить на бумаге». Петровым отмечены многочисленные культурные интерференции между живущими рядом русскими и казахами, особенно на Иртыше, где «...даже некрещеные, чтут св. Николая, молятся ему, считают его как бы общим святым, выражаясь по-своему, что это «и киргизский, и русский святой» [Петров, 1893, с. 37; Матханова, 2011, с. 75-79]. Филарет Синьковский (впоследствии епископ Владимир) подмечает негативное влияние городской культуры на казахов, которые «бывая в городах и живя там, научаются игре на балалайке, песням, пляскам, научаются также обману, лжи, привыкают к вину и табаку. Вот только чем может похвалиться вкусивший русской цивилизации» [Записки миссионера Киргизской миссии священника Филарета Синьковского за 1884 и 1885 годы, 1886, с. 243-244; Матханова, 2011, с. 78].

В казахских степях российская администрация, используя тягу казахов к современным достижениям образования и науки, создавала русско-казахские волостные и уездные школы и училища, а также аульные школы. Эти учебные заведения давали общее начальное образование, не отличавшееся от начального образования в русских учебных заведениях. Для получения специальных знаний в конце XIX века в степных областях создавались сельскохозяйственные школы,

ремесленные классы и технические училища [Плахотник, 2007]. Включение казахских детей в обучение в русских школах отмечается на всем протяжении последней трети XIX века, прежде всего в западных областях Казахстана и современного российского Оренбуржья, длительное время уже находившихся в составе Российской империи. За период 1868-1896 годы в Уральской области функционировало 24 русско-казахские школы. Образование получали не только мальчики, но и девочки, что являлось новшеством для кочевого казахского общества [Центральная Азия в составе Российской империи, 2008, с.161].

В Тургайской области в 1888 г. в г. Иргиз при женском училище для русских девочек был открыт казахский интернат. Спустя два года в интернате обучалось 15 русских и 20 казахских девочек [Алекторов, 1900, с. 94, 102; Васильев, 1896, с. 99-102]. В 1914 г. в Тургайской области насчитывалось 604 учебных учреждения, из них четыре относились к средним учебным заведениям. В области функционировало 14 русско-казахских училищ для мальчиков и три для девочек, при которых существовали интернаты. Всего в области обучалось 10849 мальчиков и 4705 девочек, отнесенных к православной конфессии, 3612 мальчиков и 375 девочек мусульманской религиозной принадлежности [Обзор Тургайской области за 1914 г., 1915, с. 206-210]. В Букеевской орде первая русско-казахская школа была открыта в Ханской ставке в 1841 г. В 1896 г. в этой школе обучалось 14 казахских девочек. В 1892 г. там же, в Ханской ставке был открыт русский класс в казахской школе. Деятели российского просвещения полагали, что эти меры станут основой для складывания «тесной связи между русским и киргизским народом, не только чуждым развития, но и жаждущим образования» [Цит. по: Есеев, 2010, с.224].

При открытии русско-казахской школы в Актюбинске, сообщал 24 октября 1881 г. И. Алтынсарин, при плане набора в 25 человек, число казахских родителей, желавших отдать своих детей на обучение, превышало спущенный план в три-четыре раза [Алтынсарин, 1976, т. 2, с. 145]. Открытая школа находилась в медресе, школьники были окружены муллами и взрослыми шакирдами, однако успех русского образования был настолько очевиден,

докладывал И. Алтынсарин, что сами шакирды стали поступать в русско-казахскую школу [Алтынсарин, 1976, т. 2, с. 164]. В Акмолинской и Семипалатинской областях процесс распространения русского образования шел медленнее. В Акмолинской области в 1870-е годы из 71 школы только одна была русско-казахская и четыре – русско-татарские. В Семипалатинской области в 1883 г. мужские школы для обучения казахских детей функционировали в областном центре Семипалатинске и уездных городах Павлодаре, Усть-Каменогорске и Зайсане. В 1886 г. в них обучалось 152 мальчика и 37 девочек [Центральная Азия в составе Российской империи, 2008, с.161]. По сравнению с другими народами Туркестана казахи чаще поступали в русские духовные учебные заведения. За 25 лет существования Туркестанской семинарии в нее поступили 348 русских (83,9 %), 54 казаха (13 %), 9 узбеков (2,2 %), 3 татарина (0,7 %), 1 туркмен (0,2 %) [Нуртазина, 2008, с. 80].

С.Д. Асфендиаров насчитывал в дореволюционном Казахстане около 200 русско-казахских школ [Асфендиаров, 1936, с. 35]. По данным К. Бейсембиева, в 1913 г. в казахских степях насчитывалось 157 русско-казахских школ и 267 аульных мектеба. Среднее число казахских детей в аульных школах по данным на 1905 г. было 20-25 человек. Число обучавшихся казахских детей, по сравнению с общей численностью казахского населения, считает К. Бейсембиев, было крайне незначительным, свидетельствуя лишь об определенных сдвигах в общественном сознании казахского населения [Бейсембиев, 1961, с. 75; Асфендиаров, 1936, с. 35]. На наш взгляд, эти цифры явно занижены. К началу Первой мировой войны число русско-казахских школ неуклонно росло. В 1911 г. по данным школьной переписи только в Уральской области насчитывалось 66 русско-казахских школ, из них 12 школ – двухклассные, 38 – одноклассные, аульных -11, русских классов при медресе – 5. В этих школах обучалось 1848 казахских детей [Бурмистров, 1957, с. 305-337]. В Акмолинской области в 1914 г. насчитывалось 73 русско-казахские школы, и в дальнейшем планировалось расширение числа школ вследствие большого количества просьб казахского населения, проживавшего рядом с русскими поселками [Обзор Акмолинской области за 1914 г., 1915, с. 69].

З.Ш. Макажанова отмечает поддержку образовательных усилий просветителей и имперских властей со стороны казахского населения, собиравших пожертвования на эти цели. Военный губернатор Тургайской области Я. Барабаш особо выделял характерное для рядового кочевника «благоразумие, поэтому материальные средства, которыми они обладают, направлены на открытие и содержание новых аульных школ» [Цит. по: Мукажанова, 2010, с. 16]. Около 70-75 % школьного бюджета Тургайской области составляли добровольные пожертвования казахов, желавших лучшей доли для своих детей [Мукажанова, 2010, с. 16]. В наибольшей степени русско-казахское образование получило распространение в западном и северо-восточном регионах современного Казахстана. В отчете генерал-губернатору Степного края М.А. Таубе один из чиновников докладывал: «Аульные школы и киргизские училища почти совершенно уничтожили возможность существования в Степи тайных мусульманских школ, так как всякая попытка в этом направлении или отклоняется, благодаря наличию летних школ самими киргизами, или обнаруживается учителями и пресекаются учебным начальством» [Цит. по: Галиев В.З., 2011, с. 146-147].

В то же время из-за опасений распространения научного мировоззрения и использования полученных знаний против колониального владычества царское правительство допускало получение знаний «иногородцами» лишь в пределах потребностей колониального аппарата. Ч.Ч. Валиханов ощутил свое неполноправное положение, когда его, как «иногородца», не допустили к обучению в выпускном классе, где преподавались специальные военные дисциплины [Зиманов, Атишев, 1965, с.194]. Неполнота получаемых знаний по сравнению с русскими, приводила к тому, что казахи, закончившие русскую начальную и высшую школу и стремившиеся к получению современных профессий, не были так востребованы как квалифицированные русские специалисты. Круг европейски образованных и национально ориентированных казахов был чрезвычайно узок из-за недоступности системы высшего и среднего специального образования для основной части населения.

Из-за не востребованности знаний и умений выпускников русско-казахской школы в социальных «нишах» традиционного кочевого социума, они проигрывали в материальном достатке выпускникам религиозных школ, которые могли рассчитывать на высокое материальное вознаграждение за знание основ ислама и владение арабским языком. И. Алтынсарин критиковал неравенство возможностей, в связи с чем «учеников из киргизов в татарских медресах не уменьшается и не уменьшится, тем более что муллам представляется больше шансов к приобретению себе материального средства, нежели кончившим курс в русских учебных заведениях» [Алтынсарин, 1975-1978, т.3, с. 30-31].

Наиболее религиозным было народное просвещение в южных районах, испытывавших мощное влияние древних исламских центров Мавереннахра. Только лишь в Туркестанском участке Чимкентского уезда Сырдарьинской области насчитывалось более 1000 мектебов, в то время как русско-казахских школ по всему Степному краю было только 157, в большинстве из них число учащихся не превышало 50 человек [Центральная Азия в составе Российской империи, 2008, с.168]. Различия в культурных и образовательных ориентациях казахского населения объясняет тот факт, что центры активности казахского национального движения находились в западных и северо-восточных областях, а не в густонаселенном Южном Казахстане, где доминировало религиозное и пантюркистское движение.

Просвещение национальной историей представителей своего народа представляет начальный период национального движения. Критика национального угнетения со стороны господствующей нации была необходима модераторам национальных проектов для формирования социальной базы поддержки. Вследствие кочевого образа жизни, наличия сильных конкурирующих проектов в виде российского ассимиляционного интегрализма, панисламизма и пантюркизма, слабости национального по-европейски «просвещенного класса» этнонациональная консолидация казахов в начале XX века была трудной задачей для казахских интеллектуалов. Пантюркистский проект был обречен в силу существовавших глубоких противоречий между оседло-земледельческими и

кочевыми этническими коллективами. Наиболее продвинутые в социальной и культурной модернизации татары не смогли преодолеть недоверие к ним представителей кочевых и полукочевых тюркских народов. Для казахов куда более значимым являлось взаимодействие с русскими, с которыми налаживались тесные партнерские или конкурентные отношения. Вместе с тем, на первом этапе «национального пробуждения» представители казахской интеллигенции выделили основные маркеры, закреплявшие на то время ситуативные границы между тюркскими народами. К их числу были отнесены казахский литературный язык, историческая традиция и образ жизни кочевого общества.

Подводя итоги по главе, можно полагать о существовании в дореволюционном Казахстане определенных форм сотрудничества и толерантности между представителями казахского и русского народов. Однако доверие на альтруизме и солидарности между отдельными индивидами и локальными группами не является достаточным ресурсом. Стабилизация межэтнических отношений была возможна при введении гражданского равноправия и учете интересов крупнейших этнических групп. Можно согласиться с оценкой С.В. Чешко, что «Россия не была ни тюрьмой, ни курортом для нерусских народов» [Чешко, 2014, с. 8]. В то же время, отказ имперских властей от «горизонтального» гражданства порождал недоверие и социально-политическое отчуждение этих самых нерусских народов.

2 ПЕРЕЛОМНЫЕ ГОДЫ: КАЗАХСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И БОЛЬШЕВИКИ (1917-1920 гг.)

2.1 Поворот к национальным началам и борьба интеллигенции за интересы казахского народа

Ч. Валиханов, И. Алтынсарин и А. Кунанбаев, как и русские ученые В.В. Григорьев и Н.И. Ильминский, стояли у истоков европейского поворота казахского общества, приведшего к формированию современного этнонационального сознания. В основе их мировоззрения лежало осознание необходимости включения казахов в общероссийское культурное и политическое пространство при сохранении этнонациональной идентичности. Дуализм идентичности между российским патриотизмом и казахской этничностью наиболее ярко проявлялся у Ч. Валиханова, который, по словам Г.Н. Потанина говорил: «Когда русские бьют киргизов, я восстаю против русских ... Когда французы бьют русских, сердце мое на стороне русских» [Цит.по: Зиманов, Атишев, 1965, с. 195]. Г.Н. Потанин вспоминал, что Ч. Валиханов был истинным патриотом своего народа и России: «Он говорил, что прежде всего, любит свой казахский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человеческое, одна любовь заключена была у него в другую, как те кунгурские, один в другой, вставленные сундуки, которыми знатные люди в Средней Азии любили одаривать друг друга» [Потанин, 1968, с. 325]. После завершения военной службы, во многом в результате конфликта с Черняевым по поводу резни мусульман после взятия Аулие-Ата, у Чокана Валиханова «его тюркский патриотизм (или национализм) яростно прорвался. Появление тюркского патриотизма у Ч. Валиханова во многом было связано с изменениями в его мировоззрении, которые произошли при виде страданий собственного народа» [Хостлер, 2006, с. 155].

Истоки казахского национального движения уходят в подвижничество формировавшейся народной интеллигенции, глубоко встревоженной социально-экономическим кризисом кочевого социума на рубеже XIX - XX веков и пытавшейся отстаивать общенациональные интересы на страницах периодических изданий и в своей общественной деятельности. М. Хрох выделяет три группы требований, выдвигаемых «классическим национальным движением»: «(1) развитие национальной культуры, основанное на местном языке и его нормальном использовании в образовании, управлении и экономической жизни; (2) обретение гражданских прав и политического самоуправления — сначала в форме автономии, а в конечном счете (обычно это происходило довольно поздно, когда становилось уже настоятельной потребностью) и независимости; (3) создание завершенной социальной структуры, пронизывающей всю этническую группу и включающей образованные элиты, классы чиновников и предпринимателей, но также, где это необходимо, свободных крестьян и организованных рабочих» [Хрох, 2002, с.124-125].

Сравнительный анализ истории европейских национальных движений позволил выделить три этапа развития этнонационализма: начальный этап, когда активисты национальных движений тщательно изучают и абсолютизируют специфические особенности историко-культурного и языкового развития своей этнической группы и внедряют в сознание соплеменников идею национальной исключительности; второй этап – «пробуждения», когда новое поколение активистов проводит скрытую мобилизацию своих сторонников для реализации плана создания нации; третий этап характеризуется обретением националистами своего «электората». «Только на этой, финальной фазе, – пишет М. Хрох, - обретала жизнь завершенная социальная структура и движение подразделялось на консервативно-клерикальное, либеральное и демократическое крылья, каждое из которых имело свою собственную программу» [Хрох, 2002, с.129]. Успех конструирования нации зависел от наличия «начальных» ресурсов, к числу которых относятся традиции письменного языка, память о существовании в истории государственности и достаточно независимая и влиятельная

аристократия [Хрох, 2002, с. 128]. Однако кочевое общество не имело такого «первоначального капитала», родовые конфликты раздирали этнос, поэтому важно выяснить каким образом происходила этническая консолидация казахов, и, какую роль в этом процессе сыграл казахский образованный слой.

Европейская концепция «нации» и этнонациональная идентичность с соответствующими маркерами не имели распространения в Центральной Азии начала XX века. Казахи, в сравнении с европейскими нациями, имели относительно слабые ресурсы для укрепления границ своей национальной идентичности. Не было своей средневековой письменности, как основы развития национального языка и культуры. Чагатайский письменный язык, достигший наибольшего единообразия и оформления еще в эпоху тимуридов, базировался на карлукском языке и содержал большое количество заимствований из арабского и персидского языков. Казахский язык относится к группе кипчакских языков. Чагатайский язык стал основой для узбекского и уйгурского языков. Историческая память также не затрагивала сознание основной массы кочевников. Политический класс национальной аристократии в результате планомерного давления имперских властей и отсутствия экономических ресурсов не мог стать ядром национального движения. Идентифицирующие признаки были иного порядка - казахи отличали себя от сартов, узбеков, кыргызов и каракалпаков кочевым образом жизни, определенным набором однотипных культурных признаков и принадлежностью к определенным племенным группировкам. На первом месте стоял кочевой образ жизни. А. Вамбери писал: «киргиз (казах - С.К.) считает жителей городов и всех прочих людей, живущих на одном месте больными или сумасшедшими» [Вамбери, 2003, с. 268].

Н.Э. Масанов выделял ментальные установки казахского кочевника как основу его этнического самосознания: «...Казахами были все те, кто остался вести кочевой образ жизни. Казахами были все те, кто остался «верен заветам предков» и не перешел к оседлому образу жизни. Казахами были все те, кто ушел от государства «казаковать» и не признавал государственного контроля. Казахами были все те, кто осознавал свое отличие от оседлых жителей и земледельцев.

Казахами были все те, кто смотрел на них «сверху вниз». Казахами были все те, кто считал, что их культура и образ жизни самые лучшие и единственно возможные во всем мире» [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007, с.96-97]. От русских переселенцев и казаков казахский кочевник отличал себя принадлежностью к исламу и определенным культурным порядком, хотя и признавал, что русский казак ему ближе, чем оседлые тюрко-мусульманские собратья.

Национальная идея продвигалась узким кругом просвещенной интеллигенции, тесно связанной с народом и отчетливо осознававшей необходимость его модернизации и просвещения с целью общенародного выживания. А. Букейханов указывал на формирование в степи двух общественно-политических течений, ориентированных на различные модели цивилизационного переустройства казахского общества. Первое течение стремилось к внедрению религиозных начал и возрождению этноса через обновление социальных и культурных ценностей и норм ислама. Сторонников исламского обновления А. Букейханов называл тюркофилами – исламистами. Наиболее сильным было влияние этнорелигиозного интегризма на юге Казахстана. С.Д. Асфендиаров считал, что в 90-е годы XIX – в начале XX века в Казахстане доминировало пантюркистское направление и ощущалось сильное влияние татарской буржуазии и духовенства [Асфендиаров, 1936, с. 46]. Ш. Лемерсье-Келькеже не отрицает возможность формирования в конце XIX века новой этнорегиональной идентичности «туркестани», признавая, что этот процесс носил «верхушечный» характер и «...проходил не в среде сельских жителей, а в кругу городской интеллигенции. Его появление было связано с осознанием того, что этническое и политическое единство жителей Туркестана в условиях русской оккупации является единственным средством народного выживания. Все дореволюционные политические деятели Туркестана... отождествляли себя с туркестанцами» [Lemercier-Quelquejaу, 1984, p. 19]. Некоторые мусульманские деятели предлагали создание «чагатайской нации», объединяющей тюрков и иранцев Туркестана, Хивы и Бухары [Bergne, 2003, p. 33].

По словам А. Букейханова, «На другом полюсе от «тюркофилов» находилась интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшая религиозные вопросы второстепенными» [Букейханов, 2009, с. 308]. Западническое направление стремилось к борьбе за буржуазные права и свободы. Мусульманские интеграллисты из числа казахов брали за образец мусульманские партии и включались в их деятельность, западническое крыло – российские либеральные партии [Букейханов, 1910, с. 599].

А. Букейханов в отчаянии указывал на политическую индифферентность основной массы казахских кочевников: «Широкие массы, как везде, были нейтральны в вопросах политических и обнаружили только некоторый интерес к вопросам религиозным, на которых базируются наши тюркофилы-панисламисты» [Букейханов, 2009, с. 308-309]. Причины усиления влияния «тюркофилов-панисламистов» в среде образованной и активной части казахского населения А. Букейханов видел в «обрусительной политике, до сих пор царящей в киргизской степи, последняя (казахская элита – С.К.) с подозрением относилась к западному просвещению и культуре» [Букейханов, 2009, с. 309]. Трагический разрыв между чаяниями западнически ориентированной части образованного слоя и рядовым казахским обывателем-скотоводом, стремившимся к социальной справедливости и стабильности, прекращению изъятий земель в переселенческий фонд и элементарному фактическому равенству с русскими переселенцами, проявился в годы народного восстания 1916 г. в Степном крае и Туркестане. Тонкий знаток истории казахской интеллигенции Т. Рыскулов также указывал на влияние двух начал – русской и мусульманской культур на процесс формирования и становления дореволюционной духовной элиты. Лица, получившие светское образование на русском языке, по его мнению, были связаны с имперской властью, зачастую были включены в управленческие структуры. Они стремились приобщить казахов к европейской культуре через обучение на русском языке, в то время как выпускники татарских, башкирских и

других мусульманских школ, пытались «просветить казахский народ путем распространения культуры мусульманского Востока», тем самым добиваясь единства мусульман России, относящихся преимущественно к тюркским народам.

М.Б. Олкотт рассматривает представителей казахского национального возрождения как отдельную группу интеллектуалов, чьи взгляды представляли комбинацию реформаторского исламизма и западнического национализма: «Они выступали за преобразование кочевой экономики казахов и интеграцию казахского народа в основное русло империи, но они также были за сохранение культурной автономии, призывали к сохранению и развитию казахского литературного языка и записи казахской истории. Они принимали особое отношение ислама к казахской культуре, но выступали за снижение его влияния, так чтобы могло быть введено современное образование» [Olcott, 1980, p. 200]. В исторической науке присутствует мнения о принадлежности казахского национального движения к джадидизму. Н.Д. Нуртазина вслед за рядом западных исследователей считает алашевское движение национальным вариантом мусульманского джадидизма, однако далее противоречит своим изложенным положениям, причислив «мыслителей – джадидов» не к реформаторскому движению, а «к современным интерпретаторам и апологетам Ислама» [Нуртазина, 2008, с. 74, 141]. Сами казахские деятели национального движения во главе с А. Букейхановым отрицали свою принадлежность к исламским и пантюркистским движениям, будучи западниками и националистами. Их ближайшими союзниками и партнерами выступали русские демократические силы, а после крушения Алаш-Орды весной и летом 1920 г. – большевики.

Узость социальной базы поддержки вестернистски настроенной части казахской образованной элиты была обусловлена немногочисленностью самого этого слоя, пополняемого за счет выпускников российской высшей и средней школы. По данным А.С. Елагина, в 1914-15 годах насчитывалось около двадцати казахов «имевших высшее образование, в основном выходцев из зажиточной, феодально-байской верхушки» [Елагин, 1966, с. 202]. В.К. Григорьев, исследовав образованность казахского просвещенного слоя, уточнил цифры. Согласно его

расчетам высшее и незаконченное высшее образование имели около 120 казахов (в их числе С. Лапин, А. Букейханов, М. Тынышпаев, М. Чокаев, Б. Каратаев). Окончивших же мектебы, училища и учительские семинарии (в их числе А. Байтурсынов, А. Джангильдин, А. Асылбеков, М. Жумабаев, К. Тогусов и др.) было около 700 человек [Григорьев, Шапорев, 1990, с. 48; Нурмагомбетова, 2003, с.10-11]. Русское образование получили основоположники предреволюционного казахского национального движения. Основная часть представителей казахской интеллигенции обучалась в университетах и институтах Петербурга, Москвы, Казани, Томска. Санкт-Петербургский университет закончило двадцать казахских студентов. В их числе были Ж. Акпаев, Б. Каратаев, Ж. Досмухамбетов, Б. Сыртанов, М. Чокаев и другие. В высших технических учебных заведениях казахские студенты выбирали специальность инженера-строителя или экономиста, в университетах – юриста или медика, из сельскохозяйственных специальностей – ветеринара. За период с 1877–1917 гг. диплом императорского Казанского университета получили 20 казахов, среди них 14 чел. окончили юридический факультет, 6 – медицинский. За этот же период Казанский ветеринарный институт окончили 17 казахов. М. Тынышпаев закончил Санкт-Петербургский институт железнодорожного транспорта, Ж. Султанбаев прошел обучение в Варшавском ветеринарном институте [Нурмагомбетова, 2003, с. 10-11].

Практически никто из выпускников российской высшей школы не преуспел в избранной сфере деятельности, будучи вовлеченными в бурные политические потрясения начала XX века. Большая их часть избрала общественную и политическую деятельность, став ядром нарождающегося национального движения. Некоторые (А. Букейханов, М. Тынышпаев, позже С.Д. Асфендиаров) уделили внимание воссозданию этнической истории казахского народа. С.С. Джантюрин – выпускник физико-математического факультета Московского университета, получил известность на поприще государственной службы и общественной деятельности. Инженер-железнодорожник М. Тынышпаев и медик С.Д. Асфендиаров известны в качестве политиков, историков и этнографов,

М. Дулатов как поэт, публицист, писатель, драматург, педагог, общественный деятель. С.С. Джантюрин провел основную часть жизни за пределами современного Казахстана, будучи государственным служащим и общественным деятелем. А. Байтурсинов вошел в казахскую историю как поэт, публицист, переводчик, тюрколог, он создал в реформированный казахский алфавит на основе арабской графики. А. Букейханов стал широко известен как общественный деятель и публицист. Как ученый, он является автором ряда публикаций, посвященных исследованию казахского фольклора и эпоса, казахского овцеводства и коневодства. Выпускник Императорского Казанского университета А. Беремжанов, проработав мировым судьей, также включился в политическую борьбу и был избран в состав I Государственной Думы [Макажанова, 2010, с. 17]. Врач по профессии Х. Досмухамедов, оставил труды в исследовании казахского языка и фольклора. Блестящий выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета М. Чокаев стремился к объединению тюркских народов, впоследствии он бежал в Европу от преследований большевиков. Следует отметить, что, несмотря на существование различий в понимании дальнейших перспектив развития казахского общества, тюркские интеграллисты и сторонники этнонационального проекта сообща отстаивали общенародные интересы на страницах периодической печати.

«Верхушка» казахской образованной элиты, обучавшаяся в гимназиях, реальных училищах и вузах на русском языке была свободна от влияния исламских ценностей и была тесно связана с русскими политическими партиями и общественными движениями. Западнически настроенная часть казахской элиты была ориентирована на подъем этнонационального сознания казахского населения. Национально ориентированная часть интеллигенции, в отличие от сторонников тюрко-мусульманского интегрализма, основной упор своей работы сделала на отстаивании интересов казахского населения посредством публикации статей по злободневным вопросам и мобилизации населения путем подачи петиций и ходатайств имперским властям. Изначально этнонациональный проект казахской элиты был политизирован и направлен не только на просветительство,

но и на формирование уз этнической солидарности, воспитание чувства гражданственности на основе создания казахского литературного языка и написания этнической истории. «Низовая» же часть, в основном обучавшиеся в аульной школе или занимавшаяся самообразованием, в массе сочувствовала мусульманским реформаторам – интегралистам, пытавшимся соединить мусульманский культурный порядок и тюркизм с необходимостью выдвижения требований в аграрном и национальном вопросах [Григорьев, 1989, с. 34-35].

Просветительская работа казахских интеллектуалов привела к созданию казахского литературного языка и адаптированной графики арабской письменности, из которой были исключены арабские буквы, не имевшие аналогов в казахском языке. Огромную работу, начатую И. Алтынсариним, считавшим казахский язык особым языком, отличающимся от татарского языка и чагатайского тюрки, завершил А. Байтурсынов. Создание литературных языков и адаптированной к ним письменности имеет огромное значение для успехов этнонациональных проектов. В Казахстане это привело к вытеснению чагатайского языка или «тюрки», являвшегося в определенной степени нормированным и обязательным для многих тюркских народов языком. Т.К. Бейсембиев полагает, что язык тюрки мог играть консолидирующую роль для тюркских народов, так как был понятен всем и носил, несмотря на большое количество арабских и персидских заимствований, наддиалектный характер. Т.К. Бейсембиев пишет: «Как наиболее распространенный, развитый и «исламизированный» тюркский язык, среднеазиатский тюрки способствовал культурной и конфессиональной интеграции самых различных народов и этносов, кочевых и оседлых, тюркских, иранских, индоарийских, финно-угорских (имеются в виду марийцы и удмурты, которые испытали глубокое влияние исламской культуры через тюркские языки, и народы Поволжья и Приуралья)... среднеазиатский тюрки был литературным языком татарского народа, а впоследствии оказал решающее влияние на формирование собственно татарского литературного языка, не только родственного, но и фонетически близкого среднеазиатскому тюрки [Бейсембиев, 2007, с. 86]. Свертывание использования

языка тюрки сопровождалось созданием казахского литературного языка и очищением его от арабских и персидских заимствований. Этот шаг означал отказ западной части казахской элиты от идей пантюркизма и панисламизма.

Большое внимание представители казахского западничества уделяли работе с прессой. Печатные издания на казахском языке до начала XX века носили официозный характер и их выпуск контролировался местной администрацией. В 1870-1882 гг. в Ташкенте издавалась газета «Түркістан уалаятының газеті», выпускавшаяся в виде приложения к официальному печатному органу Туркестанского генерал-губернаторства - «Туркестанским ведомостям». Газета выходила четыре раза в месяц, поочередно на казахском и узбекском языках. В 1888 г. в Омске увидели свет тиражи «Дала уалаятының газеті», выпускавшиеся как «Особое прибавление к «Акмолинским областным ведомостям» до 1894 года, до 1900 года - как приложение к «Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским областным ведомостям» под названием «Киргизская степная газета» и вплоть до закрытия в 1902 году - как приложение к «Акмолинским областным ведомостям». В этих изданиях оттачивали перо Е. Аблайханов, Д. Султангазин, Р. Дуйсенбаев, Г.Н. Потанин, М.Ж. Купеев, К. Бабажанов и др. С 1895 по 1904 годы А. Букейханов активно сотрудничает с общественно-политической газетой «Степной край», выпускавшейся в Омске. В эти же годы А. Букейханов активно публиковался и в других периодических изданиях Степного края и Туркестана: в газетах «Туркестанские ведомости» (Ташкент), «Дала уалаятының газеті» (Омск), «Семипалатинские областные ведомости», «Семипалатинский листок», в журналах «Русское богатство», «Русская мысль» и «Жизнь», научных сборниках «Известия Западно-Сибирского Отдела И.Р.Г.О.» и в «Записки Семипалатинского подотдела И.Р.Г.О.» [Аккулулы, 2009, с. 44-45].

Печатное слово активно использовалось основоположниками казахского национального движения для солидаризации и отстаивания интересов казахского населения. Возьмем, к примеру, статьи А.Н. Букейханова, посвященные погрому, произведенному вооруженными русскими крестьянами – переселенцами в казахских аулах Акмолинской области в июне 1906 г., повлекшим человеческие

жертвы с обеих сторон [Букейханов, 2010, с. 116-119]. Описывая аналогичные случаи и бесправие казахских скотоводов, А. Букейханов апеллировал к узкому слою просвещенных казахов, читающих газету, и к русской демократической общественности, поддерживавшей усилия казахских интеллигентов по обеспечению равноправия казахского населения и прекращению массовых земельных изъятий. Объектом критики казахских авторов являлась имперская власть в лице отдельных ее представителей, отказывающая казахам в равноправии с русскими крестьянами и казаками, в праве на сохранность их родовых земель.

Этнический национализм казахской элиты представлял меньшую опасность для имперской власти, нежели тюрко-мусульманский интегрализм, отстаиваемый «обновленцами» - джадидами и направленный на широкую просветительскую и воспитательную работу среди тюркских народов. Конечным результатом деятельности джадидов было бы формирование единой этнонации, объединявшей российских татар, кавказских и центрально-азиатских тюрков на ценностях обновленного ислама и культурного национализма. Существует мнение, что алашевское движение являлось национальным вариантом джадидизма. В качестве предтечи казахского джадидизма называют имя Абая Кунанбаева. Н.Д. Нуртазина пишет: «В истории Казахстана представители просветительского течения чаще всего назывались не «джадидами» (хотя этот термин также встречается в казахской печати и публицистике той эпохи), а определялись как «окыган», «жандшыл», «зияльг» (смысл: образованные, новаторы, просветители). Но суть дела от этого не меняется: речь идет об обновленческом течении, охватившем мусульманский мир от Египта и Турции до Бухары и Казахстана. Национальным вариантом мусульманского джадидизма следует считать движение казахской интеллигенции и «Алаш»» [Нуртазина, 2008, с. 74]. В духе цивилизационного подхода А. Тойнби казахстанская исследовательница считает, что в элитах исламского мира шел поиск «третьего пути» развития и «джадидизм рубежа XIX-XX - это подлинно исламский «ответ» на «вызов» европейской цивилизации [Нуртазина, 2008, с. 76].

На наш взгляд, отождествление казахского национального движения с джадидизмом не совсем корректно. Сами алашевские деятели не скрывали своих разногласий с тюркскими интегралистами – джадидами. Большая часть представителей казахского вестернистски настроенного слоя не мечтала об общетюркской консолидации, не пыталась выйти из российского цивилизационного пространства, связывая будущее своего народа с либерализацией политического строя империи и добываясь гражданского равноправия казахского населения, прекращения крестьянского переселения, подрывавшего казахское кочевое хозяйство. Можно согласиться с С.Н. Малтусыновым, считающим, что казахское национальное движение, при всей своей разноликости, развивалась как одно из течений российского либерального движения: «представители национальной элиты... пытались мобилизовать энергию нации на достижение жизненно важных для последней целей и задач. При этом реализация требований о политических свободах, о демократизации политического строя виделась ими на путях мирной эволюции политической системы России в сторону парламентаризма, реформирования монархии, достижения компромисса между либеральной демократией и существующей властью» [Малтусынов, 2006, с. 204]. Причины столь тесной связи русских либералов и умеренных социалистов с казахскими деятелями С.Д. Асфендиаров усматривал в слабости казахской буржуазии и интеллигенции, их зависимости от контроля имперских властей [Асфендиаров, 1936, с. 47].

События первой русской революции всколыхнули общественное мнение на окраинах. Тюркские интегралисты во главе с И. Гаспринским, Ю. Акчурой и А.М. Топчибашевым попытались создать общемусульманское движение и провели 15 августа 1905 г. I Всероссийский мусульманский съезд (нелегальный) в Нижнем Новгороде во время проведения Макарьевской ярмарке на пароходе «Густав Струве». После провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. лидеры тюркского интегралистского движения приступают к созданию программы мусульманской партии «Иттифак ал-муслимин» («Союз мусульман»), где лидирующие позиции заняли поволжские татары. В работе двух последующих

мусульманских съездов (январского 1906 г. и августовского 1906 г.) в Нижнем Новгороде практически не прослеживается влияние представителей казахского населения Степного края и жителей древних исламских центров Туркестана и Средней Азии. Из числа казахов в работе съездов участвовали лишь Ш. Косщегулов (Кощегулов) и С. Джантюрин. В программных документах III съезда были выдвинуты положения о поддержке школ начального образования для детей мусульман, где обучение должно было вестись на родном языке с арабским алфавитом. Изучение русского языка в начальных школах считалось необязательным, приоритет должен был отдаваться языку тюрки. Делегаты добивались прав образования религиозных коллегиальных и единоличных учреждений; право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства на сроки, определяемые самими обществами; право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и лиц духовенства и право полного распоряжения всеми вакуфными и другими имуществами [Третий Всероссийский мусульманский съезд, 1906, с. 2, 3, 6].

Казахский образованный слой присоединил свой голос не к тюрко-мусульманскому объединительному течению, а к российскому общедемократическому движению. В то же время, в казахских степях не было острого соперничества между сторонниками тюрко-мусульманского проекта и западниками, как это имело место в среде татар и народов Средней Азии. На это обратила внимание М.Б. Олкотт: «казахская традиционная религиозная элита и новая казахская интеллигенция в 1905-1906 годах одновременно поняли, что для достижения общих целей свои различия лучше отложить» [Olcott, 1995, p. 111]. Возможности для мобилизации общественного мнения представила выборная кампания в I Государственную Думу и Императорский указ от 18 февраля 1905 г. разрешавший «всем верноподданным» подачу петиций с целью «непосредственно «быть услышанными» Верховною властью». Наиболее четкие требования казахского населения были изложены в Каркаралинской петиции, составленной на Куяндинской ярмарке 26 июня 1905 г. и подписанной по одним подсчетам

историков 14,5 тысяч жителей 31 волости Семипалатинской области, по другим 12767 человек [Галиев В.З., 2011, с. 178].

Принятию петиции предшествовала разъяснительная работа, проведенная Ахметом Байтурсыновым, который разъезжал по Каркаралинскому уезду и объяснял народу причины принятия Манифеста от 17 октября 1905 г. Ахмет Байтурсынов призывал казахов не платить налоги, не образовывать стационарных поселений, так как это облегчит царской администрации введение регулярного налогообложения, пугая в противном случае безрадостной перспективой: «тогда все перейдут в русскую веру, будете платить по десять рублей с души, станут брать вас в солдаты» [Цит. по: Галиев В.З., 2011, с. 177]. В.З. Галиев предполагает, что отсутствие в петиции требований о создании казахских учительских школ, формировании учительского корпуса и издании учебных книг на казахском языке, ставит под сомнение участие в написании петиций Букейханова, Байтурсынова и Дулатова. Казахстанский историк считает составителями петиции религиозных деятелей, священнослужителей мечетей и аульную старшину, хотя текст редактировался Байтурсыновым. Сам А. Букейханов признавал свое участие в написании петиции [Галиев В.З., 2011, с. 185-187]. Принятие петиции произошло в ходе митинга, организованного местными чиновниками и православным духовенством во главе с уездным начальником в честь принятия Манифеста. Митинг носил ярко выраженный протестный характер. Выдвинутые манифестантами лозунги «Долой полицию» и «Долой крестьянских начальников» получили бурную поддержку казахов и татар, о чем не преминуло доложить уездное начальство и полиция [Революционное движение в Казахстане 1905-1907 гг., 1955, с. 87; Зиманов, 1970, с. 71-72; Турсунбаев, 1987, с. 48; Olcott, 1995, p. 111-112]. В Каркаралинской петиции были озвучены следующие требования:

1. Гарантии свободы совести, организация особого для казахов Степного края выборного духовного управления мусульман, установление явочного порядка строительства мечетей и школ, отмена цензуры на религиозные книги на

казахском, татарском и арабском языках, прекращение преследований и практики высылки активистов народного движения, арестов библиотек;

2. Допуск преподавания в аульных школах на родном и русском языках;

3. Издание газет на казахском языке без предварительной цензуры;

4. Признание земель, занятых казахами, их собственностью;

4. Введение делопроизводства в волостных органах управления и народных судах на казахском языке.

5. Внедрение института суда присяжных в судопроизводство и требование к судьям знать казахский язык;

6. Ликвидация института крестьянских начальников и урядников [Петиция казахов, 2010, с. 54-59; Алаш козгалысы, 2008, б. 34-39].

В дополнение к петиции 22 июля было подано прошение от 42 казахских представителей Каркаралинского уезда о предоставлении казахам избирательных прав.

Митинг в Каркаралинке взбудоражил казахское население и вселил надежды на улучшение своего положения. Один из активных организаторов митинга Ж. Акпаев резко выражался об институте самодержавия, вынужденного пойти на уступки народным массам. Акпаев был предан суду, но его оправдали под давлением населения. Русские и казахские чиновники понесли наказание за организацию митинга [Зиманов, 1970, с. 71-72].

Другой митинг прошел в октябре 1905 г., на этот раз в г. Казалинск Сырдарьинской области. Здесь политические требования населения в большей степени формировались под влиянием клерикалов. Митингующие обратились с петицией, требуя прекратить преследования религиозных деятелей и групп государственными органами, возвращения судебных полномочий по делам семьи и брачных отношений в шариатские суды. Основной акцент в петиции был сделан на экономических жалобах казахов, требовавших выделения адекватных размеров земельных владений с полным правом собственности глав домохозяйств. Кроме того, подписанты желали сохранения полного доступа казахов к озерам и рекам, ликвидации репрессивных законов по контролю за

пастбищами казахского крупного рогатого скота [Olcott, 1995, p. 112]. Как видим, на митингах с различными вариациями выдвигались практически идентичные требования к имперской власти по обеспечению свободы вероисповедания, подлинного равноправия и защиты экономических интересов казахского населения.

В декабре 1905 г. лидеры казахского либерализма А. Букейханов, Х. Досмухамедов, Б. Каратаев и другие провели в Уральске съезд делегатов пяти областей Степного края, пытаясь организовать филиал партии кадетов. Делегаты выдвинули программные установки о прекращении крестьянского переселения из центральных районов страны, признании земельного фонда, находящегося в пользовании казахов, их собственностью, государственной поддержке развития национальной школы, культуры и языка. В программном документе съезда, опубликованном на страницах татарского журнала «Ал-гаср ал-джадид» были определены важнейшие задачи, решение которых позволило бы обеспечить будущее казахского народа: в разделе «Народное самоуправление» объявлялось о необходимости отмены Степного положения 1891 г. в отношении института крестьянских начальников и областных управлений и распространении на казахов норм законов о земском самоуправлении (п. 16). Наиболее важными являются положения раздела «Земля», отражающие чаяния простого населения: «В основном законе должно быть написано, что земля воды киргизского народа навечно принадлежат ему и не являются собственностью никого другого. Упраздняются законы, передающие киргизские земли казне и русским мужикам. Без разрешения самих киргизов русские никогда не могут приобрести их земли. Русские мужики пусть увеличивают свою численность в местах, где они живут» (п. 31) [Цит. по: Хабутдинов, 2011].

В июле 1906 г. новый съезд казахских либералов собрался в Семипалатинске. На съезде программные установки партии кадетов представил Букейханов. В состав I Государственной думы (27 апреля - 8 июля 1906 г.) было избрано пять казахов. Казахские делегаты блокировались с кадетами, социал-демократами и мусульманской фракцией. Думская трибуна была использована

для озвучивания наиболее острых проблем межэтнических отношений в Степном крае и в Туркестане. Так, 4 июля 1906 г. 53 члена Думы подали заявление Председателю Совета Министров П.А. Столыпину заявление по поводу незаконного образования переселенческих участков и лесных дач в Степном крае Министерством земледелия и государственного имущества. Состав подписавшихся депутатов был широк, включал кадетов, трудовиков и социал-демократов различной национальности. Следует отметить А. Беремжанова, С. Джантюрина, Т.И. Седельникова, одного из лидеров общетюркского движения А. Топчибашева, хана Эриванского, Н. Жордания, Н. Церетели, Б. Набокова и др. Во II Государственной думе казахское население от Акмолинской области представлял Ш. Косшигулов, Тургайской - сотрудник суда А. Беремжанов, Семипалатинской - Т. Нурекен, Семиреченской области - инженер М. Тынышпаев, Сырдарьинской - купец Т. Аллабергенулы, Уральской - юрист Б. Каратаев, Астраханской губернии (Внутреннюю Орду) - юрист Б. Кулманов. В деятельности двух последующих составов Госдумы казахи Степного края не принимали участия, будучи отстранены от выборов, как и представители коренного населения Туркестана. Тем не менее, интересы казахского населения защищались русскими делегатами и малочисленной мусульманской фракцией.

Парламентская деятельность не принесла сколь-нибудь значимых результатов для казахского населения в решении аграрного вопроса и корректировки переселенческой политики. Однако немаловажным являлось налаживание связей активистов нарождавшегося казахского национального движения с российскими демократическими силами и мусульманскими интегритами. С.В. Кузина пишет: «Государственная Дума России, несмотря на деятельность входивших в нее представителей социалистической и либерально-демократической направленности, не смогла, в силу своего партийно-политического состава и законодательных механизмов парламентского устройства, а также особенностей политической культуры всех депутатов, добиться сколько-нибудь серьезных подвижек исполнительной власти в сторону демократизации духовной жизни общества. В то же время именно парламентская

трибуна и демократическая часть Думы стали для казахской общественности одним из главных каналов привлечения внимания власти и общественности к насущным проблемам коренного населения Степного края и Туркестана, а также содействовали определенному развитию его политической культуры и общественной активности» [Кузина, 2002, с. 22-23].

Казахская интеллигенция, убедившись в отсутствии желания имперских властей к подлинному национальному равноправию, под влиянием опыта народников организовала «хождение в народ». Активисты национального движения обращаются к народу с призывами «Проснись!», «Пробуждайся!», «Берись за полезное», «Вставай казах!», «Осмотришься вокруг», раздававшимися со страниц книг, листовок, газет и журналов на казахском языке [Зиманов, 1970, с. 40-44]. Наибольшую известность получил выпущенный в 1909 г. сборник поэта М. Дулатова «Пробуждайся, киргиз» («Оян казах»). В стихах сборника явно прослеживается влияние поэтов «Зар-Заман», однако в отличие от упадничества и социального пессимизма последних, М. Дулатов призывал родной народ примениться к современным требованиям культуры, иначе, если они не изменят своей жизни, они «будут вытеснены из родовых земель русскими и совсем погибнут». М. Дулатов, предваряя свой сборник, писал:

«Открой глаза, проснись казах, подними голову.

Чтобы не проводить напрасно свои дни.

Земля ушла, вера гибнет, дела испоганены.

Дорогой, дальше лежать нельзя» [Цит. по: Галиев В.З., 2011, с. 343; Дулатов, 1991, б. 286-287].

М. Дулатов отражал социальные настроения простых скотоводов, страдавших от земельных изъятий и вторжения пришлых групп населения, не считавшихся ни со святыми местами, ни с правами казахов на землю предков:

«На нашем месте построили селение пришлые хохлы.

Они вызвали для измерения земли землемеров

И для их семей отошли наши лучшие земли» [Цит. по: Галиев В.З., 2011, с. 356-357].

Ко времени появления неоднократно запрещенного сборника представители казахской интеллигенции – «будители», продолжая традиции Абая, вели активную просветительскую и политическую деятельность по отстаиванию интересов казахского народа в периодической печати. Социальный состав казахского образованного класса начала XX века был достаточно широким. В среде казахских интеллектуалов мы видим как «разночинные» группы (С.Д. Асфендиаров, Ж. Аймауытов, А. Байтурсынов, А. Беремжанов, У. Жандосов, М. Дулатов, М. Сералин), так и потомков традиционной чингизидской аристократии (А. Букейханов, С.С. Джантюрин, Б. Каратаев, Н. Тюрякулов). Выходцы из зажиточных слоев тяготели к либералам-кадетам, представители социальных низов проникались социалистическими взглядами. Раскол между либерально настроенной частью элиты в лице алашевских деятелей и приверженцами социалистических движений из числа казахов был более глубоким, нежели разногласия между пантюркистами и сторонниками казахских национальных начал, активно сотрудничавших между собой.

Взгляды «обновленцев» - тюркских интегралистов в предреволюционный период отражал литературный журнал «Айкап», издававшийся с января 1911 по август 1915 года М. Сералиным, Ж. Сейдалиным, Б. Каратаевым и С. Кубеевым в г. Троицке. Всего свет увидел 83 номера журнала. Программные положения редакции газеты были изложены в авторских статьях М. Сералина. Основоположник журнала «Айкап» так определял программу действий для казахского народа: «... возведи города, живи компактно, только тогда можно распоряжаться, хотя необширным, но участком плодородных земель. Возведи мектебы и медресе, открывай школы, учи детей, овладевай искусством ремесла, только тогда ты станешь человеком, составляющим народность. Иначе тебя сотрут с лица земли» [Цит. по: Зиманов, 1989, с. 114]. Задачу журнала М. Сералин видел в том, чтобы разъяснить казахам необходимость покончить с родоплеменной враждой и делением на жузы и рода, так как к этому времени «у других народов сложилось мнение о казахах, как народе раздираемом изнутри взаимными конфликтами» [Цит. по: Зиманов, 1989, с. 122-123]. Авторский

коллектив журнала призывал сохранить и развить этническую идентичность, ядром которой должен был являться ислам и казахский язык: «единственный язык сохранивший чистоту, действительно тюркский язык» [Цит. по: Асфендиаров, 1936, с. 60]. В журнале «Айкап» № 5 за 1911 г. казахам рекомендовалось совмещать обучение основам ислама и современных наук, чтобы: «... часть детей обучалась по - мусульмански и была «духовными» людьми, а часть – «светскими» людьми, тогда дело пойдет вперед. Насчет учебы и в нашем шариате и в Коране не сказано, что надо учиться только духовным наукам» [Цит. по: Асфендиаров, 1936, с. 57]. М. Сералин уделял большое значение изучению истории казахского народа и этнографии, считая, что история казахов написана русскими авторами и этого недостаточно. Особое внимание авторы уделяли экономике кочевого аула с целью сохранения духа народности и помощи в адаптации к новым условиям.

Со 2 февраля 1913 по март 1918 годов в Оренбурге выходила еженедельная газета «Казах», ставшая рупором казахской национальной западной интеллигенции. Общий тираж газеты доходил от трех до восьми тысяч экземпляров. С.Д. Асфендиаров придавал большое значение изданию газеты «Казах» для исторического выбора казахской интеллигенции, которая «выходит из-под влияния татарской буржуазии, выступая даже против «татарского засилья» и отчасти освобождаясь из-под влияния пантюркистской и панисламистской пропаганды. «Казах» стоит на позиции казахского буржуазного национализма. Он ярче призывает к «национальным чувствам», он резче, чем «Ай-Кап», оттеняет необходимость борьбы за казахский язык и культуру» [Асфендиаров, 1936, с. 68]. Основателями газеты были создатели современного казахского литературного языка А. Байтурсынов, А. Букейханов и М. Дулатов. В числе активных авторов газеты, выпускавшейся тиражом от трех до восьми тысяч экземпляров, были классик казахской литературы М. Жумабаев, а также Х. Досмухамедов, М. Тынышпаев, М. Чокаев.

Программные цели активистов газеты предполагали защиту общенародных интересов и этническую консолидацию казахского народа через просвещение, противодействие ассимиляторским планам имперских властей и развитие

казахского языка и культуры. В редакционной статье газеты ее бессменный руководитель А. Байтурсынов писал об угрозе существованию казахского народа, страдающего от наплыва «инородных» переселенцев. Будущее народа зависит от распространения образования и культуры, считал А. Байтурсынов, связывая успех борьбы за независимое существование с развитием национального языка и литературы [Аккулулы, 2009, с. 212-213]. По воспоминаниям М. Дулатова, Байтурсынов подвергся критике со стороны татарской печати за вносимый раскол, но ему удалось склонить на сторону казахского проекта прежних приверженцев татаризации казахов. Доходило даже до курьезов, когда обучающаяся в русских учебных заведениях казахская молодежь вводила общение только на казахском языке, штрафуя нарушителей в пользу ученических кружков [Дулатов, 1991, б. 300].

Авторский коллектив газеты, ставший позже ядром движения Алаш, прикладывал усилия для сохранения этнической идентичности и самого этнонима «казак», отказываясь от навязанного названия «киргизы» или «киргиз-кайсаки». А. Букейханов в своей статье «Қазақ тарихы» («История казахов»), написанной под псевдонимом «Түрік баласы» (буквально — «Тюркский сын»), критиковал закрепление названия «казак» только за русским военно-служилым сословием, призывая казахов беречь свое самоназвание: «... мы не должны терять своего имени казак только потому, что и они стали носить это имя. Более того мы должны стремиться к подъему своих исторических корней, к просвещению и, таким образом, сохранить и приумножить свои самобытные национальные традиции, мы обязаны на основе прошлой традиции создать «Казакскую культуру» и «Казакскую» литературу». И тогда мы сможем сохранить свое настоящее имя - имя «қазақ» [Цит. по: Аккулулы, 2009, с. 212]. Личность Алихана Букейханова была знаковой для казахского национального движения. А. Байтурсынов во время разъездов в 1905 г. по Каркаралинскому уезду, докладывали полицейские чины, называл А. Букейханова лучшим из казахов и просил волостных управителей собирать по 50 рублей, для того чтобы на эти деньги А. Букейханов мог издавать газету «противоправительственного

содержания», и, имея знакомых в Государственной Думе, отстаивать интересы казахского народа [Галиев В.З., 2011, с. 177].

Союзниками казахских либералов были представители российского демократического движения. По земельному вопросу позицию сторонников А. Букейханова, считавших необходимым наделение казахских скотоводов землей по повышенным нормам в сравнении с земледельческой нормой переселенцев, поддерживали лидер кадетов П.Н. Милюков, депутаты Госдумы В.А. Виноградов, Н.К. Волков 2-ой, Т. Седельников и Н.А. Коншин, экономист А.А. Кауфман, деятели переселенческого управления Ф.А. Щербина, Кузнецов и П. Румянцев [Асфендиаров, 1936, с. 63; Григорьев, 1989, с. 29; Малтусынов, 2006, с. 277-287].

В среднесрочные и долгосрочные задачи издания газеты ее основатели включали следующие моменты: восстановление отнятых законом от 3 июня 1907 года избирательных прав казахов; противостояние переселенческой колонизации и возвращение казахам их исконных земель с дальнейшей передачей их в собственность; противодействие скрытой и явной «обрусительной» политике путем «допущения в аульных школах преподавания казахской грамоты, преподавание в этих школах на языке детей» и «введения делопроизводства в волостных канцеляриях и в народных судах на казахском языке»; законодательное внедрение и развитие земства (местного самоуправления) в Степном крае, что послужило бы началом строительства основ современного казахского государства; внедрение для казахов воинской повинности, что открывало бы казахам путь к современной военной науке и вооружению [Цит. по: Аккулулы, 2009, с. 212].

Анализ программных положений казахских западников показывает, что в основу казахского этнонационального проекта легли установки о необходимости сохранения кочевого образа жизни и соответствующего культурного порядка, подверженного распаду в связи с утерей контроля над землей кочевых общин и региона в целом. Кочевая экономика, контроль над пастбищными угодьями и культурный порядок, восходящий к древним предкам, ассоциировались у казахских скотоводов с общим этнокультурным наследием, скреплявшим

многочисленные кочевые и полукочевые группы «поверх» родоплеменных барьеров. Переход от родоплеменных форм солидарности к этнонациональной, считает американская исследовательница М.Б. Олкотт, протекал в условиях кризиса номадизма и конкуренции со стороны других более продвинутых этносов, претендовавших на казахские земли, и потому «культурное наследие и общая история начинают преобладать как предпосылка легитимности казахской нации» [Olcott, 1981, p. 293].

Главным отличием сторонников казахского или алашевского проекта от проекта их союзников и конкурентов в лице пантюркистов является обращенность в историческое прошлое только казахского кочевого общества и признание необходимости вестернизации и модернизации в рамках русского культурного пространства. К исламским ценностям они относились критически, в значительной мере из-за дискриминации женщин и неприятия социальных и научных инноваций, считая главным в своей деятельности решение аграрного вопроса и справедливое наделение землей казахов [Anderson, 1997, p. 20]. Казахский язык считался националистами особым образцовым языком, свободным от арабо-персидских заимствований. Языковой сепаратизм казахских националистов подвергся критике со стороны пантюркистов, в частности А.З. Валидова, считавшего необходимым создание общетюркского языка и относившего локальные тюркские языки к диалектным формам [Paksoy, 1994, p. 128]. Казахские национальные деятели верили в возможность совместного проживания казахов, русских и представителей других народов без ассимиляции и притеснения друг друга.

2.2 Русская революция 1917 г. и альянсы недоверия

Создание казахского национального движения является важнейшим этапом в определении будущего этнической нации. До Первой мировой войны велась активная работа по созыву общенационального съезда. Оренбургское жандармское управление 2 июля 1913 г. докладывало об организационной работе во всех областях, населенных казахами, проводимой Б. Каратаевым, Д. Сейдалиным и Р. Марсековым. Эти активисты пытались созвать в Оренбурге общенациональный съезд и поставить вопросы об ограничении отчуждения казахских земель в переселенческий фонд, введении права выбора депутата Государственной Думы от казахского народа и создании казахского духовного управления [Мартыненко, 1992, с. 13-14]. Решить эту задачу казахским интеллектуалам удалось лишь после Февральской революции.

Суровым испытанием на прочность казахского национального движения стало грозное народное восстание 1916 г. в Средней Азии и в Казахстане. Повод к восстанию дало издание указа от 25 июня 1916 г. о призыве нерусского населения Центральной Азии в возрасте от 18 до 43 лет на тыловые работы. Согласно разверстке призыву подлежало около 400 тыс. человек. Э. Каррер д'Анкосс пишет: «Великое восстание кочевников, разразившееся в 1916 году, был спровоцировано решением российских властей мобилизовать на фронт мусульман, освобожденных от военных обязательств и занятых в сельском хозяйстве». Исследователь отмечает негативное отношение туркестанских реформистов к этой провокации имперских властей. Представители казахских и киргизских кочевников требовали возвращения ранее конфискованных земель, в отношении которых «освобождение от воинской обязанности было крайне ограниченным видом компенсации» [Carrere d'Encausse, 1988, p. 120]. Вдобавок призыв наносил сильный удар по казахскому хозяйству, так как в летнее и

осеннее время труд скотовода был наиболее интенсивным в связи с необходимостью подготовки к суровой зиме.

Представляется важным, что подлинные причины восстания заключаются не в самом царском указе, а в той ситуации подлинного гражданского неравноправия коренного населения Центральной Азии, длительного игнорирования их прав на земельную собственность, сопровождавшегося широкомасштабными изъятиями используемых земель в переселенческий фонд, что вело к кризису прежнего хозяйственно-культурного уклада жизни. Накопленные обиды в народном сознании ассоциировались с имперской властью. Не случайно первыми жертвами восставших были люди, работавшие в низовом звене ненавистного и несправедливого в глазах местного населения чиновничьего аппарата – волостные управители, аульные старшины, переводчики и т.д. Помощник военного министра Фролов докладывал об уничтожении восставшими части русского и «туземного» управленческого аппарата, занимавшегося регистрацией населения – статистов и регистраторов [Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, 1960, с. 40].

Еще в 1920-е годы установилось мнение о провоцирующей роли колониальной политики самодержавия, как главной причине начала освободительного движения⁴. Анализ событий тех лет позволяет говорить о глубоком взаимном социально-политическом и культурном отчуждении русского и коренного населения края. Именно этот раскол был главным источником широкого межэтнического конфликта, являвшегося отличительной чертой восстания 1916 г. Накопившиеся обиды и страхи перед будущим на фоне самых невероятных слухов о призыве коренного населения Центральной Азии в

⁴ См.: Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926; Абдрахманов Ю. О восстании 1916 года // Коммунистическая мысль, 1926, № 1-2; Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г М., 1925; Диманштейн С.М. Революция и национальный вопрос. М., 1930. Т.3. – С.287-318; Миклашевский А. Социальное движение в 1916 году в Туркестане // Былое. 1924. № 27-28; Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент.1925; Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии в 1916 году // Историк марксист. 1925; Меницкий И.В. О характере событий 1916 года в Туркестане // Коммунистическая мысль. Кн. 2. Ташкент. 1926; Брайнин О., Шафиро Ш.. Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алматы. 1936; Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. М.-А., 1936; К истории восстания киргиз в 1916 г. Составитель А. Чулошников // Красный архив, № 3 (16). 1926; Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии в 1916 г. // Историк-марксист, 1926, № 2.

действующую армию, казалось, подтверждали давние подозрения поэтов Зар-Замана и религиозных проповедников.

Первоначально неуклюжей была реакция имперских властей. Наиболее взвешенная оценка причин восстания дана в «Памятной записке о киргизах», составленной А. Букейхановым, А. Байтурсиновым и М. Дулатовым. Они с болью и тревогой писали: «Закон этот сразу встретил несочувствие со стороны киргизского населения. Киргизы не были подготовлены к восприятию такого закона. Он застал их врасплох и неожиданно свалился на них, как бы с неба. Законом этим не соблюдался никакой порядок постепенности в призыве по возрастам и сразу привлекалось им огромное количество мужского населения в возрастах от 19 лет до 31 года, что не практиковалось доньше в империи и в отношении воинской повинности, протекающей обыкновенно с соблюдением постепенности по возрастам даже в таком населении, которое привыкло к отбыванию оной и среди которого развито чувство гражданственности... Полуграмотные переводчики крестьянских начальников, никогда не слышавшие таких выражений, как «реквизиция», «оборонительные сооружения на театре военных действий», «военные сообщения» и т. д., переводили их на киргизский язык неправильно и туманно, и, по их толкованию, выходило, что киргизы берутся в «солдаты», и прямо на позиции, без обучения их военному искусству, и это так усилило недоверие киргизов к закону, что уже трудно было кому бы то ни было убедить киргизов в том, что их берут не в солдаты, а на работу в тылу за плату и довольствие от казны» [К истории восстания киргиз в 1916 г., 1926, с. 63-64].

По донесению военного губернатора Семиреченской области ген. Фольбаума главные причины недовольства казахского и киргизского населения заключались в длительном попрании их прав на землю и злоупотреблении со стороны должностных лиц: «1) Изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 миллионов десятин... 2) Пропаганда, проникавшая из соседнего Китая (Кульджа, Кашгар), где имеются германские агенты, действующие через дунган и китайцев, в большом числе приезжавших на Каркару и в Пржевальск...

3) В области оставалось очень мало войск для охраны огромной территории ... 4) Непосредственная же причина недовольства - призыв рабочих; киргизы поняли это как набор в солдаты для участия в войне... При составлении списков и приговоров некоторые влиятельные лица и маналы допускали злоупотребления, подкупы, вымогательства и проч., что, конечно, также отражалось на настроении массы» [Цит. по: К истории восстания киргиз в 1916 г., 1926, с. 73-74]. Помощник Туркестанского генерал-губернатора Кондратович обвинил в провоцировании восстания переселенческое ведомство, превратившее своими действиями Семиречье в «пороховую бочку» [Асфендиаров, 1936, с. 30].

А. Бисенбаевым выдвигается положение о том, что национально-освободительное движение в Центральной Азии в 1916 году сопровождалось социальной и политической ретрадиционализацией институтов власти, резким обострением межэтнических отношений, принявших «характер взаимного истребления» [Бисенбаев А., 1994, с. 103]. С мнением о реставрации восставшим народом архаичных властных институтов древнего кочевого общества соглашается А.Ю. Хабутдинов: «...органы власти, созданные Имановым, представляют собой смесь кочевых и исламских традиций. Так, для каждой тысячи хозяйств выделялся управитель-елбеги, жасакши собирали налоги продовольствие для воинов-сарбазов, казынаши хранил их. В качестве налогов определялись биталмал (исламский налог в общественную казну) и зекет, собираемый с зажиточных. Здесь мы видим возвращение в средневековье, столь отличное от всей деятельности джадидов по созданию автономий по образцу современных государств» [Хабутдинов, 2011].

Иного мнения придерживается академик М.К. Козыбаев, считающий, что в ходе восстания имело место возрождение принципов вооруженного народа, территориальной организации войска и военного искусства предков. По мнению М.К. Козыбаева конечной целью восставших было общенациональное возрождение, а восстание 1916 г. было движением миллионов, объединенных в единое целое перед лицом грядущей катастрофы нации: «В сломе государственного механизма царизма, в создании традиционной формы казахской

государственности, формировании повстанческой армии восставший народ так же видел залог завоевания суверенности, выживания этноса» [Козыбаев, 2006, с. 148-149].

Движущей силой восстания в казахских степях была молодежь и представители традиционной казахской военной элиты – батыры и родовая верхушка, давно мечтавшие о возвращении к прежним временам вольности, возрождении традиционной кочевой политики, свободной от российских властей, от регулярного налогообложения и контроля военно-полицейского аппарата. В казахских степях восставшие рода избирали ханов, визирей и сардаров (военачальников). В тургайских степях повстанцы номинально подчинялись кипчакскому хану Абдулгафару Жанбосынову, избранному на курултае тургайских родов 1 ноября 1916 г. [Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, 1960, с. 626, 627]. Наиболее известными вождями казахского восстания были Амангельды Иманов и Уали Жанбосынов.

Свою роль в разжигании восстания сыграла религиозная пропаганда среди широких слоев мусульманского населения России и ожидание поражения русской армии в войне с единой Турцией [Асфендиаров С.Д., 1936, с. 76]. Мусульманское население России не сочувствовало планам раздела Турции и поддержке российскими властями сербского национализма, о чем открыто было заявлено на VII съезде партии кадетов в марте 1917 г. депутатом Государственной Думы Садри Максудовым, подчеркнувшим, что российские мусульмане остаются патриотами своей страны [Сибгатуллина, 2010, с. 215-216].

На территории оседлых районов Средней Азии пламя священной войны - газавата разжигали священнослужители из ишанского сословия. В Ферганской долине муллы и ишаны возглавляли отряды повстанцев [Рыскулов, 1991, с. 55; Турсунов, 1962, с. 237]. Т. Рыскулов дал объективную характеристику движущим силам восстания и раскрыл участие клерикальных кругов, натравивших беднейшие слои населения не только против официальной власти и русского населения, но и против буржуазных слоев: «Духовенство в лице мулл, ишанов и т.д. было в корне недоволено всяким европейским новшеством и прогрессом. Во

всех реформах царской власти, в развитии торгово-ростовщического капитала, разрушении основ феодальных отношений и т.п. духовенство видело прямое нарушение своих интересов. Духовенство ненавидело зарождающуюся прогрессивную туземную буржуазию и национальную «джадидскую» (реформаторскую) интеллигенцию, также покушавшуюся на старый уклад жизни. Поэтому социальное недовольство беднейших масс против своих эксплуататоров и борьба духовенства против них же за сохранение старых устоев жизни находили общую линию. Туземное духовенство, как только где-нибудь возникали волнения в Туркестане, принимало в большинстве в них участие» [Рыскулов, 1991, с. 55].

В районах подверженных пропаганде клерикалов вспышки межрелигиозной ненависти были наиболее ожесточенными. Семиреченский губернатор докладывал о более мягком отношении к русским со стороны восставших казахов и о лютой ненависти киргизов и дунган: «степные киргизы (казахи – С.К.) обходились мягче со своими жертвами, тогда как кара-киргизы и особенно дунгане проявили к беззащитным русским поразительную жестокость, подвергая мучениям, прежде чем убить, выкалывали глаза, отрезали уши, груди и проч., детей разрывали на части» [Цит. по: К истории восстания киргиз в 1916 г., 1926, с. 74].

Значительная часть коренного населения Центральной Азии не поддержала восстание. Т. Рыскулов обвинял национальную интеллигенцию и байство в соглашательстве с царизмом. Деятели национального движения старались предотвратить массовые вооруженные выступления казахов, понимая, что ответом будут массовые репрессии со стороны имперских властей и погромы со стороны пострадавшего русского населения. В то же время они разъясняли чиновникам причины восстания и предлагали меры по преодолению взаимной вражды русских и казахов, доводили до казахского населения значимость призыва на трудовые работы. На частном совещании у Тургайского губернатора (7 августа 1916 г.), представители казахского населения Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей внесли для

правительства предложения, позволявшие смягчить негативные последствия призыва для скотоводческого хозяйства. Делегаты считали необходимым для успокоения народа провести следующие мероприятия: «1...отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 года, а для южных уездов до 15 марта 1917 года. 2. Призвать в первую очередь одну треть 19—31 возрастов, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных. 3. Прием лиц, проживающих за пределами места приписки, согласно их желанию, производится или по месту жительства, или приписки. 4. Оставить в семье одного работника призывного возраста при полуработнике (17 или старше 50 лет)... 8. Оставить мугаллима учителя на каждые 50 кибиток для обучения детей киргизской грамоте, при чем предпочтение должно быть отдано тем, кто имеет шаадат-нам (свидетельство) от медресе. 9. Освободить от призыва учащихся в мусульманских медресах в городах. 10. Старые списки, представленные спешно, неправильны, — нужно их возвратить: избрать комитет, составленный лицами, избираемыми по одному от каждого десятка домохозяев, и поручить этому комитету составление нового списка в присутствии аульного схода. 11. Так как в дело мобилизации волостные управители или претенденты на их должности впутали свои дела по выборам, то необходимо приостановить на время мобилизации производящиеся выборы должностных лиц киргизской администрации. 12. В приемной комиссии с правом голоса должны участвовать по два уполномоченных от каждой волости, уполномоченные участвуют в приемной комиссии при приеме рабочих своей волости. 13. Принятым рабочим предоставить право соединяться в артели в 30 человек. При артели должен быть переводчик, и на 10 артелей один мулла. 14. Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными. 15. Рабочие киргизы должны быть в ведении учреждений городского и земского союзов... 16. Для доставления рабочим одежды и провизии с мест должны быть даны бесплатные вагоны в необходимом количестве и пропуск двум лицам от каждой волости. 17. По уважительным причинам по мере надобности киргизы рабочие пользовались бы отпуском» [Цит. по: К истории восстания киргиз в 1916 г., 1926, с. 60-62].

А. Букейханов, А. Байтурсинов и их сподвижники понимали ментальность казахов, для которых рытье окопов было табу. В понимании простого кочевника копать землю можно только для устройства могил. Деятели национального движения предлагали осуществлять набор казахов в кавалерийские части, одновременно закрепляя за призывниками их землю в собственность. Байтурсинов в № 188 газеты «Казах», высказывая российской общественности умонастроения казахского населения, писал: «...До сих пор казахов не призывали в армию и это – не их вина. До сих пор народ не отказывался от отправки для нужд фронта своего скота и был не против обсудить вопрос о призыве в армию, но указ о мобилизации казахов на тяжелые тыловые работы поверг всех в недоумение. Казахский народ мог бы, наравне со всеми другими, защищать свое государство на фронтах войны с оружием в руках. Поэтому использование казахов на тыловых работах считаем унижением для нации» [Цит. по: Озганбай, 2000, с. 158]. Казахские либералы А. Букейханов, А. Байтурсинов и М. Дулатов 11 августа 1916 года опубликовали в газете «Казах» обращение «К гражданам «Алаш», призывая не оставаться в стороне от бед русских соотечественников и единоверных братьев татар, поддержать призыв царя. Лидеры казахского движения указывали на то, что сопротивление властям приведет к законным репрессиям и вооруженному насилию по отношению к мирным аулам, они считали главным сохранение народа [Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, 1960, с. 637-638; Алаштың азаматына!, 2011, с. 266-268].

А. Букейханов и М. Дулатов в составе делегации выезжали на Западный фронт и помогали казахам, призванным на тыловые работы. А. Букейханов возглавил работу Иностранческого отдела Земгорсоюза, в ведение которого поступал основной контингент мобилизованных трудовых ресурсов из национальных окраин. А. Букейханову удалось привлечь к своей миссии казахских студентов из Москвы и Казани. Казахские активисты выезжали на участки фронта и вникали в повседневные заботы мобилизованных, доводили до руководства их запросы, касавшиеся правильного с точки зрения мусульман забоя скота, обеспечения теплым жильем и одеждой, лечения больных и содержания

мулл. Благодаря их настойчивым запросам 16 января 1917 г. член Государственной Думы России А.Ф. Керенский вмешался в проблему 46 тыс. мобилизованных казахов, находившихся в Омске. Размещенные в арестантских бараках и хронически недоедавшие призывники страдали от болезней. После запроса А.Ф. Керенского и реакции Министерства внутренних дел призыв был временно прекращен [Озганбай, 2000, с. 166-167].

Для успокоения народных масс деятели национального движения совместно с представителями имперской власти выезжали в восставшие районы. Во второй половине 1920-х годов в период борьбы с наследием Алаш-Орды критики вменяли в вину лидеру семиреченских «алашевцев» Джантикову, то, что ему удалось убедить казахов Большой Алма-Атинской волости подчиниться императорскому указу. М. Тынышпаев совместно с генерал-губернатором А.Н. Куропаткиным разъезжал по аулам, уговаривая казахское население выполнить долг перед империей [Алаш козгаласы, 2008, с. 27-28]. Следует признать большую роль Туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в стабилизации ситуации в крае. А.Н. Куропаткин не был Лотар фон Тротом и не стремился к организации массового истребления коренного населения края. Он активно привлекал к сотрудничеству национальную интеллигенцию и влиятельных людей в среде кочевого населения. Критика алашевских деятелей в примиренчестве с царизмом в настоящее время не актуальна. А. Букейханов и его соратники видели очевидность неравенства сил и бесперспективность открытого вооруженного противостояния империи. Все свои надежды они возлагали на союз с демократическими силами России.

Февральская революция была с восторгом встречена казахской интеллигенцией. М.К. Козыбаев признает, что победа антимонархических сил в феврале 1917 года спасла казахский народ от полного истребления [Козыбаев, 2006, с. 153]. Временное правительство пошло на диалог с лидерами национальных движений и согласилось на создание областных автономий. Летом 1917 г. под давлением окраин либеральные круги России соглашались с

формирование территориальных автономий с учетом этнического состава населения.

Представители казахского национального движения активно сотрудничали с сибирскими властями. 8-17 октября 1917 г. в Томске в работе I Сибирского областного съезда участвовали десять казахских делегатов, представлявших Акмолинский, Тургайский, Семипалатинский, Семиреченский и Уральский областные и Каркаралинский уездный киргизские комитеты, а также Кустанайский уездный и Тургайский областной Советы крестьянских, киргизских и солдатских депутатов. Среди делегатов были А.Н. Букейханов, Х.А. Габбасов, С.Д. Дошанов, А.А. Ермаков, Е.И. Итбаев, Р.М. Марсеков и А.Д. Сеитов. А.А. Ермаков был кооптирован сначала в Сибирский областной совет, являвшийся в то время руководящим органом областнического движения, а затем стал членом его исполнительного комитета, выполняя функции секретаря [Шишкин, 2009, с. 100-101]. Лидеры казахского движения получили должности в новом аппарате управления. Букейханов был назначен комиссаром Временного правительства в Тургайской области, Тынышпаев в Семиреченской области и Чокаев в Туркестанском крае.

Весной 1917 г. проходят съезды казахской интеллигенции Уральской, Оренбургской и Актюбинской областей, на которых организационно оформляются структура движения и декларируются программные положения и цели казахского национального движения. С 21 по 28 июля 1917 г. в Оренбурге проходил общенациональный съезд, принявший решение о создании казахской политической партии, участии в выборах в Учредительное собрание и блокировании с Шура-и-Ислами [Мартыненко, 1992, с. 46-53]. В августе 1917 г. в Актюбинске состоялся II Тургайский съезд, принявший резолюцию с требованием создания национально-территориальной автономии. Делегаты съезда в будущем видели Россию федеративной демократической республикой. На съезде предлагалось создать органы местного самоуправления казахов в форме областных гражданских комитетов общественной безопасности, представляющих Временное правительство и обладающих полнотой власти. Эти органы должны

были формироваться на основе национально-пропорционального представительства нацменьшинств. Делегаты съезда считали необходимым приостановление отчуждения земельных фондов у казахского населения, введение земства и общеобязательного народного образования, причем первые два года обучение должно было вестись на казахском языке [Мартыненко, 1992, с. 55-61].

Осенью 1917 г. лидеры казахского либерального движения объявили в газете «Казах» о создании партии «Алаш». Название партии было связано с общеказахским военным кличем в честь легендарного прародителя тюрков и казахов хана Алаша. Принимая такое название своей политической организации, лидеры национального движения манифестировали идею возвращения к истокам этнической солидарности кочевых тюркских народов мусульманского вероисповедания, прежде всего казахов, кыргызов, каракалпаков и тюрков Средней Азии, при верховенстве первых.

В программе партии «Алаш», разработанной А. Букейхановым, А. Байтурсиновым, М. Дулатовым и их соратниками, и опубликованной 21 ноября 1917 г. в газете «Казах», декларировалось вхождение казахской автономии в состав демократической Российской Федерации, введение доступного образования на родном языке и первоочередное наделение землей казахского населения. Все ранее изъятые земли должны были быть возвращены казахскому населению [Мартыненко, 1992, с. 90]. Программные установки алашевцев вызвали трения с российскими демократическими силами, выступавшими против создания национальной государственности на огромной территории восточнее Урала. А. Букейханов, недовольный позицией кадетов по национальному вопросу и отказу их от ревизии прежней земельной политики, вышел из партии русских либералов.

Октябрьская революция и свержение легитимного Временного правительства повлияли на изменение политической платформы алашевского движения. На декабрьском съезде 1917 г. в Оренбурге было объявлено об образовании национально-территориальной автономии Алаш. Свое

одностороннее решение алашевские деятели объясняли падением власти «пользующейся доверием народа и моральным авторитетом» и необходимостью противостоять угрозе гражданской войны [Мартыненко, 1992, с. 68-69]. Границы автономии должны были включать населенные казахами территории в Букеевской Орде, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской, Тургайской и Уральской областях, казахские уезды Ферганской, Амударьинской, Самаркандской и Закаспийской областей, казахские волости Алтайской губернии. Включение в состав Алашевской автономии земель, «представляющих сплошную территорию господствующим населением киргиз-казакского единого происхождения, единой культурой, истории и языка», объявлялось торжеством исторической справедливости [Мартыненко, 1992, с. 69]. Неказахскому населению автономии гарантировалась культурная автономия и равенство в правах и свободах. Органы управления планировалось формировать на основе этнического пропорционального представительства [Мартыненко, 1992, с. 69]. Исполнительная власть передавалась временному народному совету Алаш-Орды, состоявшему из 25 человек. Десять мест в исполнительном органе Алаш-Орды сохранялось за русскими и представителями других народов, проживающих на территории автономного образования [Мартыненко, 1992, с. 69].

По вопросу об объявлении создания национально-территориальной автономии мнения участников съезда разделились. А. Букейханов считал этот шаг преждевременным, опасаясь погромов и этнических чисток мирного казахского населения со стороны демобилизованных русских солдат. Его сторонники, составившие большинство, считали необходимым сначала выявить отношение к созданию национальной автономии неказахского населения и сформировать отряды вооруженной милиции (народного ополчения), реально способного предотвратить межэтнические столкновения [Мартыненко, 1992, с. 70-71]. Более радикально настроенные делегаты угрожали присоединением своих районов к созданной уже Туркестанской (Кокандской) автономии. История показала правоту Букейханова, Байтурсынова и Дулатова, видевших опасность радикальных односторонних действий. Реальный контроль алашевское

руководство могло осуществлять только над казахскими районами в Букеевской Орде, Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областях. В случае широкого межэтнического конфликта между русским и казахским населением перспективы создания казахской государственности становились призрачными.

Еще раньше, 22-27 ноября 1917 г., проходил IV Чрезвычайный краевой общемусульманский съезд, объявивший о создании Туркестанской автономии в составе Российской федеративной демократической республики. М. Тынышпаев и М. Чокаев возглавили Туркестанскую автономию. В состав Временного правительства Туркестанской автономии входили 12 человек, восемь человек должны были представлять коренное население края. Среди казахских делегатов декабрьского съезда в Оренбурге были приверженцы присоединения к Туркестанской автономии. Несмотря на то, что алашевские деятели объявляли о налаживании отношений с туркестанскими автономистами и сибирскими областниками, противоречия в их конечных целях делали союз антибольшевистских сил на востоке страны весьма непрочным. Алашевский проект был изначально нацелен на нациестроительство, в то время как российское областничество стремилось к сохранению общего российского политического и культурного пространства.

Туркестанские активисты планировали объединение близких мусульманских народов Центральной Азии на основе религиозных и кровных уз. Туркестанские интеграллисты рассматривали ислам в качестве культурного ядра новой идентичности. На деле Туркестанская автономия контролировала только несколько мелких городов в Ферганской долине. Первоначально большую роль в туркестанском движении играли джадидские реформаторы Убайдулла – ходжа, Мунаввар-кари Абдурашидханов, Махмуд-ходжа Бехбуди, сторонники светского пантюркизма З. Валидов, М. Чокаев, М. Тынышпаев, создавшие политическую организацию «Шуро-и исламия» («Исламский совет»), отражавшую программные установки обновленцев и мусульманских интеграллистов. Со временем в Кокандской автономии верх взяли ретрограды-уламоисты, представлявшие группы

традиционных вождей местных кланов и кадимистских религиозных деятелей, объединенных в партию «Шуро-и-уламо» во главе с С. Лапиным и Кичик Иргашем, возглавившим позже басмаческое движение в Ферганской долине. «Шуро-и-уламо» представляло интересы консервативно настроенных мусульманских иерархов, отражавших умонастроения многомиллионных масс, и ориентированных на шариатский порядок и местную культурную традицию [Bergne, 2003, p. 34-35; Агзамходжаев, 2006, с. 157]. Программные установки туркестанских интеграллистов из Кокандской автономии были впоследствии использованы большевиками для утверждения своего политического господства в регионе и завоевания доверия местного населения, впавшего в ужас после резни мирных жителей в феврале 1918 г.

Алашевская и Туркестанская (Кокандская) национально-территориальные автономии были объявлены их создателями частью Российского государства. Руководство национальных движений башкир, казахов и туркестанцев вступило в антибольшевистские коалиции. В годы гражданской войны военно-политические альянсы были неустойчивыми, вхождение в них диктовалось логикой элементарного выживания. Большевики также не гнушались заключать временные союзы с наиболее радикальными исламскими или антироссийскими силами (Ваисов Божий орден, горскими тарикатистами), либо, как в случае с разгромом Кокандской автономии, использовали боевые отряды армянской националистической партии «Дашнакцутюн». Национальные движения мусульманских меньшинств России вынуждены были лавировать, и, в конечном счете, были привлечены к сотрудничеству с Советской властью. Причины перехода националистов на сторону большевиков заключались в упорном стремлении лидеров Белого движения сохранить территориальную целостность России, в их нежелании рассматривать иные модели будущего объединения народов страны и игнорировании национального вопроса.

Первоначально Народный Совет Алаш-Орды вынужден был искать сильных союзников, признающих национально-территориальную государственность казахского народа. Не имея боеспособных вооруженных формирований

алашевские деятели зависели от главных акторов гражданского противостояния на востоке страны – большевиков, войскового правления Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск и Сибирского правительства. К ноябрю 1918 г. алашевцам при помощи Самарского Комуча, башкирских автономистов и уральских казаков удалось создать боевые формирования небольшой численности: в Семиречье – 500 человек, Семипалатинске – 2000, Уральске – 2000 и в Кустанае – 450 человек [Григорьев, 1989, с. 207]. Алаш-Орда была организационно разделена на Западное отделение с центром в Джамбейты во главе с Д. Досмухамедовым и Центральное во главе с А. Букейхановым с центром в Семипалатинске.

Слабость алашевцев вынуждала их заключать соглашения с победителями. В марте 1918 г. было решено выслать делегацию на переговоры с Советом Народных Комиссаров и изложить наркому по делам национальностей Сталину чаяния и нужды казахского народа. Советская власть признала автономию Алаш-Орды при условии признания легитимности большевистского Совета Народных Комиссаров. В Саратове делегация Алаш-Орды выпустила воззвание к казахскому народу с просьбой поддержать Советскую власть [Бочагов, 1927, с. 17]. В мае 1918 года Алаш-Орда под давлением уральских и оренбургских казаков, потребовавших определения своих позиции, переходит на сторону антибольшевистских сил. Тесные связи алашевские деятели имели с башкирскими автономистами во главе с А.З. Валидовым, предлагавшим создать единую область, включавшую Башкирию, Западный Казахстан и территорию уральских казаков [Валиди, 1994, с. 216-217].

Алашевские лидеры в середине 1918 г. сумели достичь соглашения с Сибирским правительством (ВСП), Комучем в Самаре, башкирскими автономистами во главе с А.З. Валидовым, Оренбургским и Уральским войсковыми правлениями. В соглашении, подписанном в августе 1918 г. с Сибирским правительством, руководство Алаш-Орды пошло на уступки и объявило том, что Алаш-Орда будет существовать до «конструирования власти, признаваемой всеми национальностями..., до выявления воли русского народа»

[Брайнин, Шафиро, 1935, с. 43]. На территориях, заселенных русскими крестьянами и казаками, сохранялись земства и городские думы, контролируемые комиссарами, назначенными Сибирским правительством. Фактически Алаш-Орда контролировала лишь отдельные районы в Западной части Казахстана и в Семипалатинской области. Х. Досмухаметов признавал, что Алаш-Орда контролирует лишь Зауральскую часть Уральской области, войсковая же часть области находится вне ее юрисдикции [Мартыненко, 1927, с. 83; Валиди, 1998, с. 256].

В июле 1918 г. алашевское руководство предлагало Сибирскому правительству поддержку на основе признания национальной автономии в составе губерний, указанных декабрьским Учредительным съездом, легитимации Алаш-Орды в качестве центрального органа власти казахского народа с признанием юридических прерогатив Сибирского правительства, создания национальной армии, подчиненной общему военному руководству [Мартыненко, 1927, с. 121-127]. Осторожные предложения о признании национальной государственности и декларирование лидерами алашевской и туркестанской автономий нерушимости территориальной целостности Российского государства вызывали раздражение в среде заметно «поправевших» к лету 1918 г. антибольшевистских сил Сибири. В газете омских кадетов «Сибирская речь» от 5 августа 1918 г. редакторы обвиняли алашевцев в «инородческом сепаратизме» и желании развалить Россию: «По существу при удовлетворении киргизских претензий от России должен быть отделен громадный край, местами густо заселенный русскими переселенцами с целым рядом чисто русских городов. Мы говорим «отделен», потому что автономия в той форме, в какой ее требуют киргизские представители, равносильна полному отделению от России, равносильна образованию в ее пределах самостоятельного киргизского государства» [Шишкин, 2009].

Под давлением Сибирского правительства алашевцы отказались от решения важнейшей проблемы для казахского населения – аграрного вопроса, отложив его до победы над Советской властью. В начале ноября 1918 г. алашевские деятели

участвовали в работе Уфимского государственного совещания и в избрании Временного Всероссийского правительства (ВВП), распустившего Алаш-Орду. Букейханов в качестве компромисса предложил наделить казахскую автономию статусом генерал-губернаторства по примеру Британской Индии и передать созданной из казахов низовой администрации полномочия в вопросах культуры и образования, контроля над сельским хозяйством.

Алашевские деятели не смогли объединить разнородные политические группировки в единую организацию, как не достигли и общего единства внутри самих алашевцев. Об этом писал исследователь пантюркизма и исламизма С.А. Зенковский. Он считал «Алаш» ведущей казахской политической партией, отмечая, что алашевским лидерам не удалось интегрировать все казахские политические группировки. В оппозиции алашевцам - националистам оказались представители южных групп тюркских интегралистов, находившихся под влиянием клерикалов и пантюркистов, ориентированных на Ташкент. В условиях анархии гражданской войны правление Алаш-Орды было не более чем номинальным: «Новые поселенцы воевали против казахов, казаки и старожилы были против нового, различные племена конфликтовали друг с другом... Алаш-Орда никогда не была более чем комитетом, который созывал съезды и издавал манифесты» [Zenkovsky, 1960, p. 212, 216].

Непримиримая борьба развернулась с организационно оформившейся в Омске казахской народно-социалистической партией «Уш жуз», объединившей представителей революционно настроенной части казахской интеллигенции и социальных низов казахского городского населения Омска и Петропавловска. Печатным органом партии «Уш жуз» была одноименная газета, издававшаяся с декабря 1917 г. в Петропавловске. Программа партии казахских социалистов представляла эклектичный набор положений и идей, заимствованных у других политических движений. Лидер казахских народных социалистов К. Тогусов в газете «Революционная мысль» объявлял себя защитником бедных от богатых, в то же время, провозглашая приоритетность защиты прав мусульман-казахов [Елькеев, 1991, с. 58]. «Уш-жуз» выпускал свою газету под девизом «Да

здравствуют тюрко-татарские дети», призывая к «мусульманскому братству», «единению детей тюрко-татарского происхождения», «Единству верующих мусульман» [Бейсембиев, Елкеев, 1975, с. 29].

Ушжузовцы осудили создание национальной государственности Алаш-Орда и Кокандской автономии, подчиненной сибирским областникам, предлагая широкое объединение мусульман Казахстана и Средней Азии в рамках Туркестанской автономии в составе Российской Федерации [Бейсембиев, Елкеев, 1975, с. 27-28; Елкеев, 1991, с. 56, 62-64]. В федерацию наряду с 82 племенами казахов должны были войти родственные тюрко-мусульманские народы: «Кровь к крови тянет, как гласит пословица. Ведь нашими кровными братьями, которые никогда не оставляют в беде, всегда готовыми протянуть руку помощи, являются десятиколенные татары, восьмиколленные туркмены, родственные нам узбеки» [Бейсембиев, Елкеев, 1975, с. 27-28]. Общетюркское политическое единство и прямое подчинение Москве казахские социалисты считали лучшей моделью, нежели подчинение национальной автономии «близкой к дьяволу Томи, Сибири» [Дахшлейгер, 1973, с. 99-100; Бейсембиев, Елкеев, 1975, с. 27-28].

Алашевцы и ушжузовцы не нашли приемлемого консенсуса. В январе 1918 г. в газете «Казах» появилась статья, направленная против Уш-Жуза. Авторы статьи писали: «Злонамеренные, похожие по виду на людей, по инстинкту и действиям на зверей, именуемые партией Уш-Жуз, стали на путь поношения и очернения деятелей партии Алаш, к которым тяготеет все казахское население. Подобно тому, как для уничтожения волков кладут им яд-стрихнин, так и для них нужен следующий яд: партия Уш-Жуз есть партия разбойников. Она представляет язву на теле народа» [Зиманов, 1970, с. 234]. Алашевские деятели способствовали расправе сибирских властей в марте 1919 г. над лидерами конкурирующей партии [Сапаргалиев Г.С., 1966, с. 216-217]. Остатки партии казахских социалистов влились в состав большевистской партийной организации.

Коренной перелом на Восточном фронте в конце 1919- начале 1920 гг. вынудил алашевских лидеров в союзе с башкирскими националами пойти на примирение с большевиками. Еще в начале марта 1918 года А. Букейханов

осознавал опасность втягивания казахского народа в гражданское противостояние в России. Он говорил в Семипалатинске своим соратникам: «мы слабые: у нас нет оружия и недостаточно сил, чтобы долго сопротивляться им (большевикам - С.К.)» [Цит. по: Аккулулы, 2012]. Для большевиков националисты были временными попутчиками, о чем недвусмысленно заявил Ленин 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б). В полемике с Бухариным по национальному вопросу Ленин не смог скрыть стратегических целей большевиков. А.З. Валидов, присутствовавший на съезде, пришел к неутешительному для националистов выводу: «...Ленин и его соратники считают соглашение с нами явлением временным. Из его слов мы поняли, что их товарищеское отношение к нам также ненадолго. В будущем нас, как узбекских мулл и финских капиталистов, они отбросят в сторону, а власть передадут в руки членов коммунистической партии, которых выпестуют со временем» [Валиди, 1998, с. 291]. Валидов предрек печальную судьбу казахской и башкирской национальной интеллигенции, которую ждала участь быть использованной и уничтоженной, как только «будут подготовлены люди, верные русскому империализму» [Кульшарипов, 1992, с. 149-150].

А. Беннигсен исследовал причины поражения националистов восточных окраин бывшей Российской империи, заключавшиеся в том, что соперничавшие между собой мусульманские группировки не добились создания сплоченного антибольшевистского союза с Белым движением. Лозунги «Единой и неделимой России» оттолкнули националистов от Белого движения и вынудили их выбрать союз с «меньшим злом» примкнув к Советской власти [Bennigsen, 1975, pp. 63-70]. Следует отметить, что туркестанские, башкирские и казахские автономисты, не имевшие общенациональной поддержки как националисты в Прибалтике, Польше и Финляндии, не могли сколько-нибудь значительно повлиять на процессы утверждения Советской власти на национальных окраинах. Мусульманские националисты могли лишь минимизировать ущерб от гражданского противостояния для собственных народов. После ноябрьской

амнистии 1919 г. алашевцы прекратили сопротивление и в декабре 1919 г. перешли на сторону Советской власти.

Большевики умело воспользовались промахами Белого движения и привлекли алашевцев в процесс советского строительства. Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10 июля 1919 г. большевики создают единый орган Советской власти в лице революционного комитета по управлению Киргизским краем (Кирревком) во главе со старым партийцем С.С. Пестковским. В составе Кирревком вошли как испытанные большевистские кадры (А. Авдеев, А. Айтиев, А. Алибеков, А. Джангильдин, М. Мурзагалиев), так и деятели национального движения (С. Арганчеев, А. Байтурсынов, Б. Каратаев) [Мухтаров, 1960, с. 14; Елагин, 1962, с. 42; Olcott, 1995, p. 155].

Кирревком и созданное 30 апреля 1920 г. Киргизское областное бюро перехватили властные полномочия и программные установки алашевского движения. Большевики провели 11-20 января 1920 г. дополнительные переговоры с Алаш-Ордой. По завершении встреч Кирревком объявил о вхождении Алаш-Орды в ее состав, аннулировал все законодательные акты прежней автономии и наложил арест на ее имущество. Алашевцы должны были разоружиться и сдать оружие. Порядок в крае должны были поддерживать революционные татарские части. Большевики принципиально одобрили право казахского народа на самоопределение, пригласив А. Байтурсынова в состав Кирревкома и назначив А. Букейханова областным комиссаром в Тургае и М. Тынышпаева областным комиссаром в Семиречье [Olcott, 1995, p. 155]. В марте 1920 г. большевистские лидеры, ликвидировав «буржуазные» автономии башкир и алашевцев, перешли к реализации интернационалистского проекта решения «национального вопроса». Алашевские деятели не сопротивлялись, стараясь повлиять на новые власти и в первую очередь на большевиков казахской национальности при решении вопроса об административных границах будущей казахстанской государственности. Они пытались помочь в разработке и реализации конкретных мер по ликвидации фактического и юридического неравноправия казахского населения.

Несмотря на поражение алашевского проекта, основанного на создании национально-территориальной автономии и решении национального вопроса в пользу казахского населения не ущемляя прав других этнических групп, ее лидеры оказали серьезное влияние на молодое поколение казахских большевиков, позже обвиненных в «национал-уклонизме». Для лидеров казахского демократического движения главным являлось сохранение прежнего образа жизни и хозяйственной деятельности казахского народа, закрепление за казахами территории своего проживания. Язык, культурные традиции и исламская религиозность рассматривалась как основа этнонационального сознания. Последовательно отвергнув панисламский и тюркский интегрализм казахские «западники» в целом обозначили коренной поворот своего народа к современной им европейской цивилизации, основанной на приоритетах этнической нации и этнонационального государства. Тюрко-мусульманский интегрализм имел среди казахской образованной элиты своих сторонников (ушжузовцы, М. Чокаев, М. Сералин, Т. Рыскулов), но получил поддержку лишь в южных регионах Казахстана. Западные и северо-восточные районы Казахстана испытывали влияние либеральных националистов и русской культурной традиции.

Приверженность консерватизму, либерализму или социализму была для представителей национальных движений в Центральной Азии вторичной по отношению к этнонациональной идее. Решение национального вопроса казахские либералы видели в справедливом урегулировании земельного вопроса в крае и введении фактического и правового равенства наций, что было гарантировано только большевиками. А. Беннигсен называл типичной для национальных лидеров восточных окраин деятельность Букейханова и Байтурсынова, примкнувших до революции 1917 г. к кадетам, затем попытавшихся реализовать идею народного социализма, и, в конечном счете, поддерживавших национал-коммунистов. По его мнению, традиционная элита мусульманских народов России не была заменена новой социалистической разночинной элитой в годы, непосредственно предшествовавшие 1917 году: «... с самого начала до 1930-х годов, когда появилось новое поколение коммунистов, элита оставался

неизменной на протяжении 1920-1930-х годов. Ядро их учения - национализм – также оставалось прежним. Изменились только формы их представления и организации - от прогрессивного демократизма джадидов, к национальному социализму и к национальному коммунизму, и, наконец, в 1930-х годах, к национализму. Эта эволюция была по существу было тактической. Успех в любой момент времени зависел от своевременной адаптации к различным политическим изменениям...» [Bennigsen, Wimbush, 1980, p. 5].

Национальная идентичность и этнонационализм всегда находятся в фокусе внимания исследователей. История казахского национального движения начала XX века показательна. На первый взгляд казахи, будучи разобщены по кочевым общинам и погружены в повседневность выживания кочевой жизни, при отсутствии уважаемого народом и экономически независимого класса этнической аристократии, помнящей о веках своего господства в евразийских степях, не имели возможностей создать современную этнонацию. Однако угрозы потери родных земель и крушения прежнего образа жизни вызвали сильные чувства этнической солидарности «казакшилик» - поддержки казахами друг друга. Казахский образованный слой воспользовался пробуждением этнического самосознания и попытался консолидировать народ, добиться юридического и фактического равноправия с русскими. Однако в силу ряда причин им это не удалось. Работу по нациестроительству и решению национального вопроса пришлось проводить большевикам.

3 НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В КАЗАХСТАНЕ (1920-1928 гг.)

3.1 Начальные «вехи» решения национального вопроса (1920-1922 гг.)

Заключая соглашения, большевики и «националы» в Центральной Азии преследовали свои стратегические цели. Большевики, будучи революционными прагматиками, намеревались использовать националистов для успокоения и завоевания доверия населения национальных окраин. Многие большевистские лидеры провели многие годы жизни в Европе и слабо представляли сложность управления многонациональной империей. Следуя марксистской ортодоксии и своим довоенным лозунгам, они первоначально считали экономическую трансформацию общества и поддержку права наций на самоопределение достаточными до тех пор, пока в результате европейской революции установиться новый интернациональный порядок [Hirsch, 2005, p. 21]. Однако мировая революция не грянула, и большевики умело скорректировали национальную политику, используя в своих практических целях как националистических лидеров, так и русских ученых-либералов – сторонников проекта имперской «большой исторической России». Сторонники имперского проекта пытались обратить внимание большевиков на азиатскую часть страны [Hirsch, 2005, p. 31-32].

Объективно в первой половине 1920-х годов стороны нуждались в компромиссе и взаимной поддержке. Симбиоз националистов и большевиков был на первых порах взаимовыгоден. Алашевские вожди полагали, что им удастся использовать большевиков и добиться фактического и юридического равноправия казахского народа. Алашевцы пытались «оседлать» Советскую власть и использовать ее для решения национального вопроса. Они лелеяли надежду на

«перековку» формируемого управленческого аппарата и привлечение к защите интересов народа казахских большевиков. Алашевские деятели немаловажное значение уделяли ликвидации национального неравенства через создание самостоятельной государственности и формирование отношений доверия между казахским народом и Советским государством. 17 мая 1920 г. А. Байтурсинов писал Ленину: «...есть два пути достижения взаимного доверия: один из них долгий, требующий многолетних методических работ – это на деле показать казахам, что коммунисты не империалисты, грабившие и угнетавшие казахский народ. Второй путь самый легкий и скорый... То, что хотят казахи, понятно и вполне естественно. Народ, находившийся под многовековым гнетом империализма, прежде всего, может думать об освобождении от этого гнета, почему киргизы стремятся к самоопределению» [Движение Алаш, 2007, с. 62].

Семипалатинские алашевцы в телеграмме в Кирревком от 13 марта 1920 г. заявляли о неразрывной связи казахской интеллигенции с народом и о своей готовности сотрудничать с Советской властью: «Интеллигенты органически связаны со своим народом. Вождей национального движения, революционеров, нельзя сравнивать с русской интеллигенцией, привыкшей властвовать совместно с буржуазией. Киргизская интеллигенция стоит на национальной платформе, поскольку это ведет к поднятию культурного уровня массы, для приобщения к семье мирового пролетариата. Преследование интеллигенции может общему делу грандиозного строительства принести непоправимый ущерб. Укреплению соввласти в киргизской степи [может помочь] мобилизация киргизской интеллигенции согласно циркулярному распоряжению военревкома Киркряя» [Движение Алаш, 2005, с. 414-415]. Согласившись на альянс с большевиками, националисты учитывали интернационалистскую идеологию и надеялись построить национальную версию социализма, минимизировав политическую и культурную роль русских в крае, сняв тем самым потенциальную угрозу русификации. Большинство алашевских вождей, идя на сближение с интернационалистами - марксистами, надеялись сохранить то из национальной мечты, что было возможно в условиях господства новой Советской власти

[Anderson, 1997, p. 24]. Лидеры движений алашевцев и туркестанцев смирились со слабой социальной поддержкой местного населения, больше склонного доверять клерикалам и традиционалистам и относившихся с настороженностью и страхом к русским вообще и к мусульманским реформаторам. М. Чокаев с горечью писал: «если бы туркестанцы сами были хорошо подготовлены к восприятию революции, к ее практическому использованию, Туркестан легче, чем какая бы то ни было другая часть старой России, мог бы осуществить многое из своих национальных требований» [Цит. по: Исхаков, 2001, с. 216].

Казахские интеллектуалы из алашевского движения понимали, что формальное признание антибольшевистскими силами равноправия наций без отказа от практики узаконенных земельных отчуждений и создания политических институтов самоуправления, защищающих права казахского населения, приведет к возвращению к дореволюционной политике в отношении «инородцев». Алашевцы и тюркские интеграллисты видели отсутствие в антибольшевистском лагере сил, способных согласиться с проектами создания национально-территориальной автономии, ликвидации юридического и фактического неравноправия «инородцев».

Российские либералы не собирались способствовать обретению национальными меньшинствами равноправного гражданского статуса и справедливому разрешению национального вопроса. Кадеты, длительное время блокировавшиеся с «националами», основавшими Алаш-Орду, отказывались признать за казахским населением право собственности на используемые земли, прекратить крестьянские переселения и гарантировать выборность казахов в общероссийские представительные органы и самоуправление. Вся земля, считали кадеты, должна была стать государственной собственностью и передаваться в пользование нуждающимся крестьянам. Фактически аграрная программа кадетов была продолжением аграрной политики царизма и грозила дальнейшими изъятиями казахских земель в переселенческий фонд. Кадеты определенно отстаивали территориальную целостность России [Вдовин и др., 1998, с. 30]. Л.Я. Штернберг считал, что нерусские народы желают получить больше

экономических и культурных прав, но не желают отделения от России [Hirsch, 2005, p.31-32].

Эсеровские теоретики соглашались на создание федерации территориальных автономий отдельных национальностей, с оговоркой, что формы самоопределения для каждого народа будут определены и санкционированы Учредительным собранием [Национальный вопрос в программных документах политических партий..., 1998, с.126]. В годы гражданской войны эсеры фактически проигнорировали национальный вопрос.

Шанс на решение наиболее злободневных вопросов национального выживания казахского народа предоставили только большевики. Ахмед Байтурсынов в своем заявлении о приеме в партию большевиков в Оренбургский комитет РКП(б) от 4 апреля 1920 г. писал: «После долговременного искания путей освобождения киргизского народа, находившегося в многовековом угнетении, я пришел к следующему выводу: 1. Освобожденный киргизский народ может получить счастье вместе со всей угнетенной частью человечества, т.е. в мировой революции, в мировой федерации; 2. Никакая другая революция, ставящая своей прямой целью и отчасти осуществившая на деле полное освобождение классов и наций, не может сделать этого...; 5. Программа РКП в области национальных отношений, а равно взгляд тов. Ленина на самоопределение наций, изложенных в итогах дискуссии по самоопределению и тактических соображениях высказанных Центральным Комитетом РКП(б) по отношению к работе среди народов Востока, при правильном применении и проведении в жизнь может вполне обеспечить интересы киргизского народа как нации угнетенной» [Цит. по: Абсеметов, 2006, с. 31-32].

В результате соглашения националистов и большевиков было принято обращение Учредительного съезда Советов Киргизской (Казахской) АССР, проходившего с 4 по 12 октября 1920 г. в Оренбурге, в котором особо подчеркивалось, что обеспечение национального будущего стало возможным. Для этого «киргизский народ должен вступить в почетные ряды Российской советской федерации и вместе с прочими ее членами отдать все свои силы для скорейшей

победы над нашим общим врагом» [Съезды Советов в документах, 1959, с. 668]. Столицей автономии стал Оренбург, включенный в состав автономии вместе с шестью районами декретом ВЦИК от 22 сентября 1920 г. Передача Оренбурга с прилегающими районами объяснялась необходимостью включения в республику крупного пролетарского центра, имеющего развитые революционные традиции. Кроме того, Оренбург был тесно экономически связан со Степным краем [Чистяков, 1964, с. 46].

История формирования национальных государств еще не знала примеров реального уравнивания в правах национальных меньшинств и «имперского» этноса, создания «горизонтальной связи» между согражданами различного происхождения, составляющими единую нацию. Б. Андерсон писал о нации, что она представляет особый тип сообщества, и, «независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые могут превалировать в каждом, нация всегда задумана как глубокое горизонтальное товарищество» [Anderson B., 2006, p. 7]. Однако это «горизонтальное товарищество» охватывало только господствующий этнос, ассимилировавший близкие в культурном отношении этнические группы. Ситуация не изменилась после Великой Французской революции в Западной Европе и после утверждения либеральных ценностей и понимания нации как гражданского сообщества, так как европейские государства создали колониальные империи, основанные на иерархических вертикальных связях между господствующей «имперской» нацией метрополии и колониальными народами. А. Моррисон отмечает, что в европейских колониальных империях интегративная стратегия, предполагавшая достижение правового и политического равенства жителей метрополии, европейских поселенцев и коренных жителей колониальных владений, считалась химерой. Возможность правового равенства допускалась только в отношении европейских переселенцев и жителей «материнской» метрополии [Morrison, 2012, p. 332-333].

В предреволюционной и революционной России распространение либеральных и демократических ценностей не привело к признанию за казахскими кочевниками правового равенства, наоборот, утвердилось

безжалостное и прагматичное отношение к номадам. Либералы приветствовали земельные изъятия у кочевников, считая коренных жителей Центральной Азии неготовыми к гражданскому равенству и введению самоуправления в силу расовой и культурной отсталости [Morrison, 2012, p. 358-359]. Победа антибольшевистских сил объективно означала бы восстановление преемственности с традициями национальной политики царской России с сопутствующим игнорированием требований фактического и правового равноправия национальных меньшинств.

Идеологические концепты ближайших союзников «националистов» - мусульманских национал-коммунистов - представляли комбинированный синтез элементов трех идеологий - исламизма, национализма и коммунизма [Bennigsen, Wimbush, 1980, p. 123]. Последующие события показали дальновидность алашевских деятелей, активно участвовавших в национально-государственном строительстве Казахстана и ставших «духовными наставниками» местных национал-коммунистов. Т. Раковски-Хармстоун указывает на тесное сотрудничество националистов и коммунистов на восточных окраинах бывшей империи и долговременные последствия этой связи: «Либеральные националисты и реформаторы среди мусульман – члены Алаш-Орды, младобухарцы и младохивинцы – положительно встретили новую политику, они в массовом порядке вступали в большевистскую партию, создавая первичные местные организации новой советской администрации. Но из-за своего происхождения они одновременно вносили и вирус мусульманского национализма, приверженность исламской культуре и устремления к автономии (если не к независимости), панисламистских, пантюркистских взглядов... Следы этого наследия до сих пор глубоко укоренены в сознании мусульманской коммунистической элиты. Практика этого мусульманского новообращенчества к коммунизму со стороны мусульман доминировала в местном аппарате управления вплоть до 1923 года и сохранила свое влияние на политику, проводимую на местах, в течение следующего десятилетия» [Цит. по: Бырбаева, 2005, с. 155]. С влиянием традиционных элитных групп духовенства и знати, националистов и

находившихся под их влиянием национальных коммунистов на политическую жизнь в республиках Центральной Азии было покончено лишь в конце 1920-х годов.

Большевистское руководство к решению национального вопроса подходило более рационально, считая необходимым введение фактического и правового равенства и всеобщего гражданства, без выделения категории «инородцев». Э. Карр полагал, что большевики, применяя тактику уступок и одновременно «мягкую силу» в отношении национальных окраин, добились колоссальных свершений в деле восстановления распавшейся российской государственности: «Достоинство большевистской национальной политики заключается, видимо, не в том, что ее можно было осуществлять без применения силы – это явно было невозможно, хотя она, пожалуй, способствовала установлению порядка в России при меньшем применении непосредственного насилия, чем того требовал любой другой вариант; при этом соответственно требовался больший элемент добровольности, чем при проведении любой другой политики» [Карр, 1990, с. 300]. Выдающийся британский историк указывал на кризис, в котором оказалась прежняя буржуазная доктрина самоопределения наций из-за явного культурного и социального разрыва развития народов метрополий и колоний. По его мнению: «идея воссоединения при социалистическом строе действительно, а не только формально равных наций была смелой творческой попыткой вырваться из тупика» [Карр, 1990, с. 300].

Р. Пайпс усматривает в национальной политике большевиков влияние Ленина, полагая, что «...малые народы имеют право не любить русских за все, что им пришлось претерпеть от них в прошлом. И эту историческую неприязнь он предполагал преодолеть путем существенных уступок вроде формального предоставления им федерального статуса и некоторой культурной автономии, а также и прежде всего соблюдая особый такт в отношениях с ними» [Пайпс, 1997, с. 556]. Отличия позиций Ленина и Сталина носили тактический характер в методах осуществления, а по существу особых расхождений по стратегии решения национального вопроса у них не было. Стратегически Ленин и Сталин

исходили из централизаторского видения будущего страны, в соответствии с марксистской парадигмой планируя создание коммунистического общества без классовых и национальных различий. Мнение Р. Пайпса несколько расходится с оценкой А.З. Валиди Тоган, не видевшего принципиальных отличий между позицией Ленина и Сталина в отношении национальных меньшинств России. Ленин и Сталин, как и большинство большевистских вождей, обвинялись лидером башкирского национального движения в великорусском шовинизме. Исключение делалось только для таких фигур как Троцкий, Фрунзе, Петровский и Рыков [Валиди Тоган, 1998, с. 364-367]. О своем разочаровании большевистскими иллюзиями писал и М. Чокаев: «советская практика в Туркестане убила в нас веру в искренность революционно-освободительных лозунгов, с такой расточительностью выбрасываемых коммунистами всех стран. А было время, когда мы готовы были поверить и даже поверили московским большевикам» [Шокай-оглы, 1993, с. 24].

Взвешенная оценка позиции Ленина в национальном вопросе дана американским историком А. Уламом, сравнившего жесткую неконструктивную политику националиста Деникина, не пошедшего на уступки умеренным националистам Северного Кавказа и Украины и не признавшего фактически состоявшегося отделения Польши и Финляндии, и гибкость вождя большевиков, готового договариваться даже с религиозными фанатиками и радикальными националистами. Ленин мог соизмерять доктринальные постулаты с требованиями реальной политики, и, если того требовали обстоятельства, отбросить марксистские иллюзии: «возможно, решающий фактор говорил в пользу большевиков: гибкая умелая политика в решении национального вопроса. К 1919-1920 годам знаменитая доктрина «национального самоопределения» была очищена от излишнего блеска. Самые проницательные увидели за независимостью и автономией на бумаге хорошо знакомую централизацию. Однако провозглашенное право каждой нации на автономию или, если она того пожелает, независимое политическое и культурное существование по-прежнему звучало очень привлекательно. Львиную долю доверия Ленин заслужил именно

благодаря этой политике и ее успешному претворению в жизнь. С невероятным терпением Владимир Ильич объяснял соратникам необходимость проведения национальной политики, критиковал за необдуманные, чрезмерные проявления национализма и за стремление к централизации, его внимание было сосредоточено на решении основной задачи, заключающейся в укреплении советской власти. Ленин умел ждать... Он был очень осмотрителен во всем, что касалось территориальных вопросов: ни шовинистических настроений, ни лихорадочного нетерпения» [Улам, 2004, с. 438-439]. Большевики благодаря ленинскому прагматизму и привлечению к сотрудничеству буржуазных националистов смогли оперативно реагировать на запросы местного населения и подорвать социальную базу поддержки антисоветского сопротивления на Урале, в Туркестане и Степном крае.

Прагматичный рационализм Ленина и Сталина проявился во время национального строительства в СССР и определения границ национально-территориальных образований. Большевистские вожди фактически заблокировали возможности развития интегративных стратегий, выдвигаемых туркестанскими, татарскими, башкирскими и казахскими автономистами и национал-коммунистами. А.З. Валидов упрекал Ленина и Сталина в провале проекта создания объединенной автономии казахов и башкир на территории современной Башкирии и Западного Казахстана. Выделение русской Оренбургской губернии, по его мнению, было мерой, направленной на разъединение братских тюркских народов [Валиди Тоган, 2010, с. 251-252]. Наряду с этим проектом были отвергнуты планы активистов национальных движений по созданию образований Большой Идель-Урал и Федерация мусульман Урала, чагатайский проект Фитрата, предлагавшего объединение мусульман Средней Азии.

Для одного из видных идеологов татарского пантюркизма Гаяза Исхаки политика большевиков в ходе нациестроительства была классическим воплощением имперской практики разделения народов для обеспечения своего господства: «Такие национальные республики большевиками, начиная с 1920 года, были созданы и для тюрков, путем разделения и расчленения этого народа

на столько «национальностей», сколько существует тюркских племен. Большевики, исходя из общеизвестного принципа – «разделяй и властвуй», - каждое отдельное тюркское племя, несмотря на общность языка, литературы, школы и бытовых условий, трактуют как особую национальность» [Гаяз Исхаки, 1991, с. 41]. Историческую возможность возникновения мощного радикального пантюркистского движения, способного объединить Большой Туркестан, не отрицал П. Хенце, особо выделявший период правления Ленина и Сталина (1920-40-е гг.), когда в результате целенаправленной политики классовая солидарность, языковые, культурные и этнические начала стали доминировать над прежним осознанием религиозного братства: «Триумф большевиков и ленинской программы способствовали сохранению Российской империи, насколько это возможно, сохранив за Центральной Азией колониальный статус» [Henze, 1984, p. 51-53].

Большевики, опираясь на национал-коммунистов, местные элиты и бывших дореволюционных ученых-этнографов, смогли сделать первые шаги к преодолению отчуждения коренного населения Центральной Азии и сломить антисоветское сопротивление русского населения, вынужденного теперь постоянно апеллировать к центральным властям для защиты своих интересов от местного «национализированного» аппарата. Ленину и Сталину союз с националистами, пишет Г. Робертс, был необходим как свидетельство верности разрешения национального вопроса и для использования в борьбе против Белого движения до тех пор, пока союзники не ставили вопрос о создании Великой Татарской или Туркестанской республик. Лишь после перехода к НЭПу и усиления централизаторских тенденций в политике союзного Центра с 1924 г. большевистское Политбюро перешло к прессингу на партийных диссидентов из числа мусульманских коммунистов и националистов [Roberts, 1990, p. 49].

На наш взгляд, Ленин и Сталин подходили творчески к марксизму, адаптируя наиболее утопичные положения к социальной и политической реальности. Советский проект создания государства этнических наций, реализованный во многом интуитивно и творчески советскими вождями,

рискнувшими пойти на многочисленные уступки, допущения и отступления от ортодоксальной марксистской доктрины, был мощной интегративной стратегией, не имеющей альтернативы. Показательно обращение Ленина к грузинским коммунистам в письме к Орджоникидзе от 2 марта 1921 г. Ленин просил Грузинский ревком и местных большевиков пойти на союз с интеллигенцией и мелкобуржуазными слоями: «Прошу помнить, что внутренние и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости мелкобуржуазным элементам» [Ленин, 1970, с. 367]. Тем самым, для Ленина и Сталина сближение с буржуазными автономистами было вопросом тактики, подчиненной интересам большой стратегии.

Ленин и Сталин, не будучи сторонниками развития федеративных отношений и нациестроительства, понимали, что процесс создания национально-территориальных образований необратим и нужно лишь умело управлять этим процессом, минимизируя негативные последствия, несущие угрозу господству большевиков и единству страны. Еще в период Башкирского кризиса большевистские лидеры согласились на постоянное существование автономных республик в Советском управлении как транзитной модели на пути к будущему бесклассовому обществу. Некоторым народам по политическим резонам в праве на такую форму самоопределения было или отказано (речь идет, прежде всего, о русском народе), или же они вошли в дуальные автономные образования с близкими (чеченцы и ингуши) или неродственными соседними народами, как карачаевцы, черкесы, балкарцы и кабардинцы, дагестанцы [Smith J., 1997, p. 68-69, 73].

Т. Мартин указывает на то, что первоначально большевики поддерживали лозунг Вудро Вильсона о праве наций на самоопределение лишь для того, чтобы получить поддержку революции со стороны национальных меньшинств, а не для создания модели многонационального государства, развития национального самосознания и институциональных форм, присущих нации-государству. Но для большевиков стал неприятным сюрпризом «неожиданный всплеск национализма

как мобилизующей силы во время революции, и последующая гражданская война сильно удивила и встревожила их. Большевики ожидали роста этнонационализма в Польше и Финляндии, но не появления множества националистических движений, дававших о себе знать по всей бывшей Российской империи, стали неожиданностью, и особенно раздражал напор украинского национализма. Именно это непосредственное столкновение с национализмом заставило большевиков выработать новую национальную политику» [Мартин, 2011, с. 88-89]. В случае непримиримой борьбы с национально-государственными образованиями большевики имели бы дело с мощной националистической Фрондой, так как история европейских революций показала, что национализм, апеллируя к начальным чувствам солидарности, является опасной мобилизующей силой. А. Авторханов, критически оценивавший советскую национальную политику, все же признал ее эффективность, предположив: «Если бы Ленин родился в Англии и там пришел к власти, то Британская империя существовала бы и поныне» [Авторханов, 1991, с.12].

В послереволюционной Центральной Азии противостояние между коренным и русским населением достигло критической черты. Религиозные деятели, оттеснив тюркских реформаторов, разжигали огонь «священной войны» против всех «неверных». В Джетысуйской области переселенческое крестьянство в августе 1918 г. поддержало большевиков, используя их поддержку для сведения счетов с казахским населением. За короткий срок крестьяне убили около 6-7 тыс. казахов, разграбив попутно их имущество. В ответ казахи встретили прибывших казаков Аненкова как спасителей, вступив из чувства мести в казачьи отряды [Джандосов, 1999, с. 53].

Подавить сепаратизм большинства национальных движений только вооруженным путем представлялось большевикам опасной затеей, поэтому был взят курс на временные уступки, своеобразный националистический НЭП, продлившийся до середины 1920-х годов. Большевики предложили национальным элитам мир, своеобразную интерпретацию якобинского лозунга в виде «мир угнетенным нациям, война эксплуататорским классам». В Программе

РКП(б), признавалось полное право наций на самоопределение, разъяснялась необходимость объединения наций по классовому принципу: «во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1970, с. 45]. Национальная политика большевиков была комплексной и не сводилась только к национально-государственному строительству и политике коренизации.

М.Н. Губогло обращает внимание на решение X съезда РКП(б), поднявшее проблему завоевания доверия трудящихся разных наций как важную составляющую часть национальной политики [Губогло, 2014, с. 7-8]. Борьба за доверие народов страны предполагала ликвидацию фактического и юридического неравенства. Одновременно с созданием органов управления в национально-территориальных субъектах Советской России проводилась земельно-водная реформа, целью которой было установление справедливости в распоряжении земельными фондами Переселенческого управления и казачьих войск.

26 августа 1920 года ВЦИК и Совет Народных Комиссаров РСФСР принял подписанный председателем ВЦИК М.И. Калининым, председателем СНК В.И. Лениным и секретарем ВЦИК А. Енукидзе «Декрет об образовании Киргизской Советской Автономной Социалистической Республики», входящей в состав РСФСР со столицей в г. Оренбург. Задача по делимитации внутренних границ новых республик была возложена на провинциальных большевиков, вынужденных соотносить противоречивые требования местных элит с рекомендациями Москвы [Anderson, 1997, p. 26]. Созданию казахской государственности предшествовала огромная работа, проведенная Кирревкомом. В работе краевого большевистского органа активно участвовали А. Байтурсынов, А. Ермеков, Ж. Аймаутов, С. Досжанов, Х. Габбасов, А. Кенжин и другие деятели алашевского движения. Председателем Кирревкома был назначен С. Пестковский. Назначение на этот пост стороннего лица было сделано по просьбе казахской

делегации, просившей не назначать местных представителей из-за борьбы различных группировок [Зиманов, 1970, с. 279].

Члены Киррекома и Областного бюро РКП(б) сумели собрать материал об этническом составе и социальных настроениях в районах проживания казахского населения и выработать рекомендации по будущей территории автономии. Их наработки были отражены в поданной в июне 1920 г. докладной записке Наркомнацу «О киргизских территориях». В этом документе предлагалось при определении границ будущей автономии учитывать следующие обстоятельства: «а) край, кроме киргизов (казахов (С.К.), составляющих большинство населения, населен еще многочисленными представителями русских крестьян и рабочих и б) что край не имеет внутри своих экономических промышленных и культурных центров, без которых не сможет вести нормальное существование и правильно развиваться» [Цит. по: Зиманов и др., 1981, с. 185]. Авторы записки указывали на то, что крупные города края - Астрахань, Уральск, Оренбург, Кустанай, Омск, Семипалатинск и Ташкент, находятся на окраинах или не входят в состав края, но экономически связаны со степными районами. Вследствие того, что периферийные оседло-земледельческие районы используются кочевым населением, то Кирревком рекомендовал включить спорные территории и окраинные центры в состав будущей автономии [Цит. по: Зиманов и др., 1981, с. 185-186].

Несомненно, в основу записки легли наработки алашевских деятелей, пытавшихся еще до союза с большевиками определить территориальные границы казахской автономии и проведших скрупулезный сбор и историко-статистический и этнографический анализ, на основе которого доказывалась историческая принадлежность той или иной территории казахскому населению [Нурмагомбетова, 2003, с. 37]. Не случайно в состав Киргизской Автономной Социалистической Республики включили территории, объявленные декабрьским 1917 г. общенациональным съездом в Оренбурге входящими в состав алашевской автономии, за исключением Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей,

включенных после национально-территориального размежевания 1924 года [Бочагов, 1927, с. 42-43].

Большевистское руководство края отчетливо понимало трудности выделения национально-территориальной автономии в регионе, где сложился многонациональный состав населения. В редакционной статье «Жизнь национальностей» от 2 сентября 1920 г. авторы отмечали: «Создание Киргизской республики встречает больше трудностей, чем создание Татарской республики и т.д., так как: 1) киргизы живут попеременно с русскими переселенцами, количество которых достигает 1/3 всего населения; 2) на киргизской территории нет крупных городов». Авторы статьи были категорически против вычленения отдельных русских уездов из состава автономии, так как считали Омский, Петропавловский и Кустанайский уезды тесно связанными с остальной частью Степного края и являющимися районами постоянных летних кочевков казахов из других регионов. Авторы посчитали нецелесообразным поддерживать позицию сибирских и уральских большевиков, потому что, «киргизская территория представляет из себя одно целое, один орган, который нельзя резать на части» [Советская Киргизия, 1920].

Оформление территориально-административных границ края вызвало конфликт Кирревкома с сибирскими и уральскими большевиками, выступившими против передачи в состав автономии Гурьевского, Лбищенского и Уральского уездов Уральской области. Сибревком протестовал из-за изъятия Петропавловского, Омского и Кокчетавского уездов Акмолинской области и Кустанайского уезда Тургайской области, где в результате активной переселенческой политики начала XX века наблюдалось преобладание русско-украинского населения над казахским населением. Сибирские большевики объясняли свою позицию желанием избежать конфликтов между русскими крестьянами, казаками и казахами за земельные угодья [Зиманов и др., 1981, с. 187; Дахшлейгер, 1977, с. 45]. Казахские большевики обвинили сибирских товарищей в игнорировании интересов трудового казахского населения. С. Мендешев на II съезде Советов КАССР (4-10 октября 1921 г.) упрекал

сибирских большевиков в потакании русскому кулачеству и нежелании вести переговоры по Омскому, Петропавловскому и Кокчетавскому уездам Акмолинской области и Павлодарскому уезду Семипалатинской области [Стенографический отчет II съезда Советов КАССР, 1924, с. 42-43].

Из-за неуступчивой линии Сибревкома среди казахского населения Акмолинской и Семипалатинской областей распространялись слухи о желании русских сибиряков захватить лучшие земли и прогнать казахов в степь, заселив эти земли переселенцами. 28 июля 1920 г. члены Кирвоенревкома Джангильдин и Авдеев обратились к трудящимся казахам этих областей, призвав к спокойствию. Авторы обращения успокаивали встревоженных казахов: «Мы Вам заявляем, что у Сибревкома с нами никакой тяжбы не было и не будет... Сибревком работает с нами в полном контакте, границы Киргизстана будут определены правильно, и только в пользу трудящихся и будут определены в Москве 1 августа с.г. нашими представителями» [Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 -1920 гг.), 1971, с. 188].

Челябинские большевики приводили в качестве аргумента преобладание (53 %) русского населения в Кустанайском уезде, тем самым они сознательно вводили в заблуждение центральные органы власти. Основную часть населения Кустанайского уезда в начале XX века составляли украинцы и казахи. Основная часть славянского населения была из числа недавних переселенцев. В 1897 г. в Кустанайском уезде проживало 29,3 тыс. русских и украинцев и 123,3 тыс. казахов [Бекмаханова, 1986, с. 135]. По статистическим данным на 1923 г. в Кустанайском уезде преобладали украинцы - 161,8 тыс. чел (37,8 %), казахи - 160 тыс. чел. (37,4 %) и русские – 80,5 тыс. чел. (18,9 %) [Статистико-экономический обзор КАССР, 1923; Базанова, 1987, с.38]. Казахское население уезда резко увеличивалось в летний период, когда из южных районов края прибывали кочевники, использовавшие родовые земли для посевов.

Казахские большевики считали, что в случае выведения Кустанайского уезда из состава автономии казахские скотоводы потеряют свои лучшие родовые летние пастбищные угодья и посевные площади, обеспечивавшие выживание

беднейших слоев аула. Позицию Кирревкома по Кустанайскому уезду в феврале 1920 г. поддержали Фрунзе и Ленин [Зиманов, 1970, с. 291]. Видимо, под влиянием этих дискуссий Ленин потребовал внести в текст директив ЦК (принятых 29 июня 1920 г.) положение об обеспечении кочевого хозяйства не только кочевьем, но и пашней, обеспечивающей успех перехода к оседлому, земледельческому хозяйству [Дахшлейгер, 1966, с.7]. Окончательно Кустанайский уезд перешел под контроль Кирревкома с 1 октября 1920 года и вскоре был преобразован в Кустанайскую губернию.

По инициативе Ленина было созвано и проведено 10 и 13 августа 1920 г. совещание по вопросу о границах Казахской автономии с участием руководителей приграничных Астраханской, Челябинской областей, Кирревкома, заместителей Наркома по делам национальностей и сибирских большевиков, получивших наказ «блюсти целостность Сибирской державы» [Зиманов, 1970, с. 295]. Ленин призвал сибирских делегатов Соколова и Гамидова взглянуть на проблему «Не с сибирской вышки... И даже не с Ивана Великого. А, может быть с Гималаев? Разумеется не с английскими окулярами» [Зиманов, 1970, с. 295-296]. Под давлением Ленина было принято компромиссное решение о передаче в образуемую автономию Акмолинской области, за исключением Омского и Исилькульского уездов.

История национально-государственного строительства в 1920-е годы показывает, что этот процесс был болезненным и сопровождался конфликтами между местными элитами, заставлявшими советское руководство добиваться компромиссов на местном уровне. Определение принадлежности той или иной территории определенной этнической группе было затруднено полиэтничностью и не прекращавшимся даже в годы гражданской войны переселением из европейской части страны на восток. Нельзя говорить о произвольности нарезки территорий (А.И. Солженицын) или о «топорном разделении» (таджикский академик Р. Масов).

Однако вызывает сомнение характеристика национально-государственного строительства Ж. Абсеметовой, которая пишет: «Именно в вопросах

формирования казахской государственности большевики проявили «великодержавный шовинизм», формируя автономию на советской основе, не учитывая ни общественное, ни социально-экономическое развитие края. Кроме того, многие посланцы центра проводили здесь великодержавную политику, не учитывая особенности края» [Абсеметова, 2007, с. 62]. С точки зрения аутентичного марксизма большевики вообще должны были игнорировать автономистские требования национальных меньшинств, добиваясь их ассимиляции «революционной» нацией, как это предполагали К. Маркс, Ф. Энгельс и К. Каутский. Впрочем, казахстанский исследователь, вступая в противоречие с высказанными выводами, признает: «Нельзя отрицать, что большевики при формировании казахской автономии стремились собрать воедино все казахские земли. Это было очень трудной и значительной работой, которая влияла на все сферы политической, экономической и социальной жизни общества» [Абсеметова, 2007, с. 62].

В своей последней крупной работе, посвященной проблемам государствоведения, С.З. Зиманов высоко оценил шаги Советской власти по созданию национальной государственности и их последствия: «Право наций на самоопределение, взятое Лениным из политического и демократического арсенала Запада и модернизированное им на большевистский лад применительно к условиям России, при всей своей ограниченности и деформации, явилось одним из важнейших факторов интернационализации и обеспечения «единства» общества и страны. Парадокс состоял в том, что навязанное право самоопределения укрепило Россию как великую державу, основанную на советской власти. Без этой идеи и ее практической конструкции вряд ли бы состоялся Союз Советских Республик и была бы одержана победа в Великой Отечественной войне» [Зиманов, 1998, с. 12]. Видный советский государствовед О.И. Чистяков также пишет о бережном учете советским руководством национальной специфики регионов при определении границ республик: «задача состояла в том, чтобы выделить территории, более или менее компактно заселенные тем или иным народом, создав на каждой из них государственное

образование, заселенное титульной национальностью, которая должна была составлять этническое большинство» [Чистяков, 2004].

Последующие события показали важность и чувствительность территориального вопроса для деятелей национального движения и национал-коммунистов. Казахские коммунисты в период национально-территориального размежевания 1924 г. попытались добиться включения в состав республики Ташкента и Туркестана с прилегающими территориями. 14 мая 1924 г. полпред КАССР при ТурЦИК подал докладную записку, где объявлялось, что «притязание КССР определяется границами так называемой сплошной киргизской территории», под которой понималась территория, где казахи и родственные им группы каракалпаков, курама, кипчаков составляют большинство населения [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2005, с. 215]. Казахским национал-коммунистам удалось провести широкую агитационную кампанию и собрать казахское население прилегающих к Ташкенту районов, организовав длившиеся около месяца массовые демонстрации в поддержку своих требований о присоединении Ташкентского уезда к казахской автономии. Лишь после запрета Средазбюро ВКП(б) манифестации были прекращены, в то же время казахские лидеры потребовали предоставления помещений в Ташкенте для центральных органов КАССР [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2005, с. 215, 238]. С. Ходжанов призывал союзные власти рассматривать Ташкент как политический и культурный центр казахских областей, так как «Ташкент в культурном отношении является киргизским Самаркандом» [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2005, с. 213, 219].

Однако и здесь решение союзного Центра было компромиссным: в состав Казахстана был передан город Туркестан, а Ташкент с прилегающими районами, населенными оседлыми казахами и курама, был включен в состав создаваемого Узбекистана. Казахские представители в территориальной комиссии по размежеванию 1924 г. резко протестовали против постановления Среднеазиатского Бюро РКП(б) по Ташкентскому уезду, где сельское население составляли оседлые казахи, причисленные к узбекам: «Этим решением в корне

нарушается принцип национального размежевания, ибо этим актом наиболее культурная и экономически устойчивая часть казахского населения искусственно отделяется от остальной части казахского населения Ташкентского уезда» [Цит. по: Абсеметова, 2007, с. 63]. Лидер казахских партийцев С. Ходжанов 27 сентября 1924 г. на Пленуме Крайкома заявил: «Казахи самая слабая нация. Многие районы остались не за казахами. Среднеазиатское Бюро своим решением об отнесении одной волости Узбекистану спутал нам все карты... Нас обидели. Весь основной капитал остался в Средней Азии. Нам говорили, что Казахстан стали благополучным, а это далеко не верно» [Цит. по: Абсеметова, 2007, с. 63]. Ходжанов обращался к Сталину с просьбой вмешаться и прекратить печатную и устную травлю казахских и каракалпакских работников со стороны узбеков [Цит. по: Абсеметова, 2007, с. 64].

Огромная роль Сталина в определении границ между национальными республиками в Средней Азии признавалась В.М. Молотовым в беседах с журналистом Ф. Чуевым: «Никто так не разбирался в национальном вопросе, никто так прозорливо не организовывал наши национальные республики, как Сталин. Одно создание среднеазиатских республик – это целиком его, сталинское дело! И границы, и само открытие целых народов, которыми никто не интересовался в центре и не знал их по-настоящему, потому что все мы, включая Ленина, не доходили до этих дел, некогда было, а он очень хорошо в этом разбирался. Ведь острая борьба шла. Казахи, например, их верхушка, дрались за Ташкент, хотели, чтоб он был их столицей. Сталин собрал их, обсудил это дело, посмотрел границы и сказал: «Ташкент – узбекам, а Верный, Алма-Ата – казахам»» [Чуев, 2002, с. 339].

Конфликты между национал-коммунистами Центральной Азии свидетельствуют как раз в пользу советской модели нациестроительства. Вариант общетюркского объединения был мечтой лишь отдельных групп национальной интеллигенции и партийцев во главе с М. Султан-Галиевым и Т. Рыскуловым. Общетюркское единство было мифом. В повседневной практике конфликты между тюркскими народами были глубже, нежели с пришлыми европейцами, о

чем свидетельствует письмо Ходжанова. На наш взгляд, этнические границы между отдельными тюркскими народами не были искусственной конструкцией большевиков. Эти границы формировались различиями в образе жизни и ведении хозяйства, интенсивности влияния соседних культур. «Балканизация» тюрков Центральной Азии стала возможной в силу как раз их разобщенности.

Негативную реакцию у казахских большевиков вызывала практика союзных властей по выведению отдельных регионов из состава республики. В 1926 году постановлением ВЦИК РСФСР от 4 ноября из Уральской губернии Казахстана была выделена Илекская волость, отошедшая к Оренбургской губернии, выделенной в 1925 г. из состава Казакской АССР. Руководитель Казкрайкома Ф.И. Голощекин объяснил этот шаг преобладанием в волости русского населения. Казахские руководители в краевом руководстве (Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, Ж. Мунбаев) осудили одностороннее решение союзных органов, указав на опасность подобных прецедентов в будущем из-за активизации переселенческого движения в край, способного изменить этническую ситуацию. Подобная ситуация повторилась в конце 1950-х - начале 1960-х годов, когда руководитель республиканской партийной организации Д.А. Кунаев и Председатель Совета Министров Казахской ССР Ж.А. Ташенов заблокировали попытку Н.С. Хрущева вывести из республиканского подчинения Целинный край, включавший пять северных областей и Карагандинскую область, Западный и Южный Казахстан, за что поплатились своими должностями.

Национально-государственное строительство шло одновременно с реализацией комплексной национальной политики, предполагавшей преодоление фактического неравноправия этнических меньшинств и ликвидации негативных последствий колониальной политики царизма в наиболее остро назревавшем земельном вопросе. Большевики, как показывают материалы партийных съездов с 1920 по 1923 годы, видели недоверие и отчуждение национальных окраин к новой власти, воспринимаемой как измененная форма имперского господства русских. Еще в годы гражданской войны туркестанские большевики отмечали раскол общества не по классовому признаку, а на основе конфессионально-этнической

принадлежности – европейское и туземное население. Русские казаки, кулаки и буржуазия поддерживали большевиков, видя в них защитников от «инородческой» стихии.

Настороженность местного населения по отношению к Советской власти наблюдалась в казахской автономии. 27 апреля 1920 г. в редакционной статье газеты «Жизнь национальностей» успех белогвардейского движения объяснялся не только «русской черносотенной реакцией», но и поддержкой национальной интеллигенции, местного чиновничества и вождей родов, находящихся в родовой вражде к родам, поддерживающим Советскую власть. Из сказанного, автор сделал неутешительный вывод: «...во всей Киргизии (Казахстан – С.К.) найдется сейчас едва два-три десятка надежных коммунистов» [Жизнь национальностей, 1920, с. 1]. А. Байтурсинов в феврале 1921 г. писал в газете «Ак Жол» о существовании в автономии двух враждебных классов – казахов и русских [Цит. по: Бейсембиев, 1970, с. 31].

Фундаментальные принципы национальной политики были изложены в резолюции X съезда РКП(б), специально подчеркнувшего, что «суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость национальностей, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность остальным народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [КПСС в резолюциях и решениях..., 1983, с. 366]. Надо отдать должное большевистским вождям, достаточно смело реагиравшим на возникавшие проблемы и понявшим суть «национального вопроса». Признав наличие «национального вопроса», большевики смогли перехватить программные установки «мелкобуржуазных националистов» и использовать их для успешной советизации национальных окраин.

Сталин призывал к привлечению «националов» в управление, с тем «чтобы Советская власть стала столь же родной и близкой для народных масс окраин России. Но для того, чтобы сделаться родной, Советская власть должна стать прежде всего, понятной для них. Поэтому необходимо, чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы

непосредственной власти (а также и органы партии) составлялись по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения, чтобы в эти институты привлекались все лучшие люди из местных народных масс, чтобы местные трудовые массы втягивались во все области управления страной, включая сюда и область военных формирований, чтобы массы видели, что Советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний.... Советскую автономию нельзя рассматривать, как нечто абстрактное и надуманное, тем более ее нельзя считать пустым декларативным обещанием. Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией» [Сталин, 1920, с. 358-359]. Сталин недвусмысленно увязывал решение национального вопроса с укреплением единства страны: «действительная советизация национальных окраин, превращение их в советские страны, тесно связанные с Центральной Россией в одно государственное целое, немислимо без создания суда, администрации, органов власти и прочее, из людей, знающих язык и быт населения. Но поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке – это именно и значит осуществить на деле советскую автономию, ибо советская автономия есть не что иное, как сумма всех этих институтов, облеченных в украинскую, туркестанскую, киргизскую и т.д. формы» [Сталин, 1920, с. 359]. Сталин в своем докладе на XII съезде партии очень четко сигнализировал местному аппарату о необходимости преодоления недоверия национальных меньшинств к Советскому государству. Им было отмечено, что большевики не планируют создавать этнократии в республиках или возродить имперские порядки в отношениях с национальными меньшинствами. Сталин рекомендовал принять меры к тому, чтобы Советская власть стала понятной и родной для инонационального крестьянства, чтобы Советская власть была не только русской, но и «междунациональной» [Двенадцатый съезд РКП) б), 1968, с. 482].

Видный казахстанский большевик Н. Нурмаков успех ликвидации фактического неравенства ставил в зависимость от реализации программы строительства национальных республик и областей, представляющих «ту

необходимую форму, в которой пролетариат выполняет свою задачу в национальном вопросе путем действительной и длительной помощи отсталым национальностям в деле их хозяйственного и культурного развития, в деле перехода к социализму, минуя капитализм» [Нурмаков, 1933, с. 15].

Решение национального вопроса в Центральной Азии затруднялось конфликтами на «почве» землеустройства между коренным и пришлым населением. Создав национальные республики, большевики обязаны были урегулировать этот вопрос путем уступок. По различным подсчетам в дореволюционный период из пользования казахских хозяйств было изъято 45 млн. десятин наиболее плодородных земель, из них 10 млн. десятин передано казачьим войскам [Сулейменов, 1963, с. 411; Турсунбаев, 1970, с. 223-224]. Октябрьская революция и первые законодательные акты Советской власти по аграрному вопросу первоначально не оказали сколько-нибудь значительного влияния на характер землепользования и на отношение к актуальному для казахов вопросу о возвращении прежних родовых земель, оказавшихся у новых поселенцев [Чупеков, 1965, с. 113]. Осторожность большевиков в отношении земельных отчуждений у переселенцев объясняется активным неприятием продовольственной политики Советской власти крестьянством Западной Сибири и Северного Казахстана. Местное крестьянство подняло масштабное Ишимское восстание, подавленное лишь к февралю 1921 г.

Ситуация изменилась после создания Казахской и Туркестанской автономий. Советская власть испытывала давление коренного населения, требовавшего справедливости в земельном вопросе. Уральский земельный отдел докладывал в сентябре 1920 г. губернскому съезду о настроениях казахского населения, считающего, что еще существует «большая несправедливость к кочевому народу: самые лучшие земли находятся в пользовании казаков – граница земли проходит узкой полосой по Зауралью на киргизской (казахской – С.К.) территории и тем лишает их свободного доступа к единственной реке – Урал» [Тулупбаев, 1984, с. 72]. Казахи двух волостей Гурьевского уезда жаловались в своем прошении в Наркомзем республики: «Остались за нами одни

солончаки, негодные не только к земледелию и сенокосению, но даже для пастбищ» [Тулупбаев, 1984, с. 72].

На Учредительном съезде в октябре 1920 г. была принята Декларация прав трудящихся Киргизской АССР, провозгласившая: «Положить в основу земельной политики в КАССР обеспечение интересов киргизской и крестьянской бедноты, в особенности групп киргизских трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией» [Образование Казахской ССР, 1957, с. 271]. На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями поставлена цель «сравнять в экономическом отношении русских и киргизов... энергично поведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли» [Социалистическое строительство в Казахстане, 1957, с. 279-284]. Цель большевиков заключалась в сглаживании противоречий между коренным и пришлым населением в вопросах землепользования. С целью не усугублять эту проблему СНК КАССР постановлением от 8 ноября 1920 г. запретил самовольное крестьянское переселение.

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 г. казахским крестьянам возвращались свободные земли, неосвоенные переселенцами до февраля 1921 г. в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в вечное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. Казахскому населению были возвращены земли десятиверстной полосы вдоль Иртыша, Урала и Пресногорьковской линии, земли, отмежеванные в дореволюционный период для размещения переселенцев, а также монастырские земли. Переселенцам оставлялись участки в размере трудового надела, пришлые земледельцы

уравнивались в праве наделения землей с русскими крестьянами-старожилами. С учетом территорий, входивших в Туркестанскую АССР, в период чрезвычайных аграрных мероприятий 1920-1921 гг. казахскому населению было возвращено несколько млн. гектаров земли [Дахшлейгер, 1965, с. 159; Тулепбаев, 1984, с. 80].

Земельные переделы, как и ранее проводимая царской администрацией политика отчуждения земель в переселенческий фонд, спровоцировали обострение отношений между казахским и русско-казачьим населением края. Местные большевики «европейского» происхождения саботировали решения центральных властей. В июне 1921 г. Уральский губком отказался выполнять декрет о возвращении казахскому населению 10-верстной полосы по левобережью Урала, и, ссылаясь на ущемление прав трудового казачества, ходатайствовал об отделении Уральской области из состава КАССР. В ответ все руководящее губернское руководство было снято с работы. В Семипалатинской области были арестованы и преданы суду руководящие партийные работники, отказавшиеся проводить землеустройство казахского населения. С. Садвокасов разогнал местные органы власти и создал новые казахские ревкомы. В июне 1922 года часть членов Кустанайского губкома обвинила казахских коллег в национализме и потребовала передать губернию в состав Челябинской губернии. В Петропавловске А. Кенжин попытался провести чистки «шовинистов» в Акмолинском губкоме и губисполкоме [Григорьев и др., 1989, с. 93-98]. В Семиречье среди русского населения распространялись слухи о грядущем массовом выселении.

Ситуация обострилась в связи с возвращением из Синьцзяна беженцев-казахов. Слухи порождались имевшими место выселениями «самовольных» поселений, возникших в Семиречье после подавления восстания 1916 г., сопровождавшегося сгоном казахского и киргизского населения с родовых земель. Вместе с кулаками выселялись середняки и бедняки, терявшие имущество, скот, сельскохозяйственный инвентарь, жилища и сады [Тулепбаев, 1984, с. 82]. В ходе земельно-водной реформы было ликвидировано 120 русских и украинских сел, 32 хутора, 95 заимок и выселено 6466 хозяйств. Почти половина

выселенных хозяйств – 3090 семей пришлось на Джетысуйскую губернию, занимавшую Семиречье. Из этого числа 1059 хозяйств не было обустроено до 1928 года [Шаумян, 1965, с. 37]. Нередко освободившиеся земли не использовались казахскими кочевниками, бросавшими переданные им поселки вместе с домами, посевами, садами, огородами и сельскохозяйственным инвентарем после успешной зимовки [Советское строительство в аулах и селах Семиречья, 1957 с. 242; Шаумян, 1965, с. 41].

Г.Ф. Дахшлейгер признал наличие неизбежных перегибов в политике и практике землеустройства, порожденных этноцентристскими трактовками принимаемых нормативных актов и несовместимых с проводимой генеральной политикой Советской власти, направленной на интеграцию народов на основе социальной солидарности. Поступали даже предложения о полном выселении русско-украинского крестьянства с территории КАССР, закрытия территории автономии для переселения [Дахшлейгер, 1977, с. 55]. При распределении земель в ходе аграрных преобразований в Семиречье из 857 тыс. десятин земли в пользование смежных аулов и кочевых районов поступило 307 тыс. десятин земли (35,9 %). Для общего обустройства казахского и киргизского населения было выделено 305 тыс. десятин, безземельному и малоземельному коренному населению передавалось 138 тыс. десятин, для устройства скотоводческих хозяйств – 71 тыс. десятин, для обустройства русского населения, затронутого землеустройством – 19,7 тыс. десятин, на коллективные хозяйства - 3,4 тыс. десятин земли [Ивашкин, 1962, с. 14].

Широкомасштабная кампания по перераспределению земельного фонда была приостановлена из-за ужасающего голода, поразившего миллионы русских и казахских жителей края. В докладе уполномоченного органа помощи голодающим при ВЦИК отражена страшная картина голода: «русское население питается березкой и другими травами, запасы которых иссякают... Смертность среди киргизского населения на почве голода приняла чрезвычайный характер – киргизы подвозят к станциям железных дорог своих погибающих стариков – отцов и матерей и там бросают» [ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 11. Д. 30. Л.373; Там же.

Д. 34. Л. 32]. В Оренбургской губернии голодало 437 тыс. человек, в Актюбинской – 374 тыс., в Кустанайской – 409 тыс., Уральской – до 400 тыс. человек [Дети голодной Киргизии, 1922, с. 8]. Массовый голод в крае привел к резкому уменьшению численности населения края (почти на 1 млн. человек). Голод породил массовое бегство людей из голодающих районов страны. В 1920 г. на территории республики проживало 4781 тыс. человек, в 1922 г. – 3796 тыс. человек [Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по КАССР с 1880 по 1922 гг., 1925, с. 4-5]. Борьба с голодом вынудила свернуть чрезвычайные землеустроительные работы в крае из-за отсутствия необходимых материальных ресурсов. Сыграла свою роль подготовка Основного закона о трудовом землепользовании, утвержденного союзным ВЦИК 26 августа 1922 г.

Объективную оценку перераспределения земельного фонда дали Г.Ф. Дахшлейгер и К.И. Нурпеисов, полагающие, что главным достижением этих лет было достижение фактического равноправия казахского населения в вопросах землепользования: «Земельные реформы 1921-1922 гг. не разрешили и не ставили цель до конца разрешить аграрный вопрос в Казахстане. Они не изменили земельный строй ни в переселенческой деревне, ни тем более в казахском ауле. Но сам факт возвращения земель казахским трудящимся и уравнение на деле в земле и водопользовании трудящихся аула и деревни имело большое экономическое и политическое значение» [Дахшлейгер, Нурпеисов, 1985, с. 118]. По мнению Е.Б. Сыдыкова, в политике возвращения казахских земель и в запрете крестьянского переселения был мощный социально-психологический подтекст: «акт восстановления поправной справедливости, территориальная реституция, во многом нейтрализовала бы собой последствия колониальной политики царизма... и могла бы превратить казахов – кочевников из надежных подданных в искренних неопитов режима» [Сыдыков, 1998, с. 208].

Стремление добиться фактического равноправия народов в ходе земельно-водной реформы порождало обратное неравенство некоренного населения, вполне сравнимое с неравенством т.н. «плененных» народов при царизме. 14

октября 1921 г. ЦК РКП(б) подверг критике практику проведения земельно-водной реформы в Туркестанской автономии, где «землеустроивалась только беднота местных коренных национальностей» [Шаумян, 1965, с. 37]. Между земельной политикой царизма и земельно-водной реформой большевиков в Центральной Азии имелись принципиальные различия в методах проведения и конечных целях. Переселенческая политика царизма велась более трех десятилетий и в ее активной фазе способствовала разорению казахского аула. Целью переселенческой политики царизма было решение проблемы аграрного перенаселения в европейской части страны за счет демографической русификации окраин. Имперские власти игнорировали нужды и жалобы казахского населения на притеснения местной администрации и со стороны переселенцев. Землеустроительная кампания Советской власти, предполагавшая преференции для казахской бедноты, продлилась пять лет, с 1921 по 1926 годы. В отличие от аграрных реформ националистов-демократов второй половины XX века в странах освободившегося Востока земельно-водная реформа Советского государства не была направлена на уничтожение переселенческого хозяйства, изгнание «колониаторского» населения и этническую сегрегацию. Целью земельного перераспределения было стремление добиться ликвидации фактического и юридического неравенства, создание предпосылок для интеграции на основе классового солидаризма и межэтнического доверия. Без неотложных мер в земельном вопросе и уступок в сторону ранее притеснявшихся царизмом народов успехи новой власти были бы эфемерными. Победа большевиков в гражданской войне была бы неполной, если бы Советское руководство не предложило национальным окраинам коренной план преобразований, заключавшийся в ликвидации юридического и фактического неравенств через создание современных институтов государства, активную политику в землеустройстве и вовлечении местных национальностей в советское строительство. В начале 1920-х годов большевики только наметили и частично реализовали программу «борьбы за умы» народов Центральной Азии, столкнувшись с множеством проблем, связанных с появлением новых неравенств и новых конфликтов

3.2 Поиски доверия: основные направления национальной политики большевиков (1923-1928 гг.)

После национально-территориального размежевания 1924 г. сложился административный и политический формат казахстанской государственности, в рамках которого протекали последующие этнонациональные процессы. С 1922 по 1928 годы этнополитическое развитие республики определялось политикой коренизации и программой советизации казахского аула. Вокруг них шла ожесточенная полемика между сторонниками сталинского централизма и национал-коммунистами, находившимися под сильным влиянием бывших алашевских деятелей.

В исторической науке существуют различные трактовки национальной политики Советского государства в целом и политики коренизации в частности. В советской исторической науке и в исследовательских дискурсах в странах СНГ национальная политика и коренизация понимается через призму этнизации управленческого аппарата. Это происходило за счет создания национальных кадров и введения в официальное делопроизводство языка титульной нации [См.: Абоян, 1967; Агдарбеков, 1990; Климов, 1957; Кучкин, 1962; Сыдыков, 1998; Тишков, 1994; Шотбакова, 1995; Чистяков, 1965]. О.И. Чистяков считает, что значимость коренизации заключалась в необходимости привлечения в создаваемые органы государственного управления национальных регионов представителей местного населения, которое в большинстве своем либо вообще не знало русского языка, либо знало его очень плохо. Коренизация должна была решить задачу сближения национальных меньшинств с преимущественно русским «революционным классом»: «Коренизация государственного аппарата предполагала, с одной стороны, ведение делопроизводства во всех госорганах на национальных языках, а с другой — привлечение в органы власти, управления и суда представителей местного населения, знакомых с его традициями, бытом. В

условиях еще неизжитого недоверия к русским, унаследованного от царизма и старательно разжигаемого националистами, было необходимо, чтобы трудящиеся национальных районов видели своих представителей в органах управления автономных республик, областей, трудовых коммун» [Чистяков, 1965, с. 164].

В зарубежной историографии национальная политика Советского государства рассматривалась как комплекс вынужденных мер, призванных способствовать новому объединению страны и проведению новой имперской политики. Окончательной целью большевистской политики считалось уничтожение этнических наций и ассимиляция национальных меньшинств [См. например: Anderson, 1997, p. 25-27; Conquest, 1967; Olcott, 1995, p. 201-208; Карр, 1990, с. 299-300; Каррер д. Анкосс, 2010, с. 472-474; Пайпс, 1997, с. 181-184]. Для Р. Пайпса национально-государственное строительство и создание национальных республик выглядят как фикции, прикрывающие господство единственного истинного суверена – партии большевиков. Пайпс считает советский федерализм удобным средством при решении национального вопроса в имперском духе: «Как только завоеванные нерусскими территории вновь завоевывались и вводились в состав новой, советской империи, они получали фикцию государственности при условии, что их учреждения тоже начинали контролироваться («парализовываться», по словам Ленина) РКП(б)» [Пайпс, 1997, с. 181-184]. В западной советологии утвердилось мнение о несовпадении признания права наций на самоопределение в либеральной и марксистской парадигмах. Анализ сущности диалектического релятивизма в марксистском подходе в общих вопросах позволил утверждать, что национальный вопрос для большевиков заключался в решении вопроса о победе социалистической революции [Vaidyanath, 1967, p. 257].

Коренизация для исследователей представляется только инструментом завоевания доверия национальных меньшинств и зачастую сводится к нативизации или индигенизации управленческого аппарата (См.: Olcott, 1995, p. 206). Отождествив коренизацию с индигенизацией (нативизацией), можно говорить о создании большевиками основ современных этнократий. На наш

взгляд, подобные отождествления, как и сведение исторического прошлого страны к истории тоталитаризма, не учитывают особенностей исторической ситуации того времени. Коренизация была составной частью программы решения национального вопроса за счет подтягивания национальных республик к уровню развития передовых районов европейской части страны.

Объективистский подход в оценке национальной политики большевиков и практики нациестроительства присутствует в работах Р. Суни и Т. Мартин. Р. Суни обращает внимание на то, что создание Советского государства было идеологически задумано большевиками как временная мера в условиях «отступления» ожидаемой мировой революции. Советское государство было отрицанием прежних форм государств, представлявших интересы «эксплуататорских» классов. Советский Союз, в понимании большевистских вождей, был одновременно государством антиимпериалистическим, федерацией суверенных государств, добровольным объединением советских наций, прообразом будущей негосударственной организации общества и моделью неэксплуататорских отношений между нациями [Suny, 1997]. Р. Суни исходит из верности советского руководства идеологии равенства народов и полагает, что большевики, являясь сторонниками экономического детерминизма, действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни: «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации – С.К.), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях. Первые годы существования советской власти политика коренизации ставила цель дать образование на родных языках нерусскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители постепенно стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве» [Suny, 1993, p. 109]. В результате национальной политики большевиков усилились позиции национальных элит, созданных в ходе коренизации, произошло

конструирование этнонационального самосознания и укрепление прежде зыбких и «текучих» этнических границ между этническими нациями.

Т. Мартин называет Советский Союз первой и уникальной «империей положительной деятельности». Сущность национальной политики большевиков раскрывается Т. Мартином через анализ «империи положительной деятельности», созданной большевиками для предотвращения опасности со стороны национализма нерусских народов. Т. Мартин обращает внимание на тонкое и глубокое знание Лениным и Сталиным социальной психологии масс, и потому национальная политика большевиков делала упор на завоевание доверия населения. В результате национальные меньшинства должны были считать власть своей, а не навязанной русским империализмом: «Реализация этой политики должна была сделать советскую власть «родной», «близкой», «народной» и «понятной». Коренизация удовлетворяла позитивные психологические потребности национализма: «чтобы массы видели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний»» [Мартин, 2002, с. 70-71]. Т. Мартин, как и предшествующее поколение советологов, не отрицает наличие генеральной линии в национальной политике советских коммунистов, направленной на укрепление союзной государственности, но видит также и существование двух линий в ходе ее реализации – «жесткой» и «мягкой». Фундаментальные задачи, стоящие перед страной, требовали проведения «жесткой» линии, а «политика «мягкой» линии была направлена на завоевание доверия нерусских народов и обеспечение их солидарности с русским народом и русской культурной традицией. «Коренизация, - считает Т.Мартин, - была самой типичной политикой «мягкой» линии, ... на местах время от времени предпринимались усилия, чтобы повысить ее статус. Однако это не означало, что эта политика была лицемерной или чисто декоративной; нет, это всего лишь означало, что она имела лишь второстепенное значение и что ее следовало осуществлять лишь в той мере, в какой она не противоречила целям политики «жесткой» линии» [Мартин, 2011, с. 36-37].

Д. Хоскинг, исследовав национальную политику Советского государства, характеризует коренизацию как покровительственную программу действий по отношению к нерусским народам: «Советский Союз стал первой империей, построенной на принципиально новом отношении государственной власти к национальным меньшинствам. Политика коренизации, систематически проводившаяся в 1920-е годы и чуть менее последовательно осуществлявшаяся до самого завершения советского этапа истории России, не имела аналогов в мире того времени. Эта политическая практика предполагала, что каждая народность обладает правом развивать себя в культурном, экономическом, управленческом смысле» [Хоскинг, 2011].

В перестроечной и постсоветской историографии коренизацию зачастую отождествляют с практикой этнизации управленческого аппарата и наиболее престижных социальных «ниш» более позднего периода последних двух десятилетий существования Советского Союза. В.А. Тишков рассматривает коренизацию в контексте создания партийно-государственных нацкадров, обязанных проводить в жизнь коммунистическую доктрину, формирования «просвещенного класса», призванного воспитывать население в духе интернационализма, и внедрения в официальное делопроизводство языков «титულных» этнонаций [Тишков, 1994, с. 22]. Исходя из понимания коренизации как создания основ этнократической государственности С.В. Чешко раздвинул временные границы коренизации на весь советский период [Чешко, 2000, с. 213]. С.В. Чешко и М.Н. Губогло вводят понятия «посткоренизация» и «неокоренизация», через которые исследователи раскрывали националистическую практику республиканских элит, направленную на упрочение статусных позиций местных элит путем конституирования государственного статуса родного языка и внедрения этнических предпочтений в подборе кадров и в доступе к высшему образованию [См.: Губогло, 1998, с. 211, 338; Чешко, 2000, с. 216].

Можно согласиться с сибирскими исследователями, обратившими внимание на то, что «в большинстве исследований коренизация расценивается только как

важнейшая и самодостаточная часть национальной политики большевиков без учета тех идеологических целей и задач, которые ставил перед собой правящий режим. В результате суть этой политики зачастую сводится к созданию на местах управленческой прослойки, состоящей из представителей коренных этносов, наличие которой олицетворяет и демонстрирует национальный характер государственности» [Скрынникова и др., 2004, с. 41].

На наш взгляд, сведение коренизации только к кадровой политике и расширение временных рамок ее проведения на послевоенный период, привязка коренизации к этнократическим тенденциям в жизни национальных республик в 1960-1980-е годы несколько некорректно с позиций историзма. Коренизация, по нашему мнению, не выходила за рамки советской национальной политики 1920-1930-х годов, направленной на ликвидацию фактического и правового неравенства народов СССР. Сущность политики коренизации не сводима к практике этнизации партийно-государственного аппарата. В ходе коренизации предполагалось создание управленческого аппарата максимально приближенного к населению. Коренизированные должности могли занимать не только представители «титულных» наций, но и лица «европейских» национальностей, владевшие языком коренного населения. Тем самым, цели коренизации заключались не во «взрачивании» этнонационализма, а в преодолении отчуждения и завоевания доверия нерусского населения к советской власти и к русскому народу, достижении социального и культурного прогресса советских народов. Этой же цели служила коренизация производства, предполагавшая подготовку кадров индустриальных рабочих, и культурно-образовательная политика. В итоге это должно было способствовать обеспечению интеграции народов страны на основе интернационалистского солидаризма. Автору этих строк доводилось от казахов, современников тех событий, слышать такие слова: «Коммунизм - это очень плохо, это общее имущество и разрушенные семейные связи. Советская власть – это не коммунизм, так как она принесла благо для народа». Методы проведения коренизации действительно предполагали применение политики позитивной дискриминации, однако применение этой

практики имело временные ограничения, т.е. до создания «действительно советского аппарата».

Политические цели коренизации были определены на XII съезде партии в 1923 г., на котором широко обсуждались национальные проблемы. Поставленная на съезде задача фактического выравнивания уровней развития народов и устранение их хозяйственного, культурного и политического неравенства потребовала «создания дешевого и действительно нового, действительно социалистического аппарата» [КПСС в резолюциях и решениях..., 1983, с. 86].

В истории коренизации в зависимости от изменения политических установок можно условно выделить четыре этапа. Первый этап длился с 1923 по 1926 годы. Коренизация на первом этапе охватила управленческий аппарат и проводилась методом процентной коренизации. Изданные на первом этапе декреты о привлечении в управление представителей казахской национальности, введение казахского языка в официальное делопроизводство в волостях с преимущественно казахским населением и казахско-русского делопроизводства в волостях со смешанным управлением не были по многим причинам реализованы. В значительной мере это было связано с отсутствием достаточного количества квалифицированных специалистов. Вторым этапом начинается в мае 1926 г. переходом к практике функциональной коренизации аппарата управления. Третий этап длился с осени 1929 по начало 1933 гг. В это время краевое руководство во главе с Ф.И. Голощекиным отказалось от функциональной коренизации управления и обратилось к проблеме коренизации производства. По мнению А. Беннигсена, в этот период из-за поражения национал-коммунистов стало возможным свертывание прежней практики коренизации под предлогом необходимости индустриализации и привлечение на административные посты квалифицированных работников из числа русских [Bennigsen, Wimbush, 1979, p. 90]. Одновременно проводятся чистки партийно-государственного аппарата в рамках борьбы с «национал-уклонизмом». Четвертым этапом (весна 1933 по 1936 гг.) характеризуется попыткой нового краевого руководства во главе с

Л.И. Мирзояном завершить коренизацию партийно-государственного аппарата на основе процентной коренизации.

Отсчет коренизации начинается с принятия 22 ноября 1923 г. декрета КазЦИК о введении делопроизводства на казахском языке. Включение во временные рамки коренизации более раннего периода национально-государственного строительства и ликвидации остатков колониального наследия в 1920-1922 гг. представляется некорректным [См.: Котов, 1951]. Согласно намеченному графику, с января по июль 1924 г. все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля над проведением коренизации был создан специальный орган – Комиссия при КазЦИК по коренизации. С конца 1923 г. начали деятельность губернские и уездные подразделения республиканской Комиссии по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для привлечения казахов в государственное управление, модернизации социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе главной задачей ставилась коренизация управленческого аппарата. В директивном письме краевое руководство особо отмечало цели и политическую значимость успеха коренизации, которая «является единственно мыслимым мероприятием, способным действительно вовлечь трудящиеся массы КАССР в советское строительство. Коренизация аппарата преследует следующие цели: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь казахов в советское строительство; в) поднять активность и самостоятельность казахских масс; г) создать почву для экономического и политического развития ранее угнетенных национальностей; д) устранить посредников между аппаратом и населением» [Сборник важнейших решений Казакского краевого комитета ВКП(б), 1927, с. 111].

На первом этапе краевое руководство столкнулось с отсутствием в республике значительной прослойки европейски образованных и идеологически

устойчивых кадров, с массовой неграмотностью казахского населения. На территории автономии в 1923 г. грамотность по национальностям в региональном разрезе представляла следующую картину: Оренбургская губерния: евреи – 72,5 %, поляки - 59,8 %, русские – 26, 5 %, татары - 4,4 % и казахи - 9,9 %; Уральская губерния: русские - 30,3 %, немцы - 27,2 %, татары - 22,3 % и казахи - 1,7 %; Актюбинская губерния: евреи – 43 %, татары - 34 %, русские – 30,1% и казахи – 1,8 %; Кустанайская: евреи – 55,5%; татары – 34 %, русские – 27 % и казахи - 4,9 %; Акмолинская губерния: немцы – 34,4 %, татары - 30,9 %, русские – 24,4 % и казахи - 2,3 %. Подготовка нацкадров для управленческого аппарата была затруднительной, так как в 1923 году только 9 % казахских детей было охвачено школьным обучением [Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики, 1923, с. 99-101].

Краевое руководство учитывало невозможность быстрого осуществления коренизации и необходимость привлечения к сотрудничеству казахский образованный слой. На II съезде Советов КАССР председатель республиканского ЦИК С. Мендешев призвал провести мобилизацию всех грамотных казахов, включая бывших деятелей алашевского движения [Стенографический отчет II съезда Советов КАССР, 1924, с. 40]. Один из наиболее ярких представителей национал-коммунистов, нарком просвещения и член краевого Бюро РКП(б) С. Садвокасов в 1922 г. считал необходимым укрепление союза алашевцев и казахских партийцев: «Мы должны пригласить на работу алаш-ординцев. Без их помощи мы окажемся сиротами в национальной политике... Чтобы усилить свое господство русские стараются разъединить нас и алаш-ординцев. Они хотят изобразить алаш-ординцев какими-то вредными людьми» [Осипов, 1991, с. 150]. С. Садвокасов с пиететом относился к двум наиболее ярким вождям алашевского движения – А. Байтурсынову и А. Букейханову. С. Садвокасов называл А. Байтурсынова «отцом казахского народа». В 1923 г. он писал: «Охранять в чистоте и порядке построенное Ахметом здание - наша обязанность. Дать правильный рост засеянному Ахметом – наш долг» [Жойгельдиев, 2009, с. 334-335]. Столь же высоко ценил вождей Алаш-Орды С. Сейфуллин, который в своей

статье «Да здравствует свободный союз свободных народов» от 15 апреля 1920 г. дал такую оценку А. Байтурсынову: «Каждый киргиз (казах – С.К.) слышал имя вождя своего народа, крупного киргизского общественного деятеля и литератора. Все политическое движение в развитии общественной мысли киргизского за последние десятилетия тесно связано с именем Байтурсынова... Открытое вступление Байтурсынова в страшную когда-то для киргизских националистов большевистскую партию – лучший показатель крупного перелома во всем националистическом движении киргизов, убедившихся, что спасение веками поработанного и угнетенного народа не в национализме, а в полном слиянии с борющимся под знаменем коммунистической партии пролетариатом» [Цит. по: Абсеметов, 2006, с. 33-34].

Национал-коммунисты в ходе проведения коренизации и землеустроительной политики пытались реализовать идеи алашевцев. Их противники из числа «европейской» части аппарата и интернационалистски настроенных казахских партийцев при поддержке местных органов ОГПУ вели борьбу против влияния алашевцев и пытались их систематически компрометировать. Секретарь Киробкома ВКП(б) Коростелев 11 ноября 1922 г. требовал ареста Букейханова, указывая на его «разлагающее влияние на киргизскую молодежь» и обвиняя в намерениях бежать в Монголию [Акулуллы, 2009]. Первый казахский нарком внутренних дел Казахстана А. Айтиев присоединился к травле национально ориентированной части казахского «просвещенного класса», назвав С. Сейфуллина за выступление на юбилейном торжестве в честь Байтурсынова националистом, не способным и не желающим активно бороться против алашордынцев [Какенова, 2010].

В отношении А. Байтурсынова, введенного в состав Кирревкома, велась систематическая травля. На праздновании юбилея А. Байтурсынова 28 января 1923 г., организованного С. Садвокасовым и Н. Нурмаковым, будущий классик казахской литературы Сабит Муканов организовал группу «батрацкой» молодежи, закидавшей одного из духовных учителей казахского народа гнилыми фруктами, о чем писатель позже поведал в автобиографическом романе «Школа

жизни». С. Муканов вспоминал: «...после Февральской революции казахские националисты создали партию Алаш-орда, вступившую в союз с русской контрреволюцией против советской власти, против диктатуры пролетариата. Ахмет Байтурсунов стал одним из вождей этой партии буржуазных националистов... Пал Колчак, пала и Алаш-орда. Ахмет Байтурсунов, как и многие другие вожаки алаш, понял, что их дело проиграно. Он поехал в Москву, добился приема у В.И. Ленина... Говорят, что во время встречи с Лениным Байтурсунов пообещал не только не выступать против советской власти, но и служить ей верой и правдой. Этим только и можно объяснить, что в 1920 году он был принят в Коммунистическую партию, а после создания казахской автономии назначен комиссаром по народному образованию. Ахмет Байтурсунов не сдержал своего обещания. Как только он стал советским работником, так и начал выступать против советской власти. И словами, и делами своими» [Муканов, 1965, с. 448-449]. Сам А. Байтурсунов пытался определить свое отношение к Советской власти и большевистской социальной парадигме, отдавая должное попыткам ликвидации фактического неравенства. В 1923 г. он с горечью писал о безразличии казахского населения к призыву Советского государства вести своих детей в открываемые за бюджетные деньги школы, в то время как в дореволюционной России царская администрация и муллы взваливали тяжесть расходов на плечи простых казахов [Байтурсунов, 1991, б. 322].

Несмотря на прессинг в отношении националистов и сочувствующих им национал-коммунистов, Советское государство шло навстречу чаяниям казахского «просвещенного класса» и простого народа, осуществляя привлечение казахов в государственное управление. На первом этапе коренизация аппарата шла методом процентной нормы, предполагавшей проведение практики позитивной дискриминации русского населения. Политика позитивной дискриминации или «положительной деятельности» (Т. Мартин) была изобретением большевиков, а не индийских националистов в середине XX века. В каждом учреждении устанавливался обязательный процент штата казахских

работников. Номенклатура должностей подлежащих коренизации не оговаривалась.

Подготовка кадров велась в профессиональных учебных заведениях. В 1925 г. в республике насчитывалось 42 средних учебных заведения, в которых обучалось 1790 казахов. С 1920 г. в Оренбурге, а затем в Кзыл-Орде работал Казахский институт народного образования (КИНО), обеспечивший возможность подготовки кадров казахской советской интеллигенции. Преподавание велось на казахском языке казахскими педагогами. Аналогичное учреждение было создано в Семипалатинске [Культурное строительство в Казахстане..., 1965, с. 263-264]. Благодаря принимаемым усилиям к середине 1920-х годов в 15 раз выросло число работников умственного труда среди казахов [Шотбакова, 1995, с. 18]. Ускоренными темпами рекрутировались казахи в ряды республиканской партийной организации. В 1922 г. численность казахских коммунистов составляла 1481 человек (8,9 % от общей численности партийцев), с 1924 по 1 января 1926 гг. численность казахских коммунистов выросла в семь раз, с 1539 до 11634 человек. Большая часть новых коммунистов была малообразованной. На 1 января 1926 г. из 11634 казахов - членов партии 4432 были азбучно неграмотны (38%), из 6225 партийцев из числа национальных меньшинств азбучно неграмотны были 1471 человек (23 %). Из 15399 русских коммунистов неграмотны были только 631 человек (4 %) [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 3. Л. 13-14; Кучкин, 1962, с. 109].

Юридический «пробел» позволял многим руководителям обходить грозные директивы «сверху». Работникам европейских национальностей не вменялось в обязанность знание казахского языка. Политика позитивной дискриминации вызывала недоумение и сопротивление не только «европейских» ответработников, но и широких слоев русского населения, переносивших неприязнь и обиды на титульное население. Письма русских из «восточных» республик отражают возмущение и ненависть к «националам» [Мартин, 2001, с. 194-196]. На местах имело место игнорирование требований республиканского руководства. В Семипалатинске местный районный руководитель открыто

объявил: «У нас русский район, поэтому на решения Казакской конференции не заостряли внимание» [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 17. Л. 30].

Коренизация проходила первоначально успешно лишь на уровне республиканского аппарата. В местном аппарата казахам предоставлялись преимущественно должности низших служащих – сторожей, кучеров и курсоров. Увольняемые с коренизированных должностей «европейцы» с трудом находили новую работу и владели нищенское существование. Процентная коренизация вызывала пассивное сопротивление русской части аппарата. Вторая сессия КазЦИК потребовала 100 %-ой коренизации штатов в районах проживания казахского населения и 50%-ой коренизации в районах со смешанным населением [Социалистическое строительство в восстановительный период..., 1962, с. 195].

К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. На начало 1926 г. среди руководителей различного уровня республиканских организаций казахи составляли 40,2 %, губернских – 22,6 % и уездных – 48,7 %. Среди служащих, имеющих высокий уровень образования и квалификации (инструкторов и инженеров), казахов было значительно меньше: в краевых организациях – 16,4 и 5,4 % соответственно; губернских – 16,2 и 4,4 %. Значительно выше был удельный вес казахов среди служащих, имеющих низкий уровень квалификации – сторожей, уборщиц и кучеров. В краевых органах власти они занимали 25,8 % штата служащих, в губернских -11,8 % и уездных – 35,7%. Желаемого уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 г. в Президиуме КазЦИК работало 12 казахов, 2 русских, 1 каракалпак и 1 узбек. В республиканском Совете Народных Комиссаров на руководящих постах находились 11 казахов и 5 представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным – 8 из 16 человек руководителями были русские по национальности [Вторая сессия КирЦИК 4-го созыва, 1924, с. 5]. На 1 января 1925 г. по данным КазЦИК наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28 %), социального обеспечения (27,7%), Наркомате РКИ (20%) и

Наркомате юстиции (17,5 %). Меньше всего были коренизированы Народный Комиссариат труда (7 %), Наркомат внутренних дел (6 %), Казцентрсовнархоз (6%), Наркомат здравоохранения (4%), Казвоенкомат (4 %), Уполнаркомвнутрирторг (2,5 %), Казстатуправление (1,5 %) и Наркомат финансов (0 %) [Бурдина, 2012, с. 131; Вехи консолидации, 1990, с. 91].

В Акмолинской губернии к 1925 г. укомплектованность нацкадрами составляла по уездам: Акмолинский уезд – 25 %, большинство введенных в штат казахских сотрудников пополнили милицию; Атбасарский уезд - 25 %, также большинство пришлось на милицию и народное образование. Аналогичная ситуация с реализацией коренизации была в Петропавловске и Кокчетаве, где расширение штата казахских работников происходило за счет милиции и народного образования [Отчет о деятельности Акмолинского губернского исполнительного комитета..., 1925, с. 19-20; Бурдина, 2011, с. 77].

Преобладание в высшем руководстве края позволило национал-коммунистам смелее проводить политику этнических предпочтений при землеустройстве населения. В первую очередь, национал-коммунисты постарались блокировать дальнейшее аграрное переселение русского населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения и снижения доли титульного этноса. С конца 1923 г. землеустройство стало проводиться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто и недвусмысленно заявлено краевым руководством [В братском единстве народов, 1972, с. 255].

В феврале 1925 г. Второй Пленум Казкрайкома принял резолюцию, согласно которой землеустройство казахского населения должно было происходить не только за счет занимаемых ими земель, но и за счет «земли освобожденной в результате добровольного переселения переселенческих участков, и участков земли, захваченных самовольно» [Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), 1927, с. 111]. 19 апреля 1925 г. решением V Всеказахского съезда Советов было запрещено самовольное переселение в Казахстан. Все прибывшие после 31 августа 1922 г. переселенцы исключались из

порядка землеустройства. V Всеказахская партийная конференция одобрила февральскую резолюцию краевого руководства. Решениями высшего советского органа республики была установлена следующая очередность землеустройства: после первоочередного наделения землей казахов земельные наделы могли получить переселенцы, прибывшие в край до 1918 г.; вторая очередь состояла из самовольных переселенцев, прибывших до 31 августа 1922 г.; в последнюю очередь на земельный надел могли рассчитывать самовольные переселенцы, прибывшие между 31 августа 1922 г. и 7 августа 1924 г. [V Всеказахская конференция ВКП(б), 1925, с. 311]. Нарком земледелия Джандосов твердо объявил о первоочередности удовлетворения сельскохозяйственных запросов казахского населения [V Всеказахская конференция ВКП(б), 1925, с. 3].

В.Г. Чеботарева интерпретирует нормативные нормы как законы, направленные на изгнание русских из республики [Чеботарева В.Г., 2008, с. 512]. На самом деле речь шла о закрытии республики от переселения из-за опасений по поводу возможности изменения этнодемографического состава населения в результате наплыва русских крестьян и с целью обеспечения первоочередного землеустройства казахского населения. Национал-коммунисты указывали на избыточное давление крестьян из Сибири. Осторожный Т. Рыскулов на II Пленуме Казкрайкома ВКП(б) (30 апреля – 3 мая 1926 г.) высказался против ошибочного курса в землеустройстве: «Нельзя выселять все русское население из Казахстана, также как нельзя вычеркнуть все казахское; они исторически жили вместе и будут жить в соседстве и вместе перейдут в социалистическое общество» [Цит. по: Дахшлейгер, 1977, с. 56]. Рыскулов предложил вместо двух национальных фронтов противопоставить казахскую и русскую бедноту против казахских баев и русских кулаков. Это предложение было использовано впоследствии представителями Союзного Центра для отмены этнических преференций по землеустройству.

Землеустроительная политика краевого руководства резко усложнила межэтнические отношения и привела к многочисленным конфликтам. В 1925 г. произошли сотни конфликтов из-за земли между казахским и русским

населением, участились случаи самовольных потрав посевов и насильственных сносов крестьян с земли. Казахское население зачастую использовало против русских крестьян те же приемы, какие использовались переселенцами против кочевых общин в дореволюционный период. Кустанайский губком сообщал о разорении русского поселка Лопушки казахами, взимающими с крестьян высокую плату за пользование новым мостом на реке Убаган [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 178. Л. 112].

Активно было распространено скотокрадство, на что русские крестьяне отвечали вооруженными обысками в соседних аулах. Скотокрадство было бичом для русских и казахских трудящихся. В Атбасарском уезде, сообщалось местными органами власти в республиканское руководство, сформировалось мнение о неподсудности вооруженных налетчиков: «К нашим казахстанским органам, как у русского, так и у казахского населения существует полное недоверие, т.к. ни один скотокрад не был наказан по суду. Крестьяне поголовно за самосуд, казахи обращаются в суд аксакалов» [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 92. Л. 207]. Лишь после поступления информации в Крайком ВКП(б) лидеры вооруженных банд - скотокрадов в уезде, рецидивисты С. Омаров и М. Исанов, были арестованы.

По мнению московских чиновников-статистиков практика землеустройства в большинстве областей приобрела характер похода против европейского населения. Статистики докладывали о резком сокращении (на 14 %) всех хозяйств по территории республики. Больше всего выбыло хозяйств в Кустанайской (26,2 %) и Джетысуйской (22,3 %) губерниях. Статистики полагали, что русское и украинское население края сократилось в результате земельной политики местного руководства на 700 тыс. человек [Вошинин, 1929, с.11-12]. Вероятно, статистиками были включены цифры по оттоку русско-украинского населения в период 1920-1922 г., когда русское население края сократилось на 500 тыс. человек [Мартин, 2011, с. 88-89]. Казахские коммунисты на съезде «Кошчи» Джетысуйской области 26 июня 1923 г. отрицали «выдавливание» русских крестьян, объясняя их выезд, тем, что «земельная политика соввласти в Джетысу урезала и решительно ограничила возможность захватнической и хищнической

эксплуатации земли со стороны кого бы то ни было, и особенно со стороны переселенческого крестьянства, которое привыкло строить свое хозяйственное благополучие именно на этом способе хозяйствования» [Джандосов, 1999, с. 197].

На наш взгляд, указанные потери русского населения вследствие миграции московскими статистиками были завышены в политических целях, так как не учитывали общие потери населения Казахстана в результате голода 1920-1921 гг., повлекшего сокращение численности населения почти на 1 млн. человек. Сравнение количества крестьянских хозяйств по Акмолинской и Кустанайской губерниям/областям с 1920 по 1927 гг. показывает общее сокращение численности русских и казахских хозяйств между 1920 и 1925 гг., и последующее их увеличение между 1925 и 1927 гг. В 1920 г. в Кустанайской и Акмолинской губерниях насчитывалось 46100 и 118120 переселенческих и 32970 и 86930 казахских хозяйств. В 1925 г. заметно снижение общего количества хозяйств: в Кустанайской и Акмолинской губерниях число переселенческих хозяйств сократилось соответственно до 41221 (-11 %) и 116452 (- 1,2 %); казахских хозяйств до 24421 (- 47,8 %) и 74984 (- 16,8 %) соответственно. Очевидно, что тяготы гражданской войны и голода начала 1920-х гг. сильнее ударили по казахскому аулу. В 1926-1927 гг., т.е. в разгар т.н. «националистической практики землеустройства», возросла численность переселенческих хозяйств в Кустанайской и Акмолинской губерниях. В этих губерниях произошло восстановление и последующий прирост переселенческих хозяйств. В 1926 и в 1927 гг. численность переселенческих хозяйств в Кустанайской губернии составляла 42652 (-2,2 % по сравнению с 1920 г.) и 47717 дворов (+ 13,7 % по сравнению с 1920 г.) соответственно. В Акмолинской области прирост переселенческих домохозяйств был еще более заметным: в 1926 насчитывалось 123084 хозяйства (+14,2 % в сравнении с 1920 г), в 1927 г. – 128512 хозяйств (+17,9 % в сравнении с 1920 г) [Таскужина, 1979, с. 49].

Число казахских хозяйств восстанавливалось медленнее: в 1926 и в 1927 гг. численность хозяйств казахов в Кустанайской губернии составляла 28421 (- 14 % по сравнению с 1920 г.) и 47717 (-2,5 % в сравнении с 1920 г.). В Акмолинской

области в 1926 г. также еще не восстановилась численность хозяйств казахов – 81690 (- 6,3 % по сравнению с 1920 г.) [Таскужина, 1979, с. 49]. Казахское хозяйство оказалось менее устойчивым и менее приспособленным к ситуации «социального стресса», вызванного войной и сильнейшего давления государства. Переселенческая деревня выживала в экстремальных условиях благодаря умелому сочетанию зерноводства, скотоводства, промыслов и огородничества. В случае одновременного неурожая и падежа скота переселенцы могли прокормить семьи благодаря огородничеству, разведению птицы, пчеловодству. Казахский аул был целиком зависим от скотоводства и скромных посевов зерновых.

В результате проведения этнически ориентированной политики в сфере землеустройства и формирования местных органов власти в республике складывается взрывоопасная ситуация, аналогичная той, которая привела к Великому восстанию 1916 г., с той разницей, что протестный потенциал теперь формировался русским населением края. Партийные органы по привычке рассматривали конфликтные отношения как проявления классовых противоречий, приписывая провоцирующую роль русским кулакам и казахским баям. Апрельский 1925 г. республиканский партийный пленум в Казахстане констатировал обострение межнациональных отношений на почве национального неравенства и активную роль байства, выступающего «в качестве идеологов за национальное освобождение» [Казакский орган ВКП(б), 1931, с. 140].

Недовольное неказахское население мигрировало в соседние районы РСФСР или обращалось к союзным властям с просьбой о создании автономии с прямым подчинением Москве. Русский крестьянин писал М.И. Калинин: «У нас в Казахстане у власти сидят одни казахи... землеустройство проводят среди казахов» [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 178. Л. 106]. В свою очередь, радикально настроенная часть казахов требовала выселения русских крестьян и казаков в Сибирь [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 83. Л.130-133]. Сводки партийных органов и ОГПУ сообщают о многочисленных стычках казахского и русского населения. Казахи занимались часто потравами посевов, кражей скота, захватами земли. Русские остро ощущали потерю прежнего привилегированного положения и

засыпали центральные органы жалобами на казахов и республиканское руководство. Ненавистью к казахам были проникнуты даже местные коммунисты. Русские коммунисты Урицкого района Кустанайской губернии на партконференции угрожали: «при случае войны всех казахов вырежем» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 190. Л. 12]. Руководитель ОГПУ по Средней Азии рассматривал вероятность широкомасштабного русского восстания в Казахстане, аналогичного восстанию казахского населения в 1916 г. [Мартин, 2011, с. 90]. Выход из тупика виделся в создании однородных национальных советов для русских крестьян и казаков. Комиссия ВЦИК под председательством Серафимова предложила проект создания в республике четырех русских округов с общей численностью 289 тыс. человек, объединенных в автономную Калининскую область, с непосредственным подчинением ВЦИК и Наркомату земледелия РСФСР [Мартин, 2011, с. 90].

Возможность этнической сегрегации тревожила казахских руководителей, увидевших в проекте угрозу русского сепаратизма. Казахские коммунисты опасались, что возобновление крестьянского переселения кардинально изменит этнический состав населения и создаст предпосылки для новых территориальных изъятий, как это имело место с выводом из республики Оренбургской губернии в 1925 г., последующими передачами соседним российским областям Илекского уезда Актюбинской губернии и Черлакского уезда Акмолинской губернии. По поводу передачи Оренбургской губернии Председатель СНК КАССР Н. Нурмаков выразил недоумение постановкой самого вопроса о преобладании русского населения, заявив, что это не довод, так как «... во всех землях Казахстана половина населения - русские. У нас несколько уездов, в них 60 процентов русские. Какая целесообразность отделения их от Казахстана и присоединения к губерниям РСФСР? Мы должны выразить свое принципиальное несогласие с этим, не можем с этим согласиться» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 27]. Нурмаков также осудил планы выделения из республики отдельных территориальных единиц русского населения и передачу их в состав РСФСР, заявив, что это будет означать угрозу существования самой национальной государственности: «Мы не

должны этого допустить ни при каких условиях, потому что, повторю, попустительство дальнейшему отделению может стать причиной распада, ликвидации Казахской республики и всех наших достижений» [Мартин, 2011, с. 94].

Член Президиума ВЦИК С.Д. Асфендиаров в письме к Сталину указывал на активность «пришлых элементов», недовольных дискриминационной практикой землеустройства и имевших своих «доброжелателей» в ВЦИК. Они подавали жалобы в Москву, писал Асфендиаров, используемые в борьбе против казахских коммунистов. Благодаря многочисленным жалобам семиреченским казакам удалось отменить землеустройство в Алма-Ате и создать русско-казачью административную единицу [Абсеметова, 2007, с. 64]. Казахские коммунисты обвинили Серафимова в разжигании сепаратистских настроений и фабрикации фальшивых обращений к Калинин. В апреле 1926 г., когда обвинения в адрес Серафимова подтвердились, комиссия была ликвидирована [Мартин, 2011, с. 95].

Несмотря на возражения национал – коммунистов, был проведен проект создания моноэтнических национальных советов. По республике в августе 1926 г. функционировало 3319 советов, из них 1929 казахские (57,8%), русских советов было 1351 (40,7 %) [Кенжебаева, 1969, с. 187; Кусанова Ш.А., 1976, с. 67]. Всего по Казахстану в 1926 - 1927 гг. дополнительно было выделено 133 моноэтнических казахских совета, русско-казачьих – 112, русских - 64, немецких – 22, украинских – 17, уйгурских (таранчинских) - 12, молдавских -1 [Ряднин, 1928, с. 54]. В 1928 г., после административной реформы ликвидировавшей пятизвенное деление на центр, губернии, уезды, волости и аул, было введено более простое деление на центр, округа, районы и аул. В республике насчитывалось 2175 казахских аулсоветов, 1207 русских и украинских сельсоветов, 114 казачьих советов, 31 узбекский, 45 уйгурских, 5 таджикских и 4 дунганских кишлачных советов [Турсунбаев, 1950, с. 51].

Национально-однородные советы русского населения начали создаваться лишь с началом осени 1927 г., когда Голощекину удалось расколоть казахских национал - коммунистов. С сентября 1927 г. в Петропавловском уезде казачьи

станции бывшего Сибирского войска были объединены в Ворошиловскую волость с центром в Петропавловске. Пять казачьих станиц Володарской и Акан-Бурлукской волостей были объединены в Акан-Бурлукскую казачью волость. Отдельные советы были созданы в станицах Щучинская, Кутыркульская, Зерендинская, Аиртавская, Пресновская и Черлакская. Партийное руководство рекомендовало усилить среди сибирских казаков работу и противопоставить молодежь и стариков. Казачью молодежь пытались привлечь к работе в комсомольских организациях [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 90. Л. 96]. Три волости (Степановская, Черлакская, Добровольская) и часть Бостандыкской волости были переданы Омскому округу. При новом размежевании казахское население переезжало из Омского округа в КАССР. Если учесть, что только в Черлакской волости из 11656 жителей проживало 6204 казаха (54 % от всего населения), то поток мигрантов был значительным [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 94. Л. 144-147].

Обострение межэтнических конфликтов не входило в планы союзного руководства, после отхода от власти Ленина усилившего давление на национал-коммунистов. Первый кризис политики интернационализма середины 1920-х гг. вынудил союзное руководство во главе со Сталиным перейти к этнически нейтральной политике в национальных республиках, сделав упор на классовые приоритеты и борьбу с влиянием «чуждых элементов» в лице баев и дореволюционной казахской интеллигенции. Вынужденность корректировки национальной политики мы должны учитывать при изучении последующего исторического развития Казахстана.

Усиление централизаторских тенденций обычно связывают с личностью Сталина, не скрывавшего после разгрома в 1923 г. «султан-галеевщины» подозрительного отношения к националистическим проектам местных коммунистических элит. С середины 1920-х годов Союзный Центр постепенно лишает местные центры власти относительной свободы в контроле над республиками. Менялись подходы в отношении учета интересов русских в национальных республиках. Р. Суни придерживается мнения о формировании в СССР вместо фактического и правового равенств новых типов иерархии:

«первый – имперские отношения между советским центром и нерусскими народами, в которых постепенно национально-территориальные образования становились более зависимыми от диктата и потребностей союзного центра; и второй, который Джереми Смит назвал «национальной иерархизацией», согласно которой, например, титульные национальности в республиках считались выше, чем другие внутри республики, в то время как русские зачастую занимали особо привилегированное положение независимо от того, где они проживали» [Suny, 1997]. П.Н. Милюков в эмиграции уловил новые ориентиры в национальной политике большевиков и указывал на усиление традиционно централистских начал: «Делая формальную уступку националам, Советская власть преследовала прежние цели – еще большей централизации» [Милюков, 1935, с. 189]. Попытка сменить направленность национальной политики вела к столкновению с национал-коммунистами и поддерживающей их антисталинской оппозицией в Москве.

В Казахстане «смена вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф.И. Голощекина. В сентябре 1925 г. Ф.И. Голощекин, прозванный Троцким за грубость и беспринципность по отношению к местным кадрам «сталинским наместником», возглавил партийную организацию республики. Направление Голощекина в Казахстан было результатом острой группировочной борьбы между казахскими коммунистами. По сведениям партийных органов после национально-территориального размежевания 1924 года в партийно-государственном руководстве края существовали противоборствующие западная и восточная группировки. Первую группировку возглавлял председатель республиканского ЦИК С. Мендешев, восточную - председатель СНК КАССР С. Сейфуллин. Мендешев, будучи слабым организатором, пытался опереться на «европейскую» часть партаппарата, преподнося себя в качестве истинного интернационалиста. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 234. Л.21]. Восточная, точнее северо-восточная фракция, объединявшая выходцев из северных и восточных областей, больше затронутых русским культурным влиянием, находилась в тесной связи с алашевской интеллигенцией и выступала за сохранение особенностей

традиционного хозяйственно-культурного уклада жизни казахов и была против разжигания классовой войны в казахском ауле. В письме У. Джандосова Ж. Султанбекову приводится мнение С. Садвокасова, о том, что казахский коммунист не может быть вне групповой борьбы. Садвокасов выделил три казахские партийные группировки: первая во главе с С. Ходжановым была охарактеризована как «проалашевская», т.е. находящаяся под влиянием буржуазных националистов; вторая во главе с С. Мендешевым названа «проколонизаторской»; третья во главе с Садвокасовым признавалась «представителем истинно-партийной платформы» [Джандосов, 1999, с. 260].

Органы ГПУ постоянно сигнализировали о групповых конфликтах внутри казахской политической элиты. В феврале 1923 г. в докладе краевого управления ГПУ в Восточный отдел ГПУ фиксировалось наличие трех казахских группировок. Наиболее враждебной Советской власти была объявлена группировка бывших алаш-ордынцев, возглавляемая А. Букейхановым и Р. Марсековым. Влияние этой группировки было сильно в Семипалатинской и части уездов Акмолинской областей, где они пытались консолидировать интеллигенцию и традиционно влиятельные группы казахских кочевников для проведения в аппарат волисполкомов и уисполкомов «своих людей или сочувствующим им, в большинстве из зажиочных баев» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 37]. А. Букейханов и его соратники призывали к объединению казахских работников госаппарата без различий в партийной принадлежности, приводя в пример туркестанских ответработников. Букейхановская группировка представляла наибольшую опасность, так как, последовательно отвергая интернационализм, апеллировала к этнонациональным чувствам казахов. В успехе их деятельности по «пробуждению» казахского этноса не были заинтересованы союзные и краевые власти. Для другой группировки во главе с Кенжиным и Мурзагалиевым, главной целью «является борьба с русским колониаторством, которым, якобы, заражено большинство русских ответработников. Они всюду при всяком удобном случае стараются обвинить русских в колониаторстве: особенно используется в этих целях

провинциальная киргизская печать, на страницах которой они широко освещают все проступки русских, объясняя почти все явления колонизаторством и нередко делая подобные выпады в сторону губисполкома и губкома РКП(б)» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 38]. В группировку входили как бывшие алашевцы (А. Байтурсынов), так и молодые коммунисты (С. Садвокасов). Лишь третья группировка возглавляемая С. Мендешевым, А. Джангильдиным, С. Сейфулиным и «состоящая из коммунистов-туземцев левейшего толка и поддерживаемая в борьбе за гегемонию в Киргизии парторганизациями и отдельными ответработниками из русских», была охарактеризована как группа соглашателей-карьеристов, использующая мощь ГПУ и других репрессивных органов для борьбы с «правой» национальной оппозицией [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 39-40].

В мае 1924 года конфликты между группировками обострились. Видные представители казахских коммунистов потребовали отставки С. Мендешева и русских руководителей края. Союзное руководство отозвало из республики Г.А. Коростелева и направило в сентябре 1924 г. старого большевика В.И. Нанейшвили, имевшего опыт работы в национальном регионе. Новый краевой руководитель столкнулся после включения в состав Казахстана южных областей, входивших ранее в Туркестанскую АССР, с появлением «туркестанской» группировки во главе с С. Ходжановым, считавшим необходимым консолидацию республики вокруг южного региона. Нанейшвили нелестно отзывался о Ходжанове, назвав его настоящим «национал-уклонистом». В.И. Нанейшвили писал в Москву: ««Взаимоотношения этих двух группировок [западной и восточной] осложняются появлением тов. Ходжанова. Он среди киргизов, пожалуй, один из самых способных, но зато самый беззастенчивый, самый циничный, он не побрезгует никакими средствами для своих целей... У него ярче всего выражен национальный уклон, он считает, что Сырдарьинская и Джетысуйская области есть ядро Киргизии, вокруг этих областей и должна оформляться, по его мнению, Кирреспублика» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 24. Лл. 22-23].

Нейтральная позиция Нанейшвили не устраивала ни Ходжанова, ни Мендешева, отправлявших попеременно жалобы в Москву. Сталин также опасался роста влияния бывших алашевцев на умы казахских партийцев и на казахское население, о чем свидетельствует его письмо, направленное краевому руководству в мае 1926 г. Сталин прямо указал на необходимость отсечения дореволюционной интеллигенции от воспитания казахской молодежи: «Я против того, чтобы беспартийные интеллигенты занимались политическим и идеологическим воспитанием киргизской молодежи. Не для того, мы брали власть, чтобы политическое и идеологическое воспитание молодежи предоставить буржуазным интеллигентам. Этот фронт должен быть оставлен целиком и без остатка за коммунистами. Иначе победа Чокаевых может стать в Киргизии (Казахстан – С.К.) делом неизбежным. А это равняется идеологическому и политическому краху коммунизма в Киргизии. Очень бы просил Вас сообщить Ваше мнение по этому вопросу» [Цит. по: Жангуттин, 2014, с. 169]. Ответ краевого руководства не устроил Сталина, поэтому в сентябре 1925 г. В.И. Нанейшвили был отозван в Москву и в республику направлен Ф.И. Голощекин.

Сам Ф.И. Голощекин придавал своему назначению судьбоносное решение. Он неоднократно заявлял, что историю Советского Казахстана можно разделить на два этапа – до и после его назначения. На первом этапе «с 1920 по 1925 годы преобладали национальные моменты над классовыми... Это время группировок, время идеологии Алаш-Орды. С 1925 года классовые моменты преобладают над национальными» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 27. Л.2]. Свою историческую миссию Голощекин видел в коренном и радикальном переустройстве казахского общества на социалистической основе и борьбе с казахским национализмом и великорусским шовинизмом. Голощекин обвинял национал-коммунистов в первой половине 1920-х годов в приверженности идеям алашевских лидеров и групповщине, имевшей место на всех уровнях, от низовых партийчек до руководства Казкрайкома. «Строго говоря, - заявлял Голощекин, - в этот период парторганизации единой и монолитной в Казакстане не было. Казакская часть

парторганизации была разбита на ряд группировок и группочек, руководимых «вождями» вроде Ходжанова, Рыскулова, Садвокасова, Мендешева, Сейфуллина и т.д.... Между казакской и европейской частью организации был разлад, межнациональные трения, не было необходимой большевистской спайки» [Голощекин, 1930, с. 25].

Первоначально Голощекин лавировал между требованиями центра и местной элиты, стараясь ослабить связи национал-коммунистов и алашевцев [Мартин, 2011, с. 92]. Он постарался расколоть Казкрайком партии, льстиво называя прежнее руководство «собирателями Казакской земли» и казахского народа [Голощекин, 1926, с. 4-5]. Но вскоре риторика партийного главы республики изменилась. В своем отчетном выступлении на Бюро Казкрайкома РКП(б) Голощекин заговорил о наличии в республиканской партийной организации двух уклонов: «Первый уклон – отсутствие учета деловой стороны. Рассматривают казакизацию, как привилегию, иногда идет казакизация под националистическим уклоном, казакизацией иногда пользуются по групповым соображениям. Уклон второй - сопротивление русской части аппарата, пренебрежительное отношение к казакам, недоверие, иногда бегство» [Голощекин, 1926, с. 17]. Русские коммунисты были обвинены в шовинистическом уклоне, казахские - в нахождении под влиянием Алаш-Орды, объявленной «безусловно, контрреволюционной силой» [Голощекин, 1926, с. 23]. Главная задача, по мнению руководителя казахстанских коммунистов, заключалась в советизации казахского аула. Успех новой политики должен был быть обеспечен разжиганием классовой войны в казахском ауле и уничтожением традиционных социальных институтов кочевой общины. Один из руководителей Бюро Казкрайкома ВКП(б) М. Ряднин призывал: «казахский аул не подвергался национализации, не знал комбедов, сильно выраженной классовой борьбы не было. Советы в ауле приняли по форме, не по существу... Мирными обычными путями ничего не изменить. Нужны революционные методы и мероприятия, которые развяжали бы элементы классовой борьбы в ауле» [Ряднин, 1928, с. 18].

В процессе советизации аула предполагалось покончить с «националистической практикой землеустройства». Осуществить программу «большого скачка» казахского народа от патриархального кочевого общества к социализму через советизацию аула было возможно лишь при условии слома сопротивления национал-коммунистов и алашевских лидеров.

В соответствии с новыми веяниями были внесены изменения в политику коренизации. Коренизация с весны 1926 г. должна была стать составной частью политики советизации казахского аула. Было заявлено, что «коренизация аппарата не покрывает всей проблемы национальной политики, а является только ее важной составной частью. Советизация аула придает этому вопросу гораздо больший размах» [Власть Советам, 1926, с. 9-10]. 20 мая 1926 года Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию и ликвидировал комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Ф.И. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппарата, считая подбор кадров в партаппарате прерогативой союзного ЦК.

Против перехода к функциональной коренизации выступили члены Бюро Казкрайкома ВКП(б) С. Садвокасов и Ж. Мунбаев, потребовавшие завершения работы по укомплектованию аппарата казахскими работниками [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 83. Л. 130-133]. Смагул Садвокасов заявил своим оппонентам: «Вы, наверное, думаете, что мы (казахи – С.К.), находимся в Краевом комитете, что мы руководим Крайкомом. Нет, это совершенно не так. Социальное положение Казахстана не лучшее, говоря иными словами, вся власть у русских. Нередко большинство вопросов, касающихся национальной политики, рассматривается и решается без нашего участия» [Кыдыралина, 2009, с. 27].

С 27 мая 1926 г. начинается этап функциональной коренизации, заключавшийся в выделении номенклатуры должностей, занимаемых в обязательном порядке казахами или представителями неказахского населения, свободно владеющими казахским языком. Следуя директивам КазЦИК и Казкрайкома ВКП(б) Наркомат РКИ выделил 42 наименования должностей и зарезервировал 13 тыс. мест, подлежащих коренизации в аппарате. Но и

функциональный метод не привел к перелому. К марту 1927 г. в местном аппарате из 11968 намеченных должностей коренизировано было только 2567 (23.2 %), в краевом аппарате из 840 должностей коренизировано 195 (23,7 %). Наименьшие успехи были достигнуты в Акмолинской области, где ощущалось сильное сопротивление русской части аппарата. С 1926 по 1927 г. здесь сократилось число губернских ответработников и партийных функционеров с 58 до 45 человек, при увеличении числа сторожей и кучеров из числа казахов [Резолюции Третьего Пленума Казкрайкома ВКП(б), 1927, с. 12]. Общий процент коренизации к 1927 г. составлял по краевым учреждениям - 23,1 %, по местному аппарату – 23,2 % [Кучкин, 1962, с. 328].

На втором этапе коренизации развернулась острая полемика вокруг необходимости латинизации казахского алфавита. А. Байтурсынов указывал на то, что латинский алфавит не соответствует звуковому составу тюркских языков на 25-30 %. Сторонникам «международности» латиницы он посоветовал перейти на китайскую иероглифическую письменность, идеограммы которой можно выучить и понимать на всех языках [История Казахстана в документах и материалах, 2011, с. 392, 394]. Представители дореволюционной интеллигенции критиковали латинизацию казахского алфавита, опасаясь отсечения прежнего культурного наследия, недоступного в будущем для подрастающей казахской молодежи. Они полагали, что внедрение казахского новолатинского алфавита разрушит казахскую культуру и будет способствовать ассимиляции казахов. На I Тюркологическом съезде (март 1926 г.) А. Байтурсынов заявил сторонникам латинизации «в отношении принятия латинского алфавита, когда мы говорим, что мы приобщаемся к европейской культуре, то это не надо понимать, что надо перенимать только внешнюю сторону. Без внутренней стороны она будет пустой. Возьмем такой пример. Азербайджанцы и анатолийские турки в отношении своей собственной культуры, например, литературы, до сего времени придерживались арабского принципа. А почему? Потому что по внешности, по-арабски подражали арабскому. Чтобы перенимать европейскую культуру, надо ее перерабатывать в своей лаборатории, как делаем это мы. Есть и удобство и все есть. Я больше

ничего не скажу вам. Мы для вас именно не будем свой шрифт изменять» [Первый Тюркологический съезд. Стенографический отчет., 2011, с. 378-379]. А. Байтурсинов посоветовал своим оппонентам внедрять более практичную кириллицу: «Вы будете учить своих детей русской грамоте, следовательно, вашим детям надо учиться одной грамоте, а это уже есть облегчение, и если вы, без всяких предрассудков будете руководствоваться не чувством, а только разумом, вы должны будете принять русский алфавит. Если вы это не можете, то вы заменой старого латинским алфавитом нисколько не облегчите работу. Что арабский, что латинский алфавиты – все равно, и те и другие имеют в некоторых частях и хорошую сторону, в некоторых частях имеют недостатки. И вот, если вы хотите, руководствуясь разумом, поступить разумно, без всякого предрассудка и чувства, то вы должны принять русский алфавит» [Первый Тюркологический съезд. Стенографический отчет., 2011, с. 377].

Сторонники латинизации казахского алфавита указывали на «явную непригодность арабского алфавита для нормального просвещения и культуры» [История Казахстана в документах и материалах, 2011, с. 378]. Казахская культура объявлялась незначительной, переделка которой не будет означать отрыва от казахской культуры. П. Михеев в газете «Советская степь» писал: «Остановка и омертвление казахской цивилизации, вероятно, отчасти имели причиной иероглифический характер письменности. Не поэтому ли блиставшая в средние века в Азии, Европе и Америке богатая арабская культура заглохла и забыта» [История Казахстана в документах и материалах, 2011, с. 367].

Борьба вокруг латинизации казахского алфавита была связана с проведением генеральной линии на этническую нейтральность в национальной политике, включая коренизацию аппарата. Одновременное внедрение в официальное делопроизводство казахского языка на арабской графике и русского языка на основе кириллицы разобщило управленческий аппарат, способствовала глубокой общинизации по этническому признаку и распространению практик дискриминации. Латинизация казахского и русского языков была предназначена

для создания равных возможностей в кадровой политике и пресечения дискриминации в ходе осуществления коренизации.

В январе 1928 г. завершается второй этап коренизации. 17 января 1928 г. Вторая сессия КазЦИК VI созыва передала полномочия органа по коренизации Наркомата РКИ в ведение организационных отделов исполкомов Советов. Тем самым коренизация была низведена с уровня общегосударственной политики до уровня кадровой деятельности местного аппарата. Вплоть до 1932 г. краевое руководство, занятое переводом на оседлость и коллективизацией казахского кочевого хозяйства, не уделяло сколь-нибудь значительного внимания коренизации. Провалилась и функциональная коренизация. На начало 1928 г. коренизация центрального аппарата составляла 23 %. В Уральской губернии из 1222 должности было коренизировано 334 (34 %), в Актюбинской из 801 должности коренизировано 180 (22,5 %), в Акмолинской губернии из 1527 должности занято 519 (33,4 %), в Семипалатинской из 2875 должности – 34 (13 %), в Джетысуйской из 1632 должности – 367 (22,4 %) и Сыр-Дарьинской из 1717 должности – 310 (18,6 %) [Агдарбеков, 1990, с. 177]. По мнению А.П. Кучкина, недостаточными оказались усилия по подготовке необходимых специалистов. За период с 1926 по 1928 годы курсы подготовки бухгалтеров, счетоводов, делопроизводителей и секретарей закончили 1156 человек, в то время как необходимо было подготовить 12 тыс. специалистов [Кучкин, 1962, с. 333].

Следует признать объективные трудности, возникшие в процессе привлечения казахов в партийно-государственный аппарат и внедрения казахского языка среди русской части ответственных работников. Е.Н. Бурдина отмечает, что основная часть казахских работников слабо владела русским языком, необходимым для ведения официального делопроизводства. Декретом ВЦИК от 14 апреля 1924 г. русский язык был официальным в «сношениях» центральных органов власти РСФСР и национальных образований в ее составе [Бурдина, 2012, с. 133]. В свою очередь, европейская часть аппарата практически не владела казахским литературным языком и была слабо заинтересована в его изучении.

Свертывание процентной коренизации и внесение корректив в землеустроительную политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентированных на сталинский централизм, с национал-коммунистами. Последние выступали за осторожную социальную и экономическую политику, считая опасным разжигание классовой войны в казахском ауле. Конфликт между Ф.И. Голощекиным и национал-коммунистами вылился в открытую форму в сентябре 1926 г., когда на закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 3. Л. 58-61]. Национал-коммунисты отвергали обвинения в свой адрес в национализме и выдвижении лозунгов «Казахстан для казахов». С. Садвокасов в первом журнале «Большевик» за 1928 г. писал: «Ни один благоразумный национал, тем более коммунист, не выкидывает и не выкидывал лозунга «Казахстан для казахов»». С. Садвокасов предлагал первоочередное землеустройство не только казахского населения, но и крестьян - старожилов, которых он относил к коренному населению республики. В социально-экономической политике Садвокасов предлагал покончить с колониальным отношением к республике как сырьевому придатку Центральной России и развивать индустриальный сектор [Садвокасов, 1928, с. 61-64]. Критика Садвокасовым экономической зависимости республик противоречила взятому курсу на жесткую централизацию.

С. Садвокасов на заседаниях Казкрайкома решительно выступал против планов разжигания классовой войны в казахском ауле и конфискации байских хозяйств, являвшихся экономическим ядром этого аула. Садвокасов критиковал положение о необходимости «Октября в ауле», указывая на то, что «Октябрь это гражданская война, а партия за гражданский мир». По его мнению, роль бая в ауле резко отличается от роли кулака в деревне, так как беднота зависит от баев не только экономически, но и связана с ними бытовыми и родственными отношениями. Садвокасов сомневался в успехе натравливания казахской бедноты на своих богатых сородичей. Он указывал на коренное отличие от ситуации в русской деревне, прошедшей комбеды и продразверстку [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 25.

Д. 178. Л. 16-24]. Ф.И. Голощекин и его окружение за защиту традиционного казахского аула навесили на Садвокасова, Мунбаева и других национал-коммунистов ярлыки ярых «националистов», «защитников байства и Алаш-Орды».

Национал-коммунисты были поддержаны в Москве антисталинской оппозицией. Г.Е. Зиновьев обратил внимание на Казахстан, «который отдан в распоряжение Ф.И. Голощекина... Прочтите стенограммы его речей, где он обучает националов. Он контролирует партию. Он проводит линию, которая является насмешкой над ленинской постановкой национального вопроса» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 8. Л. 2, 232-233]. С критикой гонений на национал-коммунистов в республиках выступал Л.Д. Троцкий. В 1927- 1928 гг. казахские «правые» продолжали безнадежную борьбу, стремясь к установлению справедливости. Небольшая делегация в начале 1927 г. посетила в Москве Л.Д. Троцкого, написавшего письмо Г.Я. Сокольникову. Однако проблемы, поднятые казахскими делегатами, не были устранены. По мнению М.Б. Олкотт, письмо Троцкого позволяет представить картину межэтнического конфликта в крае. Л.Д. Троцкий писал, что партийцы республики разделены на четыре фракции: русских, казахов, симпатизирующих русским, казахских правых и левых. Самая большая пропасть, считал Троцкий, лежит между европейскими и казахскими коммунистами, живущими обособленно и даже не играющими вместе в шахматы [Olcott, 1995, p. 213-214]. О наличии групповщины по этническому признаку в 1925 г. говорил И. Курамысов: «Строго говоря, в этот период парторганизации единой и монолитной в Казахстане не было... Между казахской и европейской частью организации был разлад, межнациональные трения, не было необходимой большевистской спайки» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 37]. Связи национал-коммунистов с антисталинской оппозицией и поездка к Троцкому стали поводом для гонений и последовавшей уже в ходе Великого Террора расправы [Olcott, 1995, p. 213-214; Абоян, 1967, с. 13-15].

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927-1928 годы. 8 февраля 1927 года

Президиум ВЦИК РСФСР уравнил в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 61. Л. 1-2]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнить решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских крестьян. Выведение Оренбуржья из состава республики в 1925 году под предлогом преобладания русского населения создало прецедент для дальнейших территориальных изъятий и вызвало тревогу у казахских руководителей. Изменение этнического состава населения и увеличение доли русских могло снизить казахское влияние в республике, создать новые угрозы ее территориальной целостности.

Пытаясь остановить политику «Октября в ауле» и пересмотр земельной политики, «национал-уклонисты» солидаризовались с изолированными органами ОГПУ алашевцами и русскими приверженцами «народного социализма». Некто Тулепов доносил в Казкрайком о поведении наркомзема Ж. Султанбекова, проездом остановившегося в Москве и встретившегося с А. Букейхановым, работавшим с 14 декабря 1922 по 1 октября 1927 гг. литературным сотрудником Казахской секции Центриздата народов СССР. После разговора с Букейхановым казахстанский нарком при встрече с двумя коллегами, один из которых был доносчик, сообщил: «Алихан обещал поговорить с Швецовым⁵ и устроить все как надо». Речь в разговоре шла о земельной норме и земельном вопросе в Казахстане, ставших предметом споров между союзными властями и национал-коммунистами [Исаев, 1935, с.28].

8 июля 1928 года Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, предлагавшего уравнивать все национальности в праве на наделение землей, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройства за счет государства [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 10. Л. 111]. Союзный Центр жестко отреагировал на столь откровенный

⁵ Ученый-аграрий С.П.Швецов в своих статьях поддерживал точку зрения национал-коммунистов о природно-географической обусловленности существования кочевого хозяйства и выступал против проведения насильственного перевода на оседлость кочевников и урезания им норм землепользования.

вызов со стороны местных центров власти и национал-коммунистов, открыто проигнорировавших требования партийной дисциплины. В Казахстан прибыл секретарь ВКП(б) А. Андреев, активно помогавший Голощекину в борьбе с местной оппозицией. В августе 1927 года Президиум ВЦИК РСФСР создал специальную комиссию по урегулированию межнациональных отношений в Казахстане. Выехавшая в республику комиссия обследовала Акмолинскую и Семипалатинскую области и доложила 3 ноября 1927 г. о сложной ситуации в крае. Комиссия рекомендовала начать отчуждение излишков земли у казахского населения [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 105. Д. 464. Л. 93].

В ноябре 1927 года состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная межнациональным отношениям в республике. Присутствовавший представитель Союзного ЦК А.А. Андреев, выступив с докладом о борьбе с антипартийной оппозицией в стране, обрушился с разгромной критикой на членов Бюро Казкрайкома партии С. Садвокасова, Ж. Мунбаева и Ж. Султанбекова, обвинив их в национальном уклоне. А.А. Андреев потребовал от казахских большевиков классового подхода и прекращения дискриминации русского населения. Андреев заявил: «... Я буду за то, чтобы землеустройство в Казахстане проводили на классовой основе, на основе объединения бедняка и середняка казахского и русского против кулака и бая... Классовое преимущество должно быть. Тут вопрос о преимуществе законный. А когда вопрос о преимуществе ставится между русским и коренным населением, это незаконная постановка» [VI Всеказакская конференция ВКП(б), 1928, с.234-235; Дахшлейгер, 1977, с. 56-57]. Союзный представитель критиковал Ф.И. Голощекина, упрекнув его в попустительстве националистам в вопросах землеустройства. Голощекин откровенно заявил в свое оправдание: «Но если бы, товарищи, я выступил против этого, я бы не собрал ни одного казахского голоса» [VI Всеказакская конференция ВКП(б), 1928, с.262].

В ответ Ж. Мунбаев заметил: «Мы семь лет терпим угнетение. Дальше терпеть этого не можем. Дайте нам самим управлять страной» [Кучкин, 1962, с. 171]. VI Всеказахская конференция ВКП(б) приняла линию союзного руководства

на уравнение всех национальностей в землеустройстве и переходе на классовый подход в отношении казахского аула. Под давлением сторонников «жесткой» линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила национал-коммунистов. Лидеры «национального уклона» С. Садвокасов, Ж. Мунбаев и Ж. Султанбеков были выведены из Бюро Казкрайкома и больше не могли блокировать решения Голощекина и апеллировать к союзным властям. Сам Голощекин после мощной поддержки Центра уже не нуждался в балансировании между различными фракциями и не колебался, строго проводя линию Сталина и его окружения.

Поражение этой группы национал-коммунистов было одновременно поражением умеренной части казахских большевиков (Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, А. Кенжин, С. Асфендияров), лишившихся своих потенциальных союзников, связанных дружескими и родственными связями с лидерами казахского национального движения Алаш. Ф.И. Голощекин был поддержан частью казахской партийной бюрократии, враждебной национал-коммунистам и алашевцам. Среди проголощекинского крыла казахской номенклатуры особо следует выделить фигуры Т. Тогжанова, И. Курамысова, У. Исаева, Е. Ерназарова, А. Байдильдина и А. Асылбекова, активно участвовавших в травле деятелей национальной оппозиции в Казахстане, в последующем они проявили себя в кампании перевода на оседлость кочевников и коллективизации казахского аула. Значительная часть видных партийцев (У. Джандосов, У. Кулымбетов, А. Розыбакиев, С. Сейфуллин, И. Кабылов, А. Джангильдин), не поддержала «национал-уклонистов», осознавая в то же время опасность голощекинских инноваций в социальной и национальной политике.

Сопrotивление новому курсу после поражения «национал-уклонистов» в Казкрайкоме оказало среднее звено управленческого аппарата. Принятые решения были заблокированы республиканским Наркомземом и местными органами власти. Нарком по земледелию Ж. Султанбеков открыто назвал решения VI республиканской партконференции «колониаторскими», подготовленными бывшими чиновниками дореволюционного переселенческого управления [Койгельдиев, 2009, с. 329]. Руководитель Сыр-Дарьинского

губисполкома И. Мустамбаев открыто объявил Голощекина диктатором, единолично представляющим Казкрайком ВКП(б). Мустамбаев выразился так: «С Голощекиным коммунизм в Казахстане не построишь» [Койгельдиев, 2009, с. 338]. Для преследования оппозиции Голощекин активно привлек органы ОГПУ.

Ф.И. Голощекин имел конфликты с руководством всех местных органов советской власти, о чем с тревогой говорил Н. Нурмаков, отмечавший выхолащивание деятельности Советов и подмену их функций партаппаратом. В мае 1928 г. ЦК ВКП(б) принял решение о проведении чистки партийного и советского аппарата в Казахстане. В результате чистки в аппарате окружных комитетов было снято с должностей 116 человек (19,5% от штата работников). Наиболее сильный удар был нанесен по республиканскому Наркомзему, где были выведены за штат до 28,5 % работников, что «положило конец националистической практике землеустройства» [Кучкин, 1962, с. 178-179]. Постоянной травле подвергались изгнанные из краевого руководства члены «садвокасовской группировки», обвиняемые в троцкизме.

Одновременно с разгромом противников нового курса в краевом руководстве обвинениям в саботаже проведения латинизации казахского алфавита подверглись работники краевого Наркомпроса. Н. Тюрякулов 24 февраля 1927 г. в газете «Советская степь» писал: «казахский консерватизм не только не унялся, не только не собирался сложить свои боевые доспехи, но наоборот, усвоив новую тактику тихого сапа, продолжает войну на второй линии окопов... ведется строго организованная работа по организации саботажа всего, что может вскрыть перед казахской общественностью правду о ново-казахском алфавите и его значении для нашего культурного строительства. Саботаж свил прочное гнездо не более, не менее как в Наркомпросе КАССР и в находящемся при нем Научно-методическом совете (бывший академический центр). От всего этого саботажа веет духом безответственности и слепого фанатизма» [История Казахстана в документах и материалах, 2011, с. 397]. Идейными вдохновителями саботажа латинизации казахского алфавита были объявлены А. Байтурсынов, К. Кеменгеров и Э. Омаров. Соппротивление сторонников сохранения арабской

графики было окончательно сломлено в конце 1928 г. В декабре 1928 г. IV сессия КазЦИК 6-го созыва объявила о введении латинизированного казахского алфавита.

Сторонники национал-коммунистов изгонялись из управленческих структур. Наиболее влиятельные казахские коммунисты (Нурмаков, Рыскулов, Асфендияров, Мурзагалиев, Ходжанов) в конце 1920-х годов были под благовидными предлогами удалены из республики. С. Ходжанову вспомнили лозунги создания тюркской нации и выступление против национально-территориального размежевания 1924 года, что позволило обвинить его в пантюркизме. Помощник Ф.И. Голощекина и будущий «железный нарком» Н.И. Ежов в своих письмах, направленных на имя Сталина, Молотова и Кагановича, невысоко оценивал своих коллег-«националов» и характеризовал казахских коммунистов как националистов, зараженных «национал-уклонизмом и групповщиной» [Осипов, 1991, с. 159].

Одновременно с ударом по национал-коммунистам прессингу подверглись представители национальной интеллигенции, связанные с алашевским движением, и чингизиды, пользовавшиеся авторитетом в казахской среде. В конце 1928 г. из Казахстана были высланы 44 «буржуазных националиста», составлявших ядро алашевского движения и по-прежнему дистанцировавшихся от политики большевиков. В числе высланных значились создатели современного литературного казахского языка А. Байтурсинов, М. Дулатов, поэт М. Жумабаев и писатель Ж. Аймаутов. А. Букейханов с 1922 года находился в Москве под строгим контролем госбезопасности. Сталин опасался, что в случае возвращения в Казахстан Букейханов сможет сплотить казахскую интеллигенцию и повлиять на казахскую часть партийно-государственной номенклатуры. Фактический разгром национальной оппозиции открыл дорогу для радикального социалистического переустройства казахского общества. Отныне национал-уклонисты стали удобной мишенью для критики, а обвинения в «садвокасовщине», «ходжановщине» или «рыскуловщине» - стандартными при расправе с конкурентами.

Поражение казахских национал-коммунистов в значительной степени объясняется недостаточными солидаристскими связями в казахском социуме. Сами национал-коммунисты не были консолидированы и были втянуты в борьбу не только с Ф.И. Голощекиным - в казахстанской историографии и политическом дискурсе персонифицированным воплощением сталинизма, - но и между собой. М.Б. Олкотт отмечает временный характер консенсуса между различными казахскими группировками и Союзным Центром: «Казахский национализм не был абстрактным изданием в 1920-е годы; ставкой было развитие и продвижение казахского народа. Было небольшое соглашение между казахской элитой о желаемой цели или о путях ее достижения. Еще большими были различия между казахским и русским пониманием вопроса, особенно после прихода к власти Сталина, когда Москва ставит перед собой все более активную роль, и так изменила дебаты, что к концу десятилетия «националисты» были удушены, вплоть до летального исхода, а этот ярлык стал применяться к любому национальному лидеру, который попадал в немилость» [Olcott, 1995, p. 210].

Казахстанские исследователи соглашаются с мнением М. Маколей: «Хотя националисты нередко ссылаются на то, что крестьянская община олицетворяет собой национальную добродетель и культуру, сама по себе крестьянская культура... пребывает вне национализма. Крестьянин мыслит не с позиции нации, а с точки зрения определенной деревни или региона» [Масанов и др., 2009, с. 257]. Несомненно, рядовые кочевники не могли понять и поддержать устремления национально-ориентированной части казахской элиты в то время. Алашевцы и «национал-уклонисты», представлявшие образованный слой, были оторваны от основной части кочевого этноса, связанного большей частью не этнонациональными, а традиционными аскриптивными связями, порождавшими локальные формы самосознания (родоплеменные, жузовые). Кочевой социум в силу разобщенности кочевым образом жизни не мог поддержать свою элиту.

Смирившиеся с диктатом Ф.И. Голощекина казахские кадры активно участвовали в последовавшей кампании коллективизации и покорно одобрили в феврале 1929 г. снятие запрета на переселение в Казахстан крестьян из

европейской части страны. Н. Нурмаков признал, что источником межнациональных конфликтов в сельской местности были действия государственных органов, приведшие к «перегибам» в землеустройстве, «когда не учитывались интересы пришлого населения. Эта ошибка дала повод кулацкой и атаманской верхушке деревни и станицы поднять вой о том, что русское население в Казахстане угнетается и совсем бесправно. С другой стороны, эта наша ошибка дала повод казакскому (казакскому – С.К.) байству также поднять агитацию в духе «нажимай больше на русских, чтобы те окончательно очистили территорию, занятую ими в Казахстане» [Нурмаков, 1929, с. 21].

Новый поворот национальной политики в Казахстане подготовил республику для нового переселения и «Великого перелома», ставшего трагичным для миллионов ее жителей. В то же время нельзя не отрицать значительных подвижек, произошедших в 1920-е годы в решении национального вопроса в СССР. Национальные меньшинства перестали быть инородцами, наиболее крупные этнические группы, компактно размещенные на исторических территориях своего проживания, стали полноправными участниками социалистического строительства. В ходе нациестроительства происходило активное развитие культуры народов СССР, повышался их культурный и образовательный уровень. В значительной мере поражение «буржуазных националистов» и национал-коммунистов было обусловлено тем, что Советская власть достаточно оперативно и чутко реагировала на возникающие проблемы и стремилась к действительной интеграции советских народов, последовательно проводя политику интернационализма, оказавшуюся единственно возможной в условиях постоянных межэтнических конфликтов, вспыхивавших в заново строящейся социалистической стране. Осуществление комплекса государственных мероприятий по решению национального вопроса и фактическому уравниванию этнических групп в доступе к образованию на родном языке, продвижению в управленческий аппарат, в праве на землепользование заложило фундамент межэтнического доверия в Казахстане.

4 СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИЙ: КАЗАХСТАНСКИЙ ВАРИАНТ (1929-1940 ГГ.)

4.1 Национальная политика в контексте стратегии форсированной модернизации

Национальный вопрос в большевистской стратегии создания нового общества занимал важное место. Советские вожди, будучи практичными политиками, не забывали декларировать приверженность подлинному интернационализму, но реализация стратегических замыслов строительства коммунистического общества вынуждала их серьезно корректировать основные подходы к решению национальных проблем и приспособлять их к задачам социалистического строительства. С 1917 по 1923 гг. национальная политика была важной стратегией достижения компромисса с национальными окраинами. Эта стратегия умиротворения национальных меньшинств бывшей империи реализовывалась амбициозной и смелой программой решения национального вопроса. Не случайно, Джереми Смит считает 1923 г. завершающим в политике фактического и юридического выравнивания и решения национального вопроса [Smith, 1999]. К концу 1920-х гг. национальная политика становится этнически нейтральной. С этого времени национальная политика Центра носила подчиненный характер по отношению к генеральной политике социально-экономической трансформации общества и создания индустриальной экономики.

Ленин и Сталин исходили из марксистского экономического детерминизма, считая, что в будущем советское общество должно быть индустриальным, с высоким уровнем культуры и образования населения. Согласно марксистской парадигме, коммунистическое общество должно было возникнуть из высокоразвитого капиталистического общества, исчерпавшего себя в развитии. Но Ленин и Сталин возглавили страну, где индустриальный сектор экономики

создавался «сверху» сильным автократичным государством. Большевики вынуждены были заимствовать из прошлого методы создания сильного государства

Российские монархи также стремились к глубокой модернизации и европеизации страны, однако это давало иные «плоды». Европейский капитализм, по мнению Т. фон Лауэ, создавался людьми, исповедовавшими повседневный аскетизм и отказ от гедонизма в силу религиозных убеждений и нравственных ценностей, заставлявших дисциплинировать себя и других, ценить время и труд. Крестьянская страна не могла дать необходимый ресурсный и человеческий капитал для самостоятельной модернизации. Ленин и Сталин, считал выдающийся американский ученый, стали во главе Русской революции, принявшей антизападный характер, и потому вынуждены были, из-за ограниченности ресурсов и невозможности получения кредитов на Западе, проводить модернизацию силовым способом [См.: von Laue, 1971].

Защита социалистической революции, неверие в возможность революции в Европе и угроза широкомасштабного конфликта с ведущими мировыми державами потребовали новой индустриализации «сверху» и подчинения интересов общества задачам модернизации. Поворот к форсированной модернизации советского общества был вызван множеством причин, резко ограничивавших «коридор» возможных действий сталинского руководства, вынужденного свернуть НЭП в отношении русского крестьянства и отказаться от уступок национальным элитам. Э. Карр пишет: «Социализм, построенный в одной стране, был мощным рычагом национального патриотизма и однозначно выдвигал Россию на первый план. Сталин создал такую духовную атмосферу, которую мог предельно использовать в борьбе с соперниками... До этого подразумевалось, что введение и развитие НЭПа, который тоже повернулся спиной к туманной перспективе мировой революции и вел к социализму через союз с русским крестьянством, и есть социализм в одной стране. Теперь Сталин нащупывал путь к совершенно иной концепции России как самостоятельного государства, которое может обрести экономическую независимость, создав

современную промышленность и сельское хозяйство» [Карр, 1990, с. 85]. Э. Каррер д'Анкосс отмечает причины перехода Сталина к тотальному давлению на многонациональное крестьянство страны: «Для Сталина источником всех экономических трудностей страны - в сельском хозяйстве, а также в промышленности, отличавшейся низкой производительностью труда, низким качеством продукции и высокими ценами на нее, - являлся крестьянский мир. Таким образом, предстояло трансформировать его» [Каррер д'Анкосс, 2010а, с. 292].

Советское руководство столкнулось с множеством замкнутых и достаточно враждебных к новой власти крестьянских «миров», существовавших на гигантских просторах Советского Союза. Создание рационально устроенного и технологически современного производства требовало организованной социальной инженерии, уничтожения прежнего культурного порядка, воспроизводящего, по оценке большевистских модернизаторов, архаические ценностные ориентации и поведенческие установки. Крестьянская деревня, кочевой аул и среднеазиатский кишлак, воспроизводившие отсталость, бедность и малоземелье, не могли обеспечить социальный и культурный прогресс советского общества. Сельские «миры» непрестанно вступали в конфликт с государством или с другими конкурирующими социальными и этническими группами.

Сказывалась вера большевиков в идеи прогресса и в возможность конструирования новой социальной реальности через индустриализацию и обобществление сельского хозяйства. Социальная инженерия большевиков подчиняла национальную политику классовому основанию. Сталин неоднократно указывал на то, что «национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский» [Сталин, 1939, с. 96]. Тем самым, Сталин признавал ограниченность большевиков в решении национального вопроса до тех пор, пока страна является преимущественно аграрной. Для подобного утверждения у Сталина имелись серьезные основания. Уступки в земельном вопросе, сделанные в национальных республиках в первой половине 1920-х годов, привели к нарастанию межэтнического напряжения в районах землеустройства и

экономическому усилению зажиточных слоев коренного населения. Богатые группы зачастую выступали в качестве главных инициаторов силового давления на пришлое население.

После разгрома национальных «уклонов» в республиках масштабные преобразования должны были создать «одномерное» социалистическое общество с однородными социальными структурами, единообразным образованием и культурным порядком, как и по всей стране. Сталинский социальный конструктивизм в Казахстане предполагал решение межэтнических конфликтов путем ликвидации самих источников конфликтных отношений в сфере землеустройства в ходе проведения насильственной политики седентеризации кочевников и коллективизации крестьянского хозяйства. Одновременно реализовывалась программа по ликвидации неграмотности и преодолению культурного отставания казахского народа. Культурная часть преобразований не могла быть осуществлена без перехода кочевников к непрестижному ранее оседлому образу жизни.

В Казахстане в 1920-е гг. результате аграрных преобразований и предпочтений в землеустройстве усилились тенденции кочевания казахской бедноты [Платунов, 1976, с. 250]. Беднейшие слои стремились восстановить прежний престижный образ жизни кочевника. Вторичная номадизация затронула районы Северного и Южного Казахстана, где ранее наблюдался интенсивный переход беднейшей части кочевников на оседлый образ жизни. В середине 1920-х годов после аграрных преобразований Советского государства кочевым и полукочевым хозяйством занималось фактически 55-60 % хозяйств [Дахшлейгер, 1966, с.12-13].

По данным материалов переписи 1926 г., изложенных В.Г. Соколовским на совещании статистических органов РСФСР, в Казахстане значилось до 70 тыс. зимних аулов-кстау. Из них 24% казахских хозяйств вели земледельческое хозяйство, 33,2% хозяйств вели смешанное, скотоводческо-земледельческое, а 38,3% домохозяйств – чисто скотоводческое (о 4,5% сведений нет). По радиусу кочевания (один из основных показателей развития тенденций к оседанию)

аульные хозяйства выглядели следующим образом: полностью оседлые — 23 %; кочующие в радиусе от 5 до 10 км. – 34 %; от 11 до 25 км. - 15,2 %; от 26 до 50 км. - 9,1 %; от 51 до 100 км. – 7 %, свыше 130 км. - 4,2%; кочующие круглый год - 6%, еще о 1,5 % хозяйств нет сведений [Дахшлейгер, 1966, с.12-13]. В региональном разрезе кочевало в Северном Казахстане 241 тыс. хозяйств из 322 тыс. (75 %), в Центральном Казахстане 162 тыс. хозяйства из 175 тыс. (93%), в Южном Казахстане 162 тыс. из 312 тыс. (53 %). В целом по Казахстану пастушеский образ жизни вели 567 тыс. хозяйств из 809 тыс. (70 %) [Сластухин, 1933, с. 85; Дахшлейгер, 1966, с. 22].

Статистические данные говорят об обоснованности точки зрения Н.И. Платунова о реномадизации аула в период первоочередного землеустройства казахского населения в республике. В период наибольшего благоприятствования казахскому землеустройству аульные хозяйства, ранее расширявшие земледелие вследствие разорения, обретали ресурсы для возвращения к ведению скотоводства и обращались к традиционному источнику существования. Примером является Каркаралинский уезд, где в 1927 г. посевные площади казахских хозяйств составляли 14 тыс. 220 гектаров, а в 1928 году - 5 тыс. 211 [Альжаппарова, 2009, с. 13]. В 1928 г. основная часть казахского населения по-прежнему продолжала заниматься кочевым и полукочевым скотоводством. Казахи устойчиво сохраняли культурный и хозяйственный порядок кочевого общества. Кочевая община на одинаковых правах позволяла домохозяйствам использовать сенокосы и пахотные угодья. Аульная община препятствовала распространению социальной депривации и пролетаризации сородичей. Саунные отношения позволяли беднейшим слоям аула получать помощь от более богатых сородичей.

Для подавляющего большинства кочевников мир вне рода был враждебен, только в среде «своих» он мог рассчитывать на безусловную поддержку в противостоянии с другими кочевыми родами, крестьянами-переселенцами и государством. Круг доверительных отношений ограничивался сородичами, происходившими от одного предка. Деятели алашевского движения и часть

казахских коммунистов, глубоко разбиравшиеся в социальной психологии кочевника и видевшие поразительную живучесть древних форм социальной самоорганизации, предлагали в период активного землеустройства казахского населения наделять землей не отдельные семьи, а целые рода [Амантаев, 1969, с. 138]. Н. Нурмаков в 1926 г. предложил создавать родовые Советы, считая, что только это может остановить межродовые конфликты (таласы) во время выборной кампании. К этому времени уже возобладала линия на советизацию аула.

Наступление на родовой казахский аул началось с середины 1920-х годов. А.П. Кучкин придерживался мнения об отсутствии до 1926 г. фактической советизации, так как: «Аульные Советы и волисполкомы, которые находились под властью баев, не были подлинными Советами. Подлинная Советская власть – это руководство пролетариатом и Коммунистической партией» [Кучкин, 1962, с. 75]. Кочевая аульная община, несмотря на активный пресс большевистской власти, управлялась т.н. «большими людьми» - родовой старшиной из числа аксакалов и баев, успешно сопротивляясь попыткам классового раскола. Родовая солидарность препятствовала планам советизации аула и разжигания классовой войны. Созданные органы Союза «Кошчи» были «засорены баями и их ставленниками» [Кучкин, 1962, с. 104]. V Всеказахская партконференция (декабрь 1925 г.) признала господство в ауле родоначальников и патриархальных отношений.

Ф.И. Голощекин придавал особое значение политике советизации казахского аула. В 1925-1926 гг. от участия в работе Советов отстраняются представители «эксплуататорских» классов, проводятся регулярные классово направленные чистки Союза «Кошчи» и местных органов власти от баев и аткаминеров⁶. Зимой 1925-1926 гг. были проведены выборы в аульные Советы, но их результаты оказались обескураживающими для краевого руководства. Представители байства были лишены избирательных прав, но именно к их голосу

⁶ Под аткаминерами (буквально «ездящие верхом») С.Е. Толыбеков понимал представителей низовой администрации, включавшей лиц, занимавших должности волостных управителей, волостных судей, аульных старшин, волостных писарей, переводчиков, служителей религиозного культа, игравших активную роль в политической жизни населения (См.: Толыбеков С.Е. Указ. соч. С. 433).

прислушивалось большинство в казахском ауле. «Большие люди» казахского аула избрали тактику «мягкой силы» и, используя свой авторитет и экономическую значимость для более бедных сородичей, проводили своих людей в выборные органы. В Акмолинской области губернская избирательная комиссия констатировала, что в Акмолинском и Петропавловском уездах выборная кампания прошла под контролем баев и аксакалов. Выборы советского актива сопровождались межродовыми драками [Кучкин, 1962, с. 131]. 1

8 марта 1926 года КазЦИК признал фактический провал советизации кочевого аула и господство баев и аткаминеров. Летом-осенью 1926 г. прошли чистки аульных советов и Союза «Кошчи» не только от баев и аткаминеров, но и от их ставленников из числа бедноты. Однако партийное руководство республики отчетливо понимало временность этих мер. В силу господства кочевого образа жизни казахское общество находилось больше под влиянием традиционной родовой старшины. Из логики марксистской доктрины вытекало, что с целью переустройства казахского общества следовало нанести удар по экономической основе - кочевому способу хозяйствования и тем самым подорвать позиции байства.

Кочевое хозяйство не могло быть изменено иначе, как через социальную ломку традиционных устоев, сопровождающуюся оседанием кочевников и ликвидацией экономического могущества «Больших людей» казахского аула. Кризис кочевой общины не означал распада родového единства, выразившегося в коллективной ответственности, определенных обычаях гостеприимства, мести за оскорбление или нападение на сородича, традициях взаимопомощи при стихийных бедствиях (джутах, нападениях хищников), участия в похоронах [Зиманов, 1958, с. 61]. Можно согласиться с Б.А. Амантаевым о зависимости характера взаимопомощи от социального статуса нуждающегося. Так, в случае обращения о помощи в постигшей беде (*жылы*), бедняки могли рассчитывать лишь на небольшую помощь от членов общины, в то время как баи требовали строгого исполнения обычая [Амантаев, 1969, с. 34-35].

Давление иноэтнической среды, других кочевых общин и государства неизменно сплачивало аульную общину, а зажиточные слои являлись, как выше уже говорили, ее социальным и экономическим ядром, владея не только лучшим скотом, но и обладая секретами правильного ведения скотоводческого хозяйства. Внутри рода не все его члены владели знаниями о водоемах и пастбищных угодьях. Как правило, эти знания в полном объеме могли получать только наследники богатых отцов [См.: Масанов, 1995]. Беднейшие группы в казахском ауле в силу разных причин не могли вырваться из своего зависимого состояния, даже при поддержке государства. В силу «отсутствия у наибольшей части населения необходимого минимума средств для обеспечения прожиточного уровня масса непосредственных производителей, - пишет Н.Э. Масанов, - была зависима от господствующего класса богатых скотовладельцев в буквальном смысле в вопросах «жизни и смерти», поскольку их биологическое и социальное воспроизводство было возможно лишь в качестве «работников производства» [Масанов, 1995, с. 189-190].

Национал-коммунисты и алашевцы понимали значение байства для социальной стабильности казахского аула. На II пленуме Казкрайкома (2-7 декабря 1926 г.) С. Садвокасов говорил о необходимости учитывать специфику кочевого аула и прекратить идеализацию бедноты, без определенных социальных и моральных механизмов принуждения неготовых к высокопроизводительному труду: «Киргизская беднота страдает сейчас больше от того, что ей нечем заняться, а не от того, что ее кто-то эксплуатирует. Эта киргизская беднота не имеет места приложения своему труду. Дайте киргизу лошадь, сенокосы, сделайте так, чтобы его хозяйство было прочным - и это будет иметь в 100 раз больше пользы, чем простое распределение того, что есть. Идея распределения в высшей степени опасна. Она носит потребительский характер. Выдели бедноте корову, завтра он ее зарежет, съест и на другой день попросит другую» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 17. Л. 41].

Советское руководство решило лишить баев господства в ауле, подрубив их экономическую мощь, заключавшуюся во владении скотом. На VI Всеказахской

конференции Голощекин объявил о нажиме на животноводство, которое является: «отсталой архаической формой, определяет отсталость аула, господство бая и даже полуфеодала. Если мы хотим советизировать аул, то основное внимание должно быть обращено на резкое изменение состояние животноводства, а вместе с тем на положение в ауле, и на изменение социально-экономических отношений» [Цит. по: Абсеметов, 2007, с. 146].

Разгром «национал-уклонистов» в республиканском руководстве и местном аппарате в ходе «чисток» уничтожил последние препятствия на пути реализации проекта социалистической модернизации аграрного сектора. Планы коренного переустройства кочевого общества, с учетом опыта неудачной советизации аула, предполагали проведение одновременных кампаний по оседанию кочевников и конфискации байских хозяйств.

В мае 1928 г. в ЦК ВКП(б) был заслушан отчетный доклад Казкрайкома ЦК ВКП(б). Союзное руководство одобрило курс на советизацию аула и ликвидацию политического и экономического влияния баев [Турсунбаев, 1950, с. 49]. Краевая партийная организация с весны 1928 г. начала подготовку к развязыванию классовой войны в ауле и ликвидации байской прослойки. Голощекин планировал осуществить полную экспроприацию байского хозяйства, с чем не согласился Сталин, посоветовавший проводить конфискацию, а не экспроприацию [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 15. Л. 12; Мухамедина, 2005]. 3 мая ЦК ВКП(б), заслушав доклад Казкрайкома ВКП(б), приняло особое постановление о необходимости проведения в ауле, с целью подрыва социально-экономического и политического влияния баев, конфискации имущества и выселения наиболее крупных скотоводов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 5. Л. 204].

Получив одобрение «сверху», сталинистское руководство республики окончательно разгромило национальную оппозицию. В мае 1928 г. национал-коммунисты предприняли еще одну попытку остановить грядущий гигантский социальный эксперимент над казахским народом, выступив против принятого 3 мая 1928 г. решения ЦК ВКП(б) о конфискации байских хозяйств и выселении зажиточных скотоводов. Данное решение должно было стать «заключительным

звеном мероприятий, направленных на преодоление феодально-патриархальных пережитков» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 17. Л. 41]. Выступление национал-коммунистов дало повод Голощекину обвинить своих непримиримых противников в проведении антипартийной линии и сговоре с изолированными алашевцами⁷. 16 мая 1928 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) приняло резолюцию «Об антипартийном уклоне группы партийцев (националов)», в которой Садвокасов, Мустамбаев и Султанбеков обвинялись в троцкистском и националистическом уклонах. Вынужденные защищаться от постоянных нападков «национал-уклонисты» и представители дореволюционной интеллигенции могли только взирать на разворачивающуюся трагедию казахского аула.

Краевой ЦИК и СНК КАССР 28 августа 1928 г. издали Декрет «О конфискации байских хозяйств», объявлявший программу, раскрывавшую комплекс мероприятий и территориальный охват кампании конфискации байского хозяйства. Планировалось провести: «в Казахской АССР, за исключением Адаевского округа и хлопководческих районов бывших Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губерний и Кара-Каралпакской автономной области, выселение тех наиболее крупных скотоводов из коренного населения, которые, сохраняя полуфеодальные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула». Этот Декрет был дополнен Постановлением ЦИК и СНК КАССР от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодального байства», развязавший руки карательным органам в отношении групп и лиц, сопротивлявшихся политике Советской власти. Выведение Адаевского округа, пограничного с Туркменией, и южных районов Казахстана из-под действия Декрета от 28 августа 1928 г. объясняется осторожностью советских руководителей, опасавшихся переноса басмаческого движения, вновь

⁷ Лидер алашевского движения А. Букейханов с 1922 г. до своего ареста в 1937 г. безвыездно находился в Москве под контролем органов госбезопасности. Другой лидер А. Байтурсинов подвергся остракизму со стороны партийного руководства и «пролетарских» деятелей культуры в республике и работал с 1926 по 1928 гг. в Ташкенте.

полыхавшего в Средней Азии с середины 1920-х годов, на территорию Казахстана. Эти районы должны были стать буферной зоной между территорией, объятай антисоветским мятежом, и степными областями, где ликвидировался сильный слой хозяев-скотоводов.

Согласно принятым решениям, конфискации и выселению должны были подвергнуться более 600 хозяйств, принадлежавших к привилегированному социальному слою. В этот список были включены султанские и ханские потомки из числа торе, бывшие волостные управители, получавшие награды от царского правительства, а также крупные «бай-полуфеодалы», владевшие огромным количеством скота. Эти группы обладали огромным общественным авторитетом и препятствовали советизации аула. Для проведения конфискации было организовано 300 комиссий, в которых состояло около 5 тыс. активистов-бедняков [Турсунбаев, 1957, с. 71]. К кампании экспроприации были активно подключены аульные советы и Союз «Кошчи». Вся милиция поступала в прямое подчинение окружным комиссиям по конфискации [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 188. Л. 35]. К крупным хозяйствам, включенным в программу конфискации, были отнесены в кочевых районах семьи, имевшие более 400 голов скота (в пересчете на крупный), в полукочевых – более 300, в остальных - более 150 голов [Резолюция VI Всеказахской конференции ВКП(б), 1928, с. 31; Дахшлейгер, 1961, с. 96; Дахшлейгер и др., 1985, с. 132; Виленский, 1980, с. 139; Турсунбаев, 1957, с. 71].

В соответствии с декретом 27 августа 1928 г. из Казахстана были высланы 700 представителей чингизидов – торе [VII Всеказахский съезд Советов..., 1929, с. 13]. Депортация чингизидской прослойки и выселение наиболее зажиточных скотоводов из числа «Больших людей» лишила потенциальное протестное движение традиционных вождей, способных возглавить антисоветское восстание.

Конфискация байского хозяйства затронула около 700 крупных скотоводческих хозяйств, потерявших 145 тыс. голов скота (в пересчете на крупный рогатый скот). Племенной скот в количестве 30 тыс. голов (в пересчете на крупный рогатый скот) был передан земельным органам и совхозам, более

половины (около 85 тыс. голов условного скота) получили бедняцко-батрацкие слои. Часть скота была оставлена прежним хозяевам в пределах трудовой нормы [Дахшлейгер, 1961, с. 97; Турсунбаев, 1957, с. 73].

Архивные сведения позволяют говорить о поддержке зажиточных сородичей значительной частью аула и частью местных коммунистов. Имели место предупреждения баев о планируемых против них акций [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 17. Л. 55]. Предупрежденные баи имели время откочевать или раздать скот своим сородичам. Один из таких случаев разбирался на II Пленуме Казкрайкома (2-7 декабря 1928 г.) по делу бая Каркаралинского района Тлебека, имевшего 850 голов скота и, будучи предупрежденным о конфискации, раздавшего свой скот сородичам. В случае оставления этого бая в родном ауле восстановление его богатства было делом времени. Во время выселения его семью провожало около 500 родственников, о которых ранее заботился родоначальник [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 188. Л. 56]. Имели место случаи, когда аульные советы и беднота совместно принимали решение не выселять баев [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 188. Л. 56]. В Кустанайском округе районное руководство обращалось с просьбой об освобождении из-под стражи двух арестованных баев [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 190. Л. 151, 153].

Конфискация скота у наиболее крупных товаропроизводителей не решала вопрос о социалистической модернизации казахского аула. Индийский антрополог М. Шринавас, изучив социальное поведение индусов Майсура, ввел понятие санскритизации как практики подражания низших каст высшей касте брахманов. Представители низших каст пытались употреблять в пищу исключительно престижный рис, могли вводить брахманские ритуалы в повседневную жизнь и причислять себя к брахманам [См.: Шринивас, 1988]. Подражание «низамии» эталонному поведению социальной «верхушки» пирамиды традиционного общества является характерной чертой социальной жизни коллективов, основанных на аскриптивных связях. В казахском кочевом обществе богатые и сильные «Большие люди» почитались за свои способности в умении организовать жизнь аульной и родовой общины, выступать защитником

сородичей, за справедливость и щедрость. Русские исследователи обращали внимание на джатаков⁸, стремившихся вернуться при любом благоприятном случае в степное кочевье и вновь разводить скот, как их более зажиточные сородичи. Г.Ф. Дахшлейгер отмечает: «Оседание и переход от экстенсивного скотоводства к земледелию до революции не имели прочных стимулов и никогда не носили устойчивого характера [Дахшлейгер, 1966, с. 4-5]. Обладание скотом повышало социальный престиж и собственную самооценку кочевника. Если учесть, что в целом по Казахстану к байскому типу хозяйств относили 23,2 тыс. хозяйств (6 %) из 384 тыс. скотоводческих хозяйств [История Казахской ССР, 1967, с. 254; Елеуова, 1977, с. 13], то очевидно, что возрождение крупного скотоводческого хозяйства с применением труда бедных сородичей в ауле было делом времени.

Слом традиционных родовых структур кочевого аула и могущества «Больших людей» в истории пастушеских народов становился возможным только в случае добровольной или насильственной седентеризации. Исторический опыт свидетельствует о вынужденном характере добровольного оседания, когда кочевые коллективы в силу малоземелья, джута, падежа скота или давления более сильных общин были вынуждены переходить к оседлому образу жизни. При переходе к новому образу жизни резко падал статус осевших скотоводов. Оседлые группы казахов, проживавших постоянно в русских или среднеазиатских населенных пунктах, их кочевые сородичи называли шала-казахи и курама.

Такой вариант означал длительный путь аккультурации и хозяйственной адаптации бывших кочевников, предполагавший усвоение ими ценности тяжелого земледельческого труда, привитие им новых трудовых навыков и форм социальной самоорганизации. Сталинский проект форсированной модернизации советского общества был основан на принудительном оседании кочевников и превращении их в земледельцев-крестьян и городских пролетариев. Сталин свои знания о сельском хозяйстве европейской части страны механически перенес на

⁸ Термином джатак (дословно «оставшиеся лежать») обозначали социальную прослойку аульной бедноты, не имеющих возможности заниматься скотоводством и оседавшую вблизи населенных пунктов и оторвавшуюся от кочевых коллективов. Обычным занятием джатаков был наемный труд.

стратегию переустройства аграрного сектора в Центральной Азии, настаивая на внесении «вируса классовой войны» и разжигая социальный конфликт между «верхами» и «низами» местных сообществ. По мнению А.Г. Парка, еще «Ленин основывал свою стратегию аграрной революции на условиях, превалировавших в сельской Великой России, и ни один из его ближайших сподвижников не пытался адаптировать его основной план преобразований к условиям, применимым к деревне Центральной Азии» [Park, 1957, p. 294].

Наступление на кочевой образ жизни началось сразу же после завершения аграрных и политических преобразований в Центральной Азии. 17 апреля 1924 г. было утверждено «Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Каз.АССР». Оседающее население соседнего коренного земледельческого полуоседлого населения получало больше земли в пользование, чем обычные земледельческие хозяйства. Данная норма должна была дать им возможность оседающим постепенно освоить новую форму хозяйства. Государство брало на себя расходы на землеустройство кочевого, полукочевого и переходящего к оседлости казахского населения. Переходившие к оседлости хозяйства получали в кредит инвентарь с рассрочкой на десять лет, семенную ссуду сроком на пять лет, им бесплатно отпускался лес на постройку жилых домов и хозяйственных помещений. Дополнительно они освобождались от государственных и местных налогов до пяти лет [Дахшлейгер, 1966, с. 9]. Но эти меры не привели к перелому, также как и переделы сенокосных угодий и конфискация байских хозяйств.

Г.Ф. Дахшлейгер в истории оседания кочевников в Советском Казахстане выделил два этапа: первый этап (октябрь 1917 - конец 1929 гг.) характеризуется созданием необходимых социально-экономических и политических условий для перехода к оседлому образу жизни; второй этап (1930-1940-е годы) – период активного оседания и коллективизации кочевого аула [Дахшлейгер, 1966, с. 3]. Другие казахстанские исследователи не включают более ранний этап, с октября 1917 до осени 1929 г., в историю оседания кочевого хозяйства. По их мнению, оседание проводилось в два этапа: первый этап (1930-1932 гг.) перевод на

оседлый образ жизни затронул кочевников 40 кочевых и полукочевых районов; второй этап (1933-1935 гг.) характеризуется завершением оседания и коллективизации казахского аула [Абдразаков, 1975, с. 168; Баишев, 1961, с. 195-198].

Оседанию кочевников предшествовала острая дискуссия о ее целесообразности в управленческом аппарате и научном мире. В середине 1920-х годов развернулась полемика вокруг перспектив оседания кочевых общин. По поводу разрабатываемых планов перевода на оседлый образ жизни казахских скотоводов с тревогой выступали бывшие алашевские деятели, национал-коммунисты и русские исследователи С.П. Швецов, М.Г. Сириус, А. Дониц, В.Г. Соколовский, Е.А. Полочанский, К.А. Чувелев, А.Н. Челинцев и другие, занимавшиеся изучением кочевого хозяйства. Общим в их выступлениях было мнение о недостаточности плодородных земель в Казахстане для развития пашенного земледельческого хозяйства.

Об аргументах национальной оппозиции мы можем говорить из выступлений одного из лидеров «национал-коммунистов» С. Садвокасова и критики их взглядов краевым руководством на XV съезде ВКП(б). Если исходить из текста доклада У. Исаева, «национал-уклонисты» апеллировали к марксистскому экономическому детерминизму и считали невозможным строительство социализма в кочевом обществе, остающимся по сути колониальным из-за отсутствия индустриального сектора экономики, вследствие чего национальные окраины по-прежнему остаются колониями. «Национал-коммунисты предлагали сперва создать в Казахстане «национальный город», а затем создать национальную промышленность. «Национальный город» и «национальная промышленность» должны были принять излишнее аграрное население. Только после этого предполагалось перейти к социалистическому строительству на окраинах и оседанию кочевого аула [XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, 1928, с. 1160; Шаумян, 1965, с. 108].

К голосам национал-коммунистов присоединились ученые-аграрии, указывавшие на жесткую детерминированность природной средой кочевого

образа жизни. С.П. Швецов в 1926 г. писал об исключительной приспособленности кочевого хозяйства к суровым условиям аридных степей Северной Евразии, где земледелие может существовать только на периферии мира номадов. Швецов считал невозможным прекращение кочевания: «Казак – скотовод-кочевник, потому, что никем иным он не может быть в окружающих условиях... Устраните периодические движения скота по степи - и казаху нечего в ней будет делать, так как никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая сейчас миллионы казахского населения, превратится в гигантскую могилу» [Швецов, 1926, с. 102-103]. Ученый-аграрий, друживший с А. Букейхановым, предупреждал об опасных последствиях для народного хозяйства проведения тотального оседания: «Уничтожение кочевого быта в Казакстане знаменовало бы собой не только гибель степного скотоводства и казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни» [Швецов, 1926, с. 109-110]. Е.А. Полочанский высказывался категорически против уничтожения кочевого хозяйства, акцентируя внимание на экономических последствиях этого шага, влекущего упадок животноводства и сокращение поголовья скота. Более рациональным он считал организацию помощи кочующим аулам в развитии трудовой кооперации на основе аульной общины, кредитовании и строительства постоянного и удобного жилья на зимних становищах-кстау. Е.А. Полочанский возражал против создания коммун из одной бедноты, предлагая включать в них более умелую зажиточную часть казахского аула. Зажиточные казахи традиционно обладали лучшими навыками работы со скотом, имели более породный и ухоженный скот [Полочанский, 1926, с.17-21].

Более осторожно высказывался в своих статьях ученый-аграрий М.Г. Сириус, глубоко изучивший на практике особенности земледелия в аридных районах, где постоянно ощущается недостаток влаги. М.Г. Сириус считал, что в значительной части районов Казахстана наиболее рациональной формой эксплуатации природы является именно кочевая форма хозяйства, в связи с чем призывал к осторожности в оценке пригодности тех или иных районов к переводу на оседлый земледельческий тип хозяйства. Наиболее рентабельным он считал

ведение полуседлого скотоводческого хозяйства, требующего только кормовые ресурсы и рабочую силу [Сириус, 1928, с. 27-30].

Отношение к вопросам оседания казахского кочевого аула коренным образом изменилось с весны 1928 г, когда чистки «национал-уклонистов» в Казкрайкоме ВКП(б) и Наркомземе КАССР недвусмысленно продемонстрировали волю Сталина и его окружения в аграрном вопросе. В декабре 1929 г. Пленум Казкрайкома ВКП(б) принял резолюцию о проведении принудительного оседания казахского аула. В резолюции подчеркивалось, что преследуются экономические задачи, заключающиеся в «освоении огромных пахотоспособных, но не освоенных площадей...освоение этих мест тормозилось националистической политикой и практикой земельных органов, имевших место до 1927 г.» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 27. Л. 14]. Политическая важность кампании оседания объяснялась невозможностью завершения социалистического строительства в республике без ликвидации кочевого образа жизни: «Оседание это один из показателей ленинской национальной политики, которая ставит своей целью ликвидацию неравенства между отдельными национальностями» [Вопросы оседания кочевников, 1932, с. 6]. Кочевому скотоводству Казкрайкомом был вынесен суровый приговор: «Современное животноводство Казахстана находится в кризисе и требует решительных мероприятий по его рационализации и реконструкции» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 32. Л. 98].

Вопросы оседания были тесно связаны с проблемой развертывания нового аграрного переселения. В период разработки планов первой пятилетки Всесоюзный переселенческий комитет разрабатывал планы организации крестьянского переселения из европейской части в восточные районы страны. 11-14 сентября 1927 г. в Москве на совещании плановых работников по вопросу о перспективах развития страны переселенческий вопрос рассматривался как средство решения проблемы аграрного перенаселения и малоземелья в центре страны и поднятия производительных сил в районах приема переселенцев [Абдразаков, 1975, с. 154].

По инициативе Всесоюзного переселенческого комитета было инициировано обследование северных районов республики. Союзный орган стремился найти экономическое обоснование для начала нового крестьянского переселения в край. Политический заказ диктовал соответствующие выводы о наличии большого массива пахотоспособных земель для выращивания зерновых. Экспедиция переселенческого комитета пришла к выводу о возможности ведения зернового хозяйства на 25 млн. гектаров, и заключила: «... ознакомление с внехозяйственными экономическими условиями на обследуемой территории показало, что, несмотря на значительные различия этих условий, ни в одной из районов к занятию товарным земледелием препятствием служить не могут» [Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения, 1930, с. 32].

Чиновники Всесоюзного переселенческого комитета, направляя экспедицию, учитывали изменившуюся после решений союзного руководства политическую конъюнктуру вокруг вопроса о начале переселения. Они, опираясь на подобранный в определенном ключе статистический материал, предложили пятилетний план аграрного переселения. В течение первой пятилетки планировалось переселить в Казахстан 500 тысяч человек, примерно более 90-95 тыс. хозяйств. В первый год - 14,5 тысяч хозяйств, во второй – 18,2 тысяч, в третий – 25,4 тысячи, в четвертый – 32,8 тысяч хозяйств. Размах грядущего переселения определялся в 300 тыс. хозяйств, с учетом размеров крестьянских семей это составляло 1,2 -1,5 млн. человек [Состояние сельского хозяйства Казакской АССР..., 1930, с. 146; Абдразаков, 1975, с. 155]. Для размещения будущих переселенцев требовались значительные земельные площади, занятые кочевниками. В 1928 г. среднее казахское хозяйство имело в пользовании 244,8 десятин земли, русское хозяйство – 56,8 десятин земли. После оседания чиновники планировали, что казахское хозяйство будет использовать от 1,1 до 7,6 гектаров (от 1,2 до 8,4 десятин) земли и иметь 9-12 голов скота в пересчете на крупнорогатый скот [Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, 1930, с. 30, 130]. В результате оседания 380 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств должно

было высвободиться 60-70 млн. гектаров земли, предназначавшихся для вновь организуемых колхозов и совхозов. На 45-50 млн. гектаров Госплан КАССР планировал создание 360 совхозов [Каминский, 1930, с. 2].

Под переселенческий фонд в республике планировалось выделить 9 млн. гектаров земли [Каминский, 1930, с. 9]. Этот фонд давал потенциальную возможность переселения до 700 тыс. хозяйств⁹. Всего же в годы первой пятилетки на восток должно было быть отправлено около 2154 тыс. человек [Абдразаков, 1975, с. 155]. Первоначально планировалось разместить в республике 65 тыс. переселенческих хозяйств, которые «помогут бедняцко-средняцкой массе казакского населения, переходящей на оседлость, быстрее усвоить навыки культурного земледелия» [Каминский, 1930, с. 11]. Советские плановики считали, что в результате перевода на оседлость резко возрастет товарность земли. Приводились следующие экономические доводы: при кочевом хозяйствовании гектар земли давал доход в 9 рублей 30 коп., при переходе на земледелие - 26 рублей 27 коп. [10 лет Казахстана, 1930, с. 235; Баишев, 1961, с. 194]. Механически подходя к вопросам землепользования, чиновники считали возможным расселение на «избыточных» землях переселенцев и решения тем самым проблемы аграрного перенаселения в европейской части страны.

С началом принудительного оседания кочевого аула начинается новый этап переселенческого движения. 18 января 1928 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий», положившее начало новому этапу переселения из центра страны в Казахстан и другие регионы страны. В январе 1929 г. Совет Труда и Оборона СССР постановил открыть переселение в Казахскую АССР.

Краевое руководство поддержало инициативу союзных властей. 13 февраля 1929 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) постановило принять к сведению директиву центрального органа власти и создать районное переселенческое управление по

⁹ В среднем, согласно расчетам чиновников ВПК, переселенческая семья должна была получать от 7,2 до 12, 5 гектар земли

республике для выявления свободных земельных фондов для подготовки к заселению переселенцами. Краевое руководство объявило о возможности принять до 10 тысяч переселенческих хозяйств в 1929 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 29. Л. 86]. Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 26 марта 1929 г. было учреждено Переселенческое управление при Наркомземе Казахской АССР, подчиненное напрямую в административно-финансовой части Наркомзему РСФСР¹⁰. В апреле 1929 г. на VII съезде Советов Казахской АССР был поставлен вопрос об одобрении открытия внутренних границ республики для массового аграрного переселения. На декабрьском 1929 г. Пленуме Казкрайкома ВКП(б) было принято решение о начале аграрного переселения из центра страны. На партийном форуме было одобрено выделение 90 тыс. земельных долей для переселенцев, с увеличением до конца пятилетки до 500 тыс. долей [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 27. Л. 17-18]. Ф.И. Голощекин и его окружение злорадно заявили, что эта акция встретит уже бессильное сопротивление националистов типа С. Садвокасова и С. Ходжанова. С этого времени Казахстан оказался открыт не только для добровольного переселения, но и для массовых депортаций отдельных социальных групп, попавших под подозрение (кулаки) и целых народов.

Окончательный приговор казахскому кочевому хозяйству был вынесен на VI республиканской партийной конференции. Кочевое животноводство партийное руководство объявило отсталой формой хозяйствования: «Характерная черта животноводства в Казакстане – это его крайняя отсталость (архаистические, некультурные формы ведения хозяйства, стихийность в развитии стад, кочевки на большие расстояния, низкие породы скота, подножный корм круглый год, периодический падеж вследствие джута и эпизоотий и т.п.), на почве этой отсталости (и этих форм хозяйствования) мелкое расселение населения (5-7 кибиток – один хозаул), отсталость общественных отношений (смесь родовых,

¹⁰ Создание Постановлением ЦИК и СНК СССР 10 апреля 1925 г. Всесоюзного переселенческого комитета было отказом от прежней политики невмешательства в практику землеустройства в национальных республиках, переданного в ведение местных наркоматов по земледелию. Специалисты по переселенческому делу И.Л. Ямзин и В.П. Воцинин в 1926 г. писали о принципиальном отличии советской земельной и переселенческой политики от колониационной политики царизма, заключающейся в отказе от широкого централизованного земельного управления.

феодалных и товарных отношений), экономическое господство и политическое влияние родового начальника-бая» [Резолюции VI Всеказахской конференции, 1928, с. 9-10].

Большевики проигнорировали опыт других стран (США, Австралия, страны Южной Америки), где отгонное скотоводство является источником «быстрых» денег, позволяя накопить достаточные ресурсы для ведения земледельческого фермерского хозяйства. Кочевое животноводство не требовало колоссальных вложений. Казахский скот, прошедший многовековую народную селекцию, был устойчив к болезням, требовал минимума заготовленных кормов. Лошади были способны к поиску корма в заснеженной степи. При этом наиболее породный скот был сосредоточен в руках зажиточной части скотоводческой общины.

Казахстан стал экспериментальной площадкой в реализации политики седентеризации в СССР. Следом оседание было проведено в других регионах страны, где существовало кочевое хозяйство. Основная часть оседания была проведена в Казахстане. За 1930-1932 годы из 324930 осевших хозяйств 264 тыс. пришлось на Казахстан (81 %) [Абдразаков, 1975, с. 166]. В Бурятии, Калмыкии, Ойротии, Киргизии и других кочевых районах страны кампания оседания не носила столь драматического характера, как в Казахстане.

В Казахстане было намечено перевести на оседлый образ жизни 430 тыс. хозяйств. Из них 25 тыс. хозяйств должны были осесть в скотоводческой зоне западного и центрального Казахстана, 250 тыс. в земледельческой зоне северного и южного регионов республики, остальные хозяйства в восточной полеводческой зоне. Оседание планировалось провести в крайне сжатые сроки. В 1930 г. на оседлый образ жизни должны были быть переведены 84 тыс. хозяйств, в 1931 – 93 тыс., в 1932 г. – 151 тыс., в 1933 г. – 102 тыс. хозяйств [ГАРФ. Ф. Р-6985. Оп. 1. Д. 20. Л.1]. Краевое и местное руководство добилось перевыполнения планов. Только в 1931 г. по шести областям Казахстана (Западно-Казахстанская, Актюбинская, Карагандинская, Алма-Атинская, Восточно-Казахстанская, Южно-Казахстанская) были переведены на оседлость 164,6 тыс. хозяйств, из них подверглись коллективизации 143,8 тыс. хозяйств. В 1932 г. были переведены на

оседлость 109 тыс. хозяйств, из них коллективизировано 97,2 тыс. хозяйств [Баишев, 1961, с. 197].

Оседавшее казахское население должно было размещаться в населенных пунктах европейского образца – «казгородках». Голощекин объявлял казгородки «культурной базой, ячейками социализма» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 90. Л. 16]. В казгородках строились типовые жилища, хозяйственные постройки, почтовые отделения, школы, клубы, амбулатории, больницы и служебные конторы. Однако при строительстве «точек оседания» не брались в расчет возможности содержания огромного количества скота. Стационарные пункты приема кочевников были малочисленными. В ряде случаев в период коллективизации в них собирали от 300-400 до 700-800 хозяйств. Каждый из колхозов-гигантов объединял территорию в радиусе 50-60 км., а то и 90 км. [Абылхожин и др., 1991, с. 190; Турсунбаев, 1957, с. 151].

Партийные руководители не учли психологии кочевников, не привыкших жить в подобных населенных пунктах. Юрта и постоянные миграции со скотом вырабатывали особый образ жизни и модели поведения. История оседания кочевников в Казахстане, в Монголии, в арабских и североафриканских странах свидетельствует о стремлении недавних крестьян либо вернуться к прежнему образу жизни, либо сохранить элементы повседневной прошлой жизни.

Провал с созданием стационарных пунктов оседания был также связан с удаленностью их размещения от мест постоянного выпаса скота, и вследствие этого отсутствием водопоев и достаточной кормовой базы в районах оседания. Не хватало жилого фонда и сельскохозяйственных построек. По данным Оседкома при СНК Каз.ССР, в 1930-1932 гг. было построено более 24 тыс. жилых домов, 998 скотных дворов, 971 зернохранилищ, 410 конюшен, 407 кузниц, 108 бань и т.д. [Баишев, 1961, с. 195]. Следует обратить внимание на то, что в принятом в апреле 1930 г. специальном постановлении ЦИК Каз.АССР «О практическом плане ведомств по оседанию трудящегося кочевого и полукочевого населения» планировалось построить не менее 35800 скотных дворов с затратами 1611 тыс. рублей [Турсунбаев, 1957, с. 138], а фактически было построено не более 1

тысячи. С учетом перехода на оседлость 360 тыс. хозяйств только в 40 кочевых и полукочевых районах в 1930-1932 гг. темпы строительства постоянного жилья и скотных дворов оказались недостаточными. Люди и скот оказывались размещенными на ограниченном пространстве. Скученность размещения способствовала распространению эпидемий среди казахского населения и эпизоотий среди скота.

В советской историографии массовый забой скота в годы оседания и коллективизации объяснялся происками байства и кулачества. На наш взгляд, массовый забой скота был связан с определенной хозяйственной практикой. Скопившийся скот выбивал пастбища вокруг «точек» оседания и худел. В случае недостатка кормов и угрозы эпизоотий кочевники обычно прибегают к забою части скота для спасения наиболее ценного поголовья. Весь прошлый опыт ведения хозяйства подталкивал бывших кочевников к этой крайней мере. Вдобавок, полученный беднотой скот не уравнил их в деловых качествах с прежними баями. После конфискации и выселения байских хозяйств вне казахских коммун оказались наиболее умелые скотоводы, обладавшие организаторским опытом и способные вывести сородичей из хаоса оседания. Национал-коммунисты, глубоко понимавшие социальные механизмы, действовавшие в казахском ауле, были правы, когда сомневались в аульной бедноте, считая, что в результате экспроприации зажиточных скотоводов новые владельцы просто съедят полученный скот и потребуют новый. Позже казахстанские историки напишут о последствиях социальной инженерии большевиков в отношении кочевого хозяйства, приведших к возникновению отчуждения непосредственных производителей: «Расплата за абсурдные решения не заставила себя долго ждать. Огромнейшая концентрация скота на колхозно-товарных фермах не давала возможности прокормить его, и началась массовая гибель животных. И до этого мало кому было дело. У большинства бывших собственников, а теперь членов сельхозартели родилось тщательно скрываемое чувство безразличия к происходящему. И как результат – тот скот, который был получен по линии заготовок, из-за бескормицы и вызванных скученностью

эпизоотий во многих случаях не доходил до потребителя, а на скотопрогонных путях образовались гигантские овечьи «кладбища» [Абылхожин и др., 1991, с. 200]. Насильственное оседание и последовавшая коллективизация казахского аула стали главными причинами голода 1930-х годов.

Основой социалистической модернизации аграрного сектора в СССР была коллективизация, проведенная одновременно с оседанием и началом аграрного переселения в Казахстан. Отправной точкой курса на форсированную коллективизацию сельского хозяйства считается появление в газете «Правда» от 7 ноября 1929 г. статьи Сталина «Год Великого перелома», в которой объявлялось о переходе к политике ликвидации кулачества и «кулацкого производства» и созданию МТС, колхозов и совхозов-гигантов как основы сельскохозяйственного производства. В Казахстане коллективизацию увязали с проводимым оседанием кочевого аула. В декабре 1929 г. Пленум Казкрайкома (11-16 декабря 1929 г.) запланировал в качестве основных задач проведение одновременно оседания и строительства крупных совхозов и колхозов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Ед. хр. 27. Л. 14]. Изначально планировалось проведение коллективизации на основе уже проведенной седентеризации казахского аула. Краевое руководство провело оседание на основе коллективизации, тогда как оседание казахского аула должно было быть предпосылкой коллективизации [Абдразаков, 1975, с. 168]. Лишь после катастрофы 1931-1932 годов Казкрайком спешно решил, что развитие коллективизации казахского аула должно базироваться исключительно на хозяйственном оседании кочевников [Голощекин, 1932, с. 21; Абдразаков, 1975, с. 169].

Истории коллективизации в Казахстане посвящен широкий круг научной литературы. На наш взгляд, методы проведения коллективизации в исторической науке подвергнуты справедливой критике. В то же время, представляется неверным мнение о преднамеренном «этноциде» казахского народа Советским государством. На протяжении 74 лет существования СССР не было проведено ни одного мероприятия, целенаправленного на уничтожение какого-либо этноса в стране. Советское руководство пыталось «большим скачком» преодолеть

технологическое и культурное отставание от развитых стран и не могло в тот момент просчитать всех негативных последствий курса на форсированную модернизацию страны и ликвидацию экономической многоукладности. М.Б. Олкотт утверждает: «Коллективизация и седентеризация были связаны по определению, потому что Сталин был полон решимости добиться окончательного уничтожения кочевого хозяйства и так завершить политическое господство старого социального порядка» [Olcott, 1995, p. 180].

Гибель миллионов людей в России, в Казахстане и в Украине («Голодомор») была результатом развязанной советским политическим руководством социальной войны против «враждебных классов» в лице зажиточного крестьянства. В жесткий конфликт между социалистическим государством и зажиточным крестьянством была активно вовлечена беднейшая часть деревни, получившая возможность реванша в отношении своих более удачливых и трудолюбивых сельских конкурентов. В отношении байства наблюдалась иная картина. Первым следствием кампании было уничтожение байского хозяйства, долгие века являвшегося цементирующей основой кочевого хозяйства. В 1928-1929 гг. после конфискации «верхушки» кочевого общества насчитывалось 55-60 тыс. байско-кулацких хозяйств (при наличии приблизительно 68,8 тыс. т.н. хозаулов. В 1930-31 гг. было ликвидировано 40 тыс. хозяйств, «остальные самоликвидировались в ходе коллективизации» [Байшев, 1961, с. 191]. Зажиточные скотоводы были связаны родственными узами с сородичами, и их роль трудно переоценить в повседневной хозяйственной и социальной практике в ауле. На наш взгляд, именно эта наиболее активная часть кочевого социума подтолкнула казахское население к протестам различной направленности, от массового забоя скота до откочевок за пределы республики - в соседние российские области, в Туркмению и Узбекистан и за пределы СССР.

В антиколхозное движение включилось значительное количество оседающих кочевников, из которых формировались отряды, убивавшие не только представителей актива колхозного движения, но и простых колхозников. Только в 1930 г. в трех северных округах было осуждено за участие в беспорядках около 30

тыс. человек. Численность повстанческих отрядов Саметова достигала 2-3 тыс. человек, Сатыбалдина до 500 человек. 31 марта 1930 г. краевое руководство запросило Москву об использовании частей Красной Армии, так как сил ОГПУ оказалось недостаточно для подавления повстанческого движения. Наиболее активными были повстанцы в полупустынной и пустынной местности южных и западных районов республики. На территорию Туркменской ССР отступили вооруженные группы казахских кочевников, объединившиеся с давними конкурентами в борьбе за пастбища - туркменскими родами йомутов. Объединенная йомуто-казахская группировка басмачей действовала в Казанджикском и Красноводском уездах [Поляков, Чугунов, 1976, с. 154]. В марте 1930 г. в национальных районах Актюбинского и Кустанайского округов сформировался повстанческий отряд, в который вошли местные русские. Ф.И. Голощекин докладывал о поддержке казахской «банды» русскими поселками Оренбургского округа и мусульманским духовенством [Из истории депортаций, 2012, с. 142-143]. За два неполных года в Казахстане были зафиксированы 372 восстания, в которых принимали участие более 80 тыс. человек [Сыдыков, 1998, с. 177].

В июне 1930 г. командование 11 кавалерийской дивизии в своем отчете, направленном на имя Голощекина, докладывало о вовлечении в повстанческое движение казахов семи округов и одной области из двенадцати округов и одной области, входящих в состав республики. Основную часть восставших составляли бедняки и середняки, а байство и духовенство, по мнению военных, являлось «вдохновителем, организатором и руководителем восстания» [Из истории депортаций, 2012, с. 275, 277]. Военные глубже местного партаппарата проанализировали причины восстания, заключавшиеся в полном отторжении населением политики коллективизации: «Местное население, особенно отдаленных аулов, о сущности советской власти, о партии, о ее политике имеет весьма смутное, а в некоторых случаях прямо таки превратное представление. Так, например, слово социализм некоторыми понимается как немедленное, всеобщее, равное распределение. «Коммунист» - человек все отбирающий,

«колхоз» понимается как организованное всеобщее отчуждение и снесение всего в кучу, обрекающее кочевника-казаха на голодание. Советская власть – это власть, которая все отбирает и т.п.» [Из истории депортаций, 2012, с. 275-276]. Мы видим картину полного подрыва доверия к Советской власти, вызванного практикой оседания и коллективизации. Рост недоверия проявлялся в самых разнообразных формах протеста.

Одной из форм активного протеста были массовые откочевки. Только в 1930 г. пределы страны покинуло 121 тыс. человек. В некоторых южных районах республики в Китай ушло до 50 % населения [ГАРФ. Ф. Р-6985. Оп.1. Д. 20. Л. 63, 83, 129]. На 23 сентября 1931 г. из 51 района откочевало 56469 хозяйств (более 10% от общего числа кочевых хозяйств). В 1931 г. по сравнению с 1930 г. из Шемонаиханского района откочевало 14,1 % хозяйств, из Бескарагайского – 27,5%, из Енбекши-Казахского – 20,4 %, из Джаныбекского - 46,7 % хозяйств [Абдразаков, 1975, с. 178]. На 1 января 1934 г. было учтено 139,6 тыс. хозяйств бежавших от коллективизации и голода в Монголию и Китай. Всего к этому времени республику покинуло 1030 тыс. человек, из них 616 тыс. безвозвратно [Козыбаев и др., 1989, с. 53].

Пассивной формой протеста с осени 1929 г. стал массовый забой скота. Для обеспечения минимума выживания кочевникам необходимо до 150 голов скота в пересчете на овец (или 25 голов крупного скота) на семью из 5-7 человек [Толыбеков, 1971; Масанов, 1995, с. 202]. Краевое руководство планировало оставить не более 6 голов скота на семью. В протоколе заседания Павлодарского отдела ОГПУ от 3 марта 1930 г. был установлен минимум скота для русских кулаков и казахов-баев в одну лошадь, корову, двух баранов (для казахов), плуг, телегу, домашнюю утварь, 500 рублей и хлеба (мяса) с расчетом на два месяца [Из истории депортаций., 2012, с. 136]. Уменьшение количества скота ниже прожиточного минимума вело к тотальному голоду в казахском ауле. Казахское население не могло без своего скота выжить в суровых условиях, так как не имело огородов и пасек.

Наглядную картину развития переселенческого и казахского хозяйства между 1920 и 1927 гг. дают данные исследования К.Ж. Таскужиной. С 1920 по 1926 гг. площадь посевов на одно переселенческое хозяйство составляла по Кустанайской и Акмолинской губерниям 9,95 и 6,253 десятины соответственно, по казахским хозяйствам 3,366 и 0,95 десятины соответственно. В 1926 году переселенческое хозяйство обеих губерний сеяло в среднем 7,8 и 5,96 десятины соответственно, казахское хозяйство – 1,86 и 0,875 десятины соответственно. В 1927 г. при общем увеличении количества переселенческих хозяйств заметно увеличение площади посевов у переселенцев – 7,45 и 6,09 десятины соответственно [Таскужина, 1979, с. 49]. Тем самым, переселенческое хозяйство было более «стрессоустойчивым» в сравнении с казахским хозяйством.

Нестабильность скотоводческого хозяйства казахов по сравнению с крестьянским хозяйством показывает анализ изменения количества среднего поголовья скота на один двор у переселенцев и казахов. В 1920 г. в Акмолинской и Кустанайской губерниях среднее количество скота на одно переселенческое хозяйство составляло 14,65 и 14,9 голов скота; в 1925 г. – 14,85 и 14,76 голов скота; в 1926 г. – 14,65 и 16,2 головы скота; в 1927 г. – 14,28 и 17,83 головы скота соответственно. Мы видим, что даже в наиболее трудные для переселенцев 1925-1927 годы в их хозяйстве либо сохранялось среднее поголовье скота, либо оно росло, как в Акмолинской области, где численность переселенческих дворов в период запрета на переселение в Казахстан выросла с 118 тыс. до 128 тыс. [Таскужина, 1979, с. 49].

Казахское хозяйство по этим материалам было более слабым: в 1920 г. на одно казахское хозяйство в Кустанайской и Акмолинской губерниях приходилось 15,43 и 31 голов скота соответственно; в 1925 г. – 15,5 и 21 голов соответственно. Наибольшее падение обеспеченности скотом имело место у казахов в Акмолинской области - с 31 до 21 головы условного крупного скота. В 1926 г. по Кустанайской губернии одно казахское хозяйство имело в среднем 15,54 голов скота, в 1927 г. – 20,76 голов [Таскужина, 1979, с. 49]. Общее число казахских

хозяйств по Кустанайской и Акмолинской губерниям сократилось между 1920 и 1925 годами на 8 тыс. и 12 тыс. хозяйств.

Материалы по экономическому положению казахского хозяйства в двух указанных губерниях/областях подтверждаются в исследовании переселенческой колонизации В.П. Воцининым и И.Л. Ямзиным за 1926 год. В земледельческой зоне в 1920 г. 58 тыс. казахских хозяйств владели 682 тыс. голов скота (11,75 условных голов крупного скота) и обрабатывали 235 тыс. десятин земли (4,05 десятины на хозяйство), в то время как 454 тыс. крестьянских хозяйств в среднем владели 5963 тыс. голов скота (13,1 голов на одно хозяйство) и обрабатывали 3030 тыс. десятин земли (6,67 десятин) [Ямзин, Воцинин, 1926, с. 295]. Немногим лучше были показатели с обеспеченностью скотом 180 тыс. казахских хозяйств в полу-земледельческой зоне, основное ядро которой находилось в Акмолинской и Семипалатинской губерниях. Здесь в среднем хозяйство держало 14,6 голов скота и обрабатывало 1,41 десятин посева. В скотоводческой зоне, включавшей обширные засушливые районы западного, южного и восточных регионов, 216 тыс. казахских хозяйств владели 4546 тыс. голов скота (21 голова на хозяйство) и обрабатывали всего 14 тыс. десятин посевов [Ямзин, Воцинин, 1926, с. 295].

Как видно из этих цифр, показатели обеспеченности скотом среднего казахского хозяйства были значительно ниже минимума в 25 голов крупного скота, необходимого для полуголодного существования. Казахское пастушеское хозяйство всегда балансировало на грани выживания и залогом его стабильности были богатые сородичи и аскриптивные связи, благодаря которым в общине постоянно поддерживались отношения внутриродовой реципрокации и редистрибуции. Разорившийся скотовод мог рассчитывать на помощь сородичей и восстановить поголовье скота. Лишь в случае отсутствия такого источника донатив, как баи и зажиточные сородичи, разорения всего аула или разрушения уз общинной и родовой солидарности казахский кочевник мог превратиться в джатака.

Хрупкое существование казахского аула было прервано последовательными акциями по конфискации байских хозяйств, являвшихся

основными донатами для более бедных сородичей, кампанией оседания и коллективизации, приведшими к уничтожению главного богатства казахов – скота. За период 1929 -1934 годы поголовье лошадей сократилось с 3792 тыс. до 849 тыс. голов (22,3 %), КРС с 6744 тыс. до 1588 тыс. (23,5 %), овец и коз с 23832 тыс. до 2193 тыс. голов (9,2 %). С 1929 по 1930 гг. поголовье свиней, содержащихся крестьянами и казаками в личном подворье, сократилось на 95 %, тем самым свиноводство, один из наиболее рентабельных видов животноводства, было подорвано на корню [Ивашкин, 1962, с. 82]. Забой скота как пассивная форма социального протеста использовался как казахским, так и у русско-украинским населением. Самые массовые потери скота были в подвергшихся форсированному силовому оседанию и коллективизации кочевых и полукочевых районах Западного и Центрального Казахстана, где поголовье скота уменьшилось почти в 8 раз, с 8200 тыс. голов до 1065 тыс. (12,9%). Не меньшие потери были в восточной и южной зонах оседания и коллективизации, где численность поголовья скота сократилась с 6400 тыс. и 4019 тыс. голов до 652 тыс. (10,1 %) и 737 тыс. голов (16,2 [ГАРФ. Ф. Р-6985. Оп.1. Д. 10. Л. 101, 110 - 112].

Активисты колхозного движения доводили ситуацию до абсурда. В поселке Орликовский Федоровского района Кустанайского округа обобществили жилые постройки и птицу, а в соседнем поселке Восточный даже одежду. В колхозе им. Калинина Актюбинского округа уполномоченный Немцев предложил обобществить личное имущество колхозников, угрожая роспуском артели [Ивашкин, 1962, с. 87]. Командование 11 кавалерийской дивизии в июне 1930 г. указывало, что подлинными причинами возникновения массового антисоветского восстания были действия местных партийных и советских органов, разорявших простых скотоводов в ходе проведения различных заготовок, закрывавших мечети с дальнейшим использованием их под складские помещения. В числе причин восстания военными указывался также шовинизм русской части партийного аппарата и органов ГПУ: «Нередки случаи проявления великодержавного шовинизма... На линии ж.д., проходящей по территории Казахстана, нет ни одного начальника станции, дорожного мастера и даже артельного старосты –

казаха. Все административные должности заняты русскими. Казахи работают только чернорабочими. В казенных ж.д. домах живут только русские. Казахо-железнодорожников в казенные здания не пускают... Даже ответственные сотрудники ОДТ ГПУ являются носителями великодержавности. Так, агенты ст. Арморе Иванов и Алгущенко считают, что «киргиза нельзя поставить стрелочником» и что «нельзя киргиза поселить в казенный дом» [Из истории депортаций, 2012, с. 275, 277]. Аналогичный подход военные зафиксировали в рыболовных предприятиях на Аральском море. По утверждению военных, директор КазАРСО Новоженев говорил: «надо киргизам морду набить, а то они нос высоко подняли» [Из истории депортаций, 2012, с. 275-276]. В числе мер, направленных на преодоление отчуждения казахского населения, военные предлагали провести коренизацию управления на железной дороге, ликвидировать «великодержавные российские обычаи», поднять культурный, политический и экономический уровень казахского аула [Из истории депортаций, 2012, с. 286-287].

Зимой 1931 г. разразился страшный голод, охвативший преимущественно районы сплошного оседания кочевников. В историко-демографической науке высказываются различные оценки потерь казахского населения во время голода 1931-1932 годов. Цифры варьируются от 1 млн. человек (Р. Конквест) до 1750 тыс. человек [Козыбаев и др., 1992, с. 28-30]. Казахстанский демограф М.Б. Татимов насчитал 2200 тыс. жертв голода в республике. Всего же, по его расчетам, за «годы российской колонизации и проведения советской национальной политики казахский народ потерял более 6 млн. человек» [Татимов, 1995, с. 15]. Голод унес жизни не только более миллиона казахов, но и около 200 тыс. русских и украинских жителей республики.

Растерявшееся краевое руководство обвинило в провале коллективизации саботажников из местного партийного и советского аппарата. 25 января 1932 г. Казкрайком ВКП(б) принял решение о проведении очередной чистки партийных организаций от «чуждых и разложившихся элементов». Органы ОГПУ и внутренних дел получили указания выявлять «преступные элементы» из числа

аульного и сельского партактива, бежавших из районов, охваченных голодом, и предавать их показательным судам по упрощенным процедурам по обвинению во «вредительстве и расхищении колхозов» [О коренизации, 1934, с. 4-5]. Репрессивные меры предусматривались принятым Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1934 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации, укреплении социалистической (общественной) собственности», введшим применение исключительных наказаний в виде расстрела или 10 лет тюремного заключения с конфискацией имущества. Ф.И. Голощекин пытался исправить ситуацию с падением животноводства в республике за счет нового наступления на казахское хозяйство, потребовав в мае 1932 г., чтобы в колхозном личном подворье животноводческих районов содержалось не более шести голов продуктивного скота, для земледельческой зоны эти показатели были еще ниже [Голощекин, 1932, с. 12].

Ф.И. Голощекин никогда не признавал личной ответственности за трагедию коллективизации и оседания. Арестованный осенью 1939 г. Ф.И. Голощекин отвергал доводы следствия, обвинившего его в том, что «в результате вашей вражеской работы в крае создалась напряженная политическая обстановка, начались восстания, откочевка казахского населения в Западный Китай, колхозы были дезорганизованы, и идея коллективизации была сильно дискредитирована». Доводы следователя заставляют вспомнить об аналогичных высказываниях прежнего руководителя краевой парторганизации в адрес разгромленных «национал-коммунистов». Ф.И. Голощекин во время следствия был уверен в правильности своих действий, объясняя свои шаги, тем что: «На самом деле политическая, обостренная политическая обстановка в Казахстане создавалась в результате мероприятий по проведению правильной национальной политики партии и мероприятий, предопределивших в эти годы переход Казахстана от полуфеодализма к социализму. Мероприятия, на которые баи, родоначальники, буржуазные националисты и, очевидно, правотроцкистские элементы ответили острой классовой борьбой в виде откочевок, хищнического убоя скота и откочевок с грабежами, которые так и назывались восстаниями...» [Цит. по:

Койгельдиев, 2009, с. 248]. Бывший руководитель края пытался обвинить в провале коллективизации своих политических противников – националистов: «Классовое сопротивление вызвали даже мероприятия, способствующие широкому экономическому развитию Казахстана, как, например: развитие промышленности, железнодорожного транспорта, посевов зерновых и, в особенности технических культур, и строительство совхозов... На эти именно мероприятия классовые враги ответили вредительскими действиями в виде, главным образом, организации бесцельных откочевок как внутри края, так и в соседние области: Узбекистан, Поволжье, Урал, Западную Сибирь, а из районов, примыкающих к Китаю, – в Западный Китай. Компрометизация коллективизации среди казахского населения ... была вызвана не моими, совершенно правильными действиями, а была вызвана вражеской агитацией врагов советской власти – баями и буржуазными националистами» [Цит. по: Койгельдиев, 2009, с. 248-249].

Репрессивные меры не переломили ситуацию в республике. За три года, с 1930 по 1933, из намеченных 430 тыс. хозяйств в новые поселки переселилось только 70,5 тыс. хозяйств, еще 120 тыс. хозяйств находились в стадии перехода к оседлому образу жизни. В полукочевых районах к концу первой пятилетки было коллективизировано 53,8 % хозяйств, в кочевых – 35,1 % хозяйств [Коллективизация сельского хозяйства..., 1967а, с. 567; Нурмухамедов и др., 1966, с. 106-107].

Очевидные промахи в управлении республикой и провалы в осуществлении коллективизации и оседании вынудили союзное руководство отозвать Ф.И. Голощекина в Москву в сентябре 1932 г. Немаловажную роль в его отставке сыграли умеренные казахские партийцы, ранее сотрудничавшие с «национал-уклонистами». Председатель СНК КАССР У. Исаев и зампреда СНК РСФСР Т. Рыскулов проинформировали союзное руководство и лично Сталина об ошибках краевого руководства и страшном голоде среди казахского населения. В августе 1932 года Ураз Исаев обратился с письмом к Сталину, сообщив: «В 10-12 казахских районах Центрального Казахстана голодает и сейчас значительная часть населения. По приблизительным данным, весной этого года с голоду умерло

10-15 тыс. человек, массовые откочевки, уход в другие края и республики, особенно усилившиеся в 1931 г., не приостановились и сейчас. Во многих казахских районах, по сравнению с 1929 г., не осталось и половины населения. Общее количество крестьянских хозяйств края сейчас меньше, чем в 1931 г., на 23-25%. Голодные казахи и их беспризорные дети скопляются около промышленных предприятий, совхозов в Семипалатинском и Актюбинском районах, на станциях железных дорог, занимаются кражей, осаждают колхозные поля, срезают колосья. Голод, скопление, грязь явились почвой для распространения эпидемий: черная оспа, тиф, дизентерия и др.». У. Исаев считал виновными в ситуации республиканское руководство: «Нельзя, конечно, всю вину наших недочетов сваливать на кого-то одного. Здесь виновно все бюро Крайкома в целом. Лично я несу определенную ответственность за недочеты и ошибки и Крайкома, и всей нашей работы в Казахстане, ибо я являюсь руководящим работником Казахстана. Но для того, чтобы решительно перестроить работу и усилить руководство, необходимо освежение и обновление руководства Крайкома. Общеизвестна особая роль первого секретаря. Лично думаю, что т. Голощекин, проделавший огромную работу в Казахстане (советизация аулов, борьба с групповщиной и др.), не будет иметь необходимой силы для решительного поворота на основе суровой критики ошибок и Крайкома, и своих собственных» [Михайлов, 1996, с. 360-361].

Страшную картину голода и бедствий казахского аула показал Турар Рыскулов в своем письме Сталину, Молотову и Кагановичу. По его сведениям, в ряде районов население от голода и откочевки сократилось на 80 % [Устинов, 1996, с. 334-336]. Т. Рыскулов требовал вмешательства центральных властей для организации помощи голодающим. Рыскулов сообщал союзным вождям о распространении эпидемий среди ослабевших от голода казахов и массовой гибели детей: «особенно значительна убыль среди детского населения. Многие кочевники бросают своих детей на произвол судьбы. Прибывшие в другие края откочевники мало привозят с собою детей. Массы беспризорных детей скапливаются по городам и станциям железных дорог. Казачки (казашки – С.К.)

приносят и бросают своих детей перед учреждениями и домами. Казакские органы еще в конце 1932 г. официально сообщали о неустроенных еще 50 тыс. беспризорных казахских детей» [Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг., 1999, с. 207]. В Тургае, писал Рыскулов, вымерли все казахские дети до четырех лет. Оставшиеся дети старше четырех лет находилось в крайне ослабленном состоянии [Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг., 1999, с. 207].

Письма видных казахских партийцев заставили обратить внимание союзного руководства на ситуацию в Казахстане. 17 января 1932 г. ЦК ВКП(б) проигнорировало заверения бывшего руководителя края об успехах социалистического строительства в крае и разрешило казахскому населению кочевых районов держать в личном хозяйстве до 100 овец, 8-10 табунных лошадей, 3-5 верблюдов и 8-10 голов крупного рогатого скота, а в оседло-земледельческих районах 2-3 головы коров, 10-20 овец, 10-20 свиней и поросят на личное хозяйство [Коллективизация сельского хозяйства, 1967б, с. 75; Нурмухамедов и др., 1966, с. 112]. Оптимальной формой объединения скотоводов кочевых и полукочевых районов были признаны ТОЗы (товарищества по обработке земли и сенокосу).

Краевое руководство предприняло значительные усилия для исправления ошибок «большого скачка». Весной 1932 г. начался прием возвращающихся откочевников. Их хозяйства обеспечивались продовольственным хлебом, выделялись значительные средства для закупки скота, местным органам запрещалось увольнять казахов из совхозов и сгонять в «казгородки». Партийное руководство республики постановило пересмотреть репрессии, связанные с коллективизацией, и запретило административные закрытия мечетей без согласия населения [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 76. Л.89-90; Д. 44. Л. 27-28].

Последствия коллективизации крестьянства и оседания кочевого аула поставили под сомнение многие достижения предшествующего периода национальной политики. Однако очевидно, что советские руководители не отошли от основополагающих принципов интернационализма, стараясь

дополнить прежнюю поощрительную национальную политику в республиках разжиганием классовых конфликтов теперь уже внутри «титულных» наций. Массовая гибель людей и откочевки сотен тысяч скотоводов за пределы страны в Центральной Азии были результатом ошибок и «перегибов» строителей нового общества, а не преднамеренным этноцидом «отсталых» народов. Советское государство никогда не планировало физического уничтожения этнических общностей. С.В. Чешко предлагает более точное определение «социоцида», направленного против нелояльных или заподозренных в нелояльности социальных групп [Чешко, 2000, с. 141]. А.Улам отмечает особое место сталинской модернизации в мировой истории, так как она проводилась за счет страданий и обнищания собственного народа и не была войной против иностранных наций, отдельных классов или расовых меньшинств: «Это было войной...против нации, войной которую вел Сталин, руководивший Коммунистической партией Советского Союза. Из этой войны он вышел победителем. Было бы неправильным отрицать эту победу или осуждать с позиций морализма. Масштабы геноцида, проведенного в ходе насильственной коллективизации, вызвали благовейный ужас у его творца» [Ulam, 2007, p. 289-290].

Украинский «голодомор», голод в Поволжье и в Казахстане были результатом трагического совпадения нескольких факторов – неурожая и очередного джута в степи, негативной реакции крестьянства на обобществление сельского хозяйства, выраженной в сокращении посевных площадей и массового забоя скота, неумелых волюнтаристских методов проведения оседания и коллективизации. Вопрос о необходимости коллективизации сельского хозяйства в конце 1920-х годов был уже решенным в связи с необходимостью обеспечения притока ресурсов для форсированной индустриализации и формирования в аграрном секторе современного машинного производства. Но крестьянское население было не готово к столь быстрому и насильственному слому их прежнего образа жизни.

Несмотря на чрезмерную «цену» модернизации, коллективизация и оседание казахского аула создали возможности для интеграции народов республики, действительного выравнивания культурного и социального уровней развития. Союзное руководство во главе со Сталиным было лимитировано в выборе путей дальнейшего развития страны и должно было либо согласиться на поражение в борьбе с враждебным окружением, либо провести модернизацию по «жесткому» варианту. Милитаризованный тип экономики позволил союзному руководству проводить выкачку ресурсов из сельского хозяйства для повышения обороноспособности страны и резко увеличить мобилизационные ресурсы Красной Армии, в том числе и за счет осевшего кочевого населения.

4.2 В тени сталинской модернизации: национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане (1933-1940 гг.)

Выше уже говорилось, что национально-политические процессы в Казахстане в 1930-е годы определялись общими изменениями в экономической, социальной, культурной политике советского стратегического руководства. На наш взгляд, в развитии национальной политики последнего предвоенного десятилетия существует прямая преемственность с основными принципами политики нацистроительства, проводимой с начала 1920-х годов, за исключением постепенного сворачивания коренизации в национальных республиках, попутно с прекращением НЭПа в целом по стране и переходом к репрессиям в отношении всех категорий инакомыслящих. А. Беннигсен увязывает свертывание коренизации аппарата с ликвидацией влияния национал-коммунистов, полагая, что коренизация «была прекращена якобы по практическим соображениям: быстрая индустриализация требовала армию обученных техников и специалистов, которую мог поставить русский народ, но не могли предоставить местные национальности... Ликвидация национал-коммунистов, как мусульман, так и не мусульман, прошла одновременно во всех частях Советского Союза» [Bennigsen, Wimbush, 1979, p. 90]. На наш взгляд, этнически нейтральная национальная политика с упором на советский патриотизм, проводившаяся Сталиным со второй половины 1920-х гг., стала главной причиной свертывания коренизации управленческого аппарата, создававшей преференции титульным нациям в ущерб общесоюзным интересам. Смещение акцентов национальной политике должно было также способствовать изживанию в обществе недоверия к политическим институтам и представителям иных этнических групп «поверх» национальных границ.

С середины 1930-х годов наблюдается патриотический поворот во внутреннем курсе, связанный с подготовкой к противостоянию с

капиталистическим окружением и наиболее вероятным противником – нацистской Германией. Переход в годы «Большого террора» 1937-1939 годов к широкомасштабным репрессиям в отношении социальных противников из числа прежних «эксплуататорских» классов, бывших конкурентов – партийцев, проигравших борьбу за союзный «Олимп», национал-коммунистов с их установками на сохранение преимущества за «титულными» нациями, объективно служил идее обеспечения единства советского общества. Репрессивной кампании предшествовал период относительного смягчения давления на общество.

Отзыв Ф.И. Голощекина из республики привел к временному восстановлению прежней политической практики уступок национальным чувствам первой половины 1920-х годов. По настоянию нового руководителя краевой партийной организации Л. Мирзояна в январе 1933 г. Пленум Казкрайкома ВКП(б) осудил подавление национальных кадров и вновь обратил внимание на необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом. Л. Мирзоян связал появление казахского национализма с реакцией на шовинизм: «проявления великодержавного шовинизма усиливали и в значительной мере питали казахский национализм» [О коренизации..., 1934, с. 4]. В республике отзыв Голощекина восприняли как осуждение союзным руководством прежней жесткой линии. В Казкрайком ВКП(б) поступали предложения от студентов и казахских коммунистов об аресте Голощекина. Бывший руководитель края в августе и в сентябре апеллировал к Сталину и Кагановичу, указывая на свои заслуги в проведении линии «против шовинистов и националистов» [Советское руководство. Переписка. 1928-1940 гг., 1999, с. 258-259]. Ф.И. Голощекин обращал внимание своих прежних покровителей на высказывания Л. Мирзояна перед студентами в Москве о персональной ответственности своего предшественника за разорение Казахстана. На июльском 1933 г. Пленуме Казкрайкома ВКП(б) Л. Мирзояном было заявлено о грубейшем искажении ленинской национальной политики со стороны Ф.И. Голощекина [Советское руководство. Переписка. 1928-1940 гг., 1999, с. 246-247].

Умеренный поворот во внутривластическом курсе в начале 1933 г., по мнению О.В. Хлевнюка, был связан с молчаливым признанием невозможности подстегивания страны и нереальности планов большого скачка [Хлевнюк, 2010, с. 177-178]. Страна получила короткую передышку. В национальной политике умеренный курс выразился на короткое время к возвращению практики заигрываний с национальными элитами первой половины 1920-х гг. Размежевание с прежним курсом привело к пересмотру отношения краевого руководства к политике коренизации аппарата управления. К этому времени в результате частых чисток заметно снизилось представительство казахов и русских в партийно-государственных органах, особенно на местном уровне. С 1931 по 1933 гг. доля казахов в составе ответственных работников райкомов партии снизилось с 58 до 48 %, русских с 34 до 31 %. Выросло представительство украинцев с 0,1 до 8,5 %, других «европейских национальностей» с 2,4 до 6,5%, по графе «другие национальности» - с 5,5 до 6 % [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 75. Л. 90].

16 апреля 1933 г. на специально созванном Бюро Казкрайкома ВКП(б) вновь был поставлен вопрос о внедрении казахского языка в официальное делопроизводство. Языковая проблема игнорировалась в годы проведения функциональной и производственной коренизации. По постановлению Бюро Казкрайкома ВКП(б) было намечено в течение 1933 г. перевести на казахский язык полностью официальное делопроизводство в КазЦИК, в Наркомате просвещения, Наркомате здравоохранения, Рабоче-Крестьянской инспекции, Наркомземе и в аппарате СНК Казахской АССР. Всем остальным наркоматам строго вменялось в обязанность ведение деловой переписки на казахском и русском языках. На все заявления и письма, полученные на казахском языке, следовало давать ответы только на казахском языке. В последующем было рекомендовано перейти на казахский язык обучения в школах и в других учебных заведениях [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 76. Л. 94].

В директивном порядке были подвергнуты коренизации КазЦИК, СНК КАСССР, Наркомат юстиции и Верховный суд КАСССР. В аппарате этих ведомств

доля казахских кадров возросла с 29,8 % в 1932 г. до 37,2 % в 1934 г. В 15 республиканских наркоматах численность казахских работников возросла с 227 человек (18,5 %) до 330 человек (25,5 %) РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 77. Л. 100].

Сопrotивление коренизации жестко пресекалось. Осенью 1933 г. были сняты со своих должностей и привлечены к административной ответственности с формулировкой «за шовинистическое отношение к казахским кадрам» директор Казкомводуправления Свистунов и член коллегии Наркомсено Шакурин [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 71. Л. 100].

Краевое руководство к моменту преобразования автономии в союзную республику успешно провело коренизацию высших органов управления и местного аппарата республики. К началу 1936 г. КазЦИК был коренизирован на 57,7 %, СНК КАССР на 39 %, Наркомпрос на 61,3 %, Наркомюст на 47,3 %. В аппарате Советов облисполкомы были коренизированы на 52 %, райисполкомы на 87 % [Савосько В.К., 1951, с. 36]. По данным Н. Кийкбаева, в 1936 г. казахи составляли 66,6 % КазЦИКа, в руководстве республиканских наркоматов – 64 %, в составе руководящих работников исполкомов – 53 %, председателей областных исполкомов – 55,5 %. В составе райисполкомов казахи составляли 69 %, председателей аулсоветов – 64,7 % [Кийкбаев, 1957, с. 78]. Вырос контингент казахских коммунистов. На 1 января 1937 г. казахи составляли 46,8 % партийной организации республики, русские – 32,9 %, украинцы – 9,7 %, узбеки – 1,6 %, уйгуры - 1,1 % [Кийкбаев, 1957, с. 81].

Краевое руководство еще в конце 1920-х годов в соответствии с установками союзных органов управления экономикой обратило внимание на коренизацию производства. В августе 1929 г. СТО СССР обязал ВСНХ СССР вовлечь в районах с преобладанием национальных меньшинств коренное население в индустриальное производство путем подготовки рабочих кадров в школах ФЗУ на курсах повышения квалификации. В 1931 г. в школах ФЗУ и профшколах обучалось 15214 чел., в 1932 г. – 17361 чел., в техникумах – 12787 и 17367 человек в 1931 и 1932 гг. [Абдразаков, 1975, с. 108]. За годы первой пятилетки численность казахских рабочих в металлургической промышленности

возросла в 29 раз, в угольной промышленности в 12 раз, в пищевой промышленности в 3,7 раз. В 1932 г. казахские рабочие составляли в промышленном производстве 42,3 %, в нефтяной промышленности - 72,1 %, каменноугольной – 45,4 %, в цветной металлургии – 44,4 % [Баишев, 1961, с. 146].

По данным Казсовпрофа КАССР на декабрь 1933 года в отдельных профсоюзах числилось рабочих казахской национальности: в цветной промышленности 18375 человек (56,9% от общей численности рабочих); в нефтяной промышленности 3260 человек (50%); в горнорудной – 1722 человек (28,1 %); в угольной промышленности – 3216 человек (60,6 %); работников мясоконсервной промышленности – 1451 человек (20,3 %); железнодорожников – 24068 человек (50,5 %); шоферов – 2955 человек (27,5 %); профсоюза госучрежденцев – 6785 человек (36,3 %); профсоюза финансово-банковских работников – 992 человека (18,3 %); работников земледельческих совхозов – 12 тыс. человек (51,9 %); работников животноводческих совхозов – 30456 человек (56,9 %); работников МТС – 10054 человека (40 %); работников искусства – 202 человека (15,2 %); работников госторговли и кооперации – 9289 человек (25 %) [История индустриализации..., 1967, с. 134].

Казахские работники были заняты в основном в сферах, требовавших применения тяжелого физического труда. Краевое руководство направляло усилия на подготовку кадров строительных рабочих из числа возвращавшихся откочевников. Подготовка строителей не требовала особой квалификации и значительных вложений в обучение. Только в Актюбинской области в июле 1933 г. было запланировано обучить на месячных и трехмесячных курсах 1500 бывших откочевников профессиям каменщиков, штукатуров, маляров и плотников [История индустриализации..., 1967, с. 131-132]. Значительное число строительных рабочих было подготовлено в ходе строительства Турксиба. В 1931 г. на строительных работах великой железнодорожной стройки работали 21 тыс. человек, из них казахов было 7,8 тыс. человек. С 1932 г. на Турксибе более половины рабочих были казахами.

При строительстве промышленных предприятий еще во второй половине 1920-х годов возникали затруднения с привлечением казахских рабочих. Для закрепления казахских рабочих на производстве вербовщики постоянно работали в казахских аулах [Асылбеков, 1973, с. 92]. Текучесть казахской рабочей силы, занятой тяжелым физическим трудом, обуславливалась низкой заработной платой. В 1926 г. средняя заработная плата на Карсакпайском металлургическом комбинате составляла 43 рубля, казахские чернорабочие получали от 18 до 25 рублей при прожиточном минимуме 15 рублей 41 коп. [Нусупбеков, 1966, с.129-130]. Из-за нехватки жилых помещений завербованных рабочих комбината приходилось расселять в юртах, что также способствовало постоянному оттоку рабочих с предприятий.

Постепенно казахи вместе с русскими и украинцами стали составлять основу «производящего класса» в республике. Между 1 января 1927 г. и 1 января 1936 г. численность казахских рабочих и служащих выросла с 66,4 тыс. до 246,9 тыс. человек [История индустриализации..., 1967, с. 188]. На начало января 1935 г. в промышленности сектора «А» и сектора «Б» без предприятий сельского хозяйства числилось техперсонала и рабочих казахской национальности 29029 человек из 71627 занятых (40,5 %). В отраслях промышленности сектора «А» доля рабочих-казахов была выше – 48,6 %, сектора «Б» - 39,2 % [Национальный состав кадров предприятий Казахстана, 1936, с. 7; Нусупбеков, 1966, с. 195; История индустриализации..., 1967, с. 150-151]. В начале 1936 г. казахские кадры составляли 43 % рабочих, занятых в промышленности, в строительстве - 37,6 %, в транспорте - 31,8 %, в сельском хозяйстве – 55,2 % [Нусупбеков, 1966, с. 197]. К 1937 г. доля казахских рабочих на предприятиях Караганды, Балхаша и Чимкента, на нефтепромыслах Эмбы достигала 80 % [Абдразаков, 1975, с. 109]. На Дзезказганском медном руднике казахи составили 88,1 %, на Карсакпайском металлургическом заводе - 76,2 %, на Ачисайском комбинате – 72,5 %, на предприятии «Карагандауголь» - 62,1 %, Семипалатинском мясокомбинате - 52,2%, Гурьевском рыбоконсервном комбинате – 58,4 % [История индустриализации..., 1967, с. 189].

В современное фабричное производство вовлекались казахские женщины. На Алма-Атинской швейной фабрике весной 1933 г. из 780 тружениц более 500 были казашками (65 %), подготовленными русскими мастерами [История индустриализации..., 1967, с. 122]. Главной проблемой казашки-швеи считали незнание русского языка и отсутствие навыков работы со швейными машинами [История индустриализации..., 1967, с. 122]. На ряде предприятий казашки составляли основную часть женского трудового контингента: Алма-Атинской суконной фабрике (74 %), Аральском Сольтресте (95 %), Талды-Курганском сахарном заводе – 51,7 %, Гурьевском рыбоконсервном комбинате – 69,5 %, Джекказганском комбинате цветной промышленности – 68,8 % [Нусупбеков, 1966, с. 212]. Казахстан вошел в число республик, имевших высокий уровень коренизации производства, уступая лишь Армянской ССР, Украинской ССР и Белорусской ССР [История индустриализации..., 1967, с. 189-190].

Коренизация производства также, как коренизация аппарата, вызвала серьезные трения между казахским и русским населением края. Т. Мартин отмечает, что после отмены преференций на землеустройство с 1927 г. основные конфликты на межнациональной основе происходили уже не в сельской местности, а городах из-за конкуренции за рабочие места в индустриальном секторе экономики [Мартин, 2011, с. 209]. В упомянутой выше записке Т. Рыскулова этот тезис находит частичное подтверждение. Т. Рыскулов пишет о резком обострении межэтнических отношений в сельской местности на фоне проведения насильственной коллективизации и оседания кочевников. В районах приема казахских откочевников (Нижнее и Среднее Поволжье, Южная Сибирь) имели место факты издевательства и ограбления казахов, увольнения с работы и невыдачи зарплаты. Неблагополучно было и в самом Казахстане, где из-за наплыва откочевников в земледельческие районы, обострились конфликты между русскими и казахами. В создаваемых совхозах систематически происходило «избиение казаков-рабочих, приписывание в вину им, если что-либо потеряется, неуплата подолгу жалования, обсчитывание, создание худших бытовых условий,

препятствие к выдвижению на квалифицированные работы» [Советское руководство. Переписка. 1928-1940 гг., 1999, с. 219].

Т. Рыскулов затронул ситуацию с межэтническими отношениями в индустриальном секторе. По его данным, в Караганде были «шайки» кулаков, выступавших за изгнание казахов и прибывших из Донбасса шахтеров. Позже эта группа была арестована, но практика увольнений казахов в Караганде продолжалась. В карагандинской шахте № 3 с августа по октябрь 1933 г. число казахских шахтеров сократилось с 500 до 80 чел. На строительстве Чимкентского свинцового завода осенью 1932 г. из-за притеснений ушло с работы 485 казахских рабочих [Советское руководство. Переписка. 1928-1940 гг., 1999, с. 219].

Межэтническая напряженность и конкуренция за рабочие места выливалась в постоянные стычки между казахскими и русскими рабочими, произволом администрации по отношению к казахским рабочим, зачастую не знакомым с требованиями трудовой дисциплины и не имевшим высокой квалификации. На VI Всеказахском съезде Советов (конец марта 1927 г.) в качестве примера приводилось железнодорожное депо станции Туркестан, где работали только 50 казахских рабочих из 1800 человек персонала. Казахские рабочие увольнялись администрацией в первую очередь [VI Всеказахский съезд Советов..., 1927, с. 85]. На флагманах индустриализации - Риддерском заводе и Карсакпайском комбинате - процветала этническая сегрегация, рабочих-казахов не пускали жить в одно общежитие с русскими, частыми были драки на межнациональной основе. В 1931 г. при полном бездействии профсоюзов на железной дороге и золотых приисках Джетыгары имели место факты изгнания с работы и избияния казахских рабочих русскими десятниками, на что обращал внимание С.М. Диманштейн [Жизнь национальностей, 1931, с. 36-37].

В 1933 г. в Актюбинской области были выявлены массовые нарушения на предприятиях «Эмбанефть» и Актюбхимстрой, выразившиеся в «массовом увольнении казахских рабочих, отсутствии интернационального воспитания среди рабочих, примиренческом отношении парторганизаций..., и бездействии суда и прокуратуры с указанными фактами» [ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 36. Л. 17].

Партийные органы отмечали отсутствие казахских специалистов высокой квалификации и необходимость целенаправленной подготовки казахских кадров на крупнейших предприятиях Актюбинской области и Оренбургской железной дороги.

Ситуация с конкуренцией за рабочие места осложнялась прибытием в республику безработных из центра страны. Приток безработных усилился в связи со строительством Турксиба. В апреле 1929 г. на южном участке железной дороги скопились приезжие из Тамбовской, Рязанской, Пензенской губерний, Татарской АССР, с Украины. В Семипалатинск прибыли до 8 тыс. безработных, из них 2000 чел. отправились в Сергиополь. Основную часть безработных составляли неквалифицированные рабочие, конкурировавшие за рабочие места с местными казахами [Нусупбеков, 1966, с. 148]. Безработные представляли «горючий» материал, так как сталкивались с преференциями при приеме на работу. 31 декабря 1928 г. в Сергиопольском укладочном городке Турксиба произошел погром казахских рабочих. Причиной избиения 400 русскими рабочими 50 казахских рабочих стал арест зачинщиков драк правоохранительными органами. Краевое руководство жестоко подавило выступления погромщиков. Один из организаторов погрома был расстрелян, еще 14 человек получили длительные сроки заключения. Семипалатинский окружной комитет партии жестоко осудил не только погромщиков, но и партийных и комсомольских работников, потворствовавших избиению казахских рабочих [Советская степь, 1929, 30 апреля].

После Сергиопольского погрома проводилась целенаправленная борьба партийных и государственных органов с «шовинистами» и «байскими элементами». 30 января 1935 г. председатель Карагандинского облсовпрофа докладывал Комиссии партийного контроля об административном наказании заведующего шахты № 1 Смертюка за увольнение без уважительных причин пяти казахских десятников, имеющих большой производственный стаж и прошедших подготовку на курсах горных мастеров. Бюро Карагандинского горкома партии потребовало осуждения заведующего шахтой и восстановления уволенных

десятников на работу [История индустриализации..., 1967, с. 153]. С целью сближения рабочих разных национальностей русских и казахских рабочих старались селить в одних бараках, но по религиозным соображениям сами рабочие воздвигали деревянные перегородки [Мартин, 2011, с. 214].

Репрессии в отношении инициаторов дискриминации казахских рабочих и мероприятия по сближению рабочих разных национальностей являются логическим следствием политики советского интернационализма. Партийные инстанции стремились преодолеть бытующие этнические фобии и тем самым формировать основы нового общества.

Наиболее впечатляющих успехов национальная политика Советского государства достигла в сфере развития культуры и образования народов Казахстана. К. Мерридейл отмечает, что образование дало удивительные результаты в СССР, в чем убедились немецкие офицеры во время своего победного марша летом 1941 г. [Merridale, 2007, p. 39]. «Чудо образования», на наш взгляд, заключалось в формировании советского патриотизма на основе русской культурной и исторической традиции.

Несомненно, эти успехи базировались на политике силовой модернизации советского общества в целом и подавлении национализма, связанного с дореволюционными интеллектуалами. Культурные достижения привели противоречивому результату. С одной стороны казахи были одним из наиболее «советизированных» и лояльных к Советскому государству народов, с другой стороны, - развитие национальной культуры и формирование кадров национальной интеллигенции способствовало укреплению общеэтнической идентичности, основанной не на «казахском» кочевом образе жизни и религиозно-культурных началах, как рассчитывали алашевцы и национал-коммунисты, а на основе конструируемого единства происхождения, культуры, языка и этнонациональной идентичности. По мнению М.Б. Олкотт, Советское государство стимулировало формирование советской казахской интеллигенции: «В 1920-е годы советская культурная политика была направлена на уничтожение сохраняющегося буржуазного национализма. К 1926 г. все казахи, принимавшие

активное участие в дореволюционных националистических группах были сняты со своих руководящих должностей в правительстве, образовании и искусстве. На смену им пришли казахи, более тесно отождествлявшие себя с большевистской или коммунистической партией. Тогда же была предпринята попытка устранить похвалу или прославление прошлого из литературы и истории. За пределами этого, было мало критики в отношении возникающей казахской интеллигенции, и развитие казахской советской литературы было поощрено» [Olcott, 1980, p. 196].

Во второй половине 1920-х и в 1930-е годы был создан настоящий, полностью советизированный «образованный класс» Казахстана, давший таких деятелей науки и искусства как академик К. Сатпаев, композитор Е.Г. Брусиловский, поэт Джамбул, писатели И. Шухов, С. Муканов и М. Ауэзов, выдающиеся певцы К. Байсеитова, Р. Багланова, А. Кашаубаев, Г. Курмангалиев, Р.М. Абдуллин, К. Джандарбеков, Ш. Бейсекова.

В мировой истории не было до этого примеров подобной культурной революции в СССР, ликвидировавшей массовую неграмотность в национальных республиках. В республике с 1930 г. была реализована общесоюзная программа введения всеобщего начального образования. В 1936 г. грамотность казахского населения составила 49 %, в целом по республике 61 % [Социалистическое строительство в КазАССР, 1936, с. 279; Кийкбаев, 1957, с. 68]. В 1932-33 учебном году в Казахстане насчитывалось 6869 школ. Подавляющее большинство школ (6419) давали начальное образование, в них обучалось 576 тыс. человек, 40 % школьников составляли казахи.

По данным Наркомпроса КАССР на 1 января 1934 г. всеобучем было охвачено 98,3 % детей в возрасте от 8 до 11 лет. Партийные органы усомнились в столь высоких показателях. В докладной записке о положении с начальным обучением в школах Казахстана и Киргизии, направленной 18 сентября 1935 г. на имя секретарей ЦК ВКП(б), заведующий отделом школ ЦК ВКП(б) Б.М. Волин утверждал: «дело с всеобучем и в Киргизии, и в Казахстане обстоит явно неблагополучно. Не говоря уже о качестве всеобуча, даже количественные показатели наркомпросов по всеобучу внушают серьезную тревогу. Отсев в

киргизских школах доходит до 25 %. В Казахстане отсев колеблется между районами от 15 до 42 %,... а в отдельных случаях доходит до 70 % » [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 140].

Абсолютное большинство школ относилось к категории «карликовых» сезонных или кочующих школ. В 1933-34 учебном году однолетнее образование давали 21,4 % школ, двухлетнее – 48,5 %, трехлетнее – 16,5 % школ и четырехлетнее - 13,6 % [Сулейменов, Бисенов, 1967, с. 183]. Из-за территориальной разбросанности аулов, отсутствия хороших дорог и средств сообщения создание школьной системы в кочевых и полукочевых районах сталкивалось с почти непреодолимыми трудностями. В аульных школах зимой прерывались занятия, что существенно влияло на прохождение детьми необходимой школьной программы. Весеннее обследование аульных (колхозных) школ 1935 г. в Сузакском и Таласском районах показало, что в двухлетних школах знания по родному языку и арифметике даются на уровне программы 1-х классов [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 141]. Большинство родителей считало достаточным обучение своих детей азам грамотности и не предъявляло к ним требований, поэтому был очень высокий процент оставлений на второй и третий годы повторного обучения. Еще хуже обстояло дело с обучением в полной десятилетней школе, в 1932 г. в десятом классе школы обучалось всего 47 казахов. В 1939-1940 учебном году десятиклассников-казахов по республике было 701 человек [Тастанов, 1982, с. 88].

Учительские кадры не могли обеспечить усвоение учениками школьной программы в силу того, что осенью 1935 г. большинство учителей (73,8 %) сами имели образование только на уровне ниже начальной четырехлетней школы, т.е. на уровне 1-го и 2-го классов начальной школы [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 142]. С целью поднятия качества педагогического состава союзные органы настаивали на широкой коренизации учительских кадров и повышении их квалификации.

В 1935 г. Казкрайком ВКП(б) и СНК Каз.АССР принял постановление «Об упорядочении структуры школ Казахстана и выращивании казахской средней

школы», предусматривавшее ликвидацию «карликовых» аульных школ и развитие семилетней и средней школы. Вводился запрет на прием в техникумы и вузы без завершения неполного среднего и полного среднего образования. Большое внимание было уделено обучению педагогических кадров для коренизации школы. Подготовка педагогических кадров и специалистов со средним специальным образованием велась в 113 техникумах, где в 1937/38 учебном году обучались 21 тыс. человек. 60 % обучающихся составляли казахи и представители народов Средней Азии.

Целенаправленная работа дала свои результаты к началу войны. В 1940-1941 учебном году в республике функционировало 1779 неполных средних школ (из них 746 казахских) и 701 (из них 168 казахских) средних школ. Всего по республике насчитывалось 7790 школ (4428 – казахских), с контингентом обучающихся 1138 тыс. детей (441 тыс. учащихся-казахов). Прирост количества школьников за годы второй пятилетки по республике составил 77 %, в то время как по стране 38,2 % [Сулейменов, 1987, с. 55-56].

Благодаря политике позитивной дискриминации в сфере высшего образования национальная казахская интеллигенция формировалась ускоренными темпами. Создание вузовской системы потребовало значительных усилий и времени. Неудачным оказался опыт открытия казахского университета и политехнического института в Оренбурге в 1921 году. Казахские кадры готовились в открытом в 1920 г. в Ташкенте Среднеазиатском Государственном университете. Основная часть преподавательского корпуса САГУ состояла из кадров «европейских» национальностей, значительная часть которых была направлена из Москвы. Только в 1920 г. в Ташкент из европейской части страны прибыли 43 профессора и 43 преподавателя, что позволило резко поднять уровень преподавания и научных исследований в крае. В 1930 г. в САГУ работало только 18 преподавателей и ассистентов из числа коренного населения региона [Валиев, 1966, с. 115]. Основную часть студентов составляли русские и украинцы. В 1926 г. в вузе обучалось всего 22 казаха и 20 узбеков из 1,1 тыс. студентов [Валиев, 1966, с. 110]. Недостаточность студентов «местных национальностей»

объясняется отсутствием массового контингента выпускников полных средних школ, о чем уже выше говорилось. Лишь по мере подвижек в школьном среднем образовании стало возможным обучение большего числа казахских студентов в открывающихся вузах в Казахстане и направление их на обучение в вузы, расположенные в европейской части страны.

В 1928 г. в республике было открыто первое высшее учебное заведение – педагогический институт. В 1929 г. был открыт Казахский зооветеринарный институт, в 1930 г. – Казахский сельскохозяйственный институт. Создание двух вузов сельскохозяйственного профиля позволило обеспечить подготовку квалифицированных специалистов, востребованных в аграрном секторе. В 1934 г. открылся первый казахстанский университет – КазГУ, следом Казахский горно-металлургический институт. В 1936 г. выпустил свой первый выпуск Казахский медицинский институт. Из 66 дипломированных врачей было 18 казахов [Сулейменов, Бисенов, 1967, с. 193]. Профессорско-преподавательский состав первоначально в казахстанских вузах формировался за счет направления высококвалифицированных специалистов из старейших вузов европейской части страны. Приезжавшие профессора организовывали научную и преподавательскую работу на открываемых факультетах и кафедрах. В казахстанские вузы возвращались закончившие вузы и аспирантуры в центральных городах страны молодые ученые-казахи. Обучение в центральных вузах решало проблему нехватки квалифицированных инженерных кадров. В 1930 г. все 503 инженера и техника казахской национальности были выпускниками центральных вузов и техникумов [Тастанов, 1982, с. 95].

В 1937 г. в республике функционировали 18 вузов, в них постоянно росла доля казахских студентов. В 1937-38 учебном году насчитывалось 1453 казахских студента, в 1938-39 учебном году - 2315 человек, в 1939-40 учебном году - 2675 человек. Большинство вузов имело педагогическую направленность. Значительная часть казахстанских студентов обучалась в вузах Москвы, Ленинграда и в украинских вузах [Казахстан за 40 лет., 1960, с. 460; Сулейменов, Бисенов, 1967, с. 194-195; Тастанов, 1982, с. 192-195]. В 1934-35 уч.г. 436

казахстанцев обучались за пределами республики [Сулейменов, Бисенов, 1967, с. 195].

Комплекс мер по развитию системы высшего и среднего специального образования позволил углубить процесс коренизации в республике за счет подготовленных кадров. С 1926 по 1936 годы численность интеллигенции в республике выросла с 20,3 тыс. до 63,8 тыс. человек, т.е. в три раза; численность казахской интеллигенции с 2,5 тыс. до 18,8 тыс. человек, т.е. более чем в семь раз [Кийкбаев, 1957, с. 57]. За короткий исторический срок был сформирован отряд советской казахской интеллигенции, обязанный своим образованием и достижениями Советскому государству.

Успехи в создании национальных кадров привели в 1936 г. к постепенному сворачиванию коренизации. Считалось, что коренизация достигла своей цели, обеспечив доступность управленческого аппарата для населения и представительство казахов в партийно-государственном аппарате. По внешней форме коренизация достигла своих целей, и потому 23 октября 1936 г. Президиум КазЦИК ликвидировал Комитет по коренизации при Президиуме КазЦИК. По мнению К. О'Коннора: «Политика коренизации постепенно пришла к концу, когда советский режим начал продвигать русификацию политических институтов в нерусских республиках. Хотя Сталин содействовал политике русификации, главной его целью было обеспечение советского господства в национальных окраинах» [O'Connor, 2006, p. 35].

Следующий удар по практике поощрения национальных ожиданий был нанесен в апреле 1938 г. принятием в национальных республиках постановлений «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах» в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Мартовское Постановление союзных органов преследовало вполне практические цели, оно не было направлено против нацкадров, т.е. не означало напрямую декоренизацию, так как объявлялось, что «овладение русским языком

способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний».

К этому времени была свернута общесоюзная программа латинизации национальных языков. Еще во второй половине 1920-х - начале 1930-х годов латинизация алфавитов и замена новым алфавитом старых алфавитов считались средством сближения народов и революционизирования Востока. По мнению Э. Каррер д. Анкосс, советское руководство заимствовало опыт Кемаля Ататюрка, проведшего в стране настоящую революцию, переведя турецкий язык на латинскую графику [Каррер д. Анкосс, 2010, с. 270]. Э. Каррер д. Анкосс считает, что внедрение латинской графики способствовало не только интеллектуальному прогрессу, но и привело к определенной самоизоляции некоторых народов от мусульманских центров за рубежом [Каррер д. Анкосс, 2010, с. 270]. «Алфавитная революция» подготовила предпосылки для введения кириллицы для большинства народов СССР, за исключением грузин и армян, сохранивших свою древнюю письменность. Вдобавок мусульманские народы оказались отрезанными от своего исторического культурного наследия, связанного с исламскими традициями, и от влияния зарубежных культурных центров ислама. Современная национальная культура мусульманских народов СССР в значительной степени была результатом «изобретения» национальных культур советскими этнографами и деятелями искусства. Со временем это позволило интегрировать советских мусульман в новое сообщество и разорвать родственные узы таджиков, узбеков и туркмен с их соплеменниками из Ирана и Афганистана.

7 августа 1929 года Постановлением ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР» ликвидировалась письменность на основе арабской графики. Большевики резонно полагали, что через арабский язык проводится влияние мусульманского духовенства, препятствующей сближению мусульман и немусульман страны. Н. Яковлев в 1932 г. писал: «сущность унификации заключается в том, что в противовес разнохарактерным западноевропейским буржуазно национальным формам латинского алфавита, которые служат одним из средств культурного

разъединения трудящихся различных национальностей (затруднение изучения языков, чтения иностранных текстов и пр.), в СССР впервые создана такая более передовая форма алфавита на латинской основе, которая культурно объединяет трудящихся всех национальностей, оставляя в то же время полный простор для выявления и развития всех национальных языковых особенностей каждой отдельной национальности. Унифицированный алфавит облегчает взаимное пользование литературой, взаимное изучение языков и, следовательно, культурное общение всех национальностей Советского Союза» [Яковлев, 1932, с. 42]. В Казахстане окончательно отвергли проект внедрения разработанной Ахмедом Байтурсиновым новой письменности «Жаңа емле» — «новая орфография», представлявшей адаптированный к казахскому языку арабский алфавит. Казахский язык в 1929 г. был переведен на латинизированную письменность «Жаңаліп» («Новый алфавит»).

В провинции перевод на латиницу был затруднен по ряду причин, на которые обратил внимание в августе 1931 г. Штаб нового алфавита в своем отчете, направленном в Наркомат РКИ Казахской АССР и Прокурору республики. По сведениям Штаба нового алфавита в южном регионе официальное делопроизводство на казахском языке в партийных, государственных и советских органах районного уровня велось исключительно на арабском алфавите, а партийные ячейки и аулсоветы были против Нового алфавита. Местный актив вне зависимости от этнической принадлежности был поголовно безграмотен или малограмотен на новом алфавите. В Илийском районе насчитывалось 260 ответработников, из них «европейцев», остальные 205 — казахи и т.н. «востнацмены». Новый алфавит знало не более 6 человек. В Эмбекши-Казахском районе было отмечено: «Среди работников-европейцев изучение НА (Новый алфавит — С.К.) совершенно не ведется... Европейские товарищи переход на НА (Новый алфавит — С.К.) поняли как переход на латинский язык» [История Казахстана в документах и материалах, 2011, с. 423-424]. Местный аппарат южных районов, судя по документу, не собирался переходить на новый алфавит, и требовались административные меры

принуждения. В сентябре 1931 г. вышло Постановление Президиума Краевого Комитета контроля и Наркомата РКИ, в котором была осуждена практика игнорирования или прямого блокирования (Илийский р-н) внедрения латинизированного казахского алфавита райкомами и райисполкомами южных районов. Президиум КазКК и Коллегия НК РКИ ввело ответственность ответственных работников за промедление с введением нового алфавита, вменило им в обязанность «организовать параллельно с обучением европейцев казахскому языку обучение казахских работников латинскому алфавиту... Поручить руководителям учреждений, организаций партийно-профсоюзным ячейкам применять к уклоняющимся или не посещающим курсы обучения соответствующие меры административного, профсоюзного и партийного воздействия» [История Казахстана в документах и материалах, 2011, с. 426-427].

Во второй половине 1930-х годов было решено, что латинизация выполнила свои задачи. На кириллицу были переведены языки народов Севера. 8 августа 1939 г. началось обсуждение планов перевода казахской письменности на кириллицу. Казахстан был переведен на кириллицу 10 января 1940 г. решением V сессии Верховного Совета Казахской ССР. Новый алфавит был подготовлен известным филологом-тюркологом С.А. Аманжоловым, адаптировавшим кириллицу к особенностям казахской фонетики. Последовательный отказ от арабицы и латиницы создал разрыв в казахском историко-культурном наследии. Для абсолютного большинства казахов оказались недоступными в оригинале труды деятелей культуры XIX века и алашевского движения. Советские модераторы нациестроительства переводом на латиницу и затем на кириллицу умело отсекали интеллектуальное наследие прошлого, и тем самым подорвали источник потенциального культурного национализма казахов. Для подрастающей казахской молодежи стали недоступными религиозные книги, написанные на арабице. Это привело к тому, что казахский этнокультурный проект был полностью советским, в то время как у узбеков и таджиков этнокультурное наследие прошлого стало основой современных национальных культур и идентичностей. В.М. Алпатов признает объективную обусловленность советской

языковой политики и метания от латиницы к кириллице, отмечая, что для своего времени учет языковых потребностей советских народов был шагом вперед в сравнении с языковой политикой в развитых странах Запада: «...во Франции и в 30-40-е гг. вообще ни в одной официальной сфере не допускалось использование каких-либо языков, кроме французского. В это же время саамских детей в цивилизованных Норвегии и Швеции били в школах за саамскую речь... В 30-40-е гг. советская власть, пусть иногда лишь по инерции, заботилась о сохранении башкирского или ненецкого языка больше, чем французская о сохранении бретонского или японская о сохранении айнского. Смена курса была закономерной. И все же предшествующий курс нельзя рассматривать только как неудачу. Во-первых, многие языки за два десятилетия достигли такого уровня развития, что простой возврат к ситуации до 1917 г. не был возможен. Во-вторых, СССР оказался первопроходцем той политики, которая в последние десятилетия все более привлекает к себе внимание, прежде всего в развитых странах. Безусловно, наша страна была «пионером образования на материнских языках»» [Алпатов, 2000, с. 100-101].

Достигнутые успехи в политическом, экономическом и культурном развитии республики способствовали повышению статуса Казахстана до уровня союзной республики, имевшей внешние атрибуты независимого государства, состоящего в добровольном союзе с другими республиками. Для преобразования автономной республики в союзную требовалось соответствие трем критериям, особо выделенным Сталиным: 1) окраинное расположение союзной республики, гарантирующее возможность права выхода из Союза; 2) «титульная» этнонация должна была составлять компактное большинство населения; 3) наличие достаточной территории и численности населения, не менее одного миллиона человек [Сталин, 1952, с. 567]. По первому и третьему сталинским признакам Казахстан вполне соответствовал статусу союзной республик, но по второму признаку должны были возникнуть сомнения. К 1936 г. казахи в результате коллективизации и открытия республики для переселенцев стали составлять этническое меньшинство по сравнению с русско-украинской частью населения.

В. Коларз отмечал существенные различия в последствиях переселенческой политики царизма и Советов: «Царская колонизаторская политика создала важные для нее славянские меньшинства в Казахстане. Советская колонизационная политика пошла дальше, был нарушен (отменен) баланс национальностей, и казахский народ был преобразован в меньшинство в собственной стране» [Kolarz, 1967, p. 268]. Вероятно, Сталин осознавал ответственность союзного руководства за трагедию казахского народа и потому проигнорировал преобладание в национальной структуре Казахстана славянского компонента.

По крайней мере, Сталин не пытался впоследствии изменить территориальную целостность республики, на что решились его преемники лишь после его кончины. Это способствовало укреплению сотрудничества между народами и повышению доверия казахского населения к Советскому государству. Так, 21 февраля 1933 г. Сталин в категорической форме отверг предложение руководителей Узбекистана А.И. Икрамова и Ф.А. Ходжаева о передаче Бостандыкского района Казахстана в состав Узбекской ССР. Узбекские руководители объясняли необходимость передачи района потребностями экономического развития республики, на территории которой строился Чирчикский электрохимический комбинат, и национальным составом населения района, с преобладанием узбеков и таджиков. ЦИК СССР одобрил присоединение района к Узбекистану, а Политбюро ЦК ВКП(б) 1 сентября 1934 г. отложило решение этого вопроса до очередного Съезда Советов. Сталин отклонил территориальные притязания узбекских руководителей, оставив решение данного вопроса на рассмотрение руководства Казахстана [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 92-93]. Настойчивость узбекских руководителей дала свои результаты лишь во второй половине 1950-х годов, когда Узбекской ССР были переданы Бостандыкский район и Голодная степь, а затем был поставлен вопрос о передаче всего Южного Казахстана, что вызвало конфликт Н.С. Хрущева с казахстанским руководством.

Придание Казахстану 5 декабря 1936 г. на Чрезвычайном VIII съезде Советов статуса союзной республики и разрешение национального вопроса через обеспечение фактического и правового равенства казахского народа в значительной мере омрачалось ужесточением внутривнутриполитического курса в стране. Установление жесткой вертикали власти сопровождалось развязыванием репрессий против отдельных социальных групп (бывших кулаков, буржуа, дореволюционной интеллигенции, участников антисоветских движений, инакомыслящих коммунистов), депортацией попавших под подозрение в нелояльности к советскому государству этнических коллективов, имевших зарубежные «корни» - поляков, корейцев, турок.

С 1934 г. четко обозначается жесткая линия на усиление централизации и подавление национализма политических и культурных элит титульных этносов. Первый «залп» в борьбе с местным политическим национализмом союзные власти произвели против украинской партийной организации. Поводом к началу гонений на украинское руководство стал чрезмерный успех политики «украинизации», проводимой не только в Украинской ССР, но и в районах компактного проживания украинцев (Кубань, Приазовье, Курская и Воронежская области). К началу 1930-х годов была проведена всеобщая украинизация делопроизводства и образования. Сталин опасался роста национального самосознания украинцев, имевших широкую территориальную географию расселения и более высокий образовательный и культурный уровень развития по сравнению с другими союзно-республиканскими нациями [Хлынина, Васильев, 2011, с. 967]. По мере укрепления позиций союзного Центра и лично Сталина удар по политике украинизации был неизбежен. В августе 1932 г. Сталин обозначил свою озабоченность «засильем националистов и иностранных агентов» в рядах украинских коммунистов. В ноябре 1932 г. начались чистки украинских национал-коммунистов в УССР и в районах компактного проживания украинцев в РСФСР. Нарком просвещения Н.А. Скрыпник был обвинен Сталиным на XVII съезде партии в националистическом «грехопадении» [Сталин, 1952б, с. 247, 382].

В этом же «грехе» были заподозрены и другие национал-коммунисты союзных республик.

Сталин четко обозначил цели борьбы не только с украинским национализмом, но и с этнонационализмом во всех республиках, заключавшиеся в том, чтобы «поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть. Без этих и подобных им мероприятий (хозяйственное и политическое укрепление Украины, в первую очередь ее приграничных районов и т. п.), повторяю, – мы можем потерять Украину» [Цит. по: Борисенок, 2006, с. 212]. Сталин на XVII съезде партии на примере Украины назвал причиной усиления национал-уклонизма прекращение борьбы с национализмом, идущим на союз с враждебными «интервенционистскими силами за рубежом» [XVII съезд ВКП(б), 1934, с.31-32; Борисенок, 2006, с. 223].

В мае 1933 г. Пленум ЦК Компартии Украины под давлением прибывшего Кагановича, постановил: «считать на Украине, что в данный момент главную опасность представляет местный украинский национализм, смыкающийся с империалистическими интервентами» [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 77. Л.12]. Разгром украинских «национал-уклонистов» означал коренной поворот в национальной политике союзного Центра в сторону сверхцентрализма в управлении, курс на унификацию социального и культурного порядка, подавление любых антипатриотических сил в стране. А.В. Марчуков объясняет переход к новой модели взаимоотношений Центра с республиками подготовкой революционной войны: «поскольку СССР был в то время единственной социалистической страной и находился в окружении империалистических держав, мотивы войны, фронта, осажденной крепости были на слуху и влияли на всех и каждого... Ожидание грядущих битв подразумевало укрепление единства весьма специфически устроенной советской страны» [Марчуков, 2006, с. 507]. Фундаментом могла стать только российская историческая и культурная традиция, в силу объективно складывавшихся обстоятельств и по воле Сталина ставшая ядром советского проекта объединения народов.

Удар по национал-коммунистам и националистам в республиках в этих условиях был неотвратим. В Казахстане прессинг в отношении деятелей алашевского движения носил непрерывный характер с конца 1920-х годов. Большая часть бывших алашевцев была выслана из Казахстана и принесла публичное покаяние, но находилась под постоянным контролем из-за опасений по поводу распространения своего влияния. Сталин и его окружение подозревали алашевских лидеров в организации националистического подпольного движения и пропаганды национализма. С 1929 г. органы ОГПУ отслеживали связи алашевцев и «национал-уклонистов» в партаппарате, пытаясь обнаружить подпольную националистическую организацию.

Антинационалистический алармизм поддерживали местные руководители и деятели культуры. Кыргызский поэт и писатель А. Токомбаев в 1933 г. в своем письме о творчестве своего друга К. Тыныстанова (бывшего алашевца) сравнивал алашевцев с орденом иезуитов, главная цель которых распространение своей идеологии: «знаменитый лидер алаш-ординцев Ахмет Байтурсунов, как нам известно, дал такое задание алаш-ординцам: «Молодые алаш-ординцы, когда-нибудь перебирайтесь в партию, занимая большие посты, поднимайте свой авторитет, сделайте так, чтобы под ваше влияние попала масса, без этого трудно осуществить интересы «Алаш»» [Болпонова, 2011, с. 39-40]. Судя по материалам допроса С. Ходжанова от 31 июля 1937 г. бывшие алашевцы подозревались: 1) в организации проникновения в партийный и советский аппарат, в первую очередь проведение своих людей в руководство наркоматами финансов, юстиции, земледелия, народного просвещения, милиции; 2) в установлении контроля над культурными учреждениями и пропаганде своих взглядов; 3) в борьбе за сохранение традиционных структур казахского аула и поддержке мусульманского духовенства. Ранее, в июле 1929 г, органам ОГПУ дал показания А. Байдильдин, который заявил, что лидеры национал-уклонистов С. Садвокасов и С. Ходжанов призывали забыть идеологические споры и объединить казахский образованный слой: «Садвокасов предлагал организовываться, сомкнуться с Алаш-Ордой, оставить группировочную борьбу

и сомкнуться с Ходжановым для того, чтобы в дальнейшем бороться против колониализма. Также говорил, что готовится колониаторская линия, что линия Смирнова, Калинина других берет верх, и поэтому нужно, оставив группировочные дела, сомкнуться всем казахским коммунистам и националистам и работать совместно» [Алаш қозғалысы, 2007, с. 73]. Этнический коммунизм, проповедуемый алашевцами, заключался в защите самобытности казахского народа и был несовместим с идеями интернационализма и программой строительства коммунистического общества.

Союзные органы ОГПУ в начале 1930-х гг. считали дела о прямой контрреволюционной деятельности алашевских националистов недоказанными, но пошли навстречу Ф.И. Голощекину и краевому ОГПУ [Койгельдиев, 2009, с. 347-348]. Казахское руководство после отзыва Голощекина некоторое время сдерживалось от широкого участия в преследовании «национал-коммунистов». Обосновывалось это тем, что «в силу исторического и культурного отставания Казахстана казахский национализм не представляет главной опасности» [РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 77. Л.12]. Однако Сталин специальной телеграммой, направленной секретарю Казкрайкома ВКП(б) Л. Мирзояну, потребовал сосредоточить усилия на борьбу с казахскими национал-уклонистами.

Последовательность Сталина в уничтожении влияния мусульманского национал-коммунизма и связанных с ним групп, отмечается исследователями: «После 1934 г. были систематически вычищены Коммунистические партии Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Исчезли как те люди, вступившие в Коммунистическую партию из различных националистических организаций, как Алаш-Орда (Букейханов, Байтурсынов, Дулатов) и «младобухарцы», так и те, кто начал свою политическую деятельность большевиками (Рыскулов, Мендешев, Садвокасов). Писатели, историки, артисты и другие деятели культуры были репрессированы и уничтожены» [Bennigsen, Wimbush, 1979, p. 92].

В сентябре 1937 г. газета «Правда» раскритиковала партийных работников Карелии, Казахстана и Киргизии за попустительство националистам. 2 сентября

1937 года в газете «Правда» появилась статья Пухова «На поводу у буржуазных националистов», подвергнувшая остракизму деятельность казахстанского партийного руководства: «Партийное руководство Казахстана не разоблачило ни одного сколько-нибудь видного буржуазного националиста, хотя на отсутствие острых сигналов коммунистов ЦК КП (б) Казахстана пожаловаться не может... Подобное положение с самокритикой в Казахстане мешает разоблечь врагов, пробравшихся к руководству». Следом 13 сентября свет увидел очередной «правдинский» навет на киргизских коммунистов под кричащим названием «Гнилая политика ЦК КП(б) Киргизии», где все республиканские руководители обвинялись в групповщине и национализме: «буржуазные националисты, связанные круговой порукой, инсценировали «борьбу с национализмом». Но при этом они взаимно замалчивали известные им материалы, компрометирующие многих из них. Их маневр не был вовремя разгадан и разоблачен только теперь. С поразительной наглостью продвигали националисты друг друга» [Правда, 13 сентября 1937]. Республиканские лидеры апеллировали к Сталину, стараясь доказать свою невиновность, и санкционировали преследования «националистов». Демонстрируемая преданность партии и стране не спасла большинство руководителей национальных республик от набравшего обороты маховика репрессий.

Некоторые казахстанские историки противопоставляют «сталиниста» Ф.И. Голощекина «доброму» Л. Мирзояну, которого называли «Мырза-жан», т.е. «Великая душа» [См.: Козыбаев и др., 1989, с. 53–71]. На наш взгляд, курс, проводимый Голощекиным и Мирзояном в Казахстане, отражает колебания самой политики союзного Центра, вынужденного ликвидировать негативные последствия «большого скачка» и успокоить население. Сам Л. Мирзоян был дисциплинированным «солдатом партии» и не пытался сколько-нибудь значительно корректировать генеральную линию союзного руководства в Казахстане, приняв активное участие в репрессиях «Большого террора». Л. Мирзоян способствовал уничтожению национально ориентированной части казахской интеллигенции и партаппарата, включая умеренных Рыскулова,

Нурмакова, Мендешева, объявленных руководителем республики 30 июля 1937 г. в письме к Сталину организаторами «национал-фашистских организаций» [Политические репрессии в Казахстане в 1937-38 гг., 1998, с. 85-87; Жуков, 2005, с. 445-446; Кабышулы, 2013, с. 11]. Ю.Н. Жуков, по данным списков запрошенных «лимитов» на расстрел и высылку, утвержденных союзным Политбюро 11 июля 1937 года, относит Л. Мирзояна к семерке наиболее кровавых организаторов террора среди руководителей региональных партийных организаций [Жуков, 2005, с. 445-447]. Л. Мирзоян доложил Сталину об аресте 400 «национал-фашистов», в числе которых были наркомы и руководители республиканских организаций. Среди арестованных были более десятка уйгурских коммунистов, отнесенных к членам уйгурской контрреволюционной организации, якобы являвшейся частью казахской оппозиции. Давним вождем «национал-фашистов» был объявлен Председатель КазЦИК У. Кулумбетов [Политические репрессии в Казахстане в 1937-38 гг., 1998, с. 85-87]. В июльской шифровке 1937 г. из Алма-Аты местное руководство просило расширить квоту на репрессии с 7 тыс. до 11 тыс. человек [Гатагова, 2011, с. 598]. В декабре 1937 г. Л. Мирзоян требовал выделить дополнительный лимит по «антисоветскому элементу в количестве 5000 человек, из коих по первой категории 2000 человек и по второй категории 3000 человек [Гатагова, 2011, с. 599].

За 1937-1938 годы в Казахстане были исключены из партии 9223 человека. Только в 1938 г. по обвинениям в троцкизме и национал-уклонизме было исключено из партии и осуждено 1114 «троцкистов» и 1029 «национал-уклонистов» [Осипов, 1991, с. 101-103]. По наиболее тяжкому обвинению в «национал-фашизме» были репрессированы Н. Нурмаков, У. Джандосов, Т. Рыскулов, С. Ходжанов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Жумабаев, С. Асфендияров, М. Тынышпаев и многие другие деятели.

Репрессии 1937-39 гг. не имели этнической направленности. В феврале 1937 г. в создании русской националистической организации и гибели десятков казахских рабочих из числа откочевщиков и детей из детдомов были обвинены руководители Турксиба Мрачковский и Товшин, а также врачи Савинов и

Грибановский [Политические репрессии в Казахстане в 1937-38 гг., 1998, с. 65]. Попытка создания дунганского национального района обернулась арестом немногочисленных дунганских коммунистов [Политические репрессии в Казахстане в 1937-38 гг., 1998, с. 168].

Л. Мирзоян, как и Ф.И. Голощекин, попал в сталинскую опалу и был репрессирован не за отступления от сталинского курса, а за моральное разложение, к которому был нетерпим Сталин. 5 марта 1937 г. на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) Сталин раскритиковал казахстанского руководителя Мирзояна за протекцию своим родственникам и близким друзьям и пренебрежение к местным кадрам. Сталин резко отозвался о практике создания Мирзояном своей «группировки» в 30-40 человек - выходцев с Закавказья: «Взять т. Мирзояна. Работает он в Казахстане, работал он раньше в Азербайджане долго, а после Азербайджана работал на Урале. Я его несколько раз предупреждал: не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей в Казахстане, потому что — что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы. Вот, смотрите, заведующим ОРПО Южно-Казахстанского обкома у него сидит т. Бадабашьян, взятый из Азербайджана, секретарем Кустанайского обкома сидит т. Саакян, взятый из Азербайджана, секретарем Джата-Горийского райкома сидит у него т. Саркисян, взятый из Азербайджана, секретарем Сайсанского райкома сидит у него т. Поузбикян, взятый из Азербайджана, секретарем Ленинского райкома сидит у него Айрапетян, взятый из Грузии... Ну на что это похоже? Разве можно так подбирать людей! К чему это ведет, что тут хорошего может быть — я вас спрашиваю. Я ведь предупреждал т. Мирзояна, что нельзя так вести себя, что надо из местных людей подбирать кадры. А он, видите ли, свою группу создал лично ему преданных людей, подобрал не по большевистскому принципу людей, а среди них имеются и троцкисты» [Из речи товарища Сталина, 1995, с. 11-23].

В своих воспоминаниях бывший в 1938 году заместителем наркома НКВД Казахской ССР М.П. Шрейдер пишет о личной нескромности Л. Мирзояна и его окружения, раздувавшего местный «культ личности». На первомайской демонстрации в Алма-Ате в 1938 г., вспоминает бывший чекист, во многих колоннах демонстранты несли огромные портреты Мирзояна, по размеру большие, чем портреты Сталина. Прибывшие корреспонденты «Правды» и «Известий» сразу сфотографировали колонны с такими портретами и отправили фотографии в Москву [Шрейдер М.П., 1995, с. 109]. По инициативе местных чиновников Хан-Тенгри, одну из горных вершин-семитысячников вблизи Алма-Аты, переименовали в «пик Мирзояна» [Истер, 2010, с. 80].

Находившаяся в мае 1938 г. Алма-Ате группа работников ЦК ВКП(б) во главе с Н.А. Скворцовым тщательно изучила все материалы по делу Л. Мирзояна. 15 мая 1938 г. Л. Мирзоян был отозван в Москву и по пути арестован по обвинению в троцкизме. В годы «Большого террора» были арестованы и расстреляны другие гонители казахских национал-коммунистов и «буржуазных националистов» - Ф.И. Голощекин, И. Курамысов, А. Асылбеков, А. Айтиев и др.

Чистки «врагов народа» в 1937-1939 годах в значительной степени инициировались партийной номенклатурой, уничтожавшей своих конкурентов и возможных критиков за ошибки в период коллективизации. Для советских вождей «Большой террор» стал эффективным инструментом определенно нацеленной социальной инженерии. П. Холквист рассматривает террор как «инструмент создания идеализированного образа более совершенного и чистого общества». Депортации по социальному и этническому признакам, лагеря и расстрелы должны были способствовать изоляции и ликвидации «социально-вредных элементов», тем самым расчищая обществу путь в коммунизм [См.: Юнге, Биннер, 2003, с. 215]. Немецкий историк Й. Баберовски цель сталинского террора и депортаций видит в создании большевиками однородного общества с унифицированным социальным и национальным «ландшафтом» [Баберовски, 2007, с. 147, 185].

Психологические основы террора британский историк Д. Хоскинг объясняет стремительным распространением тотального недоверия в советском обществе, сравнив Великий террор со средневековой «охотой на ведьм». Всеобщее недоверие, считает Д. Хоскинг, было результатом кризиса коллективного большевистского руководства и возвышения Сталина, оказавшегося перед лицом партикулярных интересов партаппарата и вынужденного перейти к кампании запугивания общества и созидания доверия к режиму за счет спекуляции коллективным недоверием. Д. Хоскинг обращает внимание на взаимосвязь террора и общественного недоверия к потенциально опасным группам: «История Советского Союза 1920-30-х гг. наводит на мысль, что недоверие может распространяться как пожар в сухом лесу в ветреную погоду и угрожать самим основам социума. Единственным способом для правителей удержать власть при таких условиях является применение массового террора, который затем, конечно, пропорционально усиливается в эпидемию недоверия» [Hosking, 2014, p. 22].

По мнению британского исследователя: «Сталин еще более драматизировал нарратив заговора и предательства в ходе судебных процессов 1936–1938 годов. Недоверие стало повсеместным и уже не поддавалось контролю. Даже те арестованные, кто ничуть не сомневался в собственной невинности, никогда не могли испытывать уверенность в том, что и другие подследственные, проходящие по тому же делу, в такой же мере не запятнаны. Жертвы показательных процессов сохраняли преданность партии и большевистской монополии на власть.... В большинстве случаев нельзя с точностью сказать, на каком основании люди той поры зачисляли того или иного человека во «враги»: из убеждения, примитивного желания спасти собственную жизнь или, возможно, из стремления получить какие-то преимущества. Главным моментом выступает здесь то, что крайняя поляризация доверия и недоверия теперь превратилась в *modus operandi* всей системы» [Hosking, 2014, p. 16; Хоскинг, 2013].

Сталинский террор был рационален в разрушении прежних норм морали и различных форм солидарности и доверия (этнических, религиозных, групповых).

Преследуемые органами госбезопасности и представителями формируемой социалистической интеллигенции, бывшие деятели национального движения с отчаянием взирали на крушение пасторального образа жизни и разрыв уз этнической солидарности. В ходе террора 1937-1939 годов была уничтожена национальная творческая интеллигенция, связанная с алашевским проектом. Последовательно уничтожались писатели и историки, обращавшие внимание на историческое прошлое своего народа и угрожавшие реализации советскому культурному проекту. Еще в годы коллективизации был казнен местными чекистами Шакарим Кудайбердиев. Органы госбезопасности использовали конфликты между группами казахских писателей. Одни «идеализировали» традиционное прошлое своего народа и тем самым способствовали «национализации» самосознания (М. Жумабаев, М. Дулатов, М. Ауэзов, И. Джансугуров), их оппоненты были приверженцами «национальной по форме, социалистической по содержанию» казахской культуры (С. Муканов, Г. Мусрепов, А. Тажибаев).

Печальную роль в судьбе основоположника казахской поэзии М. Жумабаева сыграла зависть и систематическая травля со стороны некоторых деятелей казахской социалистической литературы. Остракизму подвергся и руководитель казахстанского Союза писателей С. Муканов, исключенный из партии за «гнилой либерализм, пособничестве и покровительстве врагам народа..., публикации антисоветских националистических рассказов М. Ауэзова» [Политические репрессии в Казахстане в 1937-38 гг., 1998, с. 79-80]. Представители дореволюционной казахской интеллигенции на Втором съезде писателей Казахской ССР (21-27 июня 1939 г.) были объявлены «врагами народа», которые, по словам С. Муканова, «расставляли своих прицепных собак на литературном фронте, они натравляли этих собак на разных литературных фронтах литературы... Наша партий, наша страна настолько сильна, что в ту яму, которую они рыли нам, попали сами, и мы избавились от этих врагов» [История Казахстана в документах и материалах, 2013, с. 377]. После репрессий и уничтожения видных деятелей литературы и искусства (А. Байтурсынова,

М. Жумабаева, С. Сейфуллина, И. Джансугурова, К. Кеменгерова и др.), преследований М. Ауэзова, воспевавшего казахскую «старину», национальная литература и искусство были предназначены для удовлетворения государственных нужд и формирования советской гражданственности.

Главным в национальной политике 1930-х годов являлось признание превосходства русского народа и русской культуры, которая должна была стать доминирующим элементом в общей национальной культуре [Olcott, 1980, p. 196]. На идеализацию национального исторического прошлого и героев было наложено строгое табу. В пантеон прославляемых героев были допущены, наряду с «двумя орлами» - Лениным и Сталиным, которые были «во много раз сильнее и храбрее» тигра и орла¹¹, М.В. Фрунзе, нарком Н.И. Ежов, казахский герой Амангельды Иманов. Народный акын Джамбул Джабаев, объявленный местными литераторами «соловьем сталинской эпохи», писал о «кровавом» наркome внутренних дел Ежове как о древних батырах - народных заступниках простого казахского народа:

«В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова.
Великого Сталина пламенный зов...
Когда над степями поднялся восход
И плечи расправил казахский народ,
Когда чабаны против баев восстали,
Прислали Ежова нам Ленин и Сталин.
Приехал Ежов и, развеяв туман,
На битву за счастье поднял Казахстан,
Народ за Ежовым пошел в наступленье.
Сбылись наяву золотые виденья.
Ежов мироедов прогнал за хребты,

¹¹ Поэма «Два орла» С.Муканова (1935 г.)

Отбил табуны, их стада и гурты.

Расстались навеки мы с байским обманом,

Весна расцвела по степям Казахстана

Пышнее и краше былых наших снов.

Здесь все тебя любят, товарищ Ежов!» [Джабаев, 1937, с.3].

После коллективизации и оседания кочевников, писатели и поэты обязаны были восхвалять новую жизнь казахского аула, трудовые свершения на «великих стройках» первых пятилеток и никоим образом не воспевать традиционный казахский аул и баев. Ярыми поборниками советского интернационализма и непримиримыми борцами с националистическими «уклонами» после репрессий 1930-х годов были не московские цензоры и союзные органы, а сами казахские писатели, историки и деятели культуры.

Усиление крайнего этатизма в национальной политике сказалось и на судьбе народов, попавших под подозрение в отсутствии патриотических чувств по отношению к Советской стране. До Великой Отечественной войны к «заподозренным» этническим общностям были отнесены нацменьшинства, не имевшие своей национальной государственности в СССР и проживавшие в окружении титульных наций. Репрессии в отношении элит титульных наций преследовали целью снятие преград на пути развития советского патриотизма, в отношении же «ненадежных» нацменьшинств был избран иной путь – депортации, позволяющей разорвать связи этих групп населения с этническим ядром на сопредельных территориях и советизировать их.

Практически одновременно с началом «Большого террора» начинаются депортации в Казахстан «текучих национальных групп»¹², проживавших в приграничных районах и связанных с основными этническими массивами в сопредельных странах – поляков, немцев, корейцев, финнов, турок и близких к ним групп хемшинов и азербайджанцев. Депортации «ненадежных» народов должны были создать зоны безопасности от проникновения иностранной

¹² Данное определение нацменьшинствам, имеющим зарубежное происхождение, дано Сталиным в работе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе».

агентуры и сепаратистских групп. По мнению Н.Ф. Бугая, проводимые депортации «объяснялись» целым комплексом причин, в числе которых значились неблагонадежность, превентивность мер, конфессиональный фактор, выступление против преобразовательных мер, участие в бандформированиях, принадлежность к институтам отжившего строя (Прибалтика, западные районы Украины и Белоруссии, Молдавия и т.д.) [См.: Бугай, 2004]. «Ненадежные» этнические коллективы проживали компактно и конкурировали с иноэтническим окружающим большинством – русскими, украинцами, белорусами и грузинами.

Зачистки границы от поляков, финнов и корейцев целенаправленно проводились с 1928 по 1934 годы. В эти годы депортировались из приграничных районов «социально-опасные элементы» из числа польского шляхетства, кулачества, семейства «лиц, осужденных за бандитизм, шпионаж, активную контрреволюционную и профессиональную контрабанду» [Кен, Рупасов, 2000, с. 508-510]. В «Обращении Наркомзема УССР в Наркомзем СССР о переселении социально опасного элемента из пограничных округов УССР» от 17 апреля 1930 перечень был расширен и в него были включены лица: «подозреваемые в грабежах, бандитизме, конокрадстве, воровстве, поджогах, мошенничестве, хулиганстве, лица, имеющие связь с кулаками, и подкулачники, семьи административно высланных за уголовные преступления; лица, возвратившиеся из административной ссылки. Затем лица, отбывшие наказания за контрреволюционные преступления; бывшие помещики, полицейские, жандармы и т.п.; лица, имеющие родственников за границей; вычищенные из советского аппарата за неблагонадежность; перебежчики, оставшиеся в погранполосе; б. офицеры контрреволюционных армий; участники политических банд, контрреволюционных организаций и т.п.» [Сталинские депортации 1928-1953 гг., 2005, с. 43-44]. Указанные категории лиц предлагалось выселить в таежные районы Сибири.

28 апреля 1936 г. вышло Постановление №776-120сс СНК СССР «О выселении с Украинской ССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской ССР 15 000 польских и немецких хозяйств». Согласно этому

документу в Казахстан планировалось депортировать 35,8 тыс. поляков и менее 10 тыс. немцев [Бугай, 2006, с. 70], размещаемых в Летовочном, Красноармейском и Тарангульском мясосовхозах системы Наркомата совхозов в Карагандинской области. Этническая «зачистка» приграничной полосы была элементом подготовительных мероприятий к вероятной войне с Польшей и Германией. Советское военно-политическое руководство не верило в лояльность нацменьшинств, имевших прочные родственные связи в соседних государствах. Не случайно по настоянию органов госбезопасности 31 января 1938 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продолжении операции по «разгрому шпионско-диверсионных контингентов из числа поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков» [Бугай, 2006, с. 71]. В этом списке перечислялись те «ненадежные» народы, которые подозревались в симпатиях к своей «исторической Родине».

На переселение и обустройство поляков на новом месте было выделено 23 млн. рублей. Большинство поляков было размещено в поселках, находившихся в ведении НКВД и получило статус «политически неблагонадежных». Для депортированных польских и немецких семей было построено 37 новых поселков и отведено для хозяйственного пользования 468,5 тыс. гектаров земли. Численность прибывших польских переселенцев оказалась более высокой - 69283 чел., большая часть депортированных (14 015 хозяйств и 64 319 чел.) было расселено в Северном Казахстане [Земсков, 2003, с. 79; Сталинские депортации 1928-1953 гг., 2005, с. 69-70]. Согласно донесению представителей КПК при ЦК ВКП(б) Зейналова и Великанова председателю КПК ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову о хозяйственном устройстве польских и немецких семей в КазАССР, ГУЛАГ НКВД планировал переселение только 45 тыс. человек и прибытие большего количества депортированных привело к отсутствию жилья для 4 тыс. польских и немецких семей, высланных с территории Западной Украины.

Контрольная группа сообщала о неудовлетворительном медицинском обеспечении депортации: «Проверкой установлено, что НКЗдрав РСФСР неудовлетворительно выполнил постановление ЦК ВКП(б) в части медико-

санитарного обслуживания переселенцев. Не выделил достаточного количества медицинского персонала, не урегулировал взаимоотношений с ГУЛАГом НКВД и вплоть до нашего вмешательства вместо организации медико-санитарного обслуживания переселенцев занимался спором о том, в какой части он является ответственным за это дело. Санитарное обслуживание первой партии переселенцев в пути, а также и в местах поселения было организовано неудовлетворительно. При плохих жилищных условиях это привело к распространению среди переселенцев, особенно детей, массовых заболеваний заразными болезнями (корь, дизентерия, скарлатина и др.) и высокой смертности. Так, на 1 сентября умерло 382 человека, преимущественно детей, и болело свыше 400 человек» [Сталинские депортации 1928-1953 гг., 2005, с.68]. Из-за нехватки жилья 18,5 тыс. вынужденных переселенцев было вселено в существующие поселки Северного Казахстана, еще 4,9 тыс. чел. отправлено на вселение в Алма-Атинскую область.

В феврале- июне 1940 года в Казахстан были отправлены еще три группы поляков, депортированных из присоединенных к СССР областей Западной Украины (Волинской, Ровенской, Львовской, Дрогобычской, Станиславской и Тарнопольской) и Западной Белоруссии ((Вилейской, Барановичской, Белостокской, Брестской и Пинской). В рамках февральской «зачистки» было выселено 139–141 тыс. «осадников»¹³ и лесников с семьями; в апреле было выслано 61 тыс. членов семей репрессированных польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, государственных служащих, помещиков, фабрикантов и участников контрреволюционных повстанческих организаций; в июне-июле - 75 тысяч «спецпереселенцев-беженцев» из числа бывших польских граждан. Всего было переселено 139,6 тыс. осадников и лесников, направленных в северные районы страны для использования Наркомлесом на лесоразработках [Гурьянов, 1997, с. 115; Бугай, 2003, с.211]. По данным НКВД на начало 1941 г.

¹³ К категории «осадники» (дословно «поселенец») относили бывших участников советско-польской войны 1919–1920 гг., получивших от правительства Польши на территориях населенных украинцами и белорусами земельные наделы (от 12 до 45 га). По мнению Н.Ф.Бугая, органы госбезопасности отнесли к «осадникам» всех не желающих признать новую власть [Бугай Н.Ф., 1995, с. 12], что привело к расширению контингента высылаемых поляков. К категории «лесники» относились служащие лесной охраны [Гурьянов А.Э., 1997, с. 52].

по разным регионам страны было расселено 109 тыс. осадников и лесников [Бугай, 1992, с. 5; Бугай, 1995, с. 13]. В Казахстан с 10 апреля по август 1940 г. было выслано 60,6 тыс. (по другим данным 61,1 тыс.) поляков [Бугай, 2003, с.217]. Из них к категории «спецпереселенцы–осадники» относилось 5,5 тыс. человек из 141 тыс. высланных на восток страны «осадников» и членов их семей; к семьям «репрессированных» - 61 тыс. человек,

В научной и публицистической литературе доминируют негативные оценки депортаций «неблагонадежных» и «наказанных» народов. Депортация изображается «абсолютным» злом, сотворенным по воле Сталина и его окружения. Н.Ф. Бугай и В.С. Парсаданова считают довоенную депортацию поляков и немцев «одним из тягчайших преступлений, совершенных Сталиным, его административно-командной системой. Без суда и следствия, даже без письменного обвинения было депортировано около 10 % населения этих районов республик» [Парсаданова, 1989, с. 44; Бугай, 1995, 12].

На наш взгляд, нельзя игнорировать возможность давления военных и местного аппарата, направлявших в Москву донесения о враждебных отношениях между «неблагонадежными» поляками с одной стороны и «титовыми» украинцами и белорусами с другой. Материалы оперативных сводок, направленных наркомом Л.П. Берия, дают картину активной поддержки украинским и белорусским населением высылки «осадников». Сохранились в донесениях органов госбезопасности следующие оценки: «В течение 10-ти лет они пили нашу кровь, следили за каждым нашим движением и доносили польским жандармам и помещикам. От них не было нам жизни, и лишь теперь мы от них навсегда избавились»; «Осадники... издевались над украинцами, позабирали у нас лучшие земли»; «Это правильно делается. Довольно они пожили панями и поиздевались над украинским населением» [Гурьянов, 1997]. Нарком внутренних дел БССР Л.Ф. Цанава писал в докладной записке Л.П. Берия об активном участии местного населения в поиске польских жилищ и в обысках. Сотрудники органов госбезопасности не преувеличивали глубину межэтнического конфликта между польским и украинским населением, о чем

свидетельствует массовая Волынская резня 1943-1944 гг., когда жертвами этнических «чисток» стали десятки тысяч поляков. Вероятно, депортации 1936 и 1940 годов предотвратили гибель еще большего числа поляков.

Следующая крупная этническая «зачистка» приграничных территорий с последующей депортацией в Казахстан была проведена в сентябре 1937 г. в отношении корейцев, проживавших компактными общинами в Приморье. 21 августа 1937 г. было принято совместное постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 1428—326сс «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» о депортации в Среднюю Азию и в Казахстан 172 тыс. корейцев. Причины выселения корейцев заключаются в подозрениях советского руководства по поводу нелояльности и возможном коллаборационизме в пользу Японии. Н.Ф. Бугай считает, что корейцы наряду с немцами, турками-месхетинцами, курдами, хемшинами, греками подверглись депортации по превентивному признаку [Бугай, 1994, с. 115], т.е. в случае конфликта с сопредельными странами указанные этнические общности подозревались в вероятной поддержке противника. Высказываются предположения об опасениях Сталина по поводу возможного выдвижения требований создания корейской автономной области, по примеру созданной в 1934 г. Еврейской автономной области с центром в Биробиджане [Бугай, 1995, с. 19; Ким, 1999, с. 189-190]. Г.В. Кан полагает, что корейцы стали разменной монетой в политическом торге между СССР, Китаем и Японией. Корея была аннексирована Японией и советские корейцы считались потенциально прояпонски настроенной силой на Дальнем Востоке [Кан, с.46-47]. Г.Н. Ким указывает на существование определенных политических и экономических целей у организаторов депортаций: «во-первых, переселение в Среднюю Азию и Казахстан, площадь которых в десятки раз превышала территорию Дальневосточного края, означало автоматически дисперсию и раздробление групп корейского населения в районах вселения. Во-вторых, в Казахстане и Средней Азии в результате преступных методов форсированной, сплошной коллективизации без учета специфического уклада хозяйствования погибли

миллионы людей, а сотни тысяч откочевали за пределы своих республик и страны... Таким образом, здесь возник острый дефицит трудовых ресурсов, который частично восполнялся переселенцами, в данном случае корейцами. Можно среди прочего предполагать, что размещение переселенцев преимущественно в южных областях Казахстана и республиках Средней Азии предусматривало занятие ими традиционной сельскохозяйственной деятельностью: рисоводством и овощеводством» [Ким, 1999, с. 189-190; См. также: Бугай, 1995, с. 19].

В процессе выселения 20170 семей корейцев (95 тыс. человек) были размещены преимущественно в южных областях Казахской ССР, еще 16,2 тыс. семей (76.5 тыс. человек) были отправлены в Узбекскую ССР [Бугай, 1992, с. 6; Бугай, 1995, с. 20]. До выхода указа 2 июля 1945 г. корейцы относились не к категории «спецпоселенцев», а к категории лиц «переселенных в порядке предупредительных мер по очищению приграничных с Японией районов» [Бугай, 1992, с. 7]. Корейские поселенцы сумели обжиться на новых местах и развили культуру рисоводства. В постсталинский период казахстанские корейцы успешно интегрировались в местное сообщество и превратились в один из самых модернизированных этносов в республике.

1930-е годы были переломными в истории казахского этноса. Форсированная силовая модернизация «сверху» принесла страдания и гибель миллионов людей в стране. В результате оседания и коллективизации были уничтожены древние механизмы воспроизводства племенного и этнического сознания пасторальных коллективов, основанные на определенном хозяйственном укладе и культурном порядке. Вместо этого Советская власть успешно внедрила этнонациональное сознание через создание единства национально-территориальной государственности, национального языка, конструируемой новой культуры и представлений об историческом прошлом.

Национальный вопрос, в таком виде как это представлялось дореволюционной казахской интеллигенции, Советское руководство решило, ликвидировав фактическое и правовое неравенство казахского народа,

предоставив беспрецедентно широкие возможности для развития образования, культуры, здравоохранения. Казахское население реально видело происходящее улучшение жизни. Сталинская эпоха способствовала формированию этатистского сознания в среде казахского населения. На протяжении последующих десятилетий казахи были одним из наиболее лояльных к Советскому государству этносов. М.Б. Олкотт признает: «Сталинский режим, кажется, был относительно успешным в формировании советского патриотизма среди казахов. Нет или почти нет доказательств нелояльности казахов во время Второй мировой войны. Кроме того, Сталин превратился в народного героя, и усилия по искоренению практики сталинского культа личности были менее успешными в национальных регионах, чем в России» [Olcott, 1980, p. 208].

Оседание кочевого аула и коллективизация сельского хозяйства сняли остроту прежних межэтнических конфликтов в вопросах землеустройства. Казахское и русское крестьянство оказалось одинаково отчуждено от права собственности на землю. Силовое подавление различного рода «национальных уклонов» загнало конкурентные отношения в вопросах подбора и выдвижения кадров номенклатуры в определенные рамки, соблюдавшиеся до середины 1970-х гг. Основным содержанием национальной политики в 1930-е и в последующие годы становится советский патриотизм, ядром которого была избрана русская историческая и культурная традиция. Депортации народов и отдельных социальных групп показали границы, за которыми союзная власть, в ответ на антипатриотизм или другие формы нелояльности к Советскому государству, была готова на репрессии. Вместе с тем, следует признать достижения национальной политики, проводимой в контексте интернационалистской идеологии. Завоевание доверия национальных меньшинств страны потребовало значительных усилий и уступок, заключавшихся в созидании «власти межнациональной», как на XII съезде партии выразился Сталин. Новые межличностные и межгрупповые связи, как показывает казахстанский опыт, способствовали разрушению прежних узкогрупповых форм доверия на уровне родовых коллективов и этнических общин, тем самым способствуя формированию советской идентичности.

5 ПОБЕДИВШИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ: НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ (1941- 1953 ГГ.)

5.1 Народы Казахстана в Великой Отечественной войне и в послевоенный период

Великая Отечественная война стала для советского общества суровым испытанием на прочность. Советское военно-политическое руководство в годы войны смогло убедиться в правильности как «националистического НЭПа» 1920-х годов, так и последовавшего в 1930-е годы усиления линии на жесткую централизацию управления страной, смещения акцентов в идеологии с интернационалистской ортодоксии на патриотический интернационализм. Советская пропагандистская машина в годы войны умело включала в общесоветский патриотизм, опиравшийся на адаптированную к марксизму-ленинизму русскую историческую и культурную традиции, элементы национал-патриотизма основных титульных наций страны, являвшихся после русских крупнейшими поставщиками контингентов военнослужащих – украинцев, белорусов, татар, казахов, узбеков, грузин, армян, азербайджанцев, народов Поволжья, Урала и Сибири. Период войны примечателен в Казахстане налаживанием прочных партнерских отношений между русскими и казахами, составившими основную часть призванных на фронт солдат и тружеников тыла. Длительное время после окончания войны солидаризм и доверие отличали межэтнические отношения между представителями двух крупнейших этносов Казахстана.

Война была действенным испытанием на прочность советского общества и советской политической системы. В современной исторической литературе с конца 1980-х годов рядом западноевропейских историков (Э. Нольте,

И. Хоффман, Э. Топич) поднимаются вопросы о пересмотре характера войны со стороны нацистской Германии и Советского Союза, их взаимной ответственности за империалистическую агрессию и военные преступления. Э. Нольте выдвинул гипотезу о «вторичности» расистской и человеконенавистнической нацистской идеологии и политики по отношению к большевистской парадигме классовой борьбы и практике уничтожения враждебных классов, освященных возрожденным Сталиным державничеством: «То, что большевизм пошел по пути «национализации» или «огосударствления», уже вскоре утверждали его друзья и враги (или опасались этого): эмигранты и неортодоксальные коммунисты уже в начале двадцатых годов совпали между собой во мнении, что большевики превратились в борцов за традиционные интересы государства российского» [Нольте, 2003, с. 428]. Нольте полагает, что уничтожение евреев на оккупированной территории было связано с подозрениями нацистов в их коммунистической революционности, но «на самом деле лишь часть советских евреев причисляла себя к революционному населению (т. е. сохраняла верность Сталину), тогда как громадные массы русских и украинцев, напротив, отождествляли себя с Советским государством» [Нольте, 2003, с. 424]. Исходя из равнозначности нацизма и советского коммунизма Э. Нольте проводит параллели между депортациями германских евреев перед «окончательным решением» и советскими депортациями «наказанных народов»: «С другой стороны, Сталин тоже ополчался на целые народы вроде немцев Поволжья, каковые, по словам Н.С. Хрущева, он приказывал депортировать «вместе со всеми коммунистами и комсомольцами», так как видел в них потенциальных пособников врага» [Нольте, 2003, с. 424]. Немецкий историк отказывается видеть, что депортации народов в СССР не преследовали целью их физическое истребление.

Еще дальше пошел Й. Хоффман, выпустивший книгу «Сталинская истребительная война», спровоцировавшую в 1989 г. полемику историков по поводу причин и характера Второй мировой войны. Й. Хоффман в своей книге выдвинул концепцию о превентивном характере нападения Германии на СССР в июне 1941 года. Хоффман исходит из посыла о готовившемся нападении СССР на

Германию, вынудившем Гитлера отдать приказ о начале операции «Барбаросса». Хоффман отстаивал положение о том, что именно Советский Союз и лично Сталин готовили войну на уничтожение немецкого народа. Немецкий историк ссылается на речь советского вождя 6 ноября 1941 г., воззвавшего с кремлевской трибуны: «Что ж, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают. (Бурные, продолжительные аплодисменты). Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов. (Бурные аплодисменты, возгласы: «Правильно!», крики «Ура!»). «Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам!» [Гофман, 2006, с. 9, 286]. Немецкий военный историк сознательно оторвал в своей интерпретации речь Сталина от существовавшей военной реальности - вермахт стоял на пороге Москвы. В своей речи советский руководитель имел в виду не немецкую нацию вообще, а немецкую армию и ее солдат.

Концепция ревизионистов подверглась критике со стороны известных немецких историков и социологов. В отличие от нацистской Германии, планировавшей полное уничтожение или порабощение «неполноценных» расовых и этнических общностей, Советский Союз никогда не планировал уничтожения немцев или союзных им наций (финнов, румын, венгров) и «очищения» «жизненного пространства» от конкурирующих этнических общностей. Г. Фойхт признает ответственность германского научного направления «остфоршунг», занимавшегося изучением стран расположенных восточнее Германии, в формировании экспансионистских идеологических установок «Третьего рейха» в отношении советских народов под прикрытием тезисов о «большевистской угрозе», «культурной миссии немцев», «русской угрозе» [Фойхт, 2005 с. 65]. Именно в работах классика «остфоршунга» Теодора Оберлендера в 1935 году задолго до речи Сталина давалась характеристика борьбы на востоке как «длящаяся поколениями, с единственной целью – истребление» [Фойхт, 2005, с. 65]. Гиммлер и Геринг не скрывали, что целью

войны на востоке является истребление 30-40 млн. славян, решение проблемы снабжения продовольствием и сырьем метрополии за счет миллионов русских, с последующей германизацией оккупированных территорий до Урала [Ветте, 2005, с. 109-110; см. также: Штрайт, 2009].

Наиболее ярко агрессивная «истребительная» сущность нацизма проявилась в отношении к пленным. Из 5,7 млн. советских военнопленных было уничтожено 3,3 млн. человек (57,7 %), в то время как из 232 тыс. британских и американских пленных по разным причинам до победы не дожило 8348 человек (3,5 %) [Штрайт, 2005, с. 234]. В 1941 - начале 1942 гг. в плену целенаправленно голодом и болезнями по расовым мотивам были уничтожены миллионы советских солдат и офицеров. Лишь весной 1942 г. военно-политическое руководство Германии решило использовать против Красной Армии и в тылу представителей «пленных» Россией народов, ранее уничтожаемых в немецких лагерях. Й. Хоффман признает факты массовых экзекуций советских пленных, списывая их на действия гестапо и структур СС: «...оперативные группы охранной полиции и СД принялись физически ликвидировать «нетерпимые элементы», то есть, прежде всего неудобные в политическом и «расовом» отношении. Жертвами этих акций уничтожения становились и представители народов Средней Азии и Кавказа, очень часто - именно самые непримиримые противники советского режима, которые теперь отсортировывались из-за своей подчас экзотичной внешности как символы большевизма, неверно трактуемого как «азиатский» или «монгольский»» [Гофман, 2006, с. 9, 286].

Иная картина наблюдалась в отношении к немецким пленным в СССР. Немецкие историки считают, что из 3155 тыс. немецких пленных в Советском Союзе до освобождения из плена не дожило 1185 тыс. человек (37,5 %) [Штрайт, 2005 с. 234]. Российские исследователи занижают общее количество попавших в советский плен и умерших по различным причинам немецких солдат. По официальной статистике Главного Управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) Министерства внутренних дел СССР от 12 октября 1959 года, с 22 июня 1941 года по июль 1945 года Красной Армией были взяты в

плен 2388443 германских военнослужащих, из них 376 генералов, 69469 офицеров, 2319715 унтер-офицеров и солдат. Из 2389560 немецких военнопленных умерли в плену 356687 чел., 20310473 солдат и офицеров вернулись на родину [Карнер, 2002, с. 96]. Значительная часть немецких солдат не смогла выжить из-за полуголодного существования самого населения СССР в годы войны и во время послевоенного голода 1946-47 годов. Сказывалось также большее время нахождения в плену (большая часть военнопленных находилась в плену с 1943 по 1950 гг.), повышавшее вероятность естественной смертности. В то же время жизни немецкого солдата в плену не угрожала вероятность массовых казней и медицинских опытов.

Нападение нацистской Германии вызвало общенародный патриотический подъем в стране. Советское военно-политическое руководство сумело мобилизовать народы страны и превратить войну не только в войну русского народа, а в «Великую Отечественную войну советского народа». Патриотический подъем охватил в годы войны широкие слои казахстанцев. Только в первый месяц войны в Карагандинской области было подано 25 тыс. заявлений об отправке в действующую армию [Белан, 1995, с. 54]. Казахстанцы, как и большинство советских граждан считали своим долгом защитить свою родину. Происходило отождествление установок воинов неславянских национальностей с интересами сражающихся русского, украинского и белорусского народов. Летом 1943 года на армейском слете снайперов под Великими Луками выступил прославленный казахстанский снайпер Ибраим Сулейменов. Он говорил: «Почему я стал снайпером? Я начал войну под Москвой. Я видел расстрелянных колхозников, колхозниц и их детей. Я входил в колхозные дома, и мне говорили люди, как зло издевались над ними гитлеровцы. Я видел в каждом доме горе, страдание... Я и сейчас не могу спокойно чувствовать себя. Передо мной глаза колхозниц Подмосковья, в которых застыл ужас... Мне стало тяжело это видеть. Я поклялся в те дни стать снайпером. Почему я защищал Москву? Я казах, мой Казахстан далеко от Москвы. Москва — столица всех советских людей. Она и моя столица. Вот почему я защищал Москву. Но это не все. Когда я увидел, как зверски

издевались гитлеровцы над колхозниками и колхозницами Подмосковья, я подумал: если их не остановить и не уничтожить, они могут прийти и до моего родного Казахстана. Я не успокоюсь до тех пор, пока хоть один гитлеровец будет топтать нашу землю. Я уничтожил 239 фашистов. Призываю и вас нести смерть оккупантам» [Лисицын, 1975].

Народы Казахстана проявили солидарность с другими «воюющими» против нацизма народами. Колхозник Рахим Кондубаев в газете «Енбек» выразил отношение казахов к защите своей Советской Родины: «Наши отцы и деды всю свою жизнь ели один кислый курт и черствые прогорклые лепешки. Всю свою жизнь они боролись за благо, которое дала казахам только Советская власть и большевистская партия. Теперь фашистские стервятники пытаются ввергнуть в рабство свободолюбивый народ, отобрать у нас землю, луга, скот, надеть на шею аркан. Не будет этого! В казахском народе живет боевой дух Амангельды. В наших степях не перевелись лихие джигиты и добрые кони. Клянемся, что в Отечественной войне казахи до последней капли крови будут бороться против поработителей» [Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков, 1943, с. 48; Абишев, 1967, с. 9-10]. В словах казахского колхозника звучит признание заслуг Советской власти в ликвидации фактического неравенства казахов и призыв к участию в священной войне, с упоминанием имени Амангельды Иманова, возглавлявшего в 1916 г. антироссийское восстание в Тургайских степях. Сын казахского революционного героя - Рамазан Амангельдиев, погиб осенью 1941 г. сражаясь в составе 238 стрелковой дивизии под стенами древней русской столицы, как и Искандер Садвокасов - сын «национал-уклониста» Смагула Садвокасова и внук Алихана Букейханова, репрессированного по обвинению в «национал-фашизме». Младший сын казахского вождя восстания 1916 года Шарип Иманов и сын репрессированного Н. Нурмакова Ноян Нурмаков прошли трудными дорогами войны, закончив войну старшими офицерами [Белан, 1995, с. 135-136].

Участие казахстанцев в обороне страны было особо ощутимым в конце 1941 - первой половине 1943 годов. Всего по республике было мобилизовано 1366 тыс.

военнослужащих (более 70 % мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет), еще 700 тыс. жителей республики было призвано в Трудовую Армию [Белан, 1995, с. 323; Козыбаев, 2006, с. 170]. Население Казахстана по переписи 1939 г. составляло чуть более 6 млн. человек. С учетом того, что корейцы, немцы и поляки не призывались в действующую армию (более 240 тыс. человек по переписи 1939 г. без учета депортированных в 1940 г. поляков), доля мобилизованных составляло около 26 % от общего населения, а не 17 % как насчитал в своем исследовании Ф.Л. Сеницын, значительно заниживший вклад восточных районов страны в оборону [См.: Сеницын, 2009]. По расчетам Н.А. Кирсанова и С.И. Дробязко степень мобилизации населения в границах страны до 1939 г. была беспрецедентной. В годы Великой Отечественной войны призывался каждый пятый житель обоего пола. Подобный размах мобилизационных усилий, считают исследователи, был возможен лишь при достаточно высокой степени морально-политического единства общества [См.: Кирсанов, Дробязко, 2001, с. 60-75].

Всего в республике за годы войны было сформировано 12 стрелковых, 4 кавалерийских дивизии и 7 стрелковых бригад. Четыре стрелковые дивизии и одна морская бригада в ходе войны были преобразованы в гвардейские дивизии. Основную часть призванных военнослужащих из Казахстана составляли русские, казахи и украинцы, что определяло многонациональный состав формируемых в республике дивизий и бригад. Все дивизии, за исключением кавалерийских, были многонациональными. В 38 стрелковой дивизии (второго формирования), сформированной зимой 1941-1942 гг. в Алма-Ате, воевали представители 30 народов, населявших Казахстан [Белан, 1984, с. 21]. Первоначально казахи составляли от 25 до 40 % личного состава дивизий, русские казахстанцы – 30-45 %; украинцы – 20-25 % [Артемьев, 1975, с.55; Белан, Едыгенов, 1972, с. 215; Белан, 1995, с. 55]. В 310 стрелковой дивизии, сформированной в Акмолинске, национальный состав дивизии соответствовал национальному составу населения области – 40 % составляли казахи, 30 % - русские, 25 % - украинцы [Белан, 1973, с. 67]. В 312 стрелковой дивизии, сформированной в Актюбинске и практически

полностью погибшей в октябре-ноябре 1941 г. под Москвой, казахи составляли 1/3 состава [Cigan, Ponomareff, 1982, p. 33]. 312 стрелковая дивизия под командованием сибирского казака полковника А.Ф. Наумова стала ядром советской группировки, оборонявшей Малоярославец. Помимо 312 стрелковой дивизии группировка включала курсантские подразделения пехотного и артиллерийского училищ Подольска и тыловые учебные части [Белан, 1995, с. 123-125].

Наиболее известными и прославленными воинскими соединениями являются сформированная в Алма-Ате 8 гвардейская Панфиловская дивизия (бывшая 316 стрелковая дивизия) и 30 гвардейская дивизия (бывшая 238 стрелковая дивизия), сформированная в Семипалатинске. О массовом героизме 8 гвардейской Панфиловской дивизии сражавшейся севернее Москвы стало известно всей стране в ноябре 1941 года. Менее известен подвиг 30 гвардейской (бывшая 238 стрелковая) дивизии под командованием полковника П.Г. Короткова, сыгравшей важную роль в обороне Тулы и остановившей продвижение танковых и мотопехотных соединений 2 танковой армии Гудериана. Сам немецкий командующий высоко оценивал действия 238 стрелковой дивизии, относя ее к категории «сибирских» дивизий [Гудериан, с. 1998, с. 251]. В обороне Сталинграда прославились 38 и 29 стрелковые дивизии, сформированные в Алма-Ате и в Акмолинске.

Казахские солдаты составляли значительную долю в составе дивизий сформированных в Сибири и на Урале. Немецкие военные фиксировали изменение антропологического облика солдат советских боевых частей по мере прибытия дивизий из восточной части страны, оставив описание ожесточенного боя «монгольских батальонов»¹⁴ против дивизии СС «Рейх» [Маттсон, 2006, с. 98-100].

¹⁴ Определение 82 мотострелковой дивизии как «монгольской» дал П. Карелл в переизданной на русском языке в 2003 году книге ««Барбаросса»: от Бреста до Москвы». В начале Великой Отечественной войны дивизия дислоцировалась в городе Баин-Тумен (Монгольская Народная Республика) и была переброшена в октябре 1941 г. под Москву. Очевидно, что в составе дивизии было много солдат неевропейских национальностей.

В октябре 1942 г. на Ленинградском фронте воевало 7 тыс. казахов, 3 тыс. узбеков, 10 тыс. татар; на Калининском фронте – 7 тыс. казахов, 5 тыс. узбеков, 5 тыс. татар, на Западном фронте – 17 тыс. казахов, 17 тыс. узбеков, 5 тыс. туркмен, 3 тыс. таджиков; на Воронежском фронте – 8 тыс. казахов, 5,5 тыс. узбеков, 7 тыс. башкир, 7 тыс. татар [Суган, Ропомарефф, 1982, р. 34]. В составе изученного А.П. Артемьевым личного состава 166 стрелковых дивизий в январе 1943 года по национальной принадлежности среди 1 млн. солдат находилось 32,6 тыс. казахов, 28,8 тыс. татар, 25,9 тыс. узбеков, 19,5 тыс. грузин, 18,7 тыс. азербайджанцев, 16 тыс. армян, 10,1 тыс. мордвы, 9,6 чувашей, 9,2 тыс. эстонцев, 6,4 тыс. башкир, 5,5 тыс. киргизов, 3,35 тыс. марийцев, 3,2 тыс. туркмен, 3,1 тыс. удмуртов, 2,68 тыс. таджиков [Артемьев, 1975, с. 57]. Основная часть солдат неславянских национальностей служила в стрелковых и кавалерийских дивизиях. Авиация и бронетанковые соединения укомплектовывались преимущественно славянами.

Постоянная замена погибших и раненых солдат способствовало изменению национального состава казахстанских дивизий. По расчетам А.П. Артемьева, к 20 октября 1942 г. в 8 гвардейской Панфиловской дивизии казахи составляли 14,7 %, на 1 января 1944 года – 21,4 %; в 27 гвардейской дивизии на 1 января 1944 г. – 0,8 %; в 30 гвардейской дивизии на 1 января 1943 г. казахи составляли 6,4 %, на 1 июля 1943 г. – 3,7 %, на 1 января 1944 г. - 2,8 %; в 72 гвардейской дивизии на 1 января 1943 г. – 3,8 %, на 1 июля 1943 – 4,8 %, на 1 января 1944 - 2,1 %; в 73 гвардейской дивизии на 1 января 1943 г. – 1,9 %, на 1 июля 1943 г. – 7 %, на 1 января 1944 г. - 2,1 % [Артемьев, 1975, с. 55]. В остальных дивизиях, сформированных в Казахстане, с июля 1943 г. снизилось представительство военнослужащих казахской национальности и по своему составу эти дивизии ничем не отличались от боевых частей, сформированных в других республиках. В ряде дивизий, сформированных на Урале и в Сибири в начале 1943 г. (41, 73, 81 и 12 стрелковые дивизии) имелось больше казахов (от 10 до 15 %), чем в казахстанских соединениях [Артемьев, 1975, с.55; Белан, 1979, с. 29]. В 196 стрелковой дивизии второго формирования, созданной в 1942 г. в Чкаловской

(Оренбургской) области, 80 % военнослужащих составляли казахи, 20 % - русские; 4129 казахов насчитывалось в 195 стрелковой дивизии, сформированной в Башкирии; значительной была доля казахских солдат в 333 и 193 стрелковых дивизиях и в 124 стрелковой бригаде, сформированных в Оренбуржье и в Башкирии [Артемьев, 1975, с. 40; Curan, Ponomareff, 1982, p. 33].

Вклад восточных регионов в оборону страны был весьма значителен в 1941 - первой половине 1943 годов. В этот период оказались оккупированными территории, откуда традиционно черпался основной контингент военнослужащих – западная часть РСФСР, Украина и Белоруссия. Призывники неславянских национальностей вливались в ряды действующей армии и достойно проявили себя в сражениях под Москвой зимой 1941- 42 гг., в Сталинградской битве и в битве на Курской дуге. Первоначально имели место предубеждения, о чем свидетельствуют воспоминания сталинградцев, изложенные в книге М. Джонса «Сталинград. Как состоялся триумф Красной Армии». Командир батальона В. Туров вспоминал о недоверии к молодым татарам и казахам со стороны со стороны ветеранов сталинградских боев 115 морской бригады: «Говоря откровенно, нас сначала смущали новобранцы, полученные из Центральной Азии... Мы не чувствовали, что можем положиться на них в столь напряженной битве. В этом не было их вины: они были слабо подготовлены и плохо говорили по-русски... Но затем произошло нечто значительное. «Я был с Андриющенко (командир 115 бригады - С.К.), когда молодой паренек из Казахстана появился с донесением, - вспоминает Туров. – Он был подростком, который едва говорил по-русски. Он был бронебойщиком, но его противотанковое ружье было уничтожено, и остатки части погибли. тяжело раненный, с переломами обеих ног, он тем не менее дополз до командного пункта. Он с трудом находил нужные слова, жестикулируя руками, но в его голосе безошибочно слышалась гордость, вопреки тому ужасному состоянию, в котором он пребывал. Он сумел рассказать, что он уничтожил три немецких танка. Затем он умер прямо на наших глазах. На несколько минут повисла абсолютная тишина. Люди до того были ошеломлены, что не могли говорить. Через несколько часов все наши бойцы знали об этом

мальчике из Казахстана. Наши русские солдаты отказались от своих предубеждений. Каждый солдат, находившийся среди нас, хотел почтить его память. Это было чем-то вроде общей безмолвной клятвы: мы не позволим немцам прорваться» [Джонс, 2007, с. 285-286].

Национальный состав боевых частей Красной Армии скрупулезно исследован А.П. Артемьевым и Н.А. Кирсановым. Изменение национального состава стрелковых частей Красной Армии с января 1943 по июль 1944 г. по восточнославянским народам выглядело следующим образом: доля русских снизилась с 63 до 51,8 % (при общей численности русских солдат и офицеров в 5747 тыс. чел.), доля украинцев увеличилась с 14,5 до 34 % (1376 тыс. чел.), белорусов с 1,9 до 2,04 % (251 тыс. чел.). Основная часть пополнения с лета 1943 года шла с освобожденных территорий. Прежние районы поступления резервов в конце 1941 - первой половине 1943 годов из восточных регионов страны и европейской части России, исчерпывают мобилизационный ресурс.

Доля неславянских народов уменьшается по мере продвижения советских войск на запад: узбеков уменьшилась с 2,88 до 1,25 % (121 тыс. чел.), татар с 2,38 до 1,7 % (188 тыс. чел.), казахов с 2,4 до 1,12 % (130 тыс. чел.), евреев с 1,42 до 1,14 % (138 тыс. чел.), азербайджанцев с 1,55 до 0,81 % (58 тыс. чел.), грузин с 1,5 до 0,5 % (80 тыс. чел.), армян с 1,51 % до 0,81 % (81 тыс. чел.), мордвы с 0,79 до 0,56 % (63,3 тыс. чел.), чувашей с 0,75 до 0,52 % (63,1 тыс. чел.), таджиков с 0,48 до 0,32 % (22,5 тыс. чел.), кыргызов с 0,57 до 0,22 % (26,9 тыс. чел.), башкир с 0,5 до 0,31 %, туркмен с 0,47 до 0,23 % (21,7 тыс. чел.), удмуртов с 0,26 до 0,2 % (23,4 тыс. чел.), марийцев с 0,26 до 0,19 % (20,8 тыс. чел.), коми с 0,16 до 0,13 % (16,5 тыс. чел.), осетин с 0,16 до 0,14 % (10,4 %), бурят с 0,14 до 0,9 % [Составлено по: Артемьев, 1975, с. 57-58].

Как и в первой половине войны, русские преобладали в авиации и танковых и механизированных соединениях Красной Армии. Л. Лопуховский в своем исследовании Курской битвы на основе материалов Центрального Архива Министерства Обороны РФ изучил национальный состав 5 гвардейской танковой армии, остановившей 2 танковый корпус СС под Прохоровкой. В двух танковых и

механизированном корпусе в числе 44 тыс. военнослужащих русские составляли 74 %, украинцы -11,7 %, белорусы - 1,8 %, другие национальности -1,5 %. Всего в 5 гвардейской танковой армии в июле 1943 г. служили воины более 36 народов СССР. В общевойсковых соединениях Воронежского фронта «в отличие от танковых, где предъявлялись менее строгие требования к общеобразовательному и техническому уровню личного состава, удельный вес других национальностей был другим. В частности в стрелковых соединениях Воронежского фронта было много представителей народов Средней Азии» [Лопуховский, 2005, с.565].

Интересен взгляд на национальный состав Красной Армии с «той стороны». Американский военный историк Д. Гланц использовал аналитические документы разведывательного органа вермахта 12-го отдела Генштаба «Иностранные армии Востока», подробно раскрывающие национальный состав 266 советских стрелковых, воздушно-десантных и кавалерийских дивизий с лета 1941 по февраль 1944 годов. Наиболее высокий процент казаков и неславянских народов был в кавалерийских дивизиях. Лишь в трех кавалерийских дивизиях русские воины составляли большую часть личного состава: в 1 гв. кав. дивизии в феврале 1944 г. русских было 60 %, украинцев – 30 %; в 7 гв. кав. дивизии на январь 1945 г. русские составляли 60 % личного состава, 20 % - «азиаты», 15 % - украинцы и в 8 гв. кав. дивизии – русские составляли 90 %. Стрелковые и воздушно-десантные дивизии, по сведениям немецких разведчиков, имели многонациональный состав с небольшим преобладанием русских, являвшихся «ядром» советских боевых частей [Гланц, 2009, с. 363-381].

Ожесточенные сражения Великой Отечественной войны привели к большим людским потерям среди «воюющих» народов СССР. Наибольшие прямые потери в ходе боевых действий понесли вынесшие основную тяжесть войны русские – 5756 тыс. человек (5,78 % от общей численности). Большие потери были и у других «воюющих народов»: украинцы - 1377 тыс. (4,90 %), белорусы - 252900 (4,79 %), татары - 187700 (4,35 %), евреи - 142500 (4,71 %), казахи - 125500 (4,05 %), узбеки -117900 (2,43%), грузины - 79500 (3,53%), армяне - 83700 (3,89%), чувашаи - 63300 (4,62%), азербайджанцы - 58400 (2,57%),

башкиры - 31700 (3,76%), киргизы 26600 (3,01%), таджики 22900 (3,37%), туркмены - 21300 (2,62%), удмурты - 23200 (3,83%), марийцы - 20900 (4,34%), осетины - 10700 (3,02%), мордва – 63,3 тыс. человек, эстонцы - 21,2 тыс. человек, буряты – 13 тыс. человек.

Наименьшие потери среди «титულных» народов понесли литовцы - 11,6 тыс. человек, латыши – 11,6 тыс. человек, народы Дагестана – 11,1 тыс. человек, карелы - 9,5 тыс. человек, калмыки – 4 тыс. человек, кабардинцы и балкарцы – 3,4 тыс. человек, чеченцы и ингуши - 2,3 тыс. человек [Кривошеев и др., 2001, с. 238; Кривошеев и др., 2010, с. 52;]. Очевидно, именно степень вклада советских народов в оборону страны учитывался Сталиным и высшим руководством страны при принятии решений о лишении национально-государственного статуса и депортации «наказанных» народов.

Потери населения Казахстана были весьма высокими. По данным в областном «разрезе» мы наблюдаем, что была велика доля безвозвратных потерь. В Кокчетавской области были призваны 61 тыс. чел., погибли, умерли от ран и пропали без вести 24,3 тыс. чел. (39,9% от числа призванных), в Кустанайской области было призвано 73 тыс. солдат, общие безвозвратные потери составили 43,5 тыс. чел. (58% призванных), в Акмолинской области призваны 83 тыс. чел., погибло 31 тыс. чел. (25,7 %). В основном солдаты трех областей в национальном «разрезе» были русскими, казахами, украинцами и татарами. В Карагандинской области было призвано 45 тыс. чел., из них 27 тыс. не вернулось с фронта (60%), в Восточно-Казахстанской области соответственно 87,4 тыс. и 51,3 тыс. (58,7%), в Семипалатинской области 93 тыс. и 45 тыс. (48,3 %), в Джамбульской области 47,4 тыс. и 33 тыс. (69,6 %), в Актюбинской области – 122,4 тыс. и 31,1 тыс. (25,4 %), в Гурьевской области – 42,5 тыс. и 13,2 тыс. (31 %), в Западно-Казахстанской области – 78,6 тыс. призванных и 36,5 тыс. не вернувшихся с фронта (46,4 %) ¹⁵. В Алма-Ате и Алматинской области на фронт было призвано 281 тыс. чел., не вернулись домой с фронта 78 тыс. чел. (27,7 %) [Казахстанцы в Великой Отечественной войне, 2010, с. 424-434].

¹⁵ Не учтены погибшие в плену

В 2011 году Министерство обороны РФ передало банк данных по 587 тыс. казахстанцев павших на поле боя, умерших в госпиталях и пропавших без вести (44 % от общего числа призванных или 9,8 % от всего населения республики на 1939 год). Согласно материалам «Книги памяти Казахстана» на фронте погибли 601011 казахстанцев или 11,2 % от общего населения республики [Белан, 1995, с. 330]. Разница в 14 тыс. погибших возникла в результате учета призванных первоначально на Дальний Восток казахстанцев, которые впоследствии в составе «дальневосточных» дивизий убыли на фронт, проходя по учету как призванные с Дальнего Востока. Эти данные согласуются с данными по Северо-Казахстанской области, где на фронт были призваны 74 тыс. человек, из них погибли или умерли от ран, пропали без вести 45 тыс. человек (59 % призванных на фронт или 11 % от населения области) [Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области, 2010, с. 277, 293].

Казахстанские историки и демографы расходятся в оценках потерь казахского народа. Известный демограф М. Татимов называет цифру 350 тыс. погибших на фронте казахов [Татимов, 1989, с. 126]. Данная оценка не подтверждается архивами Министерства обороны РФ и материалами «Книги памяти Казахстана». П.С. Белан полагает, что на фронте погибло 95,5 тыс. казахских воинов [Белан, 1995, с. 330]. По оценке М.К. Козыбаева на фронте погибло 130 тыс. казахских солдат и офицеров, а с учетом без вести пропавших около 200 тыс. человек [Козыбаев, 2000, с. 214-215].

Высокий уровень потерь объясняется тем, что основная часть казахстанцев была призвана в Красную Армию до войны (178 тыс. человек) и с июня 1941 – по декабрь 1942 годов (681 тыс. человек), т.е. во время наиболее ожесточенных и кровопролитных боев войны [Козыбаев, 2006, с. 174]. С учетом гибели от тяжелых ранений уже комиссованных из армии солдат, потери взрослого мужского населения в республике были колоссальные и влекли негативные демографические и социальные последствия для «воюющих народов». Лишь к 1959 году казахи, как и русские, в значительной степени благодаря

демографическому переходу, смогли преодолеть последствия «демографического шока» вызванного войной.

Призыв в Действующую Армию и в Трудовую Армию в Казахстане происходил в течение всей войны. В научной и публицистической литературе имеются ссылки на нормы Постановления ГКО от 25 октября 1944 г. № ГОКО-7686сс «О призыве на военную службу призывников, родившихся в 1926 году, местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской Союзных Республик», трактуемые как освобождение от военной службы народов Центральной Азии и Закавказья¹⁶.

Однако, в самом тексте Постановления ГКО нет упоминаний об освобождении на постоянной основе достигших совершеннолетия призывников. Приводим выдержки из текста Постановления: «В целях подготовки обученных резервов для Красной Армии, Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Обязать НКО (т. Смородинова) в ноябре месяце 1944 года призвать на военную службу всех граждан мужского пола, родившихся в 1926 году, местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской Союзных Республик.

2. От призыва освободить:

а) ИТР и рабочих, имеющих квалификацию 3 разряда и выше, работающих в промышленных предприятиях всех наркоматов;

б) работающих в сельском хозяйстве в качестве директоров, инженеров, техников и механиков МТС и МТМ, ст. агрономов и агрономов, ветврачей, ветфельдшеров, зоотехников, бригадиров, комбайнеров, рабочих МТС и МТМ с 5 разряда и выше и трактористов» [РГАСПИ. Ф. 644. О. 1. Ед. хр. 324. Л.118]. В упомянутом Постановлении изъятие от призыва допускается только для высококвалифицированных специалистов, в которых остро нуждалось народное хозяйство, образование и здравоохранение. Аналогичное Постановление ГКО от

¹⁶ См. например: Дмитриев Т. «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»: национальное военное строительство в СССР 1920—1930-х гг. и его испытание «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. - №14. - 2013.

25 октября 1944 № ГОКО-6785сс освобождало от воинского призыва квалифицированных специалистов на освобожденных территориях Украины, Белоруссии и Молдавии [РГАСПИ фонд 644, опись 1, д.324, л.117]. В Постановлении ГКО от 25 октября 1944 года речь идет о категориях лиц из числа местных национальностей, на которых, как и на русских специалистов, распространяется «бронь».

Постановлением ГКО от 25 октября 1944 года отменялись положения Постановления ГКО от 13 октября 1943 г. № ГОКО-4322сс., согласно которым действительно призыву не подлежали призывники местных национальностей Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской Советских Социалистических республик, Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской автономных Советских Социалистических республик и Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей 1926 г. рождения [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Лл.1-3]. Тем самым, призывники, достигшие 18 лет в указанных республиках, призывались на общей основе в Действующую Армию. Речь здесь идет не о этнонациональных преференциях, а об обеспокоенности политического руководства страны физическим состоянием в республиках семнадцатилетних призывников, неокрепших в полуголодной стране и в массе своей слабо знающих русский язык. Через год, в октябре 1944 года эти призывники, достигнув 18 лет, были призваны на военную службу.

Причины временного свертывания призыва в ряде национальных республик и последовавшего через год нового призыва требуют тщательного рассмотрения. Постановлением 13 октября 1943 года в список республик, где временно был приостановлен призыв местных национальностей, была включена Грузия. Сомнительно, что кто-либо, зная об отношении вождя к выполнению патриотического долга, решился бы предложить Сталину прекратить набор грузин в Красную Армию.

Подлинные причины принятия возрастных ограничений на призыв крылись скорее в значительном истощении людских ресурсов в союзных республиках

Закавказья и Центральной Азии и в Северной Осетии, а также в слабом знании русского языка призывниками из этих республик. Еще в начале августа 1943 года советское руководство требовало от военного руководства бережного отношения с солдатами неславянских национальностей и не ставило вопрос о необходимости прекращения призыва в национальных республиках. Начальник Главного Политического Управления Красной Армии А.С. Щербаков в своем выступлении на совещании агитаторов среди бойцов нерусских национальностей особо подчеркнул важность преодоления «невнимательного» отношения к бойцам нерусских национальностей, признав: «Имели известное распространение среди некоторых командиров и такие разговоры, что бойцы нерусских национальностей неполноценны как бойцы, т.е. боевые качества некоторых национальностей не ценились. Было и такое предубеждение и мнение. После указаний ЦК партий, после указаний лично товарища Сталина о том, что нельзя далее терпеть такую недооценку политической работы среди бойцов нерусской национальности, многое поправили, многое сделали» [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 762].

Многие командиры и до грозных решений высшего руководства страны старались бережно относиться к воинам неславянских национальностей и требовали от своих подчиненных учета особенностей национальной психологии солдат, борьбы с незнанием многими русского языка. Один из выдающихся советских полководцев И.И. Федюнинский в своих воспоминаниях оставил теплые слова о казахских и киргизских солдатах прибывших в 3 гвардейскую стрелковую дивизию: «Помню, однажды я встретил маршевый батальон, который направлялся в 3-ю гвардейскую дивизию. В батальоне насчитывалось около двух тысяч человек. Большинство составляли казахи и киргизы. Солдаты были молодые, рослые как на подбор. Я приказал майору, сопровождавшему пополнение, отвести людей с дороги на лесную поляну и построить четырехугольником. Многие из солдат слабо понимали по-русски. Поэтому разговаривать с ними пришлось, прибегая к помощи переводчиков. Поднявшись на поваленное дерево, я сообщил, что являюсь командующим 5-й армией, в

которой им предстоит служить... Когда я закончил свою короткую речь, из строя вышел молодой широкоскулый солдат и быстро, горячо заговорил по-киргизски. Сержант, командир отделения, перевел: - Он заявляет претензию. Говорит, что перед отправкой на фронт бойцы не получили ни чаю, ни табаку. Это верно, товарищ генерал, мы действительно не успели их получить.

Я понимал, как тяжело для казахов и киргизов остаться без привычного чая, и мысленно обругал нерасторопных интендантов.

- Обещаю вам, товарищи, что, как только придете в дивизию, получите и табак, и чай. Даже ваш любимый кок-чай постараемся достать и приготовить.

По рядам солдат прокатился негромкий смешок, все заулыбались...

Вернувшись в штаб армии, позвонил начальнику тыла 3-й гвардейской дивизии полковнику Гвоздюку:

- К вам идет пополнение. Приготовьте побольше хорошо заваренного чая.

- Но, товарищ командующий, у нас хороший обед готов. Не понимаю, зачем еще нужен чай?

- Очень плохо, если не понимаете. Среди пополнения много казахов и киргизов, а для них чай дороже хорошего обеда. Так что, пожалуйста, позаботьтесь о чае. Обед, разумеется, тоже нужен...

Казахи и киргизы воевали превосходно. Почти все они оказались отличными стрелками. Лучшие стрелки-комсомольцы стали учиться снайперскому делу. Число снайперов быстро росло. И вскоре гитлеровцы уже не рисковали без нужды высовываться из траншей [Федюнинский, 1961, с. 120-122].

Выше мы отмечали, что Постановлением ГКО от 13 октября 1943 г. призыву не подлежали призывники только 1926 г. рождения, т.е. лица еще не достигшие 18 лет. Через год, т.е. по достижении ими призывного возраста, они были призваны в Красную Армию. Постановление ГКО от 13 октября 1943 года должно было воспрепятствовать практике призыва неокрепших молодых людей на фронт. В отношении других возрастных категорий это ограничение не действовало. Материалы «Книги памяти Казахстана» свидетельствуют, что многие казахи более ранних возрастов, павшие на фронте, были мобилизованы

после издания Постановления ГКО от 13 октября 1943 года и до выхода Постановления ГКО от 25 октября 1944 года. Тем самым, круг лиц, на которых распространялось действие Постановления, был ограничен не только по этническому признаку, но и по возрастной категории. Государственный Комитет Обороны Постановлением № ГОКО-6784сс от 25 октября 1944 года вновь освободил от призыва граждан «местных национальностей» 1927 года рождения в закавказских и центральноазиатских союзных республиках, а также в автономных республиках Северного Кавказа [РГАСПИ. Ф.644. Оп.1. Д. 324. Лл.106-116]. Сопоставление содержаний Постановлений ГКО говорит как раз о заботе советского руководства к призыву солдат нерусских национальностей. В течение года призывники 1927 года могли окрепнуть физически и подучить русский язык. Незнание солдатами неславянских национальностей русского языка было одной из проблем, ведших к крупным потерям. На следующий год призывники 1927 г. рождения, как годом раньше призывники 1926 года рождения, подлежали призыву в армию.

Таким образом, толкование Постановления ГКО от 13 октября 1943 г. № ГОКО-4322сс и Постановлений ГКО от 25 октября 1944 № ГОКО-6785сс и № ГОКО-6784сс как прекращение призыва нерусских национальностей в действующую армию неправомерно. Последнее по времени постановление юридически отменяло действие предшествующего, за исключением продления отмены призыва в автономных республиках Северного Кавказа 1926 года рождения. Якутские коллеги сообщали автору, что временная отмена призыва молодежи расценивалась населением как забота Советского государства о национальных меньшинствах страны.

Ничего не говорится о полной отмене призыва казахов в документах местных органов власти. Так, в своем Постановлении «Об итогах призыва в Красную Армию граждан 1926 года рождения и подготовке призыва граждан 1927 года рождения» от 17 марта 1944 года Северо-Казахстанский обком партии отмечал высокий уровень организации призыва. Из нескольких тысяч призванных только 170 человек оказались неграмотными. Обком партии отмечал, что 18

отсрочек по состоянию здоровья было в Айртауском районе, населенном казахами; 10 в Ленинском районе, населенном казахами и русскими крестьянами; 10 в Пресновском районе, населенном сибирскими казахами и казахами [СКГА. Ф. 1232. Оп.1. Д. 73. Л. 208]. Всего же за годы войны в Северо-Казахстанской области в Красную Армию было призвано 74 тыс. человек из 404 тыс. проживавших на начало войны (18,5 %) [Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области, 2010, с. 277, 293]. С учетом не призываемых в Красную Армию выселенных в довоенное время 9,3 тыс. корейцев, 65 тыс. поляков и немцев, следует признать сверхвысокий уровень мобилизации в данной области русских, казахов, украинцев и татар (23,4 % от населения). Очевидцы тех лет говорят о полном отсутствии взрослого мужского населения из числа русских, казахов, украинцев в сельской местности в годы войны. Война выбила основную часть призванных в 1941-1943 годах [Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области, 2010, с. 277].

К концу войны в республике наблюдалось истощение людских ресурсов. В 1944-1945 годах ЦК Компартии Казахстана направлял обкомам партии письма с требованиями изыскать людские ресурсы, годные к несению военной службы. Республиканский ЦК требовал от местных партийных органов отмены «брони» и рекомендовал «периодически проводить подворные обходы и облавы», «переосвидетельствовать всех негодных, нестроевых, отсрочников и отпускников и всех оказавшихся годными к строевой службе призвать и отправить по имеющимся нарядам» [Козыбаев, 2000, с. 216].

О временном послаблении республикам в вопросе призыва не только «местных национальностей», но и местных русских, свидетельствует Указание от ЦК Компартии Казахстана от 10 февраля 1944 г. за подписью Ундасына Шаяхметова о проведении мероприятий по легализации дезертиров: «Задачей партийно-советских организаций областей и районов является оказание всемерной помощи органам НКВД в проведении массовой разъяснительной работы среди родственников дезертиров, посылка специальных людей из числа

известных к дезертирам с задачей склонить последних к добровольной явке с тем, чтобы после оформления необходимых документов им можно было возвратиться к семье и честным трудом оправдать оказанное доверие» [ГААО. Ф. 13. Оп.13. Д. 34. Лл. 126-127]. Данный Указ распространялся как на дезертиров из Действующей армии, так и беглецов с военных предприятий, которые организовывались в бандитские группировки.

Как уже выше отмечалось, основная часть казахстанских воинов служила в стрелковых, кавалерийских и артиллерийских частях. 497 казахстанцев удостоились высокого звания Герой Советского Союза, из них 86 казахов, 280 русских и 86 украинцев. Еще 11 казахов, включая генерала Сабыра Рахимова, были призваны из соседних республик. Большая часть награжденных казахстанцев служила солдатами и младшими офицерами в общевойсковых соединениях. Четверо казахстанских летчиков – Л.И. Беда, Т.Я. Бигельдинов, С.Д. Луганский и И.Ф. Павлов, - дважды были награждены высшей воинской наградой в СССР [Белан, 1995, с. 320]. К званию Героев Советского Союза представлялись снайперы Ибраим Сулейменов (289 убитых немецких солдат) и Тлеугали Абдыбеков (397 убитых немецких солдат), но из-за социального происхождения из среды репрессированных баев представления к награде не были утверждены и они были награждены орденами Ленина. Из 2632 полных кавалеров ордена «Слава» 142 являются выходцами или жителями республики [Белан, 1995, с. 322].

Ментальный фон борьбы с гитлеризмом в Казахстане в значительной степени определялся патриотической позицией казахской интеллигенции. На всю страну звучали стихи Джамбула, призывавшего к борьбе и солидарности с русским народом. В солдатской среде безыскусные стихи народного акына находили благодарный отклик в многонациональной солдатской среде, о чем не преминул написать великий русский писатель-фронтовик Виктор Астафьев в своем роман «Прокляты и убиты». Постоянно на фронтах выступали выдающиеся казахстанские певцы К. Байсеитова, Р. Багланова, Г. Курмангалиев, Н. Куклина, братья Абдуллины, Ж. Елебеков, Ш. Жиенкулова и многих других. Роза

Багланова за участие в боевых действиях была дважды награждена солдатской медалью «За отвагу».

Широкое распространение получил сбор средств для фронта. Легендарный казахский борец и цирковой исполнитель Хаджи Мукан Мунайпасов собрал на гастролях 100 тысяч рублей и полностью сдал в фонд обороны. Хаджи Мукану Мунайпасову пришла благодарственная телеграмма от Сталина: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии, тов. Хаджи Мукан, за вашу заботу о воздушных силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Сталин». На деньги старого борца был построен самолет, который передали летчику – казаху Кажитаю Шалабаеву, сделавшему 140 боевых вылетов. В день Победы в параде над Красной площадью, пилотируемый К. Шалабаевым самолет Хаджи Мукана пролетел с надписью на крыльях: «От старейшего борца Казахстана – Хаджи Мукана» [Подрезов, 2010, с. 56]. Основоположник казахского танца Шара Жиенкулова, увидев на фронте ужасы немецкой оккупации, на свои сбережения купила танк, который дошел до Праги. Это было сделано в качестве ответной благодарности за телеграмму Сталина «за заботу о бронетанковых силах Красной армии» [Негина А., 2013].

При изучении национальных процессов в Казахстане в годы войны нельзя обойти и тему коллаборационизма. В 1990-е годы на «волне» антисоветизма проблема сотрудничества советских граждан с вермахтом и СС стала актуальной в большинстве республик бывшего СССР. Откровенные предатели Родины преподносились в качестве идейных противников Советской власти и большевизма. В Центральной Азии борцами с большевизмом объявлялись солдаты Туркестанского легиона и один из его организаторов Мустафа Чокаев.

По различным подсчетам через боевые части, охранные подразделения сухопутных войск и войск СС, карательные и полицейские формирования прошло от 900 тыс. до 1500 тыс. советских граждан. По подсчетам С.И. Дробязко общее число советских граждан, воевавших на стороне врага, доходило до 1200 тыс. человек, при одновременной службе до 800-900 тыс. человек. Основную часть коллаборационистов составляли славяне - 700 тыс. чел., представители

прибалтийских народов – 300 тыс. чел. и солдаты «восточных» частей – 200 тыс. чел. [Дробязко, 2004, с. 339].

Мотивы сотрудничества были самые различные: от действительной враждебности к советской власти до попытки спастись от гибели в фашистских лагерях в 1941-1942 годах. Пленные «восточных» мусульманских народов зачастую расстреливались по расовому признаку. Известно, что когда Отто Бройтигам, офицер связи Восточного министерства при Верховном главнокомандовании вермахта, жаловался на действия «айнзатцкоманд» часто уничтожавших всех мусульман, принимая их за евреев. Шеф гестапо Генрих Мюллер удивился и заявил, что «он впервые слышит, что мусульмане практикуют обычай обрезания» [Датнер, 1963, с. 147; Ковалев, 2009, с. 295]. «Славяно-монгольские недочеловеки» наряду с евреями считались носителями большевизма. Из числа «туркестанцев», попавших в плен в 1941 году выжило лишь 6 %, в то время как грузин и армян больше половины [De Cordier, 2010, p. 35]. Лишь после ряда поражений вермахта с 1942 «восточные и тюркские народы в национал-социалистической пропаганде постепенно «реабилитируются». А. Даллин считает, что все началось с того, что Гитлер в своей речи от 26 апреля 1942 г. причислил восточные народы к борющимся с мировым большевизмом. Подобный ход нацистского руководства можно объяснить с одной стороны, стремлением найти новых союзников в затянувшейся войне с Советским Союзом, а с другой - планами наступления вермахта весной-летом 1942 года на его южной территории [Ковалев, 2009, с. 300].

Этнический состав коллаборационистов по расчетам Н.А. Кирсанова и С.И. Дробязко выглядел следующим образом: русские - свыше 300 тыс., украинцы - 250 тыс., белорусы - 70 тыс., казаки - 70 тыс., латыши - 150 тыс., эстонцы - 90 тыс., литовцы - 50 тыс., казахи, узбеки, туркмены и другие народности Средней Азии, объединенные под общим названием «турке-станцы» - около 70 тыс., азербайджанцы - до 40 тыс., северокавказские народы - до 30 тыс., грузины - 25 тыс., армяне - 20 тыс., волжские татары - 12,5 тыс., крымские татары - 10 тыс., калмыки - 7 тыс. человек [Кирсанов, Дробязко, 2001]. Б. де Кордье

завышает численность «туркестанцев» включая в них уйгуров и таджиков до 178 тыс. человек, еще 2 тыс. «туркестанцев» служило в войсках СС [De Cordier, 2010, p. 28]. Достаточно точную цифру дает докладная записка от 22 марта 1943 года генерала Г. Гельмиха, называющего цифру в 42 тыс. человек в «туркестанских» частях, в «восточных» батальонах (включая казачьи) еще 75 тыс. человек [Дробязко, 2004, с. 389-390].

Выявить численность казахстанцев различных национальностей, воевавших на стороне врага, вряд ли представляется возможным. На наш взгляд, большинство советских граждан оказалось на стороне нацистов вынужденно, стараясь выжить в нечеловеческих условиях плена. Это отличало их от европейских коллаборационистов, примкнувших добровольно к «расовому походу» Гитлера на Восток. На наш взгляд, цифры, приведенные В.Н. Земсковым о количестве репатриированных пленных и осужденных как «власовцы» в национальном «разрезе», говорят о верности своей стране большинства оказавшихся в плену советских граждан. На 1 марта 1946 г. в СССР было репатриировано 26,9 тыс. казахов, большинство которых составляли бывшие пленные (24448 чел.). Из этого числа в марте 1949 г. на спецпоселении находилось 2903 казаха – «власовца» [См.: Земсков, 2014]. В этой связи говорить о массовом добровольном участии в коллаборационистских формированиях представителей большинства советских народов не приходится.

Национальная политика в Казахстане в военные годы была целиком посвящена патриотическому воспитанию населения и помощи мобилизации населения на фронт и в производство. Активизация небезуспешной нацистской пропаганды в отношении мусульманских народов, которым было обещано освобождение от русского «плена», потребовала заметных уступок в отношении местных национальных традиций и предпочтений в отношении «титульного» этноса. Э. Каррер д. Анкосс считает, что Сталин заложил основы мусульманского советского патриотизма, напомнив в 1942 г. о совместной борьбе мусульман и православных христиан за Россию [Каррер д. Анкосс, 2010, с. 308-309]. Ислам наряду с православием стал одним из официально признанных вероисповеданий.

В 1943 года было объявлено о создании Центрального духовного управления мусульман во главе с муфтием.

Реабилитация героев русской истории вынуждала согласиться и с возвращением в национальные истории «воюющих» народов их исторических персонажей. В Казахстане за исключением личности Амангельды Иманова пантеон основных исторических героев был связан с Золотой Ордой и домом чингизидов (эмир Эдигей, ханы Аблай, Абулхаир и Кенесары). Временно с прославлением национальных героев можно было примириться и даже подтолкнуть местный аппарат к оказанию помощи историкам и деятелям культуры. Только после наметившегося перелома в войне начинается оживление в среде борцов с национализмом. 20 мая 1944 года редактор-переводчик Управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА С. Аманжолов писал начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову: «Среди интеллигентных слоев – казахов, которых незаслуженно поддерживают некоторые руководящие работники республики, наблюдается узконационалистическая тенденция, выражающаяся в возведении всех казахских ханов – феодалов в национальных героев – освободителей (см. «Историю Казахской ССР с древнейших времен до наших дней»). Люди с этой тенденцией, пользуясь покровительством высокопоставленных лиц, вошедших в коллектив авторов и редакторов «Истории Казахстана», делали нажим на русских товарищей и добились субъективного, одностороннего, а не объективно описания фактов, обобщений. В результате такой дальновидный, умный хан, как Абельхаир, первый присягнувший российскому правительству, принявший подданство, фигурирует в качестве изменника» [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 827].

Письмо-донос будущего классика казахской филологии предваряло атаку на Е. Бекмаханова за главу в учебнике, где движение казахов во главе с Кенесары Касымовым было охарактеризовано как «национально-освободительное движение казахского народа». 29 мая 1944 года в Институте истории АН СССР под руководством конкурировавших между собой секретарей ЦК ВКП(б) Жданова и

Маленкова прошла публичная дискуссия. Контроль со стороны давних оппонентов в ЦК, придерживавшихся различных взглядов в вопросе о патриотизме, гарантировал беспристрастное рассмотрение дела казахского историка .

Выдающиеся историки патриотической направленности академик Е.В. Тарле, медиевист А.И. Яковлев и С.К. Бушуев дали критическую оценку «Истории Казахской ССР», отметив ее антирусскую направленность. С.К. Бушуев указал на возрастание роли русского народа в Великой Отечественной войне и необходимость переоценки исторического прошлого народов страны. С.П. Толстов высоко оценил книгу, признав идеализацию вождя восстания – Кенесары Касымова [Письма Анны Михайловны Панкратовой, 1988, с. 74]. Московские чиновники и историки ограничились критикой Е. Бекмаханова, позволив ему в октябре 1946 года защитить докторскую диссертацию, что было бы невозможным в случае действительных гонений на ученого со стороны центральных органов власти.

Удар по выдающемуся казахскому историку был нанесен самими казахскими историками Т. Шойынбаевым, М. Акынжановым, Х. Айдаровой, добившимися в феврале 1948 года нового рассмотрения «дела Бекмаханова» в Институте истории АН СССР. Однако С.В. Бахрушин, М.Л. Вяткин, Н.М. Дружинин, А.П. Кучкин и М.К. Рожкова отказались поддержать казахских критиков Бекмаханова. Признав идеализацию восстания Кенесары Касымова, выдающиеся советские ученые высоко оценили научный потенциал вышедшей в 1947 г. монографии Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 гг. XIX в.». Академик Н.М. Дружинин посоветовал критикам монографии Е. Бекмаханова обратиться к критике своей критики [Абдилдабекова, 2009, с. 142]. Казахские борцы с национализмом на волне патриотизма и борьбы с космополитизмом осенью 1951 года добились публичного партийного остракизма не только Е. Бекмаханова, но и его соратников А. Жиреншина и Е. Дилмухамедова. Бекмаханов был лишен научных званий и в сентябре 1952 года арестован и осужден на 25 лет.

Сигналы о националистическом «уклоне» посылались и в адрес выдающегося казахского писателя М. Ауэзова за его роман «Путь Абая». Сабит Муканов, возглавлявший писательскую организацию республики, заявлял о продолжении М. Ауэзовым националистической деятельности, только в более тонкой форме [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 859]. Критики шедевра мировой литературы находили у автора негативное изображение представителей русского народа, романтизацию старины, намеки на то, что «пришельцы – русские – направили развитие общественной жизни Казахстана не по тому руслу, которое было проложено для Казахстана историей» [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 858]. Пока шла война, партийные инстанции рекомендовали держать под контролем бывшего алаш-ордынца [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 859]. В 1945 г. в Москве вышла его первая книга об Абае, за которую писатель был награжден орденом Трудового Красного Знамени и на следующий год был избран академиком АН Казахской ССР. В 1948 г. писатель получил Сталинскую премию первой степени. Преследования писателя в республике перешли в активную фазу с 1952 года, когда ему пришлось бежать в Москву, где он два года проработал в МГУ [Анастасьев, 2006].

Осенью 1951 года критике подвергся первый Президент АН Казахской ССР выдающийся советский геолог Каныш Сатпаев, обвиненный в опеке над националистами и сокрытии своего социального происхождения. Сатпаев был отстранен от руководства казахстанской наукой, но благодаря поддержке руководства АН СССР сохранил должность директора Института геологических наук. Попутно удар наносился и по местному руководству, покровительствовавшему повороту науки и культуры к этнонациональным истокам. Главный редактор республиканской партийной газеты «Казахстанская правда» К. Нефедов сигнализировал 22 июня 1945 года Маленкову об отсутствии в деятельности казахстанских руководителей Шаяхметова, Абдыкалыкова, Ундасынова, Койшигулова, Шахшина «настоящей, большевистской борьбы с националистическими проявлениями в практике работы», приводя примеры этнических предпочтений в пользу казахов при встречах казахстанских Героев

Советского Союза разных национальностей [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 962]. В октябре 1945 года группа работников Управления пропаганды ЦК ВКП(б) и Союза писателей СССР проверила пропагандистскую и идеологическую работу ЦК Компартии Казахской ССР и доложила Маленкову об отдельных вскрывшихся недостатках, в числе которых была идеализация золотоордынского правителя Эдигея (Едиге). Наиболее чувствительной была критика Героя Советского Союза и будущего академика Малика Габдулина за рукопись книги «Мои фронтовые друзья», в которой, по мнению проверяющих, было дано «заведомо извращенное описание роли русского солдата в войне. В рукописи Габдулина события изображаются таким образом, что под Москвой героически сражались одни казахи» [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 994]. Вероятно, ответственные работники пытались обвинить Малика Габдулина в местном национализме. К этому времени уже была известна негативная реакция Сталина на киноповесть А. Довженко «Украина в огне» и роман М. Шолохова «Они сражались за Родину». Великий русский писатель и великий украинский кинорежиссер были обвинены Сталиным в узкой национальной ограниченности в отображении участия народов СССР в войне. Запрет на прямые репрессии в отношении М. Шолохова и А. Довженко говорит о том, что Сталин пытался ограничить проявления национализма «воюющих» народов. Сколь-нибудь значимых оргвыводов в отношении казахстанского руководства и творческой интеллигенции по материалам проверки не последовало.

События тех лет показывают, что антинационалистическая кампания в Казахстане в конце 1940-х – начале 1950-х годов была результатом не столько давления союзных органов власти, сколько местной инициативой «интернационалистов» из числа творческой и научной интеллигенции, сводивших счеты с давними недругами, замеченными когда-то в приверженности национальным началам. Союзные органы власти и научные структуры даже препятствовали местным «инициативникам» (С. Муқанов, С. Аманжолов, историки Т. Шоинбаев, Х. Айдарова, М. Акынжанов, редактор газеты «Казахстанская правда» К. Нефедов и др.) в расправе над оппонентами. Иначе

трудно объяснить награждение Сталинской премией Мухтара Ауэзова, избрание 3 июня 1946 года Каныша Сатпаева первым Президентом открывшейся Академии наук Казахской ССР, утверждение докторской диссертации Е. Бекмаханова, назначение в 1946 г. Ж. Шаяхметова руководителем республиканской партийной организации. Только в период развертывания нового маховика репрессий общесоюзного масштаба в 1949-1952 годах последовали репрессии в отношении казахских писателей и историков. Отношение не изменилось в отношении «наказанных» народов.

С 1946 г. определенно наблюдается частичное возвращение к практике довоенной коренизации. 22 июня 1946 г. первым секретарем партийной организации Каз.ССР был назначен Ж. Шаяхметов, сыгравший большую роль в продвижении казахских коммунистов в высшие органы власти. Казахстанский руководитель, пользуясь расположением Сталина, сумел «коренизировать» республиканские органы власти, областной и районный аппарат и направить казахскую молодежь на учебу в ведущие вузы страны. «Похолодание» внутривластного курса и постоянные обращения в союзные инстанции и в органы госбезопасности «бдительных» интернационалистов, находивших отступления от идей пролетарского интернационализма у своих оппонентов и наводивших на них удар репрессивного аппарата, привело к новому витку репрессий рубежа 1940-50-х гг. Парадокс антинационалистической кампании в послевоенном Казахстане заключается в активизации борьбы с родовым протекционизмом, при этом понятия «национализм» и «трайбализм» отождествлялись. В 1947-1949 гг. в Талды-Курганской и Кокчетавской областях прошли чистки партийного и советского аппарата. Поводом для проведения чисток стал подбор кадров по «выраженному родовому признаку и семейственности» [Большевик Казахстана, 1949, № 4, с. 12].

5.2 Парии, партнеры или конкуренты: особенности социальных адаптаций «наказанных» народов в Казахстане

Национальная политика Советского государства в военные и в послевоенные годы обычно рассматривается в контексте депортаций «наказанных» народов. В изысканиях А. Авторханова, А. Некрича, П.М. Поляна, Р. Конквеста и других исследователей основное внимание обращается на нелегитимность массовых депортаций, жестокость выселения «наказанных» народов, масштабы человеческих жертв. Депортации военных лет приравниваются к народоубийству, т.е. к этноциду [Авторханов, 1952; Авторханов, 1991; Некрич, 1978; Неймарк, 2011; Pohl, 1997; Conquest, 1960; Conquest, 1970]. Однако столь эмоциональные оценки депортаций и списывание их на маниакальную подозрительность Сталина автоматически ставят знак равенства между практикой советских депортаций и этническими «чистками» на Балканах, в Восточной Европе и Северной Америке. Авторы не дают ответа на вопросы о подлинных причинах и конечных целях массовых выселений «наказанных» народов, игнорируют специфику адаптации депортированных в новых географо-климатических и историко-этнографических районах приема, не обращаются к особенностям взаимоотношений переселенных с местным населением.

Депортации «мятежных» этносов в мировой истории не являются изобретением коммунистических вождей. Насильственные переселения индейцев широко практиковались в США в соответствии с «Доктриной открытия», сформулированного Верховным Судом США в 1830 году. Принудительной депортации подверглись в 1830-е годы наиболее мирные «пять цивилизованных народов», представлявшие племенные союзы востока США, занимавшиеся земледелием. Во время второй мировой войны 120 тыс. американцев японского

происхождения, заподозренных в гражданской нелояльности, были интернированы вглубь страны.

После второй мировой войны насильственной депортации, сопровождавшейся массовыми убийствами и грабежами, подверглись миллионы немцев из Чехословакии и Польши. Приблизительно около 10 млн. немцев с территории новой Польши и 3 млн. из Чехословакии в 1945 г. были изгнаны и обездолены с разрешения Потсдамской конференции держав-победителей [Брандес, 2011, с. 132]. В отличие от чехословацких и польских лидеров Сталин открыто не объявлял вне закона «наказанные» народы, не призывал к их физической ликвидации и не лишал их советского гражданства, как это было сделано согласно декретам Бенеша в отношении судетских немцев. Насильственному выселению во второй половине XX века подвергались палестинцы в Израиле, китайцы-хуацяо и кхмеры во Вьетнаме. Впечатляющая картина насильственных депортаций и этнических чисток в XX веке представлена в коллективном исследовании немецких ученых Д. Брандеса, Х. Зундхауссена, Ш. Требст «Энциклопедия изгнаний». Исследователи считают, что конечной целью этнических чисток является изгнание или уничтожение другого этнического коллектива и свидетельств их проживания на определенной территории [Брандес и др., 2013, с. 649].

Внутреннюю логику и психологическую основу формирования установок на депортацию попытался объяснить Э. Геллнер, указывавший на необходимость учета условий военного времени, когда моральные стандарты мирного времени подверглись натиску таких факторов как борьба страстей, ненависть к врагу, военная секретность. Мораль военного времени содействовала выживанию только «своих» и потому потребовалось, чтобы был реализован «принцип национализма, который требует, чтобы компактные этнические группы вписывались в определенную территориально-политическую структуру начинает осуществляться с невиданной жестокостью. Для этого используется уже не старый добрый метод ассимиляции, но массовые убийства или насильственные переселения целых народов» [Геллнер, 2002, С. 162-167]. Геллнер признал, что

именно массовые убийства и принудительные выселения привели в относительный «порядок» этническую карту Восточной Европы, из которой исчезли некоторые нелояльные к национальному государству народности.

В политико-правовом отношении депортации народов, несомненно, являются преступными деяниями, совершенными в отношении огромного количества людей. В военном отношении депортации представляют альтернативу «этническим чисткам» (термин введен Драже Михайловичем в 1941 г.), проводящимся не только в отношении мятежных групп населения, но и в отношении их мирных и лояльных соплеменников. По мнению немецких историков, легитимация этнических чисток и насильственных депортаций произошла на Лозаннской конференции 1923 г., на которой были достигнуты соглашения между греками и турками об «обмене населением», как основы разрешения национальных конфликтов [Брандес и др., 2013, с. 657].

Формирование установок на изгнание иноэтнических коллективов могло происходить под влиянием вооруженного конфликта, неудачно протекающего для депортирующей стороны. Подавление повстанческого движения в иноэтнической среде, враждебно настроенной по отношению к правительственным войскам, представляет практически невыполнимую задачу, с чем столкнулись позже американцы во Вьетнаме и советские войска в Афганистане. Контрповстанческие действия и террор карательных отрядов влекут за собой многочисленные людские жертвы среди мирного населения, вовлекая в сопротивление новые слои населения.

Депортации подрывали социальную базу повстанческого движения и позволяли избежать массовых «этнических зачисток» и геноцида мирного населения, чем были привлекательны для военных и деятелей из госбезопасности и местного партаппарата, в значительной степени оказывавших давление на руководство страны с целью принять желаемые решения. Н.Ф. Бугай достаточно подробно освещает деятельность таких групп «давления» на примере депортации балкарцев, месхетинских турок и крымских татар [Бугай, 1995, с. 122-123; 149-150; 168-169]. Об атмосфере тех лет свидетельствуют слова В.М. Молотова: «Это

сейчас мы стали умные. Все-то мы знаем и все перемешиваем во времени, сжимаем время в одну точку. Во всем были разные периоды. Так вот, во время войны к нам поступали сведения о массовых предательствах. Батальоны кавказцев стояли против нас на фронтах, били нам в спину. Речь шла о жизни и смерти, разбираться было некогда. Конечно, попали и невинные. Но я считаю, сделано это было в то время правильно» [Чуев, 2002, с. 337-338].

Как и в случае с депортациями поляков в 1930-е годы, заинтересованными в выселении своих соседей были проживавшие рядом народы, получавшие в свое распоряжение землю, дома и значительную часть имущества депортированных народов. Л.Я. Арапханова в своем исследовании приводит примеры антиингушской риторики некоторых представителей осетинской творческой интеллигенции, использованные Сталиным для обоснования депортации ингушей [Арапханова, 2004, с. 119]. Карачаевский историк И.И. Алиев указывает на прямую заинтересованность Сталина, Берия и грузинских руководителей в высылке карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, что позволило отодвинуть границу Грузии на север от Большого Кавказского хребта на 50-60 км. на протяжении более 500 км., включая Приэльбрусье [Алиев, 2008, с. 200-201].

Большую часть депортированных народов составляли мусульманские «плененные» народы, завоеванные Россией после длительного и ожесточенного сопротивления. В их среде культивировались мифы об отчаянной и безнадежной борьбе против русской власти и их пособников. Легенды о «последнем воине газавата» шамилевском наибе Байсунгуре, продолжавшем сопротивление после сдачи своего вождя, распространены у чеченцев, считающих себя «последним непокоренным народом» Северного Кавказа. Духовное сопротивление коммунистической идеологии и русскому культурному влиянию на Северном Кавказе поддерживалось суфийскими тарикатами. Комплекс факторов, от постоянно культивируемой героики антирусской борьбы и отчуждения от советской практики создания советской идентичности, приведшими к реальной повстанческой деятельности и коллаборационизму, до недоверия военных и партийных функционеров к потенциально нелояльным этническим группам,

привел к началу депортации «наказанных» народов на восток страны. Попутно произошло лишение немцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, калмыков и крымских татар национальной государственности, т.е. к исключению из списка государствообразующих народов.

В период войны в Казахстан в массовом порядке были депортированы советские немцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, месхетинские турки, курды, греки, хемшины, небольшие группы калмыков, азербайджанцев, иранцев. После войны в Казахстан отправлялись группы западных украинцев и литовцев, заподозренных в сочувствии к антисоветскому подполью.

Наиболее крупной и значимой по своим социально-экономическим последствиям для развития Казахстана депортацией военного времени была депортация советских немцев с территории Украины, Поволжья, Крыма. До войны в СССР проживало 1427 тыс. советских немцев. География расселения немцев определялась их миграцией на новые территории, присоединенные Россией в ходе экспансии XVIII –XIX веков – южную часть Украины, Крым, Поволжье, Западную Сибирь, Северный Кавказ и Казахстан (96 тыс. чел.). Впервые с алармистской истерией российские немцы столкнулись в начале Первой мировой войной. В феврале - декабре 1915 г. были подписаны законы, в соответствии с которыми произошло изгнание немцев с западных областей Российской империи [История российских немцев в документах, 1993, с. 36-54]. Жертвами царских депортаций стали 800 тыс. немцев и 600 тыс. евреев, заподозренных в двойной лояльности [Брандес, 2011, с. 125].

В Советском Союзе подозрение в гражданской нелояльности нацменьшинств зарубежного происхождения формируется у политического руководства страны в начале 1930-х годов, когда стал ясен провал ожидаемой мировой революции, а в Западной Европе отчетливо проявился рост крайнего национализма, замешанного на биологическом и культурном расизме. Одной из причин репрессий в отношении нацменьшинств европейского происхождения В. Деннингхаус и Т. Мартин считают психологические установки, разделяемые не только политическим руководством страны, но и большей частью населения и

названные исследователями «советской ксенофобией», представляющей преувеличенный страх и настороженность перед лицом идеологической «заразы» извне и более продвинутыми этническими конкурирующими группами [Мартин, 2001, с. 37; Деннингхаус, 2007, с. 183].

После прихода нацистов в Германии в 1933 году «очищение» приграничных районов от неблагонадежных немцев, поляков, финнов, эстонцев было делом времени. В 1936 году совместно с поляками в Карагандинскую область были отправлены немецкие семьи. В. Деннингхаус пишет: «Активное использование «кремлевским Олимпом» – Политбюро ЦК ВКП(б) пресловутой доктрины «географии неблагонадежности» наблюдалось не только на протяжении всех 1930-х гг. и периода военных действий с Германией, но и в послевоенный период. Так, новые советские «западные территории» были повсеместно очищены от «нелояльного этнического элемента»: поляков переселили с территории Западной Украины и Белоруссии, а немцев из Восточной Пруссии» [Деннингхаус, 2007, с. 208]. Под подозрением находились и казахстанские немцы. В июле 1934 г. Управление НКВД по КАССР докладывало в Казкрайком об активизации контрреволюционной деятельности среди немцев во всех областях края. Органы госбезопасности докладывали о смене ориентиров: если в 1929 г. 5867 немецких семей, проживавших в республике, стремились к эмиграции в Германию, то с 1933 г. усиливается деятельность «фашистской агентуры», в число которой были включены бывшие кулаки и религиозные деятели из числа католиков и баптистов [Из истории депортаций, 2012, с. 653-658]

Поступавшая информация о деятельности немецких движений в Чехословакии и Польше, о массовом сотрудничестве местных немцев с нацистским режимом, диверсионных нападений немецких колонистов на органы власти и армейские подразделения в Югославии и Греции, укрепляла у советского политического и военного руководства представления о советских немцах как о потенциальной «пятой колонне» [де Ионг, 1958, с. 359]. Еще в годы Великого террора 1937-1939 годов чекисты неоднократно докладывали и разоблачали «контрреволюционные фашистские организации» в Саратовской области. Ядро

этих организаций по утверждению чекистов состояло из профессорско-преподавательского состава и студентов саратовских вузов и средне-специальных учебных заведений, которыми руководили «старые немецкие националистические кадры из Республики немцев Поволжья», связанные с сотрудниками посольства нацистской Германии [Деннингхаус, 2011, с. 568-569]. Даже отправление писем из Казахстана в Германию и получение писем из Германии квалифицировалось сотрудниками НКВД как шпионская деятельность и распространение «гитлеровской помощи» [Деннингхаус, 2011, с. 570].

На эти установки не повлияло и то, что в «Советском Союзе немецкие органы разведки не смогли опереться на помощь немецкого национального меньшинства, так как оно проживало в таких глубинных районах России, что наладить с ним связи оказалось невозможным», а значительная часть советских немцев была просоветски настроена [де Ионг, 1958, с. 359]. Накануне войны в немецкой автономии насчитывалось 23,8 тыс. комсомольцев и 439 коммунистов [Герман, 2007, с. 382]. На наш взгляд, немецкие солдаты воевали бы не хуже других народов СССР. 16 тыс. немецких солдат Красной Армии, призванных еще до начала войны, достойно выполняли свой воинский долг. Немецкие мужчины в первые дни войны были возмущены отказом от их призыва в ряды Красной Армии и отправке на фронт. Партийным органам и военкоматам приходилось выдумывать различные объяснения [Герман, 2007, с. 400, 414].

О том, какие предубеждения существовали в отношении немцев свидетельствуют действия министра обороны Чехословакии Людвиг Свободы. После взрыва на складе боеприпасов 1 августа 1945 г. в предместье города Ауссиг с многочисленными человеческими жертвами, он сразу нашел виновников в лице депортированных судетских немцев, готовивших, по его заявлению, как и ранее в 1941 г. поволжские немцы, диверсионные акции. В 1942 году Л. Свобода создавал подразделения Чехословацкого корпуса в Бузулуке и был в курсе происходивших событий вокруг депортации поволжских немцев. В 1945 году Л. Свобода утверждал, не приводя никаких доказательств, что за организацию взрыва несут ответственность «немецкие оборотни» и продолжал: «Необходимо раз и навсегда

разгромить «пятую колонну», и при этом мы должны брать пример с Советского Союза... Как пример приведу Республику Немцев Поволжья, куда однажды ночью высадилось несколько дюжин немецких парашютистов. После того, как все они были спрятаны немцами и не выданы по требованию Красной Армии, в течение 48 часов эта Республика Немцев Поволжья прекратила существование и никогда не будет больше восстановлена» [Цит. по: Брандес, 2011, с. 135]. Легенда о «парашютном десанте», спрятанном немецким населением, родилась из слухов и ожиданий неминуемого вторжения вермахта на Волгу и оказалась весьма устойчивой и тиражируется до настоящего времени [Герман, 2007, с. 402].

Слухи о нелояльности советских немцев были преувеличенными. Органами НКВД в период с 22 июня до 10 августа в Поволжье подверглись аресту 145 человек, из них только семи было предъявлено обвинение в наличии намерений диверсионного и террористического характера, еще двое обвинялись в немецком шпионаже. Остальные 97 человек были обвинены в в проведении пораженческой агитации, что было неудивительно в условиях постоянного отступления Красной Армии и очевидного ее поражения в Приграничном сражении июня-августа 1941 года. Оставшимся 36 арестованным немцам НКВД инкриминировало участие в антисоветских группировках [Плеве, 2001, с. 57; Штульберг, 1998, с. 125]. Органы НКВД в конце августа 1941 года докладывали: «Судя по имеющимся агентурным и официальным данным, общее политическое настроение в Республике немцев Поволжья является здоровым. За истекшую декаду по республике не установлено фактов открытых контрреволюционных проявлений и важных происшествий» [Плеве, 2001, с. 57].

Юридическим основанием депортации стали Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении немцев из республики Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» и Указ Президиума Верховного Совета СССР №21-160 от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В Указе Президиума Верховного Совета СССР на советских немцев была возложена коллективная ответственность за действия отдельных лиц немецкой национальности, тем самым

целый народ был обвинен в измене. В Указе объявлялось о наличии тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов, готовых осуществлять диверсионные акции, а немцы обвинялись в массовом укрывательстве врагов. Принятие решения о выселении поволжских немцев мотивировалось желанием избежать кровопролития, неизбежного при проведении карательных операций [Бугай, 2003, с. 249-250]. Указом от 28 августа 1941 г. переселению подлежало немецкое население немецкой автономии Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. В районах выселения на 1 июля 1941 г. в городской и сельской местности проживало 479,8 тыс. немцев. В Казахстан планировалось направить более 100 тыс. поволжских немцев, размещенных в северных областях республики.

Переселенцам разрешалось забрать с собой личное имущество, мелкий инвентарь, продовольствие, всего весом до одной тонны на семью. Принадлежавшие выселяемым немцам дома, надворные постройки, скот, сельскохозяйственные орудия, зернофураж следовало сдать специальным комиссиям по оценочному акту. Оставленное недвижимое имущество, скот, продовольствие подлежало «восстановлению» юридическим и физическим лицам по специальным обменным квитанциям [Герман, 2007, с. 421]. Ответственность за прием и компенсацию материальных ценностей на Наркомат заготовок. Охрана, перевозка, питание и медицинское обслуживание поручались НКВД, Наркомату торговли и Наркомату здравоохранения.

Вслед за выселением поволжских немцев началась депортация немцев и финнов из пригородных районов Ленинграда, немцев Москвы и Московской области, Крыма, Северного Кавказа, поволжских и украинских областей. К 1 января 1942 г. в области Южной Сибири и в Казахстан было депортировано 799,5 тыс. немцев. Всего за 1941-1942 годы выселению подверглись 1209430 немцев [Бугай, 1995, с. 42; Бугай, 2003, с. 271]. Казахстан принял 317630 немцев. Немецкое население в республике превысило 444 тыс. человек [Бугай, 1995, с. 42; Бугай, 2003, с. 269].

В районах приема депортированных советские немцы были переведены на положение спецпереселенцев и резко ограничены в гражданских правах. В отношении немцев отменялась свобода передвижения, им запрещалось без специального разрешения покидать место высылки, а самовольная отлучка считалась побегом. Немцы были обязаны один раз в две недели (позже один раз в месяц) отмечаться в комендатуре. Территорию населенного пункта или места работы можно было покидать только с разрешения коменданта. Побег или отказ от трудовой деятельности карались штрафами или отправлением в исправительно-трудовые лагеря. Немцев не призывали в армию, представителям немецкой молодежи был закрыт доступ в высшие и средние специальные учебные заведения [Остроух, Шервуд, 1993, с. 48].

1 сентября 1941 г. было принято Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахской ССР о размещении прибывающего немецкого населения. Депортированных немцев направляли в Семипалатинскую, Северо-Казахстанскую, Акмолинскую, Кустанайскую, Павлодарскую и Восточно-Казахстанскую области [Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК ВКП(б), 1998, с. 197-199]. Для размещения спецпереселенцев использовались дома переселенческого управления и действующих колхозов. Вдобавок создавались новые переселенческие колхозы, под которые отводились земельные участки, обеспеченные водой, пастбищами и пахотоспособными землями [Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК ВКП(б), 1998, с. 198].

Немцы расселялись в среде местных жителей порядком «уплотнения» проживания. Каких-либо крупных эксцессов на почве враждебности между казахским и немецким населением не возникло, за исключением частных случаев, приводимых саратовским исследователем А.А. Германом, когда казахи по религиозным причинам не давали хоронить немецкого ребенка на казахском кладбище или казашка-мусульманка ушла из дома из-за того, что подселенная в ее дом немка поджарила сало [Герман, 2007, с. 444]. А.А. Герман проигнорировал воспоминания самих немцев о помощи казахского населения несчастным переселенцам. Казахское и русское население Казахстана, испытавшее в начале

1930-х годов ужасы голода, старалось по мере сил помочь немцам. Студенты немецкой национальности рассказывали автору, что их деды и прадеды с благодарностью вспоминали простых жителей края, деливших последним с переселенцами.

Известный казахстанский археолог В.Ф. Зайберт вспоминал в беседе с автором, что казахи разбирали по семьям выброшенные в зимнюю степь немецкие семьи и предоставляли пищу и свое жилье для длительного проживания. Жительница села Денисовка Кустанайской области Ж.Б. Кульмухамбетова вспоминает «В начале войны в наше село были депортированы немцы. Их привезли на повозках: раздетых, разутых, без запасов продуктов. Казалось, что они приехали в том, в чем находились. В нашу семью, которая состояла из четырех человек, поселили семью Манвайлер. В семье их было семеро детей и мать. Отец был сослан в трудовую армию. Нам местному населению говорили, что они «враги народа». Вначале мы присматривались к ним. Говорили они на немецком языке, объяснялись жестами, русский язык знали плохо. Поразило нас их терпение, их трудолюбие, за что ни брались, все делали аккуратно, не было в них озлобленности. Наша семья отнеслась к ним хорошо. Жили мы небедно, были у нас лошади, коровы, отары овец. Вместе мы пасли, ухаживали за ними. Свекр – Аубакир Кульмухамбетов ценил их за трудолюбие и честность, помогал им едой, одеждой. Что было у нас на дастархане, то было и у них. С семьей Манвайлер, мы стали как родные. Сейчас наши дети, внуки поддерживают друг с другом отношения, хотя семья Манвайлер уехала в Германию» [Цит. по: Буданова, 2011, с. 894]. Немецкое население страдало от голода и нехватки одежды и если бы не помощь местного населения потери от депортации были бы значительно выше. Трудно найти аналогичные примеры сочувствия депортированным со стороны местных жителей.

Недовольство немецкого населения было вызвано высокой смертностью детей и стариков, полуголодным существованием и неполной компенсацией материальных потерь. В воюющей стране, где большая часть населения находилась на грани голода, отсутствовали возможности возмещения утраченного

имущества, в связи с чем появление трудностей со снабжением немецких спецпоселенцев было неизбежным. В ноябре 1941 г. из Казахстана докладывали о невозможности в полной мере погасить официально документированную задолженность скотом, сельхозпродуктами, сельхозинвентарем перед переселенцами из-за отсутствия в районах необходимых фондов [Герман, 2007, с. 446-447]. Несмотря на трудности и рост социального протеста немецкое население активно включилось в трудовую деятельность и способствовало росту производительности труда в Казахстане.

Острая нехватка трудовых ресурсов на промышленных предприятиях заставила советское руководство мобилизовать немцев в трудовые армии вместе с местными жителями, по возрасту или состоянию здоровья не призванными в Красную Армию. С начала сентября 1941 г. немцы Украинской ССР были мобилизованы в строительные батальоны и переданы в ведение НКВД для использования на востоке страны. Всего было сформировано 13 строительных батальонов, общей численностью 18600 человек, направленных на четыре объекта НКВД: Ивдельлаг и Богословлаг в Свердловской области, Соликамбумлаг - в Молотовской (Пермской) и Кимперсайлаг в Актюбинской области Казахской ССР [Кригер, 2006, с. 229; Бугай, 1998, с. 52-53]. Постановлением Государственного Комитета Оборона № 660сс от 11 сентября 1941 г. все строительные батальоны, работающие в системе НКВД, были реорганизованы в рабочие колонны и сняты с интендантского снабжения. В эти военизированные рабочие колонны направлялись военнослужащие немецкой национальности, «вычищенные» из Действующей армии. Мобилизованные в рабочие колонны немцы не могли уйти и подчинялись военному распорядку. Снятие с интендантского снабжения резко ухудшило питание трудармейцев и вызвало недовольство мобилизованных [Кригер, 2006, с. 230-231].

Массовая мобилизация немцев в Трудовую армию началась согласно Постановлению Государственного Комитета Оборона №1123 от 10 января 1942 г. На «время войны» призыву подлежали 120 тыс. немцев в возрасте от 16 до 60 лет. По мобилизационной разверстке 45 тыс. немцев направлялись на лесозаготовки в

распоряжение НКВД СССР, 35 тыс. на строительство заводов на Урале, 40 тыс. на строительство железных дорог на Урале, в Южной Сибири и в Казахстане в ведение Наркомата путей сообщения. За неявку на мобилизационные пункты виновных привлекали к уголовной ответственности с применением нормы предполагавшей применение «высшей меры наказания» [Герман, Курочкин, 1998, с. 51-52]. 14 февраля 1942 г. было принято Постановление ГКО № 1281сс «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках», предусматривавшее мобилизацию немецких мужчин в возрасте 17-50 лет на строительство железных дорог на Урале и в Поволжье [Мобилизовать немцев..., 1998, с. 41-42]. Вторая «волна» мобилизации дала 40-45 тыс. трудармейцев. 7 октября 1942 г. ГКО приняло Постановление ГОКО № 2383 сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», предусматривавшее мобилизацию немцев в возрасте 15-16 и 51-56 лет и женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно, за исключением женщин имеющих детей до трех лет. Немцы – мужчины направлялись на угольные шахты Караганды и Челябинска, немки поступали в распоряжение Наркомата нефти. Третья «волна» мобилизации позволила призвать еще 123,5 тыс. человек, из них 57 тыс. были женщинами [Сталинские депортации..., 2005, с. 375]. С мая по сентябрь 1943 г. было мобилизовано 5,3 тыс. немецких мужчин и 9,8 тыс. женщин. Всего на начало 1944 г. в рабочих батальонах трудились 222 тыс. немцев [Сталинские депортации..., 2005, с. 375].

Потери немецких трудармейцев были очень высоки из-за постоянного недоедания и плохих жилищно-бытовых условий. В Свердловской области на 1 января 1943 г. в шести лагерях НКВД насчитывалось 38533 человек. Через год осталось 29033 человека. Убыль немецких трудармейцев связана с значительной смертностью и демобилизацией по состоянию здоровья [Герман, Курочкин, 1998, с. 166-169; Кригер, 2006, с. 232]. В Богословлаге Свердловской области за 1942 год скончалось от болезней 2187 немцев (11.2% от общего числа направленных сюда в течение года 19496 немцев). По инвалидности и непригодности к труду

было комиссовано 4140 немцев или 21.2% [Кригер, 2006, с. 232]. Столь высокие потери от недоедания и болезней, отсутствия теплой одежды и обуви были не только у трудармейцев - немцев. Лагерь трудармейцев Урала были самыми страшными для выживания из-за холодного климата, отсутствия местной надежной продовольственной базы и неразвитой инфраструктуры.

Не в лучшем положении находились и трудармейцы из Центральной Азии. В докладной записке пропагандиста Усубалиева от 20 сентября 1943 г. говорится о том, что из 1468 трудармейцев - киргизов, работавших на угольных шахтах Копейска в Челябинской области в течение 1942-1943 годов 300 человек скончалось от простудных заболеваний, 600 человек были комиссованы по болезни или сбежали на родину [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 776]. И немецкие и среднеазиатские трудармейцы находились в одинаковых условиях, страдая от холода и недостатка питания. Вдобавок немецкие трудармейцы испытывали психологическое давление из-за пропаганды ненависти к немцам, подвергаясь незаслуженным нападкам и оскорблениям. Бывший трудармеец А. Мунтаниола вспоминает: «Политруки проводили с нами воспитательные беседы, упрекали в том, что мы отсиживаемся в тылу, над нашими головами не рвутся бомбы и не свистят пули. А после того, как в газете «Известия» появилась статья И. Эренбурга «Убей немца», – повесили и в нашей столовой огромное красное полотнище с призывом: «Хочешь жить – убей немца!» [Курочкин, 2011, с. 190]. Несмотря на все перенесенные страдания в годы войны казахстанские немцы – ветераны труда в 1990 году со слезами радости встретили известие о приравнивании их к ветеранам тыла.

В местах поселения в Казахстане немецкие спецпоселенцы находились под контролем местных органов НКВД, фиксируя через сеть своих осведомителей рост протестных настроений среди большинства спецпоселенцев, включая немецких коммунистов. Особую тревогу вызвала готовность к переходу к активным действиям. В конце 1941 г. из Казахской ССР сообщалось, что переселенец Андрей Непп критиковал своих соплеменников за покорность и призывал к бунту, «так как нам все равно придется сдыхать. Но я наделаю дел -

перережу человек 20 русских, а потом покончу жизнь самоубийством» [Герман, 2007, с. 450-451]. Из Исилкульского района Омской области, населенной казахами и русскими, местные жители с тревогой информировали о разочаровании и озлобленности немецких поселенцев, выразившейся в отказе выходить на работу, их готовности к восстанию [Герман, 2007, с. 451].

Органы НКВД отмечали рост среди немцев в 1941-1942 годах пораженческих настроений. 6 июля 1942 года в Кустанайской области был приговорен к расстрелу П.К. Домме. В вынесенном приговоре читаем: «Обвиняемый Домме, будучи недовольный переселением и антисоветски настроенный, систематически проводил контрреволюционную, пораженческую агитацию среди населения, открыто высказывал недовольство политикой партии, всемерно восхвалял фашистскую армию, фашистский строй и людоеда Гитлера, ожидал скорого его прихода, уклонялся от призыва в трудовую армию» [Алексеев, 2011, с. 882]. 22 июня 1942 г. в Кустанайской области были приговорены к высшей мере наказания за «создание контрреволюционной группы и ведение антисоветской пропаганды» А.С. Крауз, Э.В. Тидэ, Э.Ф. Беккер, В.К. Сартисон, Р.Е. Шиллер, Я.П. Фелькер и многие другие [Алексеев, 2011, с. 883]. Жестокие меры наказания должны были парализовать растущее протестное настроение немецкого населения. Вероятность бунта безоружных и влачивших полуголодное существование немцев была ничтожной. Органы госбезопасности выдавали распространение слухов и высказываемое немцами недовольство своим положением за готовность к активным действиям.

Несмотря на тяготы и страдания немецкое население продемонстрировало высокий уровень приспособляемости к новым условиям, заслужило уважение местного населения своим трудолюбием, бесконфликтностью и уважением к традициям и обычаям казахов. В октябре 1941 г. Кустанайское управление НКВД докладывало о дружеском приеме в колхозах и совхозах местными казахами и русскими 15 тыс. немецких спецпоселенцев из Поволжья. Сотрудники госбезопасности объясняли солидарность местного населения тем, что немецкие работники помогли вовремя убрать урожай, который мог погибнуть из-за

нехватки взрослого мужского населения, мобилизованного на фронт. В докладной записке НКВД отмечается, что немцы сразу же приступили к сельскохозяйственным работам и спасли местных жителей от голода. По мнению местных чекистов, из-за острого недостатка взрослых рабочих из числа местных жителей многие колхозы и совхозы без помощи немецких спецпоселенцев не смогут справиться с поставками продовольствия в государственные фонды [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 85. Л. 167-172].

Немцы, расселенные в казахских аулах, быстро выучили казахский язык. В селе Кировка Северо-Казахстанской области у всех местных немцев казахский язык стал вторым родным языком. Немцы перенимали у казахов навыки животноводства, особенно коневодства. В свою очередь казахи и русские многое заимствовали у немцев в приемах рационального ведения хозяйства и обустройства жилья. У казахов северных регионов сложилась уважительная по отношению к немцам поговорка: «Если хочешь жить всегда в достатке, женись на немке». Немки, выходя замуж за казахских мужчин, строго соблюдали народные традиции казахов.

Депортация немцев, несомненно, было превентивной мерой в условиях войны и череды поражений Красной Армии. Главная причина высылки немцев и лишения национальной государственности заключалась в их этнокультурном родстве с западноевропейскими немцами. Вероятно, реабилитация немцев в послевоенное время позволила бы позже преодолеть коллективное отчуждение и обиду советских немцев. Известный немецкий литератор Г. Бельгер, выросший в казахском ауле и являвшийся одним из главных поборников сохранения казахских ментальных ценностей, очень тонко отразил эти чувства: «Для России я оказался пасынком, хотя мои предки верой и правдой служили ей. Меня в одночасье отторгли, предали, вышвырнули...А Казахия меня приютила приласкала» [Бельгер, 2015, с. 4].

Следующая крупная «волна» депортации накрыла Казахстан с зимы 1943-1944 гг. На этот раз основную часть высланных составили «титульные» этносы (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, крымские татары),

подвергшиеся коллективному наказанию за сотрудничество отдельных групп населения с наступавшим вермахтом. В отношении шести «титულных» депортированных народов у советского руководства имелись серьезные основания для лишения их государствообразующего статуса и высылки на восток страны. Остается фактом наличие массового антисоветского вооруженного движения на Северном Кавказе. Антисоветизм кавказских инсургентов подпитывался не только обидами за коллективизацию, но и традициями антирусского духовного и военного сопротивления. Депортация затронула также этнические коллективы, постоянно подозреваемые в двойной лояльности: турок - месхетинцев, понтийских греков, хемшинов, армян Западной Украины и Крыма, курдов.

Насильственная депортация народов Северного Кавказа, калмыков и крымских татар должна была способствовать преодолению этнического и культурного отчуждения в южных регионах страны, путем смешения высылаемых народов с иноэтническим окружением и последующей ассимиляции. В.Н. Земсков предположил, что цель ассимиляции присутствовала в расчетах кремлевских вождей: «И.В. Сталина и его окружение раздражала национальная пестрота государства, которым они управляли. Депортация ряда малых народов явно служила цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Это была целенаправленная политика ликвидации в перспективе малых народов за счет ассимиляции их в более крупных этнических массивах, а выселение их с исторической Родины должно было ускорить этот процесс» [Земсков, 2005, с. 107]. В отношении немцев и в какой-то мере турок ассимиляционные планы оказались верными. У вайнахов, балкарцев, крымских татар и карачаевцев в изгнании сформировались определенные общеэтнические стратегии поведения, произошло усиление этноцентристских установок и внутриэтнической солидарности, позволившей им успешно конкурировать с местными народами в районах высылки.

В ноябре 1943 г. в Казахстан и Киргизию были высланы более 68 тыс. карачаевцев. Основная часть карачаевцев была размещена в Южно-Казахстанской

и Джамбульской областях (25212 и 20 285 чел.) [Бугай, Гонов, 1998, с. 127]. Позже к ним присоединились 2,5 тыс. демобилизованных из Красной Армии. Первоначально казахское и кыргызское население под влиянием пропаганды настороженно встречало северокавказских изгнанников [Алиев, 2008, с. 155]. Карачаевцы, будучи близки по этническому происхождению местным казахам и кыргызам, сумели влиться в новую среду, как и депортированные весной 1944 г. более 40 тыс. балкарцев. По материалам республиканского совещания областных отделов по хозяйственному обустройству спецпереселенцев (16-20 марта 1945 г.) в Казахстане были размещены около 40 тыс. карачаевцев и 25 тыс. балкарцев [Ермекбаев, 2009, с. 104]. По воспоминаниям карачаевцев местное население оказало помощь карачаевцам, подкармливая высланных и давая советы относительно пользования местной водой в арыках или защиты от жары и мошкеры [Шаманов и др., 1990, с. 32]. Карачаевцы активно включились в трудовую деятельность. В совхозах «Чимкурган», «имени Тимирязева» и «Кызыл-Кумский» Кызыл-Кумского района Южно-Казахстанской области часть чабанов и большинство механизаторов составляли карачаевцы. В колхозе «Трудовик» Джамбульской области все работники животноводства были карачаевцы. К их приезду в совхозе насчитывалось 10 тысяч овец, в 1954 году - 36 тысяч [Шаманов и др., 1999, с. 33-24]. Органы госбезопасности докладывали о спокойных отношениях карачаевцев-переселенцев с местным населением [Шаманов и др., 1999, с. 36].

Ранней весной 1944 г. депортации подверглись чеченцы и ингуши, обвиненные в «пособничестве» немецко-фашистским войскам, поддержке антисоветского повстанческого движения, полыхавшего в Чечено-Ингушской АССР с осени 1941 г., и фактическом саботаже мобилизации в действующую армию. В марте 1942 г. в ЧИАССР насчитывалось 13500 дезертиров и уклонившихся от призыва [Полян П.М., 2011, с. 642]. По разным оценкам, в рядах Красной Армии защищало страну от 9 до 40 тыс. чеченцев и ингушей. По мнению П.М. Поляна, имеющиеся сведения говорят о наличии раскола внутри вайнахов по отношению советскому и гитлеровскому режимам [Полян, 2011, с. 642]. П.М.

Полян считает, что патриотизм и предательство имело место не только у «наказанных» народов, но, и в той же мере у «ненаказанных» народов: «...известно, что как героизм и самоотверженность, так и малодушие и предательство в той или иной степени проявили представители всех народов СССР, – и те, кого превентивно или задним числом депортировали, и те, кого не тронули. В первые месяцы войны было мобилизовано более 17 тыс. чеченцев и ингушей, на фронт ушли 46 тыс. турок - месхетинцев (почти все взрослое население), из них 26 тыс. погибли. Из 137 тыс. крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 году на войне погибло 57 тысяч. Среди Героев Советского Союза – десять чеченцев и ингушей, девять немцев, восемь калмыков, один балкарец и т.д. Поэтому обвинения целых народов в предательстве были не только несправедливы, но и лицемерны» [Полян, 2001, с. 104]. На наш взгляд, при публикации вышеприведенных цифр П.М. Поляну и другим исследователям, следовало бы обратить внимание на возможность призыва в Красную Армию такого большого числа турок-месхетинцев и крымских татар. С учетом возможности мобилизации в армию не более 25 % населения и того, что общая численность высланных турок с «попутчиками» из числа азербайджанцев, хемшинов и курдов составляла не более 100 тыс. человек, крымских татар – 191 тыс. человек, необходимо скорректировать и число призванных в Красную Армию лиц указанных национальностей.

В ноябре 1943 г., когда шли прикидки будущей депортации вайнахов, планировалось разместить полмиллиона чеченцев и ингушей в Новосибирской и Омской областях, Алтайском и Красноярском краях [Бугай, 1990, с. 32; Полян, 2011, с. 644]. Основную часть вайнахов (200 тыс. человек) должна была принять Новосибирская область. Однако сибирские регионы уклонились от приема такого количества высланных чеченцев и ингушей [Полян, 2011, с. 644]. В середине декабря 1943 г. весь поток депортированных вайнахов перенаправляется в Казахстан и в Киргизию. 11 февраля 1944 г. вопрос о депортации чеченцев и ингушей был решен на Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин поддержал позицию Молотова, Жданова, Вознесенского и Андреева, предлагавших незамедлительное

осуществление депортации вайнахов, наказанных за недостаточный вклад в оборону страны. 17 февраля 1944 г. Берия доложил Сталину о завершении работы по подготовке операции по депортации и взятию на учет 459,5 тыс. чеченцев и ингушей, включая проживавших во Владикавказе и Дагестане [Бугай, 1995, с. 104].

В период «первых эшелонов» было запланировано отправить в ссылку 310620 чеченцев и 81110 ингушей [Бугай, 1995, с. 106]. Основная часть высланных чеченцев (239,7 тыс. человек) и ингушей (78,5 тыс. человек) размещалась в Северо-Казахстанской (39,5 тыс. человек), Актюбинской (20,3 тыс.), Акмолинской (60,3 тыс.), Семипалатинской (31,2 тыс.), Карагандинской (37,9 тыс.), Алма-Атинской (29 тыс.), Павлодарской (41,2 тыс.), Южно-Казахстанской (20,8 тыс.) и Джамбульской областях (16,6 тыс.) [Бугай, 1995, с. 107]. В этих областях в связи с массовым призывом местного населения в Красную Армию и в трудовые батальоны, ощущалась острая нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве. В Гурьевскую область были отправлены чеченцы и ингуши, ранее работавшие в нефтяной промышленности [Бугай, 1990, с. 42].

Прибытие огромного числа спецпереселенцев в полуголодные населенные пункты, где отсутствовало взрослое мужское население, заметно осложнило социальную ситуацию в районах вселения чеченцев и ингушей. По воспоминаниям очевидцев в селах и аулах Северного Казахстана проживали только старики, женщины и дети, и они впервые за три года войны увидели такое количество взрослых мужчин. Современники отмечали, что с прибытием вайнахских спецпереселенцев сразу же начались кражи скота с подворий, объясняя это необходимостью прибывшим кормить голодающие семьи. На кражи и стычки с местными жителями чеченцев и ингушей толкало неудовлетворительное обеспечение продуктами и деньгами за отработанные трудодни [Ермекбаев, 2009, с. 109]. В воспоминаниях чеченского историка Д. Гакаева приводится пример с его отцом Джокалу, укравшим совхозных овец и отбившимся от казахских чабанов, и тем спасшим своих детей и детей своих близких родственников [Тишков, 2001, с. 82]. Вайнахи успешно использовали все

возможности узкогруппового доверия в среде солидаризованного в условиях изгнания коллектива. В случае голода община отправляла своего члена на кражу коровы или лошади для спасения остальных. Грабитель попадал в тюрьму, но все члены общины знали мотивы его героического с их точки зрения поступка [Козлов, Козлова, 2011, с. 693].

Архивные данные позволяют говорить о коллективном отказе вайнахов от участия в трудовой деятельности. В Северо-Казахстанской области около 50 % выселенных чеченцев и ингушей не выходили на работу. В докладной записке УНКВД по Северо-Казахстанской области «О состоянии хозустройства спецпоселенцев с Северного Кавказа за 1944 г.» вскрывается картина нежелания значительной части выселенных вайнахов примириться с депортацией и трудиться. Наибольший уровень нетрудоустроенных наблюдался в Ленинском районе – 80,3% трудоспособных чеченцев и ингушей не имело работы; в Мамлютском районе – 73,5 %; в Приишимском районе – 57 % и Конюховском – 51 % [СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Д. 1243. Л.1]. По сообщению замначальника республиканского НКВД В. Чернышева в апреле 1944 г. из 6 тыс. депортированных в Щучинский район Акмолинской области чеченцев и ингушей только 1,5-1,8 тыс. чел. устроились на постоянную работу, остальные 4,2-4,5 спецпоселенцев из-за отсутствия на работу необходимого питания не выходили на работу [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л.239-243].

Причины нежелания вайнахов выходить на работу сотрудники НКВД усматривали в нежелании местных органов власти заниматься их проблемами и пропагандой «антисоветских элементов». В этом они были недалеки от истины. Вайнахский солидаризм поощрялся религиозными авторитетами последователей тарикатов Кунта-хаджи, Дени-шейха и Баттал-хаджи. Суфийские тарикаты еще со времен Кавказской войны проповедовали изощренную тайную доктрину сопротивления иноверной власти, находившую горячий отклик у недовольных переселением чеченцев и ингушей.

Сами вайнахи до возвращения фронтовиков ощущали преимущества этнической консолидации. В документах зафиксированы угрозы местным

жителям, пожелания навести «свой порядок» и обещания продолжать воровать скот в случае нехватки продуктов [Козлов, Козлова, 2011, с. 693]. В 1947 г., согласно сведениям на 2 марта 1948 г., полученным союзным министром внутренних дел С.Н. Кругловым от начальника Главного управления милиции А.М. Леонтьева, в Казахской ССР спецпоселенцами с Северного Кавказа было совершено 98 ограблений и разбоев, 43 убийства, 391 случаев скотокрадств, 1032 кражей всех видов, 68 дерзких хулиганств, 365 других преступлений [Цит. по: Вайнахи и имперская власть, 2011, с. 793]. Озлобленные тяготами депортации чеченцы и ингуши искали объяснение своим бедам в ненависти русских к непокорным народам. В многочисленных донесениях осведомителей приводятся высказывания чеченцев, свидетельствующие об их желании отомстить русским, которые «всегда были и будут нашими врагами» [Козлов, Козлова, 2011, с. 681-682].

Местные жители сами вели полуголодное существование. В Казахстане и в Киргизии жители употребляли в пищу траву и корни, фиксировались заболевания на почве истощения и отеки из-за недостатка белковой пищи [Козлов, Козлова, 2011, с. 687]. Республиканские власти пытались подкормить местное население, передавая им фонды, предназначенные для помощи спецпереселенцам. Вайнахи были «нежеланными» соседями для местных жителей и партийно-хозяйственного руководства. Колхозники считали вайнахов уголовниками, из-за которых отнимается скудный паек у местных жителей. Ряд председателей колхозов Курдайского и Меркенского районов Джамбульской области открыто заявляли, что депортированные вайнахи будут только балластом и, вместо работы, они будут заниматься кражами скота. В спецсообщении руководителя казахстанского НКВД Н.К. Богданова отмечалось негативное отношение местного руководства к вайнахам. Как заявил чеченцам председатель колхоза им. Ленина Джамбульской области Алигбаев: «Я вас в колхозе держать не буду, идите в НКВД, вас, чеченцев, не зря переселили в Казахстан. Вы, народ опасный и бесполезный советскому строю» [Козлов, Козлова, 2011, с. 687, 724]. В Северо-Казахстанской области председатель колхоза Дикий заявил

представителям органов НКВД: «Я не знаю, где они даже расселены и не хочу знать их. Если бы вы приехали проверить животноводство, то другое дело, а спецпоселенцы пусть как они хотят, так и живут» [СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Ед. хр. 1243. Л.5].

Ж.А. Еремекбаев считает, что организованных выступлений среди чеченцев и ингушей не было, а имели место только «отдельные стычки с местным населением, высказывания недовольством своего положения среди своих и соседей, драки с переселенцами и целинниками из других республик, как это было в Усть-Каменогорске, Атбасаре и в других местах, имели скорее всего хулиганские мотивы» [Еремекбаев, 2009, с. 110]. Однако архивные материалы и воспоминания современников из числа местного населения дают несколько иную картину взаимоотношений вайнахов с местным населением. В спецсообщении Н.К. Богданова в центральный аппарат НКВД приводятся многочисленные факты угроз и насилия в отношении местного населения. Многие вайнахи подчеркивали свое отличие от других переселенных народов и решимость хищническим путем добиваться своих целей. Один из работников Коскудукского мехлесопункта Джамбульской области заявлял: «Мы не карачаевцы, которые развесили уши и работают, как Вам хочется. Мы научим Вас, как нужно жить, наши чеченцы дружные. Если кто попытается нас обидеть, мы на месте с ним расправимся» [Цит. по: Вайнахи и имперская власть, 2011, с. 726]. Другой спецпоселенец Атаби похвалялся среди местных жителей одного из колхозов Семипалатинской области: «Мы, чеченцы, там у себя – на Северном Кавказе, вместе с немцами били русских, будем бить русских и здесь в тылу» [Цит. по: Вайнахи и имперская власть, 2011, с. 728].

Постоянные грабежи и скотокрадство вели к острому межэтническому конфликту вайнахов с возвращавшимися с фронта русскими и казаками. Бывшие фронтовики были нетерпимы к вызывающему поведению «нежеланных» соседей. 10 июня 1946 г. в колхозе «Ленинский путь» Акмолинской области толпа вооруженных местных жителей, возглавляемая фронтовиками и председателем колхоза Шокиным, учинила погром жилищ спецпоселенцев и убила двух братьев

Ужаховых [Козлов, Козлова, 2011, с. 693-694, 767-768]. Летом 1950 г. и весной 1951 г. произошли погромы чеченцев в Усть-Каменогорске и Лениногорске. В этих городах чеченские общины проживали компактно в так называемых «чечен-городках». Причиной конфликтов стали трения между приезжими строителями, многие из которых имели в прошлом судимости» и чеченскими общинами, поощрявшими демонстративно пренебрежительное отношение своих членов к окружающим народам. В результате погрома 17 июня 1950 г. было убито 34 чеченских спецпоселенца [Бугай, 2003, с. 719].

Партийные руководители Казахстана также рассматривали чеченцев и ингушей как «опасных» и «нежеланных» жителей, своим демонстративным поведением дестабилизирующих обстановку в городах и поселках республики. Послевоенное руководство Казахской ССР в лице секретаря республиканской парторганизации Ж. Шаяхметова и председателя республиканского Совмина Е. Тайбекова сообщало в своем письме Маленкову от 10 марта 1952 г. о паразитическом образе жизни части чеченцев, занимающихся воровством и спекуляциями [Бугай, 2003, с. 721]. Руководители ЦК КП(б) Казахстана и Совет Министров республики в совместном письме на имя Маленкова докладывали о демонстративном поведении вайнахских выселенцев, предпочитавших избегать тяжелого труда в сельском хозяйстве: «Подавляющая часть спецпоселенцев, проживающая в городах, на крупных ж/д станциях и в ряде районных центров, занята, главным образом, не в решающих отраслях народного хозяйства, на второстепенных работах (в артелях, промкомбинатах, подсобных хозяйствах, заготовительных, торгующих организациях, чайных, столовых, экспедиторами, сторожами, истопниками и в качестве разнорабочих)» [Цит. по: Козлов, 2011, с. 708]. Республиканское руководство было недовольно «паразитическим образом жизни» вайнахов: «В некоторых местах расселения часть спецпоселенцев ввиду отсутствия необходимой производственной базы или вовсе не обеспечена постоянной работой, или хотя и работает на разных работах (сезонно), но фактически ведет паразитический образ жизни, нередко занимаясь воровством и спекуляцией. В это же самое время, из-за недостатка рабочих рук во многих

колхозах и совхозах республики, особенно глубинных животноводческих районов, срываются важнейшие мероприятия по дальнейшему подъему сельского хозяйства и, прежде всего, его главной отрасли в республике - общественного животноводства» [Цит. по: Козлов, 2011, с. 708]. Подобное коллективное поведение вайнахов могло стать поводом для еще одной репрессивной акции, о чем догадывались наиболее дальновидные члены общин, требовавшие от соплеменников внутреннего примирения с действительностью.

Сами чеченцы относились более лояльно к казахам и кыргызам. По утверждению чеченского историка Д. Гакаева, чеченцы «научили казахов и киргизов строить дома, печь хлеб в каменных печах, выращивать овощи и еще многим полезным вещам, о которых местное население до этого не знало» [Тишков, 2003, с. 82-83]. На наш взгляд, коллективы, формирующие свою повседневную практику в соответствии с аскриптивной доминантой, редко идут на обмен навыками трудовой деятельности с «чужаками», так как это способствует усилению адаптивного потенциала конкурентов. Информация в «закрытых» социумах жизненно важна и передача определенных навыков трудовой деятельности блокируется общинными структурами. Скажем, в районах совместного проживания казахов с немцами, турками и корейцами, этнокультурные элементы депортированных народов проникали в повседневную жизнь казахов. Казахстанские этнографы достаточно полно изучили культурное влияние русских, украинцев, татар на казахское население, но наличие заимствований у вайнахов особенностей строительства жилых сооружений, особых приемов ведения подсобного хозяйства, приготовления пищи ими не отмечено. В сравнении с казахами и кыргызами более архаичной была социальная организация и культурный порядок вайнахов, что находило отражение и во взаимоотношениях с окружающими народами.

Вайнахи сознательно самоисключали себя из местного полиэтнического сообщества, отвергая путь завоевания доверия у местных жителей, как это сделали немцы, корейцы, турки. В противостоянии с властью и окружающими народами вайнахи выработали гибкие коллективные стратегии поведения,

предполагавшие временное подчинение сложившимся обстоятельствам, умелое использование и подкуп местных руководителей и сотрудников правоохранительных органов в своих целях, насилие и притеснения в отношении более слабых соседей, сотрудничество и подчеркивание своего религиозного единства с более сильными соседями. Адаптивные стратегии поведения с «чужаками» и закрытость общин поддерживалась членами общины, тейповыми и религиозными авторитетами. В отношениях с соседними народами внутренние установки на групповое доверие и солидарность, вели к ответным этническим мобилизациям, прежде всего русских и казахов. На протяжении длительного времени, с 1944 по 1991 годы, коллективные выступления местного населения были направлены преимущественно против вайнахских общин. В то же время часть депортированных чеченцев и ингушей пыталась приспособиться к новой жизни. В апреле 1944 г. Н. Скворцов и Н.К. Богданов докладывали Л.П. Берия о трудовых успехах многих бригад рабочих казахстанских колхозов и совхозов, состоящих исключительно из карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев. Этими бригадами в республике регулярно перевыполнялись нормы выработки на 110-140% - намного выше норм выработки многих бригад состоящих из казахов и русских [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 12-21].

Иной путь адаптации к новым условиям жизни был избран месхетинскими турками, отправленными в Казахстан и Среднюю Азию согласно Постановлению Государственного Комитета Оборона ГОКО № 6279сс от 31 июля 1944 г. о выселении 86 тыс. турок, курдов, хемшинов из пограничных районов Грузии и отправке их в Казахстан, Узбекистан и Киргизию. Запланировано было отправить в Казахскую ССР 40 000 человек, в Узбекскую ССР – 30 000, в Киргизскую ССР – 16 000 переселенцев. Всего из Грузии в Казахстан было отправлено 6435 турецких семей (27,6 тыс. человек), расселенных в Алма-Атинской, Джамбульской и Южно-Казахстанской областях [Бугай, 1995, с. 177-178]. Новоприбывшие турки в Джамбульской области получили помощь местного населения. По воспоминаниям турок, казахское население разбиало по домам семьи переселенцев, прибывших глубокой осенью (конец ноября). Многие

турецкие дети из многодетных голодающих семей переселенцев были взяты в казахские семьи. Впоследствии они считали родными приютивших казахских отцов и матерей. Месхетинские турки благодаря знанию казахского языка и усвоению национальных традиций казахов, своему трудолюбию и деловой этике быстро завоевали уважение и доверие местного населения. Турки передали местным казахам навыки эффективного огородничества. Один из молодых турецких информаторов сообщил автору: «Наши деды завещали жить в братстве с казахами и признавать их обычаи». В свою очередь джамбульские казахи говорили автору о давних добрососедских отношениях между казахами, русскими, турками и немцами.

2 июня 1944 г. выходит постановление ГКО № 5984сс о выселении с территории Крыма греков, болгар и армян, обвиненных в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями. В составе 41 тыс. выселенных крымчан насчитывалось 15 тыс. греков, 12,4 тыс. болгар, 9,6 тыс. армян. Небольшая часть выселенных крымчан из числа болгар, греков и армян получила разрешение на поселение в Алма-Атинской области [Бугай, 2003, с. 550, 554, 579]. Греческая диаспора формировалась в Южно-Казахстанской и Джамбульской областях, где с мая 1949 г. размещалась часть депортированных на восток понтийских греков. Греки сыграли большую роль в строительстве металлургических предприятий Южного Казахстана. Греки составили значительную часть строителей города Кентау. Большой вклад греки внесли в развитие в южных районах табаководства и виноградарства.

Массовые депортации военной и послевоенной поры усилили многонациональность населения Казахстана. В октябре 1946 г. на спецпоселении в Казахской ССР находилось 890 тыс. человек [Бугай, 2006, с. 136]. Эта цифра увеличилась после прибытия иноподданных и бывших граждан других стран из числа понтийских греков и турок летом 1949 г. Депортации народов, несомненно, сыграли отрицательную роль в их социокультурном развитии. На многие годы «наказанные» народы стали париями в местах изгнания. Значительными были и демографические потери, вызванные больше общей социально-экономической

ситуацией в воюющей стране. А.М. Некрич гипотетически рассчитал, что потери чеченцев в ходе депортации составили 131 тыс. человек, калмыков – 22 тыс. человек, ингушей – 12 тыс. человек, балкарцев и карачаевцев более 50 тыс. человек [Некрич, 1973, с. 116]. Открывшиеся после крушения коммунистической системы архивные материалы не подтверждают положений А. Авторханова, Р. Конквеста, А. Некрича, Н. Неймарка, Т. Снейдера и других авторов о целенаправленном «народоубийстве» в СССР. В.Н. Земсков на материалах ГАРФ пришел к выводу о сильной преувеличенности потерь «наказанных» народов в ходе самой депортации.

Казахстанские руководители старались по мере сил помочь депортированным народам. В июне 1944 г. первый секретарь казахстанской парторганизации Н. Скворцов и глава правительства Казахской ССР Н. Ундасынов потребовали от областных парторганизаций и областных советов уравнивать в праве на лечение депортированных уроженцев Северного Кавказа с местными колхозниками и рабочими, обеспечить переселенцев продуктами питания наравне с местным населением [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 264-266]. Как показывают вышеприведенные материалы архивов, провинциальные руководители, озабоченные обеспечением выживания местного населения, игнорировали грозные приказы «сверху» и отказывались распределять среди депортированных скудные ресурсы питания, подталкивая их к кражам скота.

Наиболее болезненным был процесс адаптации к новым климатическим условиям и этнической среде, повлекший превышение смертности над рождаемостью. По мнению Земскова: «С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 г. у выселенных немцев (без трудовой армии) родилось 25 792 и умерло 45 275, у северокавказцев (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и др.) соответственно 28 120 и 146 892, у крымчан (татары, армяне, болгары, греки) – 6564 и 44 887, у выселенных в 1944 г. из Грузии (турки–месхетинцы и др.) – 2873 и 15432, у калмыков – 2702 и 16 594 человек. С 1949 г. у всех них рождаемость стала выше смертности...» [Земсков, 2012, с. 13]. Материалы органов НКВД по Северо-Казахстанской области фиксируют высокую детскую смертность среди

чеченцев и ингушей: в 1944 г. скончалось 1002 чеченцев и ингушей, из них 411 дети (41 %), 191 взрослые (19 %) и 400 старики (40 %) [СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Ед. хр. 1243. Л.5].

Не меньшие страдания в годы войны выпали местным жителям Казахстана разных национальностей, отправившим на фронт взрослую мужскую часть населения и, тем не менее, трудившимся для будущей победы. Органы управления и госбезопасности в трудные военные годы пытались помочь спецпоселенцам, расселяя их среди местных жителей, организуя лечение и обеспечение продовольствием. Для сравнения русские спецпоселенцы Северо-Казахстанской области в 1931-32 гг. находились в более тяжелых условиях. С 1 октября 1931 года по 1 июня 1932 года численность русских крестьян на спецпоселении сократилась с 167432 до 121 тыс. человек (почти на 27 %). Из них умерло 44 %, бежало 20,4 % , освобождено 20,47 %, остальные проходили по графе «невыясненные причины). Детская смертность среди русских спецпоселенцев в те годы составила 50,4 %, стариков – 24,4 % и взрослых – 25,1 %) [СКГА. Ф. 1189. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 52-53]. Таким образом, у нас нет оснований говорить о преднамеренном истреблении «Советской Русской империей» (определение Б. Хаита) голодом и болезнями депортированных народов.

Дальнейшие стратегии коллективного поведения «подозрительных» и «наказанных» народов различались. Поляки, корейцы, турки, курды, греки смирились с необходимостью продолжения адаптации и интеграции с местным населением. Немцы лелеяли надежду на восстановление национальной автономии на Волге, в то же время они заслужили уважение своих этнических соседей трудолюбием и культурным «компромиссом». Вайнахи категорически не восприняли окончательность своего изгнания. Непримируемость чеченцев и ингушей в отношении коллективного «наказания» заставила власти считаться с их интересами. Для чеченцев и ингушей приоритетным являлась принадлежность к своей исторической Родине, своему народу, тейпу и религиозному братству. Замкнутость и закрытость вайнахского социума вызывала отчуждение казахского и русского населения, но это был сознательный выбор большинства чеченцев и

ингушей, культивировавших групповое доверие, не собиравшихся вливаться в местное сообщество и отказывавшихся от отношений партнерства. После снятия ограничений (16 июля 1956 г.) и восстановления национальной государственности на Северном Кавказе (9 января 1959 г.) в Казахстане осталась лишь незначительная часть чеченцев и ингушей, наладившая добрососедские отношения с местным населением.

Сформировавшаяся в военные годы многонациональность способствовала в целом усилению межэтнической толерантности в обществе. Местное население не разделяло предубеждений властей в отношении депортированных немцев, поляков, корейцев, турок, греков и представителей других народов, вступая с ними в многообразные социальные связи. Немцы постепенно становились наиболее значимыми после русских казахстанцев этническими партнерами казахов.

6 РАСЦВЕТ И УПАДОК ОБЩНОСТИ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ В КАЗАХСТАНЕ (1953-1991 ГГ.)

6.1 «Золотой период» интернационализма в Казахстане (1953-1978 гг.)

Уход из жизни Сталина 5 марта 1953 г. открыл не только широкие возможности для пересмотра опыта строительства социализма в СССР, но и послужил толчком к резкому обострению конкуренции за власть в союзном руководстве. В ходе борьбы за сталинское наследие в значительной степени были пересмотрены сталинские подходы в национальной политике 1930-1940-х годов, в ходе реализации которой подвергались репрессиям представители этнических элит, заподозренные в националистических «уклонах», и, высылались целые народы, коллективно «наказанные» за мнимый или действительный коллаборационизм отдельных своих представителей и групп. Ревизия сталинского курса сопровождалась риторикой партийных верхов о возвращении к истокам подлинного «ленинизма» и критикой предшествующего периода истории советского общества. Отличительной чертой советских руководителей и их наследников в современных постсоветских государствах является мессианизм, порождающий социальные иллюзии и утопии. В национальной политике постсталинского времени периодически возрождались подходы, характерные для 1920-х годов. Но ни Л.П. Берия, ни Н.С. Хрущев, ни впоследствии Л.И. Брежнев не ставили под сомнение незыблемость и правильность ленинско-сталинской концепции «ограниченного суверенитета» советских этнонаций, предлагая свои варианты «гармонизации» межэтнических отношений в СССР.

Наследники Сталина в лице Маленкова, Берия и Хрущева понимали необходимость преобразований и устранения угрозы внутреннего террора против самих коммунистов. Р. Пихоя считает, что развенчание культа личности Сталина

было делом времени: «Канонизация Сталина могла стать серьезным препятствием для осуществления давно назревших преобразований, нужда в которых была огромной. Страна не могла прокормить себя... Следовать «сталинским заветам» значило жить по придуманным им экономическим законам социализма, предполагавшим отказ от торговли, от товарно-денежных отношений. Абсурдность такой политики была понятна всем; поэтому, мало было похоронить Сталина, надо было втихую прикрыть почитание его личности, нейтрализовать его «теоретическое наследие» [Пихоя, 2007, с. 224].

Существует мнение о большом вкладе Л.П. Берии в либерализацию внутренней жизни советского общества и подготовке им реформирования управления страной. По мнению ряда исследователей, Л.П. Берия резко выделялся своей инициативностью среди членов «коллективного» руководства страны, выдвигая предложения, направленные на «демократизацию внутренней политики и корректировку внешнеполитического курса СССР. Л.П. Берия добился амнистии, не касавшейся убийц, бандитов и политзаключенных; запретил «изуверские» методы допроса» и положил начало процессу реабилитации политзаключенных. В направленных в союзный ЦК докладных записках министр внутренних дел предложил придерживаться национально-кадрового приоритета при назначении на руководящие должности [Абрамова, 2002, с. 163-164; См. также: Кокурин, Пожаров, 1996, с. 132-164; Старков, 1993, с. 82 - 90]. В пользу этой версии говорит начавшаяся на Украине и в Белоруссии смена местных руководителей из числа русских и принятое Президиумом ЦК КПСС постановление, в соответствии с которым республиканские парторганизации должны были возглавляться местными товарищами, а «не русским, присылаемым из Москвы» [Кокурин, Пожарова, 1996, с. 133-135]. В своих мемуарах Н.С. Хрущев скрыто признал заслуги своего основного конкурента в подготовке преобразований в национальной политике, написав: «После кончины Сталина мы начали серьезно заниматься национальными кадрами в республиках» [Хрущев, 1997, с. 272].

Ю.Н. Жуков критически оценивает либеральные начинания Берия в национальной политике, скрывшего от большинства членов союзного руководства секретную информацию органов госбезопасности о фактическом разгроме националистического подполья в западном регионе страны с целью критики прежней кадровой политики и преувеличения достижений возглавляемого им ведомства и собственных заслуг [Жуков, 2000, с. 637-638]. О преувеличении шефом госбезопасности популярности в народе националистического подполья говорил впоследствии литовский руководитель А. Снечук [Knight, 1993, p. 189].

В союзных республиках Балтии, на Украине и в Белоруссии по линии МВД тщательно собиралась и анализировалась информация о внутренней обстановке в союзной республике (изменения в национальном составе руководства, эффективность борьбы с антисоветским подпольем, злоупотребления высших чиновников). Информация поступала руководству страны на обсуждение и выработку конкретных мер. Республиканские парторганизации получили замечания в отношении «неправильного» отношения к делу выращивания национальных кадров и рекрутирования на руководящие должности работников ««неместной национальности», не знающих местные языки и не умеющих вести на них официальное делопроизводство» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л.12-19]. В Западной Украине Л.П. Берия был готов идти на расширение национальных прав местных жителей, включая продвижение религиозной свободы для последователей униатской церкви. Эмиссары Л.П. Берии через главу Украинской греко-католической церкви Й. Слипого зондировали возможность нормализации отношений с Ватиканом в случае официального признания независимости Украинской греко-католической церкви [Knight, 1993, p.189]. Берия также добился снятия с должности руководителя украинской парторганизации Л.Г. Мельникова.

Президиум ЦК КПСС в мае-июне 1953 г. решил в прибалтийских республиках, в Белоруссии и на Украине провести следующие мероприятия: «-прекратить проводившуюся до сих пор необоснованную и массовую политику

насилия и ежедневное администрирование в официальных учреждениях; – провести основательную смену кадров в советских и партийных органах на всех уровнях, выдвигая на руководящие должности местные кадры; – ввести местный язык в официальное делопроизводство союзных республик, учитывая и интересы малых национальных меньшинств (например, использование польского языка в Литве); – разработать конкретные меры по усилению колхозного строя» [Таннберг, 2006, с. 193; Таннберг, 2010, с. 79-80].

В письме, направленном 8 июня 1953 года в ЦК КПСС, Л.П. Берия отмечал неудовлетворительное использование белорусских кадров. С целью исправления «перекосов» в кадровой политике Л.П. Берия предложил назначить местных белорусов первыми руководителями партийной организации и министерства внутренних дел республики [ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д.416. Лл. 113-116]. Л.П. Берия инициировал смену главы республиканского МВД М. Баскакова на местного белоруса, а затем способствовал выдвижению на должность главы белорусской партийной организации М. Зимянина на смену русского Н. Патоличева. Фактически Патоличев благодаря поддержке в Центре остался на своем посту [Knight, 1993, p. 189; Пихоя, 2007, с. 246]. Аналогичные документы готовились также по Молдавии [Жуков, 2000, с. 639]. Эстонский историк Т. Таннберг признает успехи бериевской либерализации национальной политики в сферах, связанных с замещением властных структур союзных республик национальными кадрами и внедрением местных языков в официальное делопроизводство, оговариваясь о наличии у Л.П. Берии своих расчетов [Таннберг, 2010, с. 160].

В настоящее время трудно сказать насколько серьезными были намерения Берия в части демократизации общества и свертывании сталинской линии в национальной политике. Вероятно, Берия, столкнувшись с ростом претензий национальных элит союзных республик, свернул бы политику либеральных заигрываний и вернулся бы к практике подавления местного национализма, как это сделали Сталин в конце 1920-х годов и Н.С. Хрущев в конце 1950-х годов.

Н.С. Хрущев после своего утверждения у власти продолжил намеченную ранее генеральную линию в национальной политике, поощряя партийные элиты ряда союзных республик. Существенного успеха добились этнические номенклатуры Украины и Узбекистана, сумевшие не только продвинуть своих представителей в ЦК КПСС, но и получить серьезные территориальные приращения за счет соседних РСФСР и Казахстана. В 1954 г. Крым был передан в состав Украины. В январе 1956 г. курортный Бостандыкский район и часть Голодной степи из состава Казахской ССР были переданы в состав Узбекистана.

Либерализация национальной политики и практика поощрения этнических элит союзных республик достигла пика к концу 1950-х годов. В соответствии с новыми веяниями была разработана научная концепция, предполагавшая дальнейшее развитие советского федерализма через: 1) образование новых союзных республик; 2) воссоединение «разорванных» наций в рамках национальной советской государственности; укрепление единства СССР путем расширения прав союзных республик [Златопольский, 1960, с. 98]. Основным направлением дальнейшего совершенствования государственного устройства СССР было избрано «укрепление суверенитета» и расширение прав союзных республик [Уманский, 1959, с. 160-166; Мишин, Романов, 1961, с. 114-115, 122-123].

Безудержный оптимизм Н.С. Хрущева основывался на вере в скорое наступление безнационального коммунизма, в котором будут стерты границы между национально-государственными образованиями. Н.С. Хрущев понимал национальную государственность титульных наций как *modus vivendi*, заключенный большевиками с целью укрепления единства страны, находящейся в международной изоляции. Союз с избранными нациями позволил создать условия для строительства коммунизма, вследствие чего надобность в сохранении негласной конвенции отпадала, считал Н.С. Хрущев. Но для этнических элит основы национальной политики, провозглашенной Лениным и реализованной Сталиным, были незыблемыми. Ревизия прежнего курса должна была встретить жесткое сопротивление с их стороны. Вскоре непродуманные эксперименты в

национальной политике породили конфликт между союзными властями и союзными республиками, где с тревогой отнеслись к инновациям, затрагивавшим напрямую статус титульных наций.

Первое открытое столкновение Н.С. Хрущева с национальными элитами произошло зимой 1958-1959 годов. Поводом для обструкции предложений союзного руководства стало одобрение ЦК КПСС и Советом Министров СССР проекта общесоюзного Закона СССР «О связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», в соответствии с которым предполагалось отменить обязательность изучения национальных языков в русских школах, функционирующих в союзных республиках. На декабрьской сессии Верховного Совета СССР 5-го созыва делегаты закавказских и прибалтийских республик решительно воспротивились одобрению нового закона, указав на угрозу утраты «национальных государственных языков». Грузинские делегаты пригрозили блокировать действие союзного закона на республиканском уровне [См.: Заседание Верховного Совета СССР 5-го созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет., 1959]. В Латвии и Азербайджане пошли на прямой конфликт с союзным Центром, проигнорировав одобренный большинством делегатов 12 декабря 1958 г. новый закон. В этих республиках в июне 1959 г. были приняты постановления об обязательном изучении госслужащими азербайджанского и латвийского языков, с последующей обязательной сдачей экзаменов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 83. Д. 504. Л. 125].

Трения с национальными элитами, в том числе с зависимыми от Н.С. Хрущева руководителями Украины и Узбекистана, вынудили вернуться к испытанным методам подавления национализма в союзных республиках. Э. Каррер д'Анкосс обратила внимание на вынужденный характер новых «чисток»: «возрождение национализма, которому способствовали внутренние уступки, побудили Хрущева опрокинуть перестройку социалистического общества, вернуться к интернационалистской утопии» [Каррер д'Анкосс, 1982, с. 52]. Летом 1959 г. в Азербайджане, Латвии и Узбекистане были проведены партийные чистки и сменены руководители республик. Центральные

периодические издания направили критику в адрес местного национализма, определяемого как «национальная ограниченность, отсутствие способности руководствоваться, в первую очередь, общегосударственными интересами». Вполне в духе критикуемого Сталина известный теоретик национальных отношений Н. Джандильдин призывал местные кадры коммунистов бороться с национальным местничеством, а русских коммунистов с великорусским шовинизмом [Джандильдин, 1959, с. 43].

Смены ориентиров национальной политики прошли в Казахстане в ином аспекте, а именно сопровождалась чисткой прежнего республиканского руководства и пересмотром отношения к вопросам территориальной целостности Казахстана.

На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев добился одобрения целинной кампании в Казахстане и Южной Сибири. Сомнения в необходимости освоения столь масштабного освоения целины выразил Молотов, предложивший вкладывать ресурсы в развитие Нечерноземья [Чуев, 2002, с. 416-417]. 6 октября 1953 г. Пленум ЦК Компартии Казахстана поспешил поддержать резолюцию союзного ЦК. Лишь партийный лидер Казахстана Шаяхметов скептически отнесся к хрущевской политике подъема целины, заметив, что создание зернового хозяйства будет вестись за счет упадка животноводства в республике [Olcott, 1995, p. 226]. В отличие от других союзных республик Н.С. Хрущев решился на отстранение национального руководителя и сталинского выдвиженца Ж. Шаяхметова, сыгравшего видную роль в управлении в годы войны и руководившего республикой с 1946 по 1954 годы. Причины отстранения Ж. Шаяхметова и И.И. Афонова крылись в их упорном сопротивлении целинной кампании. Еще на XIX съезде партии Шаяхметов в беседе со Сталиным предложил сделать упор на развитии животноводства в республике. Казахстанские руководители лучше понимали сложность ведения зернового хозяйства в зоне рискованного земледелия. На IX Пленуме ЦК КПСС (5-6 февраля 1954 г.) казахстанские руководители были освобождены от занимаемых должностей. Н.С. Хрущев на Пленуме обратил внимание на «незрелость»

секретарей ЦК КП Казахстана (Ж. Шаяхметова и И.И. Афонова) и членов республиканского бюро [Хрущев, 1962, с. 275-276]. Не имея личных антипатий к казахстанскому руководителю, Н.С. Хрущев деликатно отметил достоинства и недостатки Ж. Шаяхметова в качестве главы Казахстана: «Бывший первый секретарь ЦК компартии Казахстана т. Шаяхметов, я думаю, честный человек..., но для такой большой республики он был руководителем слабым... Пленум ЦК компартии Казахстана решил укрепить руководство республики...» [Хрущев, 1962, с. 275-276; Зеленин, 1998, с. 115]. На посты первого и второго секретарей ЦК компартии Казахстана были назначены приезжие П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнев.

Новый глава республики на февральском Пленуме ЦК Компартии Казахской ССР сделал резкие выпады в адрес как прежнего руководства, так и казахских ученых-почвоведов, указывавших на опасность глубокой вспашки плугом целинных и залежных земель. П.К. Пономаренко заявил: «Указания ЦК КПСС и критика в адрес ЦК КП Казахстана не были доведены до казахстанской партийной организации. Шаяхметов на пленуме ЦК... (октябрьский Пленум ЦК Компартии Казахстана - С.К.), ни одного слова не сказал о поставленной ЦК КПСС задаче по освоению целинных и залежных земель». П.К. Пономаренко обвинил прежнее руководство в политической недалекости: «Товарищи оказались в плену отсталых настроений, которые в Казахстане еще среди кое-каких работников сельского хозяйства коренятся. Они говорили, что распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения, так как лишает выпасов скот. Эта нелепая, изжившая себя вреднейшая теория была на IX пленуме ЦК и на VII съезде компартии Казахстана разоблачена и опрокинута. В настоящее время в республике развертывается работа по осуществлению заданий партии и правительства» [Цит. по: Зеленин, 1998, с. 112-113].

П.К. Пономаренко подверг резкой критике казахстанских ученых-почвоведов за критику распашки целины, обвинив их в национализме. Академик и президент ВАСХНИЛ А.А. Никонов вспоминал: «Хорошо помню, как на одном

из Пленумов ЦК КПСС в 1954 г. Пономаренко, бывший тогда первым секретарем ЦК КП Казахстана, сетовал на казахских ученых-почвоведов, обвиняя их в «национализме» за то, что они представили «вредительскую» почвенную карту республики, из которой следовало, что не всю целинную площадь можно осваивать под пашню. Не знаю, что сделали с этими учеными, но земель непригодных подняли много, вызвав взрыв пыльных бурь и возникновение очагов опустынивания. Потребовались долгие годы упорного труда ученых, таких как мужественный и неутомимый академик ВАСХНИЛ А.И. Бараев (ныне покойный), чтобы приглушить дефляцию почв» [Никонов, 1991, с. 8]. Местные областные партийные лидеры также подверглись атаке за недостаточное рвение в реализации хрущевской программы. В течение трех последующих после февральского Пленума ЦК КПСС месяцев были отстранены со своих постов все шесть прежних областных руководителей целинных областей [Olcott, 1995, p. 226].

При всем этом, П.К. Пономаренко был действительно интернационалистом и убежденным сторонником правильности советской национальной политики. Он сумел наладить дружественные контакты с казахской интеллигенцией. В 1954 г. Пономаренко вступился за репрессированного Е.Б. Бекмаханова, после освобождения из заключения семь месяцев бывшего безработным и бедствовавшего из-за отказа брать на работу в Академию наук и в КазГУ, где он до своего заключения создал кафедру истории [Гербер, 2011, с. 1].

В первый же год целинной эпопеи было создано более 300 совхозов и распаханно 3,5 млн. гектаров земли. Всего в Казахстане под зерноводство было поднято 25,5 млн. гектаров земли. Но проблемы выращивания зерна волевым способом не удалось преодолеть. Игнорирование мнения ученых-аграриев породило пыльные бури, уничтожившие плодородный слой на миллионах гектарах земли. В 1960 г. ветровой эрозии в Северном Казахстане подверглись 9 млн. гектаров земли [История Казахстана: Народы и культуры, 2000, с. 338]. Н.С. Хрущева не устроили темпы освоения целины и неспособность руководителей республики справиться с неурожаем. Н.С. Хрущев отстранил в

марте 1955 года от руководства республикой вдумчивого руководителя П.К. Пономаренко, назначив своего выдвиженца Л.И. Брежнева. Следует сказать, что при всей спешности и волюнтаристских методах проведения целинной кампании, в Казахстане и в Южной Сибири в последующие годы был создан индустриализированный сектор сельского хозяйства, основанный на совхозной форме организации. За 1954-1961 годы в Казахстане было создано 800 новых совхозов. На базе совхозов велось эффективное комплексное зерновое и животноводческое хозяйство. Разрушение совхозов в 1990-е годы привело к заметной деградации аграрного сектора в Казахстане и разрушению социально-культурной инфраструктуры.

Освоение целины привело к массовому притоку населения из европейской части страны. К 1964 году в Казахскую ССР прибыло более 2 млн. человек. Основная часть приезжих была из РСФСР (69,3 %), Украины (21,3 %) и Белоруссии (4,3 %) [Котов, 2001, с. 77]. В результате аграрных миграций 1950-60-х годов и притока индустриальных кадров в 1970-е годы казахи превратились во второй по численности этнос республики. Главным донором миграции населения в Центральную Азию являлась РСФСР. Положительное сальдо миграции Казахстана с 1960 по 1970 годы составило 692 тыс. человек, Киргизии - 130 тыс. человек, Таджикистана - 138 тыс. человек, Туркмении – 18 тыс. человек, Узбекистана - 146 тыс. человек, Украины – 549 тыс. человек, РСФСР имел отрицательное сальдо в 2428 тыс. человек [Rywkin, 1990, p. 79].

Снижение удельного веса казахов в ходе освоения целины имело политические последствия. После отстранения Шаяхметова до начала 1960-х гг. республиканскую парторганизацию последовательно возглавляли присланные Пономаренко, Брежнев и Беляев. Последний на 17 пленуме ЦК КП Казахстана (19 января 1960 г.) подвергся резкой критике коллег за равнодушное отношение к проблемам республики. Критики отмечали: «... т. Беляев плохо знает положение дел в республике, работал в отрыве от актива, не изучал кадры, не знал даже по фамилиям вторых секретарей обкомов, председателей совнархозов, не работал с аппаратом ЦК, не знал его работников. Бывая в областях, т. Беляев не встречался

даже с членами бюро обкомов, не советовался с ними... Секретарь Павлодарского обкома партии т. Елагин говорил, что за два года работы Беляев не беседовал по-человечески ни с одним секретарем обкома, не выслушивал их ни по одному вопросу» [Региональная политика Н.С. Хрущева, 2009, с. 188]. В январе 1960 г. в ходе проведения новой кадровой политики первым секретарем партийной организации Казахстана был избран Д.А. Кунаев, Председателем Верховного Совета Казахской ССР Ф. Карибжанов и Председателем Совета Министров Казахской ССР Ж.А. Ташенев.

Сам Д.А. Кунаев в своих мемуарах придавал большое значение этнизации высших эшелонов власти в республике, скрыто упрекая «приезжих» руководителей республики в психологии «временщиков»: «...на протяжении всей истории Казахстана ее партийную организацию возглавляли представители многих национальностей... Я был третьим избранным секретарем из коренного населения» [Кунаев, 1994, с. 126]. Назначение Кунаева имело не только символическое значение. Казахскому руководству вскоре пришлось столкнуться с давлением союзного Центра по поводу территориальной целостности Казахстана.

Союзное руководство в течение 1960-70-х годов неоднократно предпринимало попытки изменения административно-территориального устройства Казахстана. В 1960 году постановлением ЦК КПСС был создан Целинный край в составе пяти целинных областей, находившийся в двойном подчинении Москве и Алма-Ате. Казахстанские руководители не без оснований рассматривали введение краевого деления как попытку последующего территориального расчленения республики. В декабре 1960 г. по настоянию Н.С. Хрущева с поста Председателя Совета Министров Казахской ССР был снят Ж.А. Ташенев, воспротивившийся передаче целинных областей в состав РСФСР и части территории Южного Казахстана в состав Узбекистана. По воспоминаниям современников, опубликованным казахстанским диссидентом К. Асановым в документальной книге «Сказ о закованном тигре. Национальный герой казахского народа Жумабек Ахметович Ташенев», на главу республиканского правительства в ЦК КПСС шли многочисленные жалобы с обвинениями в

национализме. Ташенев в резкой форме заявил руководителю Целинного края Т.И. Соколову, игнорировавшему распоряжения республиканских властей: «Если ты не хочешь подчиняться Казахстану, то убирайся отсюда за 24 часа, сгинь с глаз. Целинный край в состав России не войдет! Так и передай своему начальству!» [Асанов, 2003]. После жалобы руководства края в Москву были вызваны руководители Казахстана, подвергшиеся давлению за проявления «непонимания» политики партии. Но Ж.А. Ташенев вновь возразил Н.С. Хрущеву по поводу возможной передаче целинных областей в состав РСФСР [Асанов К., 2003]. В такой же резкой форме Ж.А. Ташенев возражал против передачи Узбекистану трех хлопкосеющих районов Казахстана.

Казахстанское руководство во главе с Д.А. Кунаевым в 1962 г. вынужденно было оппонировать попыткам Н.С. Хрущева передать соседним Туркменской и Узбекской ССР Мангышлак, где велись разработки нефтяных месторождений, и хлопкосеющие районы Южного Казахстана. Хрущев объяснял свои проекты производственной необходимостью и наличием у туркмен и узбеков опыта добычи нефти и выращивания хлопка. Политика Н.С. Хрущева активно поддерживалась узбекскими партийцами. Еще 21 января 1956 г. было принято Постановление ВС Казахской ССР о передаче Бостандыкского района и части Голодной степи Узбекской ССР общей площадью более миллиона гектаров. В 1961 г. узбекские лоббисты добились передачи более 420 тыс. гектаров в Южном Казахстане [Белан, 2008, с. 108-112]. В декабре 1962 г. руководство Южно-Казахстанского крайкома партии по предложению Н.С. Хрущева инициировало передачу Узбекистану трех хлопкосеющих районов площадью более 1 миллиона гектаров.

С учетом двойного подчинения Целинного края и стремления советского лидера включить в ее состав промышленную Карагандинскую область, подчинения партийной организации Чимкентской области Средазбюро ЦК КПСС, появления в 1961 г. в Программе КПСС концепции стирания национальных границ в ходе развернутого коммунистического строительства, угроза разгосударствления Казахстана была вполне реальной. Д.А. Кунаев в своих

воспоминаниях передает подозрения казахских руководителей в отношении планов союзного руководства: «Хрущев пытался быстрее провести свою идею о будущем стирании границ между республиками» [Кунаев, 1994, с. 154]. Об этом говорит и его конкурент И.А. Юсупов, который, по его словам, не желал руководить национальной республикой, ему пришлось выслушать возражения Н.С. Хрущева, о чем он пишет: «Я с самого начала был против моего назначения на должность первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, ходил ко второму секретарю ЦК КПСС Фролу Романовичу Козлову. «Объясни это Хрущеву», - сказал Козлов. А первый секретарь ЦК КПСС заявил мне: «Мы строим коммунизм, так что у нас скоро не будет ни национальностей, ни границ между республиками»» [Шимырбаева, 2004, с. 4].

М.И. Исиналиев, долгое время проработавший в казахстанском ЦК, отмечает умелую политику Д.А. Кунаева, сумевшего расстроить планы Н.С. Хрущева по разгосударствлению Казахстана через выделение Целинного края и Южного Казахстана, выведенных из-под прямого контроля республиканского руководства. М.И. Исиналиев пишет: «В начале освоения целины, когда на севере Казахстана по решению Центра создали новое административное деление - Целинный край, к руководству которым были привлечены посланцы Москвы, проницательный политик Д.А. Кунаев в этом узрел не только желание конкретного руководства из Москвы процессом освоения целины, но и далеко идущие цели Н.С. Хрущева через некоторое время распорядиться как своей вотчиной и одним росчерком пера отсечь лакомую хлебную и промышленную часть Казахстана. Председатель Совета Министров Республики Ж. Ташенев, осмелившийся открыто высказаться против этих намерений, был немедленно освобожден от работы и по существу «выслан» в Шымкент без возврата. И коль Москва, скрывая свои истинные намерения, выдавала создание краевого правления, как организационно-административную форму управления, то Д.А. Кунаев добился, чтобы краевые управления были созданы на юге и западе Казахстана, хотя он прекрасно понимал, что это надуманные, не нужные и лишнезатратные чиновничьи аппараты. Но зато

сбалансировал положение, чтобы все административные центры работали через Алма-Ату и на целине не было особого статуса правления, с возможным последующим выделением этой территории из Казахстана» [Исиналиев, 2003, с. 119].

Строптивый Д.А. Кунаев, указывавший на опасность возникновения межэтнического конфликта в случае территориальных изъятий из состава Казахстана, был заменен в декабре 1962 г. руководителем партийной организации Чимкентской области уйгуром И.А. Юсуповым, который из карьерных соображений инициировал передачу трех хлопкосеющих районов и казахстанской части Голодной степи соседней республике. И.А. Юсупов был представлен в качестве руководителя республики, Д.А. Кунаев возглавил правительство Казахстана. И.А. Юсупов в интервью казахстанским журналистам отрицает свою заинтересованность в передаче казахстанских земель: «Я не отрицаю, что ставил первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Динмухамеда Ахмедовича Кунаева в известность о том, что хлопок в этих районах пропадает. Если раньше на сбор хлопка ежегодно присылали помощь из других регионов Казахстана и даже Союза, то теперь все трудовые ресурсы были брошены на освоение целинных и залежных земель. И уже там, наверху, было принято решение временно отдать три хлопкосеющих района Узбекистану» [Шимырбаева, 2004, с. 4]. Юсупов ставит себе в заслугу сохранение за Казахстаном полуострова Мангышлак: «Зато я, будучи уже первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, отстаивал полуостров Мангышлак, который хотели передать в 1962 году Туркмении. Я, как только услышал об этом, сразу поехал в Москву. У Хрущева на столе уже лежали готовые документы, оставалось только поставить подпись. Я убедил Никиту Сергеевича, что мы и сами можем освоить нефтяные месторождения. Так что моя совесть перед народом Казахстана и перед собственными детьми чиста» [Шимырбаева, 2004, с. 4].

Н.С. Хрущеву и узбекским руководителям после отставок Ж.А. Ташенева и Д.А. Кунаева удалось добиться территориальных изъятий из состава Казахстана. 26 января 1963 г. покорный воле партийного руководства Президиум ВС

Казахской ССР постановил: «Передать в состав Узбекской ССР Кировский и Пахта-Аральский районы, Кзылкумский и Чимкурганский сельские советы Кзылкумского района Чимкентской области с общей земельной площадью 956 тыс. гектаров, а также 1554 тыс. гектаров пастбищных земель Чимкентской области и 1150 тыс. гектаров Кзыл-Ординской области, находящиеся в долгосрочном пользовании Узбекской ССР» [Белан, с. 114].

И.А. Юсупов и второй секретарь М.С. Соломенцев при помощи московских друзей старались не позволить реализовать планы Н.С. Хрущева по выведению Целинного края из состава Казахстана. Первый секретарь Целинного крайкома партии Т.И. Соколов предложил преобразовать край в 16 союзную Целинную республику. Т.И. Соколов при поддержке Н.С. Хрущева обособил край от республиканского руководства и добивался наделения крайисполкома правами Совета министров, назначения министрами начальников отделов крайисполкома. Казахстанские руководители добились отстранения Т.И. Соколова с поста краевого руководителя, обвинив его в алкоголизме и срыве сельскохозяйственных работ [Пыжиков, 2002, с. 172-173].

После смещения Н.С. Хрущева казахская элита взяла реванш, добившись, благодаря поддержке Л.И. Брежнева, отстранения от власти И.А. Юсупова, отправленного руководить Уральским облисполкомом. Из двух представленных кандидатур Пленум ЦК Компартии Казахстана Кунаева и Джандильдина, местные кадры «предпочли национально ориентированного технократа Кунаева национальному нигилисту Джандильдину» [Галиев и др., 1994, с. 38]. Часть переданных Узбекистану территорий была возвращена Казахстану благодаря поддержке Л.И. Брежнева, руководившего ранее республикой.

Этническая принадлежность руководителей республик в советском обществе символизировала статус титульной нации. Этнизация аппарата в республиках, проведенная с согласия первых руководителей страны, способствовала возрождению конкурирующих с официальным советским проектом формирования новой исторической общности – советского народа проектов собственного этнонационального развития. Л.М. Алексеева полагает,

что истоки национального инакомыслия в закавказских и прибалтийских республиках, а также на Украине, уходят в откровенно протекционистскую практику культурного этнонационализма, проводившуюся под прикрытием официального интернационализма национально-ориентированной частью партийной номенклатуры, стремившейся к сохранению родного языка и не желавшей распространения русификации [См.: Алексеева, 2012].

Партийные вожди 1960-1970-х годов осуществляли патронаж национальной творческой интеллигенции, активно формировавшей историческое сознание и культурные установки своих народов. Подобная протекция по этническому признаку стала возможной благодаря политике Л.И. Брежнева: «Живи и дай жить другим». В отличие от революционного Ленина, прагматически настроенного архитектора советской социальной инженерии Сталина и реформатора Хрущева, Брежнев избрал политику консенсуса с национальными элитами и фактического невмешательства во внутренние дела союзных республик, связанные с кадровой политикой, вопросами культуры и образования [Rywkin, 1994, p. 182, 184]. Показателен ответ Секретаря ЦК КПСС от 27 июня 1978 г. на письмо великого писателя М. Шолохова, бывшего тревогу о положении дел с русской культурой в национальных республиках. Теоретики из партаппарата подчеркнули: «...расцвет культуры в национальных республиках сопровождается не сужением, а расширением влияния русской культуры классической и современной на народные массы» [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 16. Д. 6. Л. 6].

Типичной для национальных лидеров является гибкая тактика литовского руководителя А. Снечкуса, сумевшего провести с конца 1940-х годов национально ориентированную политику, обеспечив сохранение национальной культуры и высокого уровня жизни населения. А. Снечкус использовал следующие методы: укрепление и использование личных связей с наиболее влиятельными фигурами в союзном руководстве; искусный подбор кадров по принципу личной преданности и слепой исполнительности; фактический саботаж многих поступающих из Москвы директив при видимости их тщательного исполнения; пробивание для республики дополнительных преференций

[Алексеева, 2012, с. 41]. Украинский руководитель П.Е. Шелест покровительствовал украинскому национальному возрождению и украинскому национальному движению в лице «шестидесятников», выступавших против русификации.

Условно можно выделить прибалтийско-закавказскую, центрально-азиатскую и украинскую модели этнонационального развития. Первая модель предполагала использование общесоюзных ресурсов для последующего восстановления национального государства (Грузия, прибалтийские республики). Украинская модель предполагала блокировку русификации и поощрение культурного этнонационализма, с опорой на знание родного языка и родной истории. Украинская элита стремилась к использованию местных ресурсов для собственных нужд. Реализация центрально-азиатской модели опиралась на идеологию советизма и модернизма. Национальные лидеры и культурная элита Центральной Азии понимали огромную роль Советского государства в историческом прогрессе местных народов. Они достаточно осторожно подходили к реабилитации исторического прошлого в этнонациональном историописании. Узбекский руководитель Н.А. Мухитдинов, выступая на Первом съезде узбекской интеллигенции в 1957 г., призвал не заниматься «самовосхвалением и идеализацией исторического прошлого узбеков», признав отсутствие «полноценных работ» по освещению многовековой истории узбекского народа [Цит. по: Кирчанов, 2010, с. 35].

А.Г. Вишневский объясняет практицизм элит Центральной Азии их прямой заинтересованностью в сохранении доступа к общесоюзным ресурсам, использование которых позволило бы успешно провести социальную модернизацию, после чего необходимость в союзном государстве бы исчезла. В случае успеха модернизации местные элиты бы взяли на вооружение агрессивную стратегию этнических элит прибалтийских и закавказских республик [Вишневский, 1994, с. 37-38]. По мнению известного демографа: ««Зонтик» советской империи, несомненно, облегчал эту задачу, поскольку внутренние силы модернизации в Центральной Азии все еще были развиты недостаточно. Даже

если не говорить о доступе к немалым экономическим и техническим ресурсам, находившимся в распоряжении Москвы, империя создавала социально-политический и геополитический климат, без которого модернизация, даже и в той противоречивой форме, в которой она вообще протекала в СССР, едва ли была бы здесь возможна» [Вишневский, 1994, с. 37]. На наш взгляд, известный демограф в своем анализе исходит из реалий современности и факта распада страны, считая крушение СССР глубоко детерминированным процессом. Сторонники «фаталистического» подхода к истории СССР не учитывают глубокого проникновения в сознание людей советской идентичности, превалировавшей до перестройки у большинства народов страны над этническими и религиозными началами. Русские солдаты «мусульманского батальона», воевавшего в Афганистане, рассказывали автору о боях в Пандшерском ущелье, где с обеих сторон ожесточенно воевали этнические таджики. Они отмечали верность советских таджиков своей Советской Родине и военной присяге. Американский исследователь «мусульманских батальонов» Дж. Хоу высоко оценивает советскую национальную политику, обеспечившую верность стране множества советских солдат, призванных из Центральной Азии и воевавших в Афганистане с моджахедами из числа таджиков, узбеков, туркмен. По мнению исследователя: «Это, возможно, говорит о силе «советской идентичности» и успехе советской национальной политики» [Zhou, 2012, p. 303].

В Казахстане после отстранения от руководства Ж. Шаяхметова республиканской парторганизацией руководили присланные из Москвы русские коммунисты, но они считались с местными кадрами и совместно могли заблокировать решения центральных властей, как в случае с хрущевскими проектами в отношении целинных областей. Д.А. Кунаев, как и его коллеги в союзных республиках, осторожно содействовал усилению влияния казахской части партийного и государственного аппарата, не вступая в конфликт с союзным Центром и используя личную дружбу с Л.И. Брежневым. В интервью поэту М. Шаханову бывший глава Казахстана признал заслуги Генерального секретаря ЦК КПСС в развитии республики: «Брежнев ничего не жалел для Казахстана. Давал

все, что просили». По свидетельству Кунаева, глава СССР постоянно уделял огромное внимание развитию Казахстана, и, «внес солидный вклад в подъем производительных сил республики» [Кунаев, 1994, с. 254-255].

Благодаря заступничеству Д.А. Кунаева и Л.И. Брежнева в 1976 г. избежал репрессий поэт О. Сулейменов за книгу «Аз и Я». Д.А. Кунаев сумел вывести из-под удара поэта, подвергнувшегося публичному остракизму со стороны секретаря ЦК КПСС по идеологии М.И. Суслова и видных русских ученых (Б.А. Рыбакова, Д.С. Лихачева) за «националистическую» книгу. Д.А. Кунаев вспоминает, что М.И. Суслов потребовал: «Разберитесь с книгой, автором и как следует накажите виновных! Чтоб неповадно было» [Кунаев, 1994, с. 266]. Умудренный опытом аппаратных игр казахстанский руководитель попросил Л.И. Брежнева прочитать книгу. Л.И. Брежнев решил, что в книге нет национализма и предложил разобрать вопрос с книгой в республике. Вскоре Д.А. Кунаев ввел поэта в состав ЦК Компартии Казахстана [Кунаев, 1994, с. 266-267].

С возвращением Д.А. Кунаева к руководству республикой органы госбезопасности зафиксировали рост «националистических проявлений» в среде казахской молодежи и интеллигенции. В одной из докладных записок Председателя КГБ при Совете Министров СССР В. Семичастного, направленной 3 декабря 1965 г. в ЦК КПСС обращалось внимание на рост национализма среди казахской молодежи. В докладной записке отмечалось, что наряду с обычными групповыми столкновениями имели место выражения открытого протеста против повсеместного насаждения русского языка и выдвижения на руководящие посты лиц некоренной национальности [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 29. Л.3].

Д.А. Кунаев и его окружение были в то же время осторожны. Они не вступали в конфликты с союзными инстанциями, в первую очередь с могущественным военно-промышленным комплексом, использовавшим атомные полигоны в Семипалатинской и Гурьевской областях, космический комплекс Байконур, ракетные полигоны в Западном и Восточном Казахстане. Практически все руководители союзных республик Центральной Азии опасались поднять перед союзным руководством проблему высыхающего Аральского моря.

Казахстанские руководители исправно выполняли распоряжения союзных властей по внедрению русского языка, закрывали казахские школы и газеты на казахском языке.

Осторожной и зависимой от генеральной линии власти была интеллигенция Центральной Азии, так и не потребовавшая от власти разобраться с конкретными виновниками репрессий в Казахстане. К этому времени уже были известны персоны высокопоставленных писателей и поэтов, предававших своих товарищей по перу на расправу. Эти деятели культуры и ветераны госбезопасности препятствовали в 1960-70-е годы публикации творческого наследия выдающихся казахских поэтов XX века Магжана Жумабаева, Ахмеда Байтурсынова, Шакарима и других репрессированных писателей, поэтов, историков. Национальная интеллигенция Центральной Азии, считает Э. Оллворд, не задала вопросов: «Кто убил Абдуллу Кадири?», «Кто умертвил Ахмеда Байтурсынова?», «Кто фактически ответственен за каждую потерянную жизнь?», довольствуясь списыванием вины за репрессии исключительно на Сталина [Allworth, 1990, p. 389]. Поездки писателей из национальных республик Центральной Азии в независимые постколониальные государства (Египет, Индия, Индонезия, Пакистан) убеждали их в правильности советской национальной политики.

В начале 1970-х годов беспощадной травле подвергся И. Есенберлин, написавший цикл романов «Кочевники» по истории казахского народа и обвиненный рядом писателей и секретарем ЦК Компартии Казахстана по идеологии С. Имашевым в национализме. Казахские писатели после гонений на М. Ауэзова долгое время избегали исторической тематики. И. Есенберлин писал свои произведения на волне интереса советских народов к собственной истории. 26 мая 1972 г. на собрании актива Союза писателей Казахской ССР с участием секретаря ЦК В. Месяца прозвучала жесткая критика в адрес И. Есенберлина со стороны С. Муканова и Г. Мусрепова. Сабит Муканов выступил с привычными обвинениями своего оппонента в национализме, замеченном им в книге о хане Кенесары, заявив Есенберлину: «Народ с упоением читает эту книгу. Немало граждан, особенно студенты, уже поднимают националистические лозунги.

Почему мы спокойно сидим и позволяем возвеличивать этих ханов? Есть ли сколько-нибудь объективная необходимость оживить именно этого мертвеца, который в свое время раскалывал, рассорил народы и которого осудила сама история. Эта книга усиливает националистические чувства у молодежи. Вы горный инженер. Вы лучше бы писали не на историческую, а на знакомую вам производственную тему. Для чего вам так необходимы ханы? Мое мнение – необходимо обновить руководство Союза писателей» [Тлегенов, 2012]. Д.А. Кунаев взял под защиту опального, но популярного писателя, выдвинутого в 1973 г. на соискание Государственной премии. Русский писатель И. Шухов опубликовал исторические романы оклеветанного И. Есенберлина в журнале «Простор».

Отсутствие национальных движений в Центральной Азии было связано с удовлетворенностью местным населением и элитными группами целями и результатами советской национальной политики. В Центральной Азии за годы советской власти был сформирован мощный слой интеллигенции. В 1959 г. общее количество представителей интеллигенции составляло в Казахской ССР 267,9 тыс. человек, в Узбекистане 210 тыс. человек, в Киргизской ССР - 59,9 тыс. человек, в Таджикистане – 52,3 тыс. человек, в Туркмении – 46,5 тыс. человек [Allworth, 1990, p. 394]. Этнические преференции при подготовке кадров с высшим образованием позволили осуществить успешную подготовку казахской массовой интеллигенции. В 1970-е гг. доля казахов превосходила долю русских в составе административной (288 и 269 человек на 10000 занятого населения соответственно) и массовой интеллигенции (762 и 540 человек соответственно), уступая в представительстве в рядах производственной (117 и 493 человека соответственно) и научной (44 и 71 человек соответственно) [Русские: этносоциологические очерки, 1992, с. 124]. Т. Раковска-Хармстоун указывает на тесную связь этнонациональных элит Центральной Азии с русскими, их значительную культурную ассимиляцию. В то же время она считает: «эта самая элита стала выразителем самосознания нации и ее интересов, содействуя проведению в своих республиках политики наибольшего благоприятствования

коренному населению» [Цит. по: Бырбаева, 2005, с. 232-233]. Д.А. Кунаев благодаря расширенному воспроизводству национальных кадров сумел полностью обеспечить успех этнизации аппарата учитывая интересы русских казахстанцев, выступавших в качестве давних и надежных партнеров.

В среде казахстанских русских, прежде всего в сельской местности, где была сконцентрирована основная часть казахского населения, сложились определенные модели поведения в казахской среде, предполагавшие толерантное отношение к особенностям культуры и ментальности казахов. Казахские русские и советская власть в эти годы терпимо относились к сохранению обычной традиционной религиозной практики казахов и проявлению донациональных форм идентичностей, рассматривая эти явления не как проявления политического протеста, а как показатель силы традиций [Olkott, 1983, p. 540]. Каких-либо предубеждений в повседневном общении не было, существовали лишь жесткие межэтнические «перегородки» в сфере брачно-семейных отношений, больше связанные с аграрным характером социальной структуры казахского этноса в эти годы.

М.Б. Олкотт в 1983 г. писала об исчезновении прошлого пасторального культурного порядка казахов, подвергшихся коренной модернизации. Олкотт на казахском примере показывает корректирующую роль возвращенных советским режимом этнонациональных элит, заставлявших союзный Центр отказываться от планов, идущих вразрез с официальной интернациональной идеологией. Современные казахи, пишет М.Б. Олкотт, «в колхозах и совхозах Казахстана в основном довольны слиянием прошлого и настоящего. Возможная угроза исходит от казаха, покинувшего аул и рассматривающего кочевое прошлое, как романтический период родной истории, обусловившей его самобытность. Этот казах является сформировавшимся и сознательным советским гражданином, являвшимся свидетелем борьбы казахского истеблишмента за определение себя как казахского советского гражданина, являющегося коммунистом, но одновременно остающегося казахом. Однако вызов Центру не является оппозицией. Это вызов людей, воспринявших официальную риторику как

заявления о намерениях и пытающихся заставить режим действовать согласно продекларированным целям советской национальной политики в ее первоначальном понимании» [Olkott, 1983, p. 544].

Русские национальные начала, используемые Сталиным и его преемниками, имели преимущественно культурное содержание. В этом варианте они были вполне приемлемы не только для национальных элит, использовавших возможности знания русского языка и русской культуры для проведения модернизации, но и для титульных наций союзных республик. Политический русский национализм был опасен для национальных элит союзных республик, так же как политические требования этнических меньшинств. Знание республиканскими партократическими элитами правил «подковерной» борьбы, личные связи с руководством страны и постоянное апеллирование к аутентичному интернационализму позволили блокировать выдвигаемые предложения о создании русской автономии на северо-востоке республики, с последующей «добровольной» передачей ее в состав РСФСР [Кислицын, 1969, с. 119-120; Бурмистрова, 1993, с. 116].

В первой половине 1960-х годов в Казахстане стал постепенно назревать «немецкий вопрос». Немцы составляли третий по численности этнос в республике. Основная часть немецкого населения оказалась в Казахстане в результате принудительных депортаций военных лет. После отмены в 1955 г. ограничений на передвижения в республику прибыли немцы с Урала и Западной Сибири, желавшие воссоединения с родственниками. Трудолюбие и умение налаживать контакты с представителями других народов способствовали динамичному развитию благосостояния немцев. Огромный вклад немцы вносили в развитие сельского хозяйства северных областей. Лучшие совхозы и колхозы Северного Казахстана, как правило, имели преимущественно или значительную долю немецких рабочих и служащих. Немецкие поселки отличались своей ухоженностью, требовательным отношением сельчан к порядку.

Появление немецкого национального движения в 1960-е годы было реакцией на нежелание союзного руководства возродить немецкую

государственность в Поволжье, в то время как другие «наказанные» титульные этносы, за исключением крымских татар, такую возможность получили. Активисты немецкого движения считали, что восстановление национальной государственности будет означать полную реабилитацию советских немцев и гарантирует защиту от дискриминации. В среде советских немцев были сильны страхи перед возможностью новых репрессий. В конце 1963 г., после того как на собрании немцев Алма-Аты прибывший московский чиновник обвинил немцев в оставлении Сибири и бегстве в «теплые края», распространились панические слухи о грядущей высылке немцев в Сибирь [Бауэр, Илларионова, 1995, с. 22].

В 1964 году в Москве побывали две делегации советских немцев, обратившиеся в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР с письмами, в которых обосновывалась необходимость воссоздания немецкой автономии на Волге. Обе делегации были приняты Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояном. В беседе с представителями инициативных групп Микоян признал естественным постановку вопроса о создании немецкой автономии, но, сославшись на заселенность Поволжья и недостаток рабочих рук на целине, отверг возможность положительного решения проблемы. Немецкую проблему пытались разрешить половинчатыми мерами, но главное требование немцев о восстановлении национальной автономии на Волге так и не было удовлетворено союзными властями, породив миграционные настроения. Немцы начинают обращаться к правительству ФРГ с просьбами о поддержке эмиграции.

В многочисленных публикациях тех лет Казахстан по праву назывался «лабораторией дружбы народов». В значительной степени взаимная межэтническая толерантность и доверие было основано на длительном партнерстве русских и казахов, на глубоком проникновении в общение русского языка и распространении двуязычия, на реальных культурных интерференциях. Лишь в брачно-семейных отношениях у казахов и у других мусульманских народов Центральной Азии существовали жесткие запреты на браки с представителями других народов. В перспективе отсутствие в советском обществе биологической, культурной и социальной форм расизма, процветавших

в странах западного блока до 1968 года, объективно могло способствовать открытию межэтнических «перегородок» по мере урбанизации и социальной модернизации, как это произошло с татарами.

В то же время в первое постсталинское десятилетие обозначились границы «политически дозволенного», пресечение которых союзными властями вызывало острую негативную реакцию казахской элиты и большинства казахов. Это касалось территориальных границ и государствообразующего статуса казахского народа. Разрыв с продекларированными и реализованными ранее принципами государственного устройства и ревизия статуса государствообразующего этноса для казахов были недопустимы. При этом казахи отчетливо представляли достижения в социокультурном и экономическом развитии своего народа, ставшие возможными благодаря покровительственной политике Советского государства, и были верны своему гражданскому долгу. Национальная элита, возвращенная в послевоенное время, десятилетиями закрывала глаза на сужение сферы применения родного языка, возникший культурный разрыв между городскими и сельскими казахами, ужасное существование казахов вблизи ядерных полигонов и ракетодромов, но готова была мобилизовать казахов в случае изменения административно-территориальных границ республики. Все эти факторы отчетливо проявились в последующий период, способствуя утрате социального доверия в обществе и распаду общности советских людей.

6.2 Кризис межэтнического доверия в казахстанском обществе (1978-1985 гг.)

В западной советологии в 1970-80-е годы этнополитические процессы в СССР анализировались через призму потенциального цивилизационного конфликта европейских и мусульманских народов, вероятность которого должна была повышаться по мере роста различия в социальном и демографическом развитии отдельных регионов страны, и, соответственно, неравномерным естественным приростом численности европейского и мусульманского населения. «Этноконфликтная» парадигма развития советского общества развивалась в ориенталистских исследованиях А. Беннингсена и в книге Э. Каррер д. Анкосс «Расколота империя», написанной в конце 1970-х годов. Французская исследовательница прогнозировала распад СССР, считая, что рано или поздно под ее этническим «основанием» - восточными славянами, должна взорваться демографическая «бомба». Усиленный прирост мусульманских групп населения, должен был, по мысли Э. Каррер д'Анкосс, привести к обострению конкуренции за ресурсы и наиболее престижные экономические сферы и вызвать мятежи в азиатских республиках. Подавлять восстание окраин представлялось проблематичным из-за увеличения доли мусульман в традиционном оплоте государственности - вооруженных силах и органах госбезопасности [См.: Каррер д. Анкосс, 1982].

3. Бжезинский прогнозировал усиление конфликтности в советском обществе из-за существования множества вертикальных и горизонтальных «конфликтных черт». По вертикали, указывал американский политолог, развиваются конфликтные и конкурентные отношения между русскими и титульными нациями, по горизонтали - между титульными нациями и нерусскими этническими меньшинствами или соседними титульными нациями,

проживающими на территории друг друга (например, армяне и азербайджанцы) [Цит. по: Сужиков, 1997, с. 35-36].

Основная часть западных советологических концепций в области национальных отношений в СССР была выстроена в соответствии с канонами европейской ориенталистики, с непременным противопоставлением модернового, рационального, гуманного и индивидуалистического Запада отсталому традиционалистскому Востоку. Э. Саид критиковал западную ориенталистику за создание теоретических моделей Востока на основе «классических» текстов ученых-ориенталистов, а не скрупулезном анализе «восточных реалий», за выдвижение догмата о неизменности, однородности Востока, его неспособности интеграции с западными сообществами, демонизацию Востока [Кошелева, 2004, с. 78; Саид, 2006, с. 477]. К сожалению, подобные обобщенные европоцентристские представления о центрально-азиатских республиках были воспроизведены в книге С.П. Полякова «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе» (1989).

Сейчас мы можем говорить о том, что распад Советского Союза был вызван другими причинами, в числе которых мы назовем готовность союзной партийной элиты сдать страну в обмен на контроль за общенародными ресурсами. Индикатором роста изоляционистских настроений в европейских республиках СССР стала поддержка положений о необходимости роспуска СССР, озвученных А.И. Солженициным 18 сентября 1990 г. статье «Как нам обустроить Россию». Нельзя не учитывать распространение в обществе стандартов общества потребления и стремление жить по «лекалам» западных стран, избавившись от «обузы» аграрно-зависимых перенаселенных закавказских и центрально-азиатских союзных республик.

Свою роль сыграли межэтнические конфликты, вызвавшие рост отчуждения по этническому признаку, обвинения со стороны интеллигенции в отношении либо Центра, либо союзных республик в бедности «своих» народов. З. Бжезинский с иронией писал: «Истина сурова: империя не может быть спасена, если его национальный гарнизон состоит из обнищавших великорусов» [Цит. по:

Бырбаева, 2005, с. 277]. На наш взгляд, для того, чтобы «национальный гарнизон» сдался, нужно было национальных «солдат империи» убедить в их собственной «бедности», что и было сделано в годы перестройки.

На наш взгляд, социально-демографические процессы оказали существенное влияние на этнополитические процессы в Центральной Азии и в Казахстане, но не в такой жесткой детерминистской зависимости, как это представляется сейчас. Центробежные тенденции в союзных республиках Центральной Азии были слабы, народы региона были удовлетворены социальной и национальной политикой Советского государства. Местные элиты нуждались в помощи союзных структур для модернизации трудоизбыточной аграрно-сырьевой экономики и преодоления экологических бедствий, порожденных деятельностью тех же союзных ведомств¹⁷. Но как раз с середины 1970-х годов союзный Центр сокращает размеры помощи среднеазиатским республикам, сделав упор на развитии Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Сырьевая направленность советского экспорта диктовала необходимость направления материальных ресурсов и привлечения рабочей силы на нефтегазовые месторождения Западной Сибири и Крайнего Севера. Союзный Центр отказался фактически помочь среднеазиатским республикам в вопросе направления на юг части стока сибирских рек.

В результате в развитии социальной структуры республик Центральной Азии возникли серьезные, но со временем преодолимые проблемы, связанные с неравномерностью модернизации и возникновением глубоких различий в социокультурном и демографическом развитии «европейской» и «мусульманской» части населения.

В Казахстане этническая дифференциация как главный показатель модернизации - урбанизации и социально-профессиональной стратификации четко обозначилась между казахской и русской частью населения. Казахстанские русские преобладали в промышленности, транспорте, связи, энергетике,

¹⁷ К числу таких антропогенных экологических проблем Казахстана следует отнести высыхание Аральского моря, приведшее к опустыниванию на огромной территории, ядерные полигоны в Семипалатинской области и в Западном Казахстане, полигоны бактериологического, ракетного оружия, космодром Байконур.

обслуживании информационно-вычислительной техники, банковско-кредитных учреждениях (см. табл. 1).

Таблица 1

Представительство отдельных национальностей по отраслям народного хозяйства (в %, на 1989 г.)

	казахи	Русские	украинцы	немцы	др.нац-сти
все отрасли	36,5	40,0	6,5	6,0	11,0
промышленность	22,3	52,5	6,8	6,2	12,2
сельское хоз-во	56,8	18,7	5,3	7,2	12,0
транспорт	28,3	46,3	7,7	6,0	11,7
Связь	26,9	45,7	7,1	6,3	14,0
строительство	24,7	48,8	7,2	5,8	13,5
торговля	31,1	40,9	6,2	5,6	16,2
жилкомхоз	25,8	48,7	7,1	6,2	12,2
здравоохранение	38,5	40,0	5,8	5,2	10,5
образование	42,4	36,3	5,6	5,8	9,9
культура	39,4	39,2	6,1	5,1	10,2
Наука	25,3	52,9	6,9	4,4	10,5
кредитование	39,2	40,7	6,0	5,0	9,1
управление	30,0	47,5	9,2	3,2	10,1
партийные органы	36,7	42,6	6,9	4,5	9,3

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. - Алма-Ата, 1992, с. 3-4.

Преобладание русских в индустриальном секторе было обусловлено миграцией индустриальных кадров в предшествующий период, когда из соседних

областей РСФСР на казахстанские промышленные стройки прибывали инженерно-технические работники и рабочие. По расчетам В.И. Переведенцева, в первой половине 1960-х годов на 100 человек выбывших из Казахстана, приходилось 158-170 прибывших сибиряков и уральцев в возрасте 16-30 лет, имевших высокий образовательный уровень [Переведенцев, 1966, с. 132].

Тогда же, в 1960-70-е годы, в Казахстане активно строились предприятия ВПК (ракетный завод в Петропавловске, биохимические предприятия в Степногорске, ядерные комбинаты Министерства среднего машиностроения в Усть-Каменогорске и Шевченко), в которых техперсонал также формировался за счет переезда специалистов из других республик. Завоз квалифицированных специалистов из европейской части страны был обусловлен тем, что Казахстан отставал в 1960-е годы от других республик в подготовке специалистов с высшим и средним специальным техническим образованием [Сужиков, Демаков, 1974, с. 140-141]. Сказывался и ведомственный подход союзных министерств, предпочитавших набор уже подготовленных кадров из центральных вузов страны вложениям в высшее техническое образование в Казахстане. Приезжие специалисты получали лучшую жилплощадь, высокую заработную плату и социальные льготы. Большая часть этих специалистов связало свою жизнь с Казахстаном. Республиканские власти также не могли регулировать кадровую политику могущественных предприятий военно-промышленного комплекса, космической отрасли, Минсредмаша и топливно-энергетического комплекса. По «остаточному» принципу республиканские министерства могли курировать подготовку педагогических кадров, работников здравоохранения, культуры и торговли.

К середине 1980-х годов в экономике обозначилось противоречие: при острой нехватке рабочих кадров в целом по республике, в ряде областей (Кзыл-Ординская, Чимкентская, Джамбульская и Мангышлакская) от 7 до 23 % трудоспособного населения не было занято постоянной трудовой деятельностью [РГАСПИ. Ф 17. Оп. 156. Д. 1668. Л. 20]. Причины появления скрытой безработицы были самые разнообразные – от непрестижности индустриального

труда до позиции союзных ведомств и военных, управлявших Байконуром и Семипалатинским полигоном, привозивших специалистов и рабочих из европейской части, или как в случае с нефтяными разработками Мангышлака – завоза инженеров и рабочих из Азербайджана и северокавказских республик. Подобная практика вела к конфликтам казахской молодежи с приезжими в Гурьевской и Мангышлакской областях. Столкновения с приезжими рабочими имели место в Тургайской области.

Целенаправленная подготовка рабочих кадров с 1979 по 1989 гг. несколько снизила долю русских в машиностроении и металлообработке – с 64,4 до 59,6 %, в других индустриальных секторах - с 59,6 до 52,5 % [Русские: этносоциологические очерки, 1992, с. 113]. За 1977-1987 гг. основная часть прироста рабочих кадров (76,1 %) формировалась за счет казахов [Совершенствование национальных отношений и интернациональное воспитание трудящихся, 1989, с. 134]. Но в целом, казахскую молодежь мало привлекала возможность получения индустриальных специальностей. С 1981 по 1987 гг. доля казахов поступивших в профессионально-технические училища снизилась с 39,9 до 14 % [Совершенствование национальных отношений и интернациональное воспитание трудящихся, 1989, с. 135]. В казахстанских городах казахская молодежь редко шла на работу на заводы машиностроения и энергетические комплексы, устраиваясь в правоохранительные органы, на объекты строительства и автотранспортные предприятия.

Казахское население было в основном занято в аграрном секторе, где была высокой доля малоквалифицированного труда. Среднее образование, полученное в сельской местности, не давало профессиональных навыков, поэтому молодые рабочие после прохождения службы в армии предпочитали оставаться в селе. Казахи при выборе профессионально-трудовой деятельности в основном ориентировались на неиндустриальные отрасли народного хозяйства [Шкаратан, 1987, с. 150]. На 1 июля 1987 г. доля казахов среди промышленных рабочих составляла 26 %, среди работников черной металлургии – 8,4 %, в машиностроении и металлообработке – 13,5 %, в угледобывающей отрасли – 9,3

%, энергетике – 18,9 % , цветной металлургии – 22,6 %, нефтеперерабатывающей промышленности - 24,4 % занятых работников [Шкаратан, 1987, с. 146; Совершенствование национальных отношений и интернациональное воспитание трудящихся, 1989, с. 134].

Наиболее активно урбанистическая миграция затронула казахов Северного Казахстана (интенсивность их миграций была на 8 % выше, чем у русских [Шкаратан, 1987, с. 150]. Однако размещенные здесь высокотехнологичные производства военно-промышленного комплекса и машиностроения предъявляли высокие требования к квалификации рабочих и инженеров, вследствие чего казахи, бывшие выходцами из сельской местности, пополняли кадры строительных рабочих и шоферов. По расчетам казахстанских ученых индексы участия казахов в промышленности были наименьшими в Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Семипалатинской, Целиноградской, Восточно-Казахстанской, Кустанайской и Тургайской областях. В южных, центральных и западных областях с конца 1960-х годов развивались сырьевые отрасли промышленности, связанные с добычей нефти, газа, угля, цветных металлов. Здесь была востребована малоквалифицированная рабочая сила. Среди шахтеров Караганды семилетнее образование имели 28,4 %, восьмилетнее – 26,4 % казахских рабочих. Тяжелый шахтерский труд не требовал постоянного совершенствования трудовых навыков и повышения квалификации. Доля казахских рабочих была достаточно высокой в Гурьевской, Уральской, Чимкентской, Талды-Курганской, Карагандинской и Кызыл-Ординской областях [Аженов, 1973, с. 73].

На наш взгляд, слабая включенность казахов в современное промышленное производство, требовавшее высокого уровня квалификации, самодисциплины и постоянной готовности к самообучению, было результатом не столько целенаправленной политики союзных ведомств, сколько низкой престижности индустриального труда. Более престижным и доходным для молодежи было поступление на работу в правоохранительные органы и во властные структуры. Этносоциологические исследования конца 1980-х гг. в Алма-Атинской области показали падение престижа образования среди сельской молодежи. А. Калыш

отмечает: «Довольно низким был образовательный уровень молодого поколения до 20 лет. Так, например, в этом возрасте не получили среднего образования 6,7% русской молодежи, 8,3% – уйгурской, 11,1%– казахской и 27,3% – турецкой. По всей видимости, данная тенденция является следствием общего падения престижа образования. По нашему мнению, если в начале 1980-х гг. говорили о некой социальной «девальвации» диплома об окончании технического вуза, то уже к концу 1980-х, как свидетельствуют материалы настоящего исследования, некоторая часть сельской молодежи уже не видит необходимости получения полного среднего образования, так как аттестат об окончании средней школы в условиях отсутствия должной стимуляции практически мало влияет на характер и содержание выполняемой работы и размер заработной платы» [Калыш, 2013, с. 23]. Советские ученые рекомендовали устранить подобные «перекосы» в структуре занятости в национальных республиках. Учитывая этнические предпочтения в выборе видов трудовой деятельности, Ю.В. Бромлей и О.И. Шкаратан предлагали размещать в национальных регионах производства, отвечающие «национально-трудовым навыкам» местных жителей [Бромлей, Шкаратан, 1983, с. 10].

В ходе «догоняющей» модели социальной модернизации титульные нации Центральной Азии успешно конкурировали в борьбе за наиболее «престижные» сферы трудовой деятельности, где главным «стратификатором» выступали местные партийные элиты, добившиеся к началу 1980-х годов невмешательства союзных властей в подготовку специалистов с высшим образованием, развитие местной культуры и искусства. Разрешенный де-факто культурный национализм создал систему преференций при поступлении в вузы и в кадровой политике. В 1970-е - первой половине 1980-х годов казахи сумели потеснить русских и этнические меньшинства в системе здравоохранения, народного образования, в кредитно-финансовых организациях, управленческом аппарате, в органах культуры и искусства. В здравоохранении и народном образовании русские и казахи были представлены в равной мере, в учреждениях культуры и искусства доминировали казахи.

В 1970-е годы участие казахов в составе административной интеллигенции составляло 288 человек на 10000 человек занятого населения, у русских соответственно 269 человек; в составе массовой интеллигенции - 762 и 640 человек соответственно. Казахи уступали русским в представительстве в рядах производственной (117 и 439 человек) и массовой интеллигенции [Русские: этносоциологические очерки, 1992, с. 124]. В конце 1980-х годов диспропорции в этническом участии в управлении и производстве стали более заметными: удельный вес казахов в составе административной интеллигенции был в два раза выше, чем русских, в 1,3 раза выше в составе педагогических кадров, в 1,4 раза выше в составе работников культуры и искусства.

Ключевую роль играла во всех республиках практика этнизации профессорско-преподавательского состава и студенчества. Укрепление материально-технического обеспечения вузов и кадрового состава преподавателей, подготовленных в центральных вузах, повысило престиж системы высшего образования. Казахская молодежь стремилась получить педагогическое и медицинское образование, русская молодежь преимущественно ориентировалась на получение инженерного образования. Значительная часть русской и русскоязычной молодежи обучалась в российских технических вузах соседних областей, возвращаясь затем на промышленные предприятия Казахстана. Наибольших успехов в получении высшего образования добились корейцы.

На фоне впечатляющего роста общеобразовательного уровня населения страны в казахстанских вузах в 1970-е - первой половине 1980-х годов процветал протекционизм по этническому, земляческому и клановому признакам. В первую очередь это коснулось вузов Алма-Аты и Чимкента. Это выразилось в росте диспропорций в составе казахстанского студенчества и лиц, получивших высшее образование.

В 1959 году соотношение общего числа студентов казахов и русских по республике было 1 к 1,15, в 1970 г. - 1,31 к 1, в 1989 г. - 1,77 к 1 [Современные этнические процессы в СССР, 1977, с. 343]. Значительно труднее стало получить

высшее образование представителям этнических меньшинств – немцам, туркам и уйгурам. Несомненно, казахская молодежь имела более благоприятные возможности для получения высшего образования. Лишь русские, татары и корейцы могли составить конкуренцию при поступлении в вузы.

В некоторых вузах южного региона в 1970-е годы расцвели кумовство и этнические предпочтения. В феврале 1986 г. были преданы гласности факты протекционизма по этническому и земляческому принципам: в КазГУ доля казахских студентов составляла 75,8 %, в институте народного хозяйства – 73,7 %, железнодорожном институте – 79 % [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Д. 1835. Л.117]. В престижные вузы Алма-Аты было трудно поступить не только представителям неказахского населения, но и самим казахам, не имевшим родственных связей. В середине 1980-х годов широко расцвел клановый протекционизм. По данным на 1987 год в КазГУ в родственных связях находилось 90 сотрудников, в политехническом институте – 46 сотрудников, в народнохозяйственном – 195 сотрудников и т.д. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668. Л. 37]. Клановый протекционизм был доведен до абсурда, например, на факультете журналистики КазГУ было немало преподавателей, не имевших к журналистике никакого отношения [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1671. Л. 400].

Семейно-родственные связи создавали широкие возможности для распространения коррупции. За период с 1980 по 1985 гг. в алма-атинских вузах за взятки было осуждено 78 человек. Аналогичная ситуация сложилась в вузах Караганды: на начало 1987 г. в кооперативном институте работало 54 родственника, в политехническом – 91 родственник, в медицинском – 120 человек [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Д. 1856. Л. 139]. Столь обширные родственные сети создавали возможности для приема на престижные специальности только близких родственников. Родственными связями в карагандинских вузах были опутаны не только казахи, но и представители этнических меньшинств.

Казахская молодежь из северных и западных областей вынуждена была получать образование в соседних регионах РСФСР. Но и при распределении квот на обучение в центральных вузах страны предпочтения отдавались алма-атинским

и чимкентским жителям. В 1981 году из 217 направлений на учебу в вузы Москвы и Ленинграда на две южные области было выделено 98 направлений, а на 9 северных областей только 23. Ситуация мало изменилась и в последующие годы: в 1982 г. из 316 мест по квоте Алма-Атинская и Чимкентская области получили 120 мест, в 1983 г. из 221 вакансий – 87, в 1984 г. из 370 направлений на учебу – 124, в 1985 г. из 205 студентов – 92. Зачастую студенты из южного региона исключались за академическую неуспеваемость [Казахстанская правда, 1987, с. 1].

Расцвет клановых отношений в Казахстане происходит в 1970-е годы под покровительством Д.А. Кунаева, особо опекавшего своего брата А.А. Кунаева, руководившего до апреля 1986 года АН Казахской ССР. В это же время происходит выдвижение на руководящие должности выходцев из Алма-Атинской и Чимкентской областей, имевших родственные связи с руководителями республики. Ш. Лемерсье-Келькеже указывала на наличие в национальных республиках сильных племенных структур и племенных лояльностей, сосуществовавших с советским и национальным самосознанием. Стойкость трайбализма французская исследовательница объясняет ограниченностью инструментария, которым без последствий можно было воспользоваться для уничтожения родовых структур. Трайбализм создавал закрытый для чужаков мир, дававший «лучшую защиту против бесчеловечного мира московских коммунистов, где каждый предаст другого... Местный коммунистический лидер меньше опасается измены со стороны своих сородичей, чем со стороны своих партийных товарищей» [Цит. по: Сужиков, 1997, с. 41]. Но, трайбализм, создавая атмосферу вседозволенности для лиц «включенных» в патрон-клиенталистские отношения и связи, подрывает социальное и межэтническое доверие в обществе.

В годы «застоя» формируются сильные группы влияния в номенклатуре из числа выходцев северных, южных и западных областей. В обыденном сознании эти региональные группы ассоциировались с прежними казахскими этнотерриториальными объединениями – жузами. Под доминирование той или

иной группировки подводилась соответствующая мифологема об историческом доминировании того или иного жуза или племенного объединения. Очарования этими мифами не избежали и казахские этнографы, обосновывавшие старшинство Старшего жуза над Центральным (или Среднему) и Младшим жузами, племени жалаиридов в Старшем жузе, аргынов в Центральном жузе, байулы в Младшем жузе, сведениями устных генеалогических преданий [См. например: Масанов, 1995, с. 47]. Ряд исследователей (С.Д. Асфендиаров, Н.Э. Масанов, А.П. Чулошников, В.П. Юдин) названия жузов трактовали как наличие генеалогической иерархии жузов и племен. Выдающийся казахстанский востоковед Ю.А. Зуев указывал на недопустимость отождествления названий жузов с их иерархией. По данным Ю.В. Зуева, казахские генеалогические предания отдают предпочтение Центральному жузу [Зуев, 1981, с. 65-66]. В этом жузе правили выдающиеся общеказахские ханы (Тауке, Аблай), опиравшиеся на самые многочисленные казахские племена аргынов и найманов.

На наш взгляд, жузовая проблематика во многом связана с активным «изобретением» интеллигенцией этнических традиций в союзных республиках Центральной Азии. В советской этнографии зачастую это рассматривалось как возрождение прежнего традиционализма. В реальности укрепление этнонациональных начал в социальной и политической жизни союзных республик и ослабление влияния идеологии интернационализма привело к созданию устойчивых границ между этническими коллективами за счет культивирования различий и формирования устойчивых признаков для «включений» и «исключений». Наиболее успешным «изобретением» этнонациональных традиций проходило в Узбекистане.

В историческом прошлом казахов жузовые отношения не играли сколь-нибудь значительной роли в силу существования общеказахской аристократии из числа чингизидов и мощи племенной знати. Собственно деление на жузы было связано с сохранением традиционной военно-политической организации тюрко-монгольских кочевников. Предполагаемые жузовые линии раскола этноса в значительной степени были связаны не с жузами, а с реальным размежеванием

народа по степени влияния соседних культурных традиций – среднеазиатской на юге, русской культурной традиции в северном регионе республики. Казахский аграрный юг имплементировал социальные практики соседних среднеазиатских народов, в результате чего и появилась жузовая проблема, ставшая основой для маркеров индивидуальных и групповых признаний «своими» или «чужими». В среде казахов северо-восточных районов распространялась современная городская культура и соответствующие модели поведения, отличавшие их не только от казахов южного региона, но и от переселенцев из Китая и Монголии, сохранивших культурный порядок кочевого общества. По данным О.Б. Наумовой, в сельской местности в Талды-Курганской области переселенцы из Китая считали, что местные казахи «стали русскими» [Наумова, 1992, с. 41- 42]. На наш взгляд, «изобретенная традиция» в виде жузовости оказалась ограниченно востребована новой казахской интеллигенцией, недавними выходцами из сельской местности, для повышения своего социального статуса.

Куда большее значение имел семейный и клановый nepoтизм, предполагавший солидарность на уровне микрогрупп, обеспечивающих безусловную поддержку только «своим» членам. В эти микрогруппы, наряду с ближними родственниками, входили русские и представители этнических меньшинств, в первую очередь корейцы. Опасность трайбализма заключалась в подрыве доверия между представителями отдельных национальностей и даже внутри одного этноса, провоцируя тем самым формирование политического этнонационализма этнических меньшинств, консолидировавшихся на основе мифов о единстве «происхождения».

На наш взгляд, терпимое отношение большинства казахстанских русских к возрождению донациональных форм идентичности было существенной уступкой казахам. В свою очередь казахи терпимо относились к незнанию и откровенному нежеланию изучать казахский язык русскими. В повседневном общении казахи не навязывали свой язык представителям других этносов.

Наряду с трайбализмом в национальных республиках происходит возрождение религиозных традиций, в предшествующий период «загнанных» в

сферу семейных отношений. Партийные деятели в мусульманских республиках уже не боялись участвовать в свадебных и похоронных церемониях, проводимых в соответствии с исламскими традициями. Союзное руководство и органы госбезопасности с неодобрением, но терпимо относились к возрождению клановых и религиозных форм солидарности. Трайбализм и религиозное возрождение не были так опасны как светский политический этнонационализм, и не угрожали существованию союзного государства. Война в Афганистане и участие советских мусульман в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС показали полную лояльность жителей национальных республик существующему политическому строю и Советскому государству.

Расширенное воспроизводство кадров массовой интеллигенции способствовало успеху этнизации управленческого аппарата. В лице массовой интеллигенции национальная бюрократия получила мощного союзника и ближайший резерв. Д.А. Кунаев был достаточно осторожен в проведении кадровой политики, постепенно добиваясь доминирования казахов в управлении. Дружба с Л.И. Брежневым выводила его действия из-под контроля ЦК КПСС и КГБ СССР, собиравшего материалы об этнических предпочтениях в кадровой политике в национальных республиках. В анонимном письме, пришедшем в 1983 году на имя Ю.В. Андропова, неизвестный автор жаловался на повсеместное засилье казахских кадров в сфере высшего образования и науки. Аноним подсчитал, что из 15 ректоров вызовов Алма-Аты только 3 были неказахской национальности, из 12 академиков - только 2. При присуждении Государственной премии Казахской ССР в 1982 году из 14 лауреатов 12 были казахами. Аноним сравнивал кадровую практику в Казахстане с действиями буржуазных «национал-уклонистов» в 1920-е годы. По его мнению: «мы живем в душной, уродливой обстановке местного казахского национализма, который расцвел в годы правления Кунаева» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 89. Д. 10. Л. 6].

Этнизация управленческого аппарата проводилась казахстанским руководством с учетом интересов русской части партийно-государственного аппарата. В отличие от соседних республик Средней Азии давние традиции

партнерства с казахами позволяли русским чувствовать себя уверенно, несмотря на доминирование казахских кадров. На начало 1986 года из 166 членов ЦК Компартии Казахстана казахов было 92 человека (54 %), из 18 первых секретарей обкомов партии было 11 казахов (61 %) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 158. Д. 1858. Л. 116]. Из трех тысяч председателей исполкомов всех уровней казахов было 1870 человек (61 %), русских - 612 человек (20,4 %), немцев – 135 человек (4,5 %) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1647. Л. 120]. Быстрыми темпами росла численность казахских коммунистов: за 15 лет, с 1966 по 1981 годы, участие казахов в республиканской партийной организации выросло с 32,8 % до 38,6 %, русских сократилось с 44,7 до 40,7 %, украинцев с 11,3 до 8,7 % [Компартия Казахстана в условиях развитого социализма, 1983, с. 47-48]. Русские в основном преобладали в руководстве промышленными предприятиями союзного значения.

Партнерские и паритетные отношения между казахами и русскими не распространялись на этнические меньшинства, проживавшие в республике. Им предоставлялась возможность ассимиляции или самоизоляции в замкнутых общинах. В открытой форме свое недовольство выражали немцы и уйгуры.

Из статистических материалов видна неудовлетворенность своим социальным статусом немцев Казахстана. С середины 1950-х годов открылся доступ к получению немецкой молодежью высшего педагогического образования. Немцы из-за различных негласных ограничений преимущественно получали педагогическое, аграрное и медицинское образование. С 1970 по 1979 годы численность немцев с высшим образованием выросла в два раза, со средним специальным образованием в три раза, но по-прежнему показатели немцев были в 2,5-3 раза ниже показателей уровня образованности всего населения республики [Рис, 1991, с. 14-15]. Немецкие родители предпочитали, чтобы их дети получали рабочие специальности. Позже, во время немецкой эмиграции в Германию, это облегчит интеграцию немцев в новое сообщество.

В 1970-е годы немецкое национальное движение переходит к продвижению идеи создания национальной автономии на самом высоком уровне. Немецкие

активисты были встревожены усиливающейся языковой и культурной ассимиляцией. По данным Всесоюзной переписи 1979 г. только 42,5 % немцев Казахстана назвали родным немецкий язык. В 1957 и 1960 гг. были приняты постановления ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР о введении преподавания немецкого языка в качестве родного в курс обязательных программ для немецких школ. С 1959 по 1965 гг. численность школьников, изучавших немецкий язык в качестве родного языка, выросла с 24,9 тыс. до 37,8 тыс. человек [Советские немцы: история и современность, 1990, с. 72].

В Алма-Ате с 1958 г. начинается радиовещание на немецком языке. В 1964 г. Карагандинское телевидение проводит ежемесячное телевещание на немецком языке. В январе 1966 г. выходит в свет газета «Фройндшафт» («Дружба») [Ефремова-Шершукова, 2009, с. 141]. В 1980 году при содействии казахской и русской интеллигенции в Темиртау был открыт Немецкий драматический театр. В Казахстане, считает Л.Э. Рис, в 1980-е годы «сложились очаги культуры советских немцев - единственный в стране немецкий драматический театр, редакция радиовещания и телевидения на немецком языке, газета, секция немецких писателей, получили развитие самостоятельные коллективы и фольклорные группы» [Рис, 1991, с. 22].

Несмотря на поддержку немецкой культуры и языка, в 1970-е годы снижается численность немецких школьников, обучающихся на родном языке. Если в 1968-69 учебном году в Джамбульской области насчитывалось 393 школьные группы, в которых обучалось немецкому языку 4,6 тыс. детей, то через год, в 1970-71 учебном году эти показатели снизились до 266 групп и 3,9 тыс. школьников. В Целиноградской области за этот же период количество групп с немецким языком обучения и школьников сократилось с 162 групп с 3,4 тыс. школьников до 96 групп с 2,1 тыс. школьников, в Кокчетавской области с 203 групп (3,7 тыс. учащихся) до 173 групп (3,0 тыс. учащихся). Всего по республике на немецком языке обучалось 36 тыс. школьников.

Скрытое недовольство немцев вызывали негласные ограничения при поступлении в вузы и поступлении на работу. В 1974-75 учебном году число

немецких студентов, обучавшихся в казахстанских вузах, составило 8600 человек (4,3 % от всего студенческого контингента), в 1984-85 учебном году численность немецких студентов сократилась до 8223 человек (2,9 %). За десятилетие, с 1974 по 1984 годы, представительство немецких студентов в КазГУ снизилось со 140 до 61 человек (с 1,9 до 0,5 %). В Карагандинском университете также произошло снижение доли немецких студентов с 5,2 % до 3,5 %, в то время как общая доля немецкого населения Карагандинской области составляла не менее 10 %. Аналогичная ситуация была и у российских немцев. По Омской области на 10000 человек занятого населения приходилось с высшим и неоконченным высшим образованием 98 человек, в то время как у немцев - 39 человек, по Алтайскому краю - 80 и 40 человек соответственно [История российских немцев документах (1763-1992 гг.), 1993, с. 205].

Существенно ниже был политический статус немцев, не относившихся к «избранным» титульным нациям. Это наиболее наглядно отражено в данных по участию немцев в партийно-государственных и советских органах. В 1975 году в Верховных Советах СССР и союзных республик 1,4 млн. эстонцев представляли 222 депутата, 1,4 млн. кыргызов – 200 депутатов, 2400 тыс. молдаван – 217 депутатов, а 2 млн. советских немцев – 16 депутатов, 1,1 млн. поляков – 26 депутатов [Итоги выборов и состав Верховных Советов союзных и автономных республик, 1975, с. 119].

Ограничения существовали и при карьерном росте немцев. В 1978 году по Казахстану из 193 секретарей райкомов и обкомов партии было только 8 немцев, в то время как 440 немцев были секретарями первичных парторганизаций. В ЦК Компартии Казахстана не было ни одного высокопоставленного представителя почти миллионного немецкого населения республики [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Ед. хр. 3 . Л.1]. Участие немцев в низовом партийном и советском аппарате было в то же время достаточным. В 1978 году в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана и обкомов партии было включено 500 немцев, в номенклатуру горкомов и райкомов - 3000 немцев. На уровне местных Советов было избрано 7000 немецких депутатов [История российских немцев в документах, 1993, с.192]. Из анализа

представительства в верхнем и низовом звеньях партийного и советского аппарата видно, что продвижение по карьерной лестнице наверх для немцев было затруднено. Среди немцев распространяется смена этнической принадлежности, что могло открыть более широкие возможности для карьерного роста. В 1994 году, во время проведения этносоциологического исследования Института этнологии и антропологии РАН, автор в областной администрации присутствовал при беседе работников отдела кадров областной администрации, терявшихся в ответе на вопрос о национальной принадлежности главы области В.К. Гартмана, записанного в паспорте русским, а в отделе кадров учтенного как немец.

Противоречия между официальной риторикой и дискриминационной практикой, опасения по поводу возможной ассимиляции послужили толчком к оживлению политической деятельности немецкого национального движения. С середины 1970-х годов органы госбезопасности все чаще сигнализируют о росте недовольства среди советских немцев нерешенностью вопроса о восстановлении автономии на Волге. Немецкие активисты ставят вопрос о миграции в Западную Германию. В информационной записке, направленной 12 июня 1975 г. КГБ СССР в ЦК КПСС, отмечалось: «группы немецких экстремистов, проживающих в Казахстане и в Молдавии, намерены инициировать среди граждан немецкой национальности, если их требования о выезде не будут положительно решены, групповые отказы от участия в выборах 15 июля 1975 г. в Верховные Советы союзных и автономных республик» [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 37. Ед. хр. 13 . Л.1]. Из текста письма видна осторожная позиция немецких активистов, не шедших, в отличие от крымских татар, на открытую конфронтацию с властью.

Тем не менее, на активистов национального движения была обрушена мощь органов госбезопасности. Агентура КГБ осуществляла слежку за организаторами сбора подписей под обращениями в различные международные организации с просьбами о содействии их выезду в ФРГ. 7 июня 1975 года на станции Джамбул был задержан гр-н Термер, направлявшийся в Москву с обращениями в ООН и канцлеру ФРГ, подписанными 6 тыс. немцев [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 37. Ед. хр. 13 . Л.1].

Проект создания немецкой автономии в Казахстане и крымско-татарской в Узбекистане появился по инициативе руководства КГБ СССР и проталкивался в высших эшелонах власти лично Председателем КГБ Ю.В. Андроповым. О заинтересованности могущественного шефа госбезопасности пишут в своих воспоминаниях Д.А. Кунаев и один из руководителей КГБ Ф.Д. Бобков. Не случайно именно Андропов в августе 1976 г. возглавил рабочую группу по созданию немецкой автономии в Казахстане. В рабочую комиссию помимо Ю.В. Андропов вошли секретари ЦК КПСС И.В. Капитонов и М.В. Зимянин, заместитель Председателя Совета Министров СССР З.Н. Нуриев, министр внутренних дел Н.А. Щелоков, Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе и заместитель председателя КГБ СССР В.М. Чебриков. Столь мощная группа должна была сломить вероятное сопротивление Д.А. Кунаева и заблокировать его влияние на Л.И. Брежнева.

В августе 1978 года рабочая группа рекомендовала создать Немецкую автономную область в составе Казахстана. Причины создания национальной государственности члены комиссии объясняли политической и экономической целесообразностью. Рабочая комиссия отдавала должное интернациональной политике казахстанского руководства, открывшего доступ для немцев в партийный и государственный аппарат и учитывавшего культурные потребности немецкого населения. Исходя из накопленного опыта, комиссия рекомендовала воссоздать немецкую государственность в Казахстане: «Полагаем, что в политическом плане такое решение имело бы позитивное значение, так как образование автономии способствовало бы более успешному осуществлению задач, вытекающих из постановлений ЦК о работе среди граждан немецкой национальности, отвечало бы естественному стремлению немецкого населения сохранить и развивать свои национальные особенности, а также окончательно устранило бы отрицательные последствия упразднения в 1941 году АССР немцев Поволжья. Оно явилось бы вместе с тем важным аргументом в борьбе с эмиграционными настроениями, националистическими и другими нездоровыми

проявлениями среди отдельной части советских немцев, а также с подрывной деятельностью идеологических центров Запада» [История российских немцев в документах, 1993, с. 190 - 192].

В Немецкую автономную область с центром в Ерментау планировалось включить пять районов Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской областей, площадью 46 тыс. квадратных километров, где проживало 202 тыс. человек, из них 30 тыс. немцев (15 % населения) [История российских немцев в документах, 1993, с. 190 - 192]. Руководителем областной партийной организации предполагалось назначить А.Брауна, вторым секретарем А. Шабатова, председателем облисполкома М. Сагдиева.

На этих землях исторически складывалась судьба казахского народа, находятся захоронения известных казахских батыров. На фронт из этих мест в 1941-1945 годах ушло значительное число местных жителей. Реализация проекта немецкой автономии неизбежно должна была столкнуть казахское и немецкое население.

В начале 1979 года руководители идеологических отделов ЦК Компартии Казахской ССР А. Плотников, С.Жандосов, М.Кабулбеков и М.И. Исиналиев были вызваны к секретарю ЦК по идеологии С. Имашеву, где их ждали московские представители: заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Н. Перун, заместитель Председателя КГБ СССР Ф. Бобков и заведующий отделом Президиума Верховного Совета СССР Д. Никитин. Московские представители пытались выяснить реакцию местного руководства на планы образования немецкой автономии [Исиналиев, 2007, с. 285].

Заведующий отделом культуры ЦК Компартии Казахской ССР М.И. Исиналиев, по его словам, выступил резко против создания немецкой государственности в Казахстане, упрекнув Москву в паллиативном решении немецкой проблемы: «созданием немецкой автономии в Казахстане мы все равно проблемы не решим, т.к. немецкие товарищи требуют политической реабилитации своего народа путем восстановления прежней АССР именно в России» [Исиналиев, 2007, с. 286]. Исиналиев отменил доводы об экономической и

политической целесообразности, заявив о недопустимости этого шага, так как создания национальной государственности могут потребовать другие народы: «Далее, в Казахстане нельзя создавать автономное образование по национальному признаку, т.к. республика многонациональная, ее территория - это своего рода общежитие для всех граждан, без национально-автономного деления, здесь не только при советской власти, но даже при колониальном царском режиме было только административное деление... порождение одной автономии создаст прецедент для других национальностей, которые будут требовать того же самого, и тогда республика будет напоминать лоскутное одеяло, разделенное по национальным квартирам» [Исиналиев, 2007, с. 287; Омаров, Какен, 1998, с. 41-42; Кыдыралина, 2009, с. 204]. Строптивый М.И. Исиналиев разъяснил, что он не против немцев, а против проекта создания автономии, так как: «Нельзя же интересы одних решать за счет других, исконно живущих на этой земле» [Исиналиев, 2007, с. 286]. Остальные руководители республики поддержали московскую инициативу.

31 мая 1979 года на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято постановление об образовании Немецкой автономной области на территории Казахстана и крымско-татарского автономного округа в Узбекистане. В постановлении ЦК КПСС объявлялось: «В целях создания необходимых условий для развития национальной культуры немецкого населения и улучшения идейно-воспитательной работы среди него, а также для лучшего развития экономики и освоения природных богатств районов, входящих в область, считать целесообразным образовать Немецкую автономную область в составе Казахской ССР с непосредственным подчинением ее республиканским органам» образования [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 3. Л. 1-3]. В постановлении ЦК КПСС были намечены планы по созданию управленческого аппарата и избранию пяти депутатов в Верховный Совет СССР от нового национально-государственного образования [РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 3. Л. 1-3].

В соответствии с принятым в Москве решением в ЦК Компартии Казахской ССР была сформирована организационная комиссия по подготовке образования

немецкой автономии под руководством второго секретаря ЦК Компартии республики А.Г. Коркина. 15 июня ЦК Компартии Казахской ССР передал в ЦК КПСС конкретные предложения о территориальном составе и границах автономии, а также о структуре и штатах ее партийных органов.

По свидетельству осведомленного Олжаса Сулейменова сам Д.А. Кунаев был не против создания немецкой автономии в Казахстане. Скрытое сопротивление оказало среднее звено партийно-государственного аппарата [Сулейменов, 1993, с. 44]. Об этом говорится и в отчетной записке направленных в Казахстан ответственных работников ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и КГБ в ЦК КПСС «О негативных проявлениях, имевших место в Целиноградской области» от 28 июня 1979 года. Авторы признали спонтанность выступлений, отметив негативное отношение к планам автономизации казахских коммунистов: «... среди части актива, особенно казахской национальности, наблюдается отрицательное или сдержанное отношение к образованию немецкой автономии. В разговорах с людьми некоторые руководящие работники уходят от ответов на вопросы, не дают правильного толкования, занимают пассивную позицию. Как выяснилось, многие руководители весьма смутно представляют сущность национальной автономии, ее политический и практический смысл. Так, отдельные товарищи в качестве аргументов против автономии выдвигают то обстоятельство, что ассимиляция немцев стала уже реальностью, что немецкое население приобщилось к казахской культуре и обычаям и слабо знает родной язык, имеет смешанные браки, а поэтому - автономия не нужна. Высказывались и такие суждения, что образование автономии повлечет за собой усиление автономистских настроений среди уйгурского населения» [История российских немцев в документах, 1993, с.196-197].

М.И. Исиналиев объяснял пассивность Д.А. Кунаева его знанием правил «подковерных» аппаратных игр: «Д.А. Кунаев, однажды выступил против хрущевской политики территориального раскроя Казахстана, уже снимался с поста первого секретаря ЦК. Д. Кунаев хорошо понимал, что, если еще раз его снимут за противодействие политике Кремля, то Казахстану во главе республики

долго не видать представителя коренной нации. Итак, за каких-либо первых десять лет с момента начала освоения целины здесь первым секретарем ЦК были П.К.Пономаренко, Л.И.Брежнев, И.Д.Яковлев, Н.И.Беляев, Д.А. Кунаев, И.Ю.Юсупов и еще раз Д.А. Кунаев. Одной из несомненных заслуг Димаша Ахметовича, как большого политика, является то, что в условиях частой смены московских правителей, волюнтаризме и неоимперской политике отдельных кремлевских вождей, он сумел сохранить территориальную целостность республики» [Исиналиев, 2003, с. 119]. О позиции Д.А. Кунаева пишет и Ф.Д. Бобков. По его словам, после июньских выступлений казахского населения Д.А. Кунаев обвинил руководство КГБ СССР в разжигании межнационального конфликта, заявив: «сами немцы не хотят автономии, но вы навязываете ее» [Бобков, 1995, с. 306].

Сразу же после известия о создании автономии для немцев в республике разворачивается антиавтономистское движение. Местные органы КГБ обнаруживают анонимные листовки на казахском и русском языках, содержащие призывы к выступлениям против планов создания немецкой автономии в Казахстане. 16 и 19 июня 1979 года прошли демонстрации казахского населения с участием представителей русской молодежи [Омаров, Какен, 1998, с. 54; Кыдыралина, 2009, с. 205-206]. Во главе демонстрантов выступили ветераны войны, что склонило симпатии русских солдат и офицеров, переброшенных в Целиноград милицейских батальонов, на сторону митингующих. Демонстранты выдвигали лозунги о неделимости Казахстана, единства советского народа и требовали отказаться от изменения территориальных границ союзных республик без проведения всеобщего референдума. Имели место избиения в студенческих общежитиях студентов немецкой национальности, демонстрация оскорбительных для советских немцев лозунгов «Не отдадим землю отцов фашистам», «Выслать всех немцев в Сибирь», «Отобрать у них дома и машины», «Восстановить спецкомендатуру» [История российских немцев в документах, 1993, с.196-197].

На спешно созванном 28 июня 1979 г. республиканском собрании идеологического актива секретарь по идеологии С. Имашев, оставив без внимания антинемецкие выступления, призвал улучшать интернационалистскую работу среди немецкого населения. Участники выступлений не преследовались органами госбезопасности, чего нельзя сказать об активистах немецкого национального движения. Некоторые немцы, заподозренные в участии в национальном движении, под различными предлогами снимались с работы. В городе Щучинск был отстранен с должности директора школы В.К. Граф, которому пытались приписать план создания военизированной организации немецкой молодежи.

Рост межэтнической напряженности вынудил союзные власти отказаться от проекта создания немецкой автономии в Казахстане. Того же желали сами казахстанские немцы, просившие рассмотреть возможность воссоздания немецкой автономии на Волге. Видный литератор Д. Госсман писал Сулову: «Мы... тоже против создания автономии на казахской земле, необоснованно высланные немцы еще раз просят с полной решимостью восстановить автономию на Волге» [Советские немцы: история и современность, 1990, с. 72]. Известный казахстанский литератор Г. Бельгер, спустя 30 лет после событий, в интервью радио «Свобода» поддержал казахское население, выступившее против создания автономии: «Я хорошо знаю настроение немцев того времени, когда хотели создать Немецкую автономную область в Казахстане. За этой акцией немцы не стояли. Многие из нас даже были против. Немцы хотели только одного: восстановления своей республики в Поволжье. Когда казахи поднялись против создания на своей территории Немецкой автономии – я лично это приветствовал. Почему? Потому что все казахстанские немцы были благодарны казахскому народу за теплый прием в труднейшие для нас годы. А встав на ноги, претендовать на землю казахов было бы неблагодарностью с нашей стороны. Эта затея родилась в голове Брежнева под давлением ГДР и ФРГ. И хорошо, что она провалилась» [Рыскожа, 2009]. А. Браун, выросший в казахской среде и назначенный в 1986 году первым секретарем Целиноградского обкома партии, заверил своих казахских коллег в нежелании немцев задевать интересы

казахского населения, так как «ни немцам, ни казахам, проживавшим в области, неведомо было и непонятно, почему вдруг на землях Ерментау, где с древних времен жили казахи, на земле батыра Богенбая, необходимо было создать немецкую автономию» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Ед. хр. 1647. Л. 66].

На наш взгляд, немецкая эмиграция была неизбежна не вследствие угрозы ассимиляции и неудовлетворенности культурных и социальных запросов двух миллионов советских немцев, а в силу заинтересованности Германии в притоке этнических немцев, сохранивших в России и СССР свою немецкую идентичность и высокую рабочую традицию. Угроза ассимиляции и игнорирование правительствами Бразилии и Аргентины культурных и социально-экономических запросов 12 млн. бразильских немцев и 3 млн. аргентинских немцев была значительно выше, чем в СССР [См.: Щеблыкина, 2008, с. 22-27], однако они оказались ненужными для Германии. Действительные причины немецкой миграции кроются в естественном стремлении немцев оказаться в одной из самых развитых стран мира, с прекрасным социальным обеспечением и демократическим порядком.

Провал планов создания немецкой автономии повлиял и на нежелание союзных властей рассматривать предложения о создании автономии для уйгуров. Уйгурские активисты рассматривали свой народ как автохтонов Семиречья, поселившихся в этом районе раньше казахов. Научный сотрудник Института уйгуроведения АН Казахской ССР М. Кибиров в своем исследовании «Уйгуры – автохтоны Семиречья» фактически обосновал историческое право уйгуров на создание своей национальной государственности. В сентябре 1977 г. М. Кибиров направил в ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахской ССР документы, объясняя необходимость создания уйгурской автономии тем, что: «... из-за отсутствия вузов с преподаванием на уйгурском языке, малочисленности органов печати и другим причинам представители уйгурского населения ограничены в своем интеллектуальном и творческом росте» [Кыдыралина, 2009, с. 194-195]. По воспоминаниям казахстанского литератора Г. Бельгера, публикации М. Кибирова послужили поводом к разбирательству претензий уйгуров в ЦК Компартии

Казахской ССР с участием представителей уйгурской интеллигенции. Казахские представители интеллигенции удивлялись претензиям уйгурских активистов, предки которых в XIX бежали из Западного Китая. Г. Бельгер, выросший в казахской среде и знающий казахскую ментальность, используя аргументацию Кибирова, предложил считать Семиречье исторической родиной немцев, потому что некогда средневековый немец описал окрестности Алма-Аты. Казахской столицей немецкий литератор предложил считать поселок Талгар, чем вызвал смех у казахов и разрядил ситуацию [Бельгер, 2013, с. 6]. В отличие от доброжелательных отношений немцев и казахов, снизивших «градус» межэтнической напряженности после неудачной попытки создания немецкой государственности, претензии уйгуров на автономию могли стать причиной более жесткого межэтнического противостояния и масштабных этнических мобилизаций, так как казахско-уйгурские отношения в Алма-Атинской области характеризуются и в настоящее время определенными противоречиями.

Отказ от проектов автономизации в Казахстане и Узбекистане депортированных народов означал крушение планов органов госбезопасности на обуздание этнических элит союзных титульных наций через давление на этнические элиты национальных меньшинств, ориентированных на Москву, как верховного гаранта и арбитра во взаимоотношениях с республиканскими властями. Очевидно, что союзное руководство и теоретики национальных отношений действовали в соответствии с идеологическими установками и схемами начала 1920-х годов, предполагавших развитие советских этнических наций только через создание национальной государственности. Возможности деэтнизации национально-государственного устройства СССР к началу 1980-х годов были исчерпаны, политическому руководству страны пришлось смириться с существованием «нормативного этнонационализма» в союзных республиках.

Из последовавших событий ясно, что союзное руководство не брало во внимание включенность значительной части русских в Казахстане и в других республиках в сложившиеся многообразные социальные и культурные связи с казахами и другими народами. Повседневные социальные практики

межэтнических отношений, начинавшиеся со школьной скамьи, продолжавшиеся во время службы в армии (известный в армейской жизни феномен землячества») и в трудовой деятельности нивелировали этнические границы и в значительной степени, индивидуализируя коллективное сознание, способствовали созданию атмосферы толерантности в обществе. Русские при условии сохранения этнокультурного статус-кво солидаризировались с оформившимися региональными идентичностями (казахстанцы) и не были готовы поддерживать державные проекты союзной элиты. Казахское население позитивно воспринимало широкое представительство русских в управленческом аппарате, распространение русского языка и культуры при соблюдении территориальной целостности Казахстана.

6.3 Ослабление общности советских народов и проблемы межэтнического доверия в Казахстане (1985-1991 гг.)

В первой половине 1980-х годов все больше проявляются тенденции, связанные с укреплением этнонациональных элит союзных республик. В закавказских и среднеазиатских республиках начинается отток русского и русскоязычного населения, не разделявшего претензии местных элит на первенство в политической сфере и этническое возрождение. Часть русских, украинцев, белорусов и представителей других народов европейского происхождения, чувствовавших отчуждение в смешанной этнокультурной среде, стремились выехать из ряда союзных республик. В 1970-80-е годы Казахстан превращается из реципиента в одного из основных доноров миграции в РСФСР. За период с 1970 по 1989 гг. отрицательное сальдо миграции Казахстана с соседними республиками составило 1360 тыс. чел., выехавших в основном в РСФСР. Основная часть выезжавших приходилась на южные области республики. Между 1979 и 1989 годами численность русских в Чимкентской области сократилась с 300 до 278 тыс. человек, украинцев с 34,8 до 33 тыс., немцев с 50 тыс. до 44,5 тыс. человек. Причины оттока европейских групп населения из этой области кроются в возрождении под влиянием соседних среднеазиатских культурных традиций донациональных форм сознания и архаичных социальных практик (неравноправие женщины, клановость).

Союзное руководство после кончины Л.И. Брежнева старалось контролировать внутренние дела союзных республик, инициируя кампании борьбы с коррупцией и nepотизмом. Примером является поддержанное Ю.В. Андроповым «узбекское дело», направленное против окружения узбекского руководителя Ш.Р. Рашидова, ранее бывшего недостижимым благодаря личной дружбе с Л.И. Брежневым. М.С. Горбачев организовал кампанию против Д.А. Кунаева, обвиненного в покровительстве своим сородичам из Старшего жуза

или как писал М.С. Горбачев «джуса», по воспоминаниям Л. Кравчука, интриговал против украинского «консерватора» В.В. Щербицкого, откровенно резко высказывавшегося против «перестройки». На отчетном докладе в ЦК КПУ украинский руководитель недоумевал во время выступления тогдашнего секретаря по идеологии Л. Кравчука: «Стоп, - говорит Щербицкий, - товарищ Кравчук, Вы мне скажите, пожалуйста, какой дурак придумал это слово «перестройка»?». У людей - шок. Не хочется ставить человека в неловкое положение, он же не знает, что, может, и не придумал, но сформулировал термин Горбачев. Щербицкий эмоционально продолжает: «Зачем перестраивать дом? Разве у нас что-то плохо в Советском Союзе? У нас все хорошо! Что перестраивать? Ты мне скажи, это ты придумал это слово?» [Одноколенко, 2011, с. 30-31]. В.И. Болдин объясняет интриги дорвавшегося к верховной власти в стране М.С. Горбачева против старых сподвижников Л.И. Брежнева его личной неприязнью и старыми обидами за невнимательное отношение в прошлом [Болдин, 1995, с. 230-232].

Избрание в марте 1985 года М.С. Горбачева на пост Генерального Секретаря ЦК КПСС сопровождалось по устоявшейся традиции обещаниями широких реформ, направленных на «ускорение социально-экономического развития страны». Новая политика, получившая через три года название «перестройка», была не результатом строго научного видения решения назревших проблем, а скорее воплощением субъективного подхода. Соответственно не просчитывались и негативные последствия тех или иных политических решений. После распада страны Горбачев отметит недооценку актуальности «национального вопроса» при реализации стратегии обновления страны [См.: Горбачев, 1992]. Помощник первого и последнего Президента СССР А.С. Черняев пишет о неудачных импровизациях своего шефа в национальной политике, его опоре на «старые приемы» и недооценке последствий односторонней поддержки тех или иных лоббистских групп [Черняев, 1997, с. 19]. А.С. Черняев подметил схожесть политической практики Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева, тяготевших к аппаратным интригам и кадровым перетасовкам. Н.С. Хрущев и М.С. Горбачев

пытались в разное время возродить социальный революционизм в обществе, отрицая реальные достижения прежних лет и подвергая уничтожающей критике деятельность предшествовавшего руководства. Последствия привели к утрате авторитета союзной власти, подрыву социального и межэтнического доверия в советском обществе.

М.С. Горбачев считал, что обострение межэтнических конфликтов в годы перестройки было результатом сталинской национальной политики: «мины межнациональных конфликтов были заложены десятилетия, а иногда и столетия назад. Мало сказать, что корни конфликтов уходят в прошлое, нужно признать и то, что некоторые из них возникли уже после Октябрьской революции. Национальная политика, проводившаяся большевиками на разных этапах, принесла и многие бесспорные достижения, и огромный ущерб. В этой сфере, как и в других, наследие большевизма было неоднозначным» [Горбачев, 1995, с. 495]. Жалуясь на «тяжелое наследство» в сфере межнациональных отношений, М.С. Горбачев привычно обвинил Сталина в их нерешенности: «При возникновении национальных споров и претензий Сталин рассматривал их как проявление антисоветчины, а посему не тратил время на разъяснения и увещевания. И все же с проблемой, скажем, Карабаха так и не смог справиться: она регулярно возникала каждые десять лет» [Горбачев, 1995, с. 494]. Тем самым он снял с себя и своего окружения ответственность за неспособность управлять огромной многонациональной страной.

В апреле 1985 г. проведение новой кадровой политики на основе межреспубликанской ротации партийных работников и смены прежних руководителей союзных республик, выдвинувшихся в результате борьбы с местным национализмом и клановыми группировками (Г.А. Алиев, В.В. Щербицкий), представлялось шагом «революционным». На практике давление «сверху» и «снизу» по рецепту Горбачева обернулось потерей управляемости страной.

В декабре 1986 г. смена на посту первого секретаря казахстанской партийной организации Д.А. Кунаева на Г.В. Колбина привела к выступлениям

казахской молодежи, безжалостно подавленной силами органов и войск МВД и КГБ. М.С. Горбачев позже вспоминал, что отстранение Д.А. Кунаева было связано с обострением борьбы внутри казахстанского партийного руководства и клановыми предпочтениями казахстанского руководителя при выдвижении кадров [Горбачев, 1995, с. 497]. На XVI съезде Компартии Казахстана в феврале 1986 года молодые казахские партийцы Н.А. Назарбаев, Е.Н. Ауельбеков и З.К. Камалиденов подвергли резкой критике методы управления республикой и аморальный nepотизм Д.А. Кунаева. Однако большинство делегатов съезда высоко оценили заслуги Д.А. Кунаева и проголосовали за переизбрание его первым секретарем ЦК Компартии Казахстана.

Критикуя «старые методы» управления, М.С. Горбачев не постеснялся организовать длительную травлю Д.А. Кунаева, В.В. Щербицкого, Г.А. Алиева, добиваясь их ухода на пенсию. М.С. Горбачев поддержал приезжавшие из республики делегации во главе со вторым секретарем О.С. Мирошкиным и потребовал от Д.А. Кунаева отставки. В ноябре 1986 г. Д.А. Кунаев согласился на отставку, поинтересовавшись у М.С. Горбачева по поводу кандидатуры будущего преемника. По свидетельству Д.А. Кунаева, М.С. Горбачев отказался ответить на его вопрос и грубо заявил: «Позвольте это решить нам самим» [Кунаев, 1994, с. 288].

11 декабря 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС без участия Д.А. Кунаева было принято решение об освобождении казахстанского лидера от работы в связи уходом на пенсию. Д.А. Кунаева сменил Г.В. Колбин. Г.А. Алиев единственный из членов Политбюро выразил свои сомнения в связи с назначением малоизвестного номенклатурного работника на руководство одной из крупнейших национальных союзных республик [Кунаев, 1994, с. 272]. Несомненно, декабрьские события 1986 года и кампания борьбы с «казахским национализмом» стали следствием стечения нескольких обстоятельств, в числе которых желание Политбюро и лично Горбачева «преподнести урок Казахстану, а заодно и другим» [Горбачев, 1995, с. 498], обиды Кунаева на своих прежних выдвиженцев и честолюбие последних.

Об алма-атинских событиях и выступлении казахской молодежи сказано и написано немало. Для нас представляет интерес развитие национально-политических процессов в Казахстане и проблемы межэтнического доверия. Оценки алма-атинских выступлений, данные союзными партийными инстанциями, как проявления казахского национализма, не выдерживают серьезной критики. Обвинения в национализме целого народа, всегда лояльного Советскому государству, вызвали горечь и обиду у значительной части казахского населения, узнавшего о событиях в Алма-Ате из средств массовой информации. Прессинг в отношении казахов со стороны партийных органов и органов госбезопасности, сопровождавшийся откровенной ложью и подстрекательством, вызвал недоверие русских по отношению к своим давним этническим партнерам. Крайняя жестокость, проявленная при разгоне демонстрантов со стороны милиции, дружинников, курсантов военных училищ и введенных в город пограничных войск, была результатом распространения среди солдат и сотрудников милиции органами КГБ слухов о якобы вырезанных детсадах с русскими детьми, забитых казахами солдатах и курсантах. Количество жертв могло многократно возрасти в случае ввода боевых частей Среднеазиатского военного округа, на чем настаивали упоминаемые Ф.Д. Бобковым «некоторые горячие головы».

Декабрьские события встревожили союзное руководство. На экстренно созванном январском Пленуме ЦК КПСС было принято Постановление «О работе в Казахской партийной организации и патриотическому воспитанию трудящихся». Главным направлением национальной политики был избран слом сложившейся системы преференций по этническому и родовому признакам в кадровой политике, введение национально-пропорционального представительства в партийно-государственном и советском аппарате. Г.В. Колбин специально заявил об отказе от «устаревшей» практики выдвижения руководящих работников по национальному признаку [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668. Л. 20-26]. Борьба с преобладанием казахов в руководстве подавалась как исправление «перегибов» и возвращение к подлинной ленинской национальной политике. О недоверии к

Г.В. Колбина к местным кадрам пишет один из выдающихся казахстанских руководителей того времени Е.Г. Ежиков-Бабаханов, специально приглашенный в республику в начале 1970-х гг. Д.А. Кунаевым. Е.Г. Ежиков-Бабаханов вспоминает: «Колбин пришел с явным настроением против Д.А. Кунаева, его выдвиженцев и республики в целом. Он, как и руководители в ЦК в Москве, считали, что Казахстан сидит на шее у Союза. И такого количества проверяющих, как при Колбине, никогда в республике не было. Но когда даже ему стало ясно, что Казахстан не дотируется, а напротив, республика – донор, тактика изменилась» [Ежиков-Бабаханов, 2012].

За короткий срок было проведено обновление высшего управленческого звена. Из состава ЦК Компартии Казахстана были выведены Д. Бекежанов, А. Аскар, Г. Аккозиев, Е. Кадырбаев, Г. Кисанов, А. Статенин и другие кунаевские сподвижники. В августе 1987 г. Г.В. Колбин с гордостью отмечал, что с февраля по август 1987 г. от занимаемых должностей освобождено 144 человека, ранее входивших в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана, из них 12 были исключены из партии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1669. Л. 15]. В соответствии с национальным составом населения республики был выровнен руководящий партийный аппарат. В конце 1987 г. из 32 членов Бюро ЦК Компартии Казахстана казахов было 13 человек (39%), из 156 членов ЦК Компартии Казахстана 65 человек по национальности были казахами, из 18 первых секретарей обкомов – 7 казахов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1666. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1672. Л. 15].

Повсеместно по республике проводились переаттестации и обновления характеристик в партийных, комсомольских, советских и профсоюзных органах, выливавшиеся в новые чистки и поиски «националистов». К первой половине 1988 года не прошли переаттестацию 21,8 % партийных и 34 % комсомольских работников. Из органов МВД было уволено 1200 сотрудников, в министерствах здравоохранения и транспорта работу потеряли 309 человек [Пономарев, 1993, с. 12-13]. Партийные органы и госбезопасность обратили внимание на то, что в Карагандинскую Высшую Школу милиции областные УВД направляли в

основном казахов: в 1985 году - 283 казаха (61 %), русских - 85 человек (19,5 %), в 1986 году - 291 казахов (55,3 %), русских 124 человека (24,5 %) [Пономарев, 1993, с. 269].

Особо пристальное внимание было обращено на алма-атинские, карагандинские и южно-казахстанские вузы, где получила широкое распространение коррупция и протекционизм. Инициаторами проверок в казахстанских вузах выступили газеты «Правда» и «Известия», опубликовавшие статьи, посвященные разоблачению клановых связей в вузовской системе. По результатам проверок потеряли свои должности 12 ректоров, включая ректора КазГУ У. Джолдасбекова и ректора Института народного хозяйства И. Мамырова. Министр высшего и среднего образования К. Нармбаев был переведен на рядовую преподавательскую работу. Всего в алма-атинских вузах было уволено 319 преподавателей и исключено 182 студента [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1671. Л. 260].

Декабрьское выступление казахской молодежи высветило проблему психологического разрыва между молодым поколением, рассматривавшим назначение стороннего человека на руководство национальной республикой как посягательство на идеалы и представления о подлинном интернационализме, и казахской партийно-комсомольской номенклатурой, вполне довольной своим положением и материальными привилегиями. Материалы по декабрьским событиям, собранные комиссией М. Шаханова, свидетельствуют об активном участии казахских партийцев и сотрудников госбезопасности в кампании травли и очернительства участников выступлений. Об этом же с горечью писал в 1996 г. бывший министр иностранных дел КазССР М.И. Исиналиев в своей статье «Этих дней не смолкнет слава!».

Жесткий прессинг на казахскую элиту, сопровождавшийся огульными обвинениями в национализме со стороны отдельных чиновников и работников КГБ, возрождал в республике атмосферу страха и взаимной подозрительности. В пылу обличительства заговорили даже о культе личности Д.А. Кунаева. В защиту бывшего казахстанского руководителя выступил лишь О. Сулейменов. В своем

ярком и эмоциональном выступлении на Пленуме ЦК Компартии Казахстана в январе 1988 года известный поэт сравнил гармонизацию межнациональных отношений с кропотливым трудом садовода по выращиванию цветника. Развивая далее этот образ о некоторых наиболее ярких борцах с казахским национализмом (М. Мендеубаев, С.М. Мукашев, З.К. Камалиденов, В. Мирошник), он заметил: «нередко на должность садовода назначаются лесорубы, выполняющие план по заготовке дров» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1667. Л. 22-23]. Открыто выступили с осуждением декабрьской расправы над молодежью поэт Ж. Молдагалиев, писатель С. Шаймерденов, академик С. Зиманов, комсомольский руководитель С. Абдрахманов и генерал милиции М. Калматаев. 24 декабря 1986 г. на встрече представителей казахстанских ученых с членом Политбюро ЦК КПСС М.С. Соломенцевым академики Г.Н. Щерба и Д.М. Сокольский заявили, что работают давно в Казахстане и не чувствовали со стороны казахских коллег проявлений национализма. Несколько позже, в июне 1988 г., к объективному расследованию декабрьской трагедии призвал министр иностранных дел Казахской ССР М.И. Исиналиев [Зиманов, 1997].

Алма-атинские выступления казахской молодежи имели еще одно последствие - отказ союзного руководства от попытки вновь воссоздать Целинный край, с последующим его выводом из состава Казахской ССР. В 1985 г. в Казахстане циркулировали слухи от готовящейся отставке Д.А. Кунаева и передаче целинных областей РСФСР. О проблеме целинных областей, якобы подаренных Н.С. Хрущевым Казахстану, обмолвился М.С. Горбачев в своих последних выступлениях на посту Президента СССР.

Опытный партийный функционер Г.В. Колбин, работавший на посту второго секретаря в Грузии, понимал опасность чрезмерного давления на титульную нацию, порождающую угрозу широкого межэтнического конфликта. Уже в марте 1987 года Г.В. Колбин заявил о недопустимости «навешивания ярлыка на весь казахский народ». Он обратил внимание на то, что «имеют место среди некоторой части русского населения проявления неводержанности, неуважения к людям коренной и других национальностей» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп.

156. Д. 1647. Л. 28]. По свидетельству известного российского востоковеда С.А. Панарина, Г.В. Колбин был действительно искренним интернационалистом, пытавшимся разобраться в сложной ситуации в республике и найти опору среди казахских партийцев. Н.Э. Масанов полагает, что Колбин к лету 1987 года переключился на лоббирование интересов казахской политической элиты, рассматривая свое пребывание в Казахстане как стартовую площадку для дальнейшего карьерного роста в Москве [Масанов, 1996, с. 51]. Г.В. Колбин решительно пресек претензии уйгуров на создание автономного образования. Была запрещена книга уйгурского историка из АН КазССР Кибирова «Уйгуры – автохтоны Семиречья», в которой доказывалась принадлежность земель юго-восточного Казахстана уйгурам [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1647. Л. 9]. С.З. Зиманов и М.И. Исиналиев полагают, что Г.В. Колбин, как послушный исполнитель воли М.С. Горбачева, мог пойти на создание автономных образований и поддержать сепаратистские настроения в среде неказахского населения [Зиманов, 1997].

Одним из методов искоренения этнических предпочтений стало введение процентных норм в подборе кадров и получении высшего образования. Документы областных архивов 1987-1989 гг. показывают, что процентная норма этнического представительства соблюдалась в партийных органах. Не обошлось без крайностей. В Карагандинском медицинском институте местными органами было рекомендовано, чтобы среди поступающих в него в 1987-1988 учебном году было не более 20% казахов вместо 50% студентов в предшествующие годы [Зиманов С.З., 1997]. Г.В. Колбин искал подходы и в среде казахской номенклатуры, выдвигая партийных чиновников из Западного Казахстана, исторически входившего в состав Младшего жуза.

Одновременно была сделана попытка переключить внимание общества с национальных на социальные проблемы. Под предлогом борьбы с неоправданными привилегиями в распоряжение Министерства здравоохранения Казахской ССР к августу 1987 г. передаются 247 малых гостиниц, 14 коттеджей, 414 гостевых квартир и 220 охотничьих домиков [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д.

1668. Л. 27]. По республиканскому телевидению Колбин обещал решить в республике жилищный и продовольственный вопросы путем сокращения обязательных поставок в союзные фонды, добиться строительства в Казахстане новых птицефабрик и автомобильного завода.

Значительные последствия имело обращение Колбина к языковой проблеме, а именно к резкому сокращению сферы применения и изучения казахского языка. Колбин на январском 1987 г. Пленуме ЦК Компартии Казахстана подверг резкой критике партийную организацию республики за игнорирование проблем казахского языка и указал на необходимость равноправия русского и казахского языков в официальном делопроизводстве. В обязательном порядке он потребовал от партийцев изучить и применять в общении казахский язык, пообещав от себя лично выступить на предстоящем XVII съезде Компартии Казахстана с отчетными докладами на казахском и русском языках [Казахстанская правда, 1987, с. 1]. Уже в марте 1987 г. мартовский Пленум ЦК Компартии Казахстана принял два постановления: «Об улучшении изучения казахского языка» и «Об улучшении изучения русского языка». На расширенном заседании Бюро ЦК Компартии Казахстана (6-9 марта), посвященном развитию межнациональных отношений, Колбин высказался за поддержку казахско-русского билингвизма с приданием равных статусов казахскому и русскому языкам [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1670. Л. 181].

Республиканское руководство наметило широкий круг мер в рамках программы улучшения изучения казахского языка. Внедрение казахского языка требовало проведения разъяснительной работы среди населения крупных городов, где преобладало русскоязычное население. Партийные и советские органы были обязаны обеспечивать синхронный перевод с казахского и русского языков во время проведения крупных общественно-массовых и культурных мероприятий, организовывать кружки и курсы для желающих изучать казахский язык. Решительные шаги были сделаны для подготовки изучения казахского языка в средней общеобразовательной школе. На основе полной добровольности вводились учебные часы по казахскому языку в детских дошкольных

учреждениях и в 1-8 классах средней школы. В педагогических институтах открывались специальности «казахский язык и литература», происходила переподготовка педагогических кадров. Академические структуры обязывались подготовить и издать казахско-русский словарь, краткий самоучитель, разговорники и учебники по казахскому языку [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1670. Л. 182-183].

Особое внимание республиканское руководство уделило удовлетворению культурных запросов третьего по численности народа – немцев. Это было связано с начавшейся массовой репатриацией немецкого населения. С 1976 по 1987 годы в республике было подано 79446 ходатайств на выезд в ФРГ, из них на 9803 заявления был дан положительный ответ. В наибольшей степени миграционные установки были распространены среди немцев Карагандинской, Джамбульской, Талды-Курганской, Чимкентской и Алма-Атинской областей. После вступления 1 января 1987 года в силу Постановления Совета Министров СССР о порядке выезда и въезда в СССР увеличивается число заявок на эмиграцию в ФРГ. Только за семь месяцев 1987 г. поступило 2562 заявки, из них 1736 были удовлетворены [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1677. Л. 47-48].

Остановить немецкий «исход» можно было лишь частично, восстановив немецкую автономию на Волге или уравнив социальные статусы немцев с казахами и русскими, удовлетворив их языковые и культурные запросы. Активисты немецкого национального движения зачастую сгущали краски в изображении бед своего народа. Композитор из Караганды И.П. Винголец в своей записке, направленной в сектор межнациональных отношений ЦК КП Казахстана, писал: «немцы - это современные жертвы, жертвы нерешенных проблем, низкого материального уровня жизни, застоя, неурядиц, отсутствия или гарантированности прав человека, элементарного порядка в обществе, национального унижения и ущемления» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 256].

Остановить массовый отток немецкого населения было весьма трудно из-за поддержки миграции западногерманским правительством, которое не интересовалось судьбой ассимилирующейся многомиллионной немецкой

диаспоры в Южной и Северной Америке, но будировало вопросы об утрате родного языка и культуры среди советских немцев, сохранивших европейские культурные ценности и высокую трудовую мотивацию.

Вопрос с воссозданием немецкой автономии мог быть решен только союзным Центром. Частично решить проблемы советских немцев в Казахстане можно было за счет увеличения их доли в управленческом аппарате и приняв неотложные меры по сохранению их родного языка и культуры. Однако многие немцы, ориентированные на выезд в одну из наиболее развитых стран мира с высоким уровнем социального обеспечения, не были заинтересованы в этом, игнорируя открывающиеся перспективы для реализации своих культурных потребностей в Советском Союзе, отказываясь от открывающихся возможностей в карьерном продвижении. Их позиция объясняется тем, что ФРГ не принимало мигрантов, ранее проработавших в партийных и советских органах, правоохранительной системе, мотивируя свое решение нежеланием интегрировать в свое сообщество лиц, участвовавших в поддержке «советского тоталитаризма».

25 июня 1987 года Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял Постановление «О состоянии изучения в республике немецкого языка как родного языка». Согласно намеченной программе, вводилось изучение немецкого языка как родного в дошкольных детских учреждениях. Весьма важным было увеличение числа учащихся в школах с немецким языком обучения, организация телевидения на немецком языке на республиканском телеканале «Алатау» и в областных телецентрах [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1672. Л. 47].

Намечались меры по возрождению культуры и языка национальных меньшинств республики, чему раньше не уделялось должного внимания. В 1970-80-е гг. неуклонно сокращалось обучение на родном языке национальных меньшинств республики. Польский язык как родной к 1989 году сохраняли 12,1 % поляков [Национальный состав населения СССР, 1991, с. 103]. Из 25 тыс. детей турецкой национальности на родном языке обучалось 300 школьников [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1672. Л. 47].

Новаторские и смелые шаги тогдашнего казахстанского руководства в значительной степени позволили снизить межэтническую напряженность, возникшую после декабрьских событий 1986 года. Оценивая новую языковую политику, Р. Рахметова в апреле 1990 г. писала: «Три года назад мы стали свидетелями оживления идеи национально-русского двуязычия. Постепенно стало расширяться обучение в школах на казахском, узбекском, уйгурском и таджикском языках; стали расти списки названий и тиражей национальной литературы; увеличивался набор студентов, получающих в вузах специальность преподавателей казахского языка и литературы, открывались языковые курсы и кружки» [Рахметова, 1990, с. 19].

Первые позитивные результаты были получены уже в первый год реализации языковой программы. В 1987-88 уч. г. в Казахстане функционировало 7900 школ, в которых обучалось 3917 тыс. детей. На казахском языке велись занятия в 2540 школах (908 тыс. школьников); на русском языке в 4179 школах (2009 тыс. школьников); на узбекском языке в 73 школах с 58 тыс. учеников; на уйгурском в 11 школах с 13 тыс. учеников и на таджикском языке в 9 школах с 2056 учениками. В республике функционировало также 1094 школы со смешанным обучением. Были созданы школьные группы по изучению родного языка: корейские – 11 групп с 191 учащимся, дунганские – 117 групп (3395 учеников), курдские – 16 групп (204 ученика), турецкие – 14 групп (184 ученика) и азербайджанские – 10 групп (134 ученика) [Сужиков, Сапаргалиев, 1989, с. 66-67]. Наибольшую активность в изучении родного языка проявили дунгане, длительное время блокировавшие вероятность этнической ассимиляции путем сохранения компактности проживания и заключения близкородственных браков.

Значительные усилия были приложены для возрождения родного языка немцев – третьей по численности этнической группе в Казахстане. В 1988 году немецкий язык в качестве родного языка изучался в 316 школах и 124 детских садах. В 1987-88 уч. Г. число немецких детей, обучавшихся на родном языке, увеличилось в Целиноградской области на 1814 человек, в Павлодарской области на 610 человек и в Джамбульской области на 381 человека. Подготовка

учительских кадров велась в Кокчетавском педагогическом институте и Саранском педагогическом училище Карагандинской области. Значительно вырос тираж печатной продукции. С 1986 по 1988 годы общий тираж книг на немецком языке вырос в три раза, с 39,2 тыс. до 130,4 тыс. единиц книжной продукции [Советские немцы, история и современность, 1989, с. 202].

В начале 1989 года стало ясно, что Колбин уедет на повышение в Москву. С его отъездом концепция равноправия казахского и русского языков была пересмотрена в ходе развернувшейся языковой реформы. М.Н. Губогло выделил 12 целей-функций, реализовывавшихся в процессе языковых реформ. Из них следует выделить функции индигенизации, т.е. создания условий для последовательного вытеснения и сокращения доли нетитульного населения; политизации – использование проблемы национальных языков как инструмент борьбы с союзным Центром и функцию мобилизации, предполагавшую инициирование политического этнонационализма [Губогло, 1993, с. 159-173].

Осторожно, но последовательно эти цели находили воплощение по мере ревизии первоначальной программы языковой политики в Казахстане. Известный филолог Г. Кайдаров объяснял корректировку прежнего курса необходимостью защиты казахского языка, утверждая: «постулирование статуса т.н. «государственного двуязычия» колбинского толка, где в его национально-русском и русско-национальном вариантах доминирует русский язык, и его приравнение с казахским языком, в той атмосфере, в которой мы живем и в силу действующей инерции сознания, не благоприятствует его полнокровному развитию» [Кайдаров, 1992, с. 3]. Известный социолингвист Б.Х. Хасанов, сделавший научную карьеру на разработке проблем русско-казахского билингвизма, в 1989 г. кардинально пересмотрел свои прежние установки в отношении русского языка, прикрываясь заботой о межнациональном согласии. Он писал: «Провозглашение русского языка государственным спровоцирует возможность подмены родного языка нерусских и может вызвать негативную реакцию со стороны нерусских, представляющих положение родного языка ущемленным, и тем самым обострить межнациональные отношения» [Хасанов, 1989, с. 20].

19 января 1989 года в ЦК Компартии Казахстана и Президиум Верховного Совета Казахской ССР коллектив Института языкознания АН Казахской ССР направил аналитический доклад «Лингвистическая ситуация в республике и вопросы языкового строительства», в котором поднимались вопросы с катастрофичным положением казахского языка, сокращением преподавания казахского языка в народном образовании. Сотрудники считали положение с казахским языком результатом «искусственной деформации ленинской национальной политики в республике, где вследствие миграционных процессов начали складываться неблагоприятные условия для его функционирования» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 252-253]. 26 января к критическому обсуждению прежней языковой политики присоединился коллектив Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Академии Наук Казахской ССР. Ссылаясь на опыт закавказских республик и Эстонии, сотрудники Института предложили:

«1. Казахский язык признается государственным языком республики и его статус закреплен в Конституции КССР.

2. Русский язык полностью сохраняет свои функции в качестве языка межнационального общения, необходимо в дальнейшем совершенствовать пропаганду его роли и значения.

3. Содействовать развитию других национальных языков.

4. Решение собрания и мнение коллектива доложить в соответствующие органы» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 252-254].

Активность казахской интеллигенции в вопросе сохранения казахского языка повлияла и на партийные инстанции. 2 августа 1989 г. Идеологический отдел ЦК Компартии Казахстана опубликовал проект «Концепции языковой политики», в которой недвусмысленно было указано на то, что казахи являются «этнической основой огромной республики». В соответствии с предлагаемым новым ранжированием народов республики предлагалось ввести разный уровень статусов языков: казахский язык провозглашался государственным, русский язык получал неопределенный статус языка межнационального общения, языки национальных меньшинств в районах их компактного проживания объявлялись

«региональными, местными» [Концепция языковой политики в Казахской ССР, 1989, с.1]. В предложенном проекте прослеживалось влияние прежних наработок казахстанских социолингвистов, в частности не фиксировалась жесткая ответственность чиновников за незнание государственного языка.

Многие неясности были устранены в опубликованном 22 августа 1989 г. Проекте Закона Казахской ССР «О языках в Казахской ССР», в срочном порядке принятом Верховным Советом Казахской ССР 22 сентября 1989 г. В соответствии с новым законом казахский язык был объявлен государственным языком, а русский язык получил статус языка межнационального общения. В п.1 Закона прямо декларировалось: «Казахская ССР осуществляет государственную защиту казахского языка и проявляет заботу о его активном употреблении в государственных органах и общественных организациях, учреждениях народного образования, культуры, науки, в сфере обслуживания, средствах массовой информации и др.». Закон вменял в прямую обязанность изучение государственного языка представителям управленческого аппарата, в местах компактного проживания этнических меньшинств обязательным было знание и их языков в «объеме, необходимом для осуществления служебных функций» [Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР», 1989, с. 1].

Языковое реформирование потребовало конкретной проработки и планирования мер по внедрению казахского языка. В июне 1990 года Центр изучения межнациональных отношений АН Казахской ССР предложил документ «Механизмы введения и реализации Закона о языках в Казахской ССР и пути внедрения государственного языка в жизнь». Авторы документа откровенно указывали на русскоязычную часть населения как главный фактор, препятствующий внедрению казахского языка: «Непреодолимой стеной на пути внедрения государственного языка стоит ряд тормозящих факторов, среди которых следует выделить большую долю русскоязычного населения, которая сложилась за счет представителей русской национальности, занимающей второе место в составе населения республики, и нерусской части населения, сменившей родной язык» [Хасанов, 1990, с. 5]. В качестве неотложных мероприятий

специалисты по межнациональным отношениям рекомендовали перевести все официальное делопроизводство на казахский язык, а в районах с преобладанием казахского населения или там, где оно составляет не менее половины населения, языком внутреннего делопроизводства должен был стать только казахский язык. За основу внедрения казахского языка брались четыре принципа:

1. планомерность и поэтапность введения казахского языка в служебное обращение;
2. планомерность и поэтапность введения казахского делопроизводства;
3. организация пропагандистской кампании;
4. повсеместное установление отчетности в каждом учреждении, организации и на предприятиях перед вышестоящими органами [Хасанов, 1990, с. 15].

Предложения ЦИМО АН Казахской ССР были учтены в принятой 28 июня 1990 года «Государственной программе развития казахского языка и других национальных языков до 2000 г.». В этом документе был намечен план и график перевода официального делопроизводства регионов на казахский язык. Предполагалось завершить переход на казахский язык делопроизводства к 1995 году [Государственная программа развития казахского языка..., 1990, с.1]. С учетом того, что в 1988 г. делопроизводство на казахском языке велось только в 748 (25 %) из 2995 исполкомов Советов разного уровня, график предполагал давление республиканской власти на местные органы. Реализовать в сроки намеченный график удалось бы в Кызыл-Ординской (90% делопроизводства велось на казахском языке), Чимкентской (70%), Джамбульской (60 %), Гурьевской (40 %) областях. В большинстве областей и в Алма-Ате, во всех республиканских министерствах и ведомствах делопроизводство велось исключительно на русском языке. Серьезным препятствием было также отсутствие достаточного числа квалифицированных специалистов, владеющих казахским языком, и соответствующей материально-технической базы [Назарбаев, 1989, с. 1; Сужиков, Сапаргалиев, 1989, с. 54-55].

В «Государственной программе» большое внимание было уделено народному образованию. Планировалось обязательное изучение казахского языка в дошкольных учреждениях, общеобразовательной школе, профессионально-технических училищах, средних специальных высших учебных заведениях. Повсеместно должны были открываться детские сады и школы с казахским языком обучения. С целью расширения сферы применения казахского языка организовывалось широкомасштабное телерадиовещание. Типографии и издательства обязывались при выпуске печатной продукции не менее 55-60 % от общих тиражей издавать на казахском языке. Всячески декларировалась поддержка языков национальных меньшинств и допускалась возможность введения сдачи вступительных экзаменов в вузы на родном языке для немцев, уйгур и дунган.

Для более успешного внедрения казахского языка и недопущения политизации языкового вопроса казахстанское партийное руководство создало в структуре областных органов комитеты по языкам и отдельные областные филиалы полуофициозного общества «Казак тили», руководителями которых назначались бывшие партфункционеры и ученые-филологи. Областные филиалы общества выступали в качестве «тарана», добиваясь внедрения государственного языка на местах.

Языковая реформа в Казахстане, как и в других союзных республиках, означала начало краха советского интернационалистского проекта, с 1930-х годов тесно связанного с политикой языковой унификации за счет распространения русского языка. Актуализация проблемы национальных языков создавала мощные ресурсы поддержки притязаний республиканских номенклатур на бесконтрольное властное доминирование и контроль над ресурсами народного хозяйства. Объективно в этом вопросе происходила смычка интересов партийной номенклатуры, ранее приложившей усилия к «угасанию» казахского языка, и национальной интеллигенции.

Языковая реформа расколола общественное мнение и нанесла сильный удар по сохранявшимся отношениям межэтнического доверия и солидаризма,

характерного для предшествующего периода. Уже летом 1989 г. в периодической печати северных областей появились критические замечания, носившие откровенно антиказахский характер. К публикации такого рода статей приложили руку местные органы госбезопасности и директора крупных военных заводов, напрямую подчинявшиеся Москве и игнорировавшие республиканские власти. Петропавловский литературовед и лидер местного демократического сообщества, позже один лидеров сибирских казаков, В.И. Любушин писал: «В угасании казахского языка виновата низкая культура населения, отсутствие духовных потребностей» [Любушин, 1989, с. 1]. Нелестные характеристики он дал казахской интеллигенции, обвинив ее в родовой спеси и местничестве. Аналогичные оскорбительные выпады в адрес казахов позволил себе петропавловский журналист Б. Супрунюк. Антиказахские филиппики в областных изданиях поддерживались русскоязычной частью местного партийного руководства, редакторов газет и органов госбезопасности. Они же поддерживали проект возрождения сибирского казачества, направленный на возможное отторжение северных областей Казахстана под предлогом восстановления исторической справедливости. В публикациях журналистов и в интервью казачьих атаманов ставилась под сомнение территориальная целостность республики [См., например: Феоктистов, 1992; Ленинское знамя, 25 ноября 1990].

Казачьи активисты апеллировали к союзным властям и к общесоюзному казачьему движению. Делегаты Большого круга казачьих войск направили в Верховный Совет Казахской ССР резолюцию и угрожали применением силы, обещая «наводить порядок по пресечению антирусской истерии и фактов геноцида по отношению к казачьему населению»¹⁸. Наибольшую активность проявляли активисты уральских казаков из Движения «Возрождение», пытавшиеся на антиказахских позициях объединить вокруг казаков немцев, корейцев и украинцев. Весной 1991 г. уральские казаки направили в Верховные Советы СССР, РСФСР и Казахской ССР ультимативное требование по поводу

¹⁸ Резолюция Большого круга казачьих войск // Текущий архив Землячества сибирских казаков Горькой линии

проведения «исключительно среди русского населения»¹⁹ референдума о выходе Уральской и Гурьевской областей из состава Казахстана [Обращение Большого круга Уральского казачьего войска..., 1990, с. 3]. Фактически казаки не смогли скрыть своей симпатии к реализации апартеидного проекта, демонстрируя откровенное недоверие и ксенофобию к казахам.

Подозрения казахского населения возросли после публикации 18 сентября 1990 года в «Литературной газете» и «Комсомольской правде» статьи А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения», в которой лауреат Нобелевской премии призывал к демонтажу СССР и пересмотру границ между союзными республиками. В отношении создания Казахстана в его настоящих границах Солженицын ставил под сомнение правильность политики Ленина и Сталина: «Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят - то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, - ещё немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну.... Да до 1936 года Казахстан ещё считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он - из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преображённых и восстроенных - русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всём раздутном Казахстане казахов - заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть - это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населённая преимущественно казахами» [Солженицын, 1990, с. 1]. После появления публикации на страницах ведущих газет страны, имеющих многомиллионные тиражи, стало ясно, что данная позиция писателя разделяется частью союзного руководства, давшего «добро» на ее издание.

Потенциально русская сецессия могла породить широкий межэтнический конфликт в Центральной Азии и в европейских республиках, прежде всего в

¹⁹ В 1989 г. казахи составляли в Уральской области более 60 % населения, в Гурьевской области более 72 %, что предопределяло результаты любого референдума.

Украине. Исследователь этнических конфликтов Д. Сироки выделил две формы сецессии:

1. конфликтную, основанную на жестком бескомпромиссном противопоставлении конфликтующих сторон (боснийцев, хорватов и сербов в бывшей Югославии, косоваров в составе Сербии, жителей Тимора в составе Индонезии, греков против Оттоманской империи, армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе, хутту и тутси в Африке);

2. относительно бесконфликтную (венгров в сербской Воеводине и словацком Комарно, русских и титульных этносов в Центральной Азии и в республиках Балтии) [Siroky, 2009, P. 18-19]. Отказ от конфликта был связан со многими причинами, в числе которых длительное совместное проживание и сложившиеся толерантные межэтнические отношения.

Впрочем, примеры с Югославией, сползшей в братоубийственную войну южных славян, внутритаджикская бойня и другие конфликты говорят о недостаточности этих условий. Исключительное значение в снижении порога противостояния имеет диалог элит, общая направленность усилий общественности по формированию гражданского национализма и демократического государства.

Немаловажным обстоятельством, способствовавшим предотвращению открытых межэтнических конфликтов, является типологическая схожесть казахского национального проекта с другими национальными гражданскими проектами, включая проект российского возрождения через роспуск СССР. Истоки этой схожести вытекают из общего советского прошлого и практики нациестроительства 1920-30-х годов, только вместо «государства наций» предполагалось создание государств-наций. В казахском проекте исключался вариант поддержки формирования религиозной солидарности и идентичности. В то же время в казахском проекте предусматривался отказ от демократической концепции «многосоставного» общества, в которой национальные меньшинства имели бы право блокирования принятия ущемляющих их интересы политических решений. Проводники казахского национального проекта отталкивались от того,

что республика является государственностью только казахской нации. Позже, в 1993 г., это положение будет закреплено конституционно и значительно осложнит межэтническую ситуацию.

Несмотря на умеренность языковой реформы в Казахстане, русское население требовало равноправия языков. В этом их поддерживали союзные власти. Известные ученые В.М. Солнцев и Ю.В. Михальченко предупреждали союзно-республиканские власти о негативных последствиях политизации языковой проблемы и форсирования тотального внедрения языковой титульных наций. В числе таких последствий они называли:

- 1) Игнорирование объективных потребностей языковой действительности;
- 2) Ущемление конституционных прав некоренного населения на применение родного языка;
- 3) Нереальность сроков внедрения государственных языков;
- 4) Отсутствие надлежащего материального обеспечения (учебной литературы, словарей, самоучителей);
- 5) Недостаточную подготовленность кадров [Солнцев, Михальченко, 1991, с. 8].

Этноязыковую политику социолингвисты советовали проводить через развитие наиболее перспективного в сфере межнационального общения национально-русского двуязычия [Солнцев В.М., Михальченко Ю.В., 1990, с. 55].

Под давлением союзного Центра 27 сентября 1990 года Совет Министров Казахской ССР издал Постановление, корректировавшее сроки внедрения государственного языка «с учетом конкретных социально-экономических условий и демографической ситуации». К программе дальнейшего внедрения казахского языка вернулись после провозглашения в декабре 1991 г. независимости Казахстана.

Май-июнь 1989 г. был «переломным» временем в этнополитической истории Казахстана. Отъезд в мае 1989 года Колбина в Москву совпал с началом победоносного «парада суверенитетов». Шумная антисталинистская и антисоветская кампания в центральных СМИ, внутренние конфликты внутри

союзного руководства отвлекли внимание общества от процесса обретения могущества этнических элит союзных республик. Новый поворот в национальной политике союзного руководства характеризовался отказом от попыток национальной эгалитаризации и возвращению к доперестроечной практике консенсуса с национальными элитами на новых условиях: свертыванием контроля Центра над экономическими ресурсами республик и невмешательством в кадровую политику в союзных республиках.

После отъезда Колбина исход жесткой борьбы за власть был предрешен объединением казахской партийной номенклатуры вокруг личности Н.А. Назарбаева. 22 июня 1989 г. Н.А. Назарбаев был избран первым секретарем казахстанской партийной организации, У. Карманов – Председателем Совета Министров Казахской ССР, а М. Сагдиев был избран Председателем Верховного Совета Казахской ССР. Последствия кадровой «революции» сказались на составе ЦК Компартии Казахстана, из состава которого из 16 членов было выведено 8, выехавших вслед за Колбиным в Москву²⁰.

Новому руководству пришлось решать многие вопросы, связанные с ухудшением социально-экономической ситуации и ростом межэтнической напряженности на фоне общего кризиса советской системы. В 1988 г. субвенции союзного Центра составляли 21,1 % от доходной части республиканского бюджета, в 1989 г. – 33,3 %, в 1990 г. – 31 % и в 1991 г. – 5,5 % [Республика Казахстан: магнит для зарубежных инвесторов, 1994, с. 20]. Сокращение дотирования из общесоюзных фондов ударило в первую очередь по крупным заводам Казахстана, являвшимся частью военно-промышленного комплекса и добывающей промышленности СССР. Нарастание социальных проблем привело к обострению межэтнических отношений.

Первый жесткий межэтнический конфликт в перестроечном Казахстане произошел в западноказахстанском Новом Узене, где 17-29 июня 1989 г. проходили стычки между казахской и северо-кавказской молодежью. Поводом

²⁰ К сентябрю 1989 г. из Казахстана в Москву выехали Г.В. Кочкин, М. Мендеубаев, В. Ануфриев, Ю. Казаченко, О. Смирнов, П. Петров, В.П. Демиденко и Е. Пузанов. На пенсию ушел З.К. Камалиденов, в Москву был переведен Е.Н. Ауельбеков.

для столкновений стала обычная драка, вылившаяся в общий погром выходцев с Кавказа. Действительные причины возникновения межэтнического конфликта крылись в глубоком социальном расслоении между приезжими и местными жителями, которых не брали на работу на нефтедобывающие предприятия союзного Миннефтепрома. От широкомасштабной этнической чистки чеченцев и ингушей спасли введенные части специального назначения, силами которых осуществлялось подавление беспорядков и соблюдение режима военного положения.

Потенциальная угроза конфликта между казахами и русскими существовала в крупных городах Северного и Восточного Казахстана. 21 сентября 1990 г. Центр изучения социально-политических и идеологических процессов Института социологии АН СССР по рекомендации Отдела национальных отношений ЦК КПСС направил секретарю ЦК КП Казахстана У.Д. Джанибекову аналитическую записку «Оценка вероятности обострения межнациональных отношений в г. Целинограде Казахской ССР». Этот документ был разработан на материалах социологического опроса, проведенного в июне 1990 года в Целинограде в рамках межрегионального комплексного исследования по проблемам оптимизации межнациональных отношений в СССР. Социологами был отмечен большой разрыв в доходах между бедной и более состоятельной частью казахской части горожан, что могло серьезно осложнить отношения казахов с другими этносами. Ученые предупреждали: «националистические лозунги, спекулирующие на низком материальном уровне части казахов, могут найти поддержку у коренного населения» [Кыдыралина, 2009, с. 260].

Учеными был отмечен рост тревожности по поводу грядущих столкновений среди казахстанских славян и немцев, подталкивающий их к выезду из республики. Причинами столкновений могут послужить взаимные претензии, считали социологи, отмечая: «Для настроений значительной части казахского населения г. Целинограда характерно чувство определенной национально-культурной ущемленности и ощущение пренебрежительного отношения со стороны славянских групп населения. 64 % опрошенных казахов часто

сталкиваются с неуважением к их языку, традициям и обычаям со стороны славянского населения, 31 % казахов - со слабым знанием или незнанием руководителями и представителями власти языка местного населения. При этом претензии этнических групп имели взаимный характер. 62 % казахов, 62 % русских и 43 % украинцев указали, что слышали неуважительные отзывы о своем народе и его культуре, а 52 %, 60 % и 54 % соответственно - о других народах, проживающих в республике» [Цит. по: Кыдыралина, 2009, с. 261]. Несмотря на критическую оценку прогнозов развития межэтнической ситуации в ЦК Компартии Казахстана, материалы и выводы социологического исследования 1989 г. бесценны для понимания протекавших этнополитических процессов в Казахстане накануне распада СССР. Фактически социологами был сделан в будущей столице Казахстана «срез» общественного мнения и вскрыты «болевые» точки в развитии межэтнических отношений, показана тревожность нетитульного населения по поводу своего будущего.

Вместе с тем, исследования казахстанских этнологов в Алма-Атинской области говорят о наличии мощного потенциала межэтнической толерантности в казахстанском обществе в данный период. В 1989 г. на вопрос «Как Вы считаете, важно ли знать культуру других народов, проживающих в Казахстане?» утвердительно ответили 79,4% опрошенных казахов, 77,5% уйгур, 75,2% турок, 63,4% русских и 55,0% немцев, проживавших в Энбекши-казахском районе Алматинской области. Отрицательный ответ среди указанных этносов дали соответственно 4,1% казахов, 5,6 % уйгур, 4,8% турок, 3,3% немцев и 12,6% русских респондентов. Остальные опрошенные сельчане придерживались мнения, что инонациональную культуру знать желательно, но не обязательно [Калыш, 2013, с. 25-26]. В последующем знание культуры и ментальности других народов позволило казахстанцам избежать распространения межэтнических конфликтов.

Большие надежды население Казахстана, как и абсолютное большинство советских граждан, возлагало на обновление в стране и нормализацию социально-экономической ситуации и межэтнических отношений. На Всесоюзном

референдуме о сохранении СССР (17 марта 1991 г.) абсолютное большинство голосовавших жителей республики (94,1 %) поддержали сохранение Союза ССР. Анализ этнополитических процессов в Казахстане в годы перестройки показывает, что разрушительность потенциала этнического национализма была преувеличена. Кризис национальных отношений действительно имел место, но на примере Казахстана можно говорить, что потенциал межэтнического согласия и гражданской лояльности был значительно выше и использовался казахстанским политическим руководством в 1990-е гг. для реинтеграции полиэтнического населения республики в новое казахстанское сообщество. В декабре 1991 г. СССР был распущен и народ Казахстана оказался в новой геополитической реальности. Дальнейшее развитие межэтнических отношений зависело не только от национальной политики казахстанского руководства, но и от степени сохранения в обществе отношений солидаризма и межэтнической толерантности.

Заключение

Д. Хоскинг в своей книге «История доверия» уподобил доверие коксовой пальме: растет медленно, падает молниеносно и неожиданно. История советской национальной политики представляет пример завоевания доверия национальных меньшинств бывшей Российской империи, рухнувшей в результате общего системного кризиса, одним из элементов которого был национальный вопрос. В изучении национальной политики в советской и современной историографии в странах СНГ национальный вопрос сводится к заимствованной концепции непрерывного сопротивления и угнетения народов. По нашему мнению, национальный вопрос в Казахстане был «продуктом» эпохи российской модернизации и активной переселенческой политики конца XIX – начала XX вв., приведших к обострению межэтнических конфликтов. Имперская власть не смогла решить проблему аграрного перенаселения в европейской части страны и перешла к поддержке широкомасштабной крестьянской колонизации и созданию широкого «пояса» русских крестьянских поселений в Степном крае и в Русском Туркестане. В политическом и социальном отношении переход к политике поощрения крестьянской колонизации и русификации Степного края и Туркестана привел к кризису традиционных форм кочевого, полуседлого и оседлого хозяйства автохтонных народов, разрушению прежних социальных ценностей и культурного порядка. Массовый приток переселенцев способствовал отчуждению коренных жителей к имперским политическим институтам и пришлому населению. Рост социальной депривации и падение моральных устоев кочевых общин непосредственно связывалось с русским господством и русским культурным влиянием. Наиболее отчетливо идею отторжения русского культурного и политического порядка и недоверия к переселенцам выразили поэты литературного течения «Зар Заман», воспевавшие былой «золотой век» истории казахов и мусульманский политический и культурный строй.

Таким образом, суть «национального вопроса» в дореволюционном Казахстане заключалась в правовом и политическом неравенстве «инородческого» населения, отчетливо проявлявшаяся в практике массовых изъятий родовых земель у кочевых общин. Обострение национального вопроса в Казахстане было связано со стремлением казахов сохранить в пользовании необходимые для выживания земли и ресурсы. Массовое восстание коренного населения 1916 г. в Центральной Азии было ответом на столыпинскую аграрную реформу и систематическое игнорирование его интересов со стороны имперской администрации.

Решение национального вопроса требовало введения юридических гарантий права собственности на земли кочевых меньшинств Российской империи, следовательно - юридического равноправия «инородцев» с русскими через создание политических институтов, специально занимающихся проблемами населения национальных окраин. Таким образом, речь должна была идти о социальной справедливости, что требовало комплексного подхода, а не сиюминутных мер. В практике действий имперской власти в национальных окраинах выявилось расхождение между стратегической целью, которой являлось «сближение» народов, и охранительными тенденциями национальной политики, направленными на русификацию окраин и дальнейшую культурную и социальную интеграцию.

Несмотря на усиление протестных настроений в целом в среде казахского населения в конце XIX - начале XX вв. более важным являлось налаживание партнерских отношений между казахами и русскими. Межэтническое партнерство стало основой для формирования групповых и индивидуальных установок на толерантность и доверие, что предполагало соблюдение определенных правил в повседневной жизни. Следует признать, что фундаментальной основой казахстанского общества является накопленный социальный капитал в виде отношений доверия и солидаризма, истоки которых уходят в дореволюционный период. Складывавшиеся с начала XX в. традиции партнерских отношений и в настоящее время блокируют вероятность

межэтнических конфликтов между казахами и русскими. Отсутствие такого опыта доверительного партнерства казахов с мусульманскими этническими меньшинствами привело на юге современного Казахстана к общинизации и нарастанию конфликтного потенциала. Накопленный еще в дореволюционный период социальный капитал партнерства стал основой формирования казахстанского общества в советский и постсоветский периоды.

Кризис номадизма как образа жизни представлял угрозу казахскому кочевому обществу. Наиболее остро проблему выживания своего народа воспринимали деятели казахского этнонационального движения, для которых главным являлось сохранение этнической идентичности казахов, основанной на кочевом образе жизни и традиционной культуре, и закрепление за казахами территории своего проживания. Казахское национальное движение было «продуктом» начавшейся европеизации и модернизации части казахского общества, находившейся в тесной связи с русским населением края. Казахская элита пыталась найти выход из кризиса, предлагая новые варианты солидарностей взамен родоплеменных связей. Алашевские деятели видели будущее в этнонациональной консолидации казахов и партнерстве с русским населением. Алашевские лидеры старались сохранить казахов от русификации по принципу «жить с русскими, не допуская слияния с русскими». Казахские «западники» отвергли исламизм и пантюркизм, способствуя повороту своего народа к современной им европейской цивилизации начала XX века, основанной на приоритетах нации и светского национального государства. В качестве устойчивых маркеров этнонациональной идентичности казахов были выбраны кочевой образ жизни, казахский литературный язык и ислам. Поражение казахского национального движения было обусловлено слабыми коммуникативными связями внутри кочевого общества, раздираемого социальными и родовыми конфликтами, разобщенностью этнического самосознания.

После крушения Российской империи и гражданской войны программные установки алашевцев были «перехвачены» победившими большевиками.

Советская политика нациестроительства объективно была направлена на формирование межэтнического доверия и доверия к новой власти. Большевики не преследовали цель поощрения национализма на окраинах, но их программа создания общества всеобъемлющей социальной справедливости вынуждала их пойти навстречу чаяниям национальных меньшинств. Ленин и Сталин подошли к национальной проблеме прагматично, используя этнические элиты для утверждения Советской власти. Большевики нуждались в «буржуазных националистах», представлявших европейски образованный слой казахского народа. Благодаря союзу с «националами» большевики смогли чутко реагировать на требования казахского населения и добиться нейтрализации антисоветского движения. Алашевцы в свою очередь пытались направить новую власть на путь решения наиболее злободневного земельного вопроса в интересах казахского населения и добиться прекращения крестьянского переселения, размывавшего численное преобладание казахов.

Следует отметить, что советская политика нациестроительства была вынужденным компромиссом со стороны победивших большевиков, пытавшихся адаптировать марксистскую антинациональную ортодоксию к реалиям восстанавливаемого полиэтнического государства. Ленинская версия интернационализма, предполагавшая помощь «отсталым» этническим меньшинствам бывшей империи в достижении уровня развития европейской части страны, политическое и правовое равенство граждан страны «поверх» этнических границ, впервые в мировой практике позволила на принципах доверия выстроить вертикальные и горизонтальные связи и интегрировать советское общество. Такая версия интернационализма оказалась наиболее приемлемой для участников национального движения «Алаш».

Национально-государственное строительство проводилось одновременно с ликвидацией негативных последствий колониальной политики царизма в земельном вопросе. Большевики впервые в мировой истории предоставили возможности для удовлетворения запросов народов страны за счет гарантирования им преференций. Национально-ориентированной части казахских

большевиков удалось благодаря поддержке союзных властей осуществить комплекс мероприятий, направленных на защиту коллективных интересов казахского населения – закрыть переселение в республику, добиться преференций в вопросах землеустройства.

В формировании политической формы казахской идентичности исключительное значение имела политика коренизации, включавшая практику позитивной дискриминации русского населения. Эта политика предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для преодоления отчуждения казахского населения к новой власти, привлечению казахов в государственное управление, модернизации социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. Наиболее болезненно политика нациестроительства ударила по русским, чувствовавшим себя ущемленными в создаваемых национальных республиках.

Казахские коммунисты подозревали центральные органы страны в возможности возвращения к имперской политике с вероятностью использования этнодемографического фактора для изменения территориальных границ. Однако сталинское руководство не отошло от соглашения между Центром и казахской элитой, существенно повысив статус Казахстана до союзной республики в 1936 году. Лишь Н.С. Хрущев на рубеже 1950-60-х годов попытался кардинально изменить статус и территориальные границы Казахстана.

Усиление централизаторских тенденций и переход к этнической нейтральности в национальной политике союзного Центра было обусловлено обострением межэтнических противоречий и конфликтом общесоюзных и республиканских интересов. В Казахстане это проявилось в закрытии республики для переселения и отстаивании частью казахских коммунистов интересов казахского народа.

Во второй половине 1920-х гг. союзный Центр постепенно лишает местные центры власти относительной самостоятельности в определении внутренней политики в республиках, продолжая одновременно политику социально-экономического и культурного развития союзных наций. В Казахстане «смена

вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф.И. Голощекина, являвшегося проводником линии Сталина в Казахстане. Отказ от процентной коренизации, снятие запрета на переселение из европейской части страны и пересмотр национально-ориентированной политики при землеустройстве столкнули Голощекина и его приверженцев, ориентированных на сталинский централизм, с национал-коммунистами. Разгром последних в конце 1920-х годов открыл дорогу на пути безудержных социальных экспериментов, направленных на модернизацию местного сообщества через оседание кочевого хозяйства, коллективизацию и развитие индустриального сектора экономики. Это обернулось гибелью миллионов людей и тотальным разрушением традиционного общества казахов. Н.Э. Масанов считал время сталинской модернизации концом казахского этноса номадов и началом современной казахской этнической нации.

Разгром этнических элит в конце 1930-х гг. не означал ревизии основных положений политики интернационализма в СССР. Советская национальная политика 1920-30-х гг. успешно решила национальный вопрос, каким он виделся в начале XX века, и обеспечила подлинное равноправие советских народов, сняв их социально-политическое и культурное отчуждение. Трагические последствия принудительной седентеризации и коллективизации были компенсированы повышением политического статуса Казахстана до уровня союзной республики и продолжением мощной ресурсной поддержки культурного развития казахского народа. Казахам было предложено активно содействовать политике «дружбы народов», основанной на советском патриотизме и признании ведущей роли русского народа. Верность казахов Советскому государству в годы войны была безусловной. Великая Отечественная война также способствовала интеграции казахов и местных русских на основе доверия. Этот потенциал солидаризма в Казахстане сохранялся вплоть до середины 1970-х гг.

Проявления «местного национализма» и «шовинизма» жестко пресекались партийными инстанциями и органами госбезопасности. Мнимая или действительная нелояльность к стране и «дружбе народов» были главными причинами «наказаний» отдельных народов в годы войны, сопровождавшиеся

исключениями их из числа наиболее привилегированных государствообразующих этносов.

Вторая половина 1950-х - первая половина 1980-х годов были временем становления могущества политической формы этничности в национальных республиках, неразрывно связанной с созданным историко-культурным нарративом. На эпоху «застоя» приходится расцвет политического этнонационализма в республиках, выразившийся в протекционистской системе подбора кадров и обеспечения доступа к высшему образованию. Обладавшему огромной властью Н.С. Хрущеву пришлось прибегнуть к чисткам в союзных республиках, удалив наиболее ярких приверженцев незыблемости территориальных границ и доминирующего статуса титульных наций. Сменивший его Л.И. Брежнев вернулся к практике сотрудничества с этническими партийными номенклатурами, передав им контроль над национальными республиками.

За время проведения советской национальной политики выявились два базовых условия сохранения межэтнической толерантности и доверия в казахстанском обществе. Для казахов главным было сохранение территориальных границ республики и государствообразующего статуса своей этнической нации. В этом случае казахи охотно принимали широкое распространение русского языка и культуры. Для русских казахстанцев основой их гражданской лояльности было сохранение и развитие русского языка и культуры. В процессе формирования современной казахстанской нации требуется учесть существование такого консенсуса.

Ревизия основ национальной политики в начале 1990-х гг. способствовала расколу казахстанского общества по этническому признаку и выезду миллионов людей за пределы республики. Лишь с середины 1990-х гг. вновь декларируется гражданский принцип построения государства и защита национальных меньшинств. В то же время история советской национальной политики представляет пример непреднамеренного со стороны союзных властей усиления этнонациональных факторов в общественной жизни. Опыт современных

демократий свидетельствует, что отказ от этнических приоритетов в пользу общегражданских является залогом сохранения социального доверия и солидаризации этнических коллективов.

Постепенный отказ от принципов советской национальной политики и интернационалистской идеологии серьезно подорвал складывавшийся десятилетиями консенсус между двумя крупнейшими народами Казахстана – русскими и казахами. Ситуация была усугублена экономическим коллапсом индустриального сектора в начале 1990-х гг. и кризисом идентичности, связанным с недоверием русских и русскоязычного населения к казахстанской государственности. Этносоциологическое исследование, проведенное зимой 1994 г. коллективом Института этнологии и антропологии РАН в четырех крупных и в четырех мелких казахстанских городах, еще на ранней стадии «русского исхода», показало, что более 1/3 русских казахстанцев было готово покинуть Казахстан, а еще 1/3 опрошенных отложило на время свой выбор. Лишь 40,2 % русских респондентов выбрали в декабре 1994 г. казахстанское гражданство, в то время как 93 % опрошенных казахов однозначно считали себя гражданами Казахстана. Значительная часть русских (49,9 %) считала СССР своей единственной исторической Родиной, в то время как у казахов эта доля была достаточно незначительной (13,6 %). Кризис отношений доверия в межэтнических отношениях в Казахстане 1990-е гг. способствовал массовому оттоку русскоязычного населения, общинизации этнических коллективов, доминированию авторитарных начал и узкогруппового протекционизма в политической жизни казахстанского общества.

Серьезным препятствием на пути к широкому межэтническому конфликту стали давние традиции толерантности и партнерства между народами, населяющими Казахстан. Казахофобия или русофобия не получили сколь-нибудь значительного распространения в Казахстане. В декабре 1994 г. большинство опрошенных казахов (69,6 %) согласились с тем, что русские оказали большую помощь в развитии другим народам и только незначительное меньшинство (4,3 %) считали влияние русских вредным.

Таким образом, истоки современной толерантности и согласия представителей разных национальностей быть казахстанцами уходят в советский период истории. Национальная политика большевиков, основанная на интернационализме, была революционным шагом на пути строительства нового общества и решения национального вопроса, сформировав фундаментальные основы межэтнического доверия. На наш взгляд, проблема социального доверия/недоверия в сфере межэтнических отношений в контексте национальной политики Советского государства была гораздо сложнее, чем представляется в современных политических дискурсах. В значительной степени это было связано с попыткой большевиков справедливо решить национальный вопрос и обрести доверие национальных окраин, восставших в годы мировой и гражданской войн против царизма. Следует признать, что именно Советская власть смогла разработать и провести широкий комплекс мер в области национальной политики, наиболее адекватно учитывавший социальные, экономические и культурные потребности крупных национальных меньшинств СССР. Народы страны стали полноправными субъектами правовых и политических отношений в стране. Резко повысился уровень их социального и культурного развития. Смелые и неординарные действия советских лидеров, поддержавших нациестроительство в республиках, позволили интегрировать народы страны на основе доверия к национальной политике, политическим институтам и к совместно проживающим этническим группам. Опыт советской национальной политики показывает, что волевым решением «сверху» консолидировать общества не получится. Признание казахстанской политической многосоставной нации представляет одно из средств преодоления межэтнического недоверия и социального отчуждения в современном Казахстане. Вместе с тем, необходим межэтнический консенсус в отношении языковой политики, перемены в системе высшего и среднего образования, открытости в проведении подбора управленческих кадров. Все это возможно в случае углубления демократизации политической системы Казахстана и усилении роли представительных органов и средств массовой организации в выработке национальной политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва.

Фонд 17. Центральный Комитет КПСС

Фонд 644. Постановления и распоряжения Государственного Комитета Обороны за 1941-1945 годы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Москва.

Фонд Р-1235. Всероссийские съезды Советов, ВЦИК РСФСР

Фонд Р-1318. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац РСФСР)

Фонд Р-6985. Комиссия ВЦИК РСФСР по вопросам оседания кочевого и полукочевого населения

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Москва.

Фонд 5. Аппарат ЦК КПСС. 1935–1991 гг.

Фонд 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы.

Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА).

Петропавловск.

Фонд 1189. Фонд обкома партии Северо-Казахстанской области

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- «Большевик»
- «Большевик Казахстана»
- «Жизнь национальностей»
- «ДАТ»
- «Известия»
- «Казахстанская правда»
- «Ленинское знамя»
- «Правда»
- «Революция и национальность»
- «Советская степь»

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абай.* Слова назидания. - Алма-Ата: Жалын, 1983. – 160 с.
- Абашии С.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. - М.: Алетейя, 2007. - 304 с.
- Абдилдабекова А.М.* Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 12 (150). История. - Вып. 31. - С. 138–144.
- Абдразаков Т.А.* Закономерности построения социалистической экономики в национальных районах СССР: На материалах Казахской ССР. - Алма-Ата: Наука, 1975. - 272 с.
- Абдрахманов Ю.* О восстании 1916 года // Коммунистическая мысль. – 1926. - № 1-2.
- Абжанов Х.* Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма. - Алматы: Наука, 1988. - 192 с.

Абжанов Х.М. Интеллигенция Казахстана: история, теория, современность. Научно-аналитический обзор. – Алматы: Ғылым, 1992. – 215 с.

Абжанов Х.М. Отечеству преданно служить. - Электронный ресурс: www.kazpravda.kz.

Абжанов Х.М. Формирование и судьбы казахской интеллигенции // Мысль. - 1993. - № 5. - С. 83-87.

Абилхасимов Б.А. Казахский литературный язык второй половины XIX века (на материале казахской печати). Диссертация доктора филологических наук. - Алма-Ата, 1983. – 377 с.

Абишев Г. Под знаменем Родины. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1967. - 212 с.

Абоян А.Ф. Деятельность КРАЙ КК-РКИ Казахстана в области партийного строительства и советизации государственного аппарата в 1926-33 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967. – 28 с.

Абрамова Ю.А. Внутриполитическая борьба в высшем партийном руководстве СССР летом 1953 года // Вестник МГИУ. Сер. «Гуманитарные науки». - М.: МГИУ, 2002. - № 2. - С. 163 - 172.

Абсаттаров Р.Б. Национальные процессы: особенности и проблемы. – Алма-Ата: Жилийн, 1995. – 245 с.

Абсеметов М.О. Сакен Сейфуллин – Председатель Совета Народных Комиссаров Казахстана (г. Оренбург, 1922-1924). - Астана: Рухпресс, 2006. – 416 с.

Абсеметова Ж. Большевистский режим в Казахстане: становление и укрепление (1920-1933). - Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 204 с.

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. – Минск: Полифакт. - Дружба народов, 1991. - 240 с.

Авторханов А. Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа». - Мюнхен: Свободный Кавказ, 1952. - 69 с.

Агдарбеков Т.А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920-1936 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1990. - 184 с.

Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). - Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. – 263 с.

Аженов М.С. Изменения социально-классовой структуры Казахстана в процессе коммунистического строительства. - Алма-Ата: Казахстан, 1973. – 153 с.

Айтенова Б.К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи. Дисс. канд. ист. наук. – Омск-2007. – 170 с. // URL: <http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-istoriografiya-kazakhstan-a-o-problemaxh-rossiiskoi-kolonizatsii-i-natsionalno-o> (дата обращения 23.04.2014).

Аккуллы С. Сталин охотился за Алиханом Букейханом с 1922 года // URL: <http://rus.azattyq.org> (дата обращения 22.05.2014).

Аккуллы Ж.С. Новые сведения о публицистике Алихана Букейханова // Букейханов А. Полное собрание сочинений. Составитель. Ж. С. Аккуллы. - Астана, 2009. Т.3. С. 40-56.

Аккуллы Ж.С. Основные периоды жизни и деятельности А.Н. Букейханова // Букейханов А. Полное собрание сочинений. Составитель. Ж.С. Аккуллы. - Астана, 2009. Т.1. С. 178-217.

Аккуллы Ж.С. Собиранье казахских земель» (Часть первая) // URL: <http://www.neweurasia.info> (дата обращения 22.05.2014).

Алаш - қозғалысы. Движение Алаш. - Алматы: Алаш. Т.1. 2004.

Алаш қозғалысы. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. - Астана: Ел-шежире. Т.3. Кн. 2. 2007. - 344 с.

Алаш қозғалысы. Движение Алаш. Сборник документов и материалов. - Астана: Ел-шежире. 2008. - 472 с.

Алаштың азаматына! // Букейханов А. Полное собрание сочинений. Составитель. Ж. Аккуллы. - Астана, 2011. Т. VI. С. 266-268.

Алексеева А.Ю. Концептуальные основы исследования феномена доверия: обзор основных подходов // Вестник НГУ. 2004. Т. 4. Вып. 1– С. 136-151.

Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР : новейший период. - М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. - 384 с.

Алексеевко М.А. История депортации немцев по документам Государственного архива Кустанайской области // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26–28 августа 2011 г. - М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 877-886.

Алексеевко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). - Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1981. – 109 с.

Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). - Усть-Каменогорск: ВГТУ, 1999. – 158 с.

Алекторов А.Е. Иностранцы в России. - СПб., 1906. - 148 с.

Алекторов А.Е. Очерк народного образования Тургайской области. Летопись 1744-1898 гг. Вып.2. - Оренбург, Типолитография П. Сачкова, 1900. - 123 с.

Алиев А. Великий Октябрь и революционизирование народов Бухары. - Ташкент: Госиздат УзССР, 1958. – 172 с.

Алиев И.И. Этнические репрессии. – М.: РадиоСофт, 2008. – 472 с.

Алиева С.У. Так это было: Национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы. В 3-х т. - М.: Инсан, 1993. - Т. 1. 337 с.; Т. 2. 336 с.; Т. 3. 352 с.

Алимбаева Б.Б. Политика российского правительства в отношении оренбургских казахов в XVIII-XIX веках. Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Оренбург, 2008. – 28 с.

Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Крафт, Институт Востоковедения РАН, 2000. – 224 с.

Алтынсарин И. Собрание сочинений в трех томах. – Алма-Ата, 1975-1978.

Альжанпарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века: трансформация и крушение (по материалам Центрального Казахстана). Автореф. дисс. канд ист. наук. - Алматы, 2009. – 30 с.

Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. – М.: ИЦ Россия молодая, 1994. – 216 с.

Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. - Алматы: Таймас, 2009. – 412 с.

Амантаев Б.А. Социализм и коренное преобразование социальной природы Казахского крестьянства: опыт историко-социологического исследования – Алма-Ата: Изд-во Наука Казахской ССР, 1969. – 450 с.

Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2005. - 151с.

Анастасьев Н.А. Мухтар Ауэзов. Трагедия триумфатора. - М.: Молодая гвардия, 2006. – 449 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.

Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // Русская мысль. – М.: Типо-лит. И.Н.Кушнерев и К, 1902. – № 5. – С. 50 – 73.

Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья XVI – I половина XIX вв. – М.: Наука, 1976. – 370 с.

Арапов Д.Ю., Котюкова Т.В. Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском движении начала XX века // Вестник Института Кеннана в России. - Вып. 6. - М., 2004. - С. 57-71.

Арапханова Л.Я. Спецпереселенцы. История массовых репрессий и депортация ингушей в XX веке. - М.: Андалус, 2004. - 320 с.

Аргынбаев Х.А. Прогрессивные изменения в хозяйстве казахов под влиянием русских переселенцев в период со 2-ой половины XIX и до начала XX вв. // Аргынбаев Х. А. Историко-культурные связи русского и казахского народов. – Астана: Алтын кітап, 2007. - 242 с.

Армстронг Д. Украинский национализм. Факты и исследования. Пер. с англ. П.В. Бехтина. – М.: Центрполиграф, 2008. – 368 с.

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. Пер. с англ. Т.В. Менская. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.

Артемов А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. – М.: Мысль, 1975. – 199 с.

Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – Казань: Безбожник, 1931. – 138 с.

Асанов К. Сказ о закованном тигре. Национальный герой казахского народа Жумабек Ахметович Ташенев. - Алматы: Уш киян. // URL: [http:// www.zonakz.net](http://www.zonakz.net) (дата обращения 12.02.2013).

Асфендияров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. – Алма-Ата-Москва: Казахстанское Краевое Издательство, 1936. - 150 с.

Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917-1970 гг). - Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1973. - 329 с.

Ахметов Т. Анатомия молчания: документальная повесть // Простор. - 2007. - № 2. - С. 62-81.

Баберовски Й. Красный террор. – М.: РОССПЭН, 2007. – 278 с.

Базанова Н.Ф. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР. Национальный аспект. - Алма-Ата: Казахстан, 1987. -190 с.

Байтұрсынов А. Ақ жол. – Алматы: Жалын, 1991. - 464 б.

Баишев С.Б. Вопросы социально-экономического развития Советского Казахстана. - Алма-Ата: Казахстан, 1981. - 296 с.

Баишев С.Б. Победа социализма в Казахстане: очерки по теории и истории вопроса. – Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1961. - 326 с.

Баишев С.Б. Социально-экономическое развитие Советского Казахстана. - Алма-Ата: Казахстан, 1981. - 294 с.

Башиев С.Б. Социально-экономическое развитие Советского Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1979. - 372 с.

Башиев С.Б. Торжество ленинских идей в Казахстане. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1960. – 110 с.

Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1887. – 60 с.

Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в малой киргизской орде силу закона // Материалы по обычному праву казахов. - Павлодар, 2007. – С. 9-142.

Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. - 1757 г. н.э.). – СПб: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. - 488 с.

Бауэр В., Илларионова Т. Российские немцы: право на надежду. К истории национального движения народа (1955-1993). - М.: Республика, 1995. – 457 с.

Бейсембиев К., Елкеев Б. Из истории борьбы за укрепление Советской власти в Казахстане (на каз.яз.) // Вопросы истории. Вып. 7. 1975. – С. 27-36.

Бейсембиев К.Б. Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX - начале XX вв. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. – 379 с.

Бейсембиев К.Б. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана: дореволюционный период. – Алма-Ата: Изд-во Казахстан, 1978. – 428 с.

Бейсембиев К.Б. Победа марксистско-ленинской идеологии в Казахстане. - Алма-Ата: Казахстан, 1970. – 384 с.

Бейсембиев Т.К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Тюркологический сборник. – М.: Восточная литература. 2007. - С. 77-94.

Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. 60-е годы XIX в.-1917 г. - М.: Наука, 1986. – 242 с.

Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. – Алматы: Тарих тағылымы, 2008. – 156 с.

Белан П.С. Казахстанцы в битве на Волге. - Алма-Ата: Гылым, 1990. - 270 с.

Белан П.С. Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии. 1941-1945 гг. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.

Белан П.С. Казахстанцы в боях за Сталинград. – Алма-Ата: Наука, 1973. – 244 с.

Белан П.С. На всех фронтах: Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - Алматы:Гылым, 1995. - 336 с.

Белан П.С. Участие казахстанцев в завершающих сражениях Великой Отечественной войны (январь-май 1945 года). – Алма-Ата: Наука, 1979. – 191 с.

Бельгер Г. Казахи тоже могут претендовать на российскую землю // ДАТ. – 4 октября 2013.

Бельгер Г. Плетенье чепухи // ДАТ. 12 февраля 2015. – С. 4-5.

Беляков В. Коренизация государственного аппарата в Казахстане и профессиональные союзы. - Кзыл-Орда: Казгосиздат, 1927. – 35 с.

Биндер М.А. Великая сталинская конституция – Конституция миролюбивого государства // Вестник АН КазССР. - 1951. - № 12(81). - С. 3–12.

Биркенгоф А.Л. Потомки землепроходцев. – М.: Мысль, 1972. – 222 с.

Благовещенский Г. Экономическое развитие Туркестана // Немецкие исследователи в Казахстане. Ч.1. – Алматы: Санат, 2006. - С. 241-282.

Бобков Ф.Д. КГБ и власть. – М.: Ветеран МП, 1995. – 381 с.

Болпонова А.Б. К.Тыныстанов – ученый и государственный деятель Кыргызстана. – Каракол: ИГУ, 2011. -178 с.

Болдин В.И. Крушение пьедестала. – М: Республика, 1995. – 447 с.

Болтенкова Л.Ф. Интернационализм в действии. – М: Мысль, 1988. – 221 с.

Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации 1920-1930 годы. – М.: Европа, 2006. - 256 с.

Бочагов А.К. Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казакстане периода 1917-19 г.г. - Кзыл-Орда: Госиздат КССР, 1927. – 57 с.

Брайнин С. Из истории борьбы за советизацию казахского аула // Пролетарская революция. - 1940. - № 3.

Брайнин С.Х., Шафиро И.П. Очерки по истории Алаш-Орды. – Алма-Ата, 1935

Бранденберг Д.Л. «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах, 1941-1945 гг. // Государство наций. Сб. ст. Под ред. Р. Суни, Т. Мартина. – М: РОССПЭН, 2011. – С. 336-365.

Брандес Д., Зундхауссен Х., Трёбст Ш. Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. – М.: РОССПЭН, 2013. – 727 с.

Брандес Д. Депортация немцев 1941 г. как опробованный инструмент внутренней и прецедент международной политики // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26–28 августа 2011 г. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 124-135.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Весь мир, 2007. – 592 с.

Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Национально-трудовые традиции – важный фактор интенсификации производства // Социологические исследования. - 1983. - № 2. – С. 43-54.

Брубейкер Р. Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 408 с.

Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». Сборник документов (1940-е годы). - М.: Готика, 1998. - 350 с.

Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. - 1990. - № 7. - С. 32-44.

Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев в России) / Под ред. М.Н. Губогло. - М.: Центр по изучению

межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1998. - 340 с.

Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944–1994). - М.: ИД РОСС, 1994. - 162 с.

Бугай Н.Ф. Л. Берия - И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». - М.: Гриф и К., 2011. - 510 с.

Бугай Н.Ф. По решению Правительства Союза ССР. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 895 с.

Бугай Н.Ф. Трагические события не должны повториться // Актуальные проблемы российского востоковедения. - М., 1994. – 337 с.

Бугай Н.Ф. Депортация народов // Война и общество. 1941-1945: В 2 кн. Кн. 2. / под ред. Г.Н. Севостьянова. – М.: Наука, 2004.

Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии.- М.: Дружба народов, 1992. - 286 с.

Бугай Н.Ф. Лаврентий Берия Иосифу Сталину: «Согласно Вашему указанию». - М.:АИРО-XX, 1995. - 320 с.

Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – 271 с.

Бугай Н.Ф. Последствия депортации народов: спецпоселенцы и выселенцы // История СССР. - 1992. - № 1. - С. 18-42.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). – М.: Инсан, 1998. – 368 с.

Буданова Ю.П. Мобилизация немецких спецпереселенцев в трудовые колонны в Тарановском районе Кустанайской области (1942–1943 гг.) и материальное положение депортированных немцев в Кустанайской области // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26–28 августа 2011 г. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 887-896.

Букейханов А., Дулатов М., Байтурсун А., Рыскулов Т. Казахи о русских до 1917 года. - Оксфорд: РИ ОИСА, 1985. - 92 с.

Букейханов А. Киргизы / Букейханов А. Полное собрание сочинений. Т.3. Составитель. Ж. Аккулулы. – Астана, 2009. – С. 283-313.

Букейханов А. Киргизы // Формы национального движения в современных государствах. (Под ред.А.И.Костелянского). – СПб: Типография Товарищества «Общественная польза», 1910. - С. 577-600.

Букейханов А.Н. Корреспонденция / Букейханов А.Н. Полное собрание сочинений. Т.IV. Составитель. Ж. Аккулулы. – Астана: Сарыарка, 2010.– С. 116-119.

Букейханов А.Н. О киргизских поминках // Букейханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. – Астана: Алтын кітап, 2007а. - С. 251-256.

Букейханов А.Н. Павлодарский уезд / Букейханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. – Астана: Алтын кітап, 2007б. - С.45-90.

Букейханов А.Н. Письмо в редакцию / Букейханов А.Н. Полное собрание сочинений. Составитель. Ж. Аккулулы. - Астана Сарыарка, 2009. Т.I. – С. 240-243.

Бурдина Е.Н. Факторы становления языкового законодательства и реализация права пользования родным языком в Советском Казахстане // Этнос, общество, цивилизация: III Кузеевские чтения. – Уфа: ИЭА УНЦ РАН, 2012. – С. 130-134.

Бурдина Е.Н. Языковое законодательство Казахстана в контексте национальной политики Советской власти в 1920-е годы // Материалы Международной научно-практической конференции «Казахская государственность: исторический перлом и устремленность в будущее (1991-2011 гг.). – Уральск: ЗКГУ, 2011. - с. 76-78

Бурмистров С.Д. Народное образование в Западно-Казахстанской области до Великой Октябрьской социалистической революции // Учебные записки УПИ. – Уральск, 1957. - Т.4. - Вып. 14. – С. 305-337.

Бурмистрова Т.Ю. Зерна и плевелы: национальная политика в СССР. 1917-1984. - СПб., 1993.

Бутенко А.П. Неотчуждаемый суверенитет // Правда. 1 октября 1990.

Бырбаева Г.Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евроамериканской историографии. – Алматы: Дайк-пресс, 2005. – 484 с.

В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана: Документы и материалы 1920-1937 гг.- Алма-Ата: Казахстан, 1972. - 690 с.

В России обсуждают феномен Казахстана // Независимая газета - Содружество. - 1998. - № 2. - С. 4-5.

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX - середина XX в.). Под ред. В.А. Козлова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 1094 с.

Валиди А.З. Воспоминания. В 2-х тт. Кн.1. – Уфа: Китап, 1998. – 400 с.

Валиди Тоган А. История башкир. Пер. с тур. – Уфа: Китап, 2010. – 352 с.

Валиев А.К. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1966. – 157 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5-ти томах. 1961-1968. -Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1968. Т.4. – 783 с.

Валиханов Ч.Ч. Записки о судебной реформе / Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1968. - Т.4. - С. 77-104.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. - М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. – 320 с.

Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. - М.: Русский мир, 1998. – 448 с.

Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области. – Петропавловск: Управление архивами Северо-Казахстанской области, 2010. – 384 с.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Крат. история / Тельпуховский Б. С., Булычева Г. И., Бурляй А. А. и др. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Воениздат, 1984. - 560 с.

Верт П.В. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Состав. П.В. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. - М.: Новое издательство, 2005. - С. 48-82.

Вехи консолидации: Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917-1927 гг.: (К 70-летию Компартии Казахстана). Сборник документов. Под ред. Б.А. Тулепбаева. – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 230 с.

Виленский Е.В. Ликвидация безработицы и аграрного перенаселения в Средней Азии и Казахстане (1917-1932 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1980. - 279 с.

Вишневецкий А.Г. Единая и неделимая // Полис. – 1994. - № 2. – С. 26-38.

Владимирский В. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние // Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. - Омск, 1902. - За 1898. - С. 22-27.

Волкова Т.П. Некоторые проблемы источниковедческого изучения материалов экспедиции Ф. А. Щербины // Вопросы историографии Казахстана. - Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР Институт Истории, Археологии и Этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, 1983. – С. 224-237.

Вопросы оседания кочевников: Сборник статей и материалов под ред. С.М. Диманштейна. – М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1932. – 87 с.

Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. - 1917 г.) // Исторический ежегодник. 1997. - Омск, 1998. - С. 40-55.

Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике российского самодержавия: вторая половина XIX века - 1917 г. Автореф. дисс. к.и.н. – СПб., 1999. – 28 с.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. Отв. ред. А.В. Пясковский. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. - 796 с.

Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. – АлмаАта: Наука, 1972. – 272 с.

Воцинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени российской колонизации. – СПб.: Типография Товарищества «Наш Век», 1914. – 86 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Под ред. Ю.А.Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

Вторая сессия КирЦИК 4-го созыва. 16-19 июня 1923 г. Стенографический отчет. – Оренбург, 1924.

Вульфсон Э.С. Как живут сарты. М., 1908. -116 с.

Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2012. № 4. С. 56-62.

Гавердовский Я.П. Обзорение киргиз-кайсацкой степи (Ч. 2) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Том V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. – Алматы. Дайк-пресс. 2007. - 620 с.

Гали А. Национальная идея и задачи казахосферы // Саясат. - 2004. - № 9. – С. 22-23.

Галиев А. Миграция населения и этническая судьба // Казахстанская правда. - 1995. - 8 июля.

Галиев А.Б., Бабакумаров Е., Жансугурова Ж., Перуашев А. Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1994. – 63 с.

Галиев В.З. Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржакыпе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»). - Алматы: Мектеп, 2011. – 528 с.

Галиев В.З. Караванные тропы (Из истории общественной жизни XVII-XIX веков). - Алматы: Атамур, 1994. - 128 с.

Ганкевич В. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского. – Симферополь: Доля, 2000.

Гаспринский Исмаил-бей. Россия и Восток: российское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения мусульманина. - Казань: Татарское издательство, 1993. - 130с.

Гатагова Л. Советская этнополитика как отражение сталинской «империомании»: новые источники, новые прочтения (1930-1940 гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной конференции, 5-7 декабря 2008. – М.: РОССПЭН, 2011. - С. 593-607.

Гаяз Исхаки. Идель-Урал. - Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 49 с.

Гейер И.И. По русским селениям Сыр-Дарьинской области (Письма с дороги). Чимкентский уезд. Т.1. - Ташкент, 1893. - 174 с.

Гейнс А.К. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Т. 1. - СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. - 591 с.

Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. - М.: Праксис, 2002. – С. 146-200.

Гербер В. Наиля Бекмаханова: я всегда писала о казахстанцах, а не о казахах // Экспресс К. – 2011. - № 173. - 8 октября.

Герман А.А. Курочкин А.Н. Немцы СССР в Трудовой Армии (1941-1945). – М.: Готика, 1998. – 206 с.

Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. - М.: МСНК-Пресс, 2007. – 576 с.

Герн фон В.К. Характер и нравы казахов. Переизд. - Астана: Алтын кітап, 2007. – 140 с.

Гириц К. Интерпретация культур. – М.: РОСПЭН, 2004. – 460 с.

Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане: Сборник речей и статей (1925-1930 гг.). – М. - Алма-Ата, 1930. - 344 с.

Голощекин Ф.И. 10 лет Советской власти. – Кзыл-Орда: Казгосиздат, 1927. – 29 с.

Голощекин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства. – Алма-Ата: ОГИЗ, 1931. – 248с.

Голощекин Ф.И. Коренизация в период социалистической реконструкции (Доклад на Пленуме Казкрайкома ВКП(б), декабрь 1929г.). – Алма-Ата: Казкрайком ВКП(б), 1930. – 46 с.

Голощекин Ф.И. О коллективизации в казахском ауле // Большевик Казахстана. – 1932. - № 5. - С.1-12.

Голощекин Ф.И. Отчет Казакского Краевого Комитете РКП(б). - Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1926. - 28 с.

Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане. Сб. речей и статей (1925 – 1930 гг.) – М.- Алма-Ата: Госиздат РСФСР, 1936. – 344 с.

Горбачев М.С. Декабрь 1991. Моя позиция. - М.: Новости, 1992. - 224 с.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2-х книгах. Кн.1. – М.: Новости, 1995. – 600 с.

Гордиенко А.А. Создание советской национальной государственности в Средней Азии. - М.: Юридическая литература, 1959. – 248 с.

Государственная программа развития казахского языка и других национальных языков до 2000 г. // Казахстанская правда. – 1 июля 1990.

Гоффман И. Сталинская истребительная война. Планирование, осуществление, документы. – М.: АСТ, Астрель, 2006. – 396 с.

Григорьев В.К. Противостояние (большевики и непролетарские партии в Казахстане 1917-1920 гг.). - Алма-Ата: Казахстан, 1989. – 252 с.

Григорьев В.К., Джагфаров Н.Р., Осипов В.П. Идеино-политическая работа партийных организаций Казахстана (1917-1925гг.). - Алма-Ата: Казахстан, 1989. – 176 с.

Григорьев В.К., Шапорев Ю. Фрагменты времени. О чем не говорили. - Алматы: Жалын, 1990. – 380 с.

Губогло М.Н. Переломные годы. Т.1. Мобилизованный лингвизм. – М.: ИЭА РАН, 1993. -302 с.

Губогло М.Н. Предпосылки изучения этнополитической ситуации в СССР // Национальные процессы в СССР. – М.: Наука, 1991.

Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. –М.: ИЭА РАН, 2014. - 214 с.

Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 811 с.

Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники «Мемориала»: Вып.1. - М.: Звенья, 1997а. - С.137-175.

Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. //Репрессии против поляков и польских граждан: Исторические сборники «Мемориала»: Вып.1. - М.: Звенья, 1997б. - С.114-136.

Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – 501 с.

Дахшлейгер Г.Ф. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. - Алма-Ата: Наука. 1973. - 216 с.

Дахшлейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. - 1966. - № 4. - С. 3-23.

Дахшлейгер Г.Ф. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928 годы) // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. - Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1961. - С. 63-108.

Дахшлейгер Г.Ф. Опыт перехода казахского народа к социализму в современной исторической литературе // Вопросы истории Компартии Казахстана. - Вып.6. - Алма-Ата: Казахстан, 1969. - С.131-150.

Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1965.- 536 с.

Дахилейгер Г.Ф., Нурпеисов К.И. История крестьянства советского Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1985. Т.1. - 247 с.

Дахилейгер Г.Ф. Октябрь и некоторые проблемы истории решения национального вопроса в Казахстане (пролетарский интернационализм в действии) // Великий Октябрь в Казахстане. Сб. ст. - Алма-Ата: Наука, 1977. – С. 36-58.

Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. Апрель 1923. – М.: Политиздат, 1968. – 903 с.

де Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. Сокращенный перевод с англ. А. И. Дьяконова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 447 с.

Демироглу Х. Киргизы и казахи в татарских газетах Поволжья и Урала (1905-1912) // Karadeniz (Black Sea-Çernoeye More) Sosyal Bilimler Dergisi. - 2012. - № 13. - С. 120-134.

Деннингхаус В. «Территория лояльности»: От разовых «чисток» до массовых депортаций (к анализу деятельности Политбюро ЦК ВКП(б) в отношении нацменьшинств запада в 1925–1940 гг.) // Новейшая история Отечества XX- XXI вв.: Сб. науч. тр. – Саратов: Наука, 2007. Вып. 2. - С. 182-209.

Деннингхаус В. В тени «Большого брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938гг.). – М.: РОСПЭН, 2011. - 727 с.

Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 1. Документальные источники Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. - Материалы к сер.: Народы и культуры. Вып. XII. Состав. О.Л. Милова, Ю.Б. Симченко. - М.: ИЭА РАН, 1992. - 353 с.

Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 - февраль 1942 гг.). Материалы к сер.: Народы и культуры. Часть 2. Состав. О.Л. Милова, Ю.Б. Симченко. - М.ИЭА РАН: 1995. - 248 с.

Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик / Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 7-40.

Десять лет Казахстана. (1920-1930). - Алма-Ата, 1930.

Дети голодной Киргизии // Жизнь национальностей. – 1922 - № 7. - 23 февраля.

Джабаев Д. Песнь о Наркоме Ежове (Из стихотворения Джамбула, народного поэта Казахстана). Пер. с казахского К. Алтайский // Пионерская правда. 20 декабря 1937. – С.3.

Джандильдин Н.Д. Некоторые вопросы интернационального воспитания // Коммунист. - 1959. - № 13.

Джандосов У. Документы и публицистика (1918-1937 гг.): В 2-х тт. Т.1. - Алматы: Издат.дом «Қазақстан», 1999.- 400 с.

Джонс М. Сталинград. Как состоялся триумф Красной Армии. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 384 с.

Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе. Под ред. Ф.Т. Константинова (отв. ред.), И.П. Цамеряна, М.М. Сужикова и др. - М.: Наука, 1981. - 366 с.

Диманштейн С.М. // Жизнь национальностей, 1931, с. 36-37.

Диманштейн С.М. Революция и национальный вопрос. – М., 1930. Т.3. – С.287-318.

Дмитриев Т. «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»: национальное военное строительство в СССР 1920-1930-х гг. и его испытание «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. - №14. – 2013.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. - М.: Эксмо, 2004. – 608 с.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. - М.: Эксмо, 2004. – 608 с.

Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха / Под ред. К. К. Семенова. — М.: АСТ; Астрель, 2009. - 848 с.

Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – 202 с.

Дулатов М. Шығармалары. - Алматы: Жазушы, 1991. - 384 б.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XX-начало XX вв.). – СПб., 1998. – 1000 с.

Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская Киргиз-Казачья орда. Переизд. // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Кн. 4. – Алматы: Изд-во «Олке», 2001. - 216 с.

Ежиков-Бабаханов Е.Г. Судьба меня накрепко связала с Казахстаном // Деловой Казахстан. 10 мая 2012.

Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны 1918-1920 гг. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. - 308 с.

Елагин А.С. Ревкомы в Казахстане в дни освобождения от колчаковщины / Из истории Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова АН КазССР. – Алма-Ата: Изд-во Академии Наук КазССР, 1962. – С. 39-58.

Елеуова Р.Т. Аграрные преобразования в Казахстане в переходный к социализму период: Автореф. дисс. канд. эконом. наук. - Алма-Ата, 1977. – 25 с.

Еренов А.Е. Очерки по истории земельных отношений у казахов. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 158 с.

Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. – Алматы: Дайк-пресс, 2009. – 508 с.

Ермолов В.А. Особенности системы образования в национальных школах Российской империи: мусульманские и еврейские школы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). - М., 2009. - № 4. - С. 100-109.

Ертысбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Ел Орда. - 576 с.

Есеева Г.Н. Вопросы грамотности русского населения Западного Казахстана в дореволюционный период // Вестник Западно-Казахстанского государственного университета.- 2010.- № 4(40). - С. 221-228.

Ефремова-Шеришуква Н.А. Депортация немцев на территорию Казахской ССР: причины и механизм проведения // Начальный период Великой

Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26–28 августа 2011 г. - М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 866-876.

Ефремова-Шершукова Н.А. Проблемы развития культуры немцев Казахстана в послевоенное время в отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. – 2009. - № 323. – С. 141-143.

Жангуттин Б.О. «Ваше мнение по этому поводу помогло бы нам...» Коллективизация, голод и национальное развитие Казахстана // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: РОССПЭН, 2014. – С. 166-174.

Жармакин О.К. Проблемы изучения немецкого языка в Казахстане // Советские немцы: история и современность: Материалы науч.-практ. конф. - М., 1990. - С. 307–309.

Жиренчин А.М. Из истории казахской книги. – Алма-Ата: Наука, 1987. - 144 с.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. – М.: Вагриус, 2005. – 512 с.

Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. - Москва: Терра - Книжный клуб, 2000. - 688 с.

Жумашев Р.М. Историографические аспекты изучения интеллигенции советского Казахстана // Вестник КарГУ. – 2006. - № 1. – С. 46-56.

Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР» // Казахстанская правда. – 22 сентября 1989.

Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. Предисловие, примечания и комментарий Д. Ю. Арапова. – М.: 2003 . – № 2. – С. 124 -144 .

Захаренко А.Л. Общественно – политические, культурные связи Северного Казахстана и Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири. XIX – начало XX вв. – Павлодар: Изд-во Павлодарский государственный университет им. С.Торайгыров, 2004. - 264 с.

Зеланд Н.Д. Киргизы: этнологический очерк // Записки ЗСОИГО. Кн. 7. Вып. 2. - Омск, 1885. – 78 с.

Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 - начало 60-х годов) // Отечественная история. – 1998. – 4. – С. 109-122.

Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР (против спекуляций, извращений и мистификаций // Былые годы. - 2012. - № 4. – С.6-17.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. - М.: Наука, 2005. - 306 с.

Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. – М.: Алгоритм, 2014. – 240 с.

Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. - Алма-Ата: Наука, 1982. - 172 с.

Зиманов С.З., Даулетов С.О., Исмагулов М.Ш. Казахский революционный комитет. - Алматы: Наука, 1981. – 196 с.

Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. - Алма-Ата: Наука, 1970. - 304 с.

Зиманов С.З. Некоторые вопросы теории советской национальной государственности. - Алма-Ата, 1962.

Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. – 296 с.

Зиманов С.З. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. - Алма-Ата: Наука, 1976. – 220 с.

Зиманов С.З. Парламент Казахстана в трудные годы провозглашения независимости. – Алматы, 1997 // URL: [http://www. bibliotekar.kz](http://www.bibliotekar.kz) - Казахская электронная библиотека.html. (дата обращения 17.04.2015).

Зиманов С.З. Теория и практика автономизации в СССР. - Алматы: Жеті жарғы, 1998. - 144 с.

Зиманов С.З., Атишев А.А. Политические взгляды Чокана Валиханова. - Алма-Ата: Наука, 1965. - 250 с.

Зиманов С.З., Идрисов К.З. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина. - Алма-Ата: Наука, 1989. – 163 с.

Зиманов С.З., Рейтор И.К. Советская национальная государственность и сближение наций. - Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1983.

Зиманов С.З., Рейтор И.К. Теоретические вопросы Советского национально-государственного строительства. - Алма-Ата: Наука, 1987. – 206 с.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635-1758. - М.: Наука, 1983. - 334 с.

Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов // Вопросы истории, 1955. - № 4. - С. 72-80.

Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. - М.: Госюриздат, 1960. - 300 с.

Златопольский Д.Л. Образование и развитие СССР как союзного государства. - М.: Юриздат, 1953. - 223 с.

Зорин В.И. Сельскохозяйственный рабочий класс Казахстана: Формирование, развитие, Социальные изменения. - Алма-Ата: Казахстан, 1972. - 168 с.

Зуев Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий: (К вопросу о пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма: (Проблемы этнополитической истории). - Алма-Ата: Наука, 1981. – С. 63-78.

Ивашкин С.С. Роль советского рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства Казахстана. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1962. - 160 с.

Из истории депортаций. Казахстан 1930-1935 гг. Сборник документов. – Алматы: LEM, 2012. – 772 с.

Из речи т. Сталина. 5 марта 1937 года // Вопросы истории. – 1995. - № 12. – С. 11-23.

Ильминский Н.И. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на родной язык // Православное обозрение. 1863. №3.

Исаев У.Д. Победа ленинско-сталинской национальной политики // 15 лет Казахской АССР: 1920-1935. - Алма-Ата-М.: Казахстанское краевое издательство, 1935. - С. 7-52.

Исиналиев М.И. Димеке / Исиналиев М.И.Тандамалы = Избранное. - Алматы: Арыс, 2007. - Т.1. - С. 100-109.

Исиналиев М.И. Димеке / Исиналиев М.И. Избранные труды. Т.1. - Алматы: Казгурт, 2003. – С. 117-127.

Исиналиев М.И. Как немцам автономию создавали / Исиналиев М.И. Избранное. Т.1. – Алматы: Арыс, 2007. – 284-287.

Исиналиев М.И. Как немцам автономию создавали: События 1979 г. в Акмоле (Целинограде), когда молодежь выступила против создания планировавшейся немецкой автономии // Новое поколение.- 1996. – 15 - 21 ноября. - С. 4.

Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – 452 с.

Истер Дж.М. Советское государственное строительство. Система личных взаимосвязей и самоидентификация элиты в Советской России. – РОССПЭН, 2010. – 255 с.

История индустриализации Казахской ССР (1926-июнь 1941 гг.). Сборник документов. Т.2 (1933-1941 гг.). Под ред. С.Б.Баишева. – Алма-Ата: Архивное управление при СМ Каз.ССР, 1967. – 436 с.

История Казахской ССР. Т.2. – Алма-Ата, 1967.

История Казахстана в документах и материалах. Под ред. М.Х. Абусейтовой и др. – Алматы: Издательство ЛЕМ, 2011. –Вып. 1. – 436 с.

История Казахстана в документах и материалах. Под ред. Б.Т. Жанаева и др. - Караганда: ПК ЭКОЖАН, 2013. – Вып. 3. – 486 с.

История Казахстана: народы и культуры. Под ред. Н.Э. Масанова. - Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 608 с.

История политических репрессий в Казахстане в 1937-38 гг. Алматы: Казахстан, 1998. – 331 с.

История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). Вступит. статья, сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: МГУП, 1993. – Т.1. – 445 с.

Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография (очерки истории татарского народа). - Казань: татарское книжное изд-во, 2005. – 159 с.

Исхаков С.М. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. Т. XVIII. - Collegium Slavicum Academiae Hokkaido, 2001. – С. 204-223.

Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик 1975 г.: Статистический сборник / Отдел по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР. Сост. Л. Г. Алешина, В. В. Столяров. - М., 1975. - 95 с.

Кабышулы Г. Было два Мирзояна // Общественная позиция. – 2013. - № 42. - С. 11,13.

Кадыржанов Р. Конструктивизм, примордиализм и определение национальной идентичности Казахстана // Эл-Фараби. – 2012. - № 4. – С. 86-94.

Кадыржанов Р. Социально-политические проблемы казахского языка и этнокультурный символизм Казахстана // Казахстан и глобальная политика. – 2013. - № 4(56). – С. 53-63.

Кадыржанов Р.К., Ешпанова Д.Д., Нарбекова Г.А. Проблемы национальной интеграции казахстанского общества. – Алматы: СаГа, 2008. – 60 с.

Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сб. статей. Вып. 1. - Алматы: Гылым, 1994. -168 с.

Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. - Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. – 248 с.

Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. - Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. – 248 с.

Казахстан за 40 лет. Статистический сборник. - Алма-Ата: Госиздат, 1960. – 524 с.

Казахстанцы в годы Великой Отечественной войны. – Алматы: Онер, 2010. – 640 с.

Кайдаров Г. Если исчезнет язык // Казахстанская правда. - 15 октября 1992.

Какенова Г.М. Идеиная борьба в среде творческой интеллигенции Казахстана в 1930-е гг. Проблемы изучения // Вестник КарГУ. – 2010. - № 4.

Калыш А.Б. Культурные ориентации сельского населения Жетысу во второй половине 1980-х– начале 1990-х годов // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». - 2013. - № 4(39). – С. 22-26.

Каменецкий Б. Русификация и национальное возрождение в Узбекистане. (Конец 40-х - середина 80-х годов). - Тель-Авив, 1987. – 92 с.

Каминский К.П. Пятилетний план развития и реконструкции сельского хозяйства Казакстана. - Алма-Ата: Госплан Казакстана, 1930. – 18 с.

Кан Г.В. История корейцев Казахстана. - Алматы: Гылым, 1995. – 239 с.

Каппелер А. Россия - многонациональная империя. Возникновение, история, распад. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. - 344 с.

Карагусов Ж. Казахская советская интеллигенция, рожденная Октябрем. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 142 с.

Каримов Н. Джадиды. – Электронный ресурс: <http://www.ia-centr.ru/expert/8883/>

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе. – М.: РГГУ, 2002. – 303 с.

Карр Э.Х. История Советской России. Кн.1. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.

Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 года до наших дней. – М.: РОССПЭН, 2010а. – 431 с.

Каррер д'Анкосс Э. Незавершенная Россия. – М.: РОССПЭН, 2010б. – 238 с.

Каррер д'Анкосс Э. Расколота империя. Пер. с фр. Н. Ставиская. – Лондон: Overseas publ. Interchange, 1982. – 391 с.

Катанаев Г.Е. Прииртышские казахи и казаки: история, хозяйство и быт. Переизд. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 223 с.

Кауфман А.А. К вопросу о колонизации Уральской области. – СПб: Тип. В. Киршбаума, 1903. – 78 с.

Кауфман А.А. Переселенцы – арендаторы Тургайской области. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1897. – 140 с.

Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. – СПб.: Европейский дом, 2000. – 704 с.

Кенжебаев С. Советы в борьбе за построение социализма. - Алма-Ата: Казахстан, 1969. - 359 с.

Кенжетев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX - начале XX вв. – Казань: ПиФ, 1998. - 90 с.

Кийкбаев Н. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. - 156 с.

Кийкбаев Н.К. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – 348 с.

Ким Г.Н. Социально-культурное развитие корейцев Казахстана. Научно-аналитический обзор. - Алма-Ата: Наука, 1989. - 60 с.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Петропавловский уезд. Т. 3. – СПб.: Переселен. упр. Гл.упр. Землеустройства и Земледелия, 1910. – 393 с.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. 5. Акмолинский уезд. – СПб.: Переселен. упр. Гл.упр. Землеустройства и Земледелия, 1910. -277 с.

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т.2. Омский уезд. – СПб.: Переселен. упр. Гл.упр. Землеустройства и Земледелия, 1910. - 338 с.

Кирсанов Н.А. По зову Родины. Добровольческие военизированные формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. - М.: Мысль, 1974. - 277 с.

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история, 2001, № 6. - С. 60-75.

Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. – М.: Типо-литография Товарищества И.М.Кушнеров и Ко., 1902. – 381 с.

Кислицын И.М. Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР. – Пермь: ПГУ, 1969. – 221 с.

Климов И.М. Национальные моменты в государственном и партийном строительстве Татарии в восстановительный период. – Казань, 1957.

Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. - Великий Новгород: НовГУ, 2009. - 372 с.

Кожакметова Г.К. Формирование регионального торгового рынка Северо-Западного Казахстана и Южного Урала (вторая половина XVIII – XIX вв.). Автореферат дисс. канд. истор. наук. – Уральск, 2008. – 26 с.

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). – М.: РОССПЭН, 2009. – 464 с.

Козлов В.А., Козлова М.Е. Патерналистские утопии и этническая реальность // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX - середина XX в.). Под ред. В.А. Козлова. – М.: РОССПЭН, 2011. - С. 679 – 710.

Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Т.1. – Алматы: Гылым, 2000. - 420 с.

Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. (Избранные труды). – Алматы: Гылым, 2006. – 272 с.

Козыбаев М.К. Отечественная история XX века: мифы и реальность / Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2-х тт. Кн.1. Память народа. – Алматы: МОН РК, НАН РК, 2000. – С. 194-221.

Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. - Алма-Ата: Институт истории и этнологии им Ч.Ч.Валиханова АН РК, 1992. – 36 с.

Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. - 1989. - № 7. - С. 53–71.

Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920-1940-х гг. – Алматы: Искандер, 2009. – 448 с.

Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П. Берии // Исторический архив. - 1996. - № 4. - С. 132-164.

Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926- 1941 г.г.) // Документы и материалы в 2-х томах. Ч.1. – Алма-Ата, 1967а.

Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926- 1941 г.г.) // Документы и материалы в 2-х томах. Ч.2. – Алма-Ата, 1967б.

Коммунистическая партия Казахстана в условиях развитого социализма: рост и организационно-политическое укрепление, 1966-1981 гг. – Алма-Ата: Казахстан, 1983. – 190 с.

Концепция языковой политики в Казахской ССР // Казахстанская правда. – 2 августа 1989.

Коншин Н.Я. Краткий Исторический очерк Семипалатинского края (до 1917 г.) // Коншин Н. Я. Труды по казахской этнографии. – Астана: Алтын кітап, 2007. - С. 66-151.

Косач Г. «Казахский образованный класс» в Российской империи // Казахстан и Россия: общества и государства. - М.: Права человека, 2004. – С. 12 - 77.

Косач Г.Г. Джадидизм в Оренбурге: Начало XX столетия // Исмаил Гаспринский и рождение единства российских мусульман: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. — М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. — 98 с.

Костырченко Г.В. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.: РГГУ, 1997. - С. 90-150.

Котов В.И. Народы союзных республик СССР. 60-80-е годы. Этнодемографические процессы. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 277 с.

Котов К.Ф. Борьба Коммунистической партии за дальнейшее укрепление советского государственного аппарата // Коммунист Казахстана. - 1955. - № 3. - С. 37–42.

Котов К.Ф. Коренизация советского государственного аппарата Казахстана (1920 - 1936). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1951. – 20 с.

Кошелева Н.В. «Ориентализм» Эдварда Саида / Н.В. Кошелева // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. – Минск: БГУ, 2004. – С. 78–80.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 2. – М.: Политиздат, 1983. – 446 с.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. - 416 с.

Красовский М.И. Образ жизни казахов степных округов // Библиотека казахской этнографии. Т.12. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 287 с.

Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 608 с.

Кригер В. Свидетели преступлений. Письма российских немцев из «Трудовой армии» в 1942-1945 гг. // Рейн, Волга, Иртыш: Из истории немцев Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С. 229-247.

Кузина С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России: На материалах областей Степного края и Туркестана, 1906-1917 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – М., 2002.

Культелев Т.М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти). – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1955. – 300 с.

Культурное наследие немцев в Центральной Азии // Сборник научно-исследовательских статей на русском и немецком языках. – 1-е изд. – Алматы, 2012. – 240 с.

Культурное строительство в Казахстане (1918-1932 гг.). Сборник документов и материалов. - Алма-Ата: Казахстан, 1965. – 566 с.

Кульшарипов М.М. Заки Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920 гг.). – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1992. -160 с.

Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. – Алматы: Санат, 1994. – 352 с.

Курамысов И. За ленинскую национальную политику в Казахстане (сборник речей и статей 1928-1932 г.). – Алма-Ата - М.: ОГИЗ, 1932 – 127 с.

Курамысов И. Предисловие // Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казакстане. - Алма-Ата, 1933. – С. 2-16.

Курочкин А.Н. Социально-политическое положение немецкого населения СССР, мобилизованного в «трудовые армии» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: Материалы 3-й международной научно-практической конференции. Саратов, 26–28 августа 2011 г. – М.: МСНК-пресс, 2011. – С. 181-193.

Курьлев В.П. Земля, скот и община у казахов. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – 287 с.

Кусанова Ш.А. Партийное руководство деятельностью массовых организаций трудящихся. - Алма-Ата: Казахстан, 1976. - 180 с.

Кучкин А.П. Земельная реформа в Казахстане в 1925-1927 годах // Вопросы истории, 1954. - № 9. - С. 25-34.

Кучкин А.П. Из истории ликвидации хозяйств баев полуфеодалов в Казахстане // Известия АН КазССР. Серия историческая, 1950. - Вып. 6. - С. 67-79.

Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926-1929 гг.). – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. - 432 с.

Кшибеков Д. Национальная идея. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 340 с.

Кшибеков Д. О закономерностях замены докапиталистических производственных отношений социалистическими (на примере Казахстана). - Алма-Ата: Наука, 1963. - 250 с.

Кыдыралина Ж.У. Нация и история. – Астана: Елорда, 2009. – 304 с.

Кэмпбелл (Воробьева) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти:

Исторический опыт России и вызовы современности. – М.: МОНФ, 2001а. - С. 204-215.

Кэмпбелл (Воробьева) Е.И. Мусульманский вопрос в России: История обсуждения проблемы // Исторические записки. № 4 (122). – М., 2001б. - С. 132-157.

Кэстль Д. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой орды. – Алматы: Жибек жолы, 1998. - 151с. : ил.

Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – М.: Александрия, 2008. – 400 с.

Лемерсье-Келькеже Ш. Мусульманские национальные меньшинства в период революции и гражданской войны // Советские национальности в стратегической перспективе. – М.: Прогресс, 1986. С. 71-94.

Ленин В.И. Письмо Г. К. Орджоникидзе / Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С. 367.

Лепешкин А.И., Ким А.И., Мишин Н.Г., Романов П.И. Курс советского государственного права. - Т. I. – М.: Госюриздат, 1961. - 559 с.

Лисицын Ф.Я. 1-я ударная армия // Битва за Москву. Сборник. Изд. 3-е, дополн. и доработ. - М.: Московский рабочий, 1975. - С. 288-309.

Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 624 с.

Любушин В.И. Спросить с себя // Ленинское знамя – 11 декабря 1989.

Макажанова З.Ш. Проблема формирования и своеобразие деятельности казахского чиновничества в системе органов колониального управления царизма (вторая половина XIXв.) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Алматы, 2010. – 28 с.

Макарова Г.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г: Восточные районы. – М.: Наука, 1979. – 224 с.

Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная Дума России 1906-1917 гг.: социокультурный подход. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. - 332 с.

Марков Г.Е. Кочевники Евразии. – М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 320 с.

Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. Т.1. – СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1901. – 544 с.

Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Состав. П.В.Верт, П.Кабытов, А.Миллер. - М.: Новое издательство, 2005. – С. 360-388.

Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio, Theory and History of Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space.* - Казань, 2002. № 2. – С. 55-87.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Сб.ст. под ред. Р.Г.Суни. - М.: РОССПЭН, 2011б. – С. 88-116.

Мартин Т. Террор против наций в Советском Союзе // Коммунизм. Террор. Человек: Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма». Сост. С.Кройцбергер и др. Пер. с нем. В.Швед. - Киев: Оптима, 2001. - 195 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. – М.: РОССПЭН, 2011а. – 855 с.

Мартыненко Н. Алаш-Орда. Сборник документов. - Кызыл-Орда, 1927.

Мартыненко Н. Алаш-Орда: Сборник документов. Переизд. - Алма-Ата: Айкап, 1992. – 192 с.

Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920-1930 гг.: цели, методы, результаты. – М.: Наука, 2006. – 599 с.

Масанов Н.Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. -1996. - №1. - С. 46-61.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. - Алматы: Горизонт; Социнвест, 1995. – 319 с.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.

Масанов Н.Э. Мифологизация проблем этногенеза казахского народа и казахской номадной культуры // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Под ред. Н.Э. Масанова. - Алматы: Дайк-Пресс, 2007. - С. 52-131.

Масанов Н.Э. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20-х – 60-х годах XIX века (Социально-экономический анализ). - Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Алматы, 1980. – 25 с.

Масанов Н.Э. Сборник статей и интервью. – Алматы: Искандер, 2007. – 396 с.

Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. - Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 296 с.

Масанов Н.Э., Сужиков Б.М. Критика буржуазной фальсификации национальных отношений в Советском Казахстане: к историографии проблемы // Вопросы историографии Казахстана. - Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР Институт Истории, Археологии и Этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, 1983. – С. 168-178.

Материалы по киргизскому землепользованию собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. Т. XII. Петропавловский уезд. - Чернигов: Тип. Г. М. Веселой, 1908. – 670 с.

Материалы по политической истории Казахстана. Под ред М.Г. Масевич. - Алма-Ата, 1960. – 442 с.

Матханова Н.П. Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX веках: Сборник материалов международной научной конференции. - Новосибирск: Параллель, 2011. - С. 75-79.

Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Под ред. И. В. Герасимова и др. - Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 427-458.

Миллер А. Империя Романовых и национализм. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 248 с.

Милуков П.Н. Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). - Прага: Свободная Россия, 1925. - 192 с.

Михайлов В.Ф. Хроника великого джута. - Алматы: Жалын, 1996. – 400 с.

Мишин Н.Г., Романов П.И. Курс советского государственного права. Т. II. Под общей редакцией А. И. Лепешкина. - М.: Госюриздат, 1961. - 591 с.

Муканов С. Школа жизни. Кн. 2. Юность. - Алма-Ата: Жазушы, 1965. – 458 с.

Мусбюро РКП(б) в Туркестане. - Ташкент: Турк.Гос. Изд., 1921. - 93 с.

Мухамеджанов Б.Г., Жусупова А.С. Кризис и казахстанское общество: (социологическое измерение). – Алматы: Фонд Первого Президента РК, 2010. – 202 с.

Мухаметшин А.Г. Становление и развитие педагогической мысли в казанском крае VIII начала XX в. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. - Нижний Новгород, 2009.

Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и развитие тюркизма. - Казань: Заман, 1996. – 272 с.

Мухтаров А. Деятельность Кирвоенревкома по подготовке образования Казахской ССР // Известия АН КазССР. Серия «История, археология, этнография». 1960. Вып. 2 (13).

Назарбаев Н.А. Коллективный поиск конструктивных решений // Казахстанская правда. – 4 февраля 1989.

Назарбаев Н.А. Страны и люди должны вернуться на путь интеграции. - Алматы, 1995.

Нам И.В. Татарская школа в дореволюционном Томск // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / ред. колл.: Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. – Томск, 2000.

Народы Средней Азии и Казахстана. Том 2. Под редакцией С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.А. Абрамзона, Н.А. Кислякова. - М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 797 с.

Население Казахстана по всесоюзной переписи населения 1939 года: в 5-ти томах. том 1. Сост.: М.Х. Асылбеков, Ж.М. Асылбекова, В.А. Баймаганбетова, К.А. Енсенов и др. - Алматы: Арыс, 2009. - 400 с.

Наумова О.Б. Некоторые аспекты формирования современной бытовой культуры казахов в многонациональных районах Казахстана // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. - М.: ИЭА РАН, 1992. - Ч. I. -С. 5-50.

Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX века: Документы и материалы. Составитель И.В. Нам. - Томск: НТЛ, 1998. - 206 с.

Национальный состав кадров предприятий в Казахстане. - М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – 617 с.

Негина А. Легенда по имени Шара // Казахстанская правда. 13 июля 2013. № 232.

Неймарк Н. Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.

Нейштадт С.А. Социалистические преобразования экономики Казахской СССР в 1917-1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). - Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. –

Некрич А. Наказанные народы. - Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 173 с.

Ненароков А.П. К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917-1924. - М.: Наука, 1991. – 270 с.

Никольский В.К. Киргизы: (очерк общественно-политической жизни киргизов) // Сибирский наблюдатель. - 1903. - N 3. - С. 73-79.

Никонов А.А. В заложниках у политики // Наука и общество. - 1991. - № 11. - С. 3-15.

Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем. / Послесловие С. Земляного. - Москва: Логос, 2003. - 528 с.

Нургалиева А.М. Ислам в истории и культуре казахского общества (XVIII - начале XX вв.). Автореф. дисс. д.и.н. - Уральск, 2009.

Нурмагомбетова Р.К. Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы 1920-1990-е годы XX века. - Алматы: Институт истории и этнологии МОН РК, 2003. - 153 с.

Нурмаков Н. К социализму, минуя капитализм // Национальное строительство в РСФСР: к XV годовщине Октября.- М.:Госполит-издат,1933.-С. 10-17.

Нурмаков Н. Строительство Казакстана. - М., 1929.

Нурмухамедов С.Б., Савосько В.К., Сулейменов Р.Б. Очерки истории социалистического строительства в Казахстане(1933-1940). - Алма-Ата: Наука, 1966. - 280 с.

Нуртазина Н. Идея Конца Света и образ России в казахской ментальности // URL: <http://www.centrasia.ru>. (дата обращения 12.03.2011).

Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана : проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX - XX веков). - Алматы: Қазак университеті, 2008.- 166 с+12 с.

Нусупбеков А.Н. Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической Республике. - Алма-Ата: Изд.-во Академии наук Казахской ССР, 1953. - 94 с.

Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917-1940 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1966. - 244 с.

Нысанбаев А.Н. Мультикультурализм в постсоветском Казахстане: итоги, проблемы, перспективы (выступление на XII международных Лихачевских

научных чтениях. – Санкт-Петербург, 17–18 мая 2012 г.) // Адам элемі. – 2013. - № 2 (56). – С. 8-12.

Нысанбаев А.Н. Казахстан в поисках национальной идеи // Казахстан - Спектр. - 2003. - №2. - С. 3-9.

О коренизации (Сборник руководящих материалов). Сост. Х. Амрин, Е.И. Князев. – Алма-Ата: Казкрайиздат, 1934. – 56 с.

О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» //Большевик Казахстана. - 1945. - № 6. - С. 49 -51.

Обзор Акмолинской области за 1912 г. - Омск, 1913. – 140 с.

Обзор Акмолинской области за 1914 г. Издание Акмолинского Статистического Комитета. - Омск: Электро-типография Акмолинского Областного Правления. 1915. -149 с.

Обзор Тургайской области за 1914 г. Издание Тургайского Областного статистического комитета. - Оренбург: Электротипография Тург. Обл. Правит. 1915. – 234 с.

Образование Казахской АССР: сборник документов и материалов. –Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1957. - 366 с.

Обращение Большого круга Уральского казачьего войска Верховным Советам СССР, РСФСР, Казахской ССР // Московский литератор, 1990. – № 19. - С. 3.

Одноколенко О. Прощай СССР. Интервью с Л. Кравчуком // Итоги. №33 / 792 (15.08.11). – С. 30-37.

Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан (1905-1917). - Алматы: Арыс. 2000. – 284 с.

Октябрьская И.В. Крещеные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX-XX веков // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. – С. 77-91.

Омаров М., Какен А. Познание себя. К вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане. - Алматы: Аль-Фараби, 1998. - 128 с.

Осинов В.П. Всмотриваясь в 20-30 годы: (Из истории организационно-политического развития Компартии Казахстана). – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 186 с.

Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Западно-Сибирского отдела Имперского Русского Географического Общества. Кн. XVIII, вып. II. - Омск: Тип. Окр. Штаба, 1895. – С.1-62.

Остроух И.Г., Шервуд Е.А. Немцы в России (Исторический очерк) // Этнографическое обозрение. - 1993. - № 3. – С. 40-51.

Отчет Краевого комитета VI Всеказахской конференции ВКП(б) 18-27 ноября 1927 г. – Кзыл-Орда: Казкрайком ВКП(б), 1928. - 71 с.

Отчет краевого комитета VI Всеказахской партконференции. Доклад и заключительное слово тов. Голощекина (15-23 ноября 1927г.). - Кзыл-Орда: Изд. КазГИЗа, 1928. – 198 с.

Отчет о деятельности Акмолинского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских, красноармейских и киргизских депутатов за 1923-1924 хозяйственный год. - Петропавловск, 1925. – 132 с.

Павлюков А.Е. Ежов. Биография. - М.: Захаров, 2007. - 576 с.

Пайнс Р. Россия при большевиках. - Москва: РОССПЭН, 1997. – 672 с.

Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. - СПб.: Сенатская типография, 1910. – 418 с.

Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 - 1941 гг. // Новая и новейшая история. - 1989. - № 2. - С. 26 - 44.

Пэйн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Под ред. Р.Г. Суни и Т. Мартина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 273-309.

Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. Стенографический отчет. Переизд. – Баку: Нагыл Еви, 2011. – 552 с.

Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. - Новосибирск: Наука, 1966. - 191 с.

Перишц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. В 2-х тт. - Т.2. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. - 248 с.

Петиция казахов // *Букейханов А.* Полное собрание сочинений. Составитель. Ж. Аккулулы. - Астана, 2009. Т. III. С. 54-59.

Петров С. Мои первые шаги на миссионерском поприще среди киргизов // Православный благовестник, 1893. - Т.3. - № 21.

Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. - С. 54–80.

Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917- июнь 1941 гг.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. – 283.

Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX - начале XX вв. Автореферат диссертации канд. ист. наук. - Омск, 2007. - 24 с.

Плеве И. Проверка на лояльность: деятельность органов НКВД АССР НП в августе 1940 г. – августе 1941 г. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие: 1941–1955 гг.: Материалы 7-й международной научной конференции. Москва, 19–22 октября 2000 г. - М., 2001. - С. 50-57.

Покровский С.Н. Ленин и победа Советской власти в Казахстане. - Алма-Ата: Наука, 1970. – 151 с.

Полочанский Е.А. За новый аул-кстау. - М.: Издательство Казакского представительства, 1926. – 38 с.

Поляков Ю.А. Страна Советов во время образования СССР: национальный состав населения // История СССР. - 1985. - № 1. - С. 67-86.

Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. - М.: ОГИ-Мемориал, 2001. - 328 с.

Полян П.М. Операция «Чечевица»: немцы на Кавказе и депортация вайнахов в марте 1944 г. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX - середина XX в.). Под ред. В. А. Козлова. – М.: РОССПЭН, 2011. - С. 639-649.

Пономарев В.А. Документы и материалы о событиях 1986 года в Казахстане. – М.: Информационно-экспертная группа «Панорама», 1993. – 315 с.

Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК ВКП(б) // Депортированные в Казахстан народы: время и народы. – Алматы: Арыс-Казакстан, 1998. - С. 197-199.

Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1968. Т. 4.

Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске // История Казахстана в русских источниках XVI – XX вв. - Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – С. 303-330.

Потанин Г.Н. Труды по этнографии и фольклору. - Астана: Алтын кітап, 2007. – 248 с.

Потанов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. - 1954. - № 6. - С. 73-89.

Путинцев М. От Семипалатинска до Копала (Из путевых заметок) // Военный сборник. - 1865. - Т. 46. - № 12. - Отд. 2. - С. 365-386.

Пыжиков А.В. Хрущевская оттепель: 1953-1964. - М.: Олма-Пресс, 2002. - 512 с.

V Всеказахская конференция ВКП(б). Стенографический отчет и резолюции. – Кзыл-Орда, 1925.

XV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(б). Стенографический отчет. – М.- Л.: Издательство: Госиздат, 1928. – 1429 с.

Радлов В.В. Из Сибири. - М.: Наука, 1989. – 749 с.

Раздыкова Г.М. История мусульманского образования в Казахстане. - Павлодар: ПГУ, 2010. -150 с.

Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941 – 1945 гг. Сборник документов. Отв. составитель Е.М. Грибанова. - Алматы: ДП «Эдельвейс», 2010. - 604 с.

Революционное движение в Казахстане в 1905 - 1907 годах: Сборник документов и материалов. - Алма-Ата : Казгосиздат, 1955. - 364 с.

Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953-1964 гг. Составители О.В. Хлевнюк и др. - М.: РОССПЭН, 2009. - 774 с.

Резолюции VI Всеказахстанской краевой партийной конференции ВКП(б). - Кзыл-Орда: Издание Казкрайкома ВКП(б), 1928. - 43 с.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и нацио-нальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. – Омск: Наука, 2013. – 248 с.

Ремнев А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. - № 1. – 2011. - С. 169-204.

Рис Л.Э. Культурная жизнь немецкого населения Казахстана (1955–1985 гг.). Автореферат дис. канд. ист. наук. - Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии АН Казахстана, 1991. - 24 с.

Роговин В.З. Сталинский неонэп. - М., 1994. - Т. 3. - 382 с.

Родневич Б. От колониального вырождения к социалистическому рассвету. О Казахстане. – М.: Власть Советов, 1931. – 126 с.

Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. - М.: АСТ, 2004. - 320 с.

Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. - М.: Эксмо; Яуза, 2006. - 640 с.

Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб.: Переселен. Упр., 1910. – 65 с.

Румянцев П.П. Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. Сб. под ред. Г. Ф. Чикина, Н. А. Гаврилова. №9. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1911. - С. 191-224.

Русские. Этносоциологические очерки. Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. – М.: Наука, 1992. – 464 с.

Рыскожа Б. Почему 30 лет назад в Казахстане пытались создать Немецкую автономию. – Электронный ресурс: <http://rus.azattyq.org>.

Рыскулов Т. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сб. ст. - М.: Изд. Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР, 1926. - С. 45-122.

Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Сбор. главнейших статей, докладов, речей и тезисов с предисловием автора. 1917-1918 гг. - Ташкент: Госиздат, 1925, Ч.1.-218 с.

Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. - Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1928. - 86 с.

Савосько В.К. Преобразование Казахской Автономной ССР в союзную республику. - Алма-Ата: АН Каз.ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии, 1951. - 107 с.

Садвокасов С. О национальности и националах // Большевик, 1928. № 1. – С. 56-64.

Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков). - Алматы: Қазақ университет, 2005. - 277 с.

Саид Э. Ориентализм. Пер. с англ. А. В. Говорунов. – М.: Русский Мир, 2006. – 636 с.

Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане (1905-1917 гг.). - Алма-Ата: Наука, 1966. – 376 с.

Сапаргалиев М.С. Возникновение казахской советской государственности (1917-1920 гг.). - Алма-Ата: АН КазССР, 1948. – 129 с.

Сапаргалиев М.С. Казахское советское государство в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Известия АН КазССР. Сер. юрид. - Вып. 2. - Алма-Ата, 1950. - С. 10–29.

Сапаргалиев М.С. Сталинская Конституция и преобразование Казахской автономной ССР в союзную республику // Вестник АН КазССР. - 1947. - № 12(33). - С. 18–24.

Сафаров Г.И. Колониальная революция (Опыт Туркестана). - М.: Госиздат, 1921.- 360 с.

Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V-VI Всеказахских конференций. - Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1927.

Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаяев по КАССР с 1880 по 1922 г. - Оренбург, 1925.

Сванберг И. Казахские беженцы в Турции. Исследование по культурному выживанию в условиях социальных перемен // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. Т. 3. - Алматы: Санат, 2005. - С. 259-446.

Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Киргизский край. Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. XVIII. - СПб., 1903.

Седельников Т. Борьба за землю в Киргизской степи. - Алматы: Полиграфия, 1991. -125 с.

Сеитмеметова С.А. Учебники издательства И. Гаспринского для преподавания светских дисциплин в мусульманских школах // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». - Т. 24 (63). - № 2: спецвыпуск «История Украины». 2011. - С. 105–110.

Сексенбаев О.С. Строительство совхозов в Казахстане (1938-1953 гг.). - Алма-Ата, 1974. - 184 с.

Сембаев А.И. История развития советской школы в Казахстане. - Алма-Ата: Казучпедгиз, 1962.-366 с.

Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. – М.: Вагриус, 2002. – 460 с.

Сенюткина О.Н. Ваисовство в контексте российского политического тюркизма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. - 2006. - N 3. - С. 45-51

Сенюткина О.Н. Третий съезд мусульман России (к 100-летию проведения). - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2006. - 52 с.

Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. - Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, Изд. дом «Медина», 2007. - 520 с.

Сибгатуллина А. Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XX и XX вв. - М.: Исток, 2010. – 250 с.

Сиверс И. Письма из Сибири. Пер. с нем. – Алматы: Ғылым, 1999. – 135 с.

Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. - М., 1987. - С. 83.

Синицын Ф.Л. За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. – М.: Эксмо, 2010. – 413 с.

Сириус М.Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. – 1928. - № 6-7. – С.15-36.

Сириус М.Г. К вопросу о перспективах скотоводства в Казакстане // Народное хозяйство Казакстана. – 1926. - № 1. - С. 27-30.

Скрынникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). - Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2004. – 215 с.

Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого аула // Советская этнография, 1933. - № I. - С.35-44.

Словохотов Л.А. Народ, суд обычного права киргизов Малой Орды // Труды Оренбург. ученой архив. комиссии. - Оренбург, 1905. - Вып. 15. – 160 с.

Смагулов Н.К. Кадровая политика большевиков в партийных и государственных органах Казахстана в 1917-1936 гг. - Караганда: КарГТУ, 2011. – 185 с.

Смит Дж. Оценка советской национальной политики: к построению количественно модели // Новая имперская история постсоветского пространства.

Сб. статей под ред. И. Герасимова и др. – Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. – С. 353-374.

Совершенствование национальных отношений и интернациональное воспитание трудящихся: вопросы теории и практики: сборник статей. Под ред. Б.А. Тулепбаева. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 285 с.

Советская Киргизия // Жизнь национальностей. 2 сентября 1920. № 27.

Советские немцы - история и современность: материалы всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 15-16 ноября 1989 г. – М.: ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. – 383 с.

Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. Составители: А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. - М.: РОССПЭН, 1999. – 519 с.

Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 -1920 гг.). Документы и материалы. - Алма-Ата: Казахстан, 1971. – 224 с.

Современные этнические процессы в СССР. Под ред. Ю.В. Бромлея. – М.: Наука, 1977. – 561 с.

Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Комсомольская правда. - 18 сентября 1990.

Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Языковая ситуация в СССР // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. Под ред. В.М. Солнцева и др. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. - 202 с.

Сорока Н.Н. Крестьянские переселения и их влияние на экономику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Омск, 2009. – 26 с.

Состояние сельского хозяйства Казакской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казакской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год). - М. Переселенческий комитет, 1930. -192 с.

Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921-1925 гг: Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Изд-во Академия наук Казахской ССР, 1962. – 592 с.

СССР по районам. Сост. В.П. Вошинин. - М. - Л., 1929.

Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос: Сборник статей. – М.: ОГИЗ, 1939. - 296 с.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. - М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1952а. – 650 с.

Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии // Сталин И.В. Сочинения. - Т.13. - М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1952 б.

Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Соч. - Т.4. - С.351-363.

Сталинские депортации 1928-1953 гг. Сост. А.Н. Яковлев, Н.Л. Поболь, П.М. Полян. - М.: Международный фонд «Демократия», 2005. – 904 с.

Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. - Оренбург, 1923. - 233 с.

Статистические материалы по подворному обследованию переселенческих хозяйств 9 типичных поселков (4 Кокчетавского и 5 Петропавловского уездов) Акмолинской области за 1910 год. - Омск: Издание Акмолинского переселенческого района Г.У.З. и З., 1911. – 105 с.

Стенографический отчет II съезда Советов КАССР. - Оренбург, 1924.

Сужиков М.М. Образование СССР и социальный прогресс казахского народа. - Алма-Ата: Казахстан, 1981. - 192 с.

Сужиков М.М. Особенности Октябрьской социалистической революции в Казахстане. - Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. - 96 с.

Сужиков М.К. Национальная идентификация и динамика этнических процессов в зарубежных центрально-азиатских исследованиях. – Алматы: ИИЭ, 1997. – 65 с.

Сужиков М.М., Демаков Г.А. Влияние подвижности населения на сближение наций. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 200 с.

Сужиков М.М., Сапаргалиев Г.С. Некоторые философско-правовые проблемы совершенствования культуры межнациональных отношений. - Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 79 с.

Сулейменов Б. С., Елеуов Т. Аграрный вопрос в Казахстане. - Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР, 1963. – 410 с.

Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Восстание 1916 года в Казахстане: Причины, характер, движущие силы. - Алма-Ата: Наука, 1977. - 164 с.

Сулейменов О. Красота спасет мир... Да, если мы спасем красоту // Евразия. – 1993. - № 1. – С. 44.

Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. - Алма-Ата: Наука, 1987. - 88 с.

Сулейменов Р.Б. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане: (Исторический опыт развития социалистической культуры народов, миновавших стадию капитализма). - Алма-Ата: Наука, 1972. – 495 с.

Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов: История строительства советской культуры Казахстана. 1917-1965 гг. - Алма-Ата: Наука, 1967. - 424 с.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. - М.: АСТ, 2006. - 445 с.

Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // Одиссей: Человек в истории. - М.: Наука, 1989. - С. 219—240.

Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы. – Алматы: Гылым, 1998. – 272 с.

Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. I. - М., 1959.

Тайны национальной политики ЦК РКП. (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12

июня 1923 г. Москва. Бюро секретариата ЦК РКП, июнь, 1923 г.). -М.: ИНСАН, 1992. - 296 с.

Таннберг Т. Новый курс Л. Берии по подавлению движения сопротивления в Прибалтике и Западной Украине весной 1953 г. // Түна: Спецвыпуск по истории Эстонии с XVII по XX век. Сост. Т. Таннберг, О. Раун. - Тарту - Таллинн, 2006. – С. 192-210.

Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы, 1944-1956: исследования и документы. – Тарту: Tartu University Press, 2008. – 374 с.

Таскужина К.Ж. Некоторые вопросы социальной структуры переселенческой деревни Северного Казахстана накануне массовой коллективизации (1926-1929) // Вопросы социалистического строительства в Казахстане. - Алма-Ата, 1979. - С.48-57.

Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: (проблемы становления и развития). – Алма-Ата: Наука, 1982. - 256 с.

Тастанов Ш.Ю. Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов (на примере Казахстана). - Алма-Ата: Казахстан, 1975. – 200 с.

Татимов М.Б. До обвальной миграции еще далеко // Казахстанско-Российская газета. 1995. № 6. - С. 15.

Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 128 с.

Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 125 с.

Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничном государстве: Материалы международной конференции 1993 г. - М.: Наука, 1994. – С. 9-34.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). - М.: Наука, 2001. – 533 с.

Тогжанов Г. Казахский колониальный аул. – М., 1934. – 227 с.

Тогжанов Г.С. Еще раз о буржуазно-националистической концепции тов. Рыскулова // Большевик Казахстана. - 1935. - № 6. - С. 68-86.

Толепбергени Ж.Т. Мусульманское движение в Западном Казахстане и Южном Урале: особенности и тенденции взаимодействия (конец XIX и начало XX вв.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. - Актобе, 2010.

Толкачев В.Г. Химическая промышленность Казахстана. - Алма-Ата: Минздрав КазССР, 1970.- 144 с.

Толыбеков С.Е. Кочевое хозяйство казахов в XVII- начале XX века. - Алма-Ата: Наука, 1971. – 633 с.

Томилов Н.А., Васильев В.И., Васильевский Р.С. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI-начала XX вв. - Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1992. – 270 с.

Томохико У. Взгляды царских генералов на кочевников и их «воинственность» (По поводу неосуществленного плана о формировании конной милиции в Туркестане // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: История и проблемы. Материалы Международной конференции. - Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – С. 194-209.

Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV-XVIII вв. - М.: Восточная литература, 2007. – 256 с.

Третий Всероссийский мусульманский съезд: Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде. 16- 21 августа 1906 г. - Казань, 1906.

Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 57. Степной край. - СПб.: Тип. Киршбаума, 1903. – 122 с.

Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. Под ред. Л.С. Будиловича - СПб., 1905.

Туганбаев А. Казахская ССР в союзе равных. - Алма-Ата: Казахстан, 1972. - 192 с.

Туганбаев А. Октябрьская революция и развитие казахской советской национальной государственности. - Алма-Ата: Казахстан, 1967. – 136 с.

Тулепбаев Б.А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. - М.: Наука, 1984. – 269 с.

Турсунбаев А.Б. Дорогой борьбы и свершений: Из истории казахского аула. - Алма-Ата: Казахстан, 1971. - 168 с.

Турсунбаев А.Б. Казахстан в революции 1905-1907 годов. - Алма-Ата: Мектеп, 1987. - 88 с.

Турсунбаев А.Б. Казахский аул в трех революциях. - Алма-Ата: Казахстан, 1967. - 481 с.

Турсунбаев А.Б. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. - Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1963. – 112 с.

Турсунбаев А.Б. Роль русского народа в социалистическом преобразовании Казахстана. - Алма-Ата, 1950.- 103 с.

Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. - Алма-Ата: Наука, 1977. – 182 с.

Уманский Я.Н. Советское государственное право. Под ред. К.А. Мокичева. - М.: Госюриздат, 1959. - 434 с.

Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. - СПб.: Тип. Департамента уделов, 1879. – 342 с.

Устинов А. О казахи мои // Жизнь национальностей. – 1998. - № 5-6. – С. 63-69.

Устинов В.М. Турар Рыскулов. – Алматы: Казахстан, 1996. – 464 с.

Фальк И.П. Описание всех национальностей России. - Алматы: Гылым, 1999. – 136 с.

Февр Л. Бои за историю. - М.: Наука, 1991. - 632 с.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. - М.: Воениздат, 1961. – 248 с.

Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. – М.: Альфа и Омега, 1992. – 48 с.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2006. – 730 с.

Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в российском сообществе (конец XVIII – начало XX веков»). Автореф. дисс. доктора истор. наук. - Казань, 2002.

Хабутдинов А.Ю. Туркестанское восстание 1916 г.: пролог конца Российской империи // Ислам в Содружестве Независимых Государств. - 2011. - № 3(4).

Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань: Idel-Press, 2001. – 381 с.

Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. - Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. - 60 с.

Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры // URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss5.html> (дата обращения 15.01.2014).

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. - Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.

Хасанов Б.Х. Механизм введения и реализации закона о языках Казахской ССР и пути внедрения государственного языка в различные сферы жизни. - Алма-Ата: Наука, 1990. - 30 с.

Хасанов Б.Х. Национальные языки, двуязычие и многоязычие: поиски и перспективы. - Алма-Ата: Казахстан, 1989. - 136 с.

Хенци П. Спектр и последствия внутреннего националистического диссидентства: исторические и функциональные сравнения // Советские национальности в стратегической перспективе. - М.: Прогресс, 1986. С. 33-70.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. –М.: РОССПЭН, 2010. – 479 с.

Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация: между большой политикой и текущими задачами советского строительства // European researcher, 2011. № 6 (9). – С. 963-970.

Хоскинг Д. Доверие и недоверие в СССР: общий обзор // Неприкосновенный запас. – 2011. - № 6 (92) // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/201/4/i15.html> (дата обращения 28.11.2014).

Хоскинг Д. Советский опыт был не так уж и плох // Неприкосновенный запас. – 2011. - №4(78) // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/4/i15.html> (дата обращения 25.12.2011).

Хостлер Ч. Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели. Пер. с англ. Г.М. Мендикуловой. – Алматы: Санат, 2006. – 288 с.

Хоффман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. 1944-1945. - М.: АСТ, Астрель, 2006. – 540 с.

Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. Пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М. Б. Гнедовского. - М.: Праксис, 2002. – С. 121-145.

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. – М.: Вагриус, 1997. – 564 с.

Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Том 1. Сентябрь 1953 года - январь 1955 года / Хрущев Н.С. Собрание сочинений. - М.: Госполитиздат, 1962. - 496 с.

Центральная Азия в составе Российской империи. Отв. редакторы С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. - 464 с.

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933-1945. Сост. Л.С. Гатагова, Л. Кошелева, Л.А. Роговая. - М.: Росспэн, 2009. – 1096 с.

ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. Сост. Л.С. Гатагова, Л. Кошелева, Л.А. Роговая. - М.: Росспэн, 2005. -

Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации, 1925-1938 гг. Т.1. – М.: Московский дом национальностей, 2008. – 831 с.

Челинцев А.Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. – 1928. - № 3-5. – С. 1-39.

Черников В.С. Колонизация края // Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. - Алматы: Казахстан. – С. 69-88.

Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. – М.: ТЕРРА, Республика, 1997. – 336 с.

Чешко С.В. Распад Советского Союза. - М.: ИЭА РАН, 2000. - 397 с.

Чешко С.В. Этническая политика в Российской империи и СССР: исторические, политические и правовые аспекты // Вестник антропологии. - М., 2014. - № 1(27). – С. 7-22.

Чистяков О.И. Конституция СССР 1924 года. - М.: Зерцало-М, 2004. – 224 с.

Чистяков О.И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти: По материалам национальных районов Среднего Поволжья // Правоведение. -1965. - № 1. - С. 164 – 168.

Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны (1918-1920). - М.: Изд-во Московского университета, 1964. – 90 с.

Чокин Ш. На путях формирования и становления Академии // Путь Национальной Академии наук. Т. 1. - Алматы: Гылым, 1996. -256 с.

Чорманов М. О скотоводстве у киргизов Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. - 1883. - № 1. - С. 41-50.

Чуев Ф.И. Полудержавный властелин. - М.: Олма-Пресс, 2002. — 736 с.

Чупеков А. Первые мероприятия Советской власти по решению аграрного вопроса в Казахстане (1920-25 гг.) // Ученые записки КазГУ. Сер. истор. - Т. 43. - Вып. 1. (7). - 1961.

Шалекенов У.Х., Шалекенов М.У. История и этнология народов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в XVIII – XX вв. - Алматы: Казак университеті, 2003. – 312 с.

Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. - Черкесск: КЧФ МОСУ, 1999. - 116 с.

Шаукенова З.К. Социальное взаимодействие этносов в современном казахстанском обществе. - Астана, 2002. – 128 с.

Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община: Вопросы образования, эволюции и разложения. - Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1964. - 206 с.

Шварц Ф. Туркестан – ветка индогерманских народов // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. Т.5. Ч.1. - Алматы: Санат, 2006. – 175-240.

Швецов С.П. Природа и быт Казакстана // Казакское хозяйство в его естественноисторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской АССР. - М.-Л.: Наркомзем КазССР, 1926. – С. 93-105.

Шершнева Е.А. Проблемы реформирования мусульманского образования в Российской империи в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. - Барнаул, 2012. - № 4. - С. 266-269.

VI Всеказакская конференция ВКП(б). 15-23 ноября 1927 г. Стенографический отчет. - Кызыл-Орда: Казкрайком ВКП(б), 1927. - 387 с.

Шимырбаева Г. Исмаил Юсупов: Моя совесть перед народом Казахстана чиста // Казахстанская правда. - 2004. - 21 апреля. – С. 4.

Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // Известия Уральского федерального университета. - Екатеринбург, 2011. - Серия 2: Гуманитарные науки. - № 96. – С. 110-123.

Шишкин В.И. На таком пути к желательному соглашению придти трудно». Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство: несостоявшийся союз (1918 г.) // Исторический архив. - М., 2009. - № 1. - С. 100–136.

Шкаратан О.И. НТР и национальные процессы. – М.: Наука, 1987. - 247 с.

Шокай-оглы М. Туркестан под властью Советов (к характеристике диктатуры пролетариата). – Алма-Ата: Айкап, 1993. – 160 с.

Шотбакова Л.К. Национальный аспект переселенческой политики и коренизации в Казахстане в 1917-1941 годы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1995. – 25 с.

Шрейдер М.П. НКВД изнутри: записки чекиста. – М.: Возвращение, 1995. – 254 с.

Шринивас М.Н Запомнившаяся деревня. Рассказы о странах Востока. - М.: Наука, 1988. - 368 с.

Штомпка П. Доверие - основа общества.- М.: Логос, 2012. – 450 с.

Штульберг А.В. Некоторые вопросы участия немцев в трудовой армии в период 1941–1945 гг. // История немцев Центральной Азии: материалы Международной научной конференции. Алматы, 9–10 октября 1997 г. - Алматы, 1998. - С. 120-128.

Щеблыкина Е.А. Бразильские немцы: проблемы идентичности и функционирования сообщества // Политические изменения в Латинской Америке. Сборник статей памяти Сергея Ивановича Семенова. Сост. А.А. Слинько и М.В. Кирчанов. – Воронеж: ВГУ, 2008. № 3-4. – С. 22-27.

Щербина Ф.А. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. Публичная лекция, читанная в пользу Воронежского общества вспомоществования учащимся. - СПб., 1905. – 48 с.

Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. – М.: АИРО-XX, 2003. – 352 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – С-Пб: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. – 750 с.

Яковлев Н. Итоги латинизации алфавитов в СССР // Революция и письменность. – М., 1932. - № 4-5. – С. 25-43.

Ямзин И.Л. Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М. - Л.: Госиздат, 1926. – 332 с.

Agarwal, N.N. Soviet Nationalities Policy. - Sri Ram Mehra, 1969. - 452 p.

Allworth, E. Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview. - Durham: Duke University Press, 1994. – 650 p.

Anderson, J. The International Politics of Central Asia. - Manchester: Manchester University Pr., 1997. – 225 p.

Bennigsen, A. Soviet Muslims and the Muslim World // Soviet Nationalities in Strategic Perspective. - London: Croom Helm. 1985. P. 207-226.

Bennigsen, A. The Bolshevik Conquest of the Moslem Borderlands // The Anatomy of Communist Takeovers. - London, 1975. Pp. 63-70.

Bennigsen, A., Wimbush, S.E. Muslims of the Soviet Empire: A Guide. - London: C.Hurst & Co., 1986. - 286 p.

Bennigsen, A., Wimbush, S.E. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. - Berkeley and Los Angeles: University of California Pr., 1985. – 195 p.

Bennigsen, A., Wimbush, S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. - Chicago: The University of Chicago Pr., 1979. - 304 p.

Bergne, P. The Kokand Autonomy, 1917-1918: Political Background, Aims and Reasons for Failure // Central Asia: Aspects of Transition. - London: New Fetter Lane, 2003. - Pp. 30-44.

Bhavna Dave. Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. – N-Y: Routledge, 2007. - 242 p.

Blank, S. The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917-1924. - Westport: Greenwood Press, 1994. - 295 p.

Carrère d'Encausse, H. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia. - Berkeley and Los Angeles: University of California Pr., 1988.

Conquest, R. Soviet Nationalities Policy in Practice. - Praeger, 1967. -160 p.

Conquest, R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-famine. - Oxford University Pr., 1990. – 570 p.

Conquest, R. The Nation Killers: the Soviet Deportation of Nationalities. - Macmillan, 1970. – 222 p.

Curan, S.L., Ponomareff, D. Managing the Ethnic Factor in the Russian and Soviet Armed Forces. An Historical Overview. - Santa Monica, Calif.: Rand. – 45 p.

De Cordier, B. The Fedayeen of the Reich: Muslims, Islam and Collaborationism During World War II // China and Eurasia Forum Quarterly. Vol. 8. N 1. 2010. - Pp. 23 - 46.

Dowler, W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860-1917. - McGill-Queen's Pr., 2001. – 296 p.

Gambetta, D. Can We Trust Trust? // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. – Oxford: Basil Blackwell, 1988. - Pp. 213-237.

Geertz, C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa Ed. by Geertz C. – N-Y: The Free Press; London, UK: Collier-Macmillan Ltd., 1963. - P. 105-157.

Geraci, R. P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. - Ithaca and London: Cornell University Pr., 2001. – 389 p

Hayit, B. Islam and Turkestan under Russian Rule. – Istanbul: Can Matbaa, 1987. – 549 p.

Henze, P.B. The Central Asian Muslims and Their Brethren Abroad - Marxist solidarity or Muslim brotherhood? // Central Asian Survey , vol. 3, no. 3. - 1984. – P. 51-68.

Hirsch, F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. - Cornell University Press, 2005. – 367 p.

Hosking, G. Trust: A History. - Oxford: Oxford University Pr., 2014. – 224 p.

Karpat Kemal, H. The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. - Oxford: Oxford University Pr., 2001. -544 p.

Keyes, Ch.F. The Dialectics of Ethnic Change // Ethnic Change. – Seattle: University of Washington Press, 1981. - Pp. 4-30.

Keyes, Ch.F. The Golden Peninsula: Culture and Adaptation in Mainland Southeast Asia. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1995. – 370 c.

Knigh, A. Beria: Stalin's First Lieutenant. - Princeton: Princeton University Press, 1995 – 312 p.

Kolarz, W. Russia and her Colonies. - Archon Books, 1967. – 334 p.

Lemercier-Quelquejay, Ch. From Tribe to Umma // Central Asian Survey. Vol. 3. 1984. - Pp. 15-26.

Merridale, C. Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939-1945. - New York: Picador, 2007. – 480 p.

Morrison, A. Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 13, N. 2. (2012). - Pp. 327-364.

O'Connor, K. Intellectuals and Apparatchiks: Russian Nationalism and the Gorbachev Revolution. – Lanham: Lexington Books, 2006. – 330 p.

Olcott, M.B. The Emergence of National Identity in Kazakhstan // *Canadian Review of Studies in Nationalism*. - Charlottetown, 1981. Vol. VIII. № 2. P. 285-300.

Olcott, M.B. The Kazakhs. - Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. – 388 p.

Olcott, M.B. The Fabrication of a Social Past: The Kazakhs of Central Asia // *Political Anthropology Yearbook 1. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics*. - New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. - Pp. 193-213.

Olcott, M.B. Pastoralism, Nationalism and Communism in Kazakhstan // *Canadian - American Slavic Studies*. Salt Lake City, Utah, 1983. Vol. 17. № 4. P. 528-544.

Paksoy, H.B. Central Asia Reader: the Rediscovery of History. - N-Y: M.E. Sharpe Incorporated, 1994. – 206 p.

Park, A.G. Bolshevism in Turkestan: 1917-1927. – N-Y: Columbia University Press, 1957. – 428 p.

Pierce, R.A. Russian Central Asia, 1867-1917: A Study in Colonial Rule. - Berkeley and Los Angeles: University of California Pr., 1960. - 359 p.

Pohl, J.O. The Stalinist Penal System: A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930-1953. - McFarland & Company Incorporated Pub, 1997. – 165 p.

Rakowska-Harmstone, T. Russia and Nationalism in Central Asia: the Case of Tadzhikistan. - Johns Hopkins Press, 1970. – 325 p.

Roberts, G.L. Commissar and Mullah: Soviet-muslim Policy from 1917 to 1924. - Florida, 1990. – 208 p.

Rywkin, M. Moscow's Lost Empire. - N-Y: M. E. Sharpe Incorporated, 1994. - 248 p.

Rywkin, M. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. - New York: M.E. Sharpe, 1990 г. – 181 p.

Seton-Watson, H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. - Westview Pr., 1977. - 563 p.

Siroky, D.S. Secession and Survival: Nations, States and Violent Conflict. - Duke University, 2009. – 334 p.

Smith, J. The Bolsheviks and the National Question, 1917-1923. - Basingstoke, 1999.

Smith, J. The Origins of Soviet National Autonomy // Revolutionary Russia. 1997. December. Vol. 10. N. 2.

Snyder, T. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. - N-Y: Basic Books, 2010. – 524 p.

Suny, R.G., Naimark N.M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford: Stanford University Pr., 1993. – 224 p.

Ulam, A.B. Stalin: The Man and His Era. - London: Tauris Parke Paperbacks, 2007. – 760 p.

Ulam, A.B. The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. - N-Y: Harvard University Press, 1998. – 598 p.

Vaidyanath, R. The Formation of the Soviet Central Asian Republics: A Study in Soviet Nationalities Policy, 1917-1936. - New Delhi: PPH, 1967. – 297 p.

Laue, Th., von. The Fate of Capitalism in Russia: The Narodnik Version // The American Slavic and East European Review. Vol.13. - N1. – 1954. - Pp. 11-28.

Laue, Th., von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution. 1900 - 1930. - Philadelphia, N.Y.: J.B. Lippincott, 1964. - 242 p.

Laue, Th., von. Russian Labor between Field and Factory 1892-1903 // California Slavic Studies. Vol. 3. - Berkeley; London: University of California Press, 1964. - P. 33-65.

Wade, R.A. The Russian Revolution, 1917. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. – 337 p.

Wimmer, A. Nationalist Exclusion and Ethnic Conflict: Shadows of Modernity. - Cambridge University Press, 2002. – 319 p.

Zenkowsky, S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. - Cambridge: Mass, 1960. - 345 p.

Zhou, J. The Muslim Battalions: Soviet Central Asians in the Soviet-Afghan War // Journal of Slavic Military Studies. Vol. 25 (3). 2012. - Pp. 302-328.